Проф. М. К. Любавскій.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ

(ПРИБАЛТІЙСКИХЪ, ЧЕХОВЪ И ПОЛЯКОВЪ).

Лекціи, читанныя въ М. Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Москвѣ.

МОСКВА.
1917.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер., собственный домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появленіе настоящихъ лекцій въ печати ближайшимъ образомъ вызвано желаніемъ автора дать для своихъ слушателей въ Московскомъ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ подходящее учебное пособіе по исторіи западныхъ славянъ. Въ русской литературѣ нѣтъ такого пособія, и учащимся въ высшихъ школахъ приходится почерпать первыя свѣдѣнія по исторіи западныхъ славянъ изъ отрывочныхъ записей и неисправныхъ литографій лекцій, изъ разныхъ переводныхъ и оригинальныхъ книгъ и статей, либо черезчуръ громоздкихъ, либо черезчуръ краткихъ и сжатыхъ. Отсутствіе цѣльнаго и связнаго очерка исторіи западныхъ славянъ является сильнымъ тормозомъ въ усвоеніи этого предмета въ высшей школѣ и препятствуетъ развитію научныхъ интересовъ въ этомъ направленіи вообще. Это обстоятельство и побудило автора напечатать свой курсъ по исторіи западныхъ славянъ въ томъ видѣ, въ какой онъ отлился послѣ неоднократныхъ передѣлокъ въ разные академическіе годы. При этомъ авторъ имѣлъ также въ виду, что общій курсъ исторіи западныхъ славянъ, изложенный съ достаточною полнотою и простотою, можетъ представить интересъ и не для однихъ только учащихся въ высшихъ школахъ, но и для широкой публики, особенно въ настоящее время—обостреннаго вниманія и интереса къ судьбамъ славянъ. Въ своемъ изложеніи авторъ удѣлялъ много мѣста формамъ общественнаго и государственнаго строя западныхъ славянъ, разсчитывая оказать этимъ извѣстную помощь въ изученіи не только общей исторіи западныхъ славянъ, но и исторіи ихъ права, каковое изученіе предположено ввести въ ближайшее время въ циклъ наукъ юридическихъ факультетовъ. Стремясь связать генетически настоящее западнаго славянства съ его прошлымъ, авторъ естественно долженъ былъ удѣлять больше мѣста ближайшему прошлому передъ отдаленнымъ, чѣмъ и обусловилось распредѣленіе матеріала курса. Исторія польскаго народа, какъ наиболѣе близкаго къ русскому народу по связи ихъ исторіи, изложена съ большею подробностью. Соединеніе въ одномъ общемъ очеркѣ исторіи прибалтійскихъ славянъ, чеховъ и поляковъ обусловилась не только учебными, но и научными соображеніями. Исторія западныхъ славянскихъ племенъ связана и вну-

тренне, и внѣшне: внутренне—сходствомъ соціально-политической эволюціи и культурнаго развитія, внѣшне—общностью борьбы за существованіе, понесенными въ этой борьбѣ жертвами и потерями и конечною злою ироніею судьбы, заставившей чуть ли не большинство ихъ сражаться въ рядахъ своихъ исконныхъ поработителей и истребителей. Не переоцѣнивая достигнутыхъ результатовъ, авторъ смотритъ на свой трудъ, какъ на первый необходимый починъ, могущій вызвать болѣе совершенные опыты.

М. Любавскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

Стр.

I.

Научные интересы, связанные съ изученіемъ исторіи западныхъ славянъ.

Изложенію исторіи западныхъ славянъ необходимо предпослать нѣсколько словъ о научномъ значеніи этой исторіи вообще, и въ частности о ея мѣстѣ въ системѣ факультетскаго преподаванія. Но предварительно установимъ, какія племена надо разумѣть подъ именемъ западныхъ славянъ.

Племена западныхъ славянъ. Къ этой вѣтви славянства принято относить слѣдующія племена: *чеховъ*, населяющихъ котловины верхней Эльбы и ея притоковъ, котловину притока Дуная—Моравы и частью верхнее теченіе Одера; *словаковъ*, живущихъ на юго-востокѣ отъ чеховъ, въ горной странѣ къ сѣверу отъ среднедунайской низины, по лѣвымъ притокамъ Дуная—Ваагу, Нитрѣ, Грону, и по правымъ притокамъ верхней Тиссы; *лужичанъ*, *или лужицкихъ сербовъ*, живущихъ на верхней Шпрее въ Саксонскомъ королевствѣ; *поляковъ*, сосредоточившихся преимущественно въ бассейнахъ Вислы и праваго притока Одера—Варты; и наконецъ—славянъ *прибалтійскихъ*, жившихъ нѣкогда по нижней Эльбѣ и Одеру и ихъ притокамъ и по всему побережью Балтійскаго моря до Вислы, а также на прилегающихъ островахъ. Всѣ эти племена выдѣляются въ особую группу не только по ближайшему своему территоріальному сосѣдству, но и по ближайшему родству нарѣчій и культуръ.

Итакъ, какіе же научные запросы находятъ себѣ удовлетвореніе въ изученіи исторіи западныхъ славянъ?

Это изученіе прежде всего должно раскрыть и объяснить фактъ тѣхъ народныхъ потерь, которыя понесло славянство по сосѣдству съ германскимъ міромъ. Какъ извѣстно, славянскія племена, жившія по нижней Эльбѣ и по берегамъ Балтійскаго моря, сошли совершенно съ исторической сцены, отчасти истребленныя нѣмцами, отчасти онѣмеченныя до полной утраты своей народности. Тамъ, гдѣ жили въ старину *бодричи*, *лютичи и поморяне* въ настоящее время живутъ нѣмцы Голштиніи, Мекленбурга, Бранденбурга и Помераніи, и только въ названіяхъ селеній и урочищъ, въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ этихъ нѣмцевъ съ трудомъ можно распознать слѣды

былого здѣсь славянства, о которомъ говорятъ письменныя свидѣтельства минувшихъ вѣковъ. Отъ всего прибалтійскаго славянства уцѣлѣла небольшая горсточка, тысячъ 140 такъ называемыхъ *кашубовъ*, живущихъ въ восточной Помераніи и западной Пруссіи. Какъ произошла эта перемѣна, вопросъ, естественно навязывающійся всякому, кто захочетъ себѣ дать отчетъ въ наличномъ расположеніи національныхъ силъ Европы, и отвѣтъ на него, конечно, нельзя искать только въ изученіи исторіи Германіи, но и въ изученіи исторіи западнаго славянства.

Ихъ современное политическое положеніе. Уцѣлѣвшіе до настоящаго времени западные славяне обращаютъ на себя вниманіе прежде всего своимъ положеніемъ въ современной политической организаціи Европы. Въ то самое время, какъ восточные славяне образуютъ огромное національное государство—Русскую имперію, въ то время, какъ даже южные славяне, болгары, сербы, имѣли свои, хотя и небольшія, но независимыя государства, западные славяне, не имѣютъ своихъ собственныхъ національныхъ государствъ и входятъ въ составъ государствъ, основанныхъ другими народами, отчасти, какъ простой этнографическій матеріалъ, отчасти какъ обыватели съ нѣкоторыми мѣстными политическими правами. Такимъ образомъ, поляки живутъ въ Россіи, Австріи и Пруссіи, чехи въ Австріи, кашубы въ Пруссіи, лужичане въ Саксоніи, словаки въ Венгріи. Этотъ фактъ могъ бы и не останавливать на себѣ особеннаго вниманія, если бы западные славяне были расхватаны сосѣдями въ то время, когда стояли еще на низкихъ ступеняхъ политическаго и культурнаго развитія и представляли податливый этнографическій матеріалъ для укладки въ формы чужихъ соціально-политическихъ организацій. Но мы знаемъ, что такъ обстояло дѣло только съ меньшею частью наличнаго западнаго славянства съ словаками, кашубами, и лужицкими сербами. Чехи же и поляки сдѣлались подданными чужихъ государствъ только послѣ крушенія собственныхъ національныхъ государствъ съ развитою и сложною организаціею, съ относительно высокою гражданственностью. Эти государства въ былое время не только обезпечивали ихъ собственную независимость и самобытность, но даже поглощали въ себѣ и ассимилировали сторонніе этнографическіе элементы. Таково было особенно Польское государство, которое въ XV—XVI в. расширилось на счетъ нѣмцевъ, литовцевъ и русскихъ, а въ началѣ XVII в. недалеко было и отъ поглощенія всей Руси. Господствующая народность въ этомъ государствѣ ассимилировала множество переселившихся въ него или покоренныхъ нѣмцевъ и полонизовала высшіе классы въ Литвѣ и Западной Руси. Таково же было отчасти и Чешское государство, которое въ XIII в. расширилось на счетъ нѣмцевъ, въ концѣ XIII и началѣ XIV в. было близко къ политическому объединенію въ себѣ всѣхъ западныхъ славянъ, въ XIV и началѣ XV вѣковъ—къ установленію своей гегемоніи въ Германіи. Съ теченіемъ времени, однако, оба эти государства перестали существовать: Польша подѣлена была со-

сѣдями, Чехія превратилась въ провинцію Габсбургской монархіи. Такое политическое банкротство, постигшее западныхъ славянъ, несмотря на всѣ потраченныя ими усилія къ объединенію, къ поддержанію и развитію своей политической самобытности, несмотря даже на всѣ ихъ успѣхи въ этомъ отношеніи, естественно выдвигается, какъ проблема высокого научнаго интереса. Разрѣшенія этой проблемы, разумѣется, нельзя искать въ однихъ только неблагопріятныхъ стеченіяхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя привели къ крушенію названныя государства, но и во внутренней исторіи этихъ государствъ, въ данныхъ ихъ экономическаго, соціально-политическаго и духовнаго развитія.

Культура и національное самоопредѣленіе западныхъ славянъ (чеховъ и поляковъ).—Западные славяне останавливаютъ на себѣ вниманіе не только своимъ политическимъ положеніемъ, но также и своею культурною близостью къ сосѣднему германо-романскому міру. Этотъ фактъ наглядно выражается во многихъ явленіяхъ западно-славянской жизни какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Укажу, напр., хотя бы на употребленіе латинской азбуки, на принадлежность къ тѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, которыхъ держатся и германо-романскіе народы, и т. д. Западные славяне гораздо ранѣе, чѣмъ восточные и южные, и гораздо ближе, чѣмъ тѣ и другіе, породнились духовно съ народами Запада и уже давно перешли отъ пассивныхъ заимствованій къ дѣятельному и живому сотрудничеству съ ними на полѣ общечеловѣческой культуры. Укажу, напр., па чеховъ, которые ранѣе нѣмцевъ принялись за дѣло церковной реформы, показали и до извѣстной степени расчистили послѣднимъ путь въ этомъ отношеніи. Укажу также и на поляковъ, которые въ лицѣ Коперника положили начало въ преобразованіи человѣческаго міропознанія и т. д. Съ этой стороны исторія западныхъ славянъ, какъ культурныхъ народовъ, не можетъ не возбуждать живого интереса: чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ болѣе подлежитъ изученію и его прошлое.

Въ этомъ прошломъ приходится искать отвѣта и на другой вопросъ, который ставитъ наблюденіе надъ современною жизнью западнаго славянства. Западные славяне несмотря на потерю политической самобытности, несмотря на тѣсное духовное общеніе съ романо-германскимъ міромъ, остались въ большинствѣ все-таки славянами, не утратили ни родного языка, ни національнаго чувства, ни мѣстныхъ привязанностей и отчасти даже общественныхъ симпатій. Они выступаютъ въ настоящее время въ качествѣ особыхъ культурно-историческихъ народностей, имѣющихъ свои преданія отъ прошлаго, свои интересы и стремленія въ настоящемъ, и свои надежды въ будущемъ. Сами собою поэтому навязываются вопросы, какъ это могло случиться, какъ смогли западные славяне въ большинствѣ удержать свою народность подъ напоромъ чуждыхъ стихій, при помощи какихъ средствъ и при содѣйствіи какихъ обстоятельствъ. Уясненіе всего этого для насъ, русскихъ, имѣетъ не только теоретическое, но и жизненное значе-

ніе, ибо даетъ возможность оцѣнить должнымъ образомъ позицію, занятую западными славянами въ семьѣ европейскихъ народностей, и взвѣсить до извѣстной степени ихъ шансы въ будущемъ.

Въ недавнее время европейскими учеными. публицистами, государственными и общественными дѣятелями настойчиво выдвигалась мысль о томъ, что національнымъ вопросамъ въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ сойти съ очереди въ жизни человѣчества, что направляющими мотивами станутъ мотивы экономическіе и соціальные. Переживаемыя нынѣ событія, проявившаяся въ нихъ стихійная національная борьба показали, что эти мечты пока еще преждевременны.

Борьба за существованіе между національностями продолжается въ настоящее время во всей ея остротѣ и несомнѣнно продолжится и въ будущемъ. При такихъ обстоятельствахъ приходится обнимать не только мыслью, но и чувствомъ національную жизнь и стремленія разныхъ народностей, а въ особенности, конечно, народностей родственныхъ, природою предназначенныхъ къ взаимной поддержкѣ и союзу въ рѣшительныхъ коллизіяхъ международной борьбы. Но національная жизнь и стремленія народовъ не могутъ быть поняты и оцѣнены безъ изученія ихъ прошлаго, ихъ исторіи.

Особенности историческаго развитія западнаго славянства и важность сравнительнаго изученія его исторіи съ исторіей германо-романскаго міра.—Научные запросы, предъявляемые къ исторіи западныхъ славянъ, не ограничиваются только тѣми, которые порождаются ихъ современнымъ положеніемъ и ролью въ семьѣ европейскихъ народовъ. Прошлое этихъ народовъ само по себѣ, независимо отъ настоящаго, возбуждаетъ пытливость историка и даетъ обильную пищу его мысли, ищущей закономѣрности въ общественныхъ явленіяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдается прошлое Польскаго народа. Поляки создали такое оригинальное государство, подобнаго которому не было въ исторіи. Своеобразіе его устройства привлекало къ нему еще въ XVIII столѣтіи вниманіе политиковъ-теоретиковъ и философовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Мабли и Руссо, посвятили цѣлые трактаты обсужденію его достоинствъ и недостатковъ. Тѣмъ болѣе интереса для науки представляетъ это своеобразное государство въ настоящее время, когда оно уже отошло въ область прошлаго и такъ или иначе прошло черезъ окончательный фазисъ своего развитія, проявилось въ его конечныхъ результатахъ. Чрезвычайно важно выяснить, какимъ образомъ могло сложиться столь оригинальное государство, въ которомъ одна часть населенія имѣла самыя широкія права и не имѣла почти никакихъ обязанностей передъ государствомъ, которое носило имя монархіи, но на самомъ дѣлѣ было дворянскою республикою, демократическою по конституціи, олигархическою и охлократическою на практикѣ, государство, которое по царившему въ немъ безнарядью, возведенному въ принципъ, было своего рода осуществленіемъ идеала

анархіи, отрицаніемъ государства. Выясненіе генезиса подобнаго государства можетъ дать не мало поучительныхъ наблюденій и выводовъ соціологическаго характера, цѣнныхъ для будущей науки объ обществѣ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи цѣнныя наблюденія и выводы можетъ дать не только изученіе исторіи Польши, но и Чехіи и всего вообще западнаго славянства. Эта исторія представляетъ такъ или иначе продолжительную и сложную эволюцію, которая своимъ началомъ восходитъ ко временамъ общей совмѣстной жизни славянства, сплетается въ средніе вѣка съ общественною эволюціею романо-германскаго міра и приходитъ вмѣстѣ съ нею къ аналогичнымъ и сходнымъ результатамъ. Раскрытіе этой сложной эволюціи и историческое объясненіе ея конечныхъ результатовъ должно обобщить тѣ самые выводы, которые получаются обыкновенно при изученіи общественной эволюціи германо-романскаго запада. Поэтому и наука такъ называемой всеобщей исторіи не можетъ игнорировать западныхъ славянъ безъ ущерба для глубины и основательности своихъ обобщеній. На Западѣ уже давно сознали это, и не мало труда положено уже тамошними какъ славянскими, такъ и нѣмецкими учеными, на раскрытіе исторической эволюціи западнаго славянства. Въ послѣднее время, когда вниманіе ученыхъ поглощено преимущественно экономическою и соціальною жизнью народовъ, можно констатировать особенное оживленіе интереса къ ранней исторіи западныхъ славянъ. Плодомъ этого являются, напр., такіе колоссальные труды, какъ «Соціальная исторія Богеміи» извѣстнаго историка культуры Липперта. Въ этихъ трудахъ подвергаются тщательному изученію ранній экономическій бытъ западнаго славянства, общинный сельскій строй, возникновеніе и развитіе городскихъ общинъ, взаимныя отношенія общественныхъ классовъ и дѣлаются высокопоучительные выводы, разъясняющіе такія крупныя историческія явленія, какъ процессъ феодализаціи, развитіе сословнаго средневѣковаго государства и т. д. И у насъ въ Россіи представители науки всеобщей исторіи начинаютъ интересоваться исторіей западныхъ славянъ и посвящать ея изученію свое время и силы. Укажу, напр., на проф. Н. И. Карѣева, давшаго цѣлый рядъ цѣнныхъ этюдовъ по исторіи Польши, на проф. всеобщей исторіи Ясинскаго, работавшаго въ направленіи параллельномъ съ проф. Липпертомъ, на проф. Бречкевича и на проф. Д. Н. Егорова, разрабатывавшихъ исторію прибалтійскаго славянства. и т. д.

Важность сравнительнаго изученія исторіи западныхъ славянъ и русской. Не можетъ обходить западныхъ славянъ въ своемъ изученіи и русскій историкъ. Только путемъ сравнительнаго изученія русскихъ древностей параллельно съ славянскими можетъ онъ опредѣлить общеславянское историческое наслѣдіе, полученное и пріумножавшееся русскими людьми въ ихъ исторіи. Только такое сравнительное изученіе дастъ ему возможность выяснить въ должной мѣрѣ оригинальность русскаго историческаго процесса, отмѣтить всѣ чуждыя вліянія и стороннія наслое-

нія въ русской исторической жизни. Кромѣ того, русская исторія и непосредственно связана съ исторіею западныхъ славянъ, именно поляковъ. Значительная часть Руси около двухъ съ половиною вѣковъ обрѣталась въ составѣ Польской Рѣчи Посполитой. Изъ-за этой Руси наше собственное національное государство вело вѣковую борьбу съ Польско-Литовскимъ государствомъ, окончившуюся не только соединеніемъ западной Руси съ восточною, но и присоединеніемъ части собственной Польши къ русскому государству. Почему борьба между Россіею и Польшею имѣла такой, а не другой исходъ, отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать, конечно, не только въ исторіи Россіи, но и въ исторіи Польши, въ ея внутреннемъ развитіи и въ международныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ смыслѣ исторія Польши является необходимымъ дополненіемъ къ исторіи Россіи, содѣйствуетъ уясненію нѣкоторыхъ крупныхъ фактовъ и событій этой послѣдней. Затѣмъ: въ составѣ русскаго государства Польша вошла съ извѣстнымъ историческимъ наслѣдіемъ въ видѣ особыхъ учрежденій, законовъ, языка, религіи, національныхъ преданій и идеаловъ. Это наслѣдіе поляки изъ всѣхъ силъ старались сохранить и пріумножить, доходя въ этомъ даже до попытокъ возстановить Польшу отъ моря и до моря. Этимъ стремленіямъ обязано своимъ происхожденіемъ не мало фактовъ новѣйшей русской исторіи, при объясненіи которыхъ историку приходится считаться съ вышеупомянутымъ историческимъ наслѣдіемъ Польши. Отсюда является необходимость болѣе или менѣе детальнаго знакомства съ исторіею Польши.

Задачи курса. Настоящій курсъ не имѣетъ ввиду дать полнаго и всесторонняго изложенія исторіи западныхъ славянъ. Его задачею будетъ изображеніе основныхъ теченій исторической жизни западныхъ славянъ, установленіе главныхъ фактовъ, самыхъ крупныхъ явленій и чертъ эпохи. Другими словами—настоящій курсъ долженъ послужить *введеніемъ* къ самостоятельному научному изученію исторіи западныхъ славянъ. Въ этомъ изученіи чрезвычайно полезно отправляться отъ надлежащаго ознакомленія съ настоящимъ западнаго славянства,—съ географіею, этнографіею, статистикою, экономикою и политическимъ положеніемъ западнославянскихъ земель, а равно и съ другими сторонами жизни современнаго славянства. Для этого изученія прекрасными пособіями являются въ настоящее время: книга *А. Ф. Риттиха* «Историко-географическія и этнографическія изслѣдованія» (Варшава 1885), книга *А. С. Будиловича* «Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ» (Спб. 1896); второй выпускъ «Энциклопедіи славянской филологіи», изд. Академіи Наукъ, содержащій очеркъ *Л. Нидерле* «Обозрѣніе современнаго славянства» (Спб. 1909), книга проф. *Т. Д. Флоринскаго* «Славянское племя. Статистическій обзоръ современнаго славянства» (Кіевъ 1907) и книга проф. *А. Л. Погодина* «Славянскій міръ» (Москва 1915); Для элементарнаго ознакомленія съ фактическою исторіею западныхъ славянъ могутъ служить труды: *Вл. Грабеньскаго*

«Исторія польскаго народа. Перев. съ польскаго подъ редак. Н. В. Ястребова (Спб. 1910) *A. Lewickiego*—«Zarys historyi polskiej aż do najnowszych czasów» (Kraków 1914); *V. Tomka*—«Děje králóvství českeho (v Pzaze 1898); *I. Gajslera* Ryś dziejów czeskich. Tomy I—II (Warszava 1888—1898); Очеркъ исторіи Чехіи. Переводъ съ чешскаго. Изданіе Петроградскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (Петроградъ 1915).—Что касается собственно научнаго изученія исторіи западныхъ славянъ, то оно должно основываться главнымъ образомъ на монографіяхъ и источникахъ. Общіе, сводные труды или устарѣли, или неудовлетворительны, или неполны. Изъ трудовъ общаго характера наиболѣе существенное значеніе въ современномъ научномъ обиходѣ должно быть признано за трудами *Roepell-Karo* Geschichte Polens, B. I—VI (до 1506), *Palacky Fr.*, Geschichte von Böhmen, по-чешски Dějiny narodu Českého v čechách a v Moravě, изд. 6-е, томовъ 5; *V. Tomek*, Dějepis města Prahy, въ 11 томахъ, изд. 2-е, Praha 1892—1897; полезенъ и трудъ *W. Boguslawskiego* Dzieje stowiańszczyzny pólnocno—zachodniej, tomy I—IV (Poznań 1887—1900); изъ новѣйшихъ: Bachmann, Geschichte Böhmens. Berlin 1899; *Novotny* V., České dějiny. Díl I, čast 1. Praha 1912; *Bretholz B*, Geschichte Böhmens und Mährens bis zum Aussterben des Prěmysliden (1306). München. 1912. Указанія на монографіи, которыя *ближайшимъ* образомъ должны послужить научному изученію предмета, будутъ даны въ настоящемъ курсѣ попутно съ изложеніемъ главныхъ отдѣловъ исторіи западныхъ славянъ. Здѣсь же полезно будетъ отмѣтить только нѣкоторыя библіографическія пособія общаго характера. Таковы: *L. Finkel*, Bibliografia historyi polskiej. Cz. I—III. Lwów 1901—1906. *Cěnek Zírbt*, Bibliografie české historie. Dil—III. V Pzaze 1901—1906. По исторіи полабо-прибалтійскихъ славянъ значительное количество библіографическихъ указаній дано въ трудѣ *Д. Н. Егорова* «Колонизація Мекленбурга въ XIII в., т. 1. Москва 1915». Текущія библіографическія извѣстія печатались и печатаются въ періодическихъ изданіяхъ: Kwarlalnik historyizny, выход. въ Львовѣ съ 1887 г. Časopis českého Museum, выходящемъ въ Прагѣ съ 1827 г., Česky Časopis Historycky, выход. въ Прагѣ съ 1898 года, въ «Извѣстіяхъ II отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» и въ обозрѣніяхъ трудовъ по славяновѣдѣнію, издаваемыхъ Имп. Академіею Наукъ въ Петроградѣ. Полезны книжки *С. Вознесенскаго* «Славянство въ русской журналистикѣ 1896—1914» (Петроградъ 1915), «Русская литература о славянствѣ» (Петроградъ 1915).

II.

Славянская прародина и разселеніе славянъ въ бассейнахъ Вислы, Одера, Эльбы и Дуная.

Западные славяне составляютъ вѣтвь великаго славянскаго племени, которое въ настоящее время занимаетъ огромную территорію, включающую въ себѣ восточную Европу, значительную часть средней и южной Европы (придунайскія страны и Балканскій полуостровъ) и сѣверо-западную часть Азіи. Эта территорія росла и расширялась на памяти исторіи, одновременно и параллельно съ размноженіемъ самого племени. Возникаетъ вопросъ: какая же часть этой территоріи была первоначальнымъ исконнымъ мѣстожительствомъ славянскаго племени въ Европѣ, откуда оно и стало шириться и распространяться въ разныя страны?

Представленіе начальной русской лѣтописи о прародинѣ славянъ и его происхожденіе. Вопросъ этотъ занималъ уже перваго русскаго историка—составителя «Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду пошла есть Русская земля». Онъ далъ на него такой отвѣтъ: по многихъ временахъ (послѣ Вавилонскаго столпотворенія) сѣли славяне по Дунаю, гдѣ нынѣ (т.-е. во второй половинѣ XI в.) Угорская земля и Болгарская; и отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ и прозвались своими именами, гдѣ кто сѣлъ: мораване, которые сѣли на р. Моравѣ, а другіе—чехи, бѣлые хорваты, сербы, хорутане; а когда напали на Дунайскихъ славянъ волохи и стали чинить имъ насиліе, славяне эти поселились на Вислѣ и прозвались ляхами, а изъ тѣхъ ляховъ одни прозвались поляками, другіе лютичами, иные мазовшанами, иные поморянами. Отъ тѣхъ же дунайскихъ славянъ вывелъ нашъ лѣтописецъ и различныя племена восточныхъ славянъ. Такимъ образомъ, по представленію нашего лѣтописца, первоначальнымъ мѣстожительствомъ славянскаго племени въ Европѣ, его прародиною была область средняго и нижняго Дуная.

Но какъ возникло у него такое представленіе? Прежде ученые склонны были выводить это представленіе изъ народной традиціи: славяне помнили де о своемъ мѣстожительствѣ на Дунаѣ, который поэтому и воспѣвается въ ихъ пѣсняхъ; этимъ объясняется и популярность имени «Дунай», его распространенность въ разныхъ варіаціяхъ въ географической номенклатурѣ. Согласно съ этимъ ученые склонны были видѣть прародину славянскаго племени вмѣстѣ съ нашимъ лѣтописцемъ именно въ области средняго и нижняго Дуная. Въ настоящее время, однако, господствуетъ въ наукѣ иное теченіе мысли по вопросу о славянской прародинѣ. Справедливо указываютъ, что едва ли въ сообщеніи нашего лѣтописца отразилась ка-

кая-либо народная традиція: его представленіе о разселеніи славянъ съ Дуная скорѣе всего домыселъ, основанный на современной ему группировкѣ славянства, при которой области средняго и нижняго Дуная занимали центральное положеніе; быть можетъ даже, что это представленіе воспринято имъ и въ готовомъ видѣ изъ греческихъ и болгарскихъ источниковъ; что касается популярности среди славянъ имени «Дунай», то это указываетъ лишь на знакомство славянъ съ величайшею рѣкою средней Европы, которое могло быть пріобрѣтено во время разныхъ походовъ и народныхъ передвиженій V—VII вѣковъ. Болѣе раннія свидѣтельства, идущія отъ римскихъ и греческихъ писателей, указываютъ первоначальное мѣстожительство славянъ въ иномъ мѣстѣ — къ востоку отъ р. Вислы и Карпатскихъ горъ.

Первыя извѣстія о мѣстожительствѣ славянъ въ Европѣ и данныя лингвистики и археологіи. Первое цѣнное въ этомъ отношеніи свидѣтельство находимъ у *Плинія Старшаго* († 79 по Р. Х.). Въ своей «Естественной исторіи» онъ пишетъ между прочимъ: «нѣкоторые передаютъ, что здѣсь (въ Сарматіи) до р. Вистулы (Вислы) живутъ сарматы, *венеды*, скиѳы, гирры». Имя «венеды» впослѣдствіи является у западныхъ писателей обозначеніемъ славянъ. Значитъ, въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. славяне были обитателями восточной Европы, ибо Сарматія въ то время означала именно восточную Европу. Съ этимъ вполнѣ согласуется и извѣстіе *Тацита* († 100 по Р. Х.), который кладетъ границею между Свебіею, областью германскаго племени, и Сарматіею р. Вислу, при чемъ на пограничьѣ Сарматіи помѣщаетъ певкиновъ, *венетовъ* и финновъ. Въ такомъ же родѣ является и сообщеніе александрійскаго географа *Птоломея* († 175 по Р. Х.): «Сарматію,—пишетъ онъ въ своей «Географіи»,—ограничиваютъ великія племена: венеды по всему Венедскому заливу, а за Дакіею певкины и бастарны, по р. Вислѣ. За венедами—гитоны (готы?), потомъ финны, потомъ сулоны».

Итакъ, согласно этимъ извѣстіямъ, въ I и II вв. по Р. Х. славяне жили въ западной части восточной Европы, около Вислы и Карпатскихъ горъ. Какъ далеко простиралась ихъ территорія на востокѣ, названные писатели не говорятъ. Ученые, опредѣляя по даннымъ сравнительнаго языковѣдѣнія, географической номенклатуры и могильнымъ раскопкамъ исконное мѣстожительство славянъ въ восточной Европѣ, приходятъ къ мысли, что «славянская прародина» захватывала бассейнъ Вислы, Карпатскую горную страну, бассейнъ р. Припяти и средняго Днѣпра съ низовьями Березины и Десны—включительно, верховья Днѣстра и Южн. Буга. На сѣверѣ славянскія поселенія смыкались и мѣшались съ поселеніями литвы, на востокѣ — съ поселеніями литвы и финновъ, а на югѣ оканчивались приблизительно на границѣ лѣса и степи, за которою начиналось царство кочевниковъ (на памяти исторіи иранцевъ—скиѳовъ и сарматовъ).

Расширеніе территоріи славянской осѣдлости въ эпоху великаго переселенія народовъ. Четыре вѣка спустя эта первоначальная территорія

славянскаго племени является уже значительно расширенною. Готскій историкъ *Іорнандъ* въ пятой главѣ своей книги: «О происхожденіи и дѣяніяхъ Готовъ» пишетъ: «къ Дунаю прилегаетъ Дакія, какъ вѣнцомъ огражденная высокими горами, по лѣвой сторонѣ которыхъ и отъ верховья р. Вислы на неизмѣримомъ пространствѣ обитаетъ великій народъ винидовъ. Хотя имя ихъ и мѣняется теперь въ зависимости отъ племени и мѣстъ, но главныя названія ихъ *склавины* и *анты*. Склавины живутъ отъ города Новіодунскаго и такъ называемаго озера Мурсійскаго до Днѣстра и на сѣверъ до Вислы; анты же, храбрѣйшіе между ними, надъ излучиною Чернаго моря, отъ Днѣстра до Днѣпра». Это сообщеніе подтверждается и дополняется современникомъ Іорнанда, византійскимъ писателемъ *Прокопіемъ* († 562 г. по Р. X.). Въ своей «Исторіи» Прокопій пишетъ, что склавины и анты говорятъ однимъ языкомъ и занимаютъ великое пространство земли: «большая часть земель по ту сторону Истра принадлежитъ имъ; область на сѣверъ отъ Понта Евксинскаго занимаютъ безчисленные народы антовъ». Съ 530 года, по разсказу Прокопія, идутъ безпрерывные набѣги славянъ изъ-за Дуная на восточно-римскую имперію; а въ слѣдующемъ, VII вѣкѣ, славяне исподоволь занимаютъ уже большую часть земель Балканскаго полуострова. Но не въ одномъ только южномъ направленіи замѣчается къ концу VI и началу VII вѣка расширеніе славянскаго мѣстожительства. Въ извѣстіяхъ, помѣщенныхъ въ «Римской Исторіи» лангобардскаго историка *Павла Діакона* († около 800 г. по Р. X.), славяне являются уже сосѣдями лангобардскаго королевства въ Италіи и Баваріи, населяютъ верховья Савы и Дравы, берега Эннса и Трайзена и прилегающія области. Вмѣстѣ съ аварами и отдѣльно нападаютъ они на баваровъ и на лангобардовъ; въ союзѣ съ лангобардами пустошатъ Истрію, Далмацію и даже Македонію. Въ сообщеніи франкскаго лѣтописца *Фредегара* (VII в.) славяне являются насельниками верхней Эльбы и ея притоковъ. По его разсказу, въ 623 году пришелъ въ Богемію франкскій купецъ *Само* и засталъ жившихъ тамъ славянъ въ борьбѣ съ аварами, отъ ига которыхъ они старались освободиться. Само сталъ во главѣ ихъ и побѣдилъ аваровъ, за что славяне избрали его своимъ королемъ (въ 627 году). Само правилъ ими цѣлыхъ 35 лѣтъ, удачно воюя съ аварами и франками; ему подчинились и сосѣднія славянскія племена—*сербы* (позже живущіе между Салою и Боброю)· *хорутане* на верхней Савѣ и Дравѣ). Есть нѣкоторыя, правда, не особенно опредѣленныя указанія на то, что славяне къ концу VI вѣка продвинулись уже къ устью Эльбы. Византійскій лѣтописецъ *Ѳеофилактъ Симокатта* разсказываетъ, что въ 590 году привели къ императору Маврикію, собиравшемуся выступить въ походъ противъ аваровъ, трехъ плѣнниковъ. Эти плѣнники были славяне, жившіе у предѣловъ западнаго океана. Къ ихъ князьямъ аварскій ханъ присылалъ пословъ съ дарами и просьбою о помощи противъ грековъ. Князья отправили ихъ къ нему послами съ извиненіемъ, что по дальности и трудности пути не могутъ оказать ему этой помощи.

Въ дорогѣ послы провели 15 мѣсяцевъ, были задержаны ханомъ, который не хотѣлъ отпустить ихъ на родину, и наконецъ бѣжали къ грекамъ. Итакъ, по этому извѣстію славяне обитали у предѣловъ западнаго океана, т.-е., вѣроятно, гдѣ-то около низовьевъ Лабы (Эльбы).

Расширеніе территоріи славянской осѣдлости стояло въ связи съ одной стороны съ естественнымъ ростомъ славянскаго племени, а съ другой стороны съ тѣми перемѣнами, которыя произвело въ Европѣ такъ называемое великое переселеніе народовъ. Уже во II вѣкѣ началась тяга восточно-германскихъ племенъ на югъ и юго-востокъ: въ Приднѣпровьѣ, въ Прикарпатьѣ и Придунайскихъ областяхъ появляются готы, герулы, бастарны, карпы, вандалы, бургунды и др. Всѣ эти племена внѣдряются въ среду кельтовъ, дакійцевъ, славянъ, финновъ и сарматовъ. Вслѣдствіе ихъ отлива, надо думать, произошло извѣстное запустѣніе восточной Германіи, орошаемой рр. Одеромъ и Эльбою и ихъ притоками. На покинутыя германцами земли началась тяга славянъ изъ бассейна Вислы и Прикарпатья. Такимъ образомъ въ средней Европѣ во II и III вѣкахъ совершалась перетасовка племенъ, готовилось ихъ смѣшеніе и сліяніе. Но этотъ процессъ былъ пріостановленъ и видоизмѣненъ вторженіемъ гунновъ въ черноморскія и придунайскія степи. Подъ натискомъ гунновъ германскія племена готовъ, бургундовъ, вандаловъ, геруловъ и др. въ концѣ IV и въ V вѣкѣ отхлынули на Балканскій полуостровъ, въ Италію, въ Галлію и дальше въ Испанію, очистивъ Приднѣпровье, Прикарпатье и Придунайскія области; съ ними ушли и нѣкоторыя кельтскія племена. Въ VI вѣкѣ удалились изъ придунайскихъ областей въ сѣверную Италію лангобарды. Вслѣдствіе этихъ передвиженій преобладающимъ населеніемъ въ придунайскихъ областяхъ, въ Прикарпатьѣ, въ бассейнахъ Вислы, Одера и Эльбы въ концѣ концовъ и оказались славяне. Славянамъ уже тѣсно было на ихъ прародинѣ, и они естественно стремились къ разселенію. Съ другой стороны ихъ увлекали за собою и передвигавшіеся гунны. Такимъ образомъ, по всѣмъ даннымъ, славяне попали въ среднедунайскія области, въ Паннонію и прилегающія страны: здѣсь мы впервые встрѣчаемъ ихъ по источникамъ въ сожительствѣ гунновъ. Византійскій посолъ Прискъ, ѣздившій въ Паннонію въ станъ Атиллы въ половинѣ V вѣка, встрѣтилъ въ этой мѣстности смѣшанное населеніе. Осѣдлые жители, которые перевозили пословъ черезъ рѣки, по всѣмъ признакамъ, были славяне: напитокъ, которымъ они угощали пословъ, назывался на ихъ языкѣ «*медосъ*», т.-е. медъ.

Мнѣніе объ исконномъ жительствѣ славянъ въ Германіи; его научная цѣнность. Итакъ, по соображенію со всѣми историческими обстоятельствами, распространеніе славянъ на западъ отъ Вислы и отъ Карпатскихъ горъ, совершалось въ теченіе III—VI вѣковъ по Р. Хр. Но часть ученыхъ въ этомъ вопросѣ заняла другую позицію, утверждая, что славяне искони обитали въ Германіи, а нѣмцы въ ней—позднѣйшіе завоеватели-

пришельцы. Въ этой школѣ славянскихъ автохтонистовъ наиболѣе видными являются чехъ *Шембера* и поляки *Богуславскій* и *Кентжинъскій*. Въ своей книгѣ «Западные славяне въ древнѣйшія времена» Шембера доказываетъ, что славяне уже въ римскія времена, гораздо ранѣе великаго переселенія народовъ, обитали въ предѣлахъ Тацитовой Германіи. По его мнѣнію, римскіе писатели недостаточно хорошо были освѣдомлены о населеніи такъ называемой Германіи и принимали за германскія и даже кельтскія племена славянъ. Шембера усматриваетъ славянъ въ той народности, которая жила на востокѣ Германіи и на западъ отъ Вислы, и которую самъ Тацитъ считалъ германскимъ племенемъ *свевовъ*. За славянское происхожденіе этихъ мнимыхъ германцевъ говорятъ, по мнѣнію Шемберы, народныя, личныя и топографическія имена, встрѣчающіяся у этихъ свевовъ и легко выводимыя изъ мѣстныхъ славянскихъ языковъ—чешскаго, лужицко-сербскаго, польско-поморскаго. За происхожденіе, отличное отъ германскихъ племенъ, говорятъ также и особенности быта этихъ племенъ, которыми они отличаются отъ собственныхъ германцевъ. У нихъ все другое, чѣмъ у германцевъ: и устройство поселеній и самыхъ жилищъ, и распредѣленіе полей между земледѣльцами, и отсутствіе тѣхъ укрѣпленій которыя были у германцевъ. Ихъ нравы и обычаи, какъ они описаны у Тацита и другихъ писателей, совершенно иные, чѣмъ у германцевъ, сходные съ нравами и обычаями славянъ, какъ изображаютъ ихъ намъ древнѣйшіе грекоримскіе писатели. Самыя археологическія находки отъ языческой эпохи въ славянскихъ земляхъ совершенно другія, чѣмъ въ собственно германскихъ земляхъ. Итакъ, свевы Тацита—это собственно тѣ самые славяне, которые являются позднѣе къ западу отъ Вислы. Этимъ и объясняется, по мнѣнію Шемберы, молчаніе историковъ о выселеніи свевовъ на другія мѣста и поселеніи на ихъ мѣсто славянъ. Шембера думаетъ, что во времена Тацита и населеніе верхнедунайскихъ областей—Реціи, Норики и Панноніи было уже не кельтское, а славянское. Доказательства его и здѣсь тѣ же самыя: объясненіе изъ славянскихъ корней народныхъ, личныхъ и мѣстныхъ названій, встрѣчающихся у римскихъ писателей и относящихся къ придунайскимъ землямъ; сходство могильныхъ древностей добываемыхъ въ этихъ земляхъ, съ такими, которыя признаны славянскими; сходство обычаевъ у здѣшнихъ народностей съ обычаями славянскими; молчаніе источниковъ о переселеніи кельтовъ изъ придунайскихъ земель и о занятіи ихъ славянами. Итакъ, по мнѣнію Шемберы ко второму вѣку по Р. Х. только сѣверо-западная и западная Германія была населена германцами, перешедшими частію уже въ Галлію, а восточная Германія, начиная отъ Эльбы, была населена уже славянами, распространившимися также и въ верхнедунайскихъ областяхъ.

Теорія Шемберы нашла себѣ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ *Богуславскаго* «Исторія сѣверо-западныхъ славянъ до половины XIII вѣка» и *В. Кентжинъскаго* «О славянахъ, жившихъ нѣкогда между Рейномъ

и Эльбою, Заалою и чешскою границей», «свевы и швабы». Оба эти автора ревностно собираютъ славянскую географическую номенклатуру въ предѣлахъ Германіи, относя ее къ древнѣйшимъ временамъ; географическія и этнографическія названія, попадающіяся у греко-римскихъ писателей, путемъ «дикихъ этимологій», основывающихся на простомъ созвучіи, выводятъ изъ славянскаго языка, напр. Ἀλυζῶνες.—галичане (Богуславскій), Alisontia—Олешница (Кентжиньскій), Suevi—Slavi и т. д. Въ общемъ всѣ эти доказательства школы автохтонистовъ не выдерживаютъ серьезной исторической критики. Но нельзя сказать, чтобы ихъ усилія оказались совершенно безполезными. Подборъ славянской географической номенклатуры оказался все-таки полезнымъ. На основаніи его является возможнымъ продвинуть нѣсколько на западъ границу славянской прародины по сравненію съ сообщеніями Плинія и Тацита, именно полагать, что западная граница славянской прародины, начинаясь у устьевъ Одера, шла по нижнему Одеру и далѣе по р. Вартѣ къ Вислѣ, къ впаденію въ нее рѣки Сана, по р. Сану и до Карпатъ. Такое расширеніе исконныхъ предѣловъ славянскаго племени на западъ въ свою очередь облегчаетъ пониманіе сообщенія Птоломея о Балтійскомъ морѣ, какъ о Вендскомъ заливѣ. Едва ли можно думать, что славяне облегали Балтійское море съ востока: здѣсь съ незапамятныхъ временъ жили эстіи—литовцы, и финны, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ древнеславянскихъ поселеній.

Мнѣнія объ арійской прародинѣ. Итакъ, западные славяне являются отвѣтвленіемъ отъ основного ствола этого племени, коренившагося въ бассейнѣ Вислы, въ Прикарпатьѣ и въ бассейнѣ Припяти и средняго Днѣпра, отвѣтвленіемъ, которое покрыло собою бассейны Одера и Эльбы и верхняго Дуная приблизительно только къ концу VI вѣка. Но откуда взялся основной стволъ этого племени, коренившійся въ указанной славянской прародинѣ? И по этому поводу въ наукѣ существуетъ разногласіе, устраненіе котораго принадлежитъ еще пока будущему, если только возможно когда-либо. Наиболѣе распространеннымъ мнѣніемъ долгое время было предположеніе, что славяне, какъ и большинство теперешнихъ народовъ Европы, вышли изъ колыбели человѣчества—Азіи, отдѣлившись отъ одного общаго *арійскаго* корня, отъ котораго пошли и индусы съ иранцами. Это мнѣніе основывалось на родствѣ языковъ всѣхъ этихъ народовъ, на существованіи въ европейскихъ языкахъ словъ для обозначенія предметовъ, которые не существуютъ въ Европѣ, и съ которыми предки теперешнихъ европейцевъ могли познакомиться только въ Азіи и подъ другими географическими широтами. По другому мнѣнію, нынѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтающему послѣдователей, исконною родиною такъ называемыхъ арійцевъ была именно средняя Европа, такъ что и славяне являются въ ней автохтонами. Мы не будемъ входить здѣсь въ разборъ этого научнаго контроверза и ограничимся однимъ только упоминаніемъ о немъ, такъ какъ для основныхъ задачъ предпринимаемаго обзора исторіи западныхъ

славянъ рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону довольно безразлично.

Важнѣйшая литература:

Niederle L., O původu Slovanů. Praha 1896.

— Slovanské starožitnosti Díl I, zvaz. 1 i 2. Praha 1902—1904.

Погодинъ А. Л., Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Спб. 1901.

K. Wachowlski, Stowiańszzyzna zachodnia. Tom. 1. Warszawa 1903.

Prof. Wiktor Czermak, Illustrowane dzieje Polski, tom 1. Wiedeń.

М. С. Грушевскій, Кіевская Русь, т. 1. Спб. 1911.

Sembera, Zapadní slovane v právеku. Praha 1868.

W. Boguslawski, Dzieje słowiańszczyzny północno-zachodnej do polowy XIII wieku. Tomy I i II. Poznań 1887, 1889.

W. Kętrzyński, O słowianach, mieszkających niegdyś między Renem a Labą, Salą i czeską granicą. Kraków 1899.

— Germania wielka a Sarmacya nadwiślańska według Kl. Ptolomeusza. Kraków 1901.

— Co wiedzą o Słowianach Prokopiusz i Iordanes. Kraków. 1901.

— Swewowie a Szwabowie. Kraków 1902.

III.

Западные славяне въ VII—IX вѣкахъ: ихъ экономическій и общественный бытъ.

Источники для древнѣйшей исторіи западныхъ славянъ. Первые два-три вѣка по разселеніи пошли у западныхъ славянъ на устройство своей хозяйственной жизни на новыхъ мѣстахъ, на организацію элементарныхъ формъ общежитія и на борьбу за существованіе съ сосѣдями. До насъ дошли только глухіе отголоски борьбы славянъ съ сосѣдями, съ аварами и германцами, но не дошло почти никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ и указаній, относящихся къ внутреннему процессу ихъ жизни. Источники начинаютъ говорить о внутреннемъ бытѣ западныхъ славянъ сравнительно поздно, когда нѣмцы начали покорять ихъ и распространять среди нихъ христіанство, т.-е. съ конца VIII вѣка. Наибольшее количество свѣдѣній о полабско-прибалтійскихъ славянахъ даютъ: *Эйнгардъ*, другъ и совѣтникъ императора Карла Великаго и его сына Людовика Благо-

честиваго, написавшій «Лѣтописи» своего времени (Annales) и «Житіе Карла Великаго» (Vita Caroli Magni); саксонскій монахъ Корвейскаго (на р. Везерѣ) монастыря *Видукиндъ*, во второй половинѣ X вѣка написавшій по личнымъ воспоминаніямъ и народнымъ преданіямъ «Саксонскія дѣянія» (Res gestae Saxonicae); доведены имъ до 973 года; *Титмаръ*, епископъ Мерзебургскій (975—1019), написавшій хронику событій отъ восшествія на престолъ Генриха Птицелова до 1018 года; каноникъ *Адамъ Бременскій* († 1076 г.), написавшій «Дѣянія первосвященниковъ Гамбургской церкви» (Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum), въ которыхъ онъ много сообщаетъ и о сосѣднихъ славянахъ; священникъ *Гельмольдъ*, написавшій «Славянскую хронику» до 1170 г. (Chronica Slavorum); *Саксонъ Грамматикъ* начала XIII в. († 1208 г.), написавшій «Датскую исторію» до 1168 года (Historia Danica). Кромѣ этихъ важнѣйшихъ трудовъ извѣстія о прибалтійскихъ и полабскихъ славянахъ даютъ житія св. Оттона, епископа Бамбергскаго (1103—1139 гг.), проповѣдовавшаго христіанство на Поморьѣ, и многочисленныя германскія лѣтописи, изъ которыхъ важнѣйшія—лѣтописи монастыря Лоршъ на Рейнѣ въ Гессенѣ (нач. IX в.), лѣтописи монастыря Фульда въ Гессенъ-Нассау (IX в.), монастыря Берти во Фландріи (IX в.), монастыря Корвейскаго (IX в.) и нѣк. др. Что касается чеховъ и поляковъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ находятся въ хроникахъ Косьмы Пражскаго (XII в.) и Мартина Галла (XII в.). При такихъ условіяхъ и внутреннюю жизнь западнаго славянства въ первые вѣка по его разселеніи приходится установлять ретроспективно, отправляясь отъ показаній болѣе поздняго времени и сопоставляя эти показанія съ извѣстіями о славянахъ греко-римскихъ писателей и съ данными сравнительнаго языковѣдѣнія.

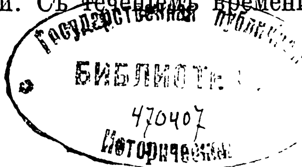
Культурное наслѣдіе, вынесенное западными славянами изъ эпохи совмѣстнаго жительства. Изъ данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія выходитъ прежде всего, что западные славяне отдѣлялись отъ общей массы славянства съ навыками и знаніями осѣдлаго народа, занимающагося земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, звѣроловствомъ и рыболовствомъ и знающаго нѣкоторыя несложныя ремесла и торговый обмѣнъ. Названія, относящіяся до осѣдлаго быта и перечисленныхъ занятій, звучатъ въ языкахъ западныхъ славянъ болѣе или менѣе одинаково съ языками восточныхъ и южныхъ славянъ, изъ чего слѣдуетъ, что ихъ прототипы существовали у славянъ еще въ то время, когда они не раздѣлялись. Но такъ какъ слово существуетъ для обозначенія извѣстнаго матеріальнаго или духовнаго факта, то и по инвентарю «всеславянскихъ» словъ можно до извѣстной степени судить о матеріальной обстановкѣ и умственномъ кругозорѣ славянства въ эпоху его совмѣстной жизни. Нѣтъ, конечно, возможности въ краткомъ изложеніи охватить весь этотъ инвентарь. Ограничимся только нѣкоторыми примѣрами, иллюстрирующими высказанное положеніе. Оказывается, что въ западно-славянскихъ языкахъ сходно

съ восточно и южно-славянскими звучать названія двухъ главныхъ типовъ селеній—*села* (польск. sioło, wieś, чешск. ves) и *города* въ древн. смыслѣ (польск. grod, чешск. hrad); сходно называются *домъ* (польск. dom, чешск. dům) и его части: *стѣна* (польск. ściana, чешск. stěna), *дверь* (польск. drzwi, чешск. dveře), *окно* (польск. okno, чешск. okno), *стрѣха* (польск. strzecha, чешск. střecha); сходны названія домашней обстановки и утвари: *столъ* (польск. stół, чешск. stůl), *лавка* (польск. ławka, чешск. lavice), *печь* (польск. piec, чешск. pec), *котелъ* (польск. kocieł, чешск. kotel), *ложка* (польск. łyżka, чешск. lžíce); земледѣльческихъ и другихъ орудій: *рало* (польск. radło, чешск. rádlo), *плугъ* (польск. pług, чешск. pluh), *лемехъ* (польск. lemesz, чешск. lemech, lemeš), *возъ* (польск. woz, чешск. vůz), *колесо* (пол. koło, чешск. kolo), *сѣкира* (польск. siekiera, чешск. sekera), *долото* (польск. dłóto, чешск. dláto), *клещи* (польск. kleszcze, чешск. kleště), *гвоздь* (польск. gwoźdź, чешск. hvozd), *пила* (польск. piła, чешск. pila); болѣе или менѣе одинаковы въ этихъ языкахъ названія хлѣбныхъ и волокнистыхъ растеній: *жито—рожь* (польск. żyto, чешск. žito), *ячмень* (польск. jęczmien, чешск. ječmen), *овесъ* (польск. owies, чешск. oves), *просо* (польск. proso, чешск. proso), *пшеница* (польск. pszenica, чешск. pšenice), *гречиха* (польск. gryka), *ленъ* (польск. len, чешск. len), *конопля* (польск. konopie, чешск. konopě), *макъ* (польск. и чешск. mak); овощей и плодовъ: *капуста* (польск. kapusta, чешск. kapusta), *огурецъ* (польск. ogurec, чешск. okurka), *чеснокъ* (польск. czosnek, чешск. česnek), *рѣпа* (польск. rzepa, чешск. řepa), *рѣдька* (польск. rzodkiew, чешск. ředkev), *морковь* (польск. marchew, чешск. mrkev), *яблоко* (польск. jabłko, чешск. jablko), *груша* (польск. grusza, чешск. hruška), *слива* (польск. śliwa, чешск. slíva), *вишня* (польск. wiśnia, чешск. višně), *черешня* (czereśnia, чешск. třešně), *орѣхъ* (польск. orzech, чешск. ořech); сходны и названія домашнихъ животныхъ: *песъ* (польск. pies, чешск. pes), *конь* (польск. koń, чешск. kůň), *кобыла* (польск. kobyła, чешск. kobyla), *быкъ—волъ* (польск. byk, wół, чешск. vůl), *корова* (польск. krowa, чешск. kráva), *козелъ и коза* (польск. kozioł, koza, чешск. kozel, koza), *баранъ* (польск. baran, чешск. beran), *овца* (польск. owca, чешск. ovca), *ягня* (польск. jagnię, чешск. jehně), *курица* (польск. kura, чешск. kuře), *гусь* (польск. gęs, чешск. husa), *пчела* (польск. pszczoła, чешск. včela), и получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ: *волна—шерсть* (польск. wełna, sierć, чешск. vlna), *мясо* (польск. mięso, чешск. maso), *молоко* (польск. mleko, чешск. mléko), *масло* (польск. masło, чешск. máslo), *сыръ* (полск. sér, чешск. sýr), *творогъ* (польск. twarog, чешск. tvaroh), *воскъ* (польск. wosk, чешск. vosk) и *медъ* (польск. miód, чешск. med); сходно называются нѣкоторые металлы: *желѣзо* (польск. żelazo, чешск. železo), *мѣдь* (польск. miedź, чешск. měď), *серебро* (польск. srebro, чешск. stříbro), *золото* (польск. złoto, чешск. zlato); матеріалы для одежды: *полотно* (польск. plótno, чешск. plátno), *сукно* (польск. и чешск. sukno); занимающіеся ремесломъ: *коваль* (польск. kowal, чешск. kovař), *ткачъ* (польск. tkacz, чешск. tkadlec),

гончаръ (польск. garnczarz); украшенія: *перстень* (польск. pierscień, чешск. prsten), *обручъ* (польск. obręcz, чешск. obruč); музыкальные инструменты: *труба* (польск. trąba, чешск. trouba), *гусли* (польск. gęsle, чешск. huslař, гусляръ), *бубенъ* (польск. bęben, чешск. bubin) и т. д.

Уже по приведенному перечню словъ можно судить, что западные славяне, отдѣляясь отъ основной массы славянства, уносили съ собою довольно значительный культурный капиталъ, что въ эпоху разселенія они далеки уже были отъ примитивнаго быта дикарей. Ихъ разселенію предшествовало многовѣковое культурное развитіе въ тѣсномъ общеніи какъ между собою, такъ и съ другими народами одного общаго арійскаго корня (многія изъ перечисленныхъ словъ имѣютъ родство съ словами, обозначающими тѣ же понятія въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ). Приведенный перечень можно еще дополнить названіями, относящимися до торговаго обмѣна: *торгъ* (польск. targ, чешск. trh), *локоть* (польск. lokiec, чешск. loket), *мѣра* (польск. miara, чешск. míra), *купецъ* (польск. kupiec, чешск. kupec); до религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ: *богъ* (польск. bóg, чешск. bůh), *молитва* (польск. modlitwa, чешск. modlitba), *могила* (польск. mogiła, чешск. mohyla), *пекло* (польск. piekło, чешск. peklo), *рай* (польск. raj, чешск. rái); до общественной организаціи: *родъ* (польск. и чешск. rod), *племя* (польск. plemię, чешск. pléme), *владыка* (польск. władyka, чешск. vladyka), *воевода* (польск. wojewoda, чешск. vojevoda), *староста* (польск. и чешск. starosta), *кметъ* (польск. kmeć, чешск. kmet), *законъ* (польск. и чешск. zakon), *право* (польск. и чешск. prawo, pravo).

Экономическій бытъ зап. славянъ непосредственно послѣ разселенія. Въ эпоху разселенія должно было неизбѣжно происходить нѣкоторое пониженіе культурнаго уровня славянства вслѣдствіе хозяйственнаго разстройства и общественной дезорганизаціи, сопровождавшей разселеніе. Этимъ, по всей вѣроятности, и объясняются отзывы греческихъ писателей VI и нач. VII вѣка—Прокопія, Маврикія и Льва Мудраго о житьѣ-бытьѣ славянъ. Славяне, по ихъ словамъ, живутъ въ жалкихъ хижинахъ, которыя они постоянно бросаютъ, въ грязи, скудно и беззаботно, почти безъ всякой общественной организаціи и т. д. Но какъ бы то ни было, славянамъ не пришлось на новыхъ мѣстахъ ab ovo проходить весь тотъ путь развитія, который они уже совершили въ эпоху совмѣстнаго жительства. Пріобрѣтенные навыки, знанія и идеи такъ или иначе сохранялись въ ихъ средѣ и потому, какъ только устроились они на постоянное жительство на новыхъ мѣстахъ, такъ должна была послѣдовать и извѣстная реставрація прежняго житья-бытья. Разселившись по селамъ и деревнямъ, западные славяне понастроили, гдѣ было нужно, для защиты отъ нападеній враговъ *гроды*, *грады*, принялись обрабатывать земли, разводить домашнихъ животныхъ, бить звѣрей, ловить рыбу, приготовлять разныя хозяйственныя издѣлія, принялись добычею и издѣліями мѣняться какъ между собою, такъ и съ другими народами. Съ теченіемъ времени они втянулись даже

въ торгово-промышленный круговоротъ, совершавшійся между переднею Азіею и Европой. О торговлѣ ихъ съ востокомъ свидѣтельствуютъ арабскія монеты халифовъ Омайядской и Абассидской династій, преимущественно VIII и IX вв., находимыя на Балтійскомъ славянскомъ побережьѣ. Значительнаго развитія достигла торговля западныхъ славянъ и съ Германіею. Эта торговля привлекла къ нимъ и значительное количество нѣмецкой монеты—пфенниговъ, вслѣдствіе чего это имя и вошло въ употребленіе для обозначенія денегъ, монеты (польск. pieniądz, чешск. peníze). Главною статьею отпускной торговли западныхъ славянъ такъ же, какъ и восточныхъ, были дорогіе мѣха, вслѣдствіе чего и у западныхъ славянъ такъ же, какъ и у восточныхъ, *гривна кунъ* (marca cunnarum) сдѣлалась мѣновою единицею, а куны обозначеніемъ денегъ (на куны считали въ Польшѣ, какъ и на Руси, еще въ XIII в.); кромѣ мѣховъ ходкими товарами были воскъ и медъ. Торговля свила себѣ гнѣздо въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ, каковыми были: *Рарогъ*, главный городъ *бодричей*, бывшій средоточіемъ торговли съ Даніею уже въ началѣ IX вѣка, *Старградъ*, городъ вагровъ, *Юлинъ*, или *Волинъ*, и *Щетинъ* въ дельтѣ Одера, *Колобрегъ* при устьѣ Персанты и *Гданскъ* на Вислѣ. Въ X и XI вѣкахъ западно-славянская торговля была въ полномъ ходу, но началась она задолго до этого времени, ибо уже въ началѣ VII вѣка, по разсказу франкскаго лѣтописца Фредегара, къ славянамъ ѣздили купцы съ запада. Это развитіе торговли должно было повліять не только на матеріальную культуру, но и на измѣненіе общественнаго строя западнаго славянства, какъ онъ выработался ко времени ихъ разселенія.

Родо-племенной строй въ эпоху разселенія. До разселенія славяне, по всѣмъ даннымъ, жили въ формахъ родоплеменной организаціи. Общую схему ея можно представить въ слѣдующемъ видѣ. Разросшаяся семья, состоявшая изъ отца и матери, сыновей съ женами и дѣтьми, а иногда и третьяго и четвертаго поколѣнія, заселяя «весь», составляла общину, соединенную узами кровнаго родства, иначе *родъ*. Община-родъ носила общее имя отъ своего родоначальника (съ окончаніемъ на ичи, овичи, вцы), владѣла сообща имуществомъ и управлялась своимъ старшимъ—старостою, владыкою, господаремъ, который поддерживалъ миръ и согласіе въ общинѣ, разбиралъ недоразумѣнія въ ея средѣ и распоряжался трудомъ ея членовъ. Первоначально старѣйшиною былъ естественный глава семьи—отецъ, дѣдъ, иногда прадѣдъ, а по смерти его старшій или способнѣйшій по выбору сынъ или внукъ и т. д. Родъ, разрастаясь въ дальнѣйшемъ, распадался на нѣсколько родовъ, которые, разселяясь по сосѣдству и сознавая свое родство, образовывали слѣдующую ступень общественной организаціи *жупу*, во главѣ которой стоялъ жупанъ. Жупа, разрастаясь въ дальнѣйшемъ или соединяясь съ другими жупами, образовывала *племя*, во главѣ котораго стоялъ *воевода*, *князь*. Жупаны, воеводы и князья выходили обыкновенно изъ старшихъ членовъ

старшаго рода. Общественная жизнь и частныя отношенія во всѣхъ этихъ соединеніяхъ нормировались распоряженіями и судомъ этихъ властей, которыя въ свою очередь руководствовались выработавшимся въ обществѣ правосознаніемъ и обычаемъ, *правомъ* и *закономъ*, а также и рѣшеніями родовыхъ и племенныхъ совѣщаній—*вѣчъ*.

Такова была въ общей схемѣ общественная организація славянъ, выработавшаяся у нихъ еще до разселенія. О существованіи ея приходится заключать главнымъ образомъ по пережиткамъ ея, сохранявшимся въ быту славянъ въ позднѣйшее время, послѣ разселенія, и даже послѣ образованія первоначальныхъ славянскихъ государствъ. Но есть и нѣкоторыя прямыя историческія свидѣтельства, подтверждающія справедливость вышеизложенной ученой конструкціи. Такъ, существованіе мелкихъ родственныхъ союзовъ у славянъ подтверждается извѣстіемъ Іорнанда, что, кромѣ общихъ названій «славяне» и «анты», существуетъ множество частныхъ ихъ названій, по родамъ и мѣстностямъ—per varias familias et locas. Съ этимъ же сходятся и извѣстія императора Маврикія о многочисленныхъ *филахъ*, племенахъ, на которыя распадаются славяне, и о племеначальникахъ, *филархахъ* или царькахъ (ῥῆγες). О существованіи вѣчъ говоритъ сообщеніе Прокопія, что славяне и анты не подчиняются одному мужу, но искони живутъ въ народовластіи. Однако, у тѣхъ же писателей находимъ извѣстія о существованіи у славянъ и болѣе крупныхъ соединеній и ихъ вождей. Іорнандъ разсказываетъ, что Остготскій король Винитаръ черезъ нѣсколько лѣтъ по прибытіи гунновъ напалъ на антовъ, разгромилъ ихъ, а царя Божа съ сыновьями его и семидесятью старѣйшинами для устрашенія распялъ (regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et septuaginta primatibus in exemplum terroris affixit). Здѣсь выступаетъ такимъ образомъ уже цѣлый союзъ племенъ и старѣйшинъ съ однимъ вождемъ во главѣ. Такой же союзъ выступаетъ позднѣе въ сообщеніи Менандра о посольствѣ аварскаго хана до славянскаго князя Давриты и союзныхъ съ нимъ вождей (και ἁ ξὺν αὐτῷ ἡγεμόνες). Эти вожди на общемъ собраніи рѣшаютъ всѣ дѣла, представляя собою весь объединенный народъ. Объединенные въ крупные союзы славяне изображаются названными писателями какъ родственныя племена, единоплеменники. Анты, по словамъ Прокопія, дѣйствовали противъ славянъ, какъ единоплеменники (μαχόμενος δὲ ξὺν τοῖς ὁμογενέσι πρὸς Ζηλαβηνούς); антскіе старѣйшины, по разсказу Менадра, посылая Мезамира къ аварскому хану, наказывали ему выкупать соплеменниковъ (τινας τοῦ οἰκείου φύλου) изъ плѣна.

Собственно при разселеніи первоначальная родо-племенная организація славянъ должна была подвергаться разрушенію: разселялись по разнымъ мѣстамъ какъ члены родовъ, такъ и родственные роды—братства и племена; разрывались старыя родственныя связи и замѣнялись новыми—связями сосѣдства. Но съ теченіемъ времени, когда первоначальное броженіе улегалось, мало-по-малу возстанавливались и прежнія формы быта. Отдѣлив-

шіяся семьи, разростаясь, превращались въ роды; роды, разростаясь, превращались въ племена. Даже группы разныхъ родовъ и племенъ, поселяясь вмѣстѣ, устраивали свое общежитіе по прежнимъ формамъ родоплеменныхъ организацій, образовывали какъ бы искусственные роды и племена. Этотъ процессъ былъ общимъ для всего славянства, въ томъ числѣ, конечно, и для западныхъ славянъ.

Общественные союзы у западныхъ славянъ въ IX—XI вв. Въ IX, X и XI вѣкахъ, когда о западныхъ славянахъ начинаютъ появляться разнообразныя письменныя извѣстія, у нихъ оказывается въ наличности множество племенъ, образующихъ нѣсколько группъ. По извѣстію такъ называемаго Баварскаго географа второй половины IX в., на Вислѣ и верхнемъ Одерѣ обозначаются *висляне* (позже поляне), *ополяне и слензане* и др. Нашъ начальный лѣтописецъ знаетъ на Вислѣ *полянъ* и *мазовшанъ;* позже выступаютъ здѣсь еще *куявы* по лѣвому берегу Вислы и верховьямъ р. Нотеци. По сообщенію англійскаго короля Альфреда Великаго (второй половины IX в.) и византійскаго императора Константина Багрянороднаго (первой половины X в.) обозначаются славянскія племена въ области верхней Эльбы и ея притока Влтавы и р. Моравы: *бемы*, или *чехи*, и *мораване*. Большое число славянскихъ племенъ по извѣстіямъ географа Баварскаго, Эйнгарда, Видукинда, Титмара Мерзебургскаго, Адама Бременскаго, выступаетъ и на средней, и на нижней Эльбѣ, и по всему Прибалтійскому побережью. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ чехами, между рѣкою Салою (притокъ Лабы) и Боброю (притокъ Одры), въ нынѣшнихъ Саксоніяхъ (королевствѣ и провинціи) выступаетъ группа сербо-лужицкихъ племенъ: *сербы* и *гломачи* (между Салою и Лабою), *мильчане* и *лужичане* (между Лабою и Одрою) и др. На сѣверъ отъ сербо-лужицкихъ племенъ въ нынѣшнемъ Бранденбургѣ и восточной части Мекленбурга выступаютъ: *шпревяне* на нижней Шпровѣ, *гаволяне*, или *стодоряне*, по р. Гаволѣ, *моричане* между Гаволею и Лабою, *укране* и *рѣчане* по р. Укрѣ, впадающей въ Малый Штетинскій заливъ, *ратари* и *доленчане* по р. Доленицѣ, притокѣ Пѣны, и вокругъ озера Доленскаго, *черезпѣняне* за р. Пѣною на сѣверъ до моря, *хижане* между р. Варною и Рекницею, впадающими въ море, *ране* на островѣ Ранѣ (Рюгенѣ) и др. Часть этихъ племенъ—ратари, доленчане, черезпѣняне и хижане являются въ IX и X вѣкахъ объединенными въ одну группу подъ именемъ велетовъ. Позже, въ XI вѣкѣ, къ этой группѣ примыкаютъ и другія перечисленныя здѣсь племена, и вся группа носитъ имя лютичей. Къ западу отъ этихъ лютичей, въ западной части нынѣшняго Мекленбурга, въ юго-восточной части Голштиніи и въ герцогствѣ Люнебургскомъ за Эльбою выступаетъ группа племенъ, объединяемыхъ именемъ *ободритовъ*, или *бодричей*. Таковы: *вагры* въ нынѣшней юго-восточной части Шлезвигъ-Гольштейна до р. Травны; *бодричи* къ востоку отъ нихъ, между Травною и Варною; *полабы* и *варны* къ югу отъ нихъ, отъ р. Лабы и до озера Морицкаго; къ югу отъ полабовъ *бытенцы*, къ югу

отъ варновъ *смоляне*; на лѣвомъ берегу Лабы, въ нынѣшнемъ Люнебургѣ, *глиняне* и *древане* (теперь эта мѣстность называется Вендландъ, область вендовъ, славянъ). Къ востоку отъ лютичей, по Балтійскому побережью, отъ Одры до Вислы, выступаютъ *поморяне*. Всѣ эти племена выступаютъ по источникамъ и особо, и въ союзахъ другъ съ другомъ. Есть указанія и на то, что и эти, сами по себѣ небольшія общества въ свою очередь были соединеніями еще болѣе мелкихъ обществъ. Когда нѣмцы покорили стодорянъ—одно изъ лютицкихъ племенъ, они нашли ихъ землю, подѣленную на округа (pagi); въ каждомъ изъ такихъ округовъ былъ свой городъ, къ которому тянули села и деревни; нѣмцы убили у стодорянъ тридцать князей, очевидно, старшинъ или вождей этихъ округовъ. Анализъ источниковъ открываетъ то же самое и относительно другихъ перечисленныхъ выше народцевъ—напр. вагровъ.

Превращеніе родо-племенной организаціи въ политическую. Но что такое представляютъ изъ себя эти мелкія общества, на которыя распадались славянскіе народцы? Повидимому, это были соединенія, выросшія изъ кровныхъ связей. Объ этомъ говорятъ прежде всего собственныя имена этихъ общинъ, указывающія на единство происхожденія ихъ членовъ: *земчичи*, *лѣшичи*, *нелѣтичи*, *морничи* и т. д. Даже и нарицательное имя, которое носили эти общины, свидѣтельствуетъ о томъ же. У сербовъ и поморянъ эти общины несомнѣнно назывались въ старину *жупами*, ибо ихъ старшины (seniores villarum) въ позднѣйшее время, въ XII и XIII вв., именуются въ актахъ *жупанами*. Но жупами, какъ извѣстно, назывались у другихъ (южныхъ) славянъ разросшіеся роды, племена, а жупанами ихъ старѣйшины. Значитъ и западные славяне на первыхъ порахъ имѣли ту же общественную организацію, что и южные. У поляковъ въ древнѣйшихъ актахъ мелкія общины выступаютъ съ именемъ *ополе*, по-лат. vicinia. Здѣсь уже нѣтъ представленія объ общемъ происхожденіи, а только о совокупномъ мѣстожительствѣ. Но есть данныя, позволяющія утверждать, что имя «ополье» позднѣйшее, а древнѣйшее было «жупа». Начальники городовъ въ опольяхъ, или каштеляны, назывались у поляковъ *панами*. Но это имя есть только сокращеніе слова «жупанъ». Повинность ополья кормить проѣзжающаго князя называлась жупною или прямо «жупою»; судъ въ опольяхъ назывался жупнымъ (supa—judicium regale), а засѣдавшіе въ немъ судьи *жупниками* (supparii). Такой же жупный судъ существовалъ и у чеховъ (officium supae, supa).

Итакъ, мелкія общины, на которыя дѣлились западные славянскіе народы въ IX—X вв., развились несомнѣнно изъ родовъ. Весьма вѣроятно, что по типу родовъ во время самаго разселенія создавались и союзы совершенно чуждыхъ другъ другу людей, жившихъ въ одномъ мѣстѣ; возможно далѣе, что роды увеличивались не только путемъ рожденій, но и путемъ приселенія къ нимъ со стороны. По крайней мѣрѣ позднѣе мы уже не замѣчаемъ родства между членами разсматриваемыхъ общинъ, а только простое со-

сѣдство. Но во всякомъ случаѣ прототипомъ такихъ соединеній былъ родъ; родъ далъ имъ свое имя и отчасти свою внутреннюю организацію въ видѣ вѣча, старшинъ, общихъ выгоновъ, лѣсовъ, водъ и другихъ угодій и т. д.

Мелкія общины, какъ мы видѣли, были только частями болѣе крупныхъ союзовъ, ихъ, такъ сказать, ячейками. Спрашивается, что такое представляютъ изъ себя болѣе крупные союзы, всѣ эти перечисленные народцы? Прототипомъ этихъ союзовъ несомнѣнно были крупные родственные союзы, группы родственныхъ родовъ или жупъ, племена. Нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно выросли изъ племени, имѣющаго одного родоначальника, напр. бодричи. Но въ большинствѣ ихъ уже нельзя открыть соединенія на основѣ кровнаго единства. Большая часть ихъ обозначается чисто географическими именами по данной мѣстности, гдѣ они живутъ. Таковы, напр., ране, черезпѣняне, укряне, полабы, гаволяне, ополяне и т. д. Это преобладаніе чисто топографическихъ названій является указаніемъ, что въ этихъ народцахъ, племенахъ, мы уже имѣемъ передъ собою группы общинъ, соединенныхъ не узами родства, а узами сожительства въ данной мѣстности. Если разселеніе должно было потрясти въ значительной степени родовую организацію славянъ, тѣмъ болѣе разрушительно должно было отразиться оно на племенныхъ, болѣе крупныхъ кровныхъ соединеніяхъ. Славянская колонизація совершалась исподоволь, незамѣтно для стороннихъ наблюденій, не массовыми передвиженіями племенъ, а частичными переселеніями семей и родовъ. На новыхъ мѣстахъ переселенцы оказывались часто безъ своего рода и еще чаще безъ своего племени и, не имѣя возможности жить особнякомъ, вступали въ союзы съ сосѣдями. Такъ образовались нѣкоторыя жупы; такъ же сгруппировались въ союзы, или племена, и сосѣднія, родственныя и чуждыя другъ другу по происхожденію жупы. Наименованіе такихъ группъ племенами является поэтому въ значительной степени условнымъ, хотя нельзя отрицать того, что внутренняя организація ихъ могла складываться по хорошо знакомой славянамъ племенной организаціи.

Итакъ, въ связи съ разселеніемъ у западныхъ славянъ должна была утратить простоту и чистоту ихъ старая, праславянская родоплеменная организація. Формы ея остались, но общество, ими обнимавшееся, измѣнилось и усложнилось: въ родахъ и жупахъ были не только люди родственнаго происхожденія, но и чужеродцы, въ племенахъ—не только родственныя, но и чуждыя по происхожденію жупы. Можно сказать, что родоплеменная организація у западныхъ славянъ послѣ ихъ разселенія изъ родственной, естественной превратилась уже въ сущности въ политическую, искусственно-юридическую. Этотъ процесъ былъ, какъ уже сказано, общимъ для всѣхъ славянъ, не только западныхъ, но и восточныхъ и южныхъ. Восточно-славянскія сельскія общины были союзами не только родственниковъ, но и чужеродцевъ, связанныхъ единствомъ власти (старосты) и круговою отвѣтственностью (вервь); юго-славянскія «задруги»

также были родственными соединеніями, включавшими адоптированныхъ чужеродцевъ и т. д.

Образованіе общественныхъ классовъ у западныхъ славянъ. Дальнѣйшія перемѣны въ общественномъ строѣ расселившихся западныхъ славянъ совершались въ связи съ развивавшимся среди нихъ имущественнымъ неравенствомъ и классовою дифференціаціею. Съ теченіемъ времени люди, имѣвшіе рабовъ и болѣе или менѣе значительную движимость, стали занимать большія пространства земли, осваивать ихъ и заводить на нихъ крупное хозяйство. Въ такое положеніе становились прежде всего родовые и племенные старѣйшины и вожди, имѣвшіе случай набрать больше, чѣмъ другіе, добычи и рабовъ, пользоваться услугами и свободныхъ подчиненныхъ имъ людей. Вотъ почему и первыми землевладѣльцами у западныхъ славянъ выступаютъ въ IX—XI вѣкахъ владыки, паны (жупаны) и князья, т.-е. люди, идущіе въ прямой линіи отъ родовыхъ и племенныхъ старѣйшинъ. Развитіе землевладѣнія, обусловленное наличіемъ нѣкотораго имущественнаго неравенства, въ свою очередь двигало дальше развитіе этого имущественнаго неравенства, создавало классъ богатыхъ, состоятельныхъ людей. Въ томъ же направленіи вліяло и развитіе торговли, о которомъ сказано выше. Но имущественное неравенство повело къ измѣненію соціальной структуры западно-славянскихъ обществъ. Первоначальная простота и однообразіе состава ихъ обществъ замѣнились сложностью, классовымъ разнообразіемъ. У западныхъ славянъ, какъ и у восточныхъ, съ теченіемъ времени должны были выдѣлиться свои большіе или лучшіе люди, житьи, купцы, свои меньшіе или молодшіе люди, чернь. И дѣйствительно, какъ только начинаютъ говорить о нихъ нѣмецкіе писатели, мы встрѣчаемъ у нихъ barones, primates или primores, nobiles, vulgus.

Но измѣненія въ соціальномъ строѣ неизбѣжно должны были привести къ извѣстнымъ перемѣнамъ и въ быту политическомъ. Власть въ славянскихъ общинахъ, по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ греческихъ писателей, принадлежала всему народу, собиравшемуся на вѣчахъ, и старѣйшинамъ, получавшимъ ее либо по старшинству, либо по личнымъ качествамъ— уму, опытности, храбрости и т. д. Но теперь чистое народное самоуправленіе стало исподоволь уступать мѣсто руководительству знати, общенародныя вѣча замѣняться совѣщаніями знати или, по крайней мѣрѣ итти вслѣдъ за ними. Вотъ примѣръ изъ IX вѣка. Людовику Благочестивому, сыну Карла В., пожаловались на Бодрицкаго князя Чедрага и просили смѣстить его. Людовикъ послалъ разузнать, общее ли это желаніе бодричей или нѣтъ. Ему принесли отвѣтъ, что мнѣнія народа на этотъ счетъ различны, на что всѣ лучшіе и знатнѣйшіе люди желаютъ единодушно Чедрага, и этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы оставить его на княженіи. Чѣмъ далѣе подвигаемся въ IX, X и XI вѣкахъ, тѣмъ все замѣтнѣе становится по источникамъ политическое преобладаніе знати, особенно у тѣхъ племенъ, гдѣ княжеская власть не получила сильнаго

развитія. Наибольшаго значенія достигла знать у торговаго народа поморянъ. Выдѣленіе знати, лучшихъ людей, какъ особаго класса общества, должно было отразиться и на личномъ составѣ западнославянскихъ властей. Если прежде старостою, жупаномъ становился старѣйшій въ общинѣ или избранный народомъ за свои личныя качества мужъ, то теперь въ старосты, жупаны стали чаще всего попадать богатые, знатные и сильные люди, и притомъ не всегда по добровольному избранію общины, а иногда и навязываясь ей силою. Богатый, знатный и сильный человѣкъ и жупанъ стали синонимами. Вѣроятно и князья многихъ племенъ стали выходить изъ этого же класса богатыхъ и сильныхъ людей, которые имѣли возможность окружать себя большимъ количествомъ слугъ и преданныхъ имъ людей.

Общій ходъ внутренняго развитія западныхъ славянъ до объединенія ихъ въ крупные союзы и государства. Резюмируемъ теперь все, что можно установить по источникамъ относительно быта западныхъ славянъ до образованія среди нихъ крупныхъ племенныхъ союзовъ и государствъ. Поселившіеся въ бассейнахъ Вислы, Одера, Эльбы и верхняго Дуная славяне занялись здѣсь тѣмъ же самымъ, чѣмъ занимались и ранѣе, т.-е. земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ, охотою и нѣкоторыми домашними ремеслами. Сверхъ того, значительнаго развитія достигала у нихъ торговля съ западными сосѣдями и востокомъ, куда они сбывали преимущественно мѣха, воскъ и медъ, какъ и восточные славяне. Общественная организація ихъ продолжала удерживать формы родо-племенной, но по существу превратилась уже въ политическую. Мелкіе общественные союзы, въ которыхъ жили западные славяне и которые назывались жупами, были уже союзами не родства только, но и сосѣдства; болѣе крупныя общественныя соединенія, или племена, были большею частью группами сосѣднихъ, неродственныхъ жупъ. Среди западныхъ славянъ развилась частная недвижимая собственность, появилось имущественное неравенство, выдѣлились классы лучшихъ, знатныхъ, сильныхъ людей, землевладѣльцевъ и купцовъ. Этотъ классъ сталъ играть первенствующую, руководящую роль въ народныхъ вѣчахъ и замѣщать мѣста вождей и старшинъ народныхъ. Такова была эволюція западнославянской общественной жизни за время VII—IX вѣковъ. Эта эволюція совершилась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ двухъ факторовъ — разселенія и торговаго обмѣна. Дальнѣйшая эволюція произошла уже подъ вліяніемъ новаго фактора—напряженной борьбы за существованіе.

Важнѣйшая литература:

Dr. Gregor Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. 2-te Auflage. Graz 1887.

O. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. B. II.
Первольфъ, I. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. I—III. Варшава 1886—1890.
Гильфердингъ, Исторія Балтійскихъ славянъ (Собр. сочин. т. IV и V. Спб. 1874).
Boguslawski, W. Dzieje słowiańszczyzny połnocno-zachodnej, tom II. Poznań 1889.
K. Wachowski, Słowiańczczysna zachodnia. Tom I. Warszawa 1903.
Prof. W. Czermak, Illustrowane dzieje Polski, tom I. Wieden.

IV.

Борьба западныхъ славянъ съ сосѣдями въ VII—XI вѣкахъ и образованіе среди нихъ крупныхъ союзовъ и монархій.

Мы познакомились съ тѣми измѣненіями, которыя внесли въ общественную организацію западныхъ славянъ самый фактъ разселенія ихъ по новымъ мѣстамъ и развившійся у нихъ торгово-промышленный обмѣнъ между собою и съ другими народами. Но одновременно съ мирными торговыми сношеніями у западныхъ славянъ шла и вооруженная борьба какъ между собою, такъ и съ сосѣдями, сначала съ аварами и германскими племенами, затѣмъ съ венграми и германцами и, наконецъ, съ одними германцами, сплотившимися въ могущественное государство. Эта борьба съ своей стороны внесла извѣстныя измѣненія въ жизнь западнаго славянства, именно содѣйствовала образованію среди нихъ крупныхъ политическихъ соединеній, изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣлались постоянными и прочными, превратились въ государства.

Борьба съ аварами. Первые зачатки государственнаго объединенія среди западныхъ славянъ появились во время борьбы съ аварами. Эта тюркская орда, вышедшая изъ Азіи, врѣзалась въ среду славянства во второй половинѣ VI. вѣка. Вызванные изъ южныхъ степей восточной Европы лангобардами на помощь противъ гепидовъ, авары завладѣли ихъ страною, Дакіею, а послѣ того, какъ Альбоинъ въ 568 году увелъ лангобардовъ съ Дуная въ Италію, авары заняли всю Паннонію. Поселившись въ Дакіи и Панноніи, авары подчинили себѣ жившихъ здѣсь славянъ и съ ихъ помощью начали громить Византійскую имперію. Франкскій лѣтописецъ Фредегаръ (VII в.) пишетъ: «Венды были работниками гуннамъ издревле, такъ

что, когда гунны шли ратью противъ какого-нибудь народа, они ставили впереди своего лагеря ихъ соединенное войско, и венды сражались; если они одерживали верхъ, тогда гунны подходили, чтобы забрать добычу; а если венды начинали подаваться, то, получивъ подмогу со стороны гунновъ, они снова набирались силы. Каждый годъ гунны приходили къ славянамъ на зимовку, брали въ наложницы женъ славянъ и дочерей». Тягость аварскаго ига испытывали на себѣ преимущественно тѣ славяне, которые разселились по сосѣдству съ Дакіею въ Панноніи. Наша лѣтопись записала преданіе о томъ, какъ мучили авары дулѣбовъ: «Аще поѣхати будяше обрину, не дадяше впрячи ни коня, ни вола, но веляше впрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ въ телѣгу и повести обрина: тако мучеху дулѣбы. Быша бо обри тѣломъ велици и умомъ горды, и Богъ потреби я, помроша вси и не остася ни одинъ обринъ; есть притча на Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдника». Но и западнымъ славянамъ, по всѣмъ даннымъ, приходилось туго отъ этихъ насильниковъ, поражавшихъ своимъ огромнымъ ростомъ и физическою силою. Имя «обръ», «обринъ» стало и у западныхъ славянъ нарицательнымъ именемъ для обозначенія великана (чешск. obr, польск. olbrzym). Игу аваровъ подверглись славяне, поселившіеся въ Богеміи. Эта область стала проходною для аваръ, которые съ 596 года стали непрерывно вторгаться отсюда въ Тюрингію. Угнетенія, испытываемыя этими славянами, а равно и тѣми, которые разселились на верхней Савѣ и Дравѣ, заставили ихъ въ концѣ концовъ возстать противъ насильниковъ и сомкнуться въ союзъ подъ начальствомъ одного вождя.

Образованіе богемскаго союза подъ властью Само. По разсказу франкскаго лѣтописца Фредегара, въ сороковой годъ царствованія Лотаря, т.-е. въ 623 году, одинъ человѣкъ по имени Само, родомъ франкъ, собралъ около себя значительное число торговцевъ и отправился съ ними къ славянамъ, иначе винедамъ, для торговыхъ цѣлей. Какъ разъ въ это самое время произошло возстаніе славянъ противъ аваровъ. Само присоединился къ нимъ и настолько отличился въ битвахъ съ аварами, что славяне выбрали его своимъ царемъ. Подъ властью его, кромѣ славянъ Богеміи, объединились хорутане, жившіе на верхней Савѣ и Дравѣ: объ этомъ свидѣтельствуетъ книга« Объ обращеніи баварцевъ и хорутанъ» (De conversione Bagoariorum et Carantanorum libellus). Въ концѣ концовъ эти славяне совершенно освободились отъ власти аваровъ. Но освободившись отъ власти аваровъ, славяне вступили въ борьбу съ франками. Поводомъ послужило ограбленіе франкскихъ купцовъ въ державѣ Само. Само одолѣлъ войско франкскаго короля Дагобера, послѣ чего къ нему примкнули и другія славянскія племена, напр., сербы съ своимъ княземъ Дерваномъ. Такъ слагался довольно крупный политическій союзъ изъ западныхъ и частью южныхъ славянъ съ тенденціею къ дальнѣйшему расширенію, возникало политическое сооруженіе съ намекомъ на будущее славянское государство. Само

правилъ своимъ государствомъ 35 лѣтъ; послѣ его смерти оно разложилось.

Союзы полабскихъ славянъ и политика Каролинговъ. Но борьба съ аварами и германскими племенами, въ особенности саксами и датчанами, а также междоусобія и столкновенія продолжались, и это не могло оставаться безъ вліянія на политическое развитіе западнаго славянства. Тенденція къ единенію племенъ, къ формировкѣ крупныхъ политическихъ соединеній поддерживалась этою борьбою, и къ концу VIII в. мы видимъ полабскихъ славянъ организованными въ союзы Бодрицкій, Лютицкій, Сербскій и Чешскій. Карлу Великому пришлось имѣть дѣло именно съ этими союзами, а не съ отдѣльными мелкими племенами.

Вступивъ въ борьбу съ саксами, Карлъ нашелъ союзниковъ противъ нихъ въ лицѣ бодричей, которые уже давно боролись съ саксами и помогали противъ нихъ еще отцу Карла—Пипину Короткому. Но зато лютичи помогали саксамъ противъ франковъ. Вслѣдствіе этого, разбивъ саксовъ, Карлъ обрушился на лютичей; въ этомъ походѣ на сторонѣ его участвовали бодричи съ своимъ княземъ Вильчаномъ и сербы. Соединенная франкская и славянская рать страшно опустошила землю лютичей, которые въ концѣ концовъ должны были покориться: ихъ главный князь Драговитъ, а за нимъ и другіе князья и жупаны явились къ Карлу, признали свою зависимость и выдали заложниковъ. Бодричи и послѣ того помогали Карлу противъ саксовъ, причемъ въ борьбѣ погибъ и князь ихъ Вильчанъ. Въ 804 году Карлъ явился на помощь къ бодричамъ, утвердилъ у нихъ княземъ Дражка вмѣсто погибшаго Вильчана и подарилъ имъ такъ называемую Нордальбингію (нынѣ западную Гольштинію), изъ-за которой шла у нихъ борьба съ саксами. Впрочемъ, эта Нордальбингія недолго оставалась въ владѣніи бодричей. Такъ какъ союзники саксовъ—датчане вмѣстѣ съ лютичами стали пустошить землю бодричей (между прочимъ разорили у нихъ большой торговый городъ Рарогъ), такъ какъ благодаря этимъ вторженіямъ сталъ разлагаться самый союзъ бодричей (отъ него отпали, глиняне и смоляне), Карлъ Великій счелъ нужнымъ занять Нордальбингію и устроить въ ней франкскую марку съ крѣпостью на мѣстѣ нынѣшняго Гамбурга. Другая франкская марка была основана имъ на лѣвомъ берегу Лабы противъ земли глинянъ и смолянъ. Попытка лютичей разорить эту марку вызвала противъ нихъ въ 812 году новый походъ Карла, закончившійся покореніемъ лютичей: они вынуждены были дать заложниковъ. Еще раньше, въ 805, 806 и 807 годахъ, франконскія войска опустошили земли сербовъ, гломачей и чеховъ и заставили эти племена признать свою зависимость отъ франкскаго короля и выдать заложниковъ. Біографъ Карла Великаго Эйнгардъ отмѣчаетъ, что всѣ варварскіе народы отъ Дуная и до Вислы и Балтійскаго моря должны были признать себя данниками Карла. Между прочимъ Карлъ покорилъ словинцевъ, жившихъ на Дунаѣ и верхней Савѣ и Дравѣ и основалъ на ихъ земляхъ три марки: Восточную, которой

суждено было стать ядромъ нынѣшней Австріи, хорутанскую и словинскую; покорены имъ были также и хорваты на Савѣ и въ Далмаціи. Покореніе славянъ диктовалось Карлу Великому отчасти самою жизнью—непрестанными нападеніями славянъ на пограничныя германскія области, отчасти тою идеею, которая связывалась съ его новымъ саномъ—римскаго императора. По мысли папы и императора возстановленная римская имперія должна была стать универсальной, объять весь извѣстный тогда orbis terrarum, какъ христіанскія, такъ и варварскія страны; всѣ страны, всѣ короли и князья должны были стать подвластными единому римскому императору и принадлежать къ единой христіанской церкви, главою кототорой былъ папа. И въ глазахъ самихъ славянъ Карлъ сталъ носителемъ наивысшей государственной власти, вслѣдствіе чего во всѣхъ западнославянскихъ языкахъ и частью у южныхъ славянъ имя его стало нарицательнымъ ля обозначенія государя высшаго ранга. Не надѣясь, однако, на всегдашнее подчиненіе славянъ, Карлъ озаботился укрѣпленіемъ со стороны ихъ германской границы. Такъ возникъ limes sorabicus. Онъ начинался въ окрестностяхъ нынѣшняго Линца на Дунаѣ, шелъ по теченію этой рѣки до Регенсбурга, откуда направлялся на сѣверъ и достигалъ береговъ Регница въ окрестностяхъ нынѣшняго Нюренберга; отъ впаденія Регница въ Майнъ пересѣкалъ Франконскій лѣсъ, тогда еще огромную пущу, въ направленіи къ Эрфурту; отсюда теченіемъ Салы и Лабы доходилъ до города Бардевика, гдѣ поворачивалъ на сѣверо-востокъ и по берегу Травены достигалъ Балтійскаго моря.

Положеніе, созданное Карломъ Великимъ, продолжалось на первыхъ порахъ и при его преемникахъ. Людовикъ Благочестивый продолжалъ повелѣвать бодричами и лютичами, судилъ, низлагалъ и подтверждалъ ихъ князей. Но въ концѣ тридцатыхъ годовъ IX вѣка славяне выходятъ изъ повиновенія—начинаютъ нападать на германскія марки, разбивать войска, выжигать поселенія. То же самое происходитъ и по смерти Людовика Благочестиваго, во время междоусобія его сыновей. Когда эти междоусобія прекратились раздѣломъ имперіи Карла Великаго между его внуками, то королю Людовику Нѣмецкому пришлось уже имѣть дѣло съ крупною политическою силою, которая выросла въ то время среди западныхъ славянъ, и которая чуть было не объединила ихъ всѣхъ въ борьбѣ съ нѣмцами: то была Великоморавская держава.

Образованіе и распаденіе Великоморавской державы. Ядро этой державы образовалось въ Моравіи. Къ 830 году Моравскій князь Моймиръ изгналъ изъ Нитранской области (нынѣ область словаковъ между Дунаемъ и Грономъ) князя Прибину, который не захотѣлъ подчиняться ему. Прибина нашелъ себѣ убѣжище и защиту у нѣмецкаго короля Людовика, который далъ ему въ ленное владѣніе Нижнюю Паннонію, т.-е. землю между Дунаемъ, Дравою и Рабомъ, вокругъ озера Блатна (нынѣ Балатонъ или Платтенъ). Въ 846 году Людовикъ предпринялъ походъ въ Моравію, свергъ

съ княженія Моймира и посадилъ на его мѣсто княземъ въ Моравіи племянника его Ростислава. Людовикъ разсчитывалъ, что ставленникъ его Ростиславъ будетъ вѣрнымъ его вассаломъ, но ошибся въ своихъ расчетахъ. Новый Моравскій князь прежде всего настроилъ города въ своей странѣ, въ томъ числѣ *Велеградъ*, сдѣлавшійся главнымъ городомъ Моравіи, а затѣмъ, когда началась борьба Людовика съ сыновьями Карломаномъ и Людовикомъ, поддерживалъ сыновей противъ отца и воспользовался услугами Карломана, чтобы погубить наслѣдственнаго врага династіи—Прибину. Ростиславъ сгруппировалъ вокругъ себя рѣшительно всѣхъ славянъ, которые въ то время вели борьбу съ нѣмцами,—чеховъ, сербовъ и другихъ полабскихъ славянъ и добился по договору полной независимости Моравіи. Тогда нѣмецкія власти рѣшили избавиться отъ Ростислава точно такимъ же способомъ, какъ избавились нѣкогда отъ Моймира. По ихъ наущенію, князь Нитранскій Святополкъ, племянникъ Ростислава, внезапно напалъ на дядю, схватилъ его и отослалъ въ Германію, гдѣ онъ былъ ослѣпленъ и посаженъ въ заключеніе. Мѣсто Ростислава въ Моравіи, по уговору съ нѣмцами, занялъ Святополкъ. Но уже въ слѣдующемъ, 871-мъ году, по подозрѣнію въ измѣнѣ, онъ былъ схваченъ Карломаномъ и отосланъ въ Германію, а Моравія была занята нѣмецкимъ войскомъ и стала управляться двумя нѣмецкими графами. Но мораване не снесли наложеннаго ярма и возстали противъ нѣмцевъ. Людовикъ отправилъ для усмиренія возстанія Святополка съ войскомъ, обѣщая сдѣлать его снова княземъ въ Моравіи. Но Святополкъ соединился съ возставшими и истребилъ нѣмецкое войско, при чемъ погибли и присланные въ Моравію нѣмецкіе графы. Когда въ слѣдующемъ году пришло въ Моравію новое нѣмецкое войско, Святополкъ соединился съ чехами и славянами съ Эльбы и Одера и успѣшно выдержалъ борьбу съ нѣмцами. По мирному договору 874 года нѣмецкій король призналъ Святополка самостоятельнымъ Моравскимъ княземъ. Вмѣшательство въ междоусобія, происходившія въ Германіи между потомками Карла Великаго, дало возможность Святополку пріобрѣсти верховную власть надъ Чехіею, которую уступилъ ему король Арнульфъ въ вознагражденіе за помощь, оказанную ему Святополкомъ при достиженіи престола. Отъ Арнульфа же Святополкъ получилъ и княжество Прибины, которое по смерти сына Прибины, кн. Коцела, попало снова въ руки нѣмцевъ. Кромѣ того, къ нему добровольно примкнули или же были покорены имъ славянскія племена по Эльбѣ и Одеру и въ Карпатахъ, т.-е. въ нынѣшнихъ Лужицахъ, Силезіи, сѣверной Венгріи (словаки) и Галиціи. Такъ слагался огромный союзъ западныхъ славянъ подъ главенствомъ Моравскаго князя.

Но и этому союзу не суждено было устроиться и превратиться въ организованное государственное тѣло. По смерти Святополка въ 894 году сыновья его, Моймиръ и Святополкъ II, заспорили о первенствѣ и завели усобицу. Этимъ воспользовались тѣ славянскія племена, которыя были

покорены Святополкомъ, и отложились отъ Моравіи. Такъ, чешскіе князья Спитигнѣвъ и Вратиславъ, сыновья Буривоя, явились въ 895 г. въ Регенсбургъ къ королю Арнульфу и признали нѣмецкій суверенитетъ надъ Чехіею. Отъ Моравіи отложились и тѣ князья и племена, которые добровольно подчинились было Святополку. Они признавали надъ собою власть Святополка, какъ главнаго и могущественнаго вождя въ борьбѣ съ общимъ врагомъ—нѣмцами. Но сыновья Святополка не унаслѣдовали отъ него этого значенія. Въ борьбѣ между собою они пользовались услугами нѣмцевъ, которые страшно разоряли не только Моравію, но и другія славянскія земли. Такимъ образомъ, Моравія теперь не оберегала отъ нѣмцевъ, а наоборотъ—подвергала разореніямъ и насиліямъ западно-славянскія племена, которыя и спѣшили поэтому отдѣлиться отъ нея и обособиться. Окончательный ударъ Великоморавской державѣ, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго нанесли венгры. Угры, по его словамъ, совершенно истребили сыновей Святополка и покорили страну ихъ, въ которой и нынѣ живутъ. «Оставшіеся изъ народа,—пишетъ императоръ,—разсѣялись и убѣжали къ сосѣднимъ народамъ—къ болгарамъ, туркамъ, хорватамъ и другимъ». Этотъ разгромъ постигъ Моравію около 906 года.

Съ разрушеніемъ Великоморавской державы западное славянство оказалось разбитымъ политически даже въ большей степени, чѣмъ это было прежде. При Карлѣ Великомъ и его сыновьяхъ существовали, какъ мы видѣли, союзы бодричей, лютичей, сербовъ, чеховъ, во главѣ которыхъ были старшіе князья, коимъ подчинялись младшіе. Теперь эти старшіе князья большею частью перевелись. У бодричей старшаго князя уничтожилъ Людовикъ нѣмецкій. Въ другихъ союзахъ старшіе князья упразднились, повидимому, во время подчиненія ихъ Моравскому великому князю. Одинъ только *Чешскій* союзъ представлялъ исключеніе. Его князья, какъ было сказано, признали суверенитетъ нѣмецкаго короля надъ Чехіею и тѣмъ спасли свое положеніе и бытіе своего государства.

Покореніе полабскихъ и прибалтійскихъ славянъ при Генрихѣ I и Оттонѣ I. Политическимъ раздробленіемъ западныхъ славянъ въ X вѣкѣ воспользовались нѣмцы для покоренія ихъ, для подчиненія своему господству. Надо сказать, что славяне сами навлекали на себя нѣмецкое ярмо. Въ то время, когда Германія послѣ прекращенія династіи Каролинговъ раздиралась внутренними усобицами, славяне въ союзѣ съ венграми, датчанами и норманнами часто вторгались въ нѣмецкія земли и опустошали ихъ. Эти нападенія и заставили нѣмцевъ, какъ только прекратились у нихъ усобицы, снова приняться за утвержденіе своего господства надъ западными славянами. Первый король саксонской династіи *Генрихъ Птицеловъ* въ 927 году перешелъ Эльбу, напалъ на стодорянъ, осадилъ ихъ главный городъ Браниборъ (Бранденбургъ) и взялъ его голодомъ. Стодоряне должны были покориться и платить Генриху дань. Въ такое же положеніе попали ратари и другія племена лютичей и бодричей;

сербо-лужицкія племена—гломачи, сербы и мильчане попали подъ власть нѣмецкаго короля еще раньше. Въ 929 году славяне подняли возстаніе, но на берегу Лабы при Лончинѣ были на голову разбиты нѣмцами. Въ этотъ годъ чешскій князь *Вацлавъ*, сынъ Вратислава, призналъ себя въ зависимости отъ нѣмецкаго короля и обязался платить ему ежегодно 500 гривенъ серебра и 120 воловъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ покорены были укране, и нѣмецкое господство такимъ образомъ дошло до береговъ Одры. Преемникъ Генриха I *Оттонъ* I уже не довольствовался походами на славянъ и наложеніемъ на нихъ дани, но старался заложить твердыя базы нѣмецкому господству въ ихъ земляхъ. Онъ устроилъ здѣсь нѣсколько военныхъ нѣмецкихъ колоній, или марокъ. Таковы были *Мейссенская* и *Восточная* марки въ землѣ лужицкихъ сербовъ и *Новая* марка въ землѣ лютицкихъ племенъ. Послѣдняя возникла при такихъ обстоятельствахъ. Оттонъ назначилъ правителемъ южной Саксоніи (марки, называвшейся ранѣе Сѣверною) маркграфа *Герона*, храбраго, но коварнаго и вѣроломнаго человѣка. Когда Геронъ былъ занятъ усмиреніемъ своихъ непокорныхъ нѣмецкихъ вассаловъ, славяне перешли Лабу и начали пустошить нѣмецкія пограничныя области. Геронъ вошелъ въ переговоры съ ихъ князьями и жупанами, заманилъ ихъ къ себѣ на пиръ и здѣсь перебилъ около 30 человѣкъ. Движимые чувствомъ мести, славяне еще съ большею яростью стали нападать на нѣмцевъ. Тогда Геронъ прибѣгъ къ новой хитрости. Деньгами и обѣщаніями онъ подкупилъ Браниборскаго князя Тугомира, жившаго въ плѣну у нѣмцевъ. Тугомиръ, якобы убѣжавъ изъ плѣна, явился къ своему племени—стодорянамъ, которые и приняли его на княженіе. Вслѣдъ затѣмъ явился съ войскомъ Геронъ, и Тугомиръ предалъ ему главный городъ Браниборъ (940 г.). Утвердившись здѣсь, Геронъ покорилъ сосѣднія лютицкія племена до Одры. Около четырнадцати лѣтъ славяне покорно сносили нѣмецкое иго. Въ 945 году, когда разнеслась вѣсть о вторженіи венгровъ въ Баварію, къ Оттону, находившемуся тогда въ Саксоніи, явились послы отъ покоренныхъ славянъ и заявили, что славяне готовы платить дань нѣмецкому королю и быть его союзниками, но желаютъ управляться безъ чужого вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла. Не получивъ желаемаго отвѣта, полабскія племена бодрицкой и лютицкой группъ взялись за оружіе; предводителями были бодрицкіе князья Стоигнѣвъ и Накунъ. Но ране и чехи не только не поддержали возставшихъ, но и были на сторонѣ нѣмцевъ. Возставшіе въ концѣ концовъ были усмирены, при чемъ у нѣкоторыхъ племенъ были устранены ихъ князья, и управленіе ими ввѣрено было нѣмецкимъ графамъ.

Паденіе нѣмецкаго господства, установившагося при короляхъ Саксонской династіи. Однако и на этотъ разъ нѣмцамъ не удалось надолго упрочить свое господство надъ полабскими славянами. Преемникъ Оттона I Оттонъ II все время своего правленія (973—983) занятъ былъ дѣлами Италіи, главнымъ образомъ обороною ея отъ арабовъ. Когда онъ потерпѣлъ

тамъ крупную неудачу, полабскіе славяне, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями маркграфовъ, повально возстали противъ нѣмцевъ. Примѣръ подали гаволяне: они сожгли Гавельбергъ и Бранденбургъ и прогнали нѣмецкіе гарнизоны за Лабу. Одновременно бодричи съ княземъ Мстивоемъ во главѣ напали на Гамбургъ и сожгли его. Вслѣдъ затѣмъ тридцать славянскихъ отрядовъ переправились за Лабу, вторглись въ глубь Саксоніи и произвели тамъ сильныя опустошенія. Преемникъ Оттона II *Оттонъ III* въ девяностыхъ годахъ X столѣтія совершилъ рядъ походовъ на полабскихъ славянъ, причемъ ему по временамъ помогали князья польскій Мѣшко и чешскій Болеславъ II; но при всемъ томъ, занятый итальянскими дѣлами, онъ не могъ утвердить своей власти надъ славянами. Около 1000 года полабскіе славяне были столь же независимы, какъ и двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Борьба объединила ихъ вновь, и мы видимъ, что они выступаютъ не отдѣльными племенами, а въ федераціяхъ—бодрицкой и лютицкой.

Образованіе польской монархіи. Натискъ нѣмцевъ, продолжавшійся свыше двухъ сотъ лѣтъ, а также, повидимому, и нападенія венгровъ съ юга заставили въ концѣ концовъ сомкнуться въ одинъ союзъ и славянъ, жившихъ на правой сторонѣ Одры и въ бассейнѣ Вислы. Въ половинѣ X вѣка мы встрѣчаемся по источникамъ съ первымъ, исторически извѣстнымъ польскимъ княземъ Мѣшкомъ I. Подъ его властью является цѣлая группа племенъ—поляки, сѣрадзяне, ленчане, куявы, мазуры, бѣлые и черные хорваты (въ Карпатахъ). Кромѣ Мѣшка у перечисленныхъ племенъ мы уже не видимъ болѣе никакихъ другихъ князей; если эти князья и были раньше, то они уже устранены были при объединеніи племенъ подъ властью польскаго князя. Мѣшко уже безраздѣльно княжилъ надъ всѣми вышеупомянутыми племенами. Въ связи съ этимъ и соединеніе племенъ подъ его властью оказалось прочнымъ и сдѣлалось ядромъ, изъ котораго выросло *Польское государство*. На первыхъ порахъ у этого молодого союза, однако, не хватило силъ для успѣшной борьбы съ нѣмцами. Въ 963 году Мѣшко столкнулся съ маркграфомъ Герономъ. Результатъ столкновенія былъ тотъ, что онъ долженъ былъ признать свою зависимость отъ нѣмецкаго короля. Въ этомъ положеніи Мѣшко оставался до конца своей жизни; между прочимъ онъ долженъ былъ помогать Оттону III въ усмиреніи возстанія полабскихъ славянъ.

Молодое Польское государство стало на свои ноги и начало жить и дѣйствовать самостоятельно, только при сынѣ Мѣшка—*Болеславѣ I Храбромъ* (992—1025). Болеславъ воспользовался тѣмъ, что силы и вниманіе нѣмецкихъ государей были отвлечены въ сторону Италіи, и подчинилъ себѣ поморянъ. Затѣмъ, пользуясь усобицами чешскихъ князей, отнялъ у нихъ Силезію и земли закарпатскихъ словаковъ. Въ междуцарствіе, наступившее по смерти Оттона III, Болеславъ захватилъ землю лужичанъ и Мейссенскую марку, а затѣмъ и Чехію съ Моравіей. Чехію, впрочемъ,

послѣ борьбы съ императоромъ Генрихомъ II, преемникомъ Оттона III, онъ долженъ былъ вернуть обратно ея природнымъ князьямъ. Не удалось ему подчинить себѣ и лютичей, отдавшихся подъ защиту Генриха II. Но и помимо того, владѣнія Болеслава составляли огромную и могущественную державу. Усиленіе польскаго князя не могло не отразиться и на его отношеніяхъ къ имперіи. Императоръ Оттонъ III долженъ былъ заискивать у него, чтобы предотвратить разрывъ его съ имперіей. Въ 1000 году Оттонъ посѣтилъ его въ Гнѣзнѣ подъ благовиднымъ предлогомъ поклоненія останкамъ св. Войтеха, или Адальберта, Пражскаго епископа, убитаго пруссами. Императоръ подарилъ Болеславу копье св. Маврикія съ гвоздемъ отъ Креста Христова, надѣлъ на него собственную корону и назвалъ его пріятелемъ, союзникомъ и патриціемъ народа Римскаго. Въ 1025 году уже самъ Болеславъ, не спрашивая на то согласія императора и папы, велѣлъ архіепископу Гнѣзненскому учинить надъ нимъ обрядъ коронаціи, чѣмъ и выразилъ сознаніе независимости и величія польскаго государя и государства.

По смерти Болеслава Храбраго размѣры его державы значительно сократились. У его преемника Мѣшка II венгры отняли область закарпатскихъ словаковъ, чешскій князь Бжетиславъ Ахиллесъ—Моравію, датчане—Поморье, императоръ—землю лужичанъ и мильчанъ, великій князь Кіевскій Ярославъ—червенскіе города. Но при всемъ томъ польская монархія не разрушилась и сохранила свою самобытность. Оправившись отъ внутренняго потрясенія, послѣдовавшаго за смертью Болеслава Храбраго, она даже вернула часть своихъ потерь. Одинъ изъ потомковъ Болеслава I Болеславъ III Кривоустый въ началѣ XII в. снова присоединилъ къ Польшѣ Поморье.

Держава Вендскаго короля и ея распаденіе. Молодое польское государство окрѣпло и стало на ноги при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Послѣдніе нѣмецкіе короли изъ саксонскаго дома, какъ было уже сказано, тратили свои силы на удержаніе за собою Италіи, которая всецѣло поглощала ихъ вниманіе. Первые короли изъ франконской династіи должны были считаться главнымъ образомъ съ внутреннею неурядицею, господствовавшею тогда въ Германіи, съ своеволіемъ своихъ вассаловъ, съ феодальными войнами и т. д. А затѣмъ подоспѣли междоусобія въ Германіи, порожденныя борьбою императоровъ съ папами. Всѣ эти обстоятельства помогали и полабскимъ славянамъ отстоять свою независимость. Въ концѣ XI вѣка наступилъ даже такой моментъ, когда полабскіе славяне готовились объединиться въ одинъ государственный союзъ. Главный князь бодричей Генрихъ, при помощи самихъ же нѣмцевъ подчинилъ себѣ ранъ и затѣмъ распространилъ свою власть по всѣмъ полабскимъ землямъ. По сообщенію Гельмольда, ему платили дань не только бодричи, но и ране, лютичи и всѣ племена, которыя жили отъ Лабы и до предѣловъ польскаго государства. Могущество Генриха было такъ велико, что славяне и нѣмцы

именовали его королемъ. Но при всемъ томъ оно было извѣстною случайностью, результатомъ стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, а не органической работы жизни, и потому оказалось непрочнымъ. По смерти Генриха въ 1126 году, когда его сыновья по обычаю завели усобицу, покоренныя имъ племена отложились и государство «вендскаго короля» рухнуло.

Какъ бы то ни было, нѣмцамъ пришлось снова дѣлать то дѣло усмиренія и покоренія славянъ, которое они выполнили было при первыхъ короляхъ саксонской династіи. Но историческая обстановка къ тому времени уже сильно измѣнилась, ибо западное славянство было теперь въ общемъ болѣе организовано, чѣмъ раньше, противостояло нѣмцамъ не въ отдѣльныхъ только мелкихъ племенахъ, а и въ рядѣ крупныхъ федерацій и монархій. Этотъ фактъ былъ прямымъ послѣдствіемъ продолжительной борьбы славянъ съ сосѣдями. Формировка крупныхъ политическихъ соединеній въ свою очередь сопровождалась значительными измѣненіями во внутреннемъ строѣ и бытѣ западнославянскихъ обществъ. У насъ теперь на очереди разсмотрѣніе этихъ измѣненій.

Важнѣйшая литература.

Кромѣ трудовъ Гильфердинга, Богуславскаго, Ваховскаго и Грушевскаго, указанныхъ въ предыдущей главы, можно еще указать:

Ѳ. И. Успенскій, Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ. Спб. 1872.

К. Я. Гротъ. Моравія и мадьяры въ X в. Спб. 1881.

Гильфердингъ, Борьба славянъ съ нѣмцами на Балтійскомъ поморьѣ въ средніе вѣка (Полное собраніе сочиненій, т. IV).

А. Павинскій, Балтійскіе славяне въ борьбѣ съ нѣмцами. Спб. 1871.

L. Giesebrecht, Wendische Geschichten. Berlin 1843.

V.

Внутренній строй западнославянскихъ племенныхъ союзовъ и первоначальныхъ монархій въ IX—XI вѣкахъ.

Политическіе союзы, въ которыхъ сгруппировались въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ борьбы съ сосѣдями западнославянскія племена, носили не одинаковый характеръ. Одни изъ нихъ были федераціями племенъ,

которыя, объединяясь для внѣшней цѣли, продолжали сохранять свою раздѣльность и внутреннюю самостоятельность. Другіе превратились въ государственные организмы, жившіе единою общею жизнью не только внѣшнею, но и внутреннею. Третьи представляли различныя степени перехода отъ перваго типа ко второму.

Федерація лютицкихъ племенъ. Соединеніемъ перваго типа былъ союзъ *велетовъ*, или *лютичей*. Когда съ ними воевалъ Карлъ Великій, у нихъ, по словамъ Эйнгарда, былъ цѣлый рядъ старшинъ и князей (primores ac reguli), но надъ всѣми ними возвышался (praeeminebat) знатностью рода и авторитетомъ старшинства (nobilitate generis et auctoritate senectutis) князь Драговитъ. Другіе источники называютъ этого Драговита княземъ князей велецкихъ. Во внѣшнихъ сношеніяхъ этотъ старшій князь былъ представителемъ всего союза велетовъ, и его капитуляція франкамъ окончила войну. При Людовикѣ Благочестивомъ въ такой же роли выступаетъ князь Люба, который, хотя и дѣлилъ управленіе съ своими братьями, однако, какъ старшій, имѣлъ наивысшую власть въ странѣ: когда онъ погибъ въ битвѣ съ бодричами, народъ избралъ на его мѣсто старшаго сына его Милогоста. Но такъ какъ этотъ Милогостъ сталъ править не по обычаямъ велетовъ, народъ отобралъ у него власть и вручилъ ее младшему брату Цалодрогу. Людовикъ Благочестивый, на судъ котораго было перенесено это дѣло, рѣшилъ его согласно народной волѣ. При этихъ старшихъ князьяхъ не перестаютъ существовать князья отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ слагался союзъ. Въ X вѣкѣ союзъ велетовъ продолжалъ свое существованіе, но уже безъ старшаго князя. Такимъ образомъ, союзъ велетовъ не сплотился въ государство, а остался только федераціею племенъ, и притомъ не особенно прочною. На это указываетъ непостоянство состава этого союза. Ядромъ его были четыре племени: ратари, доленцы, черезпѣняне и хижане. Къ нимъ по временамъ присоединялись стодоряне, шпревяне, укране и др.; но бывали моменты, когда въ союзѣ оставались только два племени.

Въ XI вѣкѣ племена лютицкаго союза объединялись, повидимому, однимъ только общимъ вѣчемъ. «У всѣхъ тѣхъ,—пишетъ Титмаръ Мерзебургскій,—которые называются лютичами, нѣтъ никакого особеннаго властителя: общимъ совѣтомъ, разсуждая на сходкѣ о своихъ нуждахъ, они рѣшаютъ дѣла единогласіемъ. Если же кто изъ нихъ на сходкѣ противорѣчитъ рѣшенію, то бываетъ битъ батогами, а если и впослѣдствіи станетъ явно противиться, то отъ поджоговъ и безпрестаннаго разграбленія лишится всего имущества, либо долженъ будетъ передъ народомъ заплатить опредѣленное количество денегъ сообразно своему значенію или состоянію. Общее вѣче всего союза собиралось въ главномъ городѣ ратарей—*Радигощѣ*, гдѣ находилась общая святыня всѣхъ племенъ—храмъ Сварожича и другихъ боговъ. Здѣсь стоялъ идолъ Сварожича, передъ которымъ лютичи молились, отправляясь на войну, и приносили

благодарственныя жертвы по окончаніи ея; здѣсь же стояли и священныя знамена лютицкаго союза, которыя носились въ походахъ жрецами передъ каждымъ племенемъ. Общее вѣче лютичей чаще всего и собиралось передъ отправленіемъ на войну, и съ вѣча племена и шли прямо въ походъ. Кромѣ общаго вѣча всѣхъ племенъ, собирались частныя вѣча у каждаго племени. Титмаръ совсѣмъ не упоминаетъ о князьяхъ и у отдѣльныхъ племенъ, а говоритъ только о первѣйшихъ людяхъ (priores); повидимому, княжеская власть не только не развилась у лютичей, но и пришла въ упадокъ. Впрочемъ, позже, въ XII в., источники упоминаютъ о князьяхъ у нѣкоторыхъ племенъ лютицкаго союза.

Во всякомъ случаѣ, общее впечатлѣніе, выносимое отъ сообщеній источниковъ о лютичахъ, остается неизмѣннымъ: союзъ ихъ, по всѣмъ даннымъ, не пошелъ дальше федераціи, внѣшняго соединенія племенъ, и притомъ не особенно устойчиваго. Въ концѣ XI и первой половинѣ XII в. племена лютицкой группы не только не выступали солидарно и въ полномъ составѣ противъ внѣшнихъ враговъ, но и вели частыя междоусобія другъ съ другомъ.

Сербо-лужицкая племенная группа. Еще меньше способности къ образованію государственнаго союза проявила южная группа полабскихъ славянъ—*сербо-лужицкая.* Источники времени Карла Великаго и Людовика Благочестиваго упоминаютъ только о князьяхъ отдѣльныхъ племенъ. Племена эти рѣдко выступаютъ въ союзѣ другъ съ другомъ, а чаще всего порознь и въ одиночку. Вслѣдствіе этого они очень рано стали терять свою самостоятельность. Сначала, во второй половинѣ IX вѣка, ихъ подчинилъ своей власти Святополкъ Моравскій. Въ X вѣкѣ нѣмецкій король Генрихъ Птицеловъ овладѣлъ главнымъ городомъ гломачей Ганою и осадилъ въ ихъ землѣ военную Мейссенскую колонію; ему же покорились и мильчане. Лужичане вмѣстѣ со слупянами покорились въ 963 году сѣверному маркграфу Герону. Освободившись отъ подчиненія нѣмцамъ, эти племена покорялись то Болеславу Храброму и Мѣшку II, польскимъ государямъ, то чешскимъ князьямъ, пока въ концѣ концовъ не были подѣлены между нѣмцами и чехами.

Восточно-поморское княжество. Переходнымъ отъ федераціи къ монархіи типомъ является внутренній строй славянъ *поморскихъ,* выработавшійся у нихъ въ эпоху продолжительной борьбы ихъ съ датчанами (моремъ прибывавшими въ ихъ страну и основавшими здѣсь для себя операціонный базисъ въ видѣ города *Іомсбурга*), нѣмцами и поляками. Первымъ исторически извѣстнымъ княземъ поморья является Вшемыслъ, который въ 1046 году приносилъ въ Мерзебургѣ вмѣстѣ съ Бжетиславомъ чешскимъ и Казиміромъ польскимъ дары императору Генриху III. Князья поморскіе выступаютъ затѣмъ въ разсказахъ Мартина Галла о покореніи Поморья польскимъ княземъ Болеславомъ Кривоустымъ. Въ 1107 году, по разсказу Мартина Галла, Болеславъ во главѣ отборной дружины вторгся

внезапно въ восточное Поморье и сталъ подъ валами города *Колобрега*. Незащищенное подгородье попало въ руки поляковъ, но собственно городъ отбилъ всѣ ихъ приступы. Самъ князь поморскій находился внутри города, но при приближеніи непріятелей быстро ускользнулъ изъ него черезъ одни свободныя ворота. Изъ дальнѣйшихъ сообщеній Мартина Галла обнаруживается, что между князьями поморскими былъ нѣкто Свентоборъ, родственникъ польскаго князя. Когда подданные низвергли его со стола и посадили въ заключеніе, Болеславъ немедленно началъ готовиться къ походу. Это обстоятельство заставило поморянъ выдать ему родственника. Въ слѣдующемъ 1108 году Болеславъ добылъ городъ *Бѣлгардъ*, который былъ какъ бы средоточіемъ земли (quae quasi centrum terre medium reputatur), и оставивъ въ немъ гарнизонъ, направился снова на Колобрегъ. Горожане, не ожидая открытія непріязненныхъ дѣйствій, поддались Болеславу; поддался и самъ князь, обязавшійся служить и доставлять помощь во время войны. Взятіе Колобрега навело такой страхъ на народъ, что Болеславъ въ теченіе пяти недѣль покорилъ безъ боя почти все «королевство» поморское (totum pene regnum illud sine proelio). Вскорѣ послѣ того онъ взялъ осадою городъ *Чарнковъ* на р. Нотеци, при чемъ начальникъ города Гнѣвомиръ принялъ крещеніе, а затѣмъ и самъ государь язычниковъ (dominus paganorum) призналъ надъ собою верховную власть польскаго князя. Однако ни тотъ, ни другой не сохранили вѣрности, и Гнѣвомиръ хитростью захватилъ городъ Устье на Нотеци. Тогда Болеславъ рѣшилъ окончательно раздѣлаться съ поморянами. Онъ осадилъ укрѣпленный природою и искусствомъ городъ Накло на р. Нотеци, считавшійся ключомъ къ Поморью. На выручку подоспѣло сорокатысячное войско поморянъ, но оно было на голову разбито поляками, послѣ чего Накло и другіе шесть городовъ сдались Болеславу. Болеславъ отдалъ Накло вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами одному изъ поморскихъ князей, своему родственнику Святополку подъ условіемъ присылать военную помощь и держать города открытыми для польскихъ войскъ. Изъ этого разсказа обнаруживается, что тогдашнее Поморье распадалось на нѣсколько княжествъ, которыя, однако, не утратили связи между собою. Этимъ и объясняется фактъ появленія подъ Накломъ сорокатысячнаго войска. Повидимому и упоминаемый Галломъ князь поморскій, dominus paganorum, былъ старшій, великій князь, которому подчинялись остальные. Резиденціею его былъ или Колобрегъ, гдѣ заставали его два раза польскія войска, или же Бѣлгардъ, который Галлъ называетъ «королевскимъ» городомъ (urbs regia et egregia).

Всѣ эти данные относятся къ восточному Поморью. Относительно западнаго Поморья имѣются сообщенія въ житіяхъ епископа Бамбергскаго Оттона, котораго Болеславъ посылалъ туда для насажденія христіанства (*Herburdi*, Dialogus de vita Ottonis episcopi Babenbergensis. *Ebo*, Vita Ottonis). Изъ этихъ сообщеній обнаруживается, что строй западнаго Поморья

былъ гораздо сложнѣе, чѣмъ восточнаго, хотя общій характеръ его былъ тотъ же самый.

Федерація городовыхъ волостей подъ главенствомъ князя въ западномъ Поморьѣ. Покоривъ восточное Поморье, Болеславъ въ 1119 году отправилъ свое войско въ западное Поморье. При помощи датскаго флота поляки взяли портовые города *Волинъ* и *Узноимъ*, а въ слѣдующемъ году первѣйшее мѣсто Поморское *Щетинъ*. Война велась съ крайнимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, сопровождалась опустошеніемъ края, разрушеніемъ городовъ и огромною потерею въ людяхъ. Князь Вартиславъ принужденъ былъ признать надъ собою власть Польши и принять христіанство со всѣми подданными. Для насажденія новой вѣры Болеславъ отправилъ епископа Оттона Бамбергскаго съ нѣсколькими духовными лицами и небольшою стражею. Оттонъ прибылъ прежде всего къ пограничному городу *Пырицъ* и обратился съ своимъ дѣломъ къ старѣйшинамъ города (primates). Тѣ сначала обсудили предложеніе въ своемъ совѣтѣ и, рѣшивъ принять крещеніе, вышли къ народу, который въ то время собрался изъ всей Пырицкой волости справлять языческій праздникъ. Въ рѣчи, исполненной мягкости и сладости, объявили они народу о своемъ рѣшеніи, и посланцы Оттона были изумлены, съ какою легкостью народъ послѣдовалъ предложенію своихъ старѣйшинъ. Вѣче, узнавъ, что епископъ находится поблизости, пожелало увидѣть его и услышать, прежде чѣмъ расходиться по домамъ. Нѣсколько горожанъ отправились къ епископу и, привѣтствуя его отъ имени рати и всего народа, просили прибыть въ городъ. Исполнивъ свою миссію въ Пырицѣ, Оттонъ отправился въ *Каменъ*, гдѣ была резиденція князя Вартислава. Жена Вартислава, сочувствуя христіанству, успѣла такъ повліять на домашнихъ и другихъ обывателей города, что всѣ они съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія епископа и поголовно изъявили согласіе на принятіе крещенія. Иной пріемъ встрѣтилъ Оттонъ въ *Волинъ*. Здѣсь онъ подвергся нападенію вооруженной толпы и спасся только благодаря заступничеству старѣйшинъ и жрецовъ. Старѣйшины, посовѣтовавшись, заявили Оттону, что было бы неправильнымъ съ ихъ стороны принять новую вѣру, которую не принялъ еще Щетинъ, что они не могутъ нарушить давній обычай своихъ предковъ безъ дозволенія почитаемыхъ ими сановниковъ Щетина. Епископъ отправился послѣ того въ *Щетинъ* и съ предложеніемъ принять христіанство обратился сначала къ сановникамъ города. Тѣ сначала отказались было на отрѣзъ, завѣряли, что не покинутъ обычая своихъ отцовъ, что они довольны и тою вѣрою, какая у нихъ существуетъ. Но затѣмъ, уступая необходимости, такъ какъ предложеніе новой вѣры шло не только отъ епископа, но и отъ польскаго князя, отправили къ Болеславу пословъ, чтобы выговорить у него разныя льготы и уменьшеніе даней и повинностей. Когда послы вернулись и привезли отъ польскаго князя грамоту съ продиктованными имъ условіями, старѣйшины созвали на вѣче народъ изо всѣхъ городовъ и селъ. Много

ораторовъ говорило на вѣчѣ и за и противъ предложеній князя польскаго, но въ концѣ концовъ, принявъ во вниманіе разгромъ страны во время недавнихъ войнъ съ Болеславомъ III, вѣче рѣшило принять крещеніе и разрушить языческія святыни. Примѣру щетинцевъ послѣдовали и волинцы. Но по отъѣздѣ Оттона съ Поморья язычество снова было возстановлено на Поморьѣ. Въ 1126 году въ краѣ былъ моръ на людей и животныхъ. Бывшіе жрецы стали толковать, что моръ наслали боги, разгнѣванные отступничествомъ славянъ и разрушеніемъ древнихъ святынь. Сбитый съ толку народъ, одинаково опасавшійся языческихъ боговъ и христіанскаго Бога, постановилъ всѣмъ имъ приносить жертвы и воздвигать святыни. Города стали держаться вызывающе въ отношеніи Болеслава, не думая больше объ исполненіи заключеннаго съ нимъ договора. Все это заставило Оттона предпринять вторично поѣздку на Поморье для спасенія и укрѣпленія въ вѣрѣ новыхъ христіанскихъ обществъ, а кн. Болеслава начать приготовленія къ новому военному походу на Поморье.

Когда епископъ прибылъ на Поморье, князь Вартиславъ по просьбѣ его созвалъ въ *Узноимъ* на сеймъ всю поморскую знать, жупановъ и старѣйшинъ городовъ. Подъ увѣщаніями Оттона, ревностно поддержаннаго княземъ, сеймъ единогласно, за исключеніемъ жрецовъ, постановилъ вернуться къ христіанству. Объѣхавъ западныя волости, основавъ здѣсь нѣсколько христіанскихъ общинъ и церквей, Оттонъ переправился на правый берегъ Одры. Тѣмъ временемъ польскія войска уже перешли границу съ цѣлью наказать поморянъ за отступничество. Старѣйшины городовъ обратились къ Оттону съ просьбою о заступничествѣ передъ польскимъ княземъ. Болеславъ пріостановилъ карательную экспедицію, но потребовалъ, чтобы князь поморскій лично явился къ нему, покорился и вновь призналъ свою зависимость. Князь Вартиславъ отправился въ сопровожденіи пословъ отъ поморской знати и въ теченіе нѣсколькихъ дней велъ переговоры съ Болеславомъ III. Въ концѣ концовъ былъ заключенъ миръ. Несмотря на услуги, оказанныя Поморью, щетинцы недружелюбно приняли пріѣхавшаго къ нимъ епископа. Въ воскресенье, когда происходилъ въ городѣ торгъ и собиралось вѣче, Оттонъ вышелъ на площадь и, взойдя на деревянный помостъ, съ котораго говорили къ народу старѣйшины и вѣстники, началъ увѣщевать народъ. Но жрецы вызвали такое возбужденіе въ толпѣ противъ епископа, что онъ едва было не поплатился жизнью. Двѣ недѣли спустя на холмѣ Триглава на княжескомъ дворѣ состоялось собраніе знати и жрецовъ. Оттонъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ, а затѣмъ, разсерженный сопротивленіемъ жрецовъ, пригрозилъ церковною клятвою. Старѣйшины распустили собраніе, а сами удалились для совѣщанія, которое продолжалось съ утра до полночи. Наконецъ, всѣ старѣйшины постановили окончательно вывести языческій культъ и примкнуть всецѣло къ новой вѣрѣ, а жрецовъ выгнать изъ города. Когда на слѣдующій день Оттонъ обратился къ собрав-

шемуся на вѣче народу, всѣ обнаружили готовность къ принятію христіанства.

Изъ всѣхъ этихъ подробностей усматривается, что политическій строй Поморья въ началѣ XII вѣка во многомъ похожъ былъ на строй тогдашней Руси съ ея городовыми вѣчами, при чемъ пригороды обыкновенно слѣдовали за главными городами въ своихъ рѣшеніяхъ. Особенно любопытна аналогія съ новгородскимъ устройствомъ, проявляющаяся въ существованіи особаго совѣта изъ знатныхъ людей и старцевъ, который предварительно обсуждаетъ дѣла и затѣмъ переноситъ ихъ на вѣче, въ существованіи вѣчевой «степени» и т. д. Поморскіе славяне удерживаютъ еще строй и бытъ мелкихъ общественныхъ союзовъ, въ которые они сгруппировались ранѣе образованія поморскаго союза. Народовластіе и у нихъ все еще въ полномъ ходу. Но на ряду съ этимъ можно уже отмѣтить кое-какія черты, созданныя ихъ объединеніемъ въ одинъ союзъ. Такъ на ряду съ общенародными вѣчами отдѣльныхъ городовъ встрѣчаемъ у нихъ сеймъ старѣйшинъ и знатныхъ людей со всего Поморья, созываемый княземъ. Этотъ высшій классъ называется въ указанныхъ житіяхъ Оттона—primates, nobiles ae potentes, majores natu ac sapientiores. Основою его, кромѣ знатнаго происхожденія и личныхъ свойствъ, является богатство. Надъ всѣмъ обществомъ возвышается владѣтельный князь. По древнѣйшимъ актамъ, вышедшимъ изъ канцеляріи этого князя, мы видимъ, что онъ уже пріобрѣлъ различныя права, ставящія его выше простого выборнаго вождя. Онъ собираетъ съ населенія въ свою пользу дань, торговыя пошлины, судебные штрафы, творитъ вездѣ судъ лично или чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Этими правами онъ поступается нерѣдко въ пользу частныхъ лицъ или церковныхъ учрежденій. Онъ распоряжается пустыми, а иногда и населенными землями, и раздаетъ ихъ въ частное владѣніе или во владѣніе церкви.—Все это говоритъ о томъ, что поморскіе славяне въ началѣ XII вѣка были на переходной ступени между народовластіемъ мелкихъ политическихъ обществъ, живущихъ особнякомъ, и порядкомъ, свойственнымъ крупнымъ государственнымъ союзамъ.

Бодрицкое княжество. Еще ближе къ образованію единаго государственнаго союза были племена, составлявшія союзъ *ободритовъ*, или *бодричей*. Уже при Карлѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ мы встрѣчаемъ у нихъ по источникамъ князя (послѣдовательно: Вильчана, Дражка, Славомира, Чедрога), властно распоряжающагося въ подчиненномъ ему обществѣ; нѣмецкіе источники приравниваютъ его власть къ королевской и называютъ его королемъ (rex). Рядомъ съ нимъ выступаютъ primores, praestanciores—первѣйшіе люди, начальники, съ которыми онъ совѣтуется о дѣлахъ, и которые являются его ближайшими сотрудниками. Нѣмцы называютъ ихъ также *царьками* (reguli), *князьями* (duces). Весьма возможно, что это были старѣйшины, князья отдѣльныхъ племенъ; но во всякомъ случаѣ они находились въ подчиненіи у великаго князя. Лю-

довикъ Нѣмецкій упразднилъ было этого великаго князя и разбилъ союзъ на отдѣльныя племена, которыми управляли мелкіе князья. Но во второй половинѣ X вѣка, въ разгаръ борьбы съ нѣмцами, снова появляются князья, стоящіе во главѣ всего союза (Биллугъ, сынъ его Мстивой, за нимъ Мстиславъ). То же явленіе съ перерывами во время княжескихъ междоусобій повторяется въ XI и первой четверти XII вѣка. Въ качествѣ князей, распоряжающихся силами всего бодрицкаго союза, выступаютъ князья Ратиборъ, Готшалкъ, Круто и Генрихъ, «вендскій король». Всѣ эти князья, за небольшими исключеніями (Круто), уже не были народными избранниками: они получали свою власть или по наслѣдству, или навязывались народу силою, нерѣдко при поддержкѣ нѣмцевъ. Сила князей основывалась на ихъ *дружинѣ*, которая отложилась при нихъ, какъ особый общественный классъ, и которая служила имъ лично. Такая дружина, напр., въ количествѣ 1000 всадниковъ сопровождала князя Мстивоя въ его походѣ въ Италію въ 1010 году, въ который онъ отправился для того, чтобы получить при посредствѣ императора руку одной знатной нѣмки. Кромѣ дружины, князья, какъ сказано, опирались и на стороннюю силу. Такъ, когда убитъ былъ князь Готшалкъ, и бодричи призвали себѣ князя со стороны, сыновья Готшалка бѣжали къ нѣмцамъ и съ ихъ помощью пытались вернуть себѣ власть отца, въ чемъ въ концѣ концовъ и успѣли. При такихъ обстоятельствахъ народовластіе у бодричей должно было все болѣе и болѣе приходить въ упадокъ и замѣняться господствомъ князя и его дружины. По источникамъ совершенно не видно дѣятельности народнаго вѣча въ обычное, мирное время. Князь рѣшаетъ всѣ дѣла, совѣтуясь только съ первѣйшими людьми, съ своими сановниками. Такимъ порядкомъ, напр., принято было такое важное рѣшеніе, какъ замѣнъ церковной десятины пожалованіемъ духовенству земель и деревень. Вѣче выступаетъ только въ критическіе моменты междоусобной борьбы между князьями, чаще всего въ видѣ мятежнаго противъ князя сборища, но не въ видѣ сотрудничающаго съ нимъ учрежденія. Въ общемъ можно сказать, что князь бодрицкаго союза далеко ушелъ отъ роли вождя, избраннаго народомъ, сдѣлался властителемъ, династомъ. Этому соотвѣтствовалъ и тотъ внѣшній почетъ, который ему оказывался: при встрѣчѣ ему кланялись въ ноги. При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ бодрицкій союзъ могъ бы образовать отдѣльное славянское государство. Но, находясь на окраинѣ западнославянскаго міра, въ близкомъ сосѣдствѣ съ нѣмцами, подвергаясь постоянному военному натиску съ ихъ стороны и дипломатическимъ махинаціямъ, будучи въ значительной степени еще скороспѣлымъ и не имѣя подъ собою прочной общественной основы, бодрицкій союзъ оказался пригоднымъ только на образованіе группы нѣмецкихъ и славянскихъ княжествъ, но не на образованіе единаго славянскаго государства.

Первоначальная чешская монархія. Въ этомъ отношеніи противо-

положностью ему явился союзъ *чешскій*. Чешскій союзъ, по всѣмъ даннымъ, первоначально былъ чисто военнымъ соединеніемъ славянскихъ племенъ, жившихъ въ четыреугольникѣ, ограниченномъ Чешскимъ лѣсомъ, Крушными (Рудными) горами, Судетами и Крконошами (Исполиновыми горами) и Чешско-Моравскими высотами и орошаемомъ рѣками Лабою и ея притоками: Влтавою и Огрою. Кромѣ центральнаго племени *чеховъ*, занимавшаго область нижней Влтавы, въ составъ союза входили *дудлебы* на верхней Влтавѣ, *зличане* на Лабѣ, на востокъ отъ Чеховъ, *пшоване* и *хорваты* на сѣверовостокъ, *литомержичи*, *дечане* и *лемузы* на сѣверъ, *сѣдличане* и *лучане* на западъ, въ бассейнѣ Огры. *Воеводы и жупаны* этихъ племенъ, выходившіе изъ знатныхъ родовъ, или *леховъ*, и имѣвшіе подъ собою главъ родовыхъ организацій — *владыкъ*, подчинялись воеводѣ центральнаго племени чеховъ, какъ вождю или *князю* всего союза. Въ цѣляхъ поддержанія внутренняго мира этотъ вождь былъ главнымъ судьею, который улаживалъ столкновенія между лицами разныхъ родовъ, жупъ и племенъ. Первымъ исторически извѣстнымъ княземъ Чехіи является *Буривой* изъ рода *Пшемысла* (874—879), получившій крещеніе отъ св. Меѳодія. Съ теченіемъ времени этотъ военный союзъ племенъ сталъ превращаться въ государственный. Князья, стоявшіе во главѣ союза, вступили въ борьбу съ вождями отдѣльныхъ племенъ, которые не всегда были вѣрны союзу, по временамъ соединялись противъ князей съ внѣшними врагами. Первое крупное столкновеніе разыгралось между внукомъ Буривоя св. Вацлавомъ и воеводою Злицкимъ Радиславомъ, изъ рода Славниковъ. Сначала Радиславъ возбудилъ противъ князя нѣмецкаго короля Генриха Птицелова, а когда Вацлавъ помирился съ Генрихомъ, согласившись платить ему ежегодно 500 гривенъ серебра и 120 воловъ, Радиславъ соединился съ герцогомъ Баварскимъ и поднялъ противъ Вацлава возстаніе леховъ и владыкъ. Возстаніе это было усмирено княземъ. Вацлавъ, какъ извѣстно, погибъ отъ руки родного брата Болеслава Грознаго (28 сент. 935 г.). Этому князю пришлось имѣть дѣло съ Доброміромъ, воеводою Луцкимъ и Литомержицкимъ, который перекинулся на сторону нѣмецкаго короля, и усмирять леховъ и владыкъ земли Пшовской. Сынъ и преемникъ Болеслава (съ 967 года) Болеславъ II Благочестивый имѣлъ дѣло съ воеводою Либицкимъ Радиславомъ Славникомъ и его сыновьями Собѣборомъ и Войтехомъ, изъ которыхъ послѣдній былъ епископомъ Пражскимъ. Борьба кончилась тѣмъ, что у Славниковъ отняты были всѣ владѣнія, перешедшія въ распоряженіе князя (св. Войтехъ также отказался отъ епископства Пражскаго). Все болѣе и болѣе увеличивавшееся могущество князя вызвало реакцію со стороны уцѣлѣвшихъ еще племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ—леховъ и владыкъ. Эта реакція разразилась при сынѣ и преемникѣ Болеслава II—Болеславѣ III Рыжемъ (взошелъ на престолъ въ 949 г.). Лехи и владыки возстали подъ предводительствомъ Вршовичей поголовно противъ князя, заставили его удалиться въ Германію

и выбрали въ князья нѣкоего Владибоя даже не изъ династіи Пшемысла. По смерти Владибоя (1003 г.) Болеславу Рыжему удалось при помощи поляковъ снова стать чешскимъ княземъ. Но перебивъ коварно множество леховъ и владыкъ, онъ снова былъ изгнанъ изъ Чехіи, и княземъ сталъ братъ его Яромиръ при помощи нѣмцевъ. Яромиръ пробылъ на княженіи всего восемь лѣтъ. Новое возстаніе леховъ и владыкъ, во главѣ котораго опять стоялъ могущественный родъ Вршовичей, и которое нашло поддержку и въ Германіи, заставило Яромира уступить престолъ своему брату Ольдржиху (Ульриху) (1012 г.). Наученный собственнымъ опытомъ, Яромиръ впослѣдствіи, когда на княженіе садился его племянникъ Бжетиславъ (въ 1037 г.), совѣтовалъ ему вести себя осторожно съ Вршовичами и ничего не дѣлать безъ совѣта съ лехами и владыками. Борьба князей съ этимъ классомъ закончилась компромиссомъ: лехи и владыки остались во главѣ управленія, но уже не по выбору народа или наслѣдству, а по назначенію князя. Они вошли въ составъ образовавшейся при князѣ служилой аристократіи. Что касается воеводъ, то они уже исчезли совсѣмъ, и дѣленіе Чехіи на племенныя области прекратилось, и самыя имена племенъ стали приходить въ забвеніе. Осталось только дѣленіе Чехіи на жупы, которыми управляли теперь назначенныя княземъ лица—castellani, praefecti, соотвѣтствовавшіе прежнимъ жупанамъ, выходившіе изъ того же круга, какъ и прежніе жупаны. Они чинили судъ и управу именемъ князя, собирали въ пользу князей различные доходы, предводительствовали мѣстными ополченіями. Въ центрѣ около князя появились *палатинъ*, или надворный жупанъ, *коморникъ*, или казначей, *надворный судья*, *ловчій конюшій, кухмистръ, нотаріусъ, писари,* которые помимо отправленія своихъ спеціальныхъ должностей составляли обычный совѣтъ князя по дѣламъ текущаго управленія.

Параллельно съ возвышеніемъ княжеской власти совершился въ Чехіи и упадокъ народовластія. Правда, что по областямъ продолжали собираться вѣча и даже собирался общій сеймъ всей земли. Но областныя собранія занимались преимущественно мѣстными дѣлами, при чемъ рѣшающій голосъ на нихъ принадлежалъ знати, состоявшей большею частью изъ княжескихъ чиновниковъ и слугъ. Эти же люди главнымъ образомъ собирались и на общій сеймъ, а простой народъ на немъ почти отсутствовалъ. Сеймъ большею частью подтверждалъ то, что уже было рѣшено княземъ и его ближайшими совѣтниками. Прекратилось участіе народнаго собранія въ самомъ важномъ дѣлѣ — избраніи князя. Замѣщеніе княжескаго стола стало происходить помимо народнаго избранія либо по старшинству лицъ къ княжеской семьѣ, либо при поддержкѣ чужой силы. Раза два князья садились на престолъ по избранію, но не всего народа, а только леховъ и владыкъ. Участіе народа сдѣлалось чисто пассивнымъ; народъ присутствовалъ при торжествѣ восшествія на престолъ, такъ называемомъ «нáстолени». Это торжество происходило на Пражской площади.

Князь облачался въ новую одежду и садился на камнѣ, а народъ провозглашалъ: «крлешъ», «крлешъ!» (Κύριε ἐλέησον). Чешскій князь настолько ушелъ отъ положенія выборнаго народнаго вождя, настолько уподобился наслѣдственнымъ владѣтелямъ, что императоръ Генрихъ IV нашелъ возможнымъ признать за нимъ титулъ короля. Въ 1086 г. на сеймѣ въ Майнцѣ Генрихъ возложилъ на голову князя Вратислава II корону, а 15 іюня того же года епископъ Трирскій по порученію императора провозгласилъ его королемъ Чехіи и Польши и вѣнчалъ короною.

Возвышеніе княжеской власти въ Чехіи происходило во взаимной связи съ ростомъ матеріальной силы князя, т.-е. его имѣній и слугъ. Основою матеріальнаго могущества князя послужили наслѣдственныя имѣнія Пшемысловичей, которыя имъ удалось освоить въ бытность лехами одного изъ чешскихъ племенъ. Къ нимъ присоединились имѣнія, отобранныя Пшемысловичами у воеводъ другихъ племенъ. Совокупность этихъ имѣній дала князьямъ возможность окружить себя множествомъ вѣрныхъ людей, дружины и слугъ, и при помощи ихъ овладѣть остальнымъ обществомъ и страною. Князья взяли въ свое распоряженіе всѣ пустыя и необработанныя земли въ странѣ и стали жаловать ихъ по своему усмотрѣнію. Они обложили населеніе данью (tributum pacis) и стали собирать въ свою пользу судебныя и торговыя пошлины, объявили горныя богатства и монету своею регаліею, стали брать въ свою пользу выморочныя имущества и т. д.—Они замѣнили выборныхъ властей мѣстныхъ обществъ своими уполномоченными лицами. Лехи и владыки, дѣлавшіеся прежде народными старшинами и вождями по избранію мѣстныхъ міровъ, теперь стали становиться начальниками по назначенію князя, въ качествѣ его дружинниковъ. Это обстоятельство должно было измѣнить ихъ отношенія къ народной массѣ въ томъ смыслѣ, что стало облегчать имъ ея подчиненіе, подготовлять ея постепенное порабощеніе. Къ этому же клонилась и начавшаяся раздача князьями имѣній своимъ дружинникамъ.

Итакъ, продолжительное единеніе племенъ привело въ Чехіи въ концѣ концовъ къ образованію сильной княжеской власти, опиравшейся на военнослужилую аристократію и сообща съ нею овладѣвшей народною массою. Эта власть, закончивши дѣло объединенія племенъ, жившихъ въ Богемскомъ четвероугольникѣ, перенесла свою собирательную дѣятельность за предѣлы онаго. Около 1028—1029 года князь Бжетиславъ присоединилъ къ Чехіи Моравію, и эта область съ того времени стала составною частью Чешскаго государства.

Первоначальная польская монархія. Къ подобному же результату привело объединеніе племенъ въ Польшѣ, съ тою разницею, что у поляковъ этотъ результатъ выразился еще яснѣе и рѣзче.

Подобно чешскимъ и польскія племена сплотились съ теченіемъ времени вокругъ одного вождя, или *князя,* при чемъ всѣ другіе вожди и воеводы были устранены. Фактъ этотъ совершился у поляковъ не на памяти

исторіи. Повидимому, объединеніе польскихъ племенъ совершалось путемъ покоренія сильнѣйшимъ племенемъ *полянъ*, при которомъ и имѣло мѣсто устраненіе племенныхъ вождей. Князь объединенной Польши успѣлъ достигнуть почти неограниченной власти въ странѣ. Онъ смотрѣлъ на свое государство, какъ на свое личное достояніе, дѣлилъ его между своими сыновьями, назначалъ одного изъ нихъ себѣ преемникомъ. Онъ распоряжался и землею, которую раздавалъ по усмотрѣнію, и людьми, которыхъ передвигалъ съ мѣста на мѣсто, повышалъ и понижалъ. Правда, что при немъ находились совѣтники и онъ созывалъ на вѣче народъ, когда пребывалъ въ той или другой области, для отправленія правосудія по мѣстнымъ обычаямъ. Тѣмъ не менѣе ничто не дѣлалось безъ его воли и согласія. Самый совѣтъ его слагался изъ лицъ, ему подчиненныхъ, его урядниковъ, исполнителей его воли. Таковы были: *воевода*, или палатинъ (comes palatinus, соотвѣт. чешскому надворному жупану), заступавшій князя въ предводительствѣ на войнѣ, *канцлеръ*, завѣдывавшій письменною частью, *чашникъ*, *стольникъ*, *конюшій*, *ловчій*, *скарбникъ*, завѣдывавшій дворцовымъ хозяйствомъ.—Всѣ эти лица находились при особѣ князя, на его дворѣ. Въ областяхъ, или *повѣтахъ*, на которые дѣлилась Польша, по главнымъ городамъ сидѣли княжескіе намѣстники, или *паны* (соотв. чешскимъ жупанамъ), иначе *каштеляны*. Они творили судъ, собирали подати и предводительствовали мѣстными войсками; при каштелянахъ въ качествѣ ихъ помощниковъ состояли *судья*, *скарбникъ* и *коморники*. Всѣ эти лица, помогавшіе князю управлять обществомъ, содержались на княжескій счетъ и вполнѣ отъ него зависѣли. Для содержанія князя и его урядниковъ народная масса (кмети) обложена была разнообразными податьми и повинностями. Князю платили *поральное*, *подымное*, *подворовое*, *sep* съ урожая хлѣба, *narzaz* (нарѣзъ) съ приплода скота, *сторожовое* на содержаніе военнаго люда въ городѣ, платили и деньгами, и натурою—хлѣбомъ, скотомъ, медомъ и воскомъ, мѣхами; когда князь съ дворомъ или его урядники переѣзжали съ одного мѣста на другое, населеніе обязано было выставлять имъ *подводы* и *возы* (powoz), снабжать всѣмъ нужнымъ на остановкахъ и ночлегахъ (*stan*, *stacya*), переправлять княжескую кладь (przewód) и т. д. За пользованіе рынками, мостами и перевозами, кмети платили *торговое*, *мостовое*, *перевозъ* и т. д.

Всѣ эти факты указываютъ на то, что и польскій князь овладѣлъ обществомъ и сильно его себѣ подчинилъ. У насъ есть данныя источниковъ, объясняющія, какъ это могло произойти. Оказывается, что въ распоряженіи польскаго князя была значительная *дружина*, при помощи которой онъ, очевидно, достигъ вышеописаннаго положенія. Арабскій писатель XI в. Аль-Бекри со словъ еврея Абрагима, путешествовавшаго въ Польшѣ въ концѣ X в., сообщаетъ о первомъ исторически извѣстномъ польскомъ князѣ Мѣшкѣ: «онъ имѣетъ 3000 рыцарей способныхъ къ бою, которыхъ сотня равняется инымъ десяти сотнямъ. И даетъ онъ имъ одежду, коней,

оружіе и все, что имъ нужно». Непрерывныя войны и постоянныя опасности нападеній извнѣ, возмущеній внутри страны, рано или поздно должны были вызвать къ существованію особый военный классъ. Польскія племена по роду своей экономической дѣятельности не могли постоянно находиться въ полномъ составѣ подъ оружіемъ, жить непрерывною лагерною жизнью. Да притомъ же въ борьбѣ съ войсками западныхъ сосѣдей, хорошо вооруженными и пріобрѣвшими боевую ловкость и опытность, народныя ополченія Польши не могли успѣшно дѣйствовать. Поэтому князья стали привлекать на военную службу преимущественно тѣ общественные элементы, которые мало или даже вовсе не были связаны мирнымъ трудомъ. Таковы были прежде всего богатые знатные люди, имѣвшіе рабовъ и наемниковъ,—*шляхта* (=чешск. лехи). Сюда же присоединились и главы многолюдныхъ семей и родовъ, у которыхъ дома и безъ нихъ было кому работать, *владыки*. Наконецъ, въ княжескую дружину стали попадать и всѣ тѣ, которые почему-либо отбились отъ своей семьи, отъ дома и мирнаго труда,—въ частности—разные иноземные выходцы. Эти воины, или *рыцари*, какъ стали звать ихъ въ Польшѣ по нѣмецкому примѣру, и стали защищать страну отъ нападеній извнѣ; съ ними же преимущественно князья стали нападать и на сосѣдей. Эти рыцари, какъ и дружина русскихъ князей, отчасти группировались около князя, но большею частью были разставлены по городамъ въ мѣстахъ, наиболѣе подвергавшихся нападеніямъ извнѣ. Они содержались на счетъ князя и населенія. Такихъ рыцарей уже у Болеслава Храбраго было около 20 тыс. человѣкъ. Но разъ въ польскомъ обществѣ выдѣлился такой многочисленный и постоянный классъ, находившійся въ полномъ распоряженіи князя, неминуемо должны были измѣниться и отношенія между княземъ и народомъ.

Опираясь на этотъ классъ, князь и подчинилъ себѣ народную массу, обложилъ ее различными податьми, налогами и повинностями, сталъ трактовать какъ свою собственность всю незаселенную землю въ странѣ. Изъ должностного лица, исполнявшаго рѣшеніе народнаго вѣча, онъ сдѣлался *государемъ*, приказанія котораго должны были безпрекословно выполняться. Правда, во многихъ случаяхъ ему приходилось руководствоваться не только собственнымъ разумѣніемъ, но и общественнымъ мнѣніемъ. Но это мнѣніе подавалъ теперь уже не весь народъ въ полномъ составѣ, какъ было въ старину. Съ объединеніемъ племенъ въ одинъ обширный союзъ общенародное вѣче стало невозможностью уже въ силу одного разстоянія, за дальностью котораго множество народа не могло прибывать на вѣче. Но и помимо того: разъ народная масса стала въ подчиненное положеніе по отношенію къ князю, сосредоточилась почти исключительно на экономической дѣятельности, разъ управленіе и защита государства легли на плечи князя и его дружины, незачѣмъ стало и собирать народъ для совѣщаній. Поэтому и первые польскіе государи спрашивали совѣта только у своей дружины, чаще всего у сановниковъ и различныхъ должност-

ныхъ лицъ (бароновъ, какъ они называются въ латинскихъ грамотахъ), которые помогали имъ въ управленіи государствомъ и собственнымъ дворомъ. Съ принятіемъ христіанства въ княжескій совѣтъ стали приглашаться также и высшія духовныя лица въ силу того авторитета, которымъ они пользовались какъ служители церкви и образованные люди.—Обыкновенно не всѣ эти сановники и должностныя лица призывались на совѣтъ, а лишь только тѣ, которые въ данное время были при государѣ. По временамъ однако государь собиралъ къ себѣ всѣхъ или большинство сановниковъ и должностныхъ лицъ, иногда даже и рыцарей, и съ ними сообща рѣшалъ важнѣйшія дѣла, въ томъ числѣ и судебныя тяжбы. Такія собранія по старой памяти назывались *вѣчами* (wiec, по лат. colloquia, convenciones, conciones), хотя съ прежними вѣчами имѣли мало общаго. Въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ польскіе государи привлекали на вѣче и простой народъ, но не со всего государства, а лишь изъ той мѣстности, гдѣ пребывали въ данное время. Такимъ образомъ, напр., Болеславъ Кривоустый во время распри своей съ вельможею Сецѣхомъ призывалъ на сходку сначала старѣйшинъ Краковскаго мѣста, а потомъ и весь народъ. Но обыкновенно на вѣче собирались первѣйшіе люди государства (primates) магнаты, ближайшіе дружинники (comites), люди почетные (viri probi et honesti), а также рыцарство (milites). Простые рядовые рыцари (milites gregarii) сравнительно рѣдко участвовали въ государственныхъ совѣщаніяхъ и такъ же, какъ простой народъ, собирались не со всего государства, а лишь изъ той мѣстности, гдѣ въ данное время происходило вѣче. Какія же отношенія существовали между польскимъ государемъ и его совѣтомъ и вѣчемъ въ этой его формаціи? Въ разное время и при разныхъ государяхъ эти отношенія были различныя. Но вообще можно сказать, что первые государи Польши имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ своими «баронами» и «рыцарствомъ». Бароны и рыцари слишкомъ еще зависѣли экономически отъ государей, которые содержали ихъ на свои доходы, возводили въ должности и званія, приближали къ себѣ, кто имъ былъ любъ, безъ различія.

Итакъ и въ Польшѣ, какъ и въ Чехіи, народовластіе съ теченіемъ времени замѣнилось патріархальною монархіею, опиравшеюся на военно-служилый классъ. Для образованія такой монархіи потребовалась значительная соціальная подготовка. Необходимо было прежде всего, чтобы выдѣлились въ обществѣ сильные своими матеріальными рессурсами люди, которые могли бы навязывать обществу свою власть. Такихъ людей создавала война съ сосѣдями, которая обогащала избираемыхъ народомъ вождей плѣнными и добычею и тѣмъ самымъ давала имъ возможность окружать себя дружиною, вѣрными людьми и слугами. Какъ у польскихъ, такъ и у чешскихъ князей видимъ по источникамъ значительное несвободное населеніе, жившее около резиденціи и административно-хозяйственныхъ центровъ (гродовъ). Рабы пекли для князя и его дружины хлѣбъ (пекари),

готовили кушанье (кухари), ловили звѣрей (ловцы, стрѣльцы, сокольники, псари) и рыбу, пасли коней и скотъ (коняры, кобыльники, скотники, оборники), приготовляли посуду, щиты, древки копій, стрѣлы и т. д. Это несвободное населеніе дало возможность князьямъ сгруппировать вокругъ себя дружину, которая въ свою очередь помогала князьямъ овладѣть народною массою и держать ее въ повиновеніи.

Но вся эта внутренняя работа жизни могла привести къ вышеуказаннымъ результатамъ, только при относительной обезпеченности Чехіи и Польши отъ вторженій и вмѣшательствъ извнѣ. Тѣ же западнославянскія страны, которыя подвергались частымъ вторженіямъ сосѣдей и вмѣшательствамъ со стороны въ ихъ внутреннюю жизнь, оказались не въ состояніи превратиться въ прочные государственные союзы, хотя и проявляли къ тому стремленіе.

Важнѣйшая литература.

Кромѣ указанныхъ трудовъ Гильфердинга, Богуславскаго и Ваховскаго пособіями могутъ служить:

O. Balzer, Historya ustroju Austry. Lwòw 1899.

Jaromir Čelakovsky, Povšechné české Dějiny Pravní. Praha 1900.

Bobrzynski M. Geneza społeczeństwa polskiego na podstawie kroniki Galla i dyplomatow XII weku (Rozprawy i sprawozdania Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie, tom XIV, 1881).

Piekosinski Fr., O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i jego pierwotnym ustroju (ibid).

— Obrona hipotezy najazdu jako podstawy ustroju społeczeństwa polskiego w wiekach średnich (ibid., tom XVI, 1883).

— O dynastycznem szlachty polskiej pochodzieniu. Kraków 1883.

Małecki A., Studya heraldiczne. Tomy 2. Lwów 1890.

St. Smolka, Mieszko stary i jego wiek. Warszawa 1881.

Dr. Ст. Кутшеба, Очеркъ исторіи государственно-общественнаго строя Польши. Переводъ съ польскаго подъ ред. Н. В. Ястребова. Спб. 1907.

VI.

Язычество западныхъ славянъ.

Борьба и мирное общеніе съ западными сосѣдями отразились также крупными послѣдствіями и въ духовной жизни западнаго славянства. Наиболѣе раннимъ и выдающимся изъ этихъ послѣдствій является распространеніе среди западныхъ славянъ христіанства. Прежде, чѣмъ слѣдить за этою перемѣною, необходимо уяснить себѣ предшествующую стадію религіознаго развитія западныхъ славянъ, другими словами—дать себѣ отчетъ въ языческихъ вѣрованіяхъ и культѣ западныхъ славянъ. Только при этомъ условіи вскрывается внутренняя сторона совершившагося факта и объемъ происшедшей перемѣны.

Общеславянскія языческія вѣрованія и культъ. Отъ византійскаго писателя VI в. Прокопія мы получаемъ приблизительныя указанія на то религіозное міросозерцаніе, съ которымъ славяне разселились по западной Европѣ. «Они,—говоритъ, онъ,—признаютъ одного Бога, создателя молніи, единымъ Господомъ всего и приносятъ ему въ жертву быковъ и всякіе дары. Рока они не знаютъ, и вообще не вѣрятъ, чтобы онъ имѣлъ вліяніе на людей. Но когда имъ угрожаетъ смерть, въ болѣзни ли или на войнѣ, они обѣщаютъ, если ея избѣгнутъ, тотчасъ принести богу жертву за спасеніе и спасшись исполняютъ свой обѣтъ, думая, что этою жертвою купили себѣ жизнь. Они покланяются также рѣкамъ и нимфамъ и нѣкоторымъ другимъ божествамъ, всѣмъ имъ они приносятъ жертвы и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадаютъ».—Итакъ, въ эпоху своего разселенія славяне находились въ своемъ религіозномъ развитіи на степени *анимизма,* т.-е. они одухотворяли, надѣляли внутреннею жизнью явленія окружавшей ихъ природы, воображали, что этими явленіями управляетъ воля боговъ, подобная ихъ собственной волѣ, а не какіе-нибудь постоянные неизмѣнные законы природы, и потому жертвами старались направить эту волю въ свою пользу или по крайней мѣрѣ узнать ее.

Извѣстно, что у русскихъ славянъ эти вѣрованія держались долгое время спустя послѣ принятія христіанства. Почитаніе распространялось даже на неподвижные и мертвые предметы, въ которыхъ славяне почему-либо чуяли присутствіе божественной силы. Митрополитъ Іоаннъ во второй половинѣ XI вѣка въ своемъ посланіи къ черноризцу Іакову рекомендовалъ отвращать отъ зла тѣхъ, кто творитъ волхвованія и чародѣянія, кто «жрутъ» бѣсамъ и болотамъ, и колодезямъ. Церковные уставы нашихъ князей первыхъ вѣковъ къ обычнымъ преступленіямъ противъ христіанской нравственности относятъ—«наговоры, чародѣяніе, волхво-

ваніе, вѣдство, зелейничество», или «кто молится подъ овиномъ или въ рощеніи, или у воды». Но самое полное извѣстіе о переживаніи языческихъ вѣрованій у русскихъ славянъ въ первые вѣка христіанства встрѣчаемъ въ такъ называемомъ «Словѣ Христолюбца», дошедшемъ до насъ въ рукописномъ сборникѣ XIV в., но по содержанію и языку несомнѣнно болѣе ранняго времени. Христолюбецъ съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что, несмотря на принятіе христіанства, многіе приносятъ жертвы несуществующимъ богамъ: иной называетъ рѣку богиней и требу творитъ, иной творитъ требу на студенцѣ, ища отъ него дождя; вѣруютъ въ Перуна, Велеса, Хорса и въ Вилы, тридевять сестреницъ; огню молятся, называя его Сварожичемъ, молятся роду и рожаницамъ и кладутъ имъ требы— трапезу, караваи, хлѣбъ, сыры, медъ, куръ; приносятъ жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ, считаютъ богами солнце и мѣсяцъ, земли и воду, звѣрей и гадовъ, вѣруютъ въ встрѣчу, чохъ, птичій грай и другую «кобь» и проч. Здѣсь выступаетъ тотъ же строй понятій, то же міропониманіе, которое отмѣтилъ у славянъ VI в. Прокопій.

Совершенно тѣ же вѣрованія и культъ обозначаются у западныхъ славянъ до принятія христіанства и даже на первыхъ порахъ послѣ принятія новой религіи. Чешское простонародіе въ XI в., по свидѣтельству Косьмы Пражскаго, почитало студенцы, колодцы, огни, святые боры, деревья и камни и приносило имъ кровавыя жертвы. Гельмольдъ, писавшій въ XII в., говоритъ о почитаніи рощъ, источниковъ и даже камней, какъ о всеобщемъ обычаѣ славянъ. Эти свидѣтельства подтверждаются и частными извѣстіями источниковъ, и данными географической номенклатуры. Такъ, по словамъ Титмара, у славянъ, жившихъ въ Мерзебургской епархіи, былъ святой боръ, который почитался, какъ божество. Ране чтили, какъ святыню, одну буковую рощу; у нихъ же была святая гора, божій камень (громадный утесъ, выдавшійся въ море), а вблизи святой островъ. Въ Штеттинѣ былъ родникъ подъ большимъ развѣсистымъ дубомъ, который народъ признавалъ жилищемъ божества и чтилъ съ великимъ благоговѣніемъ и т. д. Есть указанія на то, что жители Колобрега поклонялись морю, какъ жилищу какихъ-то боговъ. Очевидно, что всѣ эти суевѣрія—переживаніе общеславянскихъ языческихъ вѣрованій. Такимъ же переживаніемъ у западныхъ славянъ была вѣра въ *топилокъ*, *гоплянокъ*, обитающихъ въ озерѣ Гоплѣ въ Польшѣ и губящихъ людей (русалки восточныхъ славянъ), вѣра чеховъ въ *судичекъ*, соотвѣтствующихъ «рожаницамъ» восточныхъ славянъ и т. д.

Западные славяне такъ же, какъ и восточные, почитали Перуна, Велеса и Даждь-бога. Въ числѣ кумировъ, находившихся въ священной крѣпости Кореницѣ на островѣ Ранѣ стоялъ и *Перунецъ* (по-лат. Perunetius). У поляковъ, и до сихъ поръ существуетъ брань, свидѣтельствующая объ ихъ давнишнемъ вѣрованіи въ Перуна: тресни тебя Перунъ (niech cię piorun trzaśnie). Имя *Велеса* сохранилось въ географическихъ названіяхъ Чехіи,

напр. Велешь, имя *Даждь-бога* въ формѣ Дадзибогъ встрѣчается въ польской личной и географической номенклатурѣ. Но большинство западныхъ славянъ чтили Даждь-бога подъ другими именами.

Извѣстно, что у восточныхъ славянъ подъ именемъ Даждь-бога разумѣлся небесный огонь—солнце. На это прямое указаніе даетъ составитель Ипатьевской лѣтописи. Приводя одно мѣсто изъ хронографа Малалы, онъ переводитъ названіе греческаго бога Геліоса такимъ образомъ: «Солнце—царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажь-богъ». Но Сварожичу поклонялись, какъ оказывается, и западные славяне: въ Радигощскомъ храмѣ въ землѣ ратарей, по свидѣтельству Титмара, стоялъ идолъ Сварожича (*Zuarasici*), которому язычники поклонялись болѣе другихъ боговъ. Итакъ, ратари несомнѣнно чтили Даждь-бога, солнце, подъ именемъ Сварожича. Но сравнивая культъ Сварожича съ культомъ *Святовита*, главнаго бога ранъ, *Триглава*, главнаго бога поморянъ, и *Яровита*, главнаго бога гаволянъ, открываемъ тождество всѣхъ этихъ боговъ съ Сварожичемъ, т.-е. Даждь-богомъ, или солнцемъ. Въ этомъ тождествѣ окончательно убѣждаетъ насъ и этимологія названій «Святовитъ» и «Яровитъ». Это архаическія имена святого и яраго свѣта («вити» по-санскрит. «свѣтъ»). (Недавно, впрочемъ, сдѣлана попытка объяснить по другому имя «Святовита». Проф. Янъ Розвадовскій въ корнѣ *вит* видитъ архаическое славянское обозначеніе «Господа», такъ что и Святовитъ, по его объясненію, значитъ сильный, могущественный Господь.)

Кромѣ перечисленныхъ божествъ у западныхъ славянъ встрѣчаемъ еще *Живу*, богиню плодородія, почитавшуюся въ Ратиборѣ, городѣ полабцевъ и аналогичную русской Матери—Сырой Землѣ; встрѣчаемъ, наконецъ, и домашнихъ боговъ—*господариковъ*, *шетковъ* (у чеховъ), соотвѣтствующихъ нашему дѣдушкѣ-домовому: это души умершихъ предковъ-родоначальниковъ, блюдущія за благополучіемъ дома и семьи. Культъ этихъ предковъ показываетъ, что среди западныхъ славянъ такъ же, какъ и среди восточныхъ, было распространено вѣрованіе въ продолженіе существованія души по смерти тѣла.

О томъ же самомъ свидѣтельствуютъ и суевѣрія, долгое время державшіяся у поляковъ и чеховъ,—вѣра въ привидѣнія и страшилища (przisczce, matochy), оборотней (wilkolaki), упырей или вампировъ, сосущихъ кровь, морусовъ (incubi): все это—разсерженныя непочтеніемъ при жизни или по смерти души умершихъ, мстящія живымъ.

Разсмотрѣнныя вѣрованія западныхъ славянъ болѣе или менѣе одинаковы у нихъ съ вѣрованіями восточныхъ славянъ. Эти вѣрованія являются, такимъ образомъ, духовнымъ капиталомъ, вынесеннымъ западными славянами изъ совмѣстной жизни до разселенія. Было бы, однако, ошибкою предполагать, что западные славяне съ своей стороны не прибавили ничего къ этому общеславянскому религіозному наслѣдію. По крайней мѣрѣ, такое предположеніе было бы совершенно ошибочнымъ относительно

такъ называемыхъ прибалтійскихъ славянъ. Въ вѣрованіяхъ этихъ славянъ можно ясно замѣтить нѣкоторыя уклоненія отъ того господствующаго направленія, котораго преимущественно держалось религіозное сознаніе славянъ въ эпоху ихъ разселенія и которое осталось господствующимъ у восточныхъ славянъ. Въ культѣ же прибалтійскихъ славянъ замѣчается даже прямой прогрессъ по сравненію съ общеславянскимъ примитивнымъ культомъ.

Особенности языческихъ вѣрованій прибалтійскихъ славянъ. Въ эпоху разселенія славяне, какъ было указано выше, чтили Перуна, какъ главнаго бога. Перунъ остался главнымъ божествомъ и у восточныхъ славянъ. Но у прибалтійскихъ онъ отошелъ на второй планъ, а на первый планъ выдвинулся солнечный богъ. По словамъ Гельмольда, прибалтійскіе славяне признавали Святовита первымъ между богами, «богомъ боговъ», которые передъ нимъ были только какъ бы полубогами (caeteros quasi semideos aestimabant). Того же самаго бога, какъ сказано, щетинцы чтили въ своемъ Триглавѣ, ратари въ своемъ Сварожичѣ, гаволяне въ своемъ Яровитѣ. Солнечное божество почиталось прибалтійскими славянами, какъ податель земныхъ благъ, отъ котораго зависѣлъ урожай хлѣба и всякихъ плодовъ. На сыромъ и прохладномъ Балтійскомъ побережьѣ, гдѣ недородъ хлѣба происходитъ не отъ засухъ, а отъ тумановъ и дождей, благодѣтельное дѣйствіе солнечнаго свѣта и тепла должно было почувствоваться съ особливою силою, а потому и культъ солнца долженъ былъ получить предпочтительное развитіе. Въ эпоху продолжительной и ожесточенной борьбы съ нѣмцами прибалтійскіе славяне мало-по-малу выработали взглядъ на Святовита не только какъ на подателя земныхъ благъ, хлѣба и плодовъ, но и какъ на подателя побѣдъ, помощника и заступника въ битвахъ. Мирный богъ земледѣльцевъ такимъ образомъ превратился въ грознаго бога войны. Въ этомъ значеніи особенно выдавался Яровитъ, почитаемый у гаволянъ.

Особенности культа прибалтійскихъ славянъ; храмы и жрецы. Предпочтительный культъ солнечнаго бога составляетъ особенность язычества прибалтійскихъ славянъ. Этотъ культъ, равно какъ и почитаніе другихъ боговъ у прибалтійскихъ славянъ, ушли далеко отъ первоначальнаго общеславянскаго культа. Древнѣйшее богослуженіе славянъ совершалось подъ открытомъ небомъ всякимъ человѣкомъ и состояло въ моленіяхъ и жертвоприношеніяхъ: не было ни жрецовъ, ни храмовъ, ни идоловъ. Эта древнѣйшая форма языческаго богослуженія, судя по сообщенію Косьмы Пражскаго, была въ ходу у чешскаго простонародья даже въ XI в., когда Чехія была уже христіанскою страною.

У прибалтійскихъ славянъ эта первоначальная форма мало-по-малу измѣнилась. Первымъ нововведеніемъ явилась *ограда*, которою стали окружать священное мѣсто въ лѣсу, которое излюбили боги, для того чтобы чужеземцы или свои по невѣдѣнію не осквернили святого мѣста. Такую ограду

мы встрѣчаемъ, напр., въ священной рощѣ вагровъ, гдѣ росли дубы бога Прове. Мѣсто, гдѣ росли эти дубы, было обнесено деревяннымъ заборомъ, въ которомъ было двое воротъ, украшенныхъ отличными фронтонами. Входъ за ограду дозволенъ былъ только совершавшимъ жертвоприношеніе и тѣмъ, кто убѣгалъ отъ кровной мести. Для послѣднихъ это святилище было безопаснымъ пріютомъ, ибо святое мѣсто нельзя было осквернять нежертвенною кровью. Эта ограда святого мѣста была зародышемъ храма. Но окончательно языческій храмъ создался у прибалтійскихъ славянъ послѣ того, какъ появились изображенія боговъ, идолы.

Идоловъ создала потребность, родственная той, которая создала и ограды священныхъ мѣстъ,—потребность внѣшнимъ образомъ обозначить присутствіе въ данномъ мѣстѣ того или другого божества. Эта потребность напоминать о божествѣ и тѣмъ заставлять его чтить съ особенною силою проявлялась въ тѣ времена, когда подъ напоромъ чужихъ вѣрованій старыя вѣрованія и культы могли попадать въ забвеніе и пренебреженіе. Въ такія эпохи столкновенія старины и новизны, старина всегда имѣетъ тенденцію рѣзко и выпукло противоставляться новому. Извѣстно, что русскій князь Владимиръ, видя опасность, угрожавшую язычеству отъ вторженія христіанства, наставилъ въ разныхъ городахъ кумиры боговъ, которые въ нихъ почитались, и сталъ ревностно приносить имъ жертвы. Повидимому, у прибалтійскихъ славянъ ревнители язычества понаставили идоловъ, главнымъ образомъ въ эпоху борьбы съ германцами-христіанами. Творческая фантазія, воплощавшая боговъ въ человѣческихъ образахъ, въ это время должна была получить особенно сильный импульсъ и выразиться въ созданіи разнообразныхъ изображеній боговъ. И вотъ отъ писателя конца X и начала XI в. Титмара Мерзебургскаго мы узнаемъ, что у балтійскихъ славянъ въ его время было уже столько храмовъ и идоловъ, сколько у нихъ было волостей, или жупъ. Идолы ставились иногда подъ открытымъ небомъ и не огороженные. Но иногда надъ ними воздвигали крышу на четырехъ столбахъ, а промежутки затягивали пологомъ или забивали досками. Это дѣлалось для предохраненія идола отъ разрушающаго дѣйствія стихій или отъ оскверненія. Такъ простое *требище* или *капище* превратилось у прибалтійскихъ славянъ въ *хоромы* божества, или *храмъ*.

Идолы первоначально символизировали присутствіе божества въ данномъ мѣстѣ и потому были неподвижными. Но затѣмъ они сами стали считаться вмѣстилищами, какъ бы тѣлами божествъ. Съ появленіемъ этого воззрѣнія идоловъ стали переносить, напр., брали съ собой на войну для полученія отъ нихъ помощи, стали соединять по нѣскольку идоловъ въ одномъ храмѣ, который особенно почитался, и т. д.

Съ появленіемъ храмовъ появился и особый классъ служителей при храмахъ, наблюдавшихъ за чистотою и порядкомъ при храмѣ, приносившихъ жертвы, производившихъ гаданіе,—другими словами: появился классъ *жрецовъ*. Въ этотъ классъ естественно попали всѣ ревнители язычества,

которые и прежде имѣли стремленіе и претензію быть въ близости и интимности съ богами,—т.-е. разные вѣщіе люди, волхвы, кудесники и т. под. люди. Прежде весь этотъ людъ разсѣянъ былъ въ массѣ населенія и изъ своей близости къ богамъ не дѣлалъ еще профессіи и ремесла. Теперь всѣ подобные люди сбились къ храмамъ и забрали въ свои руки жертвоприношенія и гаданія, стали собирать съ населенія доходы и пріобрѣли почетъ и даже власть въ обществѣ. Отъ народа жрецы стали даже отличаться и внѣшними признаками,—бѣлою одеждою, какъ, напр., въ Волегощѣ, бородою и длинными волосами, какъ на Ранѣ, гдѣ народъ ходилъ бритымъ и коротко остриженнымъ.

Средоточія языческаго культа прибалтійскихъ славянъ. Только благодаря всѣмъ этимъ перемѣнамъ въ сферѣ языческаго культа и могли создаться у прибалтійскихъ славянъ такія религіозныя сосредоточія, какъ Аркона на островѣ Ранѣ, Штеттинское и Радигощское святилища. Эти религіозныя сосредоточія съ развивавшимся въ нихъ культомъ уже весьма далеки были отъ первоначальныхъ требищъ и капищъ и того, что на нихъ происходило. Послушаемъ, что говорятъ объ этихъ средоточіяхъ современные нѣмецкіе хронисты.

На высокой скалѣ, выдавшейся въ море, на сѣверной конечности острова Рюгена, стоялъ священный городъ *Аркона,* огражденный съ одной стороны стѣною, а съ другихъ—моремъ и обрывомъ скалы. Городъ этотъ принадлежалъ исключительно богослуженію: онъ или стоялъ совершенно пустой, даже безъ всякой стражи, или же вдругъ наполнялся на время огромнымъ стеченіемъ народа, почти всѣмъ населеніемъ острова Раны и поклонниками со всего Поморья. Посрединѣ его стоялъ храмъ Святовита. Храмъ былъ деревянный, по словамъ Саксона Грамматика, весьма изящно построенный. Онъ окруженъ былъ заборомъ, который привлекалъ взглядъ тщательно отдѣланными рѣзными изображеніями различныхъ предметовъ. Самое капище снаружи ограждалось четырьмя стѣнами подъ одною кровлею; а въ немъ была особая внутренняя часть, отдѣлявшаяся четырьмя столбами и пурпуровыми тканями, столь ветхими, что отъ прикосновенія онѣ разсыпались. За этими занавѣсями и стоялъ идолъ Святовита. Идолъ былъ огромный, выше человѣческаго роста, съ четырьмя головами на четырехъ отдѣльныхъ шеяхъ, смотрѣвшими врозь, съ обритыми бородами и остриженными волосами. Въ правой рукѣ идолъ держалъ рогъ, выложенный разными металлами и ежегодно наполнявшійся виномъ; лѣвая изогнута была дугою и упиралась въ бокъ. Идолъ стоялъ прямо на полу, одѣтый до голеней. По близости отъ него находились узда, сѣдло и другіе предметы; наиболѣе удивлялъ посѣтителей огромный мечъ, ножны котораго и рукоять были отдѣланы въ серебро, и отличались прекраснѣйшей рѣзьбой. Въ храмѣ стояло священное знамя Святовита, или *станица.* Эту станицу ране чтили необычайно, воздавая ей почти такое же поклоненіе, какъ самому божеству. Нося ее предъ со-

бою на войнѣ, они считали себя подъ высшимъ покровомъ и на все отваживались, увѣренные въ полной безопасности. Весь храмъ, по словамъ Саксона Грамматика, былъ украшенъ рогами разныхъ животныхъ, необыкновенными и удивительными не только по природѣ, но и по отдѣлкѣ.

Въ Аркону стекалось огромное число народа послѣ уборки хлѣба, пригонялось много скота и привозилось много вина для жертвъ и пира. Наканунѣ праздника жрецъ Святовита съ вѣникомъ въ рукахъ входилъ во внутреннее святилище, куда никто кромѣ него не имѣлъ доступа, и начисто выметалъ его, стараясь при этомъ не дыхнуть, чтобы не осквернить святого мѣста. На другой день въ присутствіи всего народа онъ вынималъ изъ рукъ идола рогъ съ виномъ и, разсмотрѣвъ его тщательно, предсказывалъ, быть или не быть урожаю на будущій годъ: ежели вина оставалось столько же, сколько было налито, быть обилію, а если убыло, то скудости. Выливъ старое вино къ ногамъ идола, жрецъ наполнялъ рогъ новымъ виномъ и осушалъ его однимъ духомъ, испрашивая всяческихъ благъ себѣ и народу. Затѣмъ, снова наливши рогъ виномъ, влагалъ его опять въ руку истукану. Послѣ того приносили идолу пирогъ изъ сладкаго тѣста, вышиною въ человѣческій ростъ. Жрецъ прятался за нимъ и спрашивалъ народъ, видно ли его. Когда отвѣчали, что виденъ лишь пирогъ, жрецъ просилъ бога, чтобы и на другой годъ они могли сдѣлать такой же пирогъ. Въ заключеніе, именемъ Святовита благословляя собравшійся народъ, жрецъ наказывалъ и впредь чтить арконскаго бога, обѣщая въ награду обиліе плодовъ, побѣду на сушѣ и на морѣ. Тѣмъ и кончалось богослуженіе; остальная часть дня проводилась въ пиршествѣ: ѣли и пили до отвала, ибо воздержаніе принималось въ обиду божеству.

Кромѣ этого праздника, Аркону посѣщали для гаданій. При храмѣ содержался священный конь Святовита, бѣлой масти, съ длинными, никогда не подстригавшимися гривою и хвостомъ. Одинъ только жрецъ Святовита могъ кормить и садиться на этого коня, на которомъ, по вѣрованію ранъ, сражался самъ Святовитъ противъ враговъ своей святыни. Посредствомъ этого коня и гадали предъ началомъ войны. Служители втыкали передъ храмомъ три пары копій на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; къ каждой парѣ привязывалось третье копье поперекъ. Жрецъ, произнеся торжественную молитву, выводилъ коня за узду изъ сѣней храма и велъ на скрещенныя копья: если конь черезъ всѣ копья ступалъ сначала правою ногой, а потомъ лѣвою, это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ; въ противномъ случаѣ предпріятіе отмѣнялось.

Арконскій храмъ сдѣлался первенствующимъ святилищемъ славянскаго Поморья, средоточіемъ славянскаго язычества. По общему убѣжденію балтійскихъ славянъ, арконскій богъ давалъ самыя знаменитыя побѣды, самыя дѣйствительныя прорицанія. Поэтому для жертвоприношеній и для гаданья сюда стекались славяне со всѣхъ сторонъ Поморья. Отовсюду доставлялись ему дары по обѣтамъ не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ

племенъ. Каждое племя посылало арконскому богу ежегодную дань на жертвы; ежегодно приносился ему въ жертву одинъ изъ христіанскихъ плѣнниковъ. У храма были обширныя помѣстья, дававшія ему доходъ; въ пользу его собирались пошлины съ купцовъ, торговавшихъ въ Арконѣ, съ промышленниковъ, ловившихъ сельдей у острова Раны; ему приносилась третья часть военной добычи, всѣ драгоцѣнности—золото, серебро и жемчугъ, раздобытое на войнѣ. Поэтому въ храмѣ стояли сундуки, наполненные всякимъ добромъ. Передъ нами, такимъ образомъ, явленіе, сильно напоминающее Дельфійскій оракулъ у грековъ. Аналогія идетъ и дальше: какъ въ Дельфы посылали дары и обращались за предсказаніями иноплеменники, такъ и въ арконскій храмъ посылали дары властители сосѣднихъ народовъ, напр., датскіе короли. Почтеніе, которое питали племена балтійскихъ славянъ къ арконской святынѣ, невольно переносилось и на ранъ, которые такъ близко стояли къ этой святынѣ. «У славянъ балтійскихъ,—пишетъ Адамъ Бременскій,—законъ—въ дѣлахъ общихъ ничего не рѣшать и не предпринимать наперекоръ мнѣнью ранскаго народа: до такой степени боятся ранъ за связь ихъ съ богами».

Святилища, подобныя арконскому, существовали также въ Щетинѣ, гдѣ стоялъ идолъ Триглава, въ Радигощѣ, главномъ городѣ ратарей, гдѣ стоялъ идолъ Сварожича, въ Волегощѣ, гдѣ стоялъ идолъ Яровита, и другихъ городахъ. Святилище Триглава находилось на самомъ высокомъ изъ трехъ холмовъ, на которыхъ располагался городъ Щетинъ. Стѣны святилища извнутри и снаружи были покрыты цвѣтною рѣзьбою, съ изображеніями людей и животныхъ. Статуя бога, трехглавая, была убрана золотомъ. Жрецы утверждали, что три главы—символъ власти бога надъ тремя царствами—небомъ, землею и пекломъ. Въ храмѣ складывались оружіе, добытое въ войнахъ, и предписанная закономъ десятая часть добычи, взятой въ битвахъ на сушѣ и на морѣ, хранились золотыя и серебряныя чаши, которыя выносились лишь въ праздничные дни, и изъ которыхъ пили и гадали вельможи и знатные люди; позолоченные и украшенные дорогими каменьями рога (для войны и для питья), мечи, ножи и разные другіе предметы культа. Въ Щетинѣ былъ и святой конь, посвященный Триглаву. Никто не могъ садиться на него. Ухаживалъ за нимъ одинъ изъ жрецовъ. При помощи этого коня совершались гаданія передъ походами, для чего втыкали въ землю копья и заставляли коня переступать черезъ нихъ.—Третьимъ центромъ язычества у балтійскихъ славянъ былъ городъ Радигощъ въ землѣ ратарей. По описанію Титмара, епископа Мерзебургскаго, городъ лежалъ среди большого лѣса на берегу Доленскаго озера. Лѣсъ этотъ считался священнымъ и неприкосновеннымъ. Внутри города, куда вели трое воротъ, стояло только одно деревянное святилище, стѣны котораго были украшены снаружи рогами звѣрей, а извнутри рѣзьбою съ изображеніями боговъ и богинь. Въ святилищѣ стояли грозныя статуи боговъ, одѣтыя въ шлемы и панцыри, и первое мѣсто среди нихъ

занималъ идолъ Сварожича (Suarasici), почитаемаго всѣми славянами.— Виднымъ святилищемъ былъ также и храмъ Руевита или Яровита въ Волегощѣ (городѣ бога Волоса, Велеса) на Поморьѣ. Значеніе этого бога ясно опредѣляется словами, которыя, по разсказу житія св. Оттона Бамбергскаго, произносилъ отъ имени бога его жрецъ: «я богъ твой, я тотъ, который одѣваю и поля хлѣбами, и лѣса листьями; плоды нивъ и садовъ, плоды живущихъ и все, что служитъ къ пользѣ человѣка—въ моей власти». Руевитъ изображался съ семью лицами подъ однимъ черепомъ; семь мечей въ ножнахъ были привязаны къ его поясу, а восьмой держалъ онъ въ правой рукѣ. Яровиту былъ посвященъ щитъ, къ которому никто не смѣлъ прикасаться, и который выносился изъ храма только во время войны, при чемъ народъ либо отходилъ, либо падалъ ницъ на землю. Идолъ Руевита вмѣстѣ съ идолами Поревита и Поренута стоялъ и въ княжеской резиденціи ранъ—Карентіи. По извѣстію житія св. Оттона, этого же бога подъ именемъ Яровита (Геровита) чтили гаволяне, справляя въ честь его особый праздникъ.—Было много и другихъ святилищъ; по словамъ Титмара Мерзебургскаго, храмовъ и боговъ было у славянъ столько, сколько волостей или жупъ.

Итакъ, язычество собственно прибалтійскихъ славянъ сдѣлало значительные шаги впередъ въ смыслѣ развитія культа по сравненію съ первоначальнымъ славянскимъ язычествомъ. Но другіе западные славяне— польскія племена, чехи, мораване и словаки, по всѣмъ признакамъ, не пошли такъ далеко въ развитіи своего языческаго культа и оставались съ тѣмъ религіознымъ наслѣдіемъ, которое получили отъ эпохи совмѣстной жизни славянства до самаго принятія христіанства.

Важнѣйшая литература:

Кромѣ указанныхъ сочиненій Гильфердинга, Первольфа, Богуславскаго и Ваховскаго, можно указать еще на труды *Крека*, *Ягича*, *Александра Брюкнера*, *Вольтера*, помѣщенные подъ заглавіемъ «Mythologische Skizzen» въ «Archiv für slavische Philologie», 1880, т. I, IV, V, VI, IX; 1881 г. XIV. Результаты этихъ и другихъ новыхъ изысканій изложилъ *L. Leger* въ книгѣ «La mythologie slave», Paris 1901. Изъ другихъ трудовъ заслуживаютъ вниманія статьи проф. *А. Брюкнера* «Fata morgana» (Biblioteka Warszawska 1903 r., t. II), *А. Парчевскаго* «Swanty Wit» (Rocznik Towarzystwa Przyjaciół nauk Poznańskiego, tom XXVII, 1901 r.), *Яна Розвадовскаго* Questiones grammaticae et etymologicae» (Rozprawy— Wydz. filol. Krak. Ak. Umiejętności, tom X, serya 2); *Maretič* T., Zu den Götternamen der Baltischen Slaven (Archiv f. slav. Phil. 1887, X). Срав. также Фаминцына, Божества древнихъ славянъ. Спб. 1880.

VII.

Распространеніе христіанства среди западныхъ славянъ и ближайшія культурныя послѣдствія этого факта.

Культурно-психологическія условія для распространенія христіанства. Славянское язычество подобно всѣмъ другимъ религіямъ той же стадіи развитія страдало отсутствіемъ ясности и отчетливости и обобщающаго философскаго начала въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ. Вслѣдствіе этого при столкновеніи съ христіанствомъ, отлившимся не только въ форму извѣстнаго обряда, но и въ форму опредѣленнаго и стройнаго вѣроученія, отвѣчавшаго такъ или иначе на всѣ главные запросы ума и сердца, славянское язычество должно было уступать ему свое мѣсто, отходить на задній планъ, удерживалось только въ видѣ народныхъ суевѣрій. Помимо этого общаго условія, облегчавшаго Христовой вѣрѣ путь къ умамъ и сердцамъ славянъ-язычниковъ, распространенію христіанства помогали нѣкоторыя частныя черты, присущія какъ язычеству, такъ и христіанству. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить смутную идею о высшемъ небесномъ божествѣ, вынесенную славянами едва ли не изъ общей прародины арійской расы. «Между многообразными божествами, которымъ присвоены лѣса, поля, печали и радости,—пишетъ Гельмольдъ про балтійскихъ славянъ,—они признаютъ единаго бога въ небесахъ, повелѣвающаго прочими богами, и вѣрятъ, что онъ, всемогущій, заботится только о небесномъ; другія же божества, которымъ розданы разныя должности, подчинены ему, произошли отъ его крови и тѣмъ знатнѣе, чѣмъ ближе родствомъ къ этому богу боговъ». Но на такомъ фундаментѣ религіознаго міросозерцанія легко могла укладываться и христіанская идея о Богѣ, какъ Всемогущемъ Отцѣ Небесномъ. Христіанскимъ учителямъ приходилось только прибавлять, что этотъ Небесный Отецъ заботится не только о небесномъ, но и о земномъ. Съ другой стороны привычныя представленія славянина-язычника о сынѣ небеснаго бога (Сварожичъ) и другихъ богахъ, завѣдующихъ радостями и печалями человѣка, встрѣчали себѣ аналогіи въ христіанскихъ представленіяхъ о Сынѣ Божіемъ, Его Матери, ангелахъ, демонахъ. Все это въ общей сложности и должно было облегчать какъ проповѣдникамъ, такъ и властямъ дѣло насажденія христіанства у славянъ-язычниковъ, хотя при такой пересадкѣ на языческую почву христіанство на первыхъ порахъ и теряло въ своей чистотѣ.

Миссіонерская дѣятельность нѣмецкаго духовенства. Христіанство стало насаждаться среди западныхъ славянъ съ того времени, когда оно упро-

чилось въ восточной Германіи. Совершилось это, какъ извѣстно, при папахъ Григоріи II, Григоріи III и Захаріи (715—752) трудами апостола Германіи св. Бонифація. При содѣйствіи папъ и майордомовъ франкскаго королевства Бонифацій учредилъ нѣсколько епископствъ во Франконіи, Тюрингіи и Баваріи и подчинилъ ихъ управленію архіепископовъ Кельнскаго, Трирскаго и Зальцбургскаго, которые въ свою очередь подчинены были архіепископу Майнцскому, примасу Германіи и папскому легату. Границы новыхъ епархій не только пришли въ соприкосновеніе съ поселеніями славянъ, но и захватили нѣкоторыя изъ нихъ, перекинувшіяся на западъ отъ Эльбы, въ глубь Германіи. Таковы были славянскіе поселки въ западной Тюрингіи на р. Фульдѣ, въ восточной Франконіи на верхнемъ Майнѣ и его притокахъ—Регницѣ и Айшѣ. Славяне на верхнемъ Майнѣ вошли въ составъ Вюрцбургской епархіи и первые были привлечены къ платежу даней въ пользу церкви. Майордомы Пипинъ и Карлманъ пожаловали епископу десятую часть дани медовой, полбяной и другихъ продуктовъ въ восточно-франконскихъ, или славянскихъ земляхъ. Св. Бонифацій, брезгливо относившійся къ славянамъ, называвшій ихъ foedissimum et deterrimum genus hominum, видѣвшій въ нихъ поклонниковъ сатаны, спрашивалъ папу Захарія, годится ли собирать подати съ славянъ, осѣвшихъ на церковной землѣ. Папа разсѣялъ его сомнѣнія и приказалъ собирать съ нихъ подати, чтобы славяне не смотрѣли на свою землю, какъ на собственность. Но такое положеніе рано или поздно должно было привести къ обращенію язычниковъ славянъ въ христіанство. Отъ епископа Вюрцбургскаго Бурхарда остались проповѣди для язычниковъ,—т.-е. очевидно славянъ, ибо восточная Франконія уже давно считалась христіанскимъ краемъ. При Карлѣ Великомъ въ этой епархіи были уже крещены и славяне, для которыхъ выстроено было 14 новыхъ церквей. Но особенныхъ успѣховъ христіанство достигло при Карлѣ Великомъ у словинцевъ и хорватовъ, благодаря дѣятельности зальцбургскихъ архіепископовъ Виргилія и Арно. При ближайшихъ преемникахъ Карла Великаго, христіанство проникаетъ въ Чехію. Въ 845 году, по свидѣтельству франкскихъ лѣтописей, къ королю Людовику явились въ Регенсбургъ 14 чешскихъ воеводъ (duces) и приняли здѣсь крещеніе. Но попытка Людовика Благочестиваго создать въ Нордальбингіи, въ Гамбургѣ, центръ для обращенія сосѣднихъ варваровъ, въ томъ числѣ и для прибалтійскихъ славянъ, не удалась. Славяне не только не приняли христіанства, но и разрушили Гамбургъ и епископію.

Насажденіе христіанства изъ Германіи создавало большія неудобства и затрудненія для новообращаемыхъ славянъ и ихъ туземныхъ властей. Втягивая славянскія земли въ свою церковную организацію, нѣмецкое духовенство втягивало ихъ и въ политическую зависимость отъ Германіи и ея государей и во всякомъ случаѣ заставляло славянъ имѣть дѣло съ послѣдними. По поводу, напр., неправильнаго или неисправнаго платежа

церковной дани, нѣмецкое духовенство не прочь было искать суда и управы у своихъ нѣмецкихъ, а не славянскихъ властей, которыя сплошь и рядомъ сами пребывали еще въ язычествѣ. Нѣмецкое духовенство оставалось чуждымъ для обращаемыхъ славянъ по языку и симпатіямъ, которыя были на сторонѣ не новой его паствы, а соплеменниковъ его, бывшихъ нерѣдко заклятыми врагами славянства. При такихъ условіяхъ и самая проповѣдь христіанства, ведшаяся нѣмецкимъ духовенствомъ, не всегда сопровождалось надлежащимъ успѣхомъ. Всѣ эти обстоятельства и привели къ попыткѣ основанія собственной національной церкви для славянъ съ своимъ богослужебнымъ языкомъ и съ своимъ природнымъ духовенствомъ. Такую попытку предпринялъ прежде другихъ моравскій князь Ростиславъ, который, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, изъ всѣхъ силъ старался эмансипироваться отъ нѣмцевъ, отъ ихъ вмѣшательства въ жизнь подчиненнаго ему славянства.

Кириллъ и Меѳодій и попытка созданія національной христіанской церкви среди западныхъ славянъ. Въ 862 году Ростиславъ обратился къ византійскому императору Михаилу III съ просьбою прислать въ Моравію проповѣдниковъ, знающихъ славянскій языкъ. Михаилъ отправилъ въ Моравію солунскихъ грековъ, братьевъ Константина и Меѳодія. Константинъ былъ сверстникомъ Михаила III и вмѣстѣ съ нимъ учился у патріарха Фотія, ученѣйшаго человѣка своего времени. По окончаніи образованія онъ сталъ учителемъ философіи въ Константинопольской академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ церковнымъ дѣятелемъ; на 24-мъ году своей жизни онъ ѣздилъ въ М. Азію для религіозныхъ преній съ арабскими учеными. Братъ его Меѳодій шелъ сначала по гражданской службѣ и быстро дослужился до званія стратега одной провинціи, заселенной славянами, но затѣмъ онъ бросилъ эту службу и удалился въ монастырь на Олимпъ, куда прибылъ къ нему и братъ его Константинъ. Находясь въ этомъ монастырѣ, Константинъ и Меѳодій получили отъ своего правительства порученіе отправиться въ Хозарію для проповѣди тамъ христіанства и для спора съ магометанскими и іудейскими проповѣдниками. На пути въ Хозарію братья въ Херсонесѣ Таврическомъ нашли мощи св. Климента, папы римскаго, а также евангеліе и псалтирь, написанные русскими письменами. Ихъ возвращеніе на родину совпало съ прибытіемъ посольства отъ князя Ростислава, его племянника Святополка и отъ князя Нижней Панноніи Коцела, сына упоминавшагося ранѣе Прибины. Михаилъ III ни на комъ другомъ не могъ остановить своего выбора, какъ именно на этихъ братьяхъ, уже заявившихъ себя религіозною ревностью и притомъ хорошо знавшихъ славянскій языкъ (Македонія, гдѣ родились братья, была заселена славянами, и Солунь была двуязычнымъ городомъ).

Въ 863 году Константинъ и Меѳодій прибыли въ Моравію и встрѣчены были радушно княземъ и населеніемъ. Они собрали вокругъ себя учениковъ, научили ихъ письму и сообща съ ними переводили богослужебныя

книги, объѣзжали страну, проповѣдывали христіанство на славянскомъ языкѣ. Но имъ пришлось столкнуться съ нѣмецкимъ духовенствомъ Пассавской епархіи, къ составу которой причислялась нѣмцами Моравія. Нѣмецкіе священники протестовали противъ богослуженія на славянскомъ языкѣ, считали только три языка достойными слова Божія—еврейскій, греческій и римскій, ибо только на этихъ языкахъ сдѣлана была извѣстная надпись на Крестѣ Христовомъ. Константинъ и Меѳодій возражали на это, приводя въ примѣръ другихъ народовъ востока, имѣвшихъ священное писаніе на своемъ языкѣ, и называли мнѣніе нѣмецкаго духовенства треязычною ересью. Но пока для Моравіи не было епископа, раздѣлявшаго взгляды братьевъ, эти взгляды не могли осуществиться въ церковной организаціи Моравіи. Чтобы заполучить такого епископа для Моравіи, братья отправились, повидимому, сначала въ Византію, но, получивъ на дорогѣ извѣстіе о низверженіи патріарха Фотія, повернули въ Римъ, къ папѣ Николаю I. Въ Римѣ они уже не застали въ живыхъ папу Николая I. Его преемникъ Адріанъ II встрѣтилъ ихъ торжественно, такъ какъ они везли съ собою мощи св. Климента, и одобрилъ всѣ ихъ начинанія. Онъ поручилъ епископамъ Формозу и Гаудериху совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ по восточному обряду, посвятилъ Меѳодія и его учениковъ во священники и діаконы. Но по случаю болѣзни Константина Меѳодій довольно долго прожилъ въ Римѣ; уѣхалъ онъ оттуда уже одинъ, такъ какъ Константинъ умеръ 14 февраля 869 года, принявъ передъ смертью монашество съ именемъ Кирилла.

Изъ Рима Меѳодій уѣхалъ, однако, не въ Моравію, а въ Нижнюю Паннонію—къ князю Коцелу, который упросилъ папу Адріана II назначить Меѳодія епископомъ Панноніи. Но это назначеніе затрогивало права Зальцбургскаго епископа, къ епархіи котораго причислялась Паннонія. Папа, не ладившій съ епископами Зальцбургскимъ и Пассавскимъ, которые проявляли слишкомъ большую самостоятельность и неисправно вносили свои платежи въ папскую казну, не остановился передъ нарушеніемъ правъ нѣмецкихъ епископовъ и назначилъ Меѳодія въ 870 году архіепископомъ Панноніи. Чтобы придать своему распоряженію благовидное основаніе, папа объявилъ, что учрежденіе Паннонской каѳедры есть не что иное, какъ возстановленіе стараго Сирмійскаго епископства, существовавшаго до 582 года въ этихъ странахъ. Съ учрежденіемъ Паннонскаго архіепископства Паннонія была изъята изъ-подъ власти Пассавскаго епископа, а Моравія изъ-подъ власти Зальцбургскаго архіепископа. Казалось, что такимъ путемъ организуется національная западно-славянская церковь, согласно желаніямъ Ростислава и Коцела. Въ составъ этой церкви готовились войти и чехи, князя которыхъ—*Буривоя* Меѳодій крестилъ въ 870 году. Но судьба рѣшила иначе.

Нѣмцы помогли племяннику Ростислава Святополку свергнуть дядю съ княженія и сѣсть на его мѣсто, а затѣмъ захватили въ плѣнъ и самого

Святополка и посадили въ Моравіи своихъ маркграфовъ. Нѣмецкое духовенство Баваріи воспользовалось этимъ и потребовало Меѳодія на судъ своего собора по обвиненію его въ захватѣ частей Пассавской и Зальцбургской епархіи. Разумѣется, результатъ этого суда не могъ быть благопріятенъ для Меѳодія: его засадили въ заключеніе и продержали тамъ два съ половиною года, пока папа Іоаннъ VIII настоятельно не потребовалъ его освобожденія (осудившихъ Меѳодія епископовъ папа наказалъ запрещеніемъ на 2½ года совершать церковныя службы). Меѳодій въ 874 году вернулся сначала въ Паннонію, а затѣмъ, по смерти Коцела, его покровителя, въ Моравію, гдѣ въ то время Святополкъ вновь сдѣлался княземъ. Новый князь Моравіи не оказывалъ, однако, ему той поддержки, какую онъ имѣлъ прежде отъ Ростислава. Нѣмецкое духовенство снова проникло въ Моравію и стало обвинять его не только въ совершеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ, но и въ ереси, въ неправильномъ чтеніи символа вѣры. Меѳодій долженъ былъ снова ѣхать въ Римъ для отвѣта передъ папою. Хотя и на этотъ разъ папа (Іоаннъ VIII) оправдалъ Меѳодія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ необходимымъ дать извѣстное удовлетвореніе и нѣмецкому духовенству. Разрѣшая славянское богослуженіе, папа предписалъ апостолъ и евангеліе читать сначала по-латыни, а потомъ по-славянски, для князя и вельможъ, по ихъ желанію, совершать богослуженіе на латинскомъ языкѣ. Но самое главное—папа назначилъ въ качествѣ помощника Меѳодію нѣкоего *Вихинга*, родомъ алеманна, близкаго нѣмецкому королю Арнульфу человѣка и главу нѣмецкой партіи въ Моравіи. Этого Вихинга рекомендовалъ папѣ самъ Святополкъ. Папа возвелъ его въ санъ епископа—суффрагана Нитры. Вихингу суждено было сыграть самую видную роль въ разрушеніи создававшейся національной западнославянской церкви. Еще при жизни Меѳодія онъ старался оклеветать его предъ папою Стефаномъ VI и домогался отъ папы утвержденія въ должности Паннонскаго архіепископа. Въ 885 году онъ явился къ Святополку съ письмомъ папы Стефана, въ которомъ выставлялось его, Вихинга, правовѣріе, подвергалась строгому осужденію ересь и вся вообще дѣятельность Меѳодія, обращалось на Меѳодія проклятіе, произнесенное имъ предъ тѣмъ надъ Вихингомъ, а послѣднему давалось полномочіе на принятіе мѣръ противъ Меѳодія и его учениковъ. Святополкъ, и прежде оставлявшій Меѳодія безъ защиты, теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, былъ расположенъ отстаивать его и его дѣло, такъ какъ политическія обстоятельства сблизили его съ Арнульфомъ и такимъ образомъ поставили опять подъ сильное вліяніе нѣмцевъ. Смерть Меѳодія, послѣдовавшая вскорѣ послѣ прибытія папскаго посланія, развязала руки нѣмецкой партіи. Вихингъ и его присные, съ разрѣшенія Святополка, предприняли настоящее гоненіе на учениковъ и послѣдователей Меѳодія и вообще на все славянское духовенство. Они поставили себѣ цѣлію сломить во что бы то ни стало національную славянскую церковь, истребить всѣ слѣды дѣятельности славянскихъ

апостоловъ и снова подчинить Моравію нѣмецкой церкви.—Въ 886 году ученики Меѳодія: *Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Ангенарій, Савва и Лаврентій*, пробывъ нѣкоторое время въ заключеніи, были изгнаны изъ предѣловъ Моравіи и нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и сосѣднихъ земляхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушилось и начавшееся было дѣло созданія западнославянской національной церкви съ славянскимъ богослуженіемъ по восточному обряду.

Побѣда латинства въ Чехіи и Моравіи. Нѣмецкое духовенство и латинская литургія взяли верхъ не только въ Моравіи, но и въ сосѣдней Чехіи. Сыновья Буривоя Спитигнѣвъ и Вратиславъ вошли въ союзъ съ нѣмецкимъ королемъ Арнульфомъ въ 845 г. и одновременно съ тѣмъ признали Чехію подъ церковною властью Регенсбургскаго епископа, который, разумѣется, сталъ назначать въ Чехіи нѣмецкихъ священниковъ, строить церкви и вводить богослуженіе по западному образцу. Въ силу буллы папы Стефана отъ 900 г. князья Спитигнѣвъ и Вратиславъ стали оказывать нѣмецкому духовенству всяческое содѣйствіе и преслѣдовать славянскій языкъ и восточный обрядъ въ богослуженіи. Но пока была жива ихъ мать св. Людмила, насажденіе Меѳодія еще крѣпко держалось въ странѣ. Она передала свои симпатіи къ славянскому богослуженію и внуку своему, св. Вацлаву, котораго воспитывала. Самъ Вацлавъ по политическимъ соображеніямъ держался римскаго обряда и даже вводилъ въ странѣ римскія учрежденія, но онъ не преслѣдовалъ славянскаго богослуженія, которое продолжало существовать въ Чехіи рядомъ съ римскимъ. Впрочемъ, рано или поздно славянскій обрядъ долженъ былъ исчезнуть въ Чехіи. Онъ держался противъ воли самихъ духовныхъ лицъ, которые совершали богослуженія по-славянски и по восточному чину лишь въ угоду своей паствы, къ нему привыкшей. Славянскому обряду не доставало поддержки отъ духовенства, которое ставилось нѣмецкимъ епископомъ и нерѣдко изъ нѣмецкаго персонала. Чтобы славянское богослуженіе могло прочно установиться въ странѣ, необходимо было, чтобы отправляли его люди, получившіе посвященіе отъ руки епископа, къ нему расположеннаго и его исповѣдающаго. А такого епископа со времени смерти Меѳодія какъ разъ и недоставало для Чехіи и сосѣдней съ ней Моравіи. Правда, что въ 973 году папа Іоаннъ XIII поставилъ для Чехіи самостоятельнаго епископа, независимаго отъ Регенсбургскаго епископа, но на эту должность на первыхъ порахъ попадали большею частью либо нѣмцы, либо чехи, учившіеся у нѣмцевъ и проникшіеся симпатіями къ западной римской церкви. Таковъ былъ, напр., извѣстный епископъ *св. Войтехъ*, или Адальбертъ изъ рода Славниковъ, злицкихъ воеводъ, учившійся въ Магдебургѣ. Принявъ инвеституру изъ рукъ императора Оттона II и посвященный во епископа Пражскаго въ Майнцѣ, Войтехъ приложилъ всѣ старанія на распространеніе латинскаго языка въ чешскомъ богослуженіи. Онъ же основалъ первый мужской Бенедиктинскій монастырь недалеко отъ Праги, при чемъ контингентъ монаховъ выписалъ для

него прямо изъ Рима. Благодаря всему этому чешская церковь устроилась въ концѣ концовъ по западному образцу и въ зависимости отъ западной церкви. Пражскій епископъ сталъ получать инвеституру отъ нѣм. короля, считавшаго Чехію своимъ леномъ съ 928 года, а посвященіе изъ рукъ нѣмецкаго архіепископа-примаса. Въ Чехіи появились учрежденія западной римской церкви: мужскіе и женскіе монастыри Бенедиктинскаго ордена, соборные капитулы (древнѣйшая при церкви св. Георгія въ Прагѣ) съ пробстомъ или архипресвитеромъ во главѣ, деканомъ, схоластикомъ, канониками; установлена была церковная десятина, появились большія имѣнія у епископа, капитулъ и монастырей. Славянскій языкъ и восточный обрядъ мало-по-малу исчезли изъ богослуженія и въ видѣ исключенія удержались только въ одномъ бѣдномъ монастырькѣ *св. Прокопія на р. Сазавѣ*, основанномъ въ началѣ XI в.

Такъ какъ въ составъ епархіи Пражскаго епископа на первыхъ порахъ вошла и Моравія съ Панноніей, то и въ этихъ странахъ должно было произойти то же самое, что въ Чехіи. Чехія стала разсадникомъ римскаго христіанства и въ другихъ, сосѣднихъ съ нею странахъ. Тотъ же св. Войтехъ во время объѣзда своей епархіи (въ концѣ X в.) прибылъ по приглашенію Саролты, жены венгерскаго короля *Гейзы*, въ Гранъ и крестилъ Гейзу, который получилъ имя *Стефана*. Отсюда св. Войтехъ ѣздилъ въ Малую Польшу къ краковякамъ и насаждалъ среди нихъ христіанскую вѣру.

Итакъ, дѣло Ростислава и св. Меѳодія рушилось, національная западнославянская церковь не создалась. Дѣло это могло бы наладиться лишь въ томъ случаѣ, если бы чехо-моравская церковь вошла въ тѣсное общеніе съ восточной, греческою, церковью и разорвала свои связи съ западною, римскою. Но этого какъ разъ и не случилось. Венгры клиномъ врѣзались между западными славянами, Византіею и южными славянами и прервали сношенія между ними. Но безъ этихъ сношеній молодой чехо-моравской церкви невозможно было остаться національною: только съ юга могла она получить епископовъ и наставниковъ въ новой вѣрѣ въ томъ родѣ, въ какомъ были св. Меѳодій и его ученики. За невозможностью черпать свои жизненныя силы съ юга чехо-моравская церковь поневолѣ должна была примкнуть къ римской, которая и поспѣшила ее обезличить. Въ 1080 году папа Григорій VII отказалъ князю Вратиславу въ просьбѣ разрѣшить славянское богослуженіе, желанное для его подданныхъ. Чешская церковь въ X и XI вѣкахъ имѣла извѣстное общеніе съ русскою, восточнославянскою церковью, вслѣдствіе чего св. Людмила и св. Вацлавъ признаны были святыми на Руси (имъ составлены были житія и каноны), а св. Борисъ и Глѣбъ признаны были святыми въ Чехіи (въ честь ихъ былъ выстроенъ придѣлъ въ Сазавскомъ монастырѣ). Но это общеніе въ общемъ было все-таки слабое, и оно не могло побороть вліянія западной, римской, церкви. Въ концѣ-концовъ чехо-моравская церковь организовалась по образцу римской церкви и въ ея нѣдрахъ.

Попытки насажденія христіанства среди полабо-прибалтійскихъ славянъ въ X и XI вѣкахъ и ихъ неудача. Къ прибалтійскимъ славянамъ христіанство приходило вмѣстѣ съ нѣмецкою властью. Покоряя этихъ славянъ, нѣмцы ставили въ ихъ главныхъ городахъ своихъ бургграфовъ съ гарнизонами и епископовъ съ клирами. Бургграфъ и епископъ дѣйствовали при этомъ рука объ руку, порабощая славянское населеніе и навязывая ему силою новую вѣру. Такимъ образомъ при Оттонѣ I устроены были епископства въ земляхъ племенъ лютицкаго и бодрицкаго союзовъ—въ *Гавельбергѣ*, *Бранибор͡ѣ* и *Старградѣ*, въ землѣ полабскихъ сербовъ—въ *Мерзебургѣ*, *Житицѣ* и *Мейссенѣ* (Мышинѣ). Всѣ эти новыя епископства въ 968 году были подчинены архіепископу Магдебургскому. Новые епископы начинали свою дѣятельность обыкновенно съ наложенія дани, такъ называемой *бископовницы*, на покоренныхъ язычниковъ, а затѣмъ принимались за обращеніе ихъ въ христіанство. Они старались сдѣлать это по возможности скорѣе и притомъ съ наименьшими затратами усилій. Они считали безполезнымъ много разговаривать съ язычниками, которыхъ они считали грубыми невѣждами, и потому не проповѣдывали христіанство, а приказывали его принимать, истребляя идоловъ и разрушая языческіе храмы. Такимъ образомъ, въ 979 году разрушена была главная святыня лютицкаго союза—храмъ Сварожича въ Радигощѣ. Язычники повиновались, такъ какъ ослушаніе влекло экзекуціи со стороны мѣстнаго бургграфа. При такомъ упрощенномъ способѣ обращенія христіанство необыкновенно быстро распространялось среди полабскихъ и прибалтійскихъ славянъ, и изъ 18 волостей или графствъ, на которыя подѣлены были нѣмцами славянскія земли, занятыя при Генрихѣ I и Оттонѣ I (919—973), только въ трехъ удержалось язычество. Но распространяемое такимъ путемъ христіанство слабо пускало корни въ народѣ, втайнѣ придерживавшемся язычества, и при первомъ благопріятномъ случаѣ покидалось славянами. Это случилось въ 983 году во время общаго возстанія полабскихъ славянъ противъ нѣмецкаго ига. Славяне, возстановляя свою независимость, возстановляли и язычество. Соборныя церкви въ Гавельбергѣ и Браниборѣ были разрушены до основанія; духовенство спасалось бѣгствомъ. Браниборскій епископъ уцѣлѣлъ, но соборный клиръ весь былъ перебитъ. Подобное же произошло и у бодричей. По всему пространству Бодрицкой земли не осталось ни одной церкви: всѣ были преданы пламени. Епископъ старградскій спасся бѣгствомъ; но мученическая участь постигла клиръ соборный. По словамъ датскаго короля Свена, разсказывавшаго объ этомъ событіи Адаму Бременскому, мучениковъ, погибшихъ въ то время за вѣру, едва ли можно исписать въ цѣлой книгѣ. Реакція противъ христіанства продолжалась долгое время спустя какъ въ землѣ лютичей, такъ и въ землѣ бодричей.—У бодричей въ XI в. христіанство пытался насадить князь Готшалькъ. При немъ страна Бодрицкая снова покрылась было церквами и монастырями, учреждены были епископства въ *Старградѣ*, *Мекленбургѣ*

и *Ратиборъ*. Новый мятежъ язычниковъ въ 1066 г. смелъ и самого князя, и его дѣло. Мятежомъ руководилъ зять Готшалька Блуссъ, женившійся на его сестрѣ, и языческіе жрецы. Жертвою разъяреннаго народа палъ и епископъ мекленбургскій, потерпѣвшій страшныя мученія: ему отрубили руки и ноги, а голову вонзили на копье въ знакъ побѣды и принесли ее, какъ жертву, богамъ въ Радигощѣ. Князь Круто, призванный съ острова Раны, поддерживалъ у бодричей язычество. Сыну покойнаго Готшалька Генриху удалось погубить Круто и при помощи нѣмцевъ утвердить свою власть не только среди бодричей, но и лютичей. Хотя самъ Генрихъ и былъ христіаниномъ, но ему не удалось насадить христіанство среди своихъ подданныхъ, такъ какъ всѣ свои силы онъ долженъ былъ употреблять сначала только на простое подчиненіе племенъ бодрицкаго и лютицкаго союза, а смерть, послѣдовавшая въ 1119 г., прекратила его дальнѣйшіе замыслы.

Въ началѣ XII в. язычество продолжало быть господствующею религіею у полабскихъ и прибалтійскихъ славянъ.

Введеніе римскаго христіанства въ Польшѣ. Иначе обстояло дѣло въ то время въ Польшѣ. И въ Польшѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, христіанство насаждалось сверху, но насаждалось своею туземною сильною властью. Первый исторически извѣстный князь Польши *Мѣшко I* женился на дочери чешскаго князя Болеслава I Дубровкѣ и по ея настоянію въ 966 году принялъ крещеніе. Вскорѣ послѣ того по представленію императора Оттона I Мѣшко учредилъ епископскую каѳедру въ Познани, для нуждъ новообразующейся церкви и дальнѣйшаго распространенія христіанства въ Польшѣ; новая епархія поставлена была въ зависимость отъ архіепископа магдебургскаго. Преемникъ Мѣшка, I *Болеславъ Храбрый*, воспользовавшись пребываніемъ въ Гнѣзнѣ императора Оттона III въ 1000 году, выхлопоталъ у него освобожденіе молодой польской церкви отъ подчиненія магдебургскому архіепископу. Съ разрѣшенія императора Болеславъ основалъ въ *Гнѣзнѣ* каѳедру для собственнаго польскаго архіепископа, которому подчинилъ какъ познанскаго епископа, такъ и другихъ, въ то время назначенныхъ. Новыя архіерейскія каѳедры были учреждены Болеславомъ въ Краковѣ, Вроцлавѣ въ Силезіи и Колобрегѣ на Поморьѣ. Учрежденіе новыхъ епископствъ было однимъ изъ средствъ распространенія христіанства, ибо главнѣйшею обязанностью новыхъ епископовъ была проповѣдь среди язычниковъ, устроеніе церквей и клира, наставленіе новообращаемыхъ въ вѣрѣ. Къ такимъ средствамъ принадлежало и устройство монастырей въ Межирѣчьѣ, Тынцѣ и на Лысой горѣ, въ которыхъ Болеславъ поселилъ бенедиктинцевъ, и посылка миссіонеровъ въ завоевываемые края. Болеславъ всѣми зависящими отъ него мѣрами помогалъ духовнымъ властямъ насаждать христіанство и сурово каралъ своихъ подданныхъ за нарушеніе ихъ предписаній и приверженность къ язычеству. Неудивительно поэтому, что чрезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ послѣ его смерти

(†1025) въ княженіе его внуковъ, простой народъ чуть не поголовно возсталъ противъ княжескихъ урядниковъ, рыцарства и духовенства, пожегъ церкви и монастыри и вернулся къ язычеству. Казимиру Обновителю удалось усмирить возстаніе хлоповъ и возстановить христіанство въ странѣ. Польская церковь организовалась вполнѣ по западному образцу, въ ней заведено было то же іерархическое устройство и то же богослуженіе, какъ и въ другихъ церквахъ запада, подчиненныхъ римскому папѣ.

Славянское богослуженіе, распространившееся изъ Моравіи въ южныхъ частяхъ Польши, съ теченіемъ времени исчезло, и на всемъ пространствѣ Польши сталъ господствовать безраздѣльно западный обрядъ и латинскій богослужебный языкъ.

При содѣйствіи польской государственной власти распространилось христіанство и на Поморьѣ. Болеславу Кривоустому въ первой четверти XII в. удалось подчинить себѣ поморскихъ князей. Подъ его охраною и покровительствомъ отправился на Поморьѣ проповѣдывать христіанство епископъ бамбергскій Оттонъ. Проповѣдь имѣла успѣхъ, и Болеславъ Кривоустый основалъ новое епископство въ Волинѣ, которое стало точкою опоры при дальнѣйшемъ распространеніи христіанства на Поморьѣ.

Итакъ, къ началу XII вѣка христіанство успѣло утвердиться болѣе или менѣе прочно въ земляхъ, подвластныхъ Чешскому королю и Польскому князю. Въ остальныхъ западнославянскихъ земляхъ большею частью держалось еще язычество. Что же новаго внесло христіанство въ жизнь западныхъ славянъ?

Ближайшія послѣдствія распространенія христіанства среди западныхъ славянъ. Въ политической жизни введеніе христіанства отразилось еще большимъ усиленіемъ княжеской власти, которая получила отъ него религіозную санкцію. Славянскіе государи стали считаться теперь Божьими помазанниками, получившими свою власть Dei gratia, а не по избранію только народа. Санкція княжеской власти со стороны христіанства выразилась внѣшнимъ образомъ въ обрядѣ коронаціи, который сталъ входить въ обычай какъ въ Польшѣ, такъ и въ Чехіи.

Въ соціальной жизни введеніе христіанства повело къ выдѣленію новаго привилегированнаго класса въ обществѣ—духовенства. Въ пользу этого духовенства другіе классы стали платить десятину; духовенству пожалованы были имѣнія съ большими правами по отношенію къ населенію ихъ, почти съ такими же, какія принадлежали самому государю. Увеличивая всячески эти имѣнія и свои права въ нихъ, духовенство стало выростать въ крупную общественную и политическую силу.

Въ сферѣ духовной жизни результаты введенія христіанства первое время, разумѣется, были довольно скромные,—христіанство на первыхъ порахъ не повысило замѣтно ни умственнаго, ни нравственнаго уровня языческаго общества, которое и съ принятіемъ новой вѣры проникнуто было старыми языческими вѣрованіями и чувствами. Объ этомъ говорятъ

всѣ современные наблюдатели, по уровню своего развитія возвышавшіеся надъ народной массою, въ родѣ, напр. Косьмы Пражскаго, свидѣтельство котораго было приведено выше, и автора сказанія о св. Войтехѣ, или Адальбертѣ. Объ этомъ говорятъ и кровавыя драмы, происходившія въ семьяхъ славянскихъ государей, въ родѣ, напр., убійства св. Вацлава собственнымъ братомъ Болеславомъ,—драмы, свидѣтельствующія о буйномъ разгулѣ страстей. Какъ бы то ни было, но христіанство во всякомъ случаѣ принесло съ собою въ языческое общество сѣмена новаго міропониманія и новой нравственности,—сѣмена, которымъ предстояло расти и развиваться съ теченіемъ времени и съ увеличеніемъ просвѣщенія. Христіанство принесло съ собою и зачатки этого просвѣщенія. При соборныхъ капитулахъ и монастыряхъ въ Чехіи и Польшѣ уже въ XI в. возникли для потребностей церковныхъ школы распространеннаго тогда въ Европѣ типа (trivium и quadrivium). Въ этихъ школахъ учились читать и писать полатыни, грамматикѣ, реторикѣ, діалектикѣ, ариѳметикѣ, географіи, музыкѣ и астрономіи, читали древнихъ классическихъ писателей—Горація, Виргилія, Саллюстія и др. Появились и ученые люди, которые, не довольствуясь тѣмъ, что давали туземныя школы, стали посѣщать знаменитыя школы за границей, въ родѣ, напр., Парижской. Появились, наконецъ, и писатели, которые на латинскомъ языкѣ стали излагать хронику своего времени. Таковы были *Мартинъ Галлъ*, придворный капелланъ Болеслава Кривоустаго, написавшій панегирикъ его дѣяніямъ (до 1113 г.), и его современникъ *Косьма Пражскій* († 1129), написавшій исторію Чехіи съ древнѣйшихъ вѣковъ и до своего времени. Такъ, слѣдовательно, западное христіанство принесло съ собою въ Чехію и Польшу и западное просвѣщеніе. Чехи и поляки чрезъ принятіе западнаго христіанства пріобщались къ духовной жизни романо-германскаго міра, стали пользоваться ея плодами, а съ теченіемъ времени, когда преуспѣли сами, вступили съ западомъ въ прямой духовный обмѣнъ.

Важнѣйшая литература:

Данныя о распространеніи христіанства среди западныхъ славянъ можно найти въ вышеуказанныхъ трудахъ Гильфердинга, Павинскаго, Богуславскаго, Ваховскаго, Грота, и кромѣ того въ слѣдующихъ:

Palacky, Dějiny národu českeho v Čechach a na Morave Díl I, častka 1 i 2. V Pzaze 1862.

Dudik Beda, Dějiny Moravy, Díl I. V Praze 1871.

Bretholz Bertold, Dějiny Moravy. Sv. I, odd. I. V Brne 1896.

Ginzel J. A. Geschichte der Slavenapostel Cyrill und Method und der slavischen Liturgie. 2-te Ausgave. Wien 1861.

П. А. Лавровскій, Святые Кириллъ и Меѳодій. Харьковъ 1863.

Бильбасовъ В. А., Кириллъ и Меѳодій, ч. I и II Спб. 1868—1871.

Lapôtre A., L' Europe et le Saint-Siége à l'epoque carolingienne. Paris 1895.

Goetz L. K., Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Cyrillus) und Methodius. Gotha 1897.

Pastrnek Fr., Dějiny apostolův Slovanskich Cyrilla a Methoda. 1902.

Jagič, Zur Entstehungs Geschichte der Kirchenslawischen Sprache.

Fr. *Snopek*, Konstantinus—Cyrillus und Methohius die Slavenapostel. Kremsier 1911.

Zeissberg H., Miseco I, der erste christliche Beherrscher der Polen. Wien 1867.

Abraham Wł., Organizacya kościoła v Polsce do połowy XII. 1893. wyd 2.

VIII.

Окончательное покореніе нѣмцами и германизація прибалтійскихъ и полабскихъ славянъ.

Мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ исторію западныхъ славянъ приблизительно до второй четверти XII в. По результатамъ, къ которымъ пришла эта исторія, можно видѣть, что различныя славянскія племена вступали въ дальнѣйшую жизнь съ неодинаковыми шансами на сохраненіе и продолженіе своего національнаго существованія. Въ бассейнахъ верхней Эльбы и Моравы, Одера и Вислы изъ славянскихъ народныхъ элементовъ создались довольно крупные и крѣпкіе соціально-политическіе организмы, способные на болѣе или менѣе успѣшную борьбу за существованіе. Вслѣдствіе усвоенія начатковъ христіанской вѣры и образованности эти организмы не стояли уже въ рѣзкомъ противорѣчіи съ романо-германскимъ міромъ. Не то въ бассейнѣ средней и нижней Эльбы и по Балтійскому побережью. Здѣсь мы видимъ пока еще только федераціи племенъ, слабо объединенныхъ внутренно и распадавшихся при всякомъ сильномъ толчкѣ извнѣ или внутреннемъ потрясеніи, либо недоразвившіеся зародыши государственныхъ организмовъ. Эманспація этихъ племенъ отъ нѣмецкой власти, происшедшая въ концѣ X в., и послѣдовавшая вслѣдъ за тѣмъ реставрація стараго язычества, обострили до высшей степени борьбу между этими племенами и ихъ сильными сосѣдями съ запада. Естественно, что при такихъ шансахъ этимъ племенамъ не удалось сохранить не только свою политическую самобытность, но и народность. Они были

покорены нѣмцами и затѣмъ съ теченіемъ времени подверглись онѣмеченію, подъ воздѣйствіемъ нѣмецкой культуры и благодаря нѣмецкой колонизаціи, распространившейся въ ихъ опустошенныхъ земляхъ.

Паденіе «Вендской державы» и покореніе племенъ бодрицкаго союза. Въ своемъ мѣстѣ было указано на образованіе въ началѣ XII в. довольно крупной державы «вендскаго короля» Генриха Готшалковича, включавшей въ себѣ, кромѣ племенъ бодрицкаго союза, и нѣкоторыя племена лютицкаго. Но держава эта была случайнымъ сооруженіемъ, которое воздвигнуто было главнымъ образомъ при помощи саксовъ, помогавшихъ князю Генриху, какъ христіанину противъ язычниковъ. Уже при жизни Генриха покоренныя имъ племена силились выбиться изъ-подъ его власти. Въ концѣ концовъ Генрихъ погибъ отъ руки своихъ подданныхъ, недовольныхъ его дружбою съ нѣмцами (въ 1126 году). Вскорѣ погибли одинъ за другимъ и сыновья Генриха, спорившіе другъ съ другомъ изъ-за власти и также пользовавшіеся поддержкой саксовъ. Императоръ Лотарь II отдалъ было державу Генриха датскому принцу Кануту, но по смерти его, въ 1131 году, императоръ рѣшилъ уже взять державу Генриха подъ свою непосредственную власть. Оплотомъ этой власти предназначался замокъ Зигебергъ, построенный въ землѣ вагровъ. Когда умеръ императоръ Лотарь (въ концѣ 1137 года), одинъ изъ мѣстныхъ славянскихъ князей Прибиславъ напалъ на замокъ Зигебергъ и сжегъ его. Однако этотъ поступокъ вызвалъ только вторженіе сосѣднихъ гользатовъ и штурмаровъ въ Вагрію и страшное опустошеніе Вагорской земли. Когда герцогомъ Саксонскимъ сталъ Генрихъ Левъ, онъ отдалъ замокъ Зигебергъ и землю вагровъ графу гольштинскому Адольфу, оставивъ за мѣстнымъ княземъ небольшую приморскую часть съ городомъ Альденбургомъ (Старградомъ), а землю полабовъ съ городомъ Ратиборомъ (Рацебургъ) отдалъ графу Генриху Бадевиде. Земля бодричей, хижанъ и черезпѣнянъ осталась за княземъ Никлотомъ изъ рода ранскихъ князей.

Нѣмецкая власть не могла, однако, держаться устойчиво безъ нѣмецкой опоры въ странѣ. Поэтому графъ Адольфъ, получивъ Вагрію, поспѣшилъ возобновить замокъ Зигебергъ и затѣмъ разослалъ гонцовъ къ гользатамъ, штурмарамъ, фламандцамъ, голландцамъ, фризамъ и вестфаламъ съ приглашеніемъ переселиться въ его область. «Придите—говорили эти гонцы,—переселяйтесь съ вашими семействами: вамъ достанется земля отличная, плодородная, изобилующая рыбою, мясомъ и удобными пастбищами». Этотъ призывъ привлекъ много колонистовъ изъ Германіи, занявшихъ преимущественно западныя части Вагріи, оттѣснившихъ славянъ на востокъ, къ берегамъ моря. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на устье рѣки Травны, укрѣпленное природою, съ удобною гаванью и основалъ здѣсь городъ *Любекъ* (въ 1143 году).

Князь бодрицкій Никлотъ, не имѣя возможности задержать проникновеніе нѣмцевъ, старался дружить съ вагорскимъ и полабскимъ гра-

фами и самимъ герцогомъ саксонскимъ Генрихомъ Львомъ, которому онъ обязался платить дань, чтобы такимъ образомъ сохранить свое княжество. Но эта политика не спасла его отъ нѣмецкаго нашествія. Въ 1147 году, свѣтскіе и духовные князья Германіи, не желая отставать въ религіозномъ усердіи отъ своего короля Конрада III Гогенштауфена, отправившагося на выручку св. земли, предприняли крестовый походъ за Эльбу противъ славянъ-язычниковъ съ цѣлью обращенія ихъ въ христіанство и подчиненія нѣмецкой имперіи. Нѣмцамъ, собравшимъ до 60 т. войска, помогали въ этомъ походѣ чехи съ моравами и поляки подъ предводительствомъ князя своего Мѣшка Стараго, датчане подъ начальствомъ королевичей Канута и Свена. Въ общемъ крестоносное ополченіе заключало не менѣе 200 т. воиновъ. Несмотря на то, славяне успѣшно сопротивлялись: они попрятались по лѣсамъ и болотамъ и въ своихъ твердыняхъ, и тревожили непрестанными нападеніями крестоносцевъ. Крестоносцы терпѣли голодъ и холодъ; между ними начались нелады и деморализація, чѣмъ и воспользовались славяне. Князь Никлотъ разгромилъ датчанъ, пожегъ ихъ корабли. Мало-по-малу крестоносцы охладѣли къ борьбѣ и ушли восвояси. Князь Никлотъ послѣ того вторгся въ Вагрію и погромилъ тамъ нѣмецкихъ новоселовъ. Это заставило графа Адольфа возобновить прежнюю дружбу съ Никлотомъ. Наступившій миръ далъ возможность архіепископу гамбургскому предпринять рядъ мѣръ къ насажденію христіанства въ земляхъ бывшаго бодрицкаго союза, возстановить епископскія каѳедры въ Старградѣ (Альденбургѣ) въ землѣ вагровъ, въ Ратиборѣ въ землѣ полабовъ и въ столицѣ бодрицкаго князя Мекленбургѣ. При этомъ противъ упорствующихъ язычниковъ, не хотѣвшихъ разстаться съ своими богами и платить десятину нѣмецкому духовенству и дань герцогу и графамъ, пришлось употреблять силу. Такъ, князь Никлотъ вмѣстѣ съ графомъ Адольфомъ предпринимали походъ въ землю хижанъ и черезпѣнянъ, опустошили ее огнемъ и мечомъ, разрушили всѣ языческія святилища и взыскали съ славянъ всѣ недоимки и огромную контрибуцію. Въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго утвержденія христіанства среди славянъ-язычниковъ Генрихъ Левъ, которому императоръ Фридрихъ I даровалъ право инвеституры въ епископствахъ Альденбургскомъ, Рацебургскомъ и Мекленбургскомъ, перенесъ епископскую каѳедру изъ Альденбурга въ Любекъ, а изъ Мекленбурга въ Звѣринъ и назначилъ на содержаніе каждаго по 300 лановъ (1154 г.). Затѣмъ онъ приглашалъ князей славянскихъ на сеймъ и увѣщевалъ ихъ поддерживать христіанство въ своихъ земляхъ.

Князь Никлотъ оказался, однако, не въ состояніи вести до конца свою дружбу съ нѣмцами. Во время отсутствія Генриха Льва и графа вагорскаго Адольфа, ушедшихъ съ императоромъ въ походъ въ Италію, подданные князя Никлота нарушили миръ съ датчанами. Генрихъ Левъ по возвращеніи изъ похода привлекъ къ отвѣту князя Никлота и вызвалъ его на сеймъ.

Никлотъ ослушался и взялся за оружіе (1160 г.). Въ этой борьбѣ онъ погибъ. Сыновья его Прибиславъ и Вартиславъ укрылись сначала въ лѣсахъ, а затѣмъ сдались на милость Генриха Льва, который далъ имъ землю хижанъ и черезпѣнянъ, а собственную землю бодричей взялъ себѣ, ввѣривъ управленіе ею своимъ графамъ. Старшимъ изъ нихъ онъ назначилъ графа Гунцелина фонъ-Гагена, которому далъ города *Илово* и *Звѣринъ*. Утвердивъ нѣмецкую власть въ землѣ бодричей, Генрихъ Левъ принялъ мѣры къ утвержденію христіанства и началъ съ матеріальнаго обезпеченія здѣшнихъ епископовъ. Славянамъ, которые еще оставались въ землѣ вагровъ, полабовъ, бодричей и хижанъ, было приказано платить епископамъ тѣ же доходы, которые платили поморяне и поляки, по три корца пшеницы и двѣнадцати пенязей съ плуга. Новые нѣмецкіе владѣльцы для увеличенія своихъ доходовъ немедленно же обратились къ заселенію своихъ имѣній колонистами изъ Фландріи и другихъ германскихъ земель. Князья Прибиславъ и Вартиславъ недолго ужились въ мирѣ съ нѣмцами. Въ 1163 году Генрихъ Левъ осадилъ Вартислава въ Ворле, взялъ его въ плѣнъ и затѣмъ повѣсилъ. Прибиславъ, вокругъ котораго собрались всѣ согнанные съ своихъ мѣстъ славяне, напалъ на Мекленбургъ, истребилъ поселившихся тамъ фламандцевъ и вытѣснилъ нѣмецкіе гарнизоны изъ другихъ городовъ. Ему помогали въ этой борьбѣ и князья поморскіе. Но Генрихъ Левъ съ помощью датчанъ и ранъ разгромилъ въ концѣ концовъ славянъ. Остатки ихъ, мучимые голодомъ и всяческою нуждою, уходили въ датчанамъ и поморянамъ, которые безъ жалости продавали ихъ сербамъ, полякамъ и чехамъ. Князь Прибиславъ съ трудомъ удержался въ одномъ укрѣпленномъ городѣ своего княжества. Вскорѣ онъ, впрочемъ, помирился съ Генрихомъ Львомъ, который искалъ въ славянскихъ князьяхъ поддержки противъ своихъ возставшихъ нѣмецкихъ вассаловъ, и получилъ отъ него обратно все свое княжество, за исключеніемъ Звѣринской области. Прибиславъ возстановилъ разрушенные замки Мекленбургъ, Илово, Ростоки, собралъ и поселилъ около нихъ разсѣянныхъ славянъ. Принявъ самъ еще въ 1163 году христіанство, Прибиславъ сталъ заботиться и о насажденіи его среди своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе этого императоръ Фридрихъ I, въ 1170 году, принялъ князей и старѣйшинъ славянской земли подъ свою милость и защиту и сравнялъ ихъ во всемъ въ правахъ съ князьями и рыцарями нѣмецкими. Такъ въ составѣ Германской имперіи появилось *славянское Мекленбургское княжество*. Это княжество обнимало только часть территоріи бывшаго бодрицкаго союза, другія части пошли на образованіе нѣмецкихъ графствъ—Голштинскаго, Рацебургскаго, Данненбергскаго и Шверинскаго.

Покореніе племенъ лютицкаго союза. Одновременно съ покореніемъ племенъ бывшаго бодрицкаго союза происходило покореніе племенъ лютицкой группы. Это покореніе шло изъ такъ называемой Сѣверной или Старой марки, основанной на лѣвомъ берегу Лабы противъ земель лютиц-

кихъ племенъ. Еще маркграфы изъ дома Штаде покорили *морачанъ*, *земчичей* и *лютичей*, жившихъ между Лабою и Гаволею; земли этихъ племенъ вошли въ составъ владѣній архіепископа Магдебургскаго. Сдѣлавшійся маркграфомъ Старой марки въ 1134 году Альбрехтъ Медвѣдь изъ Асканскаго рода захватилъ у сыновей гавельбергскаго князя Витекинда ихъ волость—землю *брежавъ*, или *нелѣтичей*, и образовалъ изъ нея особую марку—*Прегницкую* или *Переднюю* (Vormark). Земля *стодорянъ*, или гаволянъ, досталась ему въ 1150 г. по завѣщанію князя Прибислава Браниборгскаго, его крестника и кума. Послѣ борьбы съ родственникомъ Прибислава кн. Ячомъ Копаницкимъ, Альбрехтъ утвердилъ за собою новыя пріобрѣтенія и образовалъ изъ него такъ называемую *Среднюю марку*, которая и стала основнымъ ядромъ маркграфства Бранденбургскаго. При сынѣ и внукахъ Альбрехта Медвѣдя присоединена была земля *шпревянъ* (Барнимскій и Тельтовскій край), гдѣ возникъ городъ Берлинъ, и частью земля *укрянъ*; эти владѣнія пріобрѣтены были, по нѣмецкимъ извѣстіямъ, отъ поморскихъ князей. Въ концѣ XII и въ XIII в. маркграфы бранденбургскіе владѣли и землею *ратарей*, которую они пріобрѣли также отъ поморскихъ князей. Но съ начала XIV в. область ратарей перешла къ князьямъ мекленбургскимъ, во владѣніи которыхъ впослѣдствіи, въ началѣ XVIII в., она составила особое Мекленбургъ-Стрелицкое герцогство. Въ составъ Мекленбургскаго же княжества вошли, какъ уже было указано, земли *хижанъ* и *черезпѣнянъ*. Земля *доленцевъ* вошла въ большей части въ составъ княжества Поморскаго.

Свою особую судьбу имѣли *ране*. Въ 1166 году король датскій Вальдемаръ рѣшилъ окончательно покорить островъ, бывшій оплотомъ язычества и морскихъ разбоевъ. Съ своимъ войскомъ и вспомогательными отрядами князей бодрицкаго и поморскихъ Вальдемаръ подступилъ къ Арконѣ и взялъ ее. Защитники вынуждены были выдать статую божества и всѣ сокровища храма, признать безусловно власть датскаго короля и обязались принять христіанство, выставлять военную помощь королю, платить дань съ каждаго плуга и дать сорокъ заложниковъ. Святилище Святовита было разрушено, и на его мѣстѣ воздвигнутъ былъ христіанскій храмъ. Князь Тетиславъ и ранская знать, находившіеся въ Каренціи, приняли условія, навязанныя защитникамъ Арконы; въ Каренціи также разрушены были языческія святыни. Искорененіе язычества на Ранѣ повлекло за собою окончательное торжество христіанства у полабскихъ и поморскихъ славянъ. Вмѣстѣ съ священниками на островъ Рану потянулись толпы нѣмецкихъ колонистовъ. Въ княженіе преемника Тетислава Яромира (1170—1218) колонизація и германизація Раны сдѣлала огромные успѣхи и низвела славянское населеніе края до второстепенной роли. Княжество Ранское подъ управленіемъ князей и знати славянскаго происхожденія и подъ суверенитетомъ датскаго короля просуществовало до 1325 года, когда оно послѣ

прекращенія собственной княжеской династіи досталось князю поморскому Вартиславу IV.

Судьба Поморья западнаго и восточнаго. Что касается Поморья, то оно, имѣя своихъ князей, имѣя свое собственное государственное устройство, въ началѣ XII вѣка подчинилось польскому князю Болеславу Кривоустому. Наступившая по смерти Болеслава Кривоустаго удѣльная система и междоусобіе, обезсиливая Польшу въ отношеніяхъ ея къ сосѣдямъ, предоставили Поморье собственной участи. Съ начала семидесятыхъ годовъ XII вѣка Поморье стало ареною непрестанныхъ вторженій датскаго короля Вальдемара, стремившагося распространить свой суверенитетъ и на материкѣ. Князь поморскій Богуславъ искалъ охраны у императора Фридриха I, который и даровалъ ему титулъ герцога и призналъ княземъ имперіи (1180 г.). Въ 1231 году императоръ Фридрихъ II передалъ свои сюзеренныя права надъ Поморьемъ маркграфамъ бранденбургскимъ. Но князья поморскіе не признавали своей ленной зависимости отъ Бранденбурга, что и было причиною продолжительныхъ войнъ ихъ съ маркграфами. Западная часть Поморья—Штеттинское Поморье, находилось подъ управленіемъ своихъ князей до 1637 г. По Вестфальскому договору 1648 г. западная Померанія досталась Швеціи, а затѣмъ, по договорамъ 1730 и 1815 года Пруссіи. Восточное, или Гданское, Поморье, находилось подъ управленіемъ своихъ князей до 1294 года, затѣмъ на короткое время переходило къ Польшѣ, у которой отнято было Тевтонскимъ орденомъ (при Владиславѣ Локоткѣ). По Торунскому договору 1466 года Гданское Поморье было возвращено Польшѣ и оставалась въ ея составѣ до раздѣловъ Рѣчи Посполитой, при которыхъ оно досталось Пруссіи.

Судьба сербо-лужицкой группы. Къ Польшѣ, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, присоединены были Мейссенская марка, основанная Генрихомъ I въ землѣ сербовъ, и земли лужичанъ и мильчанъ, находившіяся на правомъ берегу Лабы въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Чехіею. Императоръ Конрадъ II въ 1034 году отнялъ эти земли у польскаго князя Мѣшка II (Стараго), и онѣ стали ленами имперіи. Мейссенская марка имѣла послѣ того нѣмецкихъ марграфовъ, пока не была присоединена къ Саксоніи (въ полов. XIII вѣка). Земли мильчанъ и лужичанъ въ качествѣ лена имперіи отдавались во владѣніе то нѣмецкимъ, то чешскимъ князьямъ, то силезскимъ, пока въ XIV в. не перешли окончательно во владѣніе чешскихъ королей также на правахъ лена имперіи. Въ составѣ Чешскаго королевства эти земли, получившія названіе Верхнихъ Лужицъ (земля мильчанъ) и Нижнихъ (земля лужичанъ), пробыли до 1635 года, когда по Пражскому трактату онѣ достались курфюрсту Саксонскому.

Таковы были конечныя внѣшнія судьбы полабскихъ и прибалтійскихъ славянъ. Но дѣло не ограничилось только подчиненіемъ ихъ нѣмецкому господству въ той или другой формѣ. Одновременно съ тѣмъ происходило онѣмеченіе этихъ племенъ, утрата ими своей народности

Этотъ процессъ совершался въ связи съ другимъ процессомъ, происходившимъ въ областяхъ нынѣшней Германіи, именно—въ связи съ перемѣшиваніемъ, территоріальною перетасовкою германскаго и славянскаго населенія. Съ одной стороны, значительная часть славянства внѣдрилась въ гущу германскаго населенія, а съ другой стороны—значительная часть германскаго населенія разошлась среди славянъ и, превосходя славянство своею политическою организованностью и своею культурою, въ концѣ концовъ затѣснила и поглотила славянство, ассимилировала тѣ изъ его элементовъ, которые уцѣлѣли въ продолжительной борьбѣ за существованіе. Первый фактъ имѣлъ мѣсто въ областяхъ между Рейномъ и Эльбою, а второй въ областяхъ между Эльбою и Одрою.

Славяне къ западу отъ Эльбы и ихъ онѣмеченіе. По извѣстіямъ VIII вѣка славянскіе поселки находились въ Тюрингіи на р. Фульдѣ и въ прилегающей къ ней мѣстности; между прочимъ славяне были въ составѣ населенія имѣній знаменитаго Фульдскаго монастыря. При Карлѣ Великомъ славянскія поселенія обнаруживаются по источникамъ на верхнемъ Майнѣ и его притокахъ, въ восточной Франконіи. Область эта въ источникахъ IX в. и называлась поэтому regio slavorum, in Sclavis. Между прочимъ около семнадцати округовъ восточной Франконіи выступаютъ съ славянскимъ населеніемъ; славяне являются обитателями селъ, принадлежащихъ епископу Вюрцбургскому. Обиліемъ славянскихъ селеній въ восточной Франконіи и южной Тюрингіи объясняется тотъ фактъ, что нынѣшній Тюрингенскій, или Франконскій, лѣсъ въ XI вѣкѣ носилъ названіе Saltus slavorum. Изъ пожалованій Оттона I монастырямъ и церквамъ Кведлинбурга и Магдебурга явствуетъ, что славяне жили по селамъ и городамъ сѣверной Тюрингіи, вокругъ Гарца и въ Остфаліи. Славянское населеніе констатпруется по источникамъ въ Сѣверной, или Старой, маркѣ и сѣвернѣе въ Люнебургѣ. Въ своемъ мѣстѣ было уже указано, что на лѣвомъ берегу Эльбы жили древане, смоляне и глиняне.—Въ общемъ, такимъ образомъ, къ западу отъ Эльбы славяне разселились въ областяхъ по верхнему Майну и между Везеромъ и Эльбою. Разселеніе славянъ къ западу отъ Эльбы, по всѣмъ даннымъ, началось еще при послѣднихъ Меровингахъ, продолжалось при Каролингахъ и государяхъ Саксонской династіи. Славяне, къ которымъ шло нѣмецкое господство съ запада, сами шли навстрѣчу этому господству и передвигались съ востока на западъ, въ области, занятыя германцами. По всѣмъ признакамъ, въ этихъ областяхъ было еще не мало незаселенныхъ земель, дикихъ лѣсныхъ пущъ и разныхъ угодій. Многіе славяне и искали убѣжища въ этихъ мѣстахъ отъ нападеній и разореній, постигавшихъ ихъ за Эльбою отъ нѣмцевъ, датчанъ и своихъ соплеменниковъ, покорностью мѣстнымъ нѣмецкимъ властямъ старались обезпечить себѣ возможность мирнаго труда и безопасность жительства.

Разселяясь по нѣмецкимъ землямъ, славяне вступали въ разнообразныя отношенія къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и нѣмецкимъ властямъ.

Кое-гдѣ славянскія земледѣльческія колоніи устраивались на пустошахъ самостоятельно, образовывая общины подъ управленіемъ своихъ старостъ и неся разныя повинности государю территоріи. Эти свободные колонисты устанавливали наслѣдственное, «дѣдичное» владѣніе занятыми участками по своему славянскому праву (отсюда выраженіе грамотъ: cum jure slavico, quod Dedenik vocatur). Но въ большинствѣ случаевъ славяне устраивались на земляхъ, уже освоенныхъ нѣмцами—князьями, монастырями, баронами и рыцарями, и притомъ на разныхъ условіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, очевидно, наиболѣе знатные и зажиточные брали лены съ условіемъ несенія военной службы. Въ грамотахъ они называются *milites slavonici* или по славянски—*витязи*. Другіе брали участки земли на условіи несенія крестьянскихъ, земледѣльческихъ повинностей (slavi rustici). Ихъ называли *гостями* (hospites), *свободными* людьми, *колонами*, *податными* (tributarii). Повидимому, къ нимъ же прилагалось и славянское *смерды* (smurden). Люди этой категоріи платили преимущественно натуральныя подати—житомъ и овсомъ (*осопъ*, *восопъ*), сѣномъ, льномъ, шерстью, медомъ, пивомъ, курами, баранами, свиньями, волами (*наръзъ*), полотнами, сукнами, иногда и деньгами (siclos). Наконецъ, изъ славянъ формировалось отчасти и несвободное, рабочее населеніе земледѣльческихъ усадебъ и экономій—homines servientes, mancipia, servi, или по-славянски *холопы* (culope, klobsleute), *работники* (roboten). Нѣкоторая часть славянскаго населенія осѣла и въ городахъ названныхъ областей Германіи. Съ теченіемъ времени, когда возросло въ количествѣ и силѣ нѣмецкое населеніе, первоначальныя условія жизни славянъ въ Германіи измѣнились. Крестьяне потеряли свое «дѣдичное» право на землю и перешли на право тевтонское, сдѣлались чиншевиками-арендаторами; многіе потеряли и личную свободу, превратились въ слугъ и подданныхъ землевладѣльцевъ. При этомъ многіе вынуждены были покинуть свои старыя селенія и земельные участки, которые отданы были владѣльцами нѣмцамъ, и устроились въ новыхъ селеніяхъ и на новыхъ земельныхъ участкахъ, худшихъ по сравненію съ прежними. Эти выселки, удерживая имя прежнихъ поселеній славянъ, въ отличіе отъ нихъ назывались обыкновенно «малыми». Значительная часть славянъ совсѣмъ лишилась пахотныхъ участковъ и осталась только при усадьбахъ и огородахъ, промышляя рыболовствомъ, перевозомъ и поденными работами; лачуги этой бѣдноты располагались обыкновенно на окраинахъ нѣмецкихъ селеній, составляя особыя ихъ части, назывaвшіяся *китцами* (kietz–хызы, хижина). Такое же вытѣсненіе и оттѣсненіе славянъ на окраины происходило и въ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ славянъ съ теченіемъ времени перестали принимать въ гильдіи и цехи, запрещали имъ пріобрѣтать недвижимую собственность и пользоваться благами городского самоуправленія. Славяне вытѣснены были на предмѣстья, жили въ особыхъ улицахъ или въ китцахъ, занимались большею частью рыболовствомъ и поденнымъ трудомъ чернорабочихъ. Ухудшеніе соціальнаго положенія славянъ сопро-

вождалось гоненіемъ и на самую ихъ народность, стояло въ тѣсной взаимной связи съ этимъ ухудшеніемъ. При такихъ условіяхъ количество славянъ въ областяхъ къ западу отъ Эльбы все болѣе и болѣе сокращалось: многія семьи вымирали среди бѣдности и лишеній, а другія старались ассимилироваться съ нѣмцами, стереть съ себя печать славянства, печать отверженности.

Какъ бы то ни было, но процессъ исчезновенія славянства въ Саксоніи, Тюрингіи, Франконіи и Баваріи затянулся все-таки на нѣсколько вѣковъ. Славяне существовали здѣсь въ первой половинѣ XVI вѣка, вызывая негодованіе лютеранскихъ пасторовъ тѣмъ, что не понимали проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ. Это національное коснѣніе и упорство вызвало даже репрессіи со стороны нѣмецкихъ властей, которыя стали запрещать употребленіе славянскаго языка. Все это въ связи съ соціальнымъ угнетеніемъ и привело въ концѣ концовъ къ исчезновенію славянской народности въ разсматриваемыхъ областяхъ Германіи. Въ концѣ XVII вѣка славянскій языкъ былъ въ употребленіи только въ Вендландѣ, въ землѣ древанъ, но и то говорили на немъ только старики-крестьяне, а молодежь уже стыдилась его и смѣялась надъ стариками. Въ то время на этотъ исчезающій языкъ обратилъ вниманіе *Лейбницъ*. По его желанію, пасторъ *Митгофъ* прислалъ ему въ 1691 году небольшой сборникъ вендскихъ словъ и молитвъ. Тогда же (въ 1698 году) *Пфеффингеръ* въ Люнебургѣ записалъ около сотни фразъ, «Отче нашъ» на вендскомъ языкѣ и разсказы о вендской свадьбѣ. Пасторъ *Геннингъ*, родомъ лужичанинъ, предпринялъ составленіе вендскаго словаря. Между прочимъ, онъ разсказываетъ, какъ трудно было ему это дѣлать: никто не хотѣлъ давать ему нужныхъ свѣдѣній, всѣ думали, что онъ выспрашиваетъ вендскія слова для посмѣшища, и только одинъ крестьянинъ Янъ Янишка, пахарь изъ Кленова, отважился помочь пастору въ собираніи нужныхъ ему свѣдѣній. Но больше другихъ сдѣлалъ по этой части крестьянинъ *Парумъ Шульцъ* (1678—1734). Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ трудился надъ хроникою своего села, въ которой записывалъ различныя сообщенія и наблюденія относительно урожаевъ, продажи скота, продажи земель, сельскихъ свадебъ, назначенія пастора или кистера, а также и вообще обычаевъ, которыхъ держались въ это время венды и о которыхъ онъ слыхалъ отъ старшихъ. Шульцъ признается, что ему уже трудно писать и говорить по-славянски; дѣдъ и отецъ его хорошо знали родной языкъ, сестра мало разумѣла его, а младшій братъ уже совершенно не понималъ его. «Когда я и еще трое лицъ въ нашемъ селѣ помремъ,—писалъ онъ,—никто уже не будетъ знать, какъ назвать по-славянски даже собаку». Но въ другихъ селахъ Вендланда славянская рѣчь продержалась, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до конца XVIII и даже до средины XIX вѣка

Нѣмецкая колонизація въ графствахъ, основанныхъ въ земляхъ бодричей, лютичей и поморянъ, и ея вліяніе на положеніе и бытъ славянъ;

онѣмеченіе славянъ. Подобная же участь постигла въ концѣ концовъ, и заэльбскія племена, входившія въ составъ союзовъ бодрицкаго, лютицкаго и поморскаго. Мы видѣли, что на ихъ земляхъ возникли нѣмецкія графства—Гольштинское, Рацебургское, Данненбергское, Шверинское и маркграфство Бранденбургское и славянскія княжества—Мекленбургское, Ранское и Поморское. Какъ въ нѣмецкихъ, такъ и въ славянскихъ княжествахъ съ конца XII в. развивался одинъ и тотъ же процессъ—внѣдреніе нѣмецкаго элемента въ славянское населеніе, соціальное и культурное порабощеніе славянъ нѣмцами и постепенное онѣмеченіе славянъ. Разница была лишь въ томъ, что въ славянскихъ княжествахъ процессъ этотъ совершался нѣсколько медленнѣе, чѣмъ въ нѣмецкихъ владѣніяхъ.

Съ установленіемъ нѣмецкой власти неизмѣнно связывалась идея, что вся территорія, на которую простирается эта власть, есть собственность верховнаго правителя, который раздаетъ ее въ ленъ подчиненнымъ ему правителямъ, а тѣ въ свою очередь выдѣляютъ на ней лены—разнымъ лицамъ и допускаютъ проживать на ней и пользоваться ею по собственному усмотрѣнію. Руководясь этимъ воззрѣніемъ, нѣмецкіе графы и маркграфы приступили къ устроенію своихъ владѣній въ славянскихъ земляхъ. Надо сказать, что полабо-прибалтійскія земли были покрыты лѣсами, озерами и болотами и въ общемъ никогда не были густо и равномѣрно заселены; продолжительныя войны, особенно въ XII вѣкѣ, разумѣется, еще больше уменьшили ихъ населеніе и площадь воздѣлываемыхъ земель. Новые владѣльцы и направили свои усилія прежде всего на увеличеніе населенія и разработку земель и угодій. Мы видѣли, какія мѣры предприняты были съ этою цѣлью въ XII в. графами Голштинскимъ и Рацебургскимъ и маркграфомъ Сѣверной марки Альбрехтомъ Медвѣдемъ, которое вызывали колонистовъ съ запада—вестфаловъ, голландцевъ, фризовъ, фламандцевъ и др. Колонизація славянскихъ земель нѣмцами продолжалась и въ послѣдующее время въ XIII и XIV вѣкахъ. Вмѣстѣ съ нѣмецкими графами прибыли въ эти земли нѣмецкіе рыцари, которымъ графы раздавали въ ленъ пустыя и населенныя славянами земли, села и города; такія же пожалованія получали епископы, капитулы и монастыри. Новые владѣльцы на первыхъ порахъ, въ виду недостатка рабочихъ рукъ, терпѣли въ своихъ имѣніяхъ славянъ, которые платили имъ различныя натуральныя подати хлѣбомъ, скотомъ и другими сельскохозяйственными продуктами и взамѣнъ церковной десятины такъ называемую «бископовницу» также натурою; терпѣли новые государи и славянскихъ землевладѣльцевъ, которые становились въ положеніе ихъ вассаловъ, наравнѣ съ нѣмецкими рыцарями. Но при всемъ томъ съ самаго начала занятыя славянскія земли разсматривались какъ, поле для нѣмецкой колонизаціи, для поселенія германскаго народа. Новые владѣльцы помимо національно-политическихъ соображеній связывали съ нѣмецкою колонизаціею надежды на большіе доходы, на полученіе «чинша» и «десятины». Герцогъ саксонскій Генрихъ Левъ, жалуя епи-

скопамъ въ славянскихъ земляхъ по 300 леновъ и давая имъ разныя льготы и изъятія, между прочимъ писалъ въ грамотахъ (1158 г.): postquam autem *slavis ejectis* terra decimalis facta fuerit, decima tota uacaverit episcopo. Десятина, платившаяся въ Германіи духовенству, была гораздо доходнѣе славянской «бископовницы», а потому духовенство нѣмецкое въ славянскихъ земляхъ особо ревностно хлопотало о вытѣсненіи (ejectio) славянъ и замѣнѣ ихъ нѣмцами. Но та же самая цѣль ставилась и свѣтскими владѣльцами. Графъ Шверинскій, жалуя въ 1217 году іоаннитамъ село Сулово, указалъ, что село жалуется въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ какихъ оно предназначено для имѣющихъ тамъ сѣсть нѣмецкихъ воздѣлывателей (in eisdem terminis, quos predistineravimus theutonicis ibidem cultoribus a nobis constituendis). Нѣмецкіе пахари умѣли лучше обрабатывать земли своими «плугами», чѣмъ славяне своими «ралами», умѣли больше извлекать изъ нея доходовъ и потому были для нѣмецкихъ графовъ, рыцарей и духовенства болѣе желанными крестьянами, чѣмъ славяне.

Навстрѣчу этимъ желаніямъ шла тяга самихъ нѣмецкихъ крестьянъ на востокъ, въ славянскія земли. Къ половинѣ XIII вѣка замѣтно измѣнилось къ худшему положеніе крестьянъ въ Германіи. Крестьяне были наслѣдственными пользователями (чиншевиками) господскихъ земель, подѣленныхъ на мелкіе участки (гуфы, или mansi). Къ половинѣ XIII вѣка произошло значительное сокращеніе этихъ крестьянскихъ участковъ вслѣдствіе того, что владѣльцы на ихъ счетъ увеличили земли, которыя они эксплуатировали непосредственно. Съ другой стороны, прекратился и приростъ крестьянскихъ участковъ на счетъ лѣса, который сталъ охраняться, пересталъ быть объектомъ свободной заимки и корчеванья. Въ концѣ концовъ обнаружился недостатокъ земли для крестьянъ, малоземелье: прежніе гуфы распались на меньшія части—половины, четверти, которыя, однако, облагались тѣми же повинностями, что и цѣлые гуфы. При такихъ условіяхъ крестьянство стало все болѣе и болѣе бѣднѣть и попадать въ личную, крѣпостную неволю къ владѣльцамъ. Естественно, что оно и потянуло на востокъ, гдѣ было много свободной земли, и гдѣ новоселамъ давались различныя льготы и привилегіи. Въ качествѣ агентовъ по переселенію работали такъ называемые *осадчики* (locatores) изъ бывалыхъ, ловкихъ людей. Осадчикъ вступалъ въ переговоры съ землевладѣльцемъ относительно земли и будущихъ повинностей колонистовъ и обязывался устроить осаду, или колонію. Подъ осаду обычно отводились или новь, или же запустѣвшее славянское село. Вся земля, отводимая подъ осаду, разбивалась на правильные участки (гуфы), изъ которыхъ отъ двухъ до четырехъ получалъ осадчикъ, два удѣлялись приходской церкви, а остальные раздавались колонистамъ. Если селеніе возникало на старомъ, уже насиженномъ и обработанномъ славянами мѣстѣ, оно получало названіе *dorp'a*—села, а если на нови, которую приходилось разрабатывать

изъ-подъ лѣса, то — *hagen'a*, хутора, деревни. Осадчикъ получалъ должность судьи въ общинѣ—*шульца* (scultetus) или *гагемейстера*, которая оставалась наслѣдственною въ его родѣ; съ своихъ участковъ взамѣнъ крестьянскихъ повинностей осадчикъ обязанъ былъ нести военную повинность на конѣ и въ полномъ вооруженіи. Крестьяне-поселенцы дѣлались наслѣдственными арндаторами своихъ участковъ и по истеченіи извѣстныхъ льготныхъ лѣтъ, когда они не несли никакихъ повинностей, обязаны были платить оброкъ (чиншъ) деньгами и пашнею землевладѣльцу и десятину въ пользу церкви. Они образовывали общину, которая пользовалась самоуправленіемъ и самосудомъ, выбирая для того коллегію *шеффеновъ*, предсѣдателемъ которой становился ex officio шульцъ. Такъ въ славянскихъ земляхъ возникали села на нѣмецкомъ правѣ (jus theutonicum) на ряду съ старыми славянскими селами, сидѣвшими на своемъ славянскомъ правѣ (jus slavicum) и несшими исконныя славянскія повинности: *поральное* (poradlne) деньгами и натурою, *осепъ* или *восопъ*, *нарпзъ*, *гоститву* (кормленіе князя и его слугъ), постройку и поправку градовъ, мостовъ, дорогъ и т. д.

Съ теченіемъ времени села на славянскомъ правѣ стали исчезать и замѣнялись селами на нѣмецкомъ правѣ, какъ болѣе выгодными для владѣльцевъ. Владѣльцы, считавшіе себя въ правѣ распоряжаться крестьянскими землями, стали удалять славянъ изъ ихъ усадебъ и земельныхъ участковъ и раздавать ихъ нѣмцамъ. Эта экспропріація производилась или за извѣстное вознагражденіе,—pacifice et amice,—или же безъ вознагражденія, насильственнымъ образомъ. Лишенные своихъ усадебъ и полей славяне селились на новомъ мѣстѣ поблизости отъ стараго, образовывали новое село, которое въ отличіе отъ прежняго, ставшаго нѣмецкимъ, называлось «славянскимъ» или малымъ. Иногда славяне совсѣмъ бросали хлѣбопашество и переходили въ занятію рыболовствомъ или перевозомъ, образуя группы лачугъ на берегахъ рѣки или озера, такъ называемыя «китцы» (хызы, хижины). Бывали случаи, что славяне оставались въ своемъ селѣ вмѣстѣ съ пришельцами, иногда съ такимъ ограниченіемъ, что новое приселеніе славянъ уже запрещалось. Въ такихъ смѣшанныхъ селахъ, которыя устраивались также на нѣмецкомъ правѣ, славяне съ теченіемъ времени тонули въ массѣ нѣмецкаго населенія, ассимилировась съ нимъ. Наконецъ, нѣкоторыя славянскія села переводились владѣльцами, желавшими увеличить свои доходы, на нѣмецкое право: въ нихъ вводились нѣмецкіе порядки, нѣмецкій языкъ въ дѣлопроизводство, внѣдрялись колонисты-нѣмцы и такимъ путемъ и эти села онѣмечивались съ теченіемъ времени.

Еще болѣе, чѣмъ въ села, внѣдрялись нѣмцы въ города оккупированныхъ славянскихъ земель. Въ старыхъ, уже существовавшихъ городахъ они въ концѣ концовъ вытѣснили прежнее славянское населеніе, которое подобно евреямъ должно было занимать особые кварталы и улицы (platea slavorum, Wendenstrasse) и подгороднія предмѣстья, такъ называемые

«китцы» или «вики». Многіе города образованы были нѣмецкими колонистами на мѣстѣ прежнихъ селъ или совершенно заново; осадчики такихъ городовъ становились въ нихъ *фогтами*. Какъ въ старыхъ, такъ и въ новыхъ городахъ нѣмцы устраивались автономными общинами по образцу Любека или Магдебурга, на правѣ любекскомъ или магдебургскомъ. Изъ такихъ онѣмеченныхъ городовъ пріобрѣли съ теченіемъ времени особенную извѣстность Любекъ, Бранденбургъ, Берлинъ, Франкфуртъ на Одерѣ. Уцѣлѣвшіе славяне группировались около этихъ нѣмецкихъ общинъ въ качествѣ безправнаго пролетаріата, пробивавшагося изо дня въ день рыболовствомъ, поденнымъ трудомъ чернорабочихъ и другими случайными заработками. Бѣдность и тутъ, какъ и повсюду, шла объ руку съ преступленіемъ, и славянскій пролетаріатъ сталъ поставщикомъ воровъ и разбойниковъ. Это обстоятельство еще болѣе усилило отчужденіе между нѣмецкимъ населеніемъ городовъ и славянами и еще болѣе ухудшило и безъ того незавидное положеніе послѣднихъ. Славяне въ видѣ рѣдкихъ исключеній оказывались въ составѣ полноправныхъ гражданъ. Цеховые и гильдейскіе статуты гольштинскихъ и бранденбургскихъ городовъ XV и XVI вв. постановляли принимать въ составъ цеховъ и гильдій только такихъ горожанъ, которые докажутъ, что они по отцу и матери нѣмецкаго, а не славянскаго происхожденія. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., въ Потсдамѣ, славянамъ запрещалось даже имѣть недвижимую собственность. При такихъ условіяхъ славянамъ трудно было подниматься изъ нищеты, и въ страшной бѣдности они вымирали быстрѣе, чѣмъ размножались. Тѣ изъ нихъ, которые оставались, стремились всячески приспособиться къ нѣмцамъ, ассимилироваться съ ними и въ концѣ концовъ онѣмечивались. Такимъ образомъ національное угнетеніе, соединяясь съ соціальнымъ, въ концѣ концовъ приводило къ утратѣ славянами своей народности. Процессъ этотъ былъ не быстрый, но неуклонный въ своихъ результатахъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка въ Гольштиніи и Бранденбургѣ сохранялись еще разные слѣды славянства въ топографической и личной номенклатурѣ, въ расположеніи селеній, въ манерѣ построекъ, въ домашнемъ быту и народныхъ преданіяхъ, но самихъ славянъ уже не было: они слились съ нѣмцами.

Успѣхи германизаціи въ славянскихъ княжествахъ—Мекленбургскомъ, Поморскомъ и Ранскомъ. Германизація охватила и тѣ славянскія земли, которыя удержали своихъ собственныхъ князей, т.-е. княжества Мекленбургское, Поморское и Ранское. Княжества эти, какъ мы видѣли, сдѣлались ленами нѣмецкой имперіи, а ихъ владѣтели вассалами императора. Въ связи съ этимъ установилось тѣсное житейское общеніе и родственныя связи у князей Мекленбургскихъ, Ранскихъ и Поморскихъ съ нѣмецкими владѣтелями. Дворы славянскихъ князей наполнились выходцами изъ Германіи, сановниками и рыцарями. Эти выходцы стали получать отъ князей земельныя имущества и различныя должности, пополнили собою ряды

славянской знати. Они принесли съ собою нѣмецкій языкъ, нѣмецкія феодальныя понятія и житейскія установленія, и, импонируя превосходствомъ своей культуры, навязывали свой языкъ и свои обычаи. Славянскіе князья и славянская знать довольно быстро онѣмечились: усвоили нѣмецкія христіанскія имена, новыя фамиліи по имѣніямъ, гербы и весь феодальный ритуалъ. Болѣе медленно, но такъ же успѣшно происходило онѣмеченіе и славянской народной массы въ названныхъ княжествахъ.

Послѣ того, какъ прекратилась напряженная борьба съ нѣмцами; славянскіе князья принялись за хозяйственное устроеніе своихъ владѣній. Они стали раздавать пустоши и разоренныя мѣста епископамъ, монастырямъ, наполненнымъ монахами нѣмецкой національности, туземному и пришлому военнослужилому люду и осадчикамъ-шульцамъ съ правомъ созывать и селить на нихъ людей всякаго происхожденія и профессіи (dedimus liberam potestatem vocandi ad se et collocandi ubi cunque voluerint in possessione prefata ecclesie cujuscunque gentis et cujunscuque artis homines et ipsas artes exercendi),—датчанъ, нѣмцевъ, славянъ (Danos, Teutonicos Slauos). Славяне впрочемъ, представляли мало интереса, какъ колонизаціонный матеріалъ, по причинѣ своей малочисленности и бѣдности, и колонизаторы чаще всего селили нѣмцевъ. По этимъ причинамъ, напр., собиралъ на островѣ Поле нѣмецкихъ колонистовъ князь мекленбургскій Генрихъ-Борвинъ I. Но особенно много нѣмцевъ назвали на свои земли монастыри и епископы. Наплывъ нѣмецкихъ колонистовъ и въ славянскихъ княжествахъ приводилъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и въ вышеуказанныхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ. Славяне вынуждались иногда покидать старыя, насиженныя гнѣзда и основывать на ряду съ прежними своими селеніями новыя или малыя; иногда они совсѣмъ лишались своихъ земель и нисходили на положеніе сельскаго и городского пролетаріата, ютящагося въ своихъ «китцахъ» и «викахъ» (такъ называемые «*касаты*»). Наиболѣе сильные и устойчивые элементы славянскаго земледѣльческаго населенія пристраивались къ нѣмцамъ въ ихъ самоуправляющіяся общины, подъ начальство ихъ *шульцовъ* и *лавниковъ*, или же образовывали общины по ихъ образцу, на нѣмецкомъ правѣ. Нѣмцы, превосходя славянъ своею зажиточностью и культурностью, своею организованностью исподоволь всасывали ихъ въ свою среду и ассимилировали. Сталкиваясь съ нѣмцами на сельскихъ работахъ, въ храмахъ, въ судахъ, въ управленіяхъ славяне научались ихъ рѣчи, усвоивали ихъ обычаи и установленія, ихъ понятія и мало-по-малу теряли свою національный обликъ. Въ городахъ это совершилось еше скорѣе, чѣмъ въ селахъ. Города въ славянскихъ княжествахъ наполнились еще скорѣе, чѣмъ села, нѣмецкими колонистами, такъ какъ разорены они были и опустошены во время войнъ еще больше, чѣмъ села, и такъ какъ въ скорѣйшемъ заселеніи ихъ торговымъ и промышленнымъ людомъ князья еще болѣе заинтересованы были, чѣмъ въ заселеніи селъ. Вслѣдствіе этого старые славянскіе города—Велеградъ,

Вышемиръ, Хоцѣбужъ, Ростоки, Волегощъ превратились въ Мекленбургъ, Висмаръ, Гадебушъ, Ростокъ и Вольгастъ. Появились и новые чисто нѣмецкіе города—Штральзундъ, Грейфсвальдъ и др. Всѣ эти наполнившіеся нѣмцами города устроились самоуправляющимися общинами, большею частью на любекскомъ правѣ, имѣя во главѣ фохтовъ и консуловъ. Славяне были вытѣснены и тутъ на окраины, въ «китцы» и «вики», въ лучшемъ случаѣ проживали въ особыхъ улицахъ подъ управленіемъ своихъ фохтовъ. Такъ же, какъ и въ нѣмецкихъ владѣніяхъ, и въ разсматриваемыхъ славянскихъ княжествахъ нѣмцы-горожане чуждались ихъ, не пускали въ гильдіи, цехи, не дозволяли пріобрѣтать недвижимую собственность и пользоваться одинаковыми съ ними правами. Національное угнетеніе, сплетаясь тѣсно съ соціальнымъ, приводило къ тому, что славяне въ городахъ частью вымирали, частью стремились къ превращенію въ нѣмцевъ, къ очищенію себя отъ слѣдовъ своего происхожденія, отъ своей народности.

Какъ бы то ни было, но до половины XIV вѣка Мекленбургское княжество все еще сохраняло свой славянскій характеръ. Сохранилось не мало свидѣтельствъ о существованіи славянъ въ Мекленбургѣ въ XV вѣкѣ и даже въ XVI в. Особенно характерно въ настоящемъ случаѣ свидѣтельство Маршалка Туріуса, одного изъ сановниковъ княжества Мекленбургскаго (1470—1525). Въ своей риѳмованной хроникѣ, писанной на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, онъ сообщаетъ любопытныя данныя о языкѣ, бытѣ и нравахъ современнаго ему населенія Мекленбурга. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что славянство въ то время еще было живо въ Мекленбургѣ въ языкѣ, обычаяхъ, преданіяхъ и поэтическомъ творчествѣ сельскаго люда. То же самое, по всѣмъ даннымъ, было и въ Ранскомъ княжествѣ. Но на островѣ Ранѣ славянство исчезло, повидимому, уже въ началѣ XV вѣка. Историкъ поморскій Томасъ Канцовъ записалъ, что въ 1404 году умерла старушка Гулицына, которая съ своимъ мужемъ принадлежала къ послѣднимъ людямъ на Ранѣ, говорившимъ по-вендски. Только на полуостровѣ Мёнхгутъ, отдѣленномъ отъ острова рвомъ, называвшимся Перекопъ, продолжали жить люди, называвшіеся рыбаками (reboken), говорившіе на особомъ жаргонѣ, въ которомъ нѣмецкая рѣчь была испещрена множествомъ славянскихъ рѣченій—богъ, реба, море, животъ, земя, небо, хмара, млеко, кенсъ (кусъ хлѣбъ), тата, мацъ, дзева, хата, перунъ, вода и т. д. Слѣды славянства въ полабскихъ и прибалтійскихъ областяхъ стерла окончательно тридцатилѣтняя война, произведшая страшныя опустошенія и разоренія и перетасовку населенія въ Германіи.

Остатки поморскихъ и лужицкихъ славянъ. Изъ всѣхъ прибалтійскихъ и полабскихъ славянъ въ настоящее время уцѣлѣла горсть поморянъ, такъ называемыхъ *кашубовъ*, по берегу моря къ сѣверу отъ Данцига (около 140.000 чел.) и часть *лужицкихъ сербовъ* въ Бранденбургѣ, Силезіи и королевствѣ Саксонскомъ (около 150 т. человѣкъ). Но и эти остатки славян-

ства все болѣе и болѣе таютъ подъ дѣйствіемъ нѣмецкой культуры и германизаціонной политики, несмотря на всѣ усилія мѣстной славянской интеллигенціи (особенно сербо-лужицкой) отстоять свою народность. Въ общемъ можно сказать, все прибалтійское и полабское славянство покончило свое національно-историческое существованіе.

Такая же участь угрожаетъ въ будущемъ и тѣмъ западно-славянскимъ племенамъ, которыя устроились на верхней Лабѣ и ея притокахъ и на лѣвыхъ притокахъ средняго Дуная—Моравѣ, Ваагу и Грону, т.-е. чехамъ и мораванмъ. Охваченные географически съ трехъ сторонъ нѣмцами, врѣзываясь какъ бы клиномъ въ германскую территорію, перемѣшиваясь съ нѣмцами въ своей собственной странѣ и связанные съ ними политически въ теченіе уже многихъ вѣковъ, чехи давно подвергаются воздѣйствію германизма, и только собственная ихъ, сравнительно высокая духовная и матеріальная культура, спасала ихъ доселѣ отъ національнаго обезличенія, отъ поглощенія нѣмцами. Но при всемъ томъ, какъ своего рода заноза въ тѣлѣ Германіи, они не даютъ покоя нѣмцамъ, стремящимся и здѣсь осуществить то самое, что они съ такимъ успѣхомъ произвели на земляхъ бодричей, лютичей и поморянъ. Разсмотрѣніе историческихъ судебъ этихъ племенъ и составитъ ближайшую задачу настоящаго изложенія.

Литератра.

Гильфердингъ, Полное собраніе сочиненій, т. IV.

Павинскій А., Полабскіе славяне въ борьбѣ съ нѣмцами въ VIII—XII вв. Спб. 1877.

Первольфъ, Германизація Балтійскихъ славянъ, Спб. 1876.

Sommerfeld, Geschichte der Germanisierung des Herzogthums Pommern oder Slawien bis zum Ablauf des XIII Jahrhunderts. 1896.

B. Boguslawski, Dzieje Słowianszczyzny pólnocno zachodnej, tom IV. Poznań 1900.

— Rys dziejów serbo-lužyckich.

A. Černy, Lužice a lužicti Srbove 1912.

Д. Н. Егоровъ, Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Томъ I—II. Москва 1915, 1916.

IX.

Княжескія усобицы въ Чехіи въ X—XII вв. и возвышеніе шляхты и духовенства; зависимость отъ имперіи.

Патріархальная монархія Пшемысловичей и ея разложеніе; княжескія усобицы. Исторія чешскаго народа, какъ мы видѣли, началась съ объединенія мелкихъ славянскихъ племенъ, жившихъ въ бассейнѣ верхней Лабы, въ одинъ политическій союзъ подъ главенствомъ самаго сильнаго изъ нихъ—чеховъ. Воевода этого племени подчинилъ себѣ воеводъ и жупановъ другихъ племенъ и получилъ названіе князя Чехіи. Съ теченіемъ времени князь упразднилъ совершенно племенныхъ воеводъ, а жупановъ, начальниковъ жупъ, избиравшихся населеніемъ изъ извѣстныхъ знатныхъ фамилій,—замѣнилъ своими бургграфами по собственному назначенію. Въ Чехіи, изобиловавшей знатными владѣтельными родами—*лехами*, изъ которыхъ народъ выбиралъ себѣ вождей и начальниковъ, съ теченіемъ времени остался одинъ владѣтельный родъ—княжеская фамилія Пшемысловичей. Лехи стали попадать въ вожди и начальники народа только по назначенію князя въ качествѣ его чиновниковъ, членовъ его дружины. Эту дружину князь организовалъ изъ всѣхъ сильныхъ людей страны и при помощи ея овладѣлъ страною и обществомъ. Онъ взялъ въ свое распоряженіе всѣ пустопорожнія земли, лѣса, воды и различныя угодья, обложилъ населеніе разнообразными податями и повинностями и сталъ властно господствовать въ странѣ, повелѣвать и распоряжаться, не совѣщаясь съ народомъ, а только съ своими ближними людьми. Онъ сталъ смотрѣть на свое государство, какъ на достояніе своей семьи или рода, и потому еще при жизни сталъ назначать себѣ преемника. Народное избраніе превратилось въ простое присутствіе народа при обрядѣ вокняженія (nástoleni). Въ Чехіи, какъ и всюду, съ объединеніемъ государства произошелъ упадокъ значенія общенароднаго вѣча. Въ качествѣ элемента, сдерживающаго развитіе княжескаго самовластья, осталась въ Чехіи только знать—*лехи* и *владыки*. Въ качествѣ землевладѣльцевъ съ властью и вліяніемъ въ мѣстныхъ обществахъ лехи и владыки въ общемъ располагали значительною матеріальною и моральною силою, и князья не могли не считаться съ этою силою. Положеніе этого класса, съ которымъ слилась воедино и княжеская дружина, упрочилось и усилилось въ эпоху княжскихъ усобицъ, происходившихъ въ Чехіи въ X—XII вѣкахъ.

Княжескій родъ Пшемысловичей сталъ владѣть Чехіею по обычному славянскому праву, на основахъ родового, или задружнаго, быта. Государемъ въ странѣ былъ одинъ изъ Пшемысловичей, старѣйшій, по на-

значенію предшественника или признанію младшихъ, а остальные жили при немъ, на одномъ, такъ сказать, хлѣбѣ, получая отъ него либо готовое содержаніе, либо волости въ управленіе и обязаны были слушаться его, какъ старѣйшаго, повиноваться ему, какъ верховному государю страны. Но такой порядокъ, какъ и въ частныхъ задругахъ, порождалъ раздоры, несогласія среди родичей, которые у князей легко должны были переходить въ междоусобную борьбу. Младшіе Пшемысловичи, недовольные либо самымъ захватомъ власти со стороны того или другого брата, либо его обращеніемъ съ ними, стали поднимать мятежи противъ своего старшаго и стремиться къ его низверженію. На этой почвѣ разыгрывались цѣлыя трагедіи въ чешскомъ княжескомъ родѣ. Извѣстно, что внукъ Буривоя св. Вацлавъ погибъ отъ руки собственнаго брата Болеслава Жестокаго (Saevus), который и сѣлъ на его мѣсто въ Прагѣ (въ 929 году). Но особенно участились усобицы въ княжескомъ родѣ съ начала XI вѣка. Внукъ Болеслава Жестокаго Болеславъ III Рыжій выгналъ своихъ братьевъ Яромира и Ольджиха изъ страны, но самъ два раза былъ низвергаемъ съ престола возставшими противъ него лехами и владыками спачала при помощи нѣмцевъ, а затѣмъ при помощи поляковъ. Императоръ Генрихъ II въ 1004 году посадилъ на чешскомъ престолѣ изгнаннаго Яромира, который въ свою очередь выдѣлилъ въ кормленье брату своему Ольджиху волость Жатецкую. Но и эти братья не ужились другъ съ другомъ: Ольджихъ два раза низвергалъ съ престола Яромира, а Яромиръ одинъ разъ Ольджиха, при чемъ Ольджихъ опирался на могущественный родъ пановъ Вршовичей, а Яромиръ—на императора германскаго. Яромиръ былъ даже ослѣпленъ своимъ братомъ. Сынъ Ольджиха Бжетиславъ I, которому достался въ концѣ концовъ (въ 1034 г.) княжескій престолъ, желая предохранить своихъ сыновей и дальнѣйшихъ потомковъ отъ усобицъ, задумалъ ввести въ Чехіи опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія. Незадолго до своей смерти, въ 1055 году, онъ обнародовалъ постановленіе, въ силу котораго княжескій престолъ (ducatus Bohemiae) долженъ былъ перейти къ его старшему сыну Спитигнѣву, а потомъ къ старѣйшему по возрасту члену рода; младшіе получили волости въ Моравіи: Вратиславъ—Ольмуцъ, Купратъ—Брно, Ота—Знаймъ, съ обязанностью быть подъ властью князя Чехіи.

Но недолго продержался этотъ порядокъ. Княжескій престолъ въ порядкѣ старшинства послѣ Спитигнѣва занимали братья его Вратиславъ и Ота и внукъ Бжетиславъ II (Вратиславичъ). Но послѣдній уже рѣшился нарушить право старшинства и съ соизволенія императора Генриха IV назначилъ въ 1099 году своимъ преемникомъ брата своего Буривоя II, въ обходъ двоюроднаго брата Ольджиха Берненскаго. Это нарушеніе права сеньората повело къ ожесточенной междоусобной борьбѣ среди Пшемысловичей. Самъ Бжетиславъ былъ убитъ на охотѣ подосланнымъ убійцею. Братъ его Буривой II нѣсколько разъ изгонялся изъ Чехіи моравскими родичами и возвращался то съ по-

мощью императора, то съ помощью польскаго короля и могущественныхъ пановъ Вршовичей. На чешскомъ престолѣ быстро смѣнялись одинъ за другимъ разные князья то чешской, то моравской линіи. Великимъ княземъ становился тотъ изъ нихъ, кто въ данное время оказывался почему-нибудь сильнѣе другихъ, кто находилъ наиболѣе сильную поддержку внутри и внѣ государства. Политическими силами, которыя стали оказывать преимущественное вліяніе на замѣщеніе княжескаго стола, внутри государства были вельможи и рыцари вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ и жителями стольнаго города Праги, внѣ государства—императоръ. Такимъ образомъ, напр., когда въ 1109 году въ лагерѣ около Вроцлава въ Силезіи былъ убитъ измѣннически князь Святополкъ, рыцарство, находившееся вмѣстѣ съ нимъ, провозгласило княземъ брата его Оту Чернаго. Но жители города Праги съ мѣстнымъ епископомъ во главѣ избрали въ князья брата Буривоя Владислава I. Такъ какъ этотъ выборъ былъ поддержанъ и императоромъ Генрихомъ II, то Владиславъ въ концѣ концовъ и утвердился на княжескомъ столѣ. Его братъ Собѣславъ сдѣлался княземъ въ 1125 году также по избранію извѣстной партіи сильныхъ и вліятельныхъ людей. По смерти Собѣслава въ 1140 году вопросъ о замѣщеніи княжескаго стола рѣшили опять таки чешскіе вельможи, избравъ ему преемникомъ Владислава II, сына Владислава I. Когда же паны, разсорившись съ Владиславомъ II, захотѣли поставить вмѣсто него другого князя, Владиславъ II нашелъ поддержку у императора Конрада III Гогенштауфена и удержался на чешскомъ престолѣ. За помощь, оказанную императору Фридриху Барбароссѣ въ походѣ на Миланъ, Владиславъ II получилъ отъ него въ 1158 году королевскій титулъ. Онъ еще при жизни своей назначилъ себѣ преемникомъ сына своего Фридриха, но императоръ Фридрихъ Барбаросса разсудилъ иначе и въ 1173 году, по смерти Владислава II, возвелъ на чешскій престолъ Собѣслава (Собѣславича) II, его двоюроднаго брата. Спустя нѣкоторое время, въ 1179 году, Барбаросса возвелъ на чешскій престолъ Фридриха Владиславича, свергнувъ Собѣслава II. Для упроченія своего верховенства надъ чешскими землями императоръ разбилъ ихъ на три независимыя другъ отъ друга княжества. Оставивъ за Фридрихомъ собственную Чехію, онъ отдалъ всю Моравію Кунрату Отѣ, какъ самостоятельный, непосредственно подчиненный имперіи ленъ, съ титуломъ маркграфства (въ 1182 году); брата же Кунратова, епископа Пражскаго Генриха-Бжетислава, также объявилъ независимымъ княземъ Священной Римской имперіи на томъ основаніи, что епископъ Пражскій получалъ инвеституру отъ императора или короля римскаго. Но это расчлененіе Чешскаго государства просуществовало недолго. По смерти Фридриха Владиславича въ 1189 году Кунратъ Ота соединилъ подъ своею властью Чехію и Моравію. Братъ его епископъ Пражскій Генрихъ-Бжетиславъ на короткое время (1194—1197) соединилъ всѣ три чешскія княжества. Послѣ его смерти, въ 1197 году, прекратилась моравская линія Пшемы-

словичей и на престолъ вступилъ самый младшій сынъ короля Владислава II—Владиславъ III. Въ интересахъ охраненія государственнаго единства Владиславъ III провелъ на сеймѣ избраніе новаго Пражскаго епископа Даніила, собственною властью инвестировалъ его и принялъ отъ него вѣрноподданническую присягу. Когда его братъ Пшемыслъ I сталъ домогаться подъ нимъ чешскаго стола, Владиславъ уступилъ ему, какъ старшему брату, Чешское княжество, а самъ удовольствовался маркграфствомъ Моравскимъ подъ верховною властью брата. Съ тѣхъ поръ прекратились усобицы въ Чехіи и дробленіе этого государства на независимыя части.

Ослабленіе княжеской власти и возвышеніе военно-служилаго класса; паны и владыки. Эпоха княжескихъ усобицъ не прошла безслѣдно для внутренняго развитія чешскаго государства. Въ продолжительной междоусобной войнѣ княжеская власть растратила въ значительной мѣрѣ свои силы и вышла изъ нея уже не съ такими рессурсами и не съ такимъ авторитетомъ, какими располагала прежде. На счетъ ея выросъ прежде всего военнослужилый классъ,—рыцарство (milites) и главнымъ образомъ высшій его слой. Какъ уже было сказано въ своемъ мѣстѣ, около Чешскаго князя организовался особый классъ дружины, вобравшій въ себя всѣ аристократическіе элементы предшествующей эпохи—леховъ и владыкъ. т.-е. людей главенствующихъ фамилій, откуда выходили народные вожди и старѣйшины. Эти лехи и владыки были при этомъ болѣе или менѣе состоятельными людьми, землевладѣльцами, обрабатывавшими свои земли при помощи «отроковъ», невольныхъ людей. Число ихъ въ княжеской дружинѣ увеличилось людьми, выслужившимися у князей изъ низшаго званія. Всѣ они и составили особое благородное сословіе—nobiles, *шляхту* (šlechta), при чемъ уже въ XII в. намѣтилось раздѣленіе его на два слоя—nobiles primi ordinis и nobiles secundi ordinis. Позже, въ XIII и XIV вв., верхній слой шляхты, владѣльцы крупныхъ населенныхъ имѣній, выступаетъ съ именемъ *пановъ* (domini), а болѣе мелкіе и менѣе знатные шляхтичи съ именемъ *владыкъ*. Но несомнѣнно, что эти имена, идущія отъ эпохи племенного быта, прилагались къ нимъ и раньше, въ разсматриваемое время.

Ростъ землевладѣнія шляхты и ея власти надъ населеніемъ имѣній; иммунитеты. Въ своихъ усиліяхъ получить княжескій столъ или удержаться на немъ Пшемысловичи поневолѣ должны были заискивать у шляхты и одаривать ее всевозможными милостями и пожалованіями. Чаще всего они жаловали ей имѣнья.

Въ теченіе XI и XII вв. развитіе шляхетскаго землевладѣнія въ Чехіи сдѣлало огромные успѣхи. Большая часть лѣсныхъ пространствъ на пограничьѣ, составлявшихъ княжескую собственность, перешло во владѣніе знати. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось значеніе пановъ и владыкъ въ окружающемъ ихъ обществѣ. Къ нимъ въ имѣнья стали садиться различные безземельные люди и воздѣлывать ихъ землю на извѣстныхъ условіяхъ.

Это такъ называемые *урочники—hospites censuales, coloni*. Эти урочники естественно становились отъ нихъ въ зависимое положеніе. Затѣмъ: въ эпоху княжескихъ усобицъ и сопровождавшаго ихъ ослабленія центральной власти усилился произволъ и насилія со стороны княжескихъ чиновниковъ и разныхъ сильныхъ людей. Поэтому множество мелкихъ землевладѣльцевъ—земледѣльцевъ, такъ называемыхъ «свободниковъ» или «дѣдинниковъ» предпочитало жертвовать своимъ независимымъ положеніемъ и, чтобы найти охрану, поступало въ частное подданство къ могущественнымъ сосѣдямъ, панамъ или монастырямъ. Это такъ называемые «направники» или «двораки». Сельскій людъ при упадкѣ княжеской власти естественно льнулъ къ панамъ и владыкамъ, какъ къ давнишнимъ и привычнымъ властямъ, а паны и владыки въ свою очередь, смотря на себя, какъ на прирожденныхъ властей, склонны были подчинять себѣ, порабощать мѣстныхъ свободныхъ «дѣдинниковъ». Такъ сложился классъ зависимаго крестьянства на ряду съ прежними «отроками» или «невольниками». Эти зависимые крестьяне на первыхъ порахъ были лично свободными людьми, находились подъ покровительствомъ государства, несли государственныя повинности и были подъ присудомъ общаго суда. Съ землевладѣльцемъ ихъ связывали главнымъ образомъ извѣстныя обязательственныя отношенія по уплатѣ оброка и несеніи барщины. Но скоро обыкновенная зависимость ихъ увеличивалась. Князья стали жаловать нѣкоторымъ землевладѣльцамъ *иммунитеты*, т.-е. изъятія населенія ихъ имѣній отъ разныхъ государственныхъ податей и повинностей, а также отъ власти княжескихъ чиновниковъ, за исключеніемъ подсудности по нѣкоторымъ важнымъ уголовнымъ дѣламъ. При такихъ обстоятельствахъ зависимые крестьяне дѣлались уже «подданными» своихъ пановъ и прямо такъ и назывались.

Усиленіе политическаго значенія шляхты въ центрѣ и областяхъ. Усиленіе соціальной позиціи должно было неизбѣжно влечь за собою и усиленіе политическаго значенія шляхты т.-е. пановъ и владыкъ. Въ XII в. уже выяснилось фактически, что безъ согласія сейма пановъ и владыкъ князь не можетъ вести наступательной войны и издавать новые законы. Такимъ образомъ, напр., когда Владиславъ II заключилъ съ императоромъ Фридрихомъ I договоръ о помощи въ предстоящемъ Миланскомъ походѣ, онъ долженъ былъ за утвержденіемъ договора обратиться къ сейму пановъ и владыкъ. Но паны, собравшіеся въ Прагѣ въ 1158 году, отказались идти за своимъ княземъ въ походъ, и князю пришлось снаряжать вспомогательное войско на свой счетъ. Князь Купратъ Ота, задумавъ ввести въ употребленіе сборникъ писанныхъ законовъ, предложилъ его на одобреніе и утвержденіе сейму, собиравшемуся въ Садкѣ въ 1182 году. Паны и владыки на своихъ сеймахъ, какъ уже мы видѣли, стали избирать и князей. Всѣ должности по мѣстному управленію стали замѣщаться мѣстными землевладѣльцами. Въ теченіе XI и XII вв. произошли значительныя

измѣненія въ территоріальномъ дѣленіи Чехіи. Многія жупы слились въ одну область, нѣкоторыя наоборотъ раздѣлились. Новыя дѣленія вышли вообще крупнѣе прежнихъ и получили названіе *краевъ, краинъ, волостей* и *жупъ* (provincia, regio, territorium, comitatus). Въ каждомъ краѣ былъ свой центральный городъ, въ которомъ сидѣлъ «староста города и края», называвшійся также наджупаномъ, старѣйшиною, каштеляномъ (по лат. senior in urbe, praefectus urbis, castellanus, burggravius, comes). Онъ имѣлъ значеніе намѣстника князя, который блюлъ внѣшнюю безопасность и внутренній миръ въ краѣ, чинилъ судъ и управу и т. д. Вслѣдствіе усложненія задачъ мѣстнаго управленія при каштелянѣ появились въ XII в. нѣсколько особыхъ должностныхъ лицъ: *цударъ*, судья (judex provincialis), *коморникъ*, сборщикъ княжескихъ доходовъ. *владаръ*, управитель княжескихъ имѣній и сборщикъ разныхъ доходовъ князя, *ловчій, лѣсничій* и т. д. Всѣ эти должности сдѣлались достояніемъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, пановъ и владыкъ, которые дорожили не только сопряженною съ ними властью, но и доходами отъ приписанныхъ къ должностямъ имѣній, такъ называемыхъ *жупъ*, и отъ должностныхъ функцій. Возникло своего рода правило, по которому правятъ въ краѣ мѣстные землевладѣльцы. При такихъ условіяхъ мѣстное управленіе пріобрѣло характеръ самоуправленія, ибо мѣстные правители, будучи мѣстными землевладѣльцами, естественно стали радѣть не столько объ интересахъ центра, сколько объ интересахъ области. Опорою крайской автономіи сдѣлались также *крайскіе съѣзды* пановъ и владыкъ, бывшіе обыкновенно во время судебныхъ сессій. Здѣсь стали подвергаться обсужденію мѣстныя нужды и потребности края и приниматься различныя мѣры къ обезпеченію этихъ нуждъ и потребностей.

Соціально-политическое возвышеніе духовенства. Кромѣ пановъ и владыкъ за время княжескихъ усобицъ выросла въ Чехіи и другая общественная сила—духовенство. Прежде всего оно увеличилось количественно. Къ епископу Пражскому присоединился епископъ Ольмуцкій, установленный (въ 1062 году) для Моравіи; возросло число соборныхъ капитулъ (въ концѣ XII в. до 6) и приходскихъ церквей. Вмѣстѣ съ тѣмъ возросли и земельныя имущества духовенства вслѣдствіе пожалованій князей и частныхъ лицъ и усилилось значеніе его въ обществѣ. Въ эпоху анархіи и произвола сильныхъ людей мелкіе люди искали себѣ убѣжища подъ покровительствомъ церкви и селились въ монастырскихъ имѣніяхъ. И это тѣмъ болѣе, что духовенство постаралось выхлопотать себѣ у князей изъятіе своихъ имѣній отъ разныхъ податей и повинностей и власти княжескихъ чиновниковъ. Князья нерѣдко нуждались въ содѣйствіи духовенства для утвержденія своей власти и потому поступались въ пользу его разными своими правами. Всѣми этими мѣрами утверждалась независимость чешскаго церковнаго общества отъ княжеской власти. Впрочемъ чешскіе епископы и безъ того были почти независимы отъ князей. Ихъ выбирали капитулы; инвеституру давалъ имъ императоръ; а въ церков-

номъ отношенiи они были на первыхъ порахъ подчинены Майнцскому архiепископу. Реформы, Григорiя VII, вводившiяся въ чешской церкви во второй половинѣ XII в., еще болѣе эмансипировали чешское духовенство отъ свѣтской власти и мiрского общества, и чешское духовенство стало почти независимою общественною силою въ чешскомъ государствѣ.

Итакъ, въ перiодъ княжескихъ усобицъ произошло въ Чехiи соцiально-политическое возвышенiе военнослужилаго класса, пановъ и владыкъ, и духовенства и значительное умаленiе княжеской власти.

Установленiе внѣшней зависимости Чехiи отъ Германской имперiи. Въ эту же эпоху упрочилась и извѣстная зависимость Чехiи отъ Германской имперiи. Въ своемъ мѣстѣ было уже указано, что впервые Чехiя попала въ зависимость отъ Германiи при Карлѣ Великомъ. Но это отношенiе прекратилось вскорѣ же по смерти Карла Великаго и возобновилось только при Генрихѣ I Птицеловѣ, который вторгся въ Чехiю и принудилъ князя св. Вацлава платить дань въ 120 воловъ и 300 гривенъ серебра (929 г.). Эти данническiя отношенiя продолжались и при преемникахъ Вацлава, пока князю Вратиславу II за денежную помощь, оказанную императору Генриху IV, не удалось замѣнить дань повинностью выставлять 300 всадниковъ на «римскiй походъ» императоровъ (на коронацiю). Начавшiеся между Пшемысловичами споры и усобицы дали возможность нѣмецкимъ императорамъ мѣшаться во внутреннiя отношенiя Чехiи, судить и рядить князей, рѣшать вопросы о престолонаслѣдiи, подтверждать избранiя князей. Установилось правило, что избранный князь Чехiи долженъ быть подтвержденъ въ своемъ званiи императоромъ и получить отъ него княжеское знамя (praporec). Чешскiй государь сталъ разсматриваться княземъ имперiи, участвовать въ имперскихъ нѣмецкихъ сеймахъ и съ 1114 года носить титулъ архичашника имперiи (arcičišník). Эти отношенiя не измѣнились и послѣ того, какъ онъ получилъ королевскiй титулъ. Этотъ титулъ былъ пожалованъ еще въ 1086 году императоромъ Генрихомъ IV князю Вратиславу II, но только ему лично, а не наслѣдникамъ. Наслѣдственный титулъ короля получилъ отъ Фридриха Барбароссы князь Владиславъ II въ 1158 году за помощь, оказанную ему въ Миланскомъ походѣ. Несмотря на пожалованiе князьямъ чешскимъ титула, указывающаго на полноту суверенитета, Чехiя во второй половинѣ XII в. попала, какъ мы видѣли, въ еще большую зависимость отъ имперiи. И только Владиславу III удалось до извѣстной степени возстановить прежнюю самостоятельность Чехiи. Пшемыслъ I воспользовался благопрiятными обстоятельствами для того, чтобы юридически санкцiонировать завоеванную позицiю. Въ наступившей между Филиппомъ Швабскимъ и Оттономъ Брауншвейгскимъ борьбѣ за императорскiй престолъ онъ принялъ сторону перваго и въ 1198 году получилъ отъ него грамоту, въ которой Филиппъ за себя и своихъ преемниковъ обязывался не вступаться въ замѣщенiе чешскаго престола и оставлялъ за собою

и преемниками только право торжественнаго утвержденія новыхъ чешскихъ королей безъ всякой зато платы, признавалъ за ними навсегда королевскій титулъ и право давать инвеституру Пражскимъ епископамъ. Эту грамоту подтвердилъ чешскому королю и противникъ Филиппа, императоръ Оттонъ, на сторону котораго перешелъ Пшемыслъ-Оттокаръ I по настоянію папы Иннокентія III, и самъ этотъ папа въ 1203 г. Девять лѣтъ спустя Пшемыслъ по настоянію того же Иннокентія III перешелъ на сторону Фридриха II противъ императора Оттона IV и получилъ отъ Фридриха II въ 1212 году новую грамоту (Fredericiana), коею подтверждались грамоты императоровъ Филиппа и Оттона и кромѣ того устанавливалось, что за королями чешскими навсегда остается званіе чашниковъ имперіи, что они обязаны являться на сеймъ имперскій лишь въ томъ случаѣ, если этотъ сеймъ будетъ происходить въ Бамбергѣ, Нюренбергѣ или Мерзебургѣ и если приглашеніе на сеймъ придетъ на позже, какъ за шесть недѣль до начала его. Что касается обязанности выставлять 300 всадниковъ для «римскихъ походовъ», то грамота 1212 г. предоставляла на волю чешскаго короля откупаться отъ этой повинности 300 гривенъ серебра.

Такъ возстановлены были политическая самостоятельность и самобытность Чехіи, но не вполнѣ. Извѣстная зависимость Чехіи отъ имперіи осталась и опредѣлена была закономъ. Чешскій король былъ признанъ княземъ священной римской имперіи и обязанъ былъ принимать участіе въ ея политической жизни. Установившіяся политическія связи съ Германіею имѣли большое значеніе и для внутренняго развитія Чехіи. Благодаря имъ нѣмецкіе порядки, нѣмецкіе вкусы и идеи стали прививаться въ Чехіи, Чехія стала ассимилироваться въ культурномъ отношеніи съ Германіею.

Важнѣйшая литература.

Bachmann, Geschichte Böhmens, B. I. 1899.

Koutny W. J., Der Přemysliden Thronkämpfe und Genezis des Markgrafschaft Mähren. Wien 1877.

Kalousek Jar., Česke Statni pravo. 2 vyd. Praha 1892.

Čelakovsky Jar., Povšechne české dejiny pravné. 2 vyd.

Lippert Iulius, Socialgeschichte Böhmens in vorhusitischen Zeit. Prah, Wien, Leipzig 1896, B-de I—II.

А. Н. Ясинскій, Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ, Кіевъ 1895 г.

— Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи. 1901.

Vacek, F. Socialní Dějiny ceské doby starše. 1905.

X.

Наслѣдственная феодальная монархія и успѣхи германизма въ Чехіи.

Превращеніе Чехіи въ феодальную монархію нѣмецкаго типа. Въ 1216 году Пшемыслу-Оттокару I удалось добиться признанія своего сына Вацлава наслѣдникомъ престола; императоръ утвердилъ избраніе чешскихъ чиновъ. Принципъ «примогенитуры» такимъ образомъ восторжествовалъ окончательно, и Чехія превратилась въ наслѣдственную монархію. Установленіе этого порядка, однако, не сопровождалось усиленіемъ королевской власти. Соціально-политическое возвышеніе шляхты и духовенства совершившееся въ эпоху княжескихъ усобицъ и закрѣпленное новыми государственно-правовыми формами, привнесенными изъ Германіи, превратило Чешское государство въ монархію феодальнаго типа внѣшне единую, но внутри слабую, не располагавшую достаточными государственными средствами для выполненія задачъ, которыя ставило ей время.

Эту слабость почувствовалъ уже возстановитель чешской монархіи король Пшемыслъ-Оттокаръ I. Чтобы имѣть возможность бороться съ разбогатѣвшимъ и разнузданнымъ дворянствомъ и для того, чтобы держать дворъ соотвѣтственно новому своему положенію, король сталъ стремиться къ увеличенію своихъ доходовъ. Съ этою цѣлью онъ началъ привлекать колонистовъ изъ Германіи, основывать новые города и деревни на государственныхъ земляхъ, преимущественно въ лѣсныхъ пущахъ, которыя сохранялись раньше для защиты страны. Но какъ только эта дѣятельность стала давать извѣстные результаты, за королемъ потянулись и духовенство и паны и также стали основывать новые города и села въ своихъ владѣніяхъ, парализуя такимъ образомъ относительный ростъ средствъ короля. Чтобы увеличить свои военныя силы, король сталъ раздавать свои земли рыцарямъ своимъ и пришлымъ на ленномъ правѣ (pravo manské), съ условіемъ обязательной военной службы съ пожалованныхъ владѣній. Но то же самое стали дѣлать и паны, крупные земельные собственники. Въ общемъ такимъ образомъ поднимались и матеріальныя, и военныя силы страны, на слабо достигалась та самая цѣль—усиленіе королевской власти, ради которой Пшемыслъ-Оттокаръ I началъ всю эту дѣятельность.

Эта дѣятельность, продолжавшаяся и при ближайшихъ преемникахъ Пшемысла-Оттокара I, еще болѣе двинула внутреннее развитіе чешскаго государства по тому самому пути сближенія съ Германіею, на который поставила его установившаяся политическая связь съ Германіею.

Эта связь прежде всего ввела чешскаго государя и его дворъ въ среду нѣмецкихъ князей и ихъ дворовъ. Чешскіе государи въ сопровожденіи своихъ вельможъ стали бывать въ Германіи, дружиться и родниться съ нѣмецкими князьями и вельможами, усвоивать нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе вкусы и воззрѣнія. Съ своей стороны и нѣмцы стали часто пріѣзжать въ Чехію и даже поступать на службу къ чешскому государю, который раздавалъ имъ имѣнья. Это тѣсное житейское общеніе съ Германіею привело прежде всего къ усвоенію воззрѣній и установленій нѣмецкаго феодальнаго права. Подобно нѣмецкимъ государямъ и чешскій король сталъ разсматривать себя сюзереномъ своей территоріи, сталъ жаловать изъ своихъ земель лены, давать на нихъ инвеституру, принимать отъ нихъ homagium и т. д. Между прочимъ въ форму ленныхъ пожалованій чешскіе короли стали облекать выдѣлы своимъ братьямъ и родственникамъ, объектомъ которыхъ была обыкновенно Моравія. По примѣру нѣмецкихъ властителей и чешскій король (Пшемыслъ-Оттокаръ II) завелъ у себя для своихъ ленниковъ особый дворскій судъ. Такъ же, какъ и въ Германіи, землевладѣльцы присвоили себѣ суды надъ населеніемъ своихъ имѣній, и у нихъ также возникли свои дворскіе суды. Въ теченіе XI и XII вв. въ Чехіи шелъ подготовительный процессъ феодализаціи общества и государства. Процессъ этотъ былъ естественный и самобытный. Но тѣ результаты, къ которымъ онъ пришелъ, въ XIII в. были запечатлѣны нѣмецкимъ штемпелемъ и Чехія стала представлять изъ себя феодальное государство нѣмецкаго образца.

Вацлавъ I и торжество нѣмецкаго культурнаго вліянія: ассимиляція чешскаго дворянства съ нѣмецкимъ. Культурное вліяніе Германіи особенно ярко проявилось въ царствованіе сына Пшемысла-Оттокара—Вацлава I (1230—1253). Этотъ король сдѣлался совершеннымъ нѣмцемъ, мыслилъ и говорилъ исключительно по-нѣмецки и даже оставилъ послѣ себя слѣдъ въ исторіи нѣмецкой словесности, какъ одинъ изъ миннезенгеровъ. При дворѣ его постоянно толпились нѣмецкіе бароны и рыцари. Чешскіе дворяне шли за своимъ королемъ въ употребленіи нѣмецкаго языка и усвоеніи нѣмецкихъ обычаевъ. Паны побросали свои родовыя фамиліи на ичи и по примѣру нѣмецкихъ бароновъ и рыцарей стали величаться по своимъ имѣньямъ, которыя они окрестили нѣмецкими именами. Такимъ образомъ, напр., Витковичи назвались von Rosenberg, Зампахи—von Pottenstein, Зайцы—von Hasenburg; появились Фалькенштейны, Лихтенбурги и т. д. Вся обстановка нѣмецкаго феодальнаго быта появилась и въ Чехіи. Вошло въ обычай великолѣпное рыцарское одѣяніе, блестящія шляпы съ пестрыми султанами, красивые панцыри и щиты, аксамитныя сукна, копи, украшенные шелковыми попонами съ драгоцѣнными камнями и перлами. Тонъ всему этому далъ дворъ короля Вацлава. Здѣсь было великолѣпіе, дотолѣ въ государствѣ невиданное. Король не щадилъ коронныхъ доходовъ, чтобы окружить себя блескомъ и роскошью. Его щедрость привлекала къ

пражскому двору иностранцевъ всякаго рода—странствующихъ рыцарей, фокусниковъ и фигляровъ, нѣмецкихъ пѣвцовъ, забавлявшихъ придворное общество стихотворными пѣснями о любви и приключеніяхъ. Всевозможныя празднества, великолѣпіе мужскихъ и женскихъ нарядовъ сосредоточивались на состязательныхъ играхъ, или турнирахъ, происходившихъ при дворѣ. Блюстителемъ въ нихъ всѣхъ правилъ, наблюдавшихся на западѣ, былъ нѣмецкій рыцарь фонъ-Фридбергъ, любимецъ короля Вацлава I. Постороннему наблюдателю, побывавшему при тогдашнемъ чешскомъ дворѣ и перезнакомившемуся съ высшимъ чешскимъ обществомъ, Чехія показалась бы одною изъ областей Германіи съ инородческимъ крестьянскимъ населеніемъ, а не славянскимъ государствомъ.

Организація чешской церкви по нѣмецкому образцу; иммиграція нѣмецкаго духовенства. Не только чешское дворянство, но и чешское духовенство благодаря установившейся близости съ Германіею урядилось на западный образецъ. Въ первой четверти XIII вѣка чешская церковь окончательно заняла то самое мѣсто въ феодальной организаціи, какое занимали и другія національныя церкви католическаго міра послѣ реформъ Григорія VII. Въ 1214 году пражскую каѳедру занялъ Андрей фонъ-Гуттенштейнъ, мужъ сильнаго ума и непреклонной воли. Онъ принялся проводить григоріанскія реформы въ чешской церкви во всей строгости,—лишалъ мѣстъ всѣхъ священниковъ, пребывавшихъ въ бракѣ, всѣхъ духовныхъ, родившихся отъ лицъ духовнаго званія, слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ монастырскихъ уставовъ. Но главныя усилія онъ обратилъ противъ свѣтскихъ властей и землевладѣльцевъ, которые привлекали къ своему суду духовныхъ лицъ, раздавали духовныя бенефиціи, не спрашиваясь епископа, налагали подати и повинности на церковныя имѣнья и не платили десятинъ церковныхъ съ своихъ имѣній. Когда представленія и протесты епископа не привели ни къ какимъ результатамъ, онъ отправился въ Римъ и съ соизволенія папы Григорія III наложилъ интердиктъ на Чехію. Мы не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями начавшейся въ Чехіи борьбы духовной власти со свѣтскою и ограничимся только установленіемъ ея послѣдствій. Борьба кончилась торжествомъ духовной власти. Въ 1221 году на чешско-моравской границѣ съѣхались короли Пшемыслъ-Оттокаръ I, герцогъ Австрійскій Леопольдъ, епископъ Пражскій Андрей, папскій легатъ Григорій Кресценціо и много другихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ. Здѣсь заключенъ былъ договоръ, коимъ признана была власть епископа при назначеніи духовныхъ бенефицій, хотя и безъ нарушенія права патроната владѣльцевъ; король обѣщалъ епископу исправно платить десятину съ цѣлой земли; подданные епископа освобождены были отъ всѣхъ земскихъ повинностей, а епископу предоставленъ былъ судъ надъ ними, равно какъ и надъ духовенствомъ во всей странѣ. Въ слѣдующемъ 1222 году король Оттокаръ-Пшемыслъ II выдалъ большую грамоту уже всему чешскому духовенству, въ которой большую часть правъ, пожалованныхъ епископу, распростра-

нилъ и на остальное духовенство. Послѣ изданія этихъ грамотъ чешское духовенство заняло приблизительно такое же независимое положеніе въ обществѣ и государствѣ, какое занимало и нѣмецкое духовенство. Фактъ этотъ не остался безъ вліянія на иммиграцію въ Чехію иноземнаго духовенства, которая въ XIII вѣкѣ приняла значительные размѣры. Находя въ Чехіи такія же условія быта, какъ у себя дома, съ прибавленіемъ обширныхъ пустопорожнихъ земель иноземные духовные потянулись въ Чехію вслѣдъ за рыцарями, ремесленниками и земледѣльцами и стали разными способами пріобрѣтать тамъ земли, заселять ихъ и устраивать на нихъ хозяйство. Такимъ образомъ, напр., при Пшемыслѣ-Оттокарѣ I въ Чехіи появились тевтонскіе рыцари и тампліеры, а вслѣдъ за ними, уже въ XIII в., нищенствующіе монахи францисканцы и доминиканцы. Большая часть монаховъ, принадлежавшихъ къ этимъ орденамъ, на первыхъ порахъ были нѣмцы. Съ приливомъ иноземнаго духовенства въ Чехіи появились тѣ же самыя секты, которыя распространены были въ то время на западѣ—альбигойцы или вальденцы, братушки (Fraticelli), отрицавшіе необходимость бѣдности и подчиненія папѣ, бичевальщики и т. д. Вслѣдствіе этого папа Александръ IV, озабоченный опасностями, какимъ подвергался католицизмъ въ Чехіи, учредилъ тамъ по примѣру другихъ странъ инквизицію буллою отъ 17 апрѣля 1257 года. Всѣ эти явленія были результатомъ общаго воздѣйствія западной культуры на жизнь чешскаго народа. Но нельзя не признать, что это воздѣйствіе шло главнымъ образомъ черезъ посредство Германіи.

Нѣмецкая колонизація и новое городское устройство. По нѣмецкому образцу организовалось въ Чехіи и городское сословіе, такъ называемое *мѣщанство*.

Города въ Чехіи въ древнѣйшее время были укрѣпленіями, въ которыхъ жили военные люди и княжескіе чиновники. Люди, жившіе около городовъ, въ подгородьяхъ (suburbia) по большей части были тѣ же крестьяне-земледѣльцы, что и обитатели селъ, занимавшіеся торговлею и ремеслами въ придачу къ земледѣлію. Такъ какъ города были судебно-административными и приходскими центрами, то въ дни судебныхъ собраній и праздниковъ сюда съѣзжалось много народа изъ окрестныхъ селъ и деревень съ разными предметами сельскаго производства и добычи и происходили базары (fora). Въ нѣкоторые города, лежавшіе на границахъ, на водныхъ путяхъ, на пересѣченіяхъ сухопутныхъ дорогъ, пріѣзжали и иноземные торговцы съ предметами роскоши, съ разными орудіями и оружіемъ. Эти первоначальные городскіе поселки не имѣли чего-либо похожаго на позднѣйшее самоуправленіе. Населеніе ихъ подчинялось власти князей и ихъ чиновниковъ на общихъ основаніяхъ съ жителями селъ, изъ которыхъ нѣкоторыя также были центрами торговли (villae forenses). Нѣмецкая колонизація измѣнила это положеніе вещей. Первые слѣды нѣмецкой колонизаціи встрѣчаемъ на Порѣчьѣ въ Прагѣ, гдѣ уже въ

началѣ XII в. существуетъ нѣмецкая самоуправляющаяся община: документы говорятъ о civitas Prahensis, объ ея cives, объ ея судьѣ (richterius). Но значительные размѣры приняла нѣмецкая колонизація въ чешскихъ городахъ только въ XIII в. Чешскіе государи подобно князьямъ мекленбургскимъ, поморскимъ, силезскимъ, польскимъ призывали въ подгородья, а иногда въ мѣста вовсе незаселенныя нѣмецкихъ колонистовъ, предоставляли имъ усадебныя и пахотныя земли (гуфы) въ вѣчную аренду съ правомъ наслѣдованія и отчужденія и съ обязанностью платить денежный цензъ (чиншъ). Колонисты получали разныя изъятія отъ земскихъ податей и повинностей и отъ дѣйствія земскаго права. Имъ давалось право имѣть своего судью, свое управленіе, по примѣру нѣмецкихъ городовъ, свой рынокъ, право ограждаться стѣнами и т. д. При королѣ Вацлавѣ къ югу отъ старой нѣмецкой общины на правомъ берегу Влтавы возникло новое поселеніе, которое скоро соединено было съ прежнимъ въ одно цѣлое, огражденное рвомъ и валомъ. Такъ образовалось *Старое мѣсто* Пражское. На лѣвомъ берегу Влтавы, у подножія Пражскаго кремля—Вышеграда при Пшемыслѣ-Оттокарѣ II возникло *Меньшее мѣсто* (Malá strana). Кромѣ Праги, и во многіе другіе жупные города введены были нѣмецкіе колонисты, надѣлены льготами и привилегіями и получили свое самоуправленіе; нѣмецкими колонистами было основано по нѣскольку новыхъ городскихъ поселеній въ округахъ Литомержицкомъ, Жатецкомъ и Локетскомъ. Нѣмцы, селившіеся въ чешскихъ городахъ, выходили большею частью изъ сосѣднихъ областей—Баваріи и Австріи, Восточной Франконіи, Тюрингіи и Мейссена. Сообразно съ этимъ поселившіеся въ западной и средней Чехіи устраивались обыкновенно по образцу нюренбергскихъ бюргеровъ, пользовались *нюренбергскимъ* правомъ; поселившіеся въ сѣверо-восточной Чехіи пользовались *магдебургскимъ* правомъ. Въ Моравіи часть пришельцевъ была изъ Саксоніи и пользовалась также магдебургскимъ правомъ, а часть изъ Австріи и пользовалась *вѣнскимъ* правомъ, родственнымъ нюренбергскому. Вообще же, слѣдовательно, въ Чехіи водворились двѣ системы нѣмецкаго городского права—магдебургская и нюренбергская. Нюренбергское право въ чистомъ видѣ уцѣлѣло въ немногихъ городахъ, напр. въ Хебѣ на Огрѣ; въ другихъ городахъ оно измѣнилось, приспособилось къ мѣстнымъ условіямъ, національизировалось. Съ наибольшимъ успѣхомъ процессъ этотъ совершился въ Прагѣ, гдѣ нѣмецкое право претворилось въ *пражское*, чешское городское право. Это право, какъ наиболѣе удобное, распространилось и въ другихъ городахъ Чехіи. Дѣло въ томъ, что новая организація охватила не только нѣмецкую иммиграцію, но и туземое чешское населеніе подгородій, которое смѣшивалось съ пришельцами, а чешскіе государи и своимъ природнымъ подданнымъ стали раздавать нѣмецкое право, которое наилучшимъ образомъ устраивало городскую жизнь и способствовало экономическому преуспѣянію горожанъ.

Городское самоуправленіе въ Чехіи достигло наивысшаго развитія въ «мѣстахъ», возникшихъ на королевскихъ земляхъ. Въ первой стадіи его судъ и управленіе находились въ рукахъ *судьи* (richterius, rychtař, фохтъ), получавшаго свою должность отъ короля во временное завѣдываніе или въ наслѣдственное владѣніе, и состоявшаго при немъ совѣта присяжныхъ (jurati), *шеффеновъ* (scabini, въ городахъ магдебургскаго типа). Съ теченіемъ времени въ большихъ городахъ судъ отдѣлился отъ администраціи. Администрація сосредоточилась въ *ратушѣ* (radnice), состоявшей изъ ратмановъ, или *консуловъ* (conšele), подъ предсѣдательствомъ *бургомистра* (purkmistr). Половина консуловъ ежегодно выбывали, а на мѣсто убылыхъ новые назначались подкоморіемъ наивысшимъ по избранію оставшихся или особаго выборнаго комитета изъ горожанъ; должность бургомистра отправлялъ одинъ изъ консуловъ по очереди. Судъ остался въ рукахъ судьи и присяжныхъ, или шеффеновъ. Городской судъ судилъ гражданскія и маловажныя уголовныя дѣла; важнѣйшія уголовныя дѣла подлежали суду подкоморія наивысшаго. Отъ приговора городскихъ судовъ аппеляція шла въ суды тѣхъ городовъ, которые были центрами той или другой системы нѣмецкаго права или его развѣтвленій: въ Чехіи—въ Прагу, Хебъ и Литомержицы; въ Моравіи—въ Брно, Оломуцъ и Иглаву. Въ сложныхъ и запутанныхъ дѣлахъ тяжущимся предоставлялось право обращаться въ митрополіи нѣмецкаго права, распространившагося въ Чехіи, т.-е. въ Нюренбергъ или Магдебургъ. Большая часть королевскихъ мѣстъ, получившихъ нѣмецкое право, находилась въ сильной зависимости отъ министра финансовъ—подкоморія наивысшаго, который властно вмѣшивался въ ихъ внутренніе распорядки. Мѣста эти назывались *подкоморскими*. Но были мѣста, независимыя отъ подкоморія, подчиненныя непосредственно королю и пользовавшіяся самыми широкими правами самоуправленія, именно: Прага, Кутна Гора, Хебъ. Эти мѣста назывались королевскими или *привилегированными*. Города на королевскихъ земляхъ, не получившіе самоуправленія, назывались коморными (mĕsta komorní), такъ какъ подлежали вѣдѣнію королевской коморы, казначейства, и управлялись присылаемыми изъ центра чиновниками.

Итакъ, нѣмецкая колонизація внесла крупныя измѣненія въ положеніе и организацію городского торгово-промышленнаго класса въ Чехіи. Въ связи съ нѣмецкою колонизаціею и распространеніемъ нѣмецкаго права произошли также существенныя измѣненія и въ положеніи чешскихъ *крестьянъ*.

Крестьяне въ Чехіи до конца XII в. Въ древнѣйшее время большую часть земледѣльческаго населенія Чехіи составляли такъ называемые *дѣдичи* (dedinnici, dedici). Это были мелкіе землевладѣльцы, владѣвшіе своими участками на правѣ полной собственности и лично свободные. Они подчинялись непосредственно князю и его чиновникамъ и платили въ княжескую казну подать, извѣстную подъ именемъ *подати мира* (tributum

pacis). Менѣе численную категорію составляли такъ называемые *отроки* или *невольники*, лишенные личной свободы и права собственности, отправлявшіе въ пользу своихъ господъ разнообразныя службы и повинности отчасти на дворахъ ихъ, но большею частью на выдѣленныхъ имъ земельныхъ участкахъ. Эта категорія сельскаго населенія произошла изъ военноплѣнныхъ, купленныхъ и попавшихъ въ неволю вслѣдствіе неоплатныхъ долговъ и совершенія преступленія. Съ теченіемъ времени оба класса, какъ уже было сказано, сблизились другъ съ другомъ. Многіе дѣдичи сдѣлались по разнымъ причинамъ безземельными и должны были сѣсть на землю пановъ, шляхты и духовенства подъ условіемъ несенія въ пользу ихъ разныхъ повинностей. Многіе дѣдичи въ эпоху анархіи, сопровождавшей княжескія усобицы, поддались съ своими участками сосѣднимъ землевладѣльцамъ для того, чтобы получить отъ нихъ оборону, которой не давало имъ государство. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ церкви и хозяйственныхъ интересовъ смягчилось положеніе отроковъ или невольниковъ. Въ концѣ концовъ въ Чехіи образовался классъ крестьянъ, лично свободныхъ, но не имѣвшихъ права собственности въ землю. Вся земля стала считаться господскою собственностью, за пользованіе которою крестьяне должны были платить своимъ господамъ оброки и нести разнообразныя повинности. Старинные дѣдичи—собственники своей земли уцѣлѣли въ немногихъ мѣстностяхъ Чехіи въ видѣ исключенія. Кромѣ оброковъ и повинностей въ пользу господъ, чешскіе крестьяне обложены были разнообразными податями и повинностями въ пользу государства. Кромѣ подати мира, они должны были доставлять проѣзжавшему князю и его слугамъ кормы, подводы, ходить на облаву во время княжеской охоты, стеречь убитаго звѣря, строить и ремонтировать замки, мосты и т. д. Выполненіе всѣхъ этихъ повинностей поглощало большую часть труда и матеріальныхъ рессурсовъ чешскаго крестьянства.

Нѣмецкая крестьянская иммиграція и новый сельскій строй въ Чехіи. Таково было положеніе чешскихъ крестьянъ къ началу XIII в. Въ XIII в. это положеніе измѣнилось въ связи съ приливомъ нѣмецкаго населенія и распространеніемъ нѣмецкаго сельскаго строя. Нѣмецкіе колонисты вызывались королями, духовенствомъ и панами, какъ опытные въ агрикультурѣ и сильные экономически земледѣльцы, для заселенія пустопорожнихъ лѣсныхъ и болотистыхъ земель и для поднятія доходности имѣній вообще. Нѣмецкія деревни возникали или на цѣлинѣ, въ лѣсныхъ пограничныхъ пространствахъ, или внутри страны, путемъ преобразованія существоввшихъ уже чешскихъ деревень съ пашнями. Возникавшія заново деревни представляли ряды дворовъ, вытянувшихся вдоль ручья или дороги въ одну улицу, при чемъ отъ каждаго двора до конца поля тянулся его участокъ, или гуфа. При такомъ распредѣленіи не было ни черезполосицы, ни принудительнаго сѣвооборота, а слѣдовательно и хозяйственной стѣсненности. Нѣкоторые дворы возникали и въ одиночку, пред-

ставляя замкнутое и обособленное хозяйство, хуторъ, или *гагенъ* (indago), который впослѣдствіи выдѣлялъ отъ себя новые дворы, располагавшіеся отъ прежняго по радіусамъ. Нѣмецкіе колонисты вводились иногда и въ чешскія малодоходныя деревни, при чемъ чешскіе крестьяне или удалялись, или сбивались въ одну часть, такъ что рядомъ съ чешскою деревнею возникала новая нѣмецкая. При этомъ старая славянская пашня, обычно дѣлившаяся на неправильные черезполосные куски, преображалась: она дѣлилась по качеству земли на нѣсколько большихъ четвероугольныхъ полосъ, и въ каждой изъ нихъ каждая гуфа получала посредствомъ жеребьевки свою часть. Нѣмецкія деревни устраивали обыкновенно особые предприниматели-осадчики (locatores), которые разбивали землю на гуфы, набирали крестьянъ и въ награду за свои труды и издержки получали должность судьи, *войта* (foit) или *шульца* деревни, какъ наслѣдственный ленъ, съ нѣсколькими свободными отъ платежей и повинностей гуфами и разными доходными статьями.

Нѣмецкіе колонисты получали участки на правѣ эмфитевтическомъ, т.-е. на правѣ вѣчной аренды, подъ условіемъ платежа оброка-чинша землевладѣльцу. Чиншъ вносился деньгами, или натурою — рожью, овсомъ, ячменемъ, а изрѣдка и пшеницею. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ нѣмцы присаживались къ чехамъ и гдѣ велось господское хозяйство, колонисты обязывались и полевыми работами въ пользу землевладѣльца (2—3 дня пахоты въ годъ и нѣсколько дней жнитвы). Отъ публичныхъ (земскихъ) повинностей, которыя несли чешскіе крестьяне, нѣмецкіе колонисты обыкновенно освобождались, за исключеніемъ обязанности защиты страны, замѣняемой, впрочемъ, деньгами (берно) и церковной десятины большой (отъ полевыхъ продуктовъ) и малой (отъ домашняго скота). Вмѣстѣ съ тѣмъ колонистамъ жаловалось самоуправленіе, аналогичное городскому. Во главѣ ихъ становился *солтысъ* (šoltys) или *войтъ* (foit) и нѣсколько избираемыхъ ими *кметей* (kmety), которые и чинили судъ и управу по мелкимъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Высшая уголовная и гражданская юстиція надъ королевскими нѣмецкими деревнями принадлежала земскимъ судамъ, засѣдавшимъ въ ближайшихъ городахъ; надъ деревнями, осѣвшими на городской территоріи,—городскимъ судамъ; надъ деревнями частновладѣльческими—землевладѣльцамъ.

Такъ появился въ Чехіи рядъ сельскихъ поселковъ на правѣ нѣмецкомъ въ противоположность старымъ селеніямъ на правѣ чешскомъ. Опытъ немногихъ лѣтъ показалъ, что сельскій людъ, устроившійся на жительство въ новыхъ селеніяхъ, зажилъ богаче и сталъ давать больше доходовъ князю и частнымъ владѣльцамъ, чѣмъ крестьяне старинныхъ чешскихъ селеній. Вслѣдствіе этого король и частные владѣльцы стали переводить эти послѣднія на новое положеніе, на нѣмецкое право. И сами чешскіе крестьяне стали добиваться нѣмецкаго права, дававшаго болѣе опредѣленное и самостоятельное положеніе, и за предоставленіе имъ этого права

платили единовременно довольно значительную сумму (такъ называемый Anleit). Въ концѣ концовъ къ началу XIV вѣка въ Чехіи всѣ крестьяне уравнялись въ своемъ положеніи—образовали классъ вѣчныхъ арендаторовъ королевскихъ или частновладѣльческихъ земель, лично свободныхъ и пользовавшихся самоуправленіемъ.

Пшемыслъ-Оттокаръ II и стремленіе къ расширенію владѣній и политическаго вліянія въ Германіи. Итакъ, въ XIII вѣкѣ Чехія глубоко проникласъ началами нѣмецкой культуры и гражданственности. Это внутреннее сближеніе Чехіи съ Германіею до извѣстной степени обусловило и то стремленіе къ расширенію государства на счетъ германскихъ земель и къ политической роли въ Германіи, которое проявили чешскіе короли съ половины XIII вѣка.

Въ 1246 году прекратился родъ Бабенберговъ, которымъ принадлежали герцогства Австрія и Штирія. Сынъ Вацлава I, маркграфъ Моравскій Пшемыслъ вознамѣрился овладѣть этими землями на томъ основаніи, что племянница послѣдняго Бабенберга была женою покойнаго дяди его Владислава Моравскаго. Но пока былъ живъ императоръ Фридрихъ II, планы эти оставались безъ исполненія. Въ 1250 году Фридрихъ II умеръ, и начались безпорядки и смуты въ Германіи. Пшемыслъ воспользовался этимъ и вступилъ съ войскомъ въ *Австрію*. Австрійскіе чины признали его герцогомъ и принесли ему присягу въ вѣрности. Для закрѣпленія пріобрѣтенія двадцатитрехлѣтній Пшемыслъ женился на сорокашестилѣтней Маргаритѣ, сестрѣ послѣдняго герцога, и принялъ имя Оттокара. Гораздо труднѣе досталось ему пріобрѣтеніе *Штиріи*, которая съ 1192 года была въ соединеніи съ Австріею. Изъ-за Штиріи ему пришлось выдержать сильную борьбу съ Венгерскимъ королемъ Белою IV, которому помогали герцогъ Баварскій, князь Даніилъ Галицкій и польскіе князья Болеславъ Краковскій и Владиславъ Опольскій. По миру, заключенному въ 1254 году въ Пресбургѣ, Пшемыслъ, тогда уже король Чехіи (Вацлавъ умеръ въ 1253 году), пріобрѣлъ только сѣверную часть Штиріи. Остальную часть Штиріи онъ пріобрѣлъ только въ 1261 году, послѣ новой борьбы съ Белою. Бела въ союзѣ съ своими сосѣдями—сербами, болгарами, валахами, Даніиломъ Галицкимъ, Болеславомъ Краковскимъ и даже татарами выставилъ 140 т. войска. У Пшемысла и его союзниковъ—маркграфовъ Бранденбургскаго и Мейссенскаго, герцога Хорутанскаго и князей силезскихъ было до 100 т. Въ рѣшительной битвѣ у Крессенбрунна на низовьѣ Моравы венгры потерпѣли полное пораженіе. Бела отказался отъ Штиріи, и въ 1262 году Пшемыслъ II получилъ ее въ ленъ отъ императора Ричарда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ричардъ назначилъ его викаріемъ имперскихъ владѣній къ востоку отъ Рейна. Пшемыслъ использовалъ это назначеніе для того, чтобы захватить въ 1265 г. *Хебскую* область (по р. Огрѣ), принадлежавшую Конрадину Гогенштауфену. Завоевательные замыслы его простирались и дальше. Онъ не прочь былъ завоевать для себя страну пруссовъ

и литовцевъ, куда онъ ходилъ на помощь Тевтонскому ордену, чтобы заслужить расположеніе папы; не прочь былъ овладѣть и обезсиленною удѣльнымъ дробленіемъ Польшею и уже составлялъ планы относительно созданія изъ Моравіи и Польши новаго архіепископства Ольмуцкаго; мечты его направлялись и къ престолу священной римской имперіи. Реально, однако, удалось ему расширить свои владѣнія въ другую сторону, къ югу отъ Дуная. Его двоюродный братъ, герцогъ Хорутанскій Ульрихъ, владѣвшій также частью *Крайны*, *Истріи* и *Фріульской* провинціи, будучи послѣднимъ въ родѣ (братъ его Филиппъ былъ патріархомъ Аквилейскимъ), въ 1268 году прибылъ въ Чехію и назначилъ Пшемысла своимъ наслѣдникомъ въ *Хорутаніи* и соединенныхъ съ нею земляхъ. Земли эти были имперскими ленами и должны были по смерти Ульриха отойти къ имперіи. Но имперія была безсильна, и поэтому Ульрихъ и счелъ возможнымъ распорядиться ими самовластно. По смерти его въ 1269 году Пшемыслъ вступилъ во владѣніе всѣми этими землями.

Такъ создалась обширная держава, простиравшаяся отъ Богемскихъ горъ до Адріатическаго моря. Но эта держава оказалась эфемернымъ сооруженіемъ, ибо была создана не на народныхъ основахъ, а на чисто династическихъ, при благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и въ дальнѣйшемъ зависѣла главнымъ образомъ отъ этихъ обстоятельствъ.

Реформы Пшемысла-Оттокара II въ области судоустройства. Движимый инстинктомъ государственнаго домостроительства, Оттокаръ-Пшемыслъ II развилъ энергичную дѣятельность и по внутреннему устроенію своихъ владѣній. Чтобы наполнить свою казну, онъ всячески поддерживалъ городскую и сельскую нѣмецкую колонизацію, занялся «редукціею» коронныхъ имѣній, попавшихъ въ руки пановъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преобразовалъ нѣсколько какъ мѣстное, такъ и центральное управленіе Чехіи. Вслѣдствіе раздачи иммунитетовъ церковнымъ учрежденіямъ, шляхтѣ, городамъ и сельскимъ поселеніямъ на нѣмецкомъ правѣ упала власть государевыхъ намѣстниковъ въ областяхъ—краевыхъ каштеляновъ, или бургграфовъ, которые превратились почти исключительно въ комендантовъ королевскихъ замковъ. Чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, Оттокаръ II учредилъ для каждаго края по два *поправца* (justiciarii, convictores), которымъ поручилъ охрану общественной безопасности и судъ по уголовнымъ дѣламъ. Судъ по гражданскимъ дѣламъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, пановъ и шляхты, остался въ рукахъ крайскаго судьи. Но по аналогіи съ мѣщанскими и крестьянскими судами и *крайскіе цуды* (суды) получили своихъ присяжныхъ (conšele) изъ пановъ и простой шляхты. Преобразованъ былъ Оттокаромъ II и высшій центральный судъ въ Чешскомъ государствѣ. Раньше судъ этотъ отправлялся непосредственно королемъ на собраніяхъ высшихъ сановниковъ государства, каштеляновъ, дворянъ, аббатовъ, пробстовъ, а иногда и массы шляхты (въ походѣ). На этихъ собраніяхъ (curia, conventus, colloquium generale) обсуждались и рѣшались

всѣ вообще государственныя дѣла—наслѣдованіе престола, выборъ епископовъ, военные походы, новые законы и т. д. Сюда же являлись съ своими causae majores, уголовными и гражданскими исками, землевладѣльцы—паны, шляхта, духовенство. Занятый множествомъ дѣлъ по новымъ своимъ владѣніямъ, Пшемыслъ II передалъ высшій судъ пражскому областному суду въ составѣ пражскаго бургграфа, который сталъ называться теперь *наивысшимъ бургграфомъ*, пражскаго *коморника*, пражскаго *судьи*, получившаго названіе наивысшаго судьи королевства Чешскаго, и *писаря*. Самый судъ этотъ получилъ названіе *земскаго суда* (judicium terrae), и ему, какъ высшей инстанціи, подчинены были крайскіе суды. Свои рѣшенія онъ долженъ былъ вносить въ *земскія доски* (desky zemské, Landtafel) куда вносились и всякіе другіе публичные акты—королевскія привилегіи, постановленія государственныхъ совѣщаній и т. д. Съ организаціею земскаго суда обозначилось рѣзче, чѣмъ было это раньше, значеніе собраній высшихъ сановниковъ, духовенства и шляхты, какъ прототипа позднѣйшаго чешскаго *снема*, т.-е. сейма.

Паденіе державы Пшемысла-Оттокара II. Оттокару-Пшемыслу II не удалось удержать свое государство на той высотѣ, на которую онъ было возвелъ его. Въ 1272 году умеръ императоръ Ричардъ, благоволившій къ чешскому королю. Германскіе князья, съ завистью взиравшіе на расширеніе владѣній Пшемысла II, не только устранили его кандидатуру на императорской престолъ, но задумали воспользоваться перемѣною на императорскомъ престолѣ для того, чтобы отобрать у Чешскаго короля его пріобрѣтенія. Они предложили императорскую корону Рудольфу Габсбургскому съ условіемъ, чтобы онъ вернулъ имперіи ея лены. Когда же Чешскій король по званію чашника имперіи захотѣлъ черезъ своихъ пословъ участвовать въ выборахъ, князья не допустили этого участія подъ тѣмъ предлогомъ, что Чешскій король—не нѣмецкій князь. Естественно послѣ этого, что Оттокаръ не призналъ новаго императора. Тогда князья имперіи на сеймѣ, созванномъ въ ноябрѣ 1274 года, предложили Рудольфу принять мѣры къ возвращенію всѣхъ тѣхъ владѣній, которыя отошли отъ нея послѣ отлученія императора Фридриха II отъ церкви (въ 1245 году). Это постановленіе прямо направлено было противъ Чешскаго короля, который пріобрѣлъ владѣніе Бабенберговъ и Шпонгеймовъ именно послѣ 1245 года. Ему было объявлено, чтобы онъ явился къ 20 января 1275 года на судъ къ пфальцграфу Рейнскому, для доказательства своихъ правъ на владѣнія Бабенберговъ и Шпонгеймовъ. На томъ же сеймѣ было постановлено, что каждый вассалъ, который аккуратно, въ годовой срокъ, не возобновитъ подтвержденія своихъ ленныхъ правъ у императора, лишается всѣхъ своихъ леновъ. Разумѣется Пшемыслъ II не явился ни на судъ, ни за подтвержденіемъ своихъ правъ къ императору, котораго онъ не призналъ. Поэтому второй имперскій сеймъ въ Аугсбургѣ объявилъ его лишеннымъ всѣхъ владѣній, даже Чехіи и Моравіи; избирательный голосъ

былъ также отъ него отнятъ и переданъ герцогу Баварскому. Послѣ того дѣло перешло на рѣшеніе оружія. Рудольфъ черезъ Баварію вторгнулся въ Австрію и осадилъ Вѣну. Всѣ прежніе союзники покинули Пшемысла въ рѣшительную минуту. Венгры вооружились на помощь императору. Къ довершенію бѣдъ въ самой Чехіи поднялось противъ Пшемысла дворянство, во главѣ котораго сталъ могущественный родъ Витковичей. Чешскіе паны, рыцари были недовольны королемъ за его взыскательность и строгость, за предпочтеніе, которое онъ оказывалъ горожанамъ. Пшемыслъ увидалъ себя въ необходимости просить мира. Ему поставили условіе, чтобы онъ отказался отъ всѣхъ своихъ пріобрѣтеній и принялъ Чехію и Моравію на ленныхъ правахъ отъ императора. Какъ ни тяжело было это условіе, но Пшемыслъ принялъ его. 25 ноября произошло личное свиданіе Пшемысла съ Рудольфомъ, и совершилась передача Чешскому королю Чехіи и Моравіи въ ленное владѣніе. Частности тѣхъ отношеній, въ какія становился Чешскій король къ императору, условлено было опредѣлить позже. Но когда эти частности были опредѣлены (въ маѣ 1277 года), чешскій король отказался принять договоръ. Дѣло въ томъ, что въ проектѣ договора государственная самостоятельность Чехіи уничтожалась совсѣмъ: Рудольфъ оставлялъ за собою право охраны надъ подданными Пшемысла и личнаго суда въ ихъ столкновеніяхъ съ королемъ. Когда императоръ не согласился отказаться отъ этого права, Пшемыслъ взялся за оружіе. Въ битвѣ 26 августа 1278 года онъ потерпѣлъ полное пораженіе и самъ былъ убитъ. Рудольфъ занялъ Австрію, Штирію, Каринтію, Крайну и даже Моравію, гдѣ нѣмецкое населеніе городовъ принимало его съ распростертыми объятіями.

Попытки соединенія съ Чехіею Польши. Такъ пала держава Пшемысла-Оттокара II. Болѣе прочный слѣдъ оставили по себѣ попытки его преемниковъ соединить съ Чехіею и Польское государство. Эти попытки вызваны были нѣкоторыми шагами, предпринятыми съ польской стороны. Еще въ 1287 году одинъ изъ силезскихъ князей Казимиръ Опольскій явился въ Прагу и принесъ торжественно присягу королю Вацлаву II, принимая отъ него свое княжество на ленномъ правѣ. Поступокъ Казимира вызванъ былъ желаніемъ его найти могущественную внѣшнюю поддержку противъ брата своего Генриха Вроцлавскаго. Въ 1290 году этотъ Генрихъ умеръ, и императоръ Рудольфъ, желавшій въ то время заручиться содѣйствіемъ Чешскаго короля для утвержденія сына своего Альбрехта на Венгерскомъ престолѣ, отдалъ княжество Вроцлавское и вмѣстѣ съ нимъ всю *Силезію* Вацлаву, какъ имперскій ленъ. Всѣ силезскіе князья послѣ того очутились въ положеніи вассаловъ Чешскаго короля. Такъ чешское господство утвердилось въ одномъ изъ удѣловъ, выдѣленныхъ Болеславомъ III Кривоустымъ для своихъ сыновей. Вскорѣ послѣ того въ Польшѣ разыгралась борьба за осиротѣвшій по смерти Лешка Чернаго Краковскій престолъ. На этомъ столѣ желалъ сѣсть братъ Лешка—Владиславъ Локотокъ.

Но населеніе противилось этому. Краковскіе мѣщане пригласили было одного изъ силезскихъ князей—Генриха Благочестиваго. Но вдова Лешка приходилась сестрою чешской королевы, и паны обратились съ предложеніемъ Краковскаго княженія къ королю Вацлаву II. Вацлавъ вступилъ съ своими войсками въ Малую Польшу и занялъ ее. Побѣжденный имъ Локотокъ въ лагерѣ подъ Сѣрадзью 13 окт. 1292 года отрекся въ пользу Вацлава отъ княжествъ Краковскаго и Сандомирскаго. Такъ и *Малая Польша* присоединилась къ Чешской коронѣ. За нею наступила очередь *Великой Польши.* Великополяне по смерти короля Пржемыслава призвали было къ себѣ Владислава Локотка, но не ужились съ нимъ, и въ концѣ концовъ обратились къ тому же королю Вацлаву II съ предложеніемъ польской короны и руки дочери покойнаго Пржемыслава Елизаветы. Въ 1300 году Вацлавъ прибылъ въ Гнѣзно и былъ коронованъ Польскимъ королемъ отъ руки Якова Свинки, архіепископа Гнѣзненскаго. Послѣ коронаціи Вацлавъ занялъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ *Поморье*, прогналъ Владислава Локотка изъ *Куявіи* и сдѣлался такимъ образомъ обладателемъ всей Польши. Масовецкіе князья признали надъ собою его верховную власть. Для удержанія новоприсоединеннаго государства въ покорности Вацлавъ II оставилъ въ Польшѣ шесть *гейтмановъ* (старóстъ) съ военными отрядами, которымъ поручилъ сборъ податей, охраненіе внутренняго мира и внѣшней безопасности, подавленіе мятежей.

Такъ завязалось обширное западнославянское государство изъ земель соединенной Чехіи и Польши. Внутреннее сродство этихъ государствъ, племенная и культурная ихъ близость, казалось бы, пророчили этому государству прочность и долговѣчность. Но судьба рѣшила иначе. Въ 1306 году пресѣкся родъ Пшемысла со смертью сына Вацлава II—Вацлава III. Въ Чехіи наступили частыя смѣны государей и внутренніе раздоры и смуты. Чехіи было до самой себя, и она уже не могла укрѣпить свою позицію въ Польшѣ. Съ избраніемъ Яна Люксембургскаго въ 1310 году внутренія смуты прекратились. Но Янъ Люксембургскій слишкомъ разбросался въ разныя стороны въ своей внѣшней политикѣ. Эта политика руководилась большею частью личными мотивами тщеславнаго короля, «перваго рыцаря» своего времени, а не государственными интересами Чехіи. Этимъ воспользовались Владиславъ Локотокъ и сынъ его Казиміръ Великій. Чехи исподоволь вытѣснены были изъ Польши, несмотря на то, что имѣли здѣсь такихъ сильныхъ союзниковъ, какъ рыцари Прусскаго ордена. 24 августа 1335 года Чешскій король Янъ заключилъ съ королемъ Казиміромъ договоръ, по которому отрекся за себя и своихъ преемниковъ отъ Польской короны, а Казиміръ съ своей стороны отрекся отъ своихъ правъ на Силезію. Превращеніе Чехіи въ западнославянское могущественное государства не осуществилось. Историкъ, симпатизирующій славянамъ, съ чувствомъ скорби долженъ констатировать этотъ фактъ. Западные славяне остались подѣленными на два государства, въ раздѣленіи своихъ силъ въ

дальнѣйшей борьбѣ за существованіе, и это фатально отразилось на ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Важнѣйшая литература.

Кромѣ трудовъ, перечисленныхъ на стр. 92, можно указать еще на слѣдующіе:

К. Гиблъ, Пшемыслъ II (Хрестотатія по исторіи среднихъ вѣковъ, изд. подъ редакціею проф. П. Г. Виноградова, ч. III, первое изданіе).

Hanel, O vlívu prava německeho v Čechach a na Moravě. Praha 1874 г.

Lerben, O zakladaniu mĭst v Čechach v XIII století. Praha 1878.

Juritsch, Die Deutschen und ihre Rechte in Böhmen und Mähren in XIII—XIV Jarhunderte. 1905.

— Handel und Handelsrecht in Böhmen bis zur hussitischen Revolution. 1907.

L. Winter, Kulturní obraz českych mĕst. Zvaz. I—II.

— Dějiny řemesl a obchodu v XIV a XV st. Zvaz. I—II. 1906.

XI.

Превращеніе Чехіи въ конституціонную монархію и ея политическое и культурное возвышеніе при короляхъ Люксембургской династіи.

Съ прекращеніемъ рода Пшемысловичей измѣнилось не только международное положеніе Чешскаго государства, но и его внутренній строй. Въ началѣ XIV в. Чехія превратилась въ конституціонную монархію съ организованнымъ до извѣстной степени сословнымъ представительствомъ. Соціальныя данныя для такого превращенія подготовлены были, конечно, гораздо ранѣе, въ XII и XIII в., въ эпоху княжескихъ усобицъ и нѣмецкой колонизаціи, но политическія условія даны были временемъ, непосредственно наступившимъ по смерти Вацлава III.

Избраніе королей по смерти Вацлава III: договоры съ ними и мятежи. Это время было ознаменовано интенсивною политическою самодѣятельностью сословій, которая вращалась главнымъ образомъ вокругъ избранія новыхъ королей. Непосредственно послѣ смерти Вацлава III, въ 1306 году замѣщеніе чешскаго престола взяли въ свои руки паны и рыцарство, которымъ согласно грамотѣ императора Фридриха II отъ 1212 г. принадле-

жало право избирать короля съ прекращеніемъ династіи. Паны и рыцарство остановили было свой выборъ на герцогѣ Хорутанскомъ Генрихѣ, который былъ женатъ на сестрѣ Вацлава III—Аннѣ, и котораго Вацлавъ передъ отправленіемъ въ польскій походъ назначилъ правителемъ государства. Но императоръ Альбрехтъ, основываясь на томъ, что Чехія—ленъ имперіи, пожелалъ самъ распорядиться этимъ леномъ и вступилъ въ Чехію съ войскомъ. Тогда чешскій сеймъ пошелъ на компромиссъ и согласно желанію императора призналъ чешскимъ королемъ сына его *Рудольфа*. При этомъ Рудольфъ обязался взять жену изъ прежняго королевскаго дома (Рудольфъ женился на вдовѣ Вацлава II Елизаветѣ) и соблюдать всѣ права и вольности сословій, которыя въ свою очередь признали наслѣдственное право Габсбурговъ на чешскую корону. Такъ впервые опредѣлены были писаннымъ договоромъ взаимныя отношенія между чешскимъ королемъ и его подданными.

Король Рудольфъ недолго правилъ въ Чехіи. Онъ возбудилъ противъ себя чешскихъ пановъ тѣмъ, что руководился во всемъ совѣтами привезенныхъ съ собою совѣтниковъ, а своихъ придворныхъ и мѣщанъ пражскихъ—скупостью. Онъ рѣшилъ выплатить казенные долги и для этого сократилъ до minimum'а расходы двора, а слѣдовательно заказы и закупки у мѣщанъ. Въ насмѣшку ему дали прозвище «король каши». Когда онъ по наущенію своей жены приказалъ удалить изъ Праги Елишку, падчерицу жены, недовольные имъ паны подняли открытый мятежъ противъ короля. Король выступилъ въ походъ для подавленія мятежа, но при этомъ занемогъ и умеръ (1307 г.).

По договору, заключенному при избраніи Рудольфа, чешскій престолъ долженъ былъ наслѣдовать второй сынъ Альбрехта Фридрихъ Красивый. За него стояли нѣкоторые паны и вліятельные мѣщане города Праги изъ нѣмцевъ. Но большая часть пановъ съ епископомъ Пражскимъ Яномъ изъ Дражицъ во главѣ и слышать не хотѣла объ австрійцѣ и желала имѣть королемъ *Генриха Хорутанскаго*. Въ Прагѣ въ домѣ епископа состоялась бурная сходка, на которой дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній между враждующими партіями. Глава австрійской партіи панъ Тобіашъ изъ Бехини сталъ предлагать въ короли Фридриха Красиваго. Ему отвѣчали, что народъ не желаетъ видѣть на престолѣ чужеземца. Тобіашъ саркастически замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ лучше всего отправить пословъ въ село Стадицы и избрать въ короли перваго крестьянина, какъ это было во времена Любуши. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ сторонниковъ Генриха выхватилъ мечъ и положилъ оратора на мѣстѣ. Это было сигналомъ къ кровавымъ столкновеніямъ между австрійскою и хорутанскою партіею въ городѣ Прагѣ, пока не прибылъ въ столицу Генрихъ Хорутанскій и не занялъ престола. Онъ такъ же, какъ и его предшественникъ, выдалъ чешскимъ чинамъ грамоту на права и вольности. Но, къ сожалѣнію, эта грамота не сохранилась, и неизвѣстно ея содержаніе. Императоръ Аль-

брехтъ готовился выбивать Генриха изъ Праги, но разразившееся въ Швейцаріи возстаніе и внезапная смерть его отъ руки племянника (1308) помѣшали исполненію его замысловъ. Фридрихъ Красивый поспѣшилъ войти въ соглашеніе съ Генрихомъ Хорутанскимъ и за 45 т. гривенъ серебра отказался въ пользу его отъ чешской короны.

Но смуты и вражда, порожденныя выборомъ короля, не улеглись и послѣ того, какъ Генрихъ сѣлъ на престолъ Чехіи. На этотъ разъ борьба партій приняла соціальный характеръ. Паны, возведшіе на престолъ Генриха Хорутанскаго, начали домогаться отъ него вознагражденія за свои старанія и хлопоты, а когда таковаго не получили, захватили значительную часть королевскихъ замковъ и имѣній. Король равнодушно отнесся къ этому. Онъ больше всего заботился объ ѣдѣ и питьѣ и для удовлетворенія своимъ изысканнымъ вкусамъ по этой части, занималъ деньги у своихъ придворныхъ направо и налѣво. Кредиторы опутали совершенно расточительнаго короля. Дѣло дошло до того, что панъ Генрихъ изъ Липы сталъ получать доходъ съ кутногорскихъ серебряныхъ рудниковъ. Это возбудило зависть въ богатыхъ пражскихъ и кутногорскихъ мѣщанахъ. Мѣщане составили заговоръ и захватили въ плѣнъ всѣхъ пановъ, пребывавшихъ въ Кутной Горѣ. То же произошло и въ Прагѣ. Король несмотря на всю свою популярность у мѣщанъ, не могъ ничего сдѣлать для освобожденія пановъ. Кутногорскіе мѣщане хотѣли было побить всѣхъ пойманныхъ пановъ, но болѣе умѣренные пражскіе мѣщане предпочли войти съ панами въ полюбовное соглашеніе. Переговоры привели къ тому, что паны согласились признать за патриціанскими мѣщанскими фамиліями тѣ же права, что и за шляхтою, послѣ чего были выпущены на свободу.

Завязавшаяся сословная борьба привела въ Чехіи въ концѣ концовъ къ новой перемѣнѣ на чешскомъ престолѣ. Паны были недовольны тѣмъ, что король ничего не сдѣлалъ для нихъ во время борьбы съ мѣщанами и даже какъ будто бы держалъ сторону мѣщанъ. Поэтому они воспользовались первыми благопріятными обстоятельствами для того, чтобы прибрать короля къ своимъ рукамъ и забрать управленіе въ свои руки. Такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ явилась вражда, разгорѣвшаяся среди мѣщанства. Мѣщане дѣйствовали въ согласіи лишь до тѣхъ поръ, пока боролись съ панами. Но лишь борьба эта прекратилась, среди нихъ снова начались раздоры и несогласія. Значительная часть богатыхъ и вліятельныхъ нѣмецкихъ мѣщанъ хотѣла видѣть на чешскомъ престолѣ Фридриха Габсбурга. Паны вступили въ сношеніе съ этою австрійскою партіею. Генрихъ изъ Липы и Янъ изъ Стражи явились съ сильнымъ вооруженнымъ отрядомъ подъ Прагу и впущенные сторонниками Фридриха заняли городъ. Большинство мѣщанъ, стоявшихъ за Генриха, должно было искать спасенія въ бѣгствѣ. Подобныя же событія произошли и въ Кутной Горѣ, гдѣ мѣщане австрійской партіи запрятали своихъ противниковъ въ тюрьмы. Панъ Янъ изъ Стражи вытѣснилъ короля Генриха изъ Пражскаго замка

въ старый городъ и вмѣстѣ съ другими высшими сановниками захватилъ высшую власть въ странѣ, а на короля не обращалъ уже никакого вниманія. Изъ послѣдняго положенія Генрихъ выведенъ былъ друзьями своими, Баварскимъ герцогомъ Оттономъ и графомъ Вюртембергскимъ Эбергардомъ, которые по его приглашенію прибыли въ Прагу и устроили соглашеніе между королемъ и панами. Королю возвращенъ былъ замокъ Пражскій и власть, но съ условіемъ не занимать замокъ иноземными войсками. Король не сдержалъ этого условія и ввелъ въ Пражскій замокъ отрядъ, присланный ему Фридрихомъ Мейссенскимъ. Мейссенцы, запертые панами въ замкѣ, стали предпринимать отсюда постоянныя вылазки въ Прагу и ея окрестности, грабить и убивать всѣхъ, кто попадался имъ подъ руку. Положеніе вещей еще болѣе ухудшилось отъ того, что паны отняли у короля всѣ доходы, и ему поневолѣ пришлось жить тѣмъ, что успѣвали награбить мейссенцы. Изъ правителя страны Генрихъ превратился въ какого-то вождя разбойничьей шайки, утвердившейся въ столичномъ замкѣ.

Избраніе Яна Люксембургскаго; его грамота на права и вольности чешскимъ сословіямъ. Это возбудило противъ короля всеобщее неудовольствіе не только пановъ, но и простого народа, который сталъ грабить мѣщанъ партіи Генриха. Образовался заговоръ съ цѣлью низвергнуть Генриха и возвести на престолъ императорскаго сына *Яна Люксембургскаго*, женивъ его на дочери Вацлава II Елишкѣ. Елишку выкрали изъ Праги и затѣмъ паны и мѣщане пражскіе изъ партіи, враждебной королю, собравшись на сеймъ въ Прагѣ, приговорили отправить пословъ къ императору Генриху VII съ предложеніемъ женить сына на Елишкѣ и отпустить его на королевство въ Чехію. Императоръ принялъ чешскія предложенія, и въ Шпейерѣ отпразднована была свадьба Яна съ Елишкою, послѣ чего императоръ вручилъ сыну хоругвь королевства Чешскаго. Янъ на челѣ своихъ сторонниковъ прибылъ въ Прагу, гдѣ немедленно же поднялся мятежъ противъ короля Генриха. Партія мѣщанъ, враждебныхъ Генриху, впустила въ городъ войско Яна. Генрихъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры и получилъ свободный выходъ со своими дворянами (въ декабрѣ 1310 г.).

На чешскомъ престолѣ сѣлъ новый король, третій по счету со смерти послѣдняго Пшемысловича. Этотъ король, возведенный на престолъ главнымъ образомъ совокупными усиліями пановъ и высшаго духовенства, принимая отъ нихъ присягу въ вѣрности, долженъ былъ въ свою очередь выдать имъ грамоту, гарантирующую ихъ права и вольности. Въ этой грамотѣ король обязывался соблюдать чешское духовенство, пановъ и земянъ и весь народъ чешскій при всѣхъ имѣніяхъ, правахъ и вольностяхъ вѣчно и непорушно и никому впредь не давать никакихъ привилегій и льготъ въ ущербъ этимъ правамъ и вольностямъ. Въ частности король обязался не выводить шляхту и земянъ на войну за предѣлы государства,

развѣ только если бы они добровольно или за деньги согласились на это; лишь только въ томъ случаѣ, когда враги нападутъ на Богемію или Моравію, чехи и мораване обязаны будутъ сообща или наравнѣ выступать на защиту этихъ земель. Король обязался затѣмъ не налагать на нихъ даней (berna), за исключеніемъ случаевъ коронаціи и выдачи королевенъ замужъ: въ такихъ случаяхъ должна взиматься дань въ размѣрѣ вердунка, или 16 грошей пражскихъ (= 1/4 гривны) съ каждаго лана или плуга, съ каждой большой водяной мельницы; въ размѣрѣ лота, или 4 пражскихъ грошей,—съ каждой небольшой мельницы, съ каждаго ремесленника, при чемъ обложенію подлежатъ только земли и угодья, съ которыхъ владѣльцу идетъ оброкъ, и не подлежатъ земли и угодья его собственныя, эксплуатируемыя для потребностей его двора. Сословія выговорили себѣ отъ новаго короля и нѣкоторыя имущественныя гарантія. Грамота 1310 г. устанавливала, что при неимѣніи наслѣдниковъ мужскаго пола имѣнье умершаго идетъ къ его дочерямъ, а при неимѣніи таковыхъ къ родственникамъ мужскаго и женскаго пола до четвертаго колѣна включительно, и уже только при отсутствіи ихъ спадаетъ на короля. Послѣднее спеціальное обязательство короля касалось замѣщенія должностей и раздачи имѣній. Король обѣщался за себя и своихъ преемниковъ не назначать на должности гейтмановъ, каштеляновъ или бургграфовъ, не раздавать бенефиціевъ и придворныхъ званій, имѣній и замковъ во временное или вѣчное владѣніе чужестранцамъ, а только природнымъ чехамъ и мораванамъ, не допускать чужестранцевъ до пріобрѣтенія имѣній въ Чехіи или Моравіи покупкою или какимъ-нибудь другимъ путемъ; если какое-нибудь имѣнье перейдетъ въ руки иностранца, любой земянинъ въ теченіе года можетъ выкупить его, а если никто не выкупитъ, оно переходитъ къ родственникамъ прежняго владѣльца.

Начало конституціонализма въ Чехіи; созывы сейма и его составъ. Грамота 1310 г. имѣетъ огромное значеніе въ исторіи государственнаго развитія Чехіи. И прежде выдачи этой грамоты королевская власть въ Чехіи фактически была ограничена. Въ 1310 г. это ограниченіе впервые было установлено и точно опредѣлено писаннымъ закономъ, изъ фактическаго превратилось въ юридическое. Чешское государство сдѣлалось конституціонною монархіею въ собственномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ получить значеніе правомѣрно дѣйствующаго правительственнаго органа и чешскій сеймъ, который до сихъ поръ имѣлъ характеръ экстреннаго собранія. Съ 1310 г. сеймы стали созываться всякій разъ, когда королю надобны были деньги на государственныя нужды, чаще всего на наемъ солдатъ. Чешскій сеймъ составился изъ тѣхъ элементовъ, которые и прежде входили въ его составъ, т. е. изъ прелатовъ, пановъ, владыкъ и мѣщанъ важнѣйшихъ королевскихъ мѣстъ (cives munitarum civitatum). Впрочемъ до самыхъ гусситскихъ войнъ мѣщане не имѣли постояннаго мѣста на земскомъ сеймѣ и участвовали на немъ только по временамъ.

Обыкновенно король созывалъ представителей отъ важнѣйшихъ мѣстъ особо и домогался, что бы они ассигновали ему субсидію по примѣру пановъ и владыкъ. Такъ же поступалъ онъ по временамъ и относительно духовенства, такъ что до временъ гуситскихъ постоянными участниками чешскихъ сеймовъ были только паны и владыки. Всѣ постановленія земскихъ и генеральныхъ сеймовъ стали заноситься въ публичныя книги, хранившіяся въ Пражскомъ замкѣ и называвшіяся земскими досками.

Внѣшняя дѣятельность Яна Люксембургскаго и внутреннее разстройство Чехіи. Янъ Люксембургскій, ставъ Чешскимъ королемъ, всецѣло отдался внѣшней политикѣ и мало удѣлялъ вниманія внутреннему управленію своего государства. Это былъ король-вояка, искатель приключеній, насквозь проникнутый идеалами средневѣкового рыцарства, непосѣдъ, вѣчно стремившійся на поле битвы или на турниръ. Про него сложилась даже поговорка, что безъ Яна Чешскаго ничего не можетъ совершиться въ Европѣ. Сначала онъ впутался въ борьбу за императорскій престолъ и поддерживалъ Людовика Баварскаго противъ Фридриха Габсбурга и папы Іоанна XXIII, а затѣмъ, поссорившись съ Людовикомъ, покинулъ его, вступилъ въ союзъ съ папою и сталъ занимать Ломбардію, объявивъ себя викаріемъ имперіи. Одновременно съ тѣмъ въ союзѣ съ Тевтонскимъ орденомъ онъ велъ войну съ польскимъ королемъ Владиславомъ Локоткомъ и Литвою и воспользовался этимъ, чтобы подчинить чешской коронѣ силезскія княжества. Преемникъ Локотка Казиміръ по Вышеградскому договору 1335 года призналъ суверенитетъ Чешскаго короля надъ силезскими княжествами (кромѣ Свидницкаго и Яворскаго). Еще раньше, въ 1319 году, Янъ завладѣлъ Верхними Лужицами (съ городами Будишиномъ и Згорѣлицами) по смерти владѣвшаго ими курфюрста Бранденбургскаго Вольдемара. Такъ какъ Людовикъ Баварскій организовалъ противъ него грозную коалицію изъ Австріи, Польши и Венгріи, то Янъ разорвалъ свой союзъ съ папствомъ и снова перешелъ на сторону Людовика, который уже отъ себя назначилъ его «викаріемъ имперіи» въ Италіи. Въ Италіи, однако, Яну не удалось утвердиться: ломбардскіе города, недовольные поборами «викарія имперіи», возстали противъ него, и Янъ долженъ былъ вывести изъ Ломбардіи своего сына Карла, который правилъ тамъ вмѣсто отца. Разсорившись вторично съ императоромъ Людовикомъ Баварскимъ, который развелъ сына его Яна-Генриха съ женою Маргаритою, наслѣдницею Тироля, и женилъ на ней своего сына Людовика, Янъ опять сблизился съ папою и при содѣйствіи его добился избранія своего сына Карла въ римскіе короли (11 іюля 1346 г.). Вскорѣ послѣ того онъ принялъ участіе въ «Столѣтней войнѣ» и погибъ въ битви при Кресси (въ 1347 году).

Тѣмъ временемъ Чехія пришла въ сильное внутреннее разстройство. Хозяйство страны было истощено необычайными поборами. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ для своихъ военныхъ предпріятій, король не ограничивался «бéрномъ», которое опредѣляли ему сеймы, но прибѣгалъ къ

произвольнымъ поборамъ съ горожанъ, духовенства, евреевъ, къ порчѣ монеты, отдавалъ на откупъ панамъ доходы со своихъ имѣній, закладывалъ эти имѣнья своимъ вельможамъ съ правомъ производить въ нихъ судъ и т. д. Паны захватили благодаря этому всю власть въ странѣ въ свои руки. «Бароны страны,—пишетъ Карлъ IV въ своей автобіографіи,—сдѣлались по большей части необузданными тиранами, которые, не страшась короля, дѣлились его властью и имѣньями».

Изъ этого плачевнаго состоянія вывелъ Чехію сынъ Яна *Карлъ I* (какъ императоръ, Карлъ IV), царствовавшій съ 1347 и по 1378 годъ. Онъ утвердилъ въ ней внутренній миръ и порядокъ, укрѣпилъ ея матеріальныя и духовныя силы и обезпечилъ ея международное положеніе. Чехія достигла при немъ такой высоты, какой она не достигала ни прежде, ни послѣ. Эпоха Карла была ***золотымъ вѣкомъ*** въ чешской исторіи, о которомъ и до сихъ поръ чехи вспоминаютъ съ чувствомъ великаго удовлетворенія и національной гордости.

Карлъ IV, его воспитаніе и дѣятельность въ качествѣ намѣстника Чешскаго короля. Семнадцатилѣтнимъ юношею Карлъ вступилъ въ управленіе Чешскимъ государствомъ въ качествѣ намѣстника своего отца (въ 1333 г.). Но этотъ юноша могъ уже по справедливости получить аттестатъ политической зрѣлости. Семилѣтнимъ мальчикомъ онъ отправленъ былъ на воспитаніе въ Парижъ къ теткѣ своей, бывшей замужемъ за французскимъ королемъ Карломъ IV. Тетка и ея мужъ приложили усиленныя заботы къ тому, чтобы дать своему племяннику хорошее воспитаніе. Въ Парижѣ Карлъ научился латинскому и французскому языкамъ, прошелъ обычный курсъ тогдашней школы и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, слушалъ нѣкоторыя науки въ Парижскомъ университетѣ. По его же собственнымъ признаніямъ, въ немъ рано пробудилась политическая мысль, и онъ сталъ подмѣчать различія въ правленіи Карла IV и Филиппа VI, его преемника. Пробужденію политическихъ интересовъ въ юномъ принцѣ много способствовалъ аббатъ Петръ Роже, краснорѣчивый поборникъ идеи о всемогуществѣ папы и церкви. Карлъ внимательно прислушивался къ его рѣчамъ и любилъ бесѣдовать съ нимъ по политическимъ вопросамъ. Когда Карлу исполнилось 15 лѣтъ, отецъ вызвалъ его въ Италію и вручилъ ему управленіе Люксембургомъ, а самъ уѣхалъ на два года по другимъ своимъ дѣламъ. Двухлѣтнее пребываніе въ Италіи докончило политическое воспитаніе Карла. Здѣсь ему пришлось пройти черезъ горнило всяческихъ интригъ, тайной и явной борьбы, пришлось познакомиться съ людскимъ коварствомъ и непостоянствомъ. Карлъ вышелъ изъ этого горнила осторожнымъ и искуснымъ дипломатомъ. Въ Италіи Карлъ научился цѣнить духовныя блага античной культуры, къ которымъ и прежде питалъ уже уваженіе, гражданскій порядокъ, регулируемый римскимъ правомъ, городскую автономію и матеріальное благосостояніе населенія. Въ Италіи же Карлъ IV воспиталъ и свой эстетическій вкусъ на тамошнихъ построй-

кахъ и различныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Всѣ свои качества зрѣлаго государственнаго мужа Карлъ обнаружилъ сейчасъ же, какъ только вступилъ въ управленіе Чехіею.

Прежде всего онъ постарался выкупить коронныя имущества, находившіяся въ залогѣ у частныхъ лицъ. Созванный имъ сеймъ въ Прагѣ ассигновалъ ему для этой цѣли субсидію (berno), и Карлъ выкупилъ 10 замковъ въ Чехіи и въ Моравіи. Онъ посадилъ въ нихъ бургграфовъ съ гарнизонами, возстановилъ въ нихъ *жупные суды* и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ необходимыя орудія въ заботахъ объ общественной безопасности. Вслѣдъ затѣмъ онъ приступилъ къ реставраціи королевскаго дворца, который находился въ полной заброшенности и запустѣніи, такъ что Карлъ первое время проживалъ въ мѣщанскомъ домѣ. Отстроивъ дворецъ, Карлъ вызвалъ въ Прагу свою молодую жену, Бланку, которую онъ взялъ изъ французскаго королевскаго дома. Но недолго пришлось ему похозяйничать въ Чехіи. Паны, недовольные тѣмъ, что пришелъ конецъ ихъ своеволію, оговорили сына предъ отцомъ и внушили королю Яну подозрѣніе, что сынъ намѣревается упрочиться въ Чехіи и низвергнуть его съ престола. Янъ отнялъ у Карла намѣстничество въ Чехіи и Моравіи и оставилъ за нимъ только пустой титулъ маркграфа Моравскаго (1353 г.). Черезъ два года Янъ убѣдился въ неосновательности своихъ подозрѣній и вернулъ намѣстничество Карлу. Во время этого второго намѣстничества Карлъ добился освобожденія чешской церкви отъ подчиненія архіепископу Майнцскому. Онъ воспользовался тѣмъ, что архіепископъ майнцскій, стоявшій на сторонѣ императора Людовика Баварскаго, попалъ подъ папское отлученіе, и выпросилъ у папы Климента XII для Чехіи особаго архіепископа, независимаго отъ Майнцскаго. Папа буллами отъ 30 апрѣля и 5 мая 1344 года возвелъ епископа Пражскаго въ санъ архіепископа и подчинилъ ему епископовъ Ольмуцкаго въ Моравіи, Литомышльскаго въ Чехіи, котораго онъ въ то же время установилъ. Но свою дѣятельность по устроенію чешскаго государства Карлъ IV развернулъ во всю ширь только съ того времени, какъ самъ сталъ королемъ, т.-е. съ 1347 года.

Избраніе Карла императоромъ; грамоты 1348 г. Вскорѣ же послѣ восшествія своего на чешскій престолъ, по смерти Людовика Баварскаго, Карлъ былъ признанъ римскимъ королемъ въ Германіи и торжественно былъ коронованъ. Очевидно, что онъ уже успѣлъ сдѣлаться популярною личностью не только въ Чехіи, но и далеко за ея предѣлами. Этимъ новымъ значеніемъ своимъ Карлъ воспользовался къ выгодѣ Чешскаго королевства. На сеймѣ, собранномъ въ Прагѣ въ 1348 году, Карлъ своею императорскою властью подтвердилъ всѣ грамоты, которыя выданы были Чехіи предшествующими императорами, и сверхъ того выдалъ отъ себя двѣ грамоты Чехіи. Въ одной изъ этихъ грамотъ, которая вошла потомъ въ составъ Золотой буллы 1356 года, опредѣлялось отношеніе Чехіи къ Священной Римской имперіи и опредѣлялся порядокъ престолонаслѣдія

въ Чехіи, а въ другой признавались ленами чешской короны Моравія, Силезія и Верхнія Лужицы (Будишинъ и Згорѣлицы). Король Чешскій признавался полнымъ государемъ въ своей странѣ, отъ власти котораго не можетъ быть никакихъ изъятій и аппеляцій. Престолъ чешскій признавался наслѣдственнымъ въ мужскомъ потомствѣ въ порядкѣ первородства, а при недостаткѣ мужского потомства—и въ женскомъ. За сеймомъ признано было право избранія короля только въ случаѣ прекращенія династіи. Король Чешскій получалъ мѣсто въ коллегіи курфюрстовъ, гдѣ ему отводилось первое мѣсто среди свѣтскихъ князей. Видно, что императоръ старался поставить Чехію на первое и привилегированное мѣсто въ составѣ Священной Римской имперіи.

Основаніе Эммаусскаго монастыря, Пражскаго университета и отстройка Праги. Его любовь къ родной Чехіи выразилась въ то же время и иными способами. Еще въ 1346 г., при посѣщеніи папы Климента XII въ Авиньонѣ, Карлъ IV выхлопоталъ у него право устроить монастырь съ богослуженіемъ на древнеславянскомъ языкѣ въ благоговѣйную память первыхъ славянскихъ апостоловъ. Теперь онъ заложилъ этотъ монастырь въ Прагѣ и выписалъ для него монаховъ изъ Хорватіи. Такъ возникъ знаменитый *Эммаусскій славянскій (Na Slovanech) монастырь,* которому суждено было сыграть немаловажную роль въ духовномъ подъемѣ чешскаго общества. Карлу IV обязано было своимъ возникновеніемъ и другое учрежденіе, содѣйствовавшее просвѣщенію чешскаго общества, *Пражскій университетъ*. Задумавъ основать высшую школу въ Прагѣ, Карлъ озаботился прежде всего полученіемъ на то папскаго разрѣшенія. На сеймѣ 1348 г. Карлъ уговорилъ сословія учредить университетъ въ Прагѣ и выдалъ новому учебному заведенію всѣ права и льготы, которыми пользовались знаменитѣйшіе университеты того времени—Парижскій и Болонскій. Вслѣдъ затѣмъ Карлъ озаботился вызовомъ въ университетъ ученыхъ, составившихъ себѣ извѣстность, для чтенія лекцій и назначилъ имъ жалованье, а затѣмъ и поземельныя владѣнія. Пражскій университетъ долженъ былъ служить сынамъ чешскаго королевства, «чтобы имъ не приходилось побираться у чужихъ столовъ». Но питая своихъ, университетъ гостепріимно открылъ свои двери и для чужихъ и въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался однимъ изъ видныхъ центровъ просвѣщенія для всей Европы. Сюда стали стекаться за духовнымъ хлѣбомъ нѣмцы, поляки, венгры и даже русскіе люди изъ великаго княжества Литовскаго. Карлъ серьезно задумалъ сдѣлать Прагу столицею имперіи и потому постарался обстроить ее какъ можно лучше и изящнѣе. Стѣны, которыя окружали Прагу съ обѣихъ сторонъ Влтавы вслѣдствіе прироста населенія стали уже тѣсны для нея. Между тѣмъ приростъ населенія ожидался и въ будущемъ. Карлъ присоединилъ къ Прагѣ всѣ предмѣстья, возникшія уже за стѣнами Стараго Пражскаго мѣста, вмѣстѣ съ Вышеградомъ и заложилъ *Новое мѣсто*, окруживъ его стѣнами отъ Вышеграда до Порѣчья. Всѣмъ лицамъ, кото-

рыя пожелаютъ поселиться въ Новомъ мѣстѣ, Карлъ обѣщалъ свободу отъ всякихъ податей и повинностей на двѣнадцать лѣтъ. Для храненія коронныхъ регалій и архива Карлъ заложилъ въ Прагѣ особый фортъ, который получилъ въ честь его названіе Карлштейна (Karlův týn), и который роскошно былъ украшенъ трудами художниковъ. Красивый мостъ черезъ Влтаву, сохранившійся и понынѣ (Karlův most), обязанъ былъ своимъ возникновеніемъ также Карлу. Перестроенъ былъ каѳедральный пражскій соборъ св. Витта въ его теперешній видъ (въ стилѣ поздней готики, какъ и другія сооруженія Карла). Отдѣльныя городскія общины, изъ которыхъ составилась Прага, т.-е. Старое, Новое, Меньшее мѣсто и Градчины, имѣвшія каждое свое самоуправленіе были подчинены *бургграфу*, пребывающему въ пражскомъ замкѣ. Этотъ замокъ (hrad pražský) былъ также отстроенъ заново Карломъ IV. Множество иноплеменнаго люда набралось въ Прагу при Карлѣ IV. Населеніе ея стало представлять смѣсь племенъ и нарѣчій. Современный хронистъ Францискъ свидѣтельствуетъ, что пестрота нарядовъ стала доходить у многихъ до безумія. Одни стригутся и брѣются, другіе отпускаютъ длинныя бороды; есть такіе, что подобно женщинамъ отпускаютъ длинные волосы и завиваютъ себѣ кудри, становясь похожими на овецъ; смотря на молодежь въ короткомъ и обтянутомъ платьѣ, думаешь, что видишь людей, идущихъ спать; языки и пѣсенки чужихъ народовъ схватываются съ переимчивостью обезьянъ и т. д. По этимъ чисто внѣшнимъ наброскамъ современника-очевидца можно видѣть, что желаніе Карла исполнилось. Прага стала дѣйствительно столицею Священной Римской имперіи, центромъ, въ которомъ сталъ биться пульсъ жизни культурнаго міра этой имперіи.

Дѣятельность Карла по развитію матеріальнаго благосостоянія и правосудія въ Чехіи. Но не только столица, а и вся страна сдѣлалась предметомъ сердечныхъ попеченій Карла. Для пользы ея и украшенія насаждалось садоводство, устраивались пруды для искусственнаго разведенія рыбы, разводились виноградники около Праги и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ; для обороны воздвигались новые замки и исправлялись старые. Своимъ примѣромъ Карлъ заражалъ духовенство, пановъ и горожанъ, которые въ свою очередь совершенствовали свое хозяйство, воздвигали полезныя и роскошныя постройки. Въ Чехіи наступилъ золотой вѣкъ всякаго рода искусствъ—плодъ и признакъ матеріальнаго благосостоянія и возвышеннаго строя мыслей и чувствъ.

Одною изъ важнѣйшихъ заботъ Карла было установленіе законности и правосудія въ странѣ. Мы видѣли, что съ проявленіями беззаконія, самоволія и самоуправства Карлу пришлось считаться еще въ качествѣ регента Чехіи. И тогда же приняты были противъ этого нѣкоторыя мѣры. Панъ *Андрей Мрацкій изъ Дубы* издалъ «Изложеніе чешскаго земскаго права» (Vyklád na právo zemské české). Это—сборникъ законовъ, касающихся семьи и собственности. Тогда же появилась книга *Стараго пана изъ Розенберга*,

въ которой содержалась такса различныхъ судебныхъ пошлинъ и издержекъ, платимыхъ тяжущимися. Когда Карлъ сдѣлался королемъ, то появилось сначала *Ordo judicii terrae*, уставъ уголовнаго судопроизводства. Въ 1355 г. Карлъ собралъ общій сеймъ чешской короны, на которомъ, кромѣ земскихъ чиновъ изъ Чехіи, Моравіи, Силезіи и Лужицъ, присутствовали также братъ его Іоаннъ Генрихъ, маркграфъ Моравскій, и силезскіе князья, какъ главные вассалы Чешскаго короля. Карлъ въ силу своей императорской власти возобновилъ и подтвердилъ прежнюю свою грамоту о соединеніи этихъ земель подъ короною св. Вацлава. Затѣмъ онъ предложилъ чинамъ новый законникъ, такъ называемую *Majestas Carolina*, составленную итальянскимъ юристомъ *Бартломео де Саксоферрато*. Этотъ законникъ содержалъ опредѣленіе правъ короны и сословій и порядка судопроизводства. Карлъ IV хотѣлъ, чтобы коронныя имѣнья разъ навсегда были закрѣплены за короною и ни въ какомъ случаѣ не отходили бы отъ нея, какъ въ минувшее время. Но сословія воспротивились этому, и Карлъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ требованій. Сеймъ принялъ только нѣкоторые законы, относящіеся до судопроизводства. Испытаніе водою и желѣзомъ, какъ обычаи суевѣрные и языческіе, были выведены изъ отправленія чешскаго правосудія. Постановлено было, чтобы грабители и воры, помилованные королемъ, оставались навсегда лишенными чести. Самое важное постановленіе касалось тяжебъ крестьянъ съ своими панами. Въ то время въ практику жизни уже входило воззрѣніе, что паны не обязаны отвѣчать по жалобамъ на нихъ крестьянъ. Majestas Carolina устанавливала, что земскіе суды обязаны давать правосудіе крестьянамъ, жалующимся на пановъ, на общихъ основаніяхъ, обязаны блюсти за тѣмъ, чтобы договоры владѣльца съ крестьянами свято исполнялись. Такимъ образомъ, чешское крестьянство поставлено было подъ охрану государственной власти.

Отношенія къ церкви. Необходимо отмѣтить и еще одну сторону культурной дѣятельности Карла. Человѣкъ религіозный, строившій церкви и монастыри, одарявшій ихъ денежными вкладами и земельными имуществами, скупившій для Праги святыни со всей Европы, писавшій житіе святыхъ (св. Вацлава) и религіозно-нравственные трактаты, Карлъ въ то же время сочувствовалъ и церковной реформѣ, поддерживалъ дѣятельность своего архіепископа Арношта и пражскихъ проповѣдниковъ Конрада Вальдгаузера и Яна Милича,—этихъ предшественниковъ Гуса, былъ противникомъ крайнихъ теократическихъ притязаній, направленныхъ къ умаленію государственной власти.

Золотая булла. Послѣднимъ крупнымъ дѣяніемъ, совершеннымъ Карломъ въ интересахъ Чехіи, было изданіе въ 1356 году такъ называемой «Золотой буллы» (по привѣшенной къ ней золотой печати). Желая урегулировать на будущее время избраніе императора, предотвратить раздоры и вмѣшательство куріи, Карлъ созвалъ въ 1355—1356 г. имперскій сеймъ

и съ его согласія издалъ грамоту, опредѣляющую порядокъ избранія императоровъ и права и обязанности курфюрстовъ въ отношеніи имперіи. По этой грамотѣ король Чешскій, какъ rex coronatus et unctus, признавался первымъ курфюрстомъ и доженъ былъ занимать первое мѣсто какъ на выборахъ, такъ и на имперскомъ сеймѣ (за нимъ признавалось первенство даже въ такихъ случаяхъ, когда при дворѣ императора окажется другой король). Престолъ чешскій въ случаѣ прекращенія династіи замѣщается чешскимъ сеймомъ, тогда какъ въ случаѣ выморочности какого-либо другого курфюршества замѣщеніе производится волею императора. Подданные чешскаго государства не имѣютъ права ни обращаться къ суду императора помимо короля (privilegium de non evocando), ни аппеллировать къ суду императора на приговоръ короля (privilegium de non appellando). Чужеземцы не могутъ пріобрѣтать имѣній въ Чехіи, но чешскій король воленъ пріобрѣтать ихъ въ Германіи. Во время междуцарствія имперіи на Чехію не простирается власть опекуновъ имперіи (provisores imperii)— пфальцграфа Рейнскаго и курфюрста Саксонскаго. Но при всемъ томъ Чехія остается членомъ Священной Римской имперіи, и притомъ болѣе благороднымъ, чѣмъ другія (sancti imperii membrun nobilius).

Территоріальныя присоединенія Карла и раздѣлъ его державы. Изданіе Золотой буллы возбудило противъ Карла баварскихъ Виттельсбаховъ и австрійскихъ Габсбурговъ, которые не попали въ составъ коллегіи курфюрстовъ, и папу, который былъ совершенно обойденъ ею при замѣщеніи императорскаго престола. Къ противникамъ Карла присоединились Казимиръ Великій, король Польскій, и Людовикъ Венгерскій. Но Карлъ своею искусною политикою разстроилъ готовившуюся противъ него коалицію. Онъ женился на внучкѣ Казимира Елизаветѣ Поморской и тѣмъ обезоружилъ Польшу. Габсбурговъ онъ примирилъ съ собою, утвердивъ за ними Тироль и заключивъ въ 1364 году договоръ о взаимномъ наслѣдованіи въ случаѣ выморочности Люксембургской или Габсбургской династіи. Что касается Виттельсбаховъ баварскихъ, владѣвшихъ, кромѣ Баваріи, Бранденбургомъ, то Карлъ съумѣлъ разъединить ихъ настолько, что бранденбургскіе Виттельсбахи по договору 1363 года признали Карла и его потомковъ своими наслѣдниками въ Бранденбургѣ. На этомъ основаніи Карлъ въ 1370 году выкупилъ у Мейссенскаго графа заложенныя ему курфюрстами бранденбургскими Нижнія Лужицы, а въ 1373 году, выплативъ курфюрсту Оттону 500 т. золотыхъ гульденовъ, занялъ Бранденбургъ. Въ слѣдующемъ году, по просьбѣ земскихъ чиновъ Бранденбурга, Карлъ объявилъ его неотчуждаемою частью чешской короны.

Деньги вообще сыграли большую роль въ территоріальномъ расширеніи Карловой державы. Путемъ покупки онъ присоединилъ къ чешской коронѣ въ 1353 году значительную часть Верхняго Пфальца, въ другіе годы онъ прикупилъ или присоединилъ на ленныхъ условіяхъ много другихъ владѣній и городовъ въ Тюрингіи и нынѣшней Саксоніи. Такъ создался

цѣлый комплексъ разнородныхъ и разноплеменныхъ владѣній, обнимавшійся именемъ corona regni Bohemiae.

При всей высотѣ своего государственно-правового сознанія Карлъ оказался, однако, не въ состояніи разорвать съ традиціями удѣльно-феодальной эпохи въ отношеніи къ своей державѣ. Согласно волѣ отца онъ передалъ въ 1353 году графство Люксембургское своему сводному брату *Вацлаву*; маркграфство Моравское онъ передалъ въ наслѣдственный ленъ родному своему брату *Яну*, отъ котораго оно перешло по наслѣдству къ сыну его *Іошту* (двумъ другимъ сыновьямъ Яна были даны нѣкоторыя имѣнія и доходы въ Моравіи). Чехію, Силезію и западную часть Верхнихъ и Нижнихъ Лужицъ Карлъ назначилъ старшему сыну *Вацлаву*, котораго еще въ 1363 году короновалъ чешскимъ королемъ, а въ 1376 г. провелъ въ императоры благодаря громаднымъ суммамъ, розданнымъ курфюрстамъ. Второму сыну *Яну* выдѣлилъ въ 1377 году въ ленъ восточную часть Лужицъ съ городомъ Згорѣльцами; *Сигизмунду* выдѣлилъ въ 1378 году Бранденбургъ. Всѣ члены Люксембургскаго дома должны были пребывать въ ленной зависимости отъ старшаго—короля чешскаго; въ случаѣ выморочности боковыхъ линій владѣнія ихъ должны были возвращаться къ сюзерену—королю Чехіи... Это раздѣленіе было одною изъ причинъ того, что чешское государство не удержалось на той политической высотѣ, на которую возвелъ его Карлъ.

Усобица въ Люксембургскомъ домѣ по смерти Карла; разрывъ Чехіи съ имперіею. По смерти Карла (1378 г.) могущество Люксембургскаго дома и политическое значеніе Чехіи какъ будто бы еще болѣе увеличились. Чешскій король Вацлавъ помогъ брату своему Сигизмунду утвердиться на Венгерскомъ престолѣ (Сигизмундъ женился на дочери послѣдняго короля Анжуйской династіи Людовика—Маріи). Такимъ образомъ въ рукахъ Люксембурговъ были Чехія съ ея землями, Венгрія и имперія. Но скоро между ними начались нелады и усобица. Сигизмундъ отплатилъ Вацлаву черною неблагодарностью, принявъ сторону пановъ чешскихъ, поднявшихъ возстаніе противъ Вацлава и даже посадившихъ его въ заключеніе. Поводомъ было столкновеніе короля съ архіепископомъ Пражскимъ Яномъ и казнь епископскаго совѣтника и генеральнаго викарія Яна изъ Помука. Хотя Вацлаву при помощи брата своего Яна Згорѣлицкаго удалось освободиться изъ заключенія, тѣмъ не менѣе паны, поддерживаемые Сигизмундомъ и племянникомъ его Іоштомъ, вынудили у короля согласіе принять въ свой совѣтъ враждебныхъ ему пановъ и ничего не предпринимать безъ ихъ согласія. Въ 1399 году борьба возобновилась, при чемъ королю помогалъ маркграфъ Моравскій Прокопъ, а панамъ Сигизмундъ и Іоштъ. Нѣмецкіе князья воспользовались этимъ междоусобіемъ для того, чтобы освободиться отъ засилья Люксембургскаго дома, объявили Вацлава лишеннымъ Римскаго королевства (20 августа 1400 года) и избрали императоромъ пфальцграфа Рейнскаго Рупрехта. Рупрехтъ поспѣ-

шилъ овладѣть множествомъ замковъ въ Верхнемъ Пфальцѣ, принадлежавшихъ чешскому королю, и затѣмъ въ союзѣ съ Сигизмундомъ и Іоштомъ вторгся въ Чехію. Вацлавъ вторично долженъ былъ пойти на уступки и ограничить свою власть даже въ распоряженіи собственными королевскими финансами совѣтомъ четырехъ пановъ противной ему партіи. Не помня зла, король Вацлавъ въ томъ же 1401 году при помощи войска и денегъ освободилъ брата своего Сигизмунда, захваченнаго въ плѣнъ венгерскими панами. За это Сигизмундъ снова отблагодарилъ ему тѣмъ, что въ слѣдующемъ же году, сговорившись съ панами, захватилъ Вацлава и посадилъ его въ заключеніе, а затѣмъ передалъ въ руки австрійскихъ герцоговъ въ Вѣну и взялъ правленіе въ Чехіи въ свои руки. Вацлаву удалось бѣжать изъ Вѣны и возвратиться въ Чехію, гдѣ его приняли съ радостью, такъ какъ Сигизмундъ управлялъ Чехіею жестоко и грабительски. Братья помирились лишь тогда, когда Сигизмундъ по смерти Рупрехта былъ избранъ императоромъ (въ 1411 году), чему содѣйствовалъ Вацлавъ. Хотя такимъ образомъ имперія и Чехія снова оказались въ рукахъ одного царствующаго дома, но правители были разные: король чешскій не соединялъ уже съ своимъ званіемъ санъ императора. Этотъ разрывъ Чехіи съ имперіею еще болѣе увеличился благодаря гусситскому движенію, порвавшему не только политическія, но и религіозныя связи Чехіи съ Германіею и возбудившему національную вражду между чехами и нѣмцами.

Важнѣйшая литература:

Кромѣ трудовъ Бахмана, Калоусека, Челяковскаго:

Kalousek, Karel IV, otec vlasti. Praha 1878.

Zap K. V., Dějiny panováni Karla IV. Praha 1894.

В. Новотный, Карлъ IV. (Христоматія по исторіи среднихъ вѣковъ, изд. подъ редакціею П. Г. Виноградова, ч. III, первое изданіе).

Tomek V. V., Dějepis města Prahy, Zv. 1.

— Děje university Pražské. Díl I. Praha 1849.

Friedjung H., Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben seiner Zeit, Wien 1876.

Tadra, Kulturní styky Čech s cizinou do válek husitských. V Praze 1897.

XII.

Происхожденіе и начало реформаціоннаго движенія въ Чехіи; Янъ Гусъ.

Общій характеръ гусситскаго движенія. Весь XV в. въ исторіи Чехіи наполненъ общественнымъ движеніемъ, которое по имени его главнаго вождя получило названіе *гусситизма*. Это движеніе было сложнаго характера. Въ немъ слились разнообразныя струи—религіозная, національная, соціальная и политическая. На первыхъ порахъ движеніе носило національно-религіозный характеръ: чехи стремились къ искорененію различныхъ непорядковъ и злоупотребленій въ церкви, въ частности къ введенію причащенія подъ обоими видами, богослуженія и проповѣди на національномъ языкѣ. Этотъ національно-религіозный характеръ движенія по смерти Гуса осложнился соціальнымъ: извѣстные классы чешскаго общества стали требовать переустройства согласно слову Божію не только церковныхъ порядковъ, но и общественныхъ отношеній. Наконецъ, послѣ того, какъ чехи вооружили противъ себя всю Германію, гусситское движеніе пріобрѣло національно-политическій характеръ: чехи стали стремиться къ разрыву узъ, соединявшихъ ихъ съ Германіею, къ полному обособленію отъ нѣмцевъ. Это сложное движеніе, разумѣется, возникло не сразу, а подготовлялось исподоволь.

Подготовка движенія; практика причащенія подъ обоими видами. Одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ гусситства было требованіе чаши. Благодаря этому гусситы получили названіе *калишниковъ* (чашниковъ), или утраквистовъ. Но это требованіе не было совершенною новостью въ чешской церковной жизни. Причащеніе подъ обоими видами уже практиковалось въ чешской церкви и раньше. Мы не можемъ съ увѣренностью сказать, какъ далеко въ глубь временъ восходитъ эта практика. Но извѣстно опредѣленно, что причащеніе подъ обоими видами раздавалъ народу съ благословенія пражскаго архіепископа Матвѣй изъ Янова, парижскій магистръ, настоятель и исповѣдникъ Пражскаго собора, въ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ XIV стол. Объ этомъ онъ говоритъ самъ въ своихъ сочиненіяхъ. Весьма возможно, что подобные случаи бывали и ранѣе, и что опредѣленіе Латеранскаго собора 1215 г. о причащеніи мірянъ подъ однимъ видомъ въ Чехіи не соблюдалось строго. Если такъ, то и требованіе чаши не было стремленіемъ къ нововведенію, а попыткою возвращенія къ старинѣ. Такъ это дѣло и представлялось чехамъ въ XVII в. «Около 1350 г.,—говоритъ Коменскій,—въ царствованіе Карла IV, императора римскаго, при первомъ архіепископѣ Арноштѣ изъ Пардубицъ впервые

услыхали и увидали въ Чехіи нечестивый обрядъ причащенія подъ однимъ видомъ. На немъ настаивали преимущественно итальянскіе, французскіе и нѣмецкіе богословы и магистры, которыхъ Карлъ недавно пригласилъ профессорами въ новоучрежденный университетъ въ Прагѣ... Послѣ изгнанія Матвѣя Парижскаго изъ Праги не только въ Пражскомъ замкѣ, но и повсюду въ Прагѣ и во всемъ королевствѣ противная партія стѣсняла и уничтожала обычай причащенія «подъ обоими видами». Это извѣстіе, какъ доказано въ настоящее время проф. Калоусекомъ («Исторія чаши во времена догусситскія»), не вѣрно въ деталяхъ. Оказывается, что уже въ XIII вѣкѣ въ Чехіи міряне пріобщались подъ однимъ видомъ, и епископъ Ольмуцкій Брунонъ въ посланіи къ подчиненному ему духовенству говорилъ о недостойныхъ мірянахъ, пріобщающихся тѣла Христова. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ основаній отвергать его и цѣликомъ. Оно вполнѣ сходится съ тѣми указаніями, которыя находятся въ сочиненіяхъ Матвѣя изъ Янова.

Священное писаніе и проповѣдь на чешскомъ языкѣ. Еще меньшею неожиданностью является требованіе богослуженія и проповѣди на чешскомъ языкѣ. Вкусъ къ этому издавна развивался въ чешскомъ обществѣ. Хотя славянское богослуженіе, введенное въ Чехіи славянскими первоучителями, съ теченіемъ времени прекратилось, но оно оставило по себѣ неизгладимые слѣды. Чешское общество долгое время не мирилось съ церковною латынью, и князь Вратиславъ просилъ папу Григорія VII разрѣшить богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Бывшій въ церковномъ употребленіи славянскій языкъ содѣйствовалъ ранней выработкѣ чешскаго литературнаго языка. На этомъ языкѣ появились очень рано переводы книгъ священнаго писанія, гораздо ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ католической Европѣ. Очевидно, въ данномъ случаѣ сказалось вліяніе церковнославянскихъ переводовъ священнаго писанія. Іосифъ Иречекъ, занимавшійся изслѣдованіемъ исторіи перевода Библіи на чешскій языкъ, пришелъ къ выводу, что старѣйшіе переводы были сдѣланы еще до XIII в.: Бытія, Исхода, Левитъ, Псалтири, Товита; въ XIII и XIV в. переведены были и остальныя книги. Благодаря этимъ переводамъ чешское общество въ гораздо большей степени освѣдомлено было въ вопросахъ вѣры, чѣмъ общества другихъ католическихъ странъ. Чешская библія создала воспріимчивую и чувствительную для религіозной проповѣди среду. Если Гусъ и его соратники могли вызвать такое сильное движеніе въ чешскомъ обществѣ, то не малую долю ихъ успѣха надо отнести на счетъ распространенія священнаго писанія въ чешскомъ обществѣ. Чешское общество, привыкшее читать слово Божіе на родномъ языкѣ, естественно жаждало и слушать его въ храмѣ на этомъ же языкѣ. Король Вацлавъ II часто приглашалъ къ себѣ священниковъ и монаховъ изъ Руси и югославянскихъ земель, которые совершали передъ нимъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Очевидно, для удовлетворенія этой именно жажды

Карлъ IV основалъ въ Прагѣ Эммаусскій монастырь, гдѣ должна была совершаться славянская литургія. Для проповѣди на чешскомъ языкѣ въ 1391 году по иниціативѣ и на средства частныхъ лицъ, главнымъ образомъ Іоанна фонъ Мюльгейма изъ Пардубицъ, королевскаго совѣтника и любимца, была основана въ Прагѣ такъ называемая *Виѳлеемская часовня.*

Борьба съ деморализаціею духовенства; Конрадъ Вальдгаузеръ и Янъ Миличъ. Гораздо ранѣе Гуса начались и обличенія католическаго духовенства и проявились стремленія къ исправленію церкви. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ первому Пражскому архіепископу Арношту изъ Пардубицъ. Онъ употребилъ много труда и энергіи на укрѣпленіе дисциплины и на поднятіе нравственности и образованности среди духовенства своей епархіи. Ему пришлось выдержать цѣлую борьбу съ монахами различныхъ орденовъ. Архіепископъ старался обуздать ихъ гордость, жадность и погоню за вліяніемъ на народъ въ ущербъ приходскому духовенству. Эта борьба была трудная, такъ какъ монахи находили себѣ защиту и покровительство въ папской куріи. По иниціативѣ архіепископа на помѣстномъ соборѣ чешскаго духовенства было издано постановленіе, предписывающее священникамъ учить своихъ прихожанъ молитвѣ Господней, заповѣдямъ и краткому апостольскому символу вѣры на народномъ языкѣ. Одновременно съ архіепископомъ Арноштомъ дѣйствовалъ знаменитый проповѣдникъ *Конрадъ Вальдгаузеръ*, изъ Верхней Австріи, вызванный въ Чехію императоромъ Карломъ IV. Конрадъ въ своихъ проповѣдяхъ бичевалъ пороки всѣхъ классовъ общества. Но въ особенности доставалось отъ него монахамъ. Конрадъ обличалъ ихъ въ симоніи, указывая на то, что они берутъ въ свои монастыри вклады со всѣхъ вновь вступающихъ; говорилъ, что они такъ далеко отошли отъ своихъ предшественниковъ, отъ святыхъ основателей своихъ орденовъ, что, если бы тѣ появились среди нихъ въ настоящее время, монахи не узнали бы ихъ и навѣрное бы побили камнями. Монахи не разъ привлекали смѣлаго проповѣдника къ суду, но за него стояли и архіепископъ, и императоръ. Конрадъ былъ опредѣленъ священникомъ въ лучшій приходъ въ Прагѣ, гдѣ и кончилъ мирно свою жизнь въ 1379 г.—Одновременно съ Конрадомъ и нѣсколько лѣтъ послѣ него проповѣдывалъ съ такимъ же жаромъ и съ еще большимъ успѣхомъ, но уже не на нѣмецкомъ, а на чешскомъ языкѣ *Миличъ изъ Кромѣрижа.* Миличъ былъ членомъ Пражскаго капитула и носилъ званіе архидіакона, главнаго помощника архіепископа по управленію епархіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ королевскимъ подканцлеромъ. Онъ отказался отъ всѣхъ этихъ должностей для того, чтобы въ добровольной бѣдности и смиреніи проповѣдывать покаяніе и чистоту жизни. Его пламенныя обличенія, соединенныя съ пророчествомъ о скоромъ пришествіи антихриста, дѣйствовали съ поразительною силою. Цѣлый кварталъ публичныхъ домовъ въ Прагѣ, такъ называемые Бенатки, опустѣлъ благо-

даря его проповѣдямъ. Карлъ IV подарилъ ему этотъ кварталъ, и Миличъ устроилъ здѣсь исправительный пріютъ Маріи Магдалины для падшихъ женщинъ. Миличъ въ своихъ обличеніяхъ не щадилъ никого и разъ даже самому императору сказалъ въ глаза, что онъ великій антихристъ. Тѣмъ менѣе, разумѣется, сдерживался онъ въ обличеніяхъ духовенства, особенно нищенствующихъ монаховъ. Монахи подали на него жалобу папѣ въ 12 пунктахъ. Милича обвиняли за его ученіе о пришествіи антихриста, за то, что онъ совѣтовалъ слишкомъ часто принимать причастіе, за то, что порицалъ все духовенство, начиная съ папы и оканчивая монахами, подстрекалъ свѣтскую власть противъ духовной, запрещалъ духовнымъ имѣть какую-либо собственность и т. д. Миличъ лично отправился къ папѣ въ Авиньонъ и успѣлъ оправдаться отъ возводимыхъ на него навѣтовъ, но заболѣлъ тамъ и умеръ въ 1374 году.

Вражда чеховъ къ духовенству и папской куріи и ея источники.— Католическое духовенство уже давно возбуждало противъ себя общественное неудовольствіе въ Чехіи. Міряне прежде всего недовольны были непрерывнымъ ростомъ церковнаго землевладѣнія, и курія даже квалифицировала враждебное отношеніе къ церковнымъ имуществамъ, какъ специфически-чешскую «ересь». Это враждебное отношеніе сказалось между прочимъ и въ законодательствѣ. Карлъ IV въ Majestas Carolina имѣлъ въ виду запретить земельныя пожертвованія въ пользу монастырей и церквей. Ordo judicii terrae устанавливалъ, что церковное учрежденіе въ теченіе двухъ лѣтъ должно произвести отчужденіе вновь пожертвованнаго ему имѣнья; въ противномъ случаѣ имѣнье переходитъ къ родственникамъ жертвователя, а при неимѣніи таковыхъ—къ казнѣ. Земельное обогащеніе духовенства давало ему возможность жить въ сытой праздности и было источникомъ его деморализаціи, о чемъ свидѣтельствуютъ процессы, разбиравшіеся въ церковномъ судѣ. Это деморализованное духовенство тѣмъ болѣе становилось ненавистнымъ народу, что въ значительной степени состояло изъ чужестранцевъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ, и чеховъ, назначенныхъ изъ Рима. По уставу чешской церкви епископы должны были избираться капитулами, а получать инвеституру отъ короля; капитулы должны были избраніемъ пополнять и число недостающихъ своихъ членовъ. Но папы, осуществляя свою абсолютную власть въ церкви, стали широко примѣнять въ Чехіи систему «резервацій», т.-е. сохраненія за собою права замѣщенія открывшейся вакансіи, и систему «провизій», т.-е. обезпеченія заслуженныхъ людей. Съ 1326 года всѣ епископы назначались папами, хотя и съ предварительнаго согласія короля и послѣ формальнаго избранія капитуломъ; то же самое происходило и съ другими прелатурами и пребендами, такъ что пражскій капитулъ не могъ уже осуществлять своихъ правъ. На мѣста епископовъ, аббатовъ, пробстовъ и канониковъ стали набиваться не достойные, а ловкіе люди, сумѣвшіе понравиться, заплатить, кому нужно.

Епископы и аббаты за полученныя должности платили куріи большія servitia, а остальные бенефиціаты—такъ называемые аннаты (т.-е. половину дохода перваго года). Сверхъ того, чешское духовенство обложено было въ пользу куріи десятиною съ своихъ бенефицій, такъ называемыми «прокураціями» для папскихъ легатовъ и нунціевъ, пріѣзжавшихъ въ Чехію по разнымъ дѣламъ, между прочимъ для суда надъ духовенствомъ, и пользовавшимся этимъ пріѣздомъ для распродажи разрѣшительныхъ папскихъ грамотъ (индульгенцій). Разсматривая Чехію, какъ своего рода доходное имѣнье, сама деморализованная, папская курія нисколько не заботилась о моральномъ и религіозномъ цензѣ своихъ ставленниковъ на духовныя мѣста въ Чехіи. Неудивительно поэтому, если чехи стали проникаться враждою къ римской церкви, къ ея представителямъ съ папою во главѣ, къ ея догматамъ и установленіямъ. Вражда эта обострялась въ тѣхъ случаяхъ, когда объектомъ ея были духовные нѣмецкаго происхожденія. Наплывъ въ Чехію нѣмецкаго элемента, совершившійся въ XIII вѣкѣ, въ XIV вѣкѣ вызвалъ національную реакцію, сказавшуюся и въ литературѣ. Особенною ненавистью къ нѣмцамъ проникнута стихотворная хроника XIV в. Далимила. «Всѣ нѣмцы,—читаемъ здѣсь,—хотятъ чехамъ зла», «чужеземецъ пришелъ не для того, чтобы дѣлать тебѣ добро, а чтобы получить выгоду»; «нѣмцы сначала притворяются кроткими, а когда расплодятся, то не заботятся о своемъ пристанищѣ и ждутъ себѣ господина изъ своей земли»; «скорѣе пахарь будетъ хорошимъ священникомъ, чѣмъ нѣмецъ добросовѣстнымъ человѣкомъ» и т. д.

Догматическая подготовка гусситизма; Матвѣй изъ Янова. Такъ накоплялись въ чешскомъ обществѣ всѣ тѣ чувства и воззрѣнія, которыя съ такою силою вырвались наружу въ такъ называемомъ гусситскомъ движеніи XV вѣка. Въ XIV же вѣкѣ совершалась и догматическая подготовка чешской реформаціи, ставились на очередь и рѣшались въ извѣстномъ направленіи основные вопросы о церкви, объ источникахъ вѣры, объ обрядахъ, о спасеніи человѣка и т. д. Изъ мыслителей, работавшихъ въ этой области, особенно замѣчателенъ *Матвѣй изъ Янова*. Главное его сочиненіе—объемистый, пятитомный трудъ «De regulis veteris et novi testamenti». Въ этомъ трудѣ Матвѣй противополагаетъ истинное христіанство ложному, церковь Христову обществу злыхъ, царству антихристову. По его словамъ, онъ дошелъ до своихъ выводовъ путемъ внимательнаго наблюденія надъ современностью и ея сравненія съ первобытнымъ христіанствомъ, а особенно путемъ чтенія библіи. Это постоянное пользованіе библіей, съ которою Матвѣй, по его признанію, не разставался отъ юности до старости, ни дома, ни въ пути, ни во время занятій, ни въ часы отдыха, которая была для него свѣтомъ и утѣшеніемъ, роднитъ Матвѣя съ будущими протестантами, которые опирались на авторитетъ библіи въ борьбѣ противъ средневѣковой католической схоластики. Матвѣй уже отдѣлялъ въ христіанствѣ основное, существенное отъ второстепеннаго,

предписанія Божіи отъ ученій и преданій человѣческихъ, которыя онъ называлъ даже измышленіями, и скорбѣлъ о томъ, что этимъ измышленіямъ часто придается больше значенія, чѣмъ праведности и любви къ ближнему. Требуя отъ вѣрующихъ истинно-христіанской жизни и возставая противъ внѣшняго обрядоваго благочестія, Матвѣй навлекъ противъ себя обвиненіе въ непочитаніи иконъ и мощей и на церковномъ соборѣ 1389 года долженъ былъ торжественно отречься отъ своихъ заблужденій, признать спасительность почитанія святыхъ и молитвъ къ нимъ о заступничествѣ.

Роль Пражскаго университета въ подготовкѣ чешской реформаціи; виклефизмъ. Чешское общество жадно внимало проповѣдямъ Вальдгаузера и Милича и съ большимъ интересомъ читало трактаты наподобіе сочиненій Матвѣя изъ Янова. Къ этому оно подготовлено было давнишнимъ знакомствомъ своимъ съ библіею, порождавшимъ сознательное отношеніе къ вопросамъ вѣры, и новою наукою, которую насаждалъ въ Чехіи Пражскій университетъ. Этотъ университетъ сдѣлался могучимъ разсадникомъ просвѣщенія не только для Чехіи, но и для всей Священной Римской имперіи. Благодаря ему Прага стала умственнымъ центромъ средней Европы. Если вѣрить современнымъ извѣстіямъ, въ Прагѣ въ 1408 году было не менѣе 200 докторовъ и магистровъ, около 500 баккалавровъ и болѣе 30.000 студентовъ. Прага стала городомъ интеллигенціи по преимуществу, и не удивительно, если изъ этого города вышло реформаціонное движеніе. Пражскій университетъ сдѣлался проводникомъ идей, рождавшихся по этой части не только въ Чехіи, но и въ другихъ странахъ Европы. Учившіеся въ немъ студенты по окончаніи курса нерѣдко отправлялись доучиваться и пріобрѣтать ученыя степени въ другіе знаменитые университеты, чаще всего въ Парижъ и Оксфордъ. Возвращаясь въ Прагу, они становились преподавателями въ своей alma mater и съ каѳедръ провозглашали то, чему научились за границею. По этой части существовало даже опредѣленное право, предписывавшее, чтобы баккалавры читали лекціи по запискамъ пражскихъ, парижскихъ и оксфордскихъ магистровъ и докторовъ. Такимъ путемъ проникло въ Чехію ученіе оксфордскаго профессора богословія Виклефа. Вліяніе этого ученія сказалось уже въ сочиненіяхъ одного изъ крупнѣйшихъ чешскихъ писателей того времени—*Ѳомы Штитнаго*. Штитный затронулъ вопросъ, который, по его мнѣнію, совершенно неразрѣшимъ, а именно: остается ли по пресуществленіи Святыхъ Даровъ въ хлѣбѣ его прежнее существо? Этотъ догматическій вопросъ, какъ извѣстно, былъ поднятъ Виклефомъ. Но особенно вліяніе Виклефа сказалось на проповѣднической и ученой дѣятельности магистра Яна Гуса.

Янъ Гусъ; его профессорская и проповѣдническая дѣятельность. Янъ Гусъ родился въ 1369 году въ мѣстечкѣ Гусинцѣ, близъ Баварской границы и верховьевъ Влтавы, отъ зажиточныхъ крестьянъ. Первоначальное школьное образованіе онъ получилъ въ Прагѣ, гдѣ жилъ, какъ и всѣ небогатые

школьники, зарабатывая средства къ жизни пѣніемъ и прислуживаніемъ въ церкви. Высшее образованіе Гусъ получилъ въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ получилъ сначала степень баккалавра свободныхъ искусствъ, затѣмъ степень баккалавра богословія и, наконецъ, въ 1346 году—магистра свободныхъ искусствъ. Въ 1398 году онъ началъ уже читать лекціи въ университетѣ. Здѣсь онъ скоро заявилъ себя почитателемъ Виклефа и въ 1399 году имѣлъ уже споръ съ своими коллегами, защищая нѣкоторые пункты его ученія на диспутѣ, происходившемъ въ приходѣ св. Михаила въ Старомъ мѣстѣ. Въ 1401 году онъ избранъ былъ деканомъ философскаго факультета, а въ 1402 году ректоромъ университета и по тогдашнему обычаю занималъ эту должность въ теченіе полугода. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ проповѣдникомъ въ Виѳлеемскую часовню и принялъ санъ священника.

Гусъ читалъ свои первые университетскіе курсы, повидимому, по Виклефу. Сохранилась написанная имъ лично рукопись, содержащая пять философскихъ трактатовъ Виклефа и по внѣшнему виду похожая на академическія тетради того времени. Между тѣмъ уже Лондонскій соборъ 1382 года осудилъ 24 пункта вѣроученія Виклефа, какъ еретическія. Какимъ же образомъ возможно оказалось преподаваніе по Виклефу въ Пражскомъ университетѣ? Фактъ этотъ объясняется терпимостью тогдашняго архіепископа Вольфрама. Въ 1403 году архіепископъ умеръ, и въ университетѣ сейчасъ же обнаружилась реакція противъ виклефизма. Преемникъ Гуса по ректорству собралъ университетъ въ торжественное засѣданіе и предложилъ всѣмъ членамъ его обязаться клятвою не распространять и не защищать ученія Виклефа, формулированнаго въ 45 пунктахъ. Гусъ и его другъ Николай Литомышльскій, ничего не имѣя противъ самаго требованія не распространять еретическихъ мнѣній, старались доказать, что ученіе Виклефа изложено неправильно. Но имъ не удалось переубѣдить своихъ коллегъ, и 45 тезисовъ, извлеченные изъ сочиненій Виклефа, признаны были еретическими.

Заступничество за Виклефа не уронило пока Гуса во мнѣніи новаго архіепископа Пражскаго Збынка, который не только оставилъ Виклефа проповѣдникомъ въ Виѳлеемской часовнѣ, но и возложилъ на него новую обязанность—проповѣдника на соборахъ духовенства. Въ этомъ званіи Гусъ явился своего рода цензоромъ нравственности духовенства всей епархіи. Онъ долженъ былъ лично или письменно доводить до свѣдѣнія архіепископа о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, обличать недостойныхъ за ихъ поведеніе. Изъ этой дѣятельности Гуса заслуживаетъ упоминанія слѣдующій фактъ. Въ мѣстечкѣ Вильснахѣ хранились частицы крови Христовой, и множество народа ходило туда на поклоненіе въ чаяніи чудесныхъ исцѣленій, которыя, по слухамъ, тамъ совершались. Архіепископъ Збынекъ послалъ Гуса и еще двухъ магистровъ разслѣдовать дѣло, производившее соблазнъ. Магистры объявили все

слухи о чудесныхъ исцѣленіяхъ ложными, послѣ чего архіепископъ издалъ запрещеніе ходить на богомолье въ Вильспахъ. Не довольствуясь обличеніемъ обмана, Гусъ написалъ цѣлое богословское разсужденіе по поводу крови Христовой. Онъ доказывалъ въ немъ, что кровь Спасителя въ настоящее время не можетъ нигдѣ сохраняться, кромѣ вина Евхаристіи; а по поводу чудесъ замѣчалъ, что истинный христіанинъ не нуждается въ нихъ для утвержденія въ вѣрѣ: для этого онъ долженъ только постоянно углубляться въ писаніе; требованіе же чудесъ есть признакъ маловѣрія; священники должны возвѣщать народу словеса Христа, а не ложныя чудеса. Такимъ образомъ, священное писаніе, какъ основа всей религіи рѣшительно выдвигается Гусомъ на первый планъ: этотъ протестантскій тезисъ красною нитью проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Гуса.

Разрывъ и борьба Гуса съ мѣстными церковными властями; сочувствіе ему со стороны свѣтской власти и общества. Обличительная дѣятельность Гуса, разумѣется, должна была создать ему множество враговъ. Въ 1408 году духовенство столицы и всей Пражской епархіи подало архіепископу жалобу на Гуса, обвиняя его въ томъ, что онъ въ своихъ проповѣдяхъ въ Виѳлеемской часовнѣ чернитъ духовенство и дѣлаетъ его ненавистнымъ въ глазахъ всего народа. Результатомъ этой жалобы было увольненіе Гуса отъ должности соборнаго проповѣдника. Самъ архіепископъ, котораго Гусъ упрекалъ за несправедливость въ отношеніи одного священника, вооружился противъ Гуса, объявилъ его непокорнымъ сыномъ церкви и воспретилъ ему отправленіе священническихъ обязанностей въ предѣлахъ своей епархіи. Въ томъ же году по иниціативѣ архіепископа состоялось постановленіе университета, направленное противъ Гуса и его друзей и запрещавшее читать въ университетѣ трактаты Виклефа и дѣлать ихъ предметомъ публичнаго обсужденія. Но Гусъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность въ Виѳлеемской часовнѣ. Ему покровительствовала королева Софья, у которой онъ состоялъ духовникомъ; расположенъ былъ къ нему и самъ король Вацлавъ. Въ слѣдующемъ 1409 году борьба возобновилась. Духовенство снова подало жалобу на Гуса. Гусъ,—говорилось въ этой жалобѣ,—возбуждаетъ народъ противъ духовенства, проповѣдуетъ неуваженіе къ церкви и къ ея карательной власти, называетъ Римъ столицею антихриста, объявляетъ еретикомъ всякаго священника, требующаго платы за совершеніе таинства; онъ же открыто похваляетъ еретика Виклефа и выражаетъ желаніе, чтобы его душа пошла туда же, гдѣ находится душа Виклефа. По поводу этой жалобы архіепископъ нарядилъ слѣдствіе. Но Гусъ принесъ жалобу на самого архіепископа папѣ Александру V, который и вызвалъ его въ Римъ для оправданія. Въ Римѣ архіепископъ успѣлъ расположить папу въ свою пользу. Папа одобрилъ его образъ дѣйствій и поручилъ ему и впредь дѣйствовать въ томъ же направленіи. Между прочимъ онъ приказалъ ему всѣхъ послѣдователей Виклефа принудить къ отреченію отъ

ереси подъ страхомъ отлученія отъ церкви, а сочиненія Гуса сжечь. Вернувшись въ Прагу архіепископъ принялся приводить въ исполненіе папскія приказанія. Онъ созвалъ синодъ, на которомъ былъ объявленъ приговоръ, присуждавшій всѣ книги Виклефа къ сожженію. Тутъ же объявлено запрещеніе проповѣдей повсюду, кромѣ соборныхъ, приходскихъ и монастырскихъ церквей. Это запрещеніе было прямо направлено противъ Гуса, который не прекращалъ своей проповѣднической дѣятельности въ Виѳлеемской часовнѣ. Но послѣдовавшая вскорѣ смерть папы Александра V затянула дѣло. Университетъ протестовалъ противъ сожженія всѣхъ книгъ Виклефа безъ разбора, даже такихъ, которыя трактуютъ не о предметахъ вѣры, а о вопросахъ морали, логики, философіи, математики, естествовѣдѣнія и проч. Кромѣ того университетъ, ссылаясь на свою привилегію, выставлялъ на видъ, что онъ не обязанъ подчиняться приказамъ архіепископа; что же касается папы, то за смертію его уничтожается и его распоряженіе. Въ томъ же смыслѣ Гусъ и его друзья составили аппелляцію къ новому папѣ—Іоанну XXIII по поводу сожженія книгъ и запрещенія проповѣдей. Тогда архіепископъ Збынекъ рѣшился покончить съ дѣломъ собственною властью. 16 іюля 1410 г. въ присутствіи прелатовъ и всего клира онъ предалъ сожженію на своемъ дворѣ всѣ осужденныя книги, которыя ему снесли ихъ владѣльцы, при пѣніи «Te deum laudamus и звонѣ колоколовъ всѣхъ пражскихъ церквей. Черезъ два дня архіепископъ торжественно подвергъ Гуса и его друзей церковному проклятію, которое велѣлъ провозгласить по всѣмъ церквамъ своей епархіи.

Но общество, подготовленное проповѣдями Вальдгаузера, Милича и самого Гуса, было уже на сторонѣ послѣдняго. Мѣры архіепископа вызвали противъ него рядъ публичныхъ демонстрацій: его дразнили, крича, что не всѣ книги Виклефа онъ сжегъ; на улицахъ распѣвались по адресу его ругательныя пѣсни. Общественное возбужденіе противъ духовенства дошло до такой степени, что одинъ священникъ подвергся нападенію толпы въ церкви; самъ архіепископъ долженъ былъ спасаться отъ разъяренной толпы, когда захотѣлъ торжественно повторить отлученіе Гуса. Между тѣмъ Гусъ, не смущаясь карами архіепископа, продолжалъ свои проповѣди въ Виѳлеемской часовнѣ. Тонъ его рѣчей становился все болѣе и болѣе смѣлый и вызывающій. Онъ говорилъ, что въ дѣлахъ вѣры надлежитъ повиноваться Богу болѣе, чѣмъ людямъ, и спрашивалъ съ каѳедры своихъ слушателей, готовы ли они слѣдовать за нимъ. Въ отвѣтъ на это раздавалось обыкновенно единогласное и громкое подтвержденіе. Въ то же время Гусъ и его друзья, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, читали въ университетѣ лекціи, посвященныя трактатамъ Виклефа, и защищались отъ обвиненій ихъ въ ереси. Движеніе пріобрѣтало все болѣе и болѣе революціонный характеръ; самъ Гусъ въ пылу одушевленія воскликнулъ однажды, что слѣдовало бы по примѣру Моисея препоясаться мечомъ на защиту Божественнаго закона.

Положеніе вещей становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Король Вацлавъ, симпатизировавшій Гусу, воспользовался прибытіемъ въ Прагу пословъ отъ новаго папы Іоанна XXIII и отправилъ ему письмо съ жалобою на его предшественника и съ просьбою объ отмѣнѣ его буллы касательно искорененія ересей, ибо таковыхъ не имѣется въ Чехіи. Въ томъ же смыслѣ писала папѣ и королева, горячо вступившаяся за право своей любимой Виѳлеемской часовни; наконецъ, многіе сановники и паны, а равно представители Пражскаго мѣста просили о томъ же, въ особенности объ отмѣнѣ ограниченій для проповѣди слова Божія. Но и архіепископъ съ своей стороны отправилъ пословъ къ папѣ для того, чтобы освѣдомить его объ истинномъ положеніи дѣлъ. Папа одобрилъ дѣйствія архіепископа и вызвалъ Гуса для отвѣта въ Римъ. Гусъ не прочь былъ поѣхать въ Римъ. Но друзья его и слышать не хотѣли объ этой поѣздкѣ. Противъ нея возстали король и королева. Вацлавъ оскорбленъ былъ тѣмъ, что папа такъ рѣшительно сталъ на сторону архіепископа, и отправилъ новое посольство въ Римъ съ требованіемъ пересмотра дѣла. Папа, не отмѣняя прежняго приговора, назначилъ новую коммиссію для пересмотра всего дѣла. Тогда архіепископъ Збынекъ рѣшился не терять времени. 15 марта 1411 года Гусъ еще разъ былъ подвергнутъ отлученію во всѣхъ пражскихъ церквахъ за исключеніемъ двухъ, священники которыхъ оказались непослушными. Архіепископъ произнесъ отлученіе также и на городскія власти, державшія сторону Гуса, и, наконецъ, на весь городъ, въ которомъ велѣлъ прекратить богослуженіе.

Но эти крайнія мѣры обнаружили только полный упадокъ авторитета церковной власти въ Чехіи. Гусъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свои проповѣди; во многихъ церквахъ Праги продолжали служить обѣдни; нѣкоторые священники, обнаружившіе намѣреніе подчиниться интердикту, должны были покинуть городъ. Самъ король, крайне раздраженный, приказалъ перевести соборныя сокровища въ Карлштейнъ. Архіепископъ, не получая помощи отъ папы, смирился. Въ іюлѣ 1411 г. состоялось соглашеніе между враждующими сторонами. Архіепископъ обязался написать папѣ, что никакихъ ересей въ Чехіи не существуетъ, и что онъ помирился съ Гусомъ и университетомъ, почему всѣ начатые процессы подлежатъ прекращенію. Король съ своими совѣтниками обязался препятствовать появленію ложныхъ ученій и преслѣдовать ихъ. Гусъ 1 сентября 1411 года въ многолюдномъ собраніи въ университетѣ прочелъ нѣчто въ родѣ публичнаго исповѣданія вѣры и въ то же время отправилъ папѣ письмо съ просьбою освободить его отъ личнаго появленія въ Римѣ. Въ письмѣ онъ изложилъ свое исповѣданіе вѣры и указалъ, что ему приписываютъ многое, чему онъ никогда не училъ, и обвиняютъ въ поступкахъ, которые онъ не совершалъ.

Но это примиреніе архіепископа съ королемъ и Гусомъ оказалось непродолжительнымъ. Збынекъ сталъ указывать королю на его пристрастіе

къ врагамъ его, на то, что онъ спускаетъ имъ всякія злостныя выдумки и нападки на архіепископа и даже открытое сопротивленіе его распоряженіямъ. При такихъ обстоятельствахъ, заявлялъ архіепископъ, онъ по совѣсти не можетъ отправить обѣщаннаго письма къ папѣ и находитъ себя вынужденнымъ оставить Чехію и искать защиты у брата короля, венгерскаго короля Сигизмунда. Збынекъ дѣйствительно уѣхалъ въ Венгрію, но по дорогѣ захворалъ и умеръ. Смерть помирила съ нимъ его враговъ, и архіепископу устроили торжественныя похороны въ Прагѣ. Гусъ уважалъ его лично и только сожалѣлъ о томъ, что онъ недостаточно образованъ и окруженъ дурными совѣтниками.

Разрывъ Гуса съ папскою куріею и католицизмомъ; волненія въ Прагѣ. Со смертью архіепископа Збынка кончился первый періодъ въ дѣятельности Гуса, ознаменованный борьбою его съ мѣстными церковными властями, и наступилъ новый періодъ борьбы его съ высшею церковною властью католическаго міра, съ папою. Въ первомъ періодѣ Гусъ не отличался радикализмомъ своихъ воззрѣній. Его оппозиція вращалась въ сферѣ церковной практики, а не основныхъ догматовъ и установленій католической церкви. Гусъ былъ правъ, утверждая, что онъ вовсе не еретикъ, что ему приписываютъ много такого, чего онъ не исповѣдуетъ и чему не учитъ. Онъ не былъ безусловнымъ послѣдователемъ Виклефа, а выбиралъ изъ его ученій только такіе тезисы, которые не стояли по существу дѣла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ господствующей церкви. Но обстоятельства направили Гуса на путь болѣе рѣшительной оппозиціи противъ господствующей церкви.

Папа Іоаннъ XXIII провозгласилъ крестовый походъ противъ Неаполитанскаго короля Ладислава, державшаго сторону одного изъ его противниковъ—Григорія XII. Въ изданныхъ по сему случаю буллахъ папа обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, которые лично отправятся въ походъ или пошлютъ вооруженныхъ людей, или же помогутъ ему деньгами. Для сбора денегъ папа организовалъ продажу индульгенцій въ самихъ широкихъ размѣрахъ. Между прочимъ его уполномоченный появился и въ Чехіи и сталъ бойко торговать индульгенціями. Продажа ихъ производилась самымъ безстыднымъ образомъ, на площадяхъ и рынкахъ, при звукѣ бубенъ, при чемъ мѣстное духовенство перекупало у папскихъ коммиссаровъ индульгенціи и перепродавало съ большимъ барышомъ для себя. Гусъ безстрашно выступилъ съ проповѣдью противъ торга отпущеніемъ грѣховъ и доводами изъ священнаго писанія доказывалъ всю беззаконность его, а равно опровергалъ и крестовую буллу Іоанна XXIII, какъ не согласную съ волею и закономъ Божіимъ. Не довольствуясь проповѣдями въ Виѳлеемской часовнѣ, Гусъ расклеилъ въ Прагѣ объявленія, приглашая всѣхъ и каждаго 17 іюня въ Каролинумъ на диспутъ по поводу индульгенцій. Члены богословскаго факультета Стефанъ Палечь и Станиславъ Зноемскій хотѣли было помѣшать этому, но диспутъ состоялся

при многочисленномъ стеченіи докторовъ, магистровъ и студентовъ, подъ предсѣдательствомъ ректора университета. Гусъ заявилъ, что онъ вовсе не сторонникъ ни Неаполитанскаго короля, ни низложеннаго Григорія XII, и что онъ не возстаетъ противъ власти, дарованной папѣ Богомъ, а только противъ злоупотребленій этою властью. Гусъ подвергъ строгой критикѣ буллы Іоанна XXIII и доказывалъ, что онѣ не имѣютъ силы, какъ противныя священному писанію. Ибо,—говорилъ онъ,—проповѣдывать крестовый походъ противъ единовѣрцевъ, виновныхъ только въ послушаніи своему королю, противно духу ученія Христа, запретившаго поднимать мечъ даже для защиты его самого. Члены богословскаго факультета возражали ему, доказывая, что старые обычаи въ церкви, хотя бы не имѣли прямого основанія въ священномъ писаніи, не должны быть отмѣняемы. Но магистръ Іеронимъ поддержалъ Гуса пламенною рѣчью, которою привелъ въ восторгъ слушателей. Студенты сопровождали его оваціями по выходѣ его съ диспута до самаго дома. По общему голосу Гусъ и его друзья одержали полную побѣду. Гусъ, не довольствуясь этимъ, вскорѣ послѣ диспута опубликовалъ цѣлый трактатъ противъ индульгенцій. Здѣсь онъ утверждалъ, что каждый священникъ и епископъ и самъ папа въ силу данной имъ власти имѣютъ право разрѣшать отъ грѣховъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ истиннаго раскаянія грѣшника, никогда безусловно и всего менѣе за деньги, ибо это симонія. Мнѣніе, будто папа непогрѣшимъ, въ глазахъ Гуса не только ложно, но и богохульно, ибо равняетъ папу со Христомъ. Истинный ученикъ Христовъ долженъ испытывать, не противорѣчатъ ли папскія буллы писанію. Ничего не значитъ, что большинство думаетъ извѣстнымъ образомъ: одинъ пророкъ Илія былъ правѣе передъ Богомъ, чѣмъ четыреста жрецовъ Вааловыхъ. Такъ подошелъ Гусъ къ чисто протестантскому взгляду на право вѣрующаго руководиться въ дѣлахъ вѣры личнымъ разумѣніемъ св. писанія, а не авторитетомъ церкви.

Противники Гуса также не бездѣйствовали. Богословскій факультетъ опубликовалъ вновь осужденіе 45 тезисовъ, извлеченныхъ изъ сочиненій Виклефа, и сверхъ того объявилъ еретиками всѣхъ, кто учитъ о пришествіи антихриста, отвергаетъ обычаи церковные, не основывающіеся на священномъ писаніи, дѣйствительность индульгенцій и т. д. Съ церковныхъ каѳедръ говорились проповѣди въ такомъ родѣ, что папа—земной Богъ, можетъ дать, кому хочетъ, отпущеніе грѣховъ, что онъ долженъ бороться мечомъ, какъ мірской государь. Но все это вызывало только негодованіе слушателей. Трое молодыхъ людей, слушавшихъ подобныя проповѣди, не удержались отъ громкаго протеста противъ нихъ въ церкви, были схвачены и преданы суду. Члены городского совѣта—нѣмцы осудили ихъ на смерть, какъ публичныхъ мятежниковъ. Напрасно Гусъ хлопоталъ за несчастныхъ, говорилъ, что онъ виновникъ ихъ преступленія и беретъ на себя ихъ вину. Юношей казнили. Но казнь не устрашила толпу. Когда

герольдъ провозгласилъ: «кто допуститъ подобное, и съ нимъ будетъ тоже», многіе закричали, что готовы сдѣлать и претерпѣть то же самое, и дали добровольно себя арестовать. Одна женщина принесла три бѣлыя простыни, и толпа магистровъ и студентовъ, положивъ на нихъ трупы казненныхъ, съ пѣніемъ «Isti sunt sancti» понесла ихъ въ Виѳлеемскую часовню, гдѣ Гусъ совершилъ торжественное отпѣваніе ихъ, послѣ чего враги Гуса прозвали его часовню часовнею «у трехъ святыхъ». Въ виду такого общественнаго возбужденія городской магистратъ воздержался онъ дальнѣйшихъ казней, и всѣ добровольно набивавшіеся на мученичество были выпущены на свободу. Безнаказанно сошла приверженцамъ Гуса и сатирическая процессія, устроенная однимъ изъ королевскихъ любимцевъ паномъ Вокомъ изъ Вальдштейна въ публичное осмѣяніе папы. Одинъ изъ студентовъ, наряженный блудницею, посаженъ былъ въ роскошную карету. На шею и грудь его были повѣшены папскія буллы. Строя гримасы и фиглярничая, онъ былъ везенъ со свитою шутовъ и солдатъ сперва ко двору архіепископа на Малую сторону, затѣмъ черезъ мостъ въ Старое мѣсто мимо королевскаго дворца ко рву Новаго мѣста. Здѣсь приготовленъ былъ позорный столбъ, обложенный кучею щепы. На эти щепы положили буллы, снятыя съ шеи и груди блудницы, и затѣмъ подожгли ихъ. Все это было не что иное, какъ пародія на сожженіе сочиненій Виклефа, происходившее за два года предъ тѣмъ. Огромная толпа народа, окружавшая костеръ, громко выражала свои восторги по поводу сожженія буллъ.

Отлученіе Гуса отъ церкви; его литературные труды въ Таборѣ. Отчаявшись мѣстными силами и средствами одолѣть Гуса и его приверженцевъ, враги его рѣшились обратиться за помощью къ самому папѣ. Черезъ своего прокуратора въ Римѣ они донесли папѣ, что Гусъ, уже два года осужденный, пренебрегая всякою церковною властью, не перестаетъ защищать ученіе признаннаго архіеретика Виклефа и возбуждать народъ противъ духовенства, а въ послѣднее время осмѣлился даже публично лаять противъ буллъ и индульгенцій, провозглашенныхъ его святѣйшествомъ, и разсылать свои исполненныя яду сочиненія по всѣмъ краямъ Чехіи, Моравіи, Польши и Венгріи, такъ что уже много христіанскихъ душъ имъ заражено. Поэтому необходимо де, чтобы папа серьезно взглянулъ на это дѣло и охранилъ овчарню отъ хищнаго волка. Результатомъ этого представленія было отлученіе Гуса отъ церкви, которое папа приказалъ обнародовать во всѣхъ пражскихъ церквахъ, съ приказаніемъ вѣрующимъ не имѣть съ нимъ никакого общенія. Папа приказывалъ, если Гусъ будетъ упорствовать въ своемъ непослушаніи, проклинать его во всѣхъ церквахъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ при торжественномъ звонѣ колоколовъ и тушеніи свѣчей; никто подъ страхомъ того же проклятія не долженъ давать ему пищи, питья и крова; куда только онъ не явится, вездѣ должно быть пріостанавливаемо богослуженіе; если умретъ, не можетъ быть сподобленъ церковнаго погребенія. Папа предписывалъ

вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнымъ чадамъ церкви, овладѣвъ особою Гуса, выдать его Пражскому или Литомышльскому епископу, а Виѳлеемскую часовню разрушить до основанія. Попытки въ этомъ родѣ были сдѣланы ревностными католиками. Но приверженцы Гуса горою стали за него. Въ городѣ готовилось настоящее междоусобіе. Тогда король Вацлавъ, опасаясь кровавыхъ столкновеній, упросилъ Гуса на время покинуть Прагу, обѣщаясь стараться уладить все миромъ. Гусъ охотно исполнилъ просьбу короля и удалился въ Козій Городокъ, лежавшій въ томъ мѣстѣ, гдѣ позже возникла резиденція крайнихъ его послѣдователей—*Таборъ*.

Пользуясь досугомъ, Гусъ всецѣло отдался литературнымъ трудамъ и перепискѣ съ своими друзьями. Въ это время Гусъ написалъ большую часть своихъ наиболѣе крупныхъ сочиненій, богословскихъ и полемическихъ, на латинскомъ и чешскомъ языкахъ, каковы: De ecclesia, въ которомъ онъ высказывалъ свое мнѣніе о папской власти; объясненіе символа вѣры, десять заповѣдей и молитвы Господней на чешскомъ языкѣ, трактатъ о симоніи (O svatokupectví), въ которомъ были изображены всѣ недостатки духовенства и испорченность іерархіи, Postilla, т. е. объясненія церковныхъ чтеній въ воскресные и праздничные дни. Въ то же время, не встрѣчая препятствій, Гусъ проповѣдывалъ народу, стекавшемуся со всѣхъ сторонъ его слушать. Все это несомнѣнно способствовало тому, что въ этомъ мѣстѣ возникъ вскорѣ послѣ смерти Гуса новый очагъ гусситизма, резиденція его крайнихъ послѣдователей.

Констанцскій соборъ и судъ на Гусомъ; его сожженіе. Тѣмъ временемъ по настоянію императора Сигизмунда папа Іоаннъ XXIII созвалъ соборъ въ Констанцѣ для возстановленія церковнаго единства и осуществленія реформы церкви во главѣ и частяхъ (in capite et membris). На этомъ соборѣ предположено было покончить и съ опаснымъ религіознымъ броженіемъ, начавшимся въ Чехіи. Гусъ получилъ отъ Сигизмунда предложеніе явиться на соборъ для оправданія, при чемъ императоръ гарантировалъ ему безопасный пріѣздъ и выѣздъ и обѣщалъ выдать ему соотвѣтствующую грамоту. Гусъ изъявилъ согласіе и отправился въ Констанцъ въ сопровожденіи трехъ чешскихъ пановъ, которымъ Сигизмундъ и братъ его Вацлавъ поручили охрану Гуса. Гусъ какъ бы предчувствовалъ, что онъ болѣе не воротится на родину. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ обратился съ задушевнымъ прощальнымъ посланіемъ къ чехамъ, въ которомъ просилъ своихъ друзей молиться за него, чтобы Богъ далъ ему крѣпость духа для перенесенія смерти, если она неизбѣжна, чтобы онъ устоялъ въ истинѣ и могъ въ случаѣ благополучнаго возвращенія продолжать свою борьбу съ антихристомъ.

Враги Гуса—Стефанъ Палечь, священникъ Михаилъ изъ Нѣмецкаго Брода и Владиславъ Тимъ, торговавшій индульгенціями въ 1412 году, пріѣхали на соборъ раньше Гуса и успѣли уже настроить противъ него всѣхъ вліятельныхъ членовъ собора. Гусъ, явившійся въ Констанцъ

вскорѣ же послѣ прибытія былъ арестованъ и посаженъ въ тяжкое заключеніе, несмотря на охранную грамоту Сигизмунда. Отцы собора стали на ту точку зрѣнія, что охранная грамота, выданная еретику, не дѣйствительна и сумѣли поставить впослѣдствіи на эту же точку зрѣнія и самого Сигизмунда. Соборъ учредилъ коммиссію для производства предварительнаго слѣдствія. Эта коммиссія нашла 44 пункта въ ученіи Гуса, которые она признала не согласными съ ученіемъ господствующей церкви. Эти пункты коммиссія извлекла главнымъ образомъ изъ послѣднихъ сочиненій Гуса о церкви и о причащеніи. Въ противоположность католическимъ богословамъ, именовавшимъ папу главою церкви, а коллегію кардиналовъ ея тѣломъ, Гусъ называлъ церковью всю совокупность вѣрующихъ, предъизбранныхъ и предназначенныхъ къ блаженству (по ученію Августина). Отсюда онъ выводилъ, что всякій, живущій не по закону Христову, даже, если бъ онъ былъ и папою, не есть членъ церкви Христовой, а слуга антихриста. Единый истинный глава церкви, по ученію Гуса, есть Христосъ, который въ день суда отдѣлитъ пшеницу отъ плевелъ. Отрицая главенство папы надъ церковью, Гусъ отрицалъ и первенство папы надъ другими епископами и доказывалъ, что такое первенство развилось исподоволь въ теченіе вѣковъ, и что надо вернуться къ первоначальному равенству епископовъ. Ставя авторитетъ священнаго писанія выше всѣхъ преданій и мнѣній отцовъ и учителей церкви, Гусъ указывалъ, что такого же мнѣнія держались и извѣстные богословы—Августинъ, Григорій Великій, Бернардъ Клервосскій и др. Гусъ высказывался далѣе и въ пользу причащенія подъ обоими видами, которое сталъ пропагандировать въ Прагѣ его другъ, магистръ Якубекъ изъ Стрибра. Когда велось это предварительное слѣдствіе, чешскіе и моравскіе паны подавали не разъ просьбы Сигизмунду, чтобы Гусъ былъ освобожденъ изъ заключенія и допрошенъ явно передъ соборомъ. Отъ имени собора имъ былъ данъ отвѣтъ, что Гусъ не будетъ освобожденъ ни за тысячу порукъ, но что выслушанъ онъ будетъ явно въ засѣданіи собора 5-го іюня.

На соборѣ Гусу предложили отказаться отъ своихъ заблужденій. Онъ заявилъ, что охотно сдѣлаетъ это, если ему докажутъ священнымъ писаніемъ ошибочность его мнѣній. Но отцы собора не захотѣли вступать на этотъ путь и, подчеркивая еретичество ученія Гуса, требовали отъ него безусловнаго подчиненія. Въ такомъ же родѣ предъявилъ свое требованіе и императоръ Сигизмундъ. Но Гусъ заявилъ, что онъ не можетъ поступить противъ своего убѣжденія и совѣсти. Въ тюрьму къ нему не разъ приходили уговаривать его депутаціи отъ собора и даже знатнѣйшіе кардиналы—Петръ д'Альи и Забарелла. Бывшій его другъ, превратившійся въ противника, Стефанъ Палечь, имѣлъ съ нимъ трогательное свиданіе, при которомъ оба плакали и просили другъ у друга прощенія. Панъ Янъ Хлумскій, съ которымъ Гусъ пріѣхалъ на соборъ, также уговаривалъ его не упорствовать, если только его удерживаетъ не совѣсть, а ложный стыдъ.

Послѣдняя попытка убѣдить Гуса была сдѣлана наканунѣ его смерти, 5-го іюля, но опять безуспѣшно: Гусъ со слезами увѣрялъ, что не можетъ отречься, такъ какъ ошибочность его убѣжденій не доказана ему никакими писаніями, тогда какъ онъ только одного этого и желаетъ, чтобы тотчасъ же покаяться въ заблужденіяхъ. Религіозное настроеніе Гуса усилилось въ это время до высшей степени и изливалось въ горячихъ молитвахъ къ Богу и святымъ о ниспосланіи ему крѣпости для предстоящей смертной минуты. И молитвы Гуса были услышаны...

6 іюля 1415 года состоялось послѣднее засѣданіе собора въ каѳедральномъ храмѣ въ присутствіи императора, окруженнаго всѣми аттрибутами его власти и величія. По окончаніи литургіи прочитаны были и подвергнуты анаѳемѣ тезисы, извлеченные изъ книгъ Виклефа, а затѣмъ прочитаны тезисы, извлеченные изъ сочиненій Гуса, показанія противъ него свидѣтелей и изложеніе всего хода дѣла на соборѣ. Затѣмъ послѣдовало объявленіе приговора: сочиненія Гуса предать огню, а самого его, какъ нераскаяннаго, неисправимаго еретика, лишить сана и отдать въ руки свѣтской власти. Его взвели на помостъ, надѣли на него полное облаченіе, дали въ руки чашу и еще разъ предложили отречься отъ ереси. Гусъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ лгать передъ Богомъ, собою и людьми и вводить другихъ въ соблазнъ. Послѣ этого начался обрядъ разстриженія: у него отобрали чашу, сняли облаченіе и уничтожили тонзуру на головѣ, произнося установленныя проклятія. Гусъ въ это время громко молился за своихъ враговъ и выражалъ готовность претерпѣть поношенія Христа ради. Когда обрядъ разстриженія кончился, на голову Гуса надѣли бумажный колпакъ съ надписью: «Hic est haeresiarcha» и съ изображеніемъ трехъ чертей, уносящихъ грѣшную душу въ адъ. Наступилъ послѣдній страшный моментъ отлученія. «Церковь болѣе не имѣетъ съ тобою дѣла,—провозгласили епископы: она предаетъ твое тѣло свѣтской власти, а твою душу дьяволу». Гусъ отвѣчалъ: «А я предаю ее въ руки Господа моего Іисуса Христа». По приказу императора Констанцскій магистратъ взялъ Гуса для немедленнаго сожженія.

Гуса вывели за городъ въ сопровожденіи огромной толпы народа. Гусъ шелъ на смерть бодро, съ молитвою и пѣніемъ. Раздѣвъ его, палачи привязали его къ столбу веревками и цѣпями. Двѣ фуры дровъ, смѣшанныхъ съ соломою, были разложены вокругъ него, покрывая его до самой шеи; къ скованнымъ ногамъ подложили еще двѣ охапки. Въ послѣднюю минуту прибылъ имперскій маршалъ и еще разъ предложилъ Гусу отречься и тѣмъ спасти свою душу и тѣло. Гусъ отвѣчалъ, что онъ сознаетъ себя ни въ чемъ невиновнымъ и радостно умираетъ за истину. Палачъ зажегъ костеръ. Пламя охватило со всѣхъ сторонъ Гуса, который со взоромъ, устремленнымъ на небо, пѣлъ псалмы. Порывомъ вѣтра отнесло пламя ему въ лицо, и онъ задохся въ одно мгновеніе. Когда костеръ прогорѣлъ, собрали золу и обуглившіяся кости Гуса и бросили ихъ въ

Рейнъ, чтобы почитатели ничего не могли взять на память съ собой въ Чехію.

Изъ чрезвычайно обширной литературы о Гусѣ и гусситизмѣ ближайшими пособіями могутъ служить:

Н. И. Аммонъ, Чешскій реформаторъ Іоаннъ Гусъ (Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, изд. подъ редакціею проф. П. Г. Виноградова, вып. IV).

Гильфердингъ А., Очеркъ исторіи Чехіи (Собраніе сочиненій, т. I).

— Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви. Изд. 2. Спб. 1893.

Новиковъ Е., Гусъ и Лютеръ. 2 тома. Москва 1859.

Клевановъ А. С., Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣдного движенія. Москва 1876.

Пальмовъ И., Гуситское движеніе. Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи. Спб. 1891.

Бильбасовъ В. А., Историческія монографіи. 1. Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца. Спб. 1901 г.

Frind, Die Kirchengeschichte Böhmens. B. III. Prah. 1872.

Denis Ernest, Etudes d'histoire de Bohême: Huss et la guerre des hussites. Paris 1878.

Lechler I. V., Iohannes Hus, ein Lebensbild aus der Vorgeschichte der Reformation. Halle 1890.

Loserth Ioh., Hus und Wiclif. Zur qenezis der husitischen Lehre. Prag. 1884.

The Count Lützow, The life and times of Master Iohn Hus. London. 1909.

Palacky Fr., Dějiny narodu českeho v Čechach a na Moravě, vyd. 6-e, díl II, III.

Tomek V. Dějepis města Prahy, díl II, vyd. 2-e. Praha. 1893.

XIII.

Гусситскія войны и междоусобія; соціальныя и политическія перемѣны въ Чехіи въ XV и началѣ XVI в.

Протестъ чеховъ противъ сожженія Гуса и репрессіи со стороны собора. Вѣсть о сожженіи магистра Яна Гуса привела въ негодованіе всѣ классы чешскаго общества. Чешскіе и моравскіе паны вскорѣ собрались на сеймъ

въ Прагѣ и составили письменный протестъ по поводу казни Гуса, который переслали затѣмъ на соборъ, приложивъ къ нему 452 печати. Въ этомъ протестѣ они жаловались на оскорбленіе, нанесенное чешской націи, и заявляли, что Гусъ былъ человѣкомъ добрымъ, справедливымъ, истиннымъ христіаниномъ благочестивой жизни, который излагалъ слово Божіе согласно ученію отцовъ церкви, училъ ихъ, пановъ, и ихъ подданныхъ, и гнушался всякихъ заблужденій и еретичества. Объявляя себя вѣрными сынами католической церкви, чешскіе паны обращались съ просьбой къ будущему папѣ, чтобы онъ удовлетворилъ ихъ духовныя нужды, и заявляли, что законъ Христовъ и его смиренныхъ проповѣдниковъ они будутъ защищать до послѣдней капли крови. Въ дополненіе къ этому протесту въ засѣданіи 5 сентября 1415 г. паны выработали петицію, въ которой требовали, чтобы слово Божіе проповѣдывалось согласно съ писаніемъ и свободно во всѣхъ церквахъ, и чтобы епископы наказывали всѣхъ проповѣдниковъ, которые будутъ говорить несогласно съ священнымъ писаніемъ, и чтобы въ случаяхъ противорѣчія между требованіями іерархіи и священнаго писанія рѣшеніе постановляли ректоръ и магистры Пражскаго университета. Отвѣтомъ на это со стороны собора было отправленіе въ Чехію епископа Яна Литомышльскаго съ полномочіемъ карать еретиковъ, наложеніе интердикта на Прагу, сожженіе друга Гусова Іеронима, провозглашеніе еретиками всѣхъ пановъ, приложившихъ свои печати къ протесту, и наконецъ,—лишеніе Пражскаго университета всѣхъ его правъ и привилегій.

Возстаніе чеховъ противъ господствующей церкви; подобои и табориты. Но всѣ эти мѣры только подлили масла въ огонь и толкнули чеховъ на путь крайностей и борьбы съ господствующею церковью. Среди нихъ вскорѣ обнаружились двѣ партіи. Одна изъ нихъ, болѣе умѣренная, къ которой принадлежали паны и мѣщане города Праги, и во главѣ которой стоялъ университетъ, настаивала главнымъ образомъ на причащеніи подъ обоими видами. Это такъ называемые, *калишники*, или *подобои (утраквисты)*. Другая, болѣе крайняя партія, составилась преимущественно изъ обывателей мелкихъ мѣстечекъ и селъ, вокругъ суконника *Пытля*. По имени селенія Табора, сдѣлавшагося гнѣздомъ этой партіи, она получила названіе *таборитовъ*. Табориты шли дальше калишниковъ—отрицали чистилище, молитвы за умершихъ, почитаніе мощей, креста, иконъ, освященіе воды, соли, елея, пальмъ, поста, хожденья на богомолья къ святымъ мѣстамъ и т. д. Позже въ этой партіи выдѣлились секты съ еще болѣе крайнимъ направленіемъ. Партія таборитовъ пріобрѣла себѣ особенно много приверженцевъ послѣ того, какъ въ Чехіи побывали пикарды, или вальденцы. Услышавъ, что въ Чехіи обрѣтается множество почитателей Виклефа, пикарды въ количествѣ 42 человѣкъ прибыли въ Прагу. Но отсюда ихъ скоро выгнали утраквисты. Они разсѣялись послѣ того по чешскимъ мѣстечкамъ и селамъ, разбрасывая всюду сѣмена своихъ крайнихъ ученій. Результатъ

этого былъ тотъ, что народъ массами сталъ стекаться въ Таборъ. Современникъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее. «Священники изъ окрестныхъ мѣстъ, селъ и деревень склоняли своихъ прихожанъ къ путешествіямъ на эту гору для укрѣпленія въ вѣрѣ и правдѣ. Когда толпа собиралась, священники выносили св. Дары и привѣтствовали ими вѣрныхъ. День проводился не въ игрищахъ, а въ душеспасительныхъ дѣлахъ. Священники отправляли три раза мессу и другія службы; ученѣйшіе и краснорѣчивѣйшіе между ними, раздѣляя народъ на группы, говорили проповѣди противъ гордости, самомнѣнія и жадности духовенства. Одни исповѣдывали, другіе раздавали причащеніе подъ обоими видами. По окончаніи богослуженія всѣ располагались на пригоркахъ въ назначенныхъ имъ мѣстахъ, и подкрѣпляли себя въ братской трапезѣ, избѣгая обжорства, пьянства, шутокъ, игръ. Избѣгали всего, что ведетъ къ распутству: пляска, игры, всякія забавы запрещены были даже дѣтямъ. Остерегались ссоръ, брани, воровства, торгашества, что обычно бываетъ на богомольяхъ. Какъ во времена апостольскія, всѣ имѣли одно сердце и одну душу, а общимъ стремленіемъ было спасеніе и приведеніе церкви къ первоначальному состоянію».

Соціальная струя въ таборотизмѣ. Но, по всѣмъ даннымъ, здѣсь шло дѣло не объ одномъ только спасеніи души и исправленіи церкви, и собирались сюда не для того только, чтобы подкрѣпиться въ вѣрѣ и правдѣ. Сквозь религіозную окраску выступаетъ и соціальная струя движенія. Проповѣдники, созывавшіе народъ на Таборъ, говорили ему и объ освобожденіи его отъ оброковъ и барщины въ пользу духовенства, которому принадлежало ¾ всей земли въ государствѣ. Эти оброки и барщины представлялись имъ такими же отступленіями отъ слова Божія, какъ и разныя другія измышленія въ обрядахъ, богослуженіи и догматикѣ. Поэтому и народъ стекался на Таборъ въ чаяніи улучшенія не только церкви, но и своего матеріальнаго положенія, и съ рѣшимостью содѣйствовать этому. Движеніе охватило и панскихъ крестьянъ, которые бросали свои хозяйства и шли на Таборъ, не обращая вниманія на угрозы своихъ пановъ. И они также увидали въ своихъ оброкахъ и повинностяхъ нарушеніе Божьяго закона.

Насилія надъ католиками въ Прагѣ и другихъ городахъ Чехіи. Несмотря на всѣ успѣхи новаго ученія, огромная часть населенія въ Чехіи оставалась въ послушаніи церкви. Господствующей церкви держалось въ особенности крѣпко нѣмецкое населеніе Чехіи. Рано или поздно поэтому должна была произойти въ Чехіи религіозная борьба, которая по племенному составу борющихся приняла вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ національной борьбы—чеховъ съ нѣмцами. Борьба началась съ мелкихъ столкновеній. Католическіе духовные въ Прагѣ изгнали изъ нѣкоторыхъ церквей утраквистовъ, выбросили чаши, которыя находились у нихъ въ употребленіи, и заново освятили церкви. Это возбудило цѣлый мятежъ въ Прагѣ,

и король Вацлавъ для успокоенія населенія долженъ былъ отдать утраквистамъ три церкви. Затѣмъ начались уличные бои между школьниками враждебныхъ лагерей. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до избіенія городского совѣта Праги. Совѣтъ запретилъ утраквистамъ совершать процессіи по городу съ Св. Дарами. Но процессія тѣмъ не менѣе состоялась. Стоявшій во главѣ ея священникъ Янъ Зеливскій, держа въ рукахъ чашу, въ сопровожденіи огромной толпы народа подошелъ къ ратушѣ и сталъ просить городское начальство объ освобожденіи арестованныхъ гусситовъ. Въ это время изъ ратуши кто-то бросилъ камень и вышибъ изъ рукъ Зеливскаго чашу. Тотчасъ же толпа ворвалась въ ратушу и перебила все начальство—бурмистра, судью и лавниковъ. На мѣсто ихъ были избраны утраквисты. Въ самый разгаръ мятежа, 16 августа 1419 г., умеръ король Вацлавъ, потрясенный событіями. Мятежъ послѣ того еще болѣе усилился. Толпы мужчинъ, женщинъ, дѣтей, вооруженныхъ топорами, копьями, палками и камнями, ходили по городу и разрушали католическія церкви и монастыри. Католическіе духовные спасались бѣгствомъ. То же самое повторилось и въ другихъ городахъ Чехіи.

Крестовый походъ противъ гусситовъ императора Сигизмунда; пораженіе католиковъ и усиленіе крайнихъ направленій въ гусситизмѣ. За усмиреніе гусситскаго мятежа взялся императоръ Сигизмундъ, по смерти брата предъявившій свои права на чешскій престолъ. Паны и мѣщане изъ партіи утраквистовъ не прочь были признать его королемъ, если только онъ дозволитъ имъ употребленіе чаши. Крайности таборитовъ уже отталкивали ихъ отъ союза съ ними, и утраквисты не прочь были сблизиться съ императоромъ. Собравшись на сеймъ въ Прагѣ, утраквисты выработали рядъ статей о томъ, чтобы причащеніе раздавалось народу подъ обоими видами, чтобы Гусъ и Іеронимъ не назывались еретиками, чтобы не запрещалось чтеніе и пѣніе на чешскомъ языкѣ, чтобы магистры разбирали еретическія заблужденія согласно съ словомъ Божьимъ, чтобы чужеземцы не назначались на земскія должности и т. д., и послали ихъ на утвержденіе Сигизмунду. Но Сигизмундъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ уступкахъ и на основаніи буллы Мартина объявилъ крестовый походъ противъ гусситовъ. Надвигающаяся грозная опасность сблизила утраквистовъ съ таборитами и утишила на время ихъ взаимные раздоры и несогласія. Религіозное одушевленіе овладѣло гусситами, во главѣ которыхъ сталъ суровый воитель, проникнутый духомъ ветхозавѣтныхъ истребителей нечестія, Янъ Жижка. Сигизмундъ, вступившій въ Чехію съ стотысячнымъ войскомъ, подъ стѣнами Праги потерпѣлъ пораженіе отъ Жижки въ іюлѣ 1420 года и долженъ былъ удалиться изъ Праги въ Кутну гору. Съ удаленіемъ его изъ Праги гусситы обрушились съ новою яростью на католиковъ, разрушали ихъ храмы и монастыри, захватывали королевскіе имѣнія и замки, на равно и имѣнія пановъ католиковъ. Отдѣльные отряды Сигизмунда, дѣйствовавшіе противъ гусситовъ, также потерпѣли пораженія. Гусситы

нашли себѣ сочувствіе и сторонниковъ въ Силезіи, Малой Польшѣ и даже въ Германіи—въ Саксоніи, Баваріи и Пруссіи. Чѣмъ далѣе затягивалась борьба съ католиками, тѣмъ сильнѣе развивался фанатизмъ и крайнія ученія среди гусситовъ. У таборитовъ уже рѣшено было, что священники должны служить литургію безъ облаченій, и постановлено бросать въ огонь всякаго, кто будетъ служить обѣдню въ ризахъ. Священникъ Мартинъ Гуска, иначе называвшійся Локвисъ, началъ проповѣдывать, что въ причащеніи нѣтъ собственно тѣла и крови Христовой, а только хлѣбъ и вино, и нашелъ себѣ довольно многочисленныхъ послѣдователей. Они свое убѣжденіе исповѣдывали не только на словахъ, но и на дѣлѣ, показывая неуваженіе къ Св. Дарамъ, которые выбрасывали на землю, попирали ногами и т. под. Но это вызвало соотвѣтствующую реакцію среди другихъ таборитовъ. Послѣдователей Гуски въ числѣ четырехъсотъ изгнали изъ Табора. Преслѣдуемые всюду, они стали шататься по полямъ и лѣсамъ и совершенно одичали. Среди нихъ явился нѣкій Николайка, который, основываясь на мнѣніи парижскихъ профессоровъ XIII в. Бена и Диноля, сталъ учить: все, что существуетъ, есть Богъ, и человѣкъ—единъ съ Богомъ; поэтому и его природныя чувства не грѣховны, потому что Божескія. У него нашлось также не мало послѣдователей, которыхъ называли «николайками» или «адамитами». Они ходили нагишомъ, называли Христа своимъ братомъ и отрицали всѣ догматы, таинства и церковные обряды. Въ своихъ собраніяхъ они предавались необузданному разврату, разнообразя свои удовольствія плясками и плесканіями въ водѣ и т. под.

Чаславскій сеймъ и неудачная попытка гусситовъ соединиться съ поляками и литовцами. Отбивъ нападенія Сигизмунда и его отрядовъ, чехи и мораване собрались на сеймъ въ *Чаславѣ* въ іюнѣ 1421 года и объявили Сигизмунда лишеннымъ чешскаго престола. Еще ранѣе того они снарядили посольство къ Польскому королю Ягайлу съ предложеніемъ ему чешскаго престола. Чехи надѣялись на согласіе Польскаго короля, потому что Сигизмундъ въ спорѣ Польши съ Орденомъ держалъ явно сторону послѣдняго. Наступилъ важный моментъ въ исторіи не только Чехіи, но и Польши и всего западнаго славянства. Въ зависимости отъ того какія чувства возобладаютъ въ Польшѣ, національно-политическія или религіозныя, и судьбы западнаго славянства готовились сложиться такъ или иначе.

Въ ожиданіи отвѣта отъ Польскаго короля чехи старались водворить у себя внутренній миръ и хотя бы наружное согласіе. Съ этою цѣлью архіепископъ Конрадъ, перешедшій на сторону гусситовъ, созвалъ въ Прагѣ синодъ духовенства, на которомъ выработаны были извѣстныя обязательныя для всѣхъ постановленія. Эти постановленія проникнуты были принципами утраквистовъ. Городъ Прага съ своей стороны издалъ цѣлый рядъ постановленій, имѣвшихъ цѣлью укрѣпленіе церковной дисциплины. Всякій священникъ, прибывающій въ Прагу, обязанъ согласиться предварительно

съ магистрами и капелланами въ дѣлахъ вѣры и только послѣ того получаетъ право проповѣдывать и совершать богослуженіе въ пражскихъ церквахъ. Всякій, кто будетъ держать у себя, кормить и поить священниковъ, не подчиняющихся этому постановленію, подлежитъ конфискаціи имущества и смерти. Запрещается священникамъ безъ нужды отправлять богослуженія внѣ храмовъ, а вѣрнымъ присутствовать при такихъ богослуженіяхъ. Духовные для своихъ собесѣдованій и совѣщаній должны собираться въ ратушѣ; если же будутъ собираться въ другихъ мѣстахъ, подлежатъ смерти и конфискаціи имущества. Никто не смѣетъ сопротивляться распоряженіямъ магистровъ, священниковъ и другихъ должностныхъ лицъ, карающихъ за проступки и грѣхи. Кто будетъ ѣсть мясо въ постные дни, подлежитъ изгнанію изъ города. Предписывается избрать въ каждомъ околоткѣ по 50 мужей, которые могли бы слѣдить за еретиками-пикардами. Запрещается строго браниться словомъ «пикардъ». Но однихъ предписаній оказалось недостаточно для водворенія порядка между гусситами и пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Мартинъ Гуска съ своимъ товарищемъ Прокопомъ Одноглазымъ, не перестававшіе проповѣдывать свои крайнія идеи, были арестованы и послѣ страшныхъ пытокъ сожжены въ смоляныхъ бочкахъ. Жижка истребилъ и адамитовъ, на которыхъ натолкнулся въ одномъ лѣсу во время похода своего противъ войскъ Сигизмунда. Несмотря на всѣ старанія объединиться, гусситы дѣлились на двѣ враждебныя партіи, готовыя каждую минуту броситься въ бой другъ съ другомъ. Если этого не происходило, то только потому, что общій врагъ не переставалъ угрожать и тѣмъ, и другимъ. Сигизмундъ второй разъ собралъ крестовое ополченіе противъ гусситовъ въ количествѣ болѣе 200 т. человѣкъ. На этотъ разъ къ нему примкнули и многіе чешскіе паны, не только католики, но и гусситы изъ партіи утраквистовъ, которые недовольны были своеволіемъ низшихъ классовъ. Страшная опасность и на этотъ разъ вдохнула мужество чехамъ. Подъ Нѣмецкимъ Бродомъ крестоносное ополченіе было на голову разбито Жижкою (въ январѣ 1422 года).

Король Ягайло объявилъ чешскимъ посламъ, что охотно приметъ чешскую корону, если только чехи возсоединятся съ римскою церковью. Значитъ, религіозные мотивы взяли у Ягайла перевѣсъ надъ національно-политическими интересами. И неудивительно. Ягайло всецѣло находился въ рукахъ магнатовъ, на челѣ которыхъ стояло высшее польское духовенство съ бискупомъ Краковскимъ Збигнѣвомъ Олесницкимъ во главѣ. Это была цвѣтущая пора церковнаго руководства въ политикѣ Польши—rządów kościelnych, какъ выражаются польскіе историки. Неудовлетворенные отвѣтомъ Ягайла, чешскіе послы отправились къ его двоюродному брату, великому князю Литовскому Витовту, и предложили ему чешскую корону. Витовтъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы создать затрудненіе императору Сигизмунду, который держалъ сторону Прусскаго ордена, общаго врага Польши и Литвы. Поэтому, не давая своего

окончательнаго согласія на принятіе чешской короны, онъ отправилъ предварительно въ Чехію своего двоюроднаго племянника Сигизмунда Корибутовича въ качествѣ регента-намѣстника для защиты и умиротворенія чеховъ. Сигизмундъ Корибутовичъ во́-время прибылъ въ Чехію, ибо какъ разъ въ то время снаряжался новый крестовый походъ противъ чеховъ подъ начальствомъ маркграфа Бранденбургскаго, а въ самой Чехіи возобновилось междоусобіе между утраквистами и таборитами. Литовскій князь принялъ сторону первыхъ и подавилъ внутреннія смуты. Ему удалось отразить и крестоносное ополченіе. Но недолго пришлось ему пробыть въ Чехіи. Императоръ Сигизмундъ, чтобы отвратить Ягайла и Витовта отъ чеховъ, поспѣшилъ помириться съ ними и обязался не поддерживать Орденъ, если только Ягайло и Витовтъ не будутъ поддерживать противъ него чеховъ. Результатомъ этого соглашенія было предложеніе Витовта чехамъ, чтобъ они безусловно подчинились римской церкви, если хотятъ имѣть, его своимъ королемъ. Разумѣется, чехи не приняли этого приглашенія и Сигизмундъ Корибутовичъ уѣхалъ отъ нихъ въ Литву въ 1423 году.

Борьба гуситовъ между собою и съ католиками. Чехи опять предоставлены были собственнымъ силамъ. Въ теченіе десяти лѣтъ послѣ того исторія Чехіи представляетъ рядъ однообразныхъ, періодически повторявшихся явленій междоусобной борьбы утраквистовъ съ таборитами и примиренія ихъ для борьбы съ католиками. Поводами междоусобной борьбы были разногласія въ догматахъ и обрядахъ, доходившія сплошь и рядомъ до мелочей. Но причины борьбы коренились глубоко—въ соціальномъ антагонизмѣ борющихся партій. Къ утраквистамъ принадлежали большею частью высшіе состоятельные классы чешскаго общества, а ряды таборитовъ наполнялись преимущественно черныю и бѣднотою. Первые желали только исправленія нѣкоторыхъ церковныхъ непорядковъ и злоупотребленій, а вторые стремились къ полному переустройству жизни на началахъ равенства и христіанской любви. Вождемъ утраквистовъ былъ добровольно вернувшійся въ Чехію въ іюнѣ 1424 года Сигизмундъ Корибутовичъ, а вождемъ таборитовъ былъ сначала (до 1424) Янъ Жижка, а потомъ Прокопъ Голый, бывшій католическій патеръ. Борьба отличалась фанатизмомъ и сопровождалась страшными жестокостями. Палить противниковъ на кострахъ вошло въ то время въ обычай. Но особенно свирѣпствовали гуситы противъ католиковъ. Несмотря на свои междоусобія они нѣсколько разъ побѣдоносно отражали крестовыя ополченія католиковъ. Они перенесли борьбу съ ними за предѣлы Чехіи и залили кровью сосѣдія страны—Австрію, Венгрію, Силезію, Германію, всюду обозначая свое шествіе пожарами и полнымъ разгромомъ селеній.

Пражскіе компактаты и признаніе Сигизмунда королемъ Чехіи; продолженіе усобицы послѣ его смерти. Когда открылся соборъ въ Базелѣ, въ 1431 году, утраквисты, истомленные внутреннею и внѣшнею борьбою, рѣ-

шили во что бы то ни стало добиться соглашенія съ католиками. Кардиналъ Чезарини, который въ качествѣ папскаго легата, руководилъ послѣднимъ крестовымъ походомъ противъ гусситовъ и былъ свидѣтелемъ страшнаго пораженія крестоносцевъ при Домажлицахъ (14 ав. 1431 года), употребилъ всѣ усилія, чтобы устроить примиреніе съ чехами. Въ Прагу прибыли делегаты отъ собора и 30 ноября 1433 года заключили слѣдующіе *компактаты* съ. чехами: 1) причащеніе подъ обоими видами дается чехамъ и мораванамъ по достиженіи ими совершеннолѣтія, при чемъ какъ подъ видомъ хлѣба, такъ и подъ видомъ вина разумѣется тѣло и кровь Христовы; 2) смертные грѣхи, если они касаются каноническаго права, караются духовенствомъ, а если гражданскаго права, то государственною властью; 3) слово Божіе можетъ быть свободно проповѣдуемо съ благословенія церковныхъ властей; 4) священники могутъ владѣть наслѣдственными имѣньями и управлять церковными имѣньями. Въ этомъ соглашеніи участвовали, какъ сказано, только утраквисты. Табориты взялись за оружіе для защиты своего дѣла, но подъ Липанами 30 мая 1434 года были на голову разбиты утраквистами, при чемъ пали и главные вожди ихъ Прокопъ Великій и Прокопъ Малый. Утраквисты сдѣлались послѣ того господами положенія и вступили въ переговоры съ императоромъ Сигизмундомъ. Императоръ призналъ пражскіе компактаты, обязался содѣйствовать ихъ утвержденію Базельскимъ соборомъ и разрѣшилъ чехамъ избрать въ архіепископы одного изъ вождей утраквистовъ — Рокицану. Чехи съ своей стороны признали его своимъ королемъ. 25 августа 1436 года Сигизмундъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Прагу. Населеніе восторженно привѣтствовало его, надѣясь, что наступитъ, наконецъ, давно желанный миръ.

Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться въ скоромъ времени. Сигизмундъ съ небольшимъ только годъ процарствовалъ въ Чехіи. По смерти его (9 дек. 1437 г.) католики и утраквисты избрали королемъ зятя его Альбрехта Австрійскаго. Но табориты обратились къ польскому королю Владиславу III и призвали на помощь польскія войска. Чехія снова подверглась опустошенію со стороны иноземныхъ войскъ. Въ 1439 году Альбрехтъ умеръ, и въ Чехіи возобновилась внутренняя борьба по поводу замѣщенія престола. Эта борьба стояла въ тѣсной связи съ непрерывавшимся религіознымъ разномысліемъ чеховъ. Нѣсколько разъ чехи пытались притти къ соглашенію въ вопросахъ вѣры, но безуспѣшно. Положеніе дѣлъ усложнялось еще и тѣмъ, что пражскіе компактаты не были приняты папою.

Пораженіе таборитовъ и возникновеніе общины чешскихъ братьевъ. Внутренняя борьба въ Чехіи прекратилась лишь послѣ того, какъ вождь утраквистовъ Юрій Подѣбрадскій, объявленный регентомъ (správce) государства за малолѣтствомъ сына Альбрехтова Ладислава Погробовца, взялъ Таборъ (въ 1452 г.). Большая часть таборитовъ послѣ того соеди-

нилась съ утраквистами и приняла ихъ обряды и догматы, меньшинство объединилось вокругъ Петра Хельчицкаго и образовало общину такъ называемыхъ *чешскихъ братій*. Но воинственный пылъ уже остылъ у этихъ преемниковъ таборитовъ. Подобно своимъ предшественникамъ они стремились къ созданію на землѣ царствія Божія, но не мечомъ, какъ табориты, а исключительно духомъ христіанской любви, отрицаніемъ всякаго насилія, всякаго внѣшняго закона. Законъ правственный, по мнѣнію Хельчицкаго, имѣетъ безпредѣльную силу дѣйствія на человѣка, и всякое внѣшнее установленіе только ограничиваетъ эту силу. На этомъ основаніи Хельчицкій отвергалъ государственную организацію, необходимость всякихъ властей и учрежденій. Война въ его глазахъ безусловно противна Богу. Ученики его должны были воздерживаться отъ всякихъ общественныхъ и государственныхъ должностей, должны были переносить все, терпѣливо подчиняться всему, никогда не отражая силы силою, никогда не мстя зломъ за зло, дѣйствуя единственно нравственнымъ оружіемъ убѣжденія. Такъ уже въ XV в. раздавались рѣчи о непротивленіи злу и о ненужности внѣшней общественной организаціи, которыя пришлось слышать намъ въ концѣ XIX в. и началѣ XX вѣка.

Междоусобная борьба въ Чехіи при Юріи Подѣбрадскомъ; утвержденіе въ Чехіи династіи Ягеллоновъ. Покончивъ съ таборитами Юрій Подѣбрадскій возвелъ на престолъ и короновалъ въ Прагѣ (28 октярбя 1453 г.) Ладислава Погробовца, признаннаго королемъ также и въ Венгріи.

Ладиславъ Погробовецъ, когда пришелъ въ совершенный возрастъ выдалъ грамоту чехамъ, въ коей обязался соблюдать базельскіе или пражскіе компактаты и другія обязательства императора Сигизмунда и подтвердилъ всѣ вообще права и вольности пановъ, рыцарства и мѣстъ. Но недолго Чехія была подъ его управленіемъ. Въ 1457 году онъ внезапно скончался, по признанію тогдашнихъ врачей, отъ чумы. Чехамъ снова пришлось избирать короля. На этотъ разъ выборъ ихъ палъ на пана Юрія изъ Подѣбрада, бывшаго регентомъ при покойномъ королѣ (2 марта 1458 года).

Юрій былъ избранъ королемъ собственно утраквистами. Чешскіе католики и сосѣдніе католическіе государи согласились признать его лишь потому, что онъ отрекся отъ гусситизма и далъ тайное устное обѣщаніе возвратить и подданныхъ своихъ въ лоно католической церкви. На первыхъ порахъ Юрій поддерживалъ самыя дружественныя сношенія съ Римомъ и оказывалъ покровительство католицизму и въ Чехіи, хотя въ то же время не порывалъ и съ утраквизмомъ. Такое балансированіе не могло продолжаться до безконечности, и рано или поздно Юрій долженъ былъ склониться въ ту или другую сторону. Пользуясь покровительствомъ короля католики перешли въ наступленіе па утраквистовъ. Епископъ Вроцлавскій Іоштъ изъ Розенберга выступилъ открыто въ Прагѣ противъ чаши. Этотъ поступокъ вызвалъ сильное возбужденіе противъ короля, въ которомъ заподозрѣвали главнаго виновника дерзкой выходки епископа, и трону

Юрія стала угрожать опасность. Чтобы спасти его, Юрій поспѣшилъ торжественно признать пражскіе компактаты основнымъ государственнымъ закономъ. Этимъ поступкомъ онъ открыто разорвалъ съ Римомъ. Папа Пій II съ своей стороны отвѣтилъ на это объявленіемъ компактатовъ недѣйствительными (31 марта 1461 года), и агитаціею противъ Юрія въ Чехіи.

Результатомъ этого былъ открытый мятежъ католическихъ пановъ и мѣщанъ противъ Юрія. Къ нимъ присоединилось не мало гусситскихъ пановъ и шляхты, недовольныхъ обогащеніемъ и возведеніемъ на высшія должности королевскихъ сыновей. Мятежники провозглашали, что король хочетъ упрочить свою династію на чешскомъ престолѣ и лишить чеховъ права вольной элекціи. Составилась въ 1465 году такъ называемая *Зеленогорская конфедерація*, поставившая себѣ цѣлью низложить Юрія и возвести на чешскій престолъ либо Польскаго, либо Венгерскаго короля. Но Польскій король Казимиръ уклонился отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Чехіи. Зато Венгерскій король Матвѣй Корвинъ явился послушнымъ орудіемъ папской политики и вступилъ въ борьбу съ Юріемъ, во время которой занялъ у него Моравію и Силезію. Юрій искалъ союза съ Польшею и выдалъ свою дочь Людмилу за польскаго королевича Владислава, котораго призналъ своимъ преемникомъ на чешскомъ престолѣ, буде у него не останутся наслѣдники мужского пола. Польское посредничество не успѣло еще принести плоды, и Юрій умеръ въ самый разгаръ своей борьбы съ католическою конфедераціею и Венгріею, 22 марта 1471 г.

По смерти Юрія Подѣбрадскаго въ Чехіи началась борьба по вопросу о замѣщеніи престола. Католики, среди которыхъ было множество нѣмцевъ, остановили свой выборъ, конечно, на своемъ союзникѣ, Венгерскомъ королѣ Матвѣѣ Корвинѣ, и поспѣшили короновать его въ Иглавѣ въ Моравіи. Но утраквисты избрали польскаго королевича Владислава. Ему предложены были слѣдующія условія: держаться пражскихъ компактатовъ, не нарушать правъ и вольностей чешскихъ чиновъ; довѣрять коронныя клейноты только особамъ, избраннымъ чинами; короноваться въ Прагѣ, раздавать свѣтскія и духовныя должности только мѣстнымъ уроженцамъ; для установленія внутренняго мира позаботиться объ уничтоженіи папскаго интердикта, наложеннаго на Чехію; выкупить королевскіе города и замки, состоящіе въ залогѣ, держать вдову и сыновей покойнаго короля въ надлежащей чести; выплатить долги покойнаго короля; не нанимать солдатъ безъ вѣдома пановъ, монету выпускать мѣстной чеканки; вознаградить герцога Саксонскаго Альбрехта за помощь, оказанную противъ Матвѣя Венгерскаго. Королевичъ принялъ эти условія и пріѣхалъ въ Прагу, гдѣ сопутствовавшіе ему польскіе епископы совершили (въ августѣ 1471 года) надъ нимъ обрядъ коронаціи. Матвѣй Венгерскій не хотѣлъ уступить ему своего мѣста въ Чехіи, и около семи лѣтъ еще продолжалась борьба между претендентами на чешскій престолъ.

Эта борьба кончилась компромиссомъ: въ концѣ 1478 г. Владиславъ и Матвѣй заключили между собою договоръ, въ силу котораго Владиславъ оставался правителемъ только Чехіи съ титуломъ Чешскаго короля, а Матвѣю, сохранявшему за собою также титулъ Чешскаго короля, достались пожизненно Моравія, Силезія и Лужицы; по смерти его эти земли должны были быть выкуплены къ чешскому королевству за 400 т. золотыхъ венгерскихъ. Владиславъ и Матвѣй признавали другъ друга наслѣдниками: кто изъ договаривающихся переживетъ другого, тотъ и наслѣдуетъ ему въ его части чешской короны. Владиславъ пережилъ Матвѣя и не только собралъ въ своихъ рукахъ всѣ чешскія земли, но и былъ избранъ въ 1490 г. венгерскимъ королемъ.

Столкновеніе короля Владислава съ утраквистами; Кутногорскій сеймъ 1485 года и его постановленіе о свободѣ вѣроисповѣданія для католиковъ и утраквистовъ. Несмотря на свое обѣщаніе соблюдать пражскіе компактаты и держать пріязнь съ духовенствомъ чашниковъ, король Владиславъ въ началѣ своего правленія обнаружилъ было намѣреніе возстановить въ Чехіи католическое правовѣріе во всей чистотѣ и сталъ преслѣдовать наиболѣе рьяныхъ проповѣдниковъ утраквизма. Но это вызвало мятежъ въ Прагѣ, кончившійся избіеніемъ католическихъ консуловъ мѣста, разграбленіемъ монастырей и заключеніемъ въ тюрьму многихъ мѣщанъ-католиковъ. Король долженъ былъ помириться съ пражанами и признать архіепископомъ Пражскимъ епископа съ Цикладскихъ острововъ, Августина Луціана, который покинулъ свою епархію и явился въ Прагу къ услугамъ утраквистовъ. Сеймъ, собравшійся въ Кутной горѣ, въ мартѣ 1485 года, провозгласилъ свободу вѣроисповѣданія для утраквистовъ и католиковъ. По смерти архіепископа Луціана утраквисты нашли себѣ другого подобнаго же епископа Филиппа de Novavilla, епископа Сидонскаго in partibus infidelium. Онъ согласился править чешскою церковью и посвящать утраквистамъ священниковъ. Благодаря этому чешская національная церковь могла просуществовать нѣкоторое время, не порывая окончательно связей съ католическою, хотя и не признанная главою католицизма—папою.

Кутногорскій сеймъ 1485 года, провозгласившій свободу вѣроисповѣданія, имѣлъ въ виду прекратить внутреннюю борьбу, которая велась въ Чехіи почти цѣлое столѣтіе. Эта борьба не затихла, однако, окончательно и поднялась вновь, но уже въ видѣ соціально-политической борьбы, скинувъ съ себя религіозную оболочку.

Соціально-политическое усиленіе чешскаго панства послѣ религіозныхъ войнъ. Выше было сказано, что борьба католиковъ и утраквистовъ съ таборитами была не только борьбою религіозныхъ направленій, но и борьбою высшихъ классовъ съ низшими. Разгромъ таборитовъ ознаменовалъ собою побѣду высшихъ классовъ. Больше всѣхъ оказались въ выигрышѣ чешскіе паны. По ихъ преимущественно домамъ разошлись колос-

сальныя имущества церкви, самовольно захваченныя ими во время церковной революціи. Они же успѣли овладѣть и большею частью королевскихъ доменъ, отчасти путемъ простого захвата, отчасти путемъ принятія въ даръ или залогъ отъ королей, искавшихъ ихъ поддержки для утвержденія на престолѣ или для борьбы съ крайними элементами гусситства. По окончаніи гусситской междоусобной борьбы въ Чехіи оказалась полная перестановка аграрныхъ отношеній по сравненію съ догусситскимъ временемъ. Если наканунѣ гусситскаго движенія самыми крупными землевладѣльцами въ странѣ были церковь и король, то теперь самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ явилась чешская аристократія. Эта аристократія сосредоточила въ своихъ рукахъ огромныя имѣнья. Сдѣлавшись самою крупною общественною силою de facto, чешскіе паны стали стремиться къ тому, чтобы обезпечить свое положеніе и de jure, оградить себя разными привилегіями въ отношеніи къ другимъ классамъ общества. Они воспользовались тѣмъ, что на чешскомъ престолѣ сѣлъ молодой, легкомысленный и слабовольный Владиславъ Казимировичъ и предъявили свои требованія. Они вынудили у короля грамоту, въ силу которой забота объ общественномъ благѣ признавалась дѣломъ пановъ и рыцарства, а мѣщане устранялись отъ участія въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ. Эта грамота предписывала вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ отставнымъ солдатамъ въ теченіе двухъ недѣль вернуться къ своимъ панамъ или поступить вновь въ подданство къ кому-нибудь изъ нихъ, подъ страхомъ судебной отвѣтственности. Грамота объявляла, что никто изъ крестьянъ не можетъ уйти отъ своего пана безъ его разрѣшенія или безъ представленія себѣ замѣстителя. Нарушившіе это запрещеніе не могутъ считаться свободными людьми. Всѣ эти распоряженія имѣютъ видъ полицейскихъ предписаній, вызванныхъ заботою объ общественномъ спокойствіи, о прекращеніи междоусобной борьбы и о возвращеніи трудящагося населенія къ мирнымъ занятіямъ. Но значеніе ихъ идетъ гораздо дальше полицейскихъ мѣръ, по существу своему имѣющихъ временный и случайный характеръ. Грамота Владислава закрѣпляла политическое преобладаніе военнаго класса надъ торговопромышленнымъ и соціальное подчиненіе ему земледѣльческаго класса. По отношенію къ послѣднему грамота была только звеномъ въ цѣпи тѣхъ отношеній, которыя складывались въ то время между этимъ классомъ и землевладѣльцами. Разоренное и ослабленное продолжительными войнами чешское крестьянство быстро шло по пути подчиненія своимъ панамъ, которые самовольно увеличивали оброки крестьянъ, вводили барщинныя повинности и исподоволь разрушали крестьянское самоуправленіе, замѣняя ихъ суды вотчинною юрисдикціею. Грамота Владислава прикрѣпляла крестьянъ къ землѣ. За этимъ распоряженіемъ послѣдовали и другія. Сеймъ 1487 года опредѣлилъ большой штрафъ за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ, покинувшихъ безъ позволенія своего господина. Земскій судъ пересталъ принимать жалобы крестьянъ на своихъ господъ; всѣ прежніе

договоры между панами и крестьянами стали признаваться недѣйствительными. Всѣми этими распоряженіями и толкованіями крестьяне отдавались въ полное распоряженіе своихъ пановъ.

Рада земская, какъ органъ чешскаго панства. Обезпечивъ себя въ отношеніи мѣщанъ и крестьянъ, паны стали стремиться къ тому, чтобы оградить свое положеніе отъ посягательства ближайшаго къ нимъ общественнаго класса рыцарства, или *владыкъ*. На сеймѣ 1497 года они добились отъ короля грамоты, въ силу которой большинство высшихъ государственныхъ должностей должны были замѣщаться впредь лицами панскаго сословія, а именно должности пражскаго бургграфа, канцлера, великаго коморника, великаго гофмейстера, судьи надворнаго, великаго земскаго судьи. Все это были должности, дававшія мѣсто въ государственномъ совѣтѣ чешскаго королевства (rada zemska), который такимъ образомъ сталъ органомъ панской аристократіи. Владыкамъ дано было въ немъ только два мѣста—подкоморія наивысшаго и великаго писаря земскаго. За мѣщанами пока сохранилось право быть назначенными на должность подкоморія наивысшаго. Но въ 1514 году это право было уничтожено, и рада земская стала органомъ шляхетскаго сословія въ широкомъ смыслѣ, съ преобладаніемъ высшаго его слоя—пановъ.

Попытка къ исключенію мѣщанскихъ представителей изъ сейма и ея неудача. На сеймѣ 1500 г. паны и шляхта рѣшили пересмотрѣть всѣ вообще постановленія, внесенныя въ земскія доски, и составить изъ нихъ одинъ статутъ (zřízeni zemská). Дѣло это было поручено Альбрехту Ренделю, великому земскому писарю. Рендель внесъ въ новый статутъ все, что паны и рыцари уже успѣли утвердить за собою, и чего они добивались въ ущербъ другимъ сословіямъ. Когда статутъ былъ опубликованъ, чешскія мѣста заявили протестъ противъ исключенія ихъ изъ сейма. На помощь имъ явился ученый юристъ—*Корнелій Вшегрдъ*, который собралъ всѣ древнѣйшія узаконенія Чехіи и составилъ изъ нихъ сводъ законовъ подъ названіемъ «Девять книгъ о законахъ, судахъ и доскахъ чешской земли». Здѣсь даны были неоспоримыя доказательства давнишняго участія мѣщанъ въ чешскихъ сеймахъ. Споръ перешелъ на рѣшеніе короля. Король сначала объявилъ приговоръ въ пользу пановъ и рыцарства. Но мѣщане не захотѣли подчиниться этому приговору, а когда король уступилъ имъ, не захотѣли подчиняться паны и рыцари. Дѣло дошло до открытаго междоусобія между панами и рыцарями съ одной стороны и мѣщанами—съ другой. Мѣщане стойко отстаивали свои права. Борьба эта кончилась уже по смерти короля Владислава (1516 г.), при сынѣ его Людовикѣ. На сеймѣ 1517 года состоялось такъ называемое Святовацлавское соглашеніе, по которому мѣщане отказались отъ своего исключительнаго права на производство хмельныхъ напитковъ, а паны и рыцари признали за ними третій голосъ на сеймахъ.

Общіе итоги государственнаго развитія Чехіи къ концу среднихъ вѣковъ. Такъ, Чешское государство вышло изъ среднихъ вѣковъ не съ

такимъ однороднымъ и одностороннимъ представительствомъ, какъ родственное ему Польское государство. Въ остальномъ оно вышло очень похожимъ на Польское государство. Въ Чехіи такъ же, какъ и въ Польшѣ, верховную власть въ государствѣ забралъ сеймъ. Такъ же, какъ и въ Польшѣ въ Чехіи установилась избирательная и слабая монархія. Безъ совѣта и согласія съ сеймомъ король не могъ издавать законы, объявлять войну, налагать подати, распоряжаться государственными имуществами (привилей Владислава 1510). Но этотъ порядокъ вещей не упрочился въ Чехіи на столь продолжительное время, какъ въ Польшѣ. Въ 1526 году въ битвѣ съ турками погибъ юный король Людовикъ. Чехи избрали себѣ королемъ Фердинанда Австрійскаго и ввели такимъ путемъ свое государство въ составъ политическаго конгломерата, именуемаго Габсбургскою монархіею. Въ составѣ этой монархіи Чехія сначала находилась на положеніи отдѣльнаго и вполнѣ самостоятельнаго государства. Но мало-по-малу она стала нисходить на положеніе провинціи, стала утрачивать свои государственныя права. Габсбурги въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, за небольшими исключеніями, неуклонно держались въ отношеніи Чехіи одной политики—уничтоженія народныхъ вольностей, всѣхъ особенностей ея строя и быта, унаслѣдованныхъ отъ эпохи самостоятельнаго существованія. Прежде чѣмъ перейти къ обозрѣнію этого процесса, необходимо подвести итоги предшествовавшему развитію Чехіи, уяснить ея политическій, соціальный и церковный status, какъ онъ опредѣлился къ концу самостоятельнаго существованія Чешскаго государства

Важнѣйшая литература.

Palacký Fr., Dějiny narodu českého v Čechách a na Morave, 6 vyd.. Díl III, IV, V.

Tomek W. W, Dějepis města Prahy, Díl IV—10.

Zap K. V., Vypsání husitské valky. Praha 1893.

Denis Ernest, George de Podiébrad. La Bohême pendant la seconde moitié du XV siécle. Paris 1887.

—Fin de l'indépendence de la Bohême. 1. George de Podiebrad, les Jagellons. Paris 1890.

Vlček Jar., Dějiny české literatury. Praha 1897.

Kalousek J., České statní právo. Praha 1892.

Čelakowsky Jar. Povšechne české dejiny pravní. 2 vyd.

XIV.

Государственный и общественный строй и церковное состояніе Чехіи въ началѣ XVI вѣка.

Отношеніе Чешскаго королевства къ имперіи. Мы уже видѣли, какъ опредѣляла международное положеніе Чехіи Золотая булла Карла IV. Король Чешскій по этой буллѣ былъ первымъ княземъ имперіи, наслѣдственнымъ архичашникомъ и первымъ изъ свѣтскихъ курфюрстовъ. Его подтверждалъ въ этомъ званіи императоръ, вручавшій ему хоругвь королевства чешскаго послѣ «принятія» его чешскими чинами и коронаціи. Въ качествѣ князя имперіи король чешскій имѣлъ право участвовать въ имперскихъ сеймахъ. Но при всемъ томъ Чешское государство не было княжествомъ имперіи, какъ всѣ прочія. Въ случаѣ прекращенія династіи оно не спадало на имперію, какъ остальныя княжества, и императоръ не имѣлъ права отдавать его въ ленъ какому-либо владѣльцу; вакантный престолъ замѣщался по избранію земскаго сейма. Власть императора не простиралась на внутреннія отношенія этого государства. Король обладалъ полнотою суверенитета, и никто изъ его подданныхъ не имѣлъ права жаловаться на его дѣйствія, аппеллировать отъ его суда къ суду императора, какъ это было въ остальныхъ княжествахъ Германіи. Такикъ образомъ, Чехія и въ составѣ имперіи продолжала оставаться самостоятельнымъ государствомъ, связаннымъ съ нею узами почетнаго, а не реальнаго подчиненія. Фактическое положеніе вещей до изданія буллы и непосредственно послѣ изданія вполнѣ совпадало съ опредѣленіями Золотой буллы. Ни предшественники, ни пріемники Карла IV на императорскомъ престолѣ не чинили въ предѣлахъ Чехіи суда и управы, не издавали какихъ-либо распоряженій или законовъ, не созывали здѣсь имперскихъ сеймовъ, не жаловали никому пребендъ, бенефицій и т. д. Чешскіе короли пользовались свободою и во внѣшней политикѣ, вели по своей иниціативѣ и на свой страхъ войны, заключали договоры и т. д.

Фридрихъ III еще болѣе подчеркнулъ самостоятельное положеніе Чехіи въ грамотѣ, выданной королю Юрію Подѣбрадскому въ 1462 году. Эта грамота устанавливала, что король Чешскій обязанъ принимать инвеституру отъ императора только въ предѣлахъ собственнаго королевства или въ томъ случаѣ, если императоръ будетъ находиться не далѣе 10—15 миль отъ чешской границы; что онъ обязанъ присылать для римскаго похода императора не болѣе 150 всадниковъ или 150 гривенъ серебра взамѣнъ; что намѣстники, которыхъ вмѣсто себя будутъ ставить императоры, не будутъ пользоваться никакими правами власти по отношенію къ коро-

левству Чешскому. Самостоятельное и обособленное положеніе, которое занимала Чехія въ составѣ имперіи, явствуетъ и изъ того, что она не включена была въ организацію, введенную Максимиліаномъ. Въ 1492 году учрежденъ былъ имперскій судъ для разбора столкновеній и споровъ между членами имперіи. Въ 1500 и 1512 годахъ имперія раздѣлена была на 10 округовъ, и установлены были по два намѣстника для каждаго округа, на которыхъ возложена обязанность приводить въ исполненіе приговоры имперскаго суда, собирать подати на нужды имперіи и имперское войско. Чехія не попала въ составъ этихъ округовъ и не подчинена была юрисдикціи имперскаго суда и власти окружныхъ начальниковъ. Послѣдній передъ Габсбургами король Людовикъ Ягеллонъ правилъ въ Чехіи, не обращаясь за инвеститурою къ императору Карлу V. Карлъ V по просьбѣ брата Фердинанда, сдѣлавшагося королемъ Чехіи, въ 1530 году выдалъ грамоту, въ коей подтвердилъ королевству Чешскому всѣ права и вольности, полученныя отъ его предшественниковъ. Итакъ, Чехія вошла въ составъ Габсбургскихъ владѣній самостоятельнымъ, особымъ государствомъ.

Земли чешской короны и ихъ отношенія къ Чехіи. Главною частью, ядромъ этого государства была собственная *Чешская земля,* какъ она опредѣлилась при Пшемысловичахъ, или «королевство Чешское» въ узкомъ смыслѣ слова. Съ нею нераздѣльно была связана *Моравія*, которую присоединилъ къ Чехіи Бжетиславъ I въ 1029 году (передъ этимъ Моравія была подъ властью сначала венгровъ, а затѣмъ поляковъ). Въ XIV вѣкѣ при короляхъ Люксембургской династіи къ Чехіи были присоединены *Силезія*, *Верхнія* и *Нижнія Лужицы* и множество мелкихъ владѣній въ предѣлахъ Германіи, которыя, впрочемъ, не считались частями Чешскаго королевства, а только ленными владѣніями чешскихъ королей. Карлъ IV въ качествѣ Римскаго императора грамотою отъ 7 апрѣля 1348 г. призналъ Моравію въ составѣ трехъ ея частей, т.-е. маркграфства Моравскаго, бискупства Ольмуцкаго и воеводства Опавскаго, Силезію и Лужицы неотчуждаемыми ленами Чешской короны, которые никто не имѣетъ права раздавать, кромѣ короля Чешскаго, и владѣтели которыхъ никому не должны повиноваться кромѣ короля чешскаго. Первый Габсбургъ въ грамотѣ, выданной чешскому посольству въ Вѣнѣ 13 декабря 1526 г., обязался держать эти земли къ чешской коронѣ и защищать ихъ отъ всякихъ притязаній со стороны.

Первоначально всѣ названныя владѣнія были только ленами чешской короны. Король Чешскій не правилъ въ нихъ непосредственно: правителями были его вассалы—маркграфъ, бискупъ, воевода и князья. Съ теченіемъ времени, однако, эти земли поступали подъ непосредственную власть короля. Въ началѣ XV вѣка спали на короля Лужицы и были поставлены подъ управленіе королевскихъ фогтовъ. Въ 1438 году, когда маркграфъ Моравскій Альбрехтъ, братъ Сигизмунда, былъ избранъ Чешскимъ королемъ, поступила подъ непосредственную власть Чешскаго ко-

роля и Моравія. Король Юрій Подѣбрадскій грамотою 1464 года гарантированъ, что маркграфство Моравское навсегда соединено съ короною королевства Чешскаго и никогда не будетъ отлучаться отъ власти Чешскаго короля ни торгомъ, ни дареніемъ, ни мѣною, ни отдачею въ приданое или залогъ, равно не будетъ раздѣляться на части и отчуждаться. Подобныя же гарантіи содержали грамоты короля Владислава и Людовика отъ 1511 и 1522 гг. относительно воеводства Опавскаго, которое попало подъ непосредственную власть короля въ 1460 г., и Силезскихъ выморочныхъ княжествъ (въ эпоху гусситскихъ войнъ отошли отъ Чехіи къ Польшѣ княжества Осветимское, Заторское и Сѣверское). Но хотя всѣ эти земли и поступали подъ непосредственную власть Чешскаго короля, онѣ не теряли вмѣстѣ съ тѣмъ своей особности и самобытности. По крайней мѣрѣ это справедливо относительно Моравіи и Силезіи. Въ Моравіи собирался свой собственный сеймъ независимо отъ Чехіи, на которомъ обсуждались и рѣшались мѣстныя дѣла, производился судъ и издавались мѣстные законы, устанавливались сборы субсидій для короля и т. д. Во второй половинѣ XV в. образовался сообый сеймъ и въ Силезіи. Всѣ земскія должности въ Моравіи замѣщались моравааами, природными обывателями земли, въ ней осѣдлыми, т.-е. имѣющими недвижимую собственность. Впрочемъ этотъ порядокъ, утвержденный грамотою Карла IV, соблюдался не строго: чехи, пріобрѣтшіе имѣнья въ Моравіи, попадали на земскія должности въ этой странѣ и обратно—мораване получали должности въ Чехіи. Округа, спавшіе на короля въ Силезіи, сначала управлялись чехами. Но съ теченіемъ времени силезцы стали добиваться того, чтобы на должности въ Силезіи назначались природные силезцы. Въ 1498 году король Владиславъ Ягеллонъ исполнилъ ихъ желаніе и выдалъ грамоту, коею гарантировалъ Силезіи полную обособленность отъ Чехіи. По этой грамотѣ на должность главнаго *гейтмана* и окружныхъ должны назначаться природные силезцы; судъ долженъ заканчиваться въ предѣлахъ земли и аппелляція не должна итти за предѣлы земли; силезцы не должны ходить на войну за предѣлы своей земли; безъ ихъ согласія не должны вводиться никакіе новые налоги и пошлины и т. д. Такая широкая автономія земли граничила уже съ отторженіемъ ея отъ Чехіи, и естественно, что чешскіе чины возстали противъ нея и въ 1510 году вынудили у короля Владислава новую грамоту, коею онъ отмѣнялъ грамоту 1498 г. и обѣщался на должности въ Силезіи ставить только природныхъ чеховъ. Но силезцы продолжали бороться за особность и самобытность своей земли и въ XVI в. отъ трехъ королей получали подтвержденія грамоты 1498 года. Особность и самобытность земель проявлялись наиболѣе нагляднымъ образомъ въ порядкѣ избранія и утвержденія новыхъ королей. Обыкновенно король избирался и принимался сначала на чешскомъ сеймѣ а затѣмъ уже происходило и торжественное признаніе его и присяга въ земляхъ аннектированныхъ. Такимъ порядкомъ взошелъ на чешскій престолъ и первый Габсбургъ—Фердинандъ I въ 1526 году. При

этомъ разныя земли чешской короны обнаружили даже различное понимание этого факта. Чехи держались той точки зрѣнія, что они добровольно, безъ всякихъ на то правъ Фердинанда, избрали его королемъ и заставили самого Фердинанда передъ коронаціею выдать имъ въ этомъ смыслѣ грамоту. Мораване признали, что король Фердинандъ сталъ ихъ государемъ, какъ мужъ наслѣдственной ихъ владѣтельницы, дочери Владислава Анны. На тѣхъ же основаніяхъ признали его власть Силезія, Верхнія и Нижнія Лужицы. Аналогичный случай былъ и раньше, въ 1452 г., при избраніи королемъ Ладислава Погробовца. Наглядным выраженіемъ особности и самобытности маркграфства Моравскаго является сборникъ законовъ Моравской земли, или *книга Товачевская*, составленная въ восьмидесятыхъ годахъ XV вѣка паномъ Цтиборомъ изъ Товачова, по просьбѣ моравскихъ пановъ и судей.

Все это даетъ право заключить, что Чехія вступила въ составъ Габсбургскихъ владѣній съ характеромъ *федералистическаго* государства.

Замѣщеніе королевскаго престола; право принятія королей. Во главѣ этого государства стоялъ король Чешскій, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ маркграфомъ Моравскимъ, великимъ герцогомъ, или воеводою, Силезіи и Лужицъ. По основному государственному закону, изданному Карломъ IV въ 1348 году, чешская монархія была наслѣдственнымъ достояніемъ данной династіи въ мужской и женской линіи, въ порядкѣ первородства, и только въ случаѣ прекращенія династіи прелатамъ, воеводамъ, князьямъ панамъ, рыцарямъ и всему народу королевства Чешскаго и его владѣній принадлежало право избранія короля по усмотрѣнію. Этотъ законъ съ теченіемъ времени терпѣлъ разныя ограниченія. Чешскія сословія склонны были обыкновенно уменьшать права наслѣдниковъ женскаго пола. Установилась точка зрѣнія, что королевскія дочери, выданныя замужъ безъ вѣдома и разрѣшенія сейма, теряютъ свои наслѣдственныя права, подобно всѣмъ другимъ женщинамъ, выданнымъ родителями замужъ. На этомъ основаніи большинство чеховъ не признало королемъ Сигизмундова зятя Альбрехта Австрійскаго и родившагося послѣ его смерти сына его Ладислава Погробовца. Если послѣдній тѣмъ не менѣе взошелъ на престолъ, то только въ силу свободнаго избранія его на чешскомъ сеймѣ въ 1452 году. Точно такъ же признавался свободно избраннымъ и король Владиславъ Ягеллонъ, хотя онъ былъ сынъ одной изъ дочерей Альбрехта Австрійскаго Елишки и внукъ Елишки, дочери Сигизмунда Люксембурскаго. Равнымъ образомъ не были признаны права на чешскій престолъ по женѣ Фердинанда I Габсбурга, который взошелъ на престолъ по свободному избранію чешскаго сейма и вынужденъ былъ признать это въ своей грамотѣ. Затѣмъ: на ряду съ наслѣдственнымъ правомъ династіи оставалось и право чешскаго сейма «принимать» королей. Право это не было простою формальностью. Наслѣдственный Чешскій король не могъ вступить во власть прежде, чѣмъ не былъ «принятъ» сословіями и не по-

лучилъ отъ нихъ присяги на вѣрность. Поэтому Чешскіе короли еще при жизни своей старались о «принятіи» своихъ наслѣдниковъ. Такъ поступилъ самъ Карлъ IV, издавшій законъ о наслѣдственности чешскаго престола, такъ хотѣлъ поступить Юрій Подѣбродскій, и такъ же поступилъ король Владиславъ Ягеллонъ, еще при жизни своей короновавшій сына своего Людовика. Но чины чешскіе въ концѣ концовъ усмотрѣли въ этомъ посягательство на ихъ свободу въ принятіи королей, и потому при избраніи Фердинанда I въ числѣ другихъ условій предъявили требованіе, чтобы Фердинандъ и его преемники не короновали при жизни своихъ наслѣдниковъ. Хотя это требованіе не было принято, но оно характерно для политическаго настроенія чешскихъ чиновъ. Видно, что они дорожили своимъ правомъ «принятія» новыхъ королей и хотѣли обставить его возможно полною свободою. Это право дорого было для нихъ тѣмъ, что давало возможность ставить новымъ королямъ извѣстныя условія. Они «принимали» новаго короля лишь послѣ того, какъ онъ давалъ присягу соблюдать старинныя права и вольности и обѣщался выполнять вновь поставленныя ему требованія, и лишь только послѣ того допускали его къ коронованію и приносили ему вѣрноподданническую присягу. Согласно буллѣ Климента VI отъ 5 апрѣля 1344 года право совершенія обряда коронаціи принадлежало архіепископу Пражскому. Королевская корона, изготовленная Карломъ IV въ честь св. Вацлава, хранилась вмѣстѣ съ другими регаліями въ Карлштейнѣ подъ отвѣтственностью Карлштейнскаго бургграфа, который приносилъ присягу не выдавать ихъ никому, кромѣ тѣхъ, кто будетъ «принятъ» королемъ чешскими чинами. Тотъ же Климентъ VI издалъ буллу, въ силу которой корона св. Вацлава не могла быть ни продаваема, ни закладываема, ни какимъ-либо другимъ образомъ отчуждаема, подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Въ тѣхъ случаяхъ, когда новый король не соглашался на принятіе поставленныхъ ему условій, чехи отказывались признавать его, хотя бы его наслѣдственное право оставалось внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ поступили они въ 1426 году съ императоромъ Сигизмундомъ, который не хотѣлъ приступить «къ правдамъ четырехъ Пражскихъ артикуловъ», и стояли на своемъ до самаго 1436 года, когда Сигизмундъ согласился наконецъ подтвердить всѣ старинныя вольности земскія и пресловутые артикулы. Изъ всего этого видно, что чешская монархія не была наслѣдственной въ патримоніальномъ смыслѣ. Въ ней наслѣдственность своеобразно уживалась съ избирательнымъ правомъ націи, въ которомъ эта монархія имѣла свой источникъ и свою санкцію. Чешскіе короли были государями не только милостью Божіею, но и вмѣстѣ съ тѣмъ волею народа. Такое своеобразное сочетаніе наслѣдственности и избирательности наблюдается не только въ Чехіи, но и въ другихъ славянскихъ государствахъ, а именно въ Польшѣ и великомъ княжествѣ Литовскомъ въ эпоху Ягеллоновъ.

Объемъ власти короля. До гусситскихъ войнъ въ отношеніи къ коро-

левской власти господствовало возрѣніе, что королю принадлежатъ всѣ верховныя права съ тѣми ограниченіями въ пользу сословій, которыя указываются въ земскихъ привилегіяхъ. Послѣ гусситскихъ войнъ все болѣе и болѣе утверждалось обратное воззрѣніе, что верховныя права принадлежатъ высшимъ сословіямъ, которыя могутъ ихъ расширить и уменьшить, а королю и низшимъ сословіямъ лишь настолько, насколько пожелаютъ имъ уступить и признать высшія сословія. Въ общемъ за королемъ признавались слѣдующія права:

Во-первыхъ, право и вмѣстѣ обязанность быть защитникомъ чешской церкви. Поэтому съ 1436 года чехи при избраніи и принятіи своихъ королей ставили имъ условіе соблюдать Пражскіе компактаты, заключенные съ Базельскимъ соборомъ и отвергнутые папою Піемъ II въ 1462 году. Во-вторыхъ, высшая военная власть и представительство государства въ его отношеніяхъ къ другимъ. Король объявлялъ войну и заключалъ союзы и мирные договоры, предводительствовалъ войскомъ или назначалъ главнокомандующаго, польнаго гетмана (иногда главное начальство поручалось наивысшему бургграфу). Сеймъ давалъ свое согласіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было отправлять земское ополченіе (hotovost) за предѣлы государства, собирать экстренную подать («берно») на военныя нужды или заключать договоры, которые такъ или иначе затрогивали интересы чиновъ. Въ-третьихъ, королю принадлежала высшая судебная власть. Онъ былъ верховнымъ судьею государства, который судилъ всѣхъ лицъ, не подсудныхъ обычнымъ судамъ, и принималъ жалобы и аппелляціи на своихъ судей, подтверждалъ или отмѣнялъ ихъ рѣшенія (исключеніе было для земскаго суда, который въ идеѣ былъ судомъ самого короля), миловалъ осужденныхъ, давалъ грамоты, освобождавшія на извѣстное время отъ явки на судъ или отъ наказанія по суду и т. д. Королю принадлежала затѣмъ и законодательная власть, именно въ сферѣ такъ называемыхъ частныхъ или спеціальныхъ законовъ. Король выдавалъ, напр., грамоты городамъ и селамъ, коими опредѣлялись ихъ устройство, привилегіи монастырямъ, церквамъ и отдѣльнымъ лицамъ и т. д. Въ этомъ отношеніи онъ былъ ограниченъ только предписаніями земскихъ привилеевъ не выдавать никакихъ привилегій частнымъ лицамъ въ ущербъ общимъ правамъ и вольностямъ. Наконецъ, королю принадлежала и высшая распорядительная власть въ государствѣ. Онъ назначалъ намѣстниковъ на время своего отсутствія изъ государства, созывалъ сеймы и съѣзды, раздавалъ должности, титулы и званія, давалъ разрѣшеніе на постройку новыхъ городовъ и монастырей, на учрежденіе новыхъ торговъ и ярмарокъ и т. д. Впрочемъ, и по этой части, какъ увидимъ, власть его была ограничена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ, земскою радою. Такъ, напр., безъ совѣта этой рады король не имѣлъ права раздавать высшихъ, такъ называемыхъ земскихъ должностей въ государствѣ, долженъ былъ раздавать земскіе уряды только природнымъ чехамъ или моравaнамъ и т. д.

Имущества и доходы короля. Въ полномъ распоряженіи короля находились коронныя, или королевскія имѣнія, называвшіяся также *коморными*. Король раздавалъ эти имѣнья за службу во временное или пожизненное владѣніе разнымъ лицамъ, иногда въ ленное владѣніе, т.-е. въ наслѣдственное для мужского потомства, иногда въ полную собственность, устраивалъ на земляхъ этихъ имѣній новые города и села, строилъ дворы, заводилъ при нихъ собственное хозяйство и извлекалъ разнообразные доходы въ свою «комору», или казну. Доходы коморы слагались изъ слѣдующихъ статей: во-первыхъ, изъ постояннаго поземельнаго оброка, который платили мѣщане королевскихъ мѣстъ. Величина этого оброка опредѣлялась обыкновенно въ грамотахъ, выданныхъ мѣщанамъ при самомъ возникновеніи мѣста. Во-вторыхъ, изъ экстренной подати, которую король налагалъ на свои мѣста, такъ называемаго «берна». Это «берно» съ теченіемъ времени стало собираться съ мѣстъ каждый годъ, превратилось въ постоянную подать. Его не нужно смѣшивать съ податью того же наименованія, которая собиралась по опредѣленію сейма; объ этой послѣдней будетъ рѣчь впереди. Въ-третьихъ, изъ поземельнаго оброка и «берна» съ крестьянъ, жившихъ на королевскихъ земляхъ. Въ-четвертыхъ, изъ различныхъ сборовъ съ монастырей. Монастырскія имѣнья въ Чехіи считались также королевскими, и король считалъ себя въ правѣ брать съ нихъ деньги на свои нужды, сначала въ чрезвычайныхъ случаяхъ, а затѣмъ и каждый годъ. Размѣръ этого «берна» опредѣлялся либо собственною властью короля, либо на особыхъ собраніяхъ духовенства, тѣмъ же порядкомъ, какъ и берно съ мѣщанъ. Что касается другихъ сословій, то они обязаны были давать королю «берно» только на коронацію и при выдачѣ королевскихъ дочерей замужъ въ номинальномъ размѣрѣ, опредѣленномъ грамотою Яна Люксембургскаго отъ 1310 г. Въ-пятыхъ, изъ различныхъ таможенныхъ, торговыхъ и промысловыхъ пошлинъ, собиравшихся въ королевскихъ мѣстахъ (такъ называемый ungelt). Сборъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ былъ королевскою регаліею, которая поступала въ частное владѣніе только по особой милости короля. Въ-шестыхъ, изъ регалій въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надо поставить горную регалію. Золото и серебро могъ добывать всякій, и гдѣ угодно, но съ условіемъ платить королю десятую часть добычи. Битье монеты изъ добытаго золота и серебра было также королевскою регаліею, которую онъ уступалъ иногда и частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, правомъ чеканки монеты пользовались нѣкоторые силезскіе князья и паны Шлики (въ Іоахимовѣ) и Розенберги (въ Крумловѣ). Габсурги присоединили сюда еще соляную монополію. Сюда же можно отнести и выморочныя имущества, которыя большей частью спадали на короля. Только нѣкоторыя мѣста пользовались привилегіею наслѣдовать имущества мѣщанъ, не оставившихъ потомства и родственниковъ. Въ-седьмыхъ, изъ различныхъ сборовъ съ евреевъ. Чешскіе короли подобно остальнымъ западноевропей-

скимъ государямъ смотрѣли на евреевъ, какъ на рабовъ казначейства, и считали дозволительнымъ обирать ихъ, сколько возможно. Свою власть въ этомъ отношеніи Чешскіе короли простирали не только на евреевъ, жившихъ въ королевскихъ имѣньяхъ, но и на евреевъ, жившихъ въ имѣньяхъ пановъ и шляхты. Въ-восьмыхъ, изъ судебныхъ штрафовъ и конфискацій. Какъ владѣлецъ коморныхъ имѣній и перечисленныхъ доходовъ, король разсматривался, какъ частное лицо, съ которымъ можно было вести тяжбу, которое было отвѣтственно передъ земскимъ судомъ и п. д. Но такъ какъ король лично и безъ потери своего авторитета не могъ тягаться съ своими подданными, то учрежденъ былъ особый *прокураторъ*, на обязанности котораго было защищать на судѣ интересы короля, какъ одной изъ сторонъ.—Всѣ получаемые изъ перечисленныхъ источниковъ доходы король расходовалъ какъ на нужды своего двора, такъ и на нужды государства вообще.

Наивысшіе урядники земскіе и дворные; высшіе судебные трибуналы. Въ отправленіи своей высшей власти король пользовался помощью высшихъ сановниковъ государства, или такъ называемыхъ наивысшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ. Первое мѣсто между ними принадлежало *наивысшему бургграфу (пуркграбію)* Пражскому. Наивысшій бургграфъ обыкновенно бывалъ намѣстникомъ короля во время его отсутствія изъ государства. На него возлагалась забота объ общественной безопасности и экзекуція надъ мятежниками. Иногда ему поручалось командованіе военными силами государства. Какъ первый сановникъ государства, бургграфъ наивысшій былъ первоприсутствующимъ членомъ земской рады, сейма и земскаго суда. Сверхъ того онъ стоялъ во главѣ особаго бургграфскаго суда, на разбирательство котораго поступали долговые иски по писаннымъ обязательствамъ съ поручительствомъ, по дарственнымъ и сдаточнымъ записямъ, дѣла объ освобожденіи отъ поручительства и т. под. Судъ этотъ состоялъ изъ шести шляхтичей, назначаемыхъ бургграфомъ наивысшимъ; предсѣдательствовалъ на этомъ судѣ обыкновенно не самъ бургграфъ наивысшій, а его замѣститель *бургграфъ Пражскій меньшій*. Юрисдикція бургграфскаго суда не простиралась, впрочемъ, на все государство, ибо кромѣ Пражскаго пуркграбія былъ еще *бургграфъ Градецкаго края*, имѣвшій свой судъ въ этой области и бывавшій также и въ радѣ земской.

По части оффиціальныхъ сношеній и дипломатической переписки королю помогали наивысшій гофмейстеръ земскій, частью наивысшій коморникъ, но болѣе другихъ наивысшій канцлеръ королевства чешскаго. *Наивысшій гофмейстеръ* завѣдывалъ придворными торжествами и церемоніями, принималъ знатныхъ гостей и иностранныхъ пословъ, наблюдалъ за королевскими покоями и конюшнями. Въ этомъ дѣлѣ сотрудникомъ его былъ *наивысшій маршалокъ* земскій, который завѣдывалъ королевскими дворянами и слугами, разбиралъ ихъ споры и недоразумѣнія, а равно иностранцевъ,

живущихъ при дворѣ. *Наивысшій коморникъ* былъ распорядителемъ королевскихъ аудіенцій. *Наивысшій канцлеръ* писалъ и подписывалъ грамоты, исходившія отъ короля, принималъ и читалъ грамоты, присылаемыя на имя короля, говорилъ отъ имени короля на аудіенціяхъ, засѣданіи рады или сейма. Канцлеръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хранителемъ большой государственной печати, которая прикладывалась къ актамъ. Хранителями всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ были *Карлштейнскіе бургграфы*. Въ Карлштейнѣ, особомъ замкѣ, выстроенномъ Карломъ IV, находилось хранилище коронныхъ регалій и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшихъ государственныхъ документовъ, въ родѣ грамотъ, выданныхъ Чешскому государству императорами, земскихъ привилеевъ, выданныхъ чинамъ Чешскими королями и т. д. Эти сокровища и оберегали по очереди два Карлштейнскихъ бургграфа. Комендантомъ самаго города Праги и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшимъ охранителемъ особы короля былъ *гейтманъ города Пражскаго*.

Цѣлый штатъ министровъ помогалъ королю въ управленіи его имѣніями и населеніемъ, жившимъ на королевской землѣ, а равно и въ собираніи доходовъ со всего государства. Хозяйствомъ и доходами короля завѣдывалъ первоначально *наивысшій коморникъ*, имѣвшій помощника въ лицѣ *подкоморія*. Но въ XIII вѣкѣ этотъ помощникъ забралъ въ свои руки все хозяйственное и финансовое управленіе и вытѣснилъ изъ него наивысшаго коморника. При расточительномъ Янѣ Люксембургскомъ подкоморій забралъ въ залогъ большую часть королевскихъ имѣній. Карлъ IV, выкупивъ эти имѣнья, поспѣшилъ отстранить отъ финансовъ подкоморія, выходившаго изъ среды панской знати, и учредилъ для завѣдыванія финансами двухъ *магистровъ коморы*. За подкоморіемъ, впрочемъ, осталась политическая, судебная и финансовая власть надъ королевскими мѣстами и церковными корпораціями, которую онъ сталъ раздѣлять съ *гофрихтеромъ* и *писаремъ коморнымъ*.

Горная и монетная регаліи отданы были въ завѣдыванье особаго штата должностныхъ лицъ, во главѣ которыхъ находился *наивысшій минцмистръ;* ему были подчинены *минцмистры* и *минцари*. Наивысшій минцмистръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ судьею по всѣмъ дѣламъ, касавшимся добычи металловъ, расчетовъ съ казною по этой добычѣ и монетнаго обращенія.

Что касается судопроизводства, то и по этой части король замѣнялся разными должностными лицами. Въ древнѣйшее время такимъ лицомъ былъ чаще всего *дворскій судья* (judex curiae), съ которымъ засѣдали разные другіе урядники земскіе и дворные и разбирали дѣла, поступавшія на разсмотрѣніе короля отъ низшихъ судовъ или непосредственно отъ тяжущихся по особымъ привилегіямъ ихъ. Этотъ *дворный судъ* съ размноженіемъ дѣлъ и усложненіемъ сословно-политическихъ отношеній разбился съ теченіемъ времени на нѣсколько судовъ. Прежде всего отъ него отдѣлился особый *земскій судъ*. Въ XIII в., когда усилилось

политическое значеніе пановъ и шляхты, король сталъ разбирать ихъ дѣла на сеймѣ лично или черезъ уполномоченныхъ сановниковъ. Мало-помалу такимъ путемъ организовался особый земскій судъ изъ высшихъ сановниковъ и членовъ сейма. Въ составъ его вошли наивысшій бургграфъ, наивысшій коморникъ, *судья земскій, писарь земскій* и такъ называемые *кмети* изъ панскаго сословія въ числѣ 12 и владыкъ въ числѣ 8. Бургграфъ былъ собственно предсѣдателемъ суда; наивысшій коморникъ—представителемъ интересовъ короля; онъ собиралъ пошлины и черезъ своихъ коморниковъ приводилъ въ исполненіе рѣшенія суда; судья составлялъ самый приговоръ, а писарь вносилъ его въ *земскія доски* и выдавалъ сторонамъ различныя грамоты. Къ компетенціи земскаго суда отошли всѣ поземельныя тяжбы пановъ, владыкъ, духовныхъ, мѣщанъ и другихъ владѣльцевъ свободной собственности; кромѣ того, этимъ же судомъ разбирались и другія ихъ имущественныя тяжбы и уголовныя дѣла, за исключеніемъ нарушенія общественной безопасности. Помощникомъ земскаго суда по менѣе значительнымъ дѣламъ и вмѣстѣ его исполнительнымъ органомъ былъ *меньшій земскій судъ*, слагавшійся изъ замѣстителей бургграфа коморника, судьи и писаря земскихъ, изъ писаря меньшихъ досокъ земскихъ, урядника королевы и урядника подкоморія. Передъ этимъ судомъ совершались различныя сдѣлки, акты которыхъ вносились въ меньшія доски земскія, такъ что судъ этотъ имѣлъ значеніе и нотаріата. Съ образованіемъ земскаго суда сузилась значительно компетенція дворскаго суда, который сталъ разбирать большею частью дѣла, касающіяся леновъ и имѣній короля, а также его доходовъ, и по связи съ послѣдними дѣла о нарушеніи земскаго мира, которое каралось конфискаціею. При Вацлавѣ IV сословія добились того, чтобы отъ приговоровъ этого суда можно было апеллировать къ суду земскому. Когда понизилось такимъ образомъ значеніе дворскаго суда, Вацлавъ IV поспѣшилъ реставрировать прежній дворскій судъ, но только подъ другимъ именемъ. Онъ сталъ лично разбирать дѣла въ своей коморѣ, т.-е. во дворцѣ, приглашая къ совѣту различныхъ высшихъ сановниковъ, или же поручалъ замѣщать себя на этомъ судѣ какому-нибудь сановнику. Такъ образовался особый *коморный судъ*. который и сталъ разбирать дѣла частью какъ высшая инстанція, частью какъ первая, конкурируя въ этомъ отношеніи съ земскимъ судомъ. Этотъ судъ сталъ называться также *гейтманскимъ*, ибо въ отсутствіе короля на немъ сталъ предсѣдательствовать гейтманъ Пражскій. При Владиславѣ сословія поспѣшили и этотъ возродившійся надворный судъ подчинить суду земскому. Земскій уставъ 1500 г. установилъ, что юрисдикція этого суда простирается на меньшія тяжбы и на дѣла о нарушеніи земскаго мира; всѣ же наиболѣе значительныя дѣла подлежатъ суду земскому. Тогда же было опредѣлено, чтобы въ составъ этого суда входило не менѣе 12 членовъ земской рады подъ предсѣдательствомъ наивысшаго гофмейстера. Съ образованіемъ коморнаго суда старый дворскій судъ уже исклю-

чительно сталъ феодальнымъ судомъ короля, юрисдикціи котораго подлежали королевскіе дворяне и слуги, владѣльцы леновъ, державцы королевскихъ селъ и т. под. Во главѣ этого суда стоялъ *судья дворскій*, а засѣдателями на немъ—нѣсколько пановъ и четверо владыкъ. Отвѣтвленіемъ отъ стариннаго дворнаго суда былъ и судъ *подкоморскій*, на разсмотрѣніе котораго поступали дѣла отъ мѣстскихъ судовъ. Подкоморій разбиралъ эти дѣла первоначально не ex officio, а только по спеціальному порученію, какъ одинъ изъ его дворныхъ судей, и только съ теченіемъ времени судъ этотъ сдѣлался уже правомъ и обязанностью подкоморія.

Чешскій дворный судъ и отдѣлившіяся отъ него вѣтви распространяли свою компетенцію только на Чехію въ собственномъ смыслѣ. Въ Моравіи были свои собственные, параллельные имъ, суды, а именно: судъ земскій, состоявшій изъ наивысшаго коморника, судьи земскаго и писаря земскаго и кметей изъ пановъ и рыцарей подъ предсѣдательствомъ гейтмана маркграфства Моравскаго; ленный судъ дворскій, состоявшій изъ гофрихтера и писаря дворскаго и судъ подкоморскій. Въ Силезіи и Лужицахъ параллельныхъ учрежденій центральнаго характера не было. Для нѣмецкихъ ленниковъ въ концѣ XV в. возникъ особый судъ подъ именемъ «гейтманства ленъ нѣмецкихъ».

Земская рада, ея составъ и функціи; рада, какъ органъ аристократіи. Большинство перечисленныхъ сановниковъ и должностныхъ лицъ помогали королю въ управленіи государствомъ не только своимъ спеціальнымъ дѣломъ, но и совѣтомъ. Обычный совѣтъ, съ которымъ король совѣщался о дѣлахъ текущаго управленія, или *рада земская*, состояла изъ этихъ высшихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ. По обычаю и закону въ составъ земской рады обязательно входили наивысшій бургграфъ пражскій, наивысшій гофмейстеръ, наивысшій маршалокъ земскій, наивысшій коморникъ, судья земскій, канцлеръ и всѣ члены земскаго суда. Это былъ тѣсный совѣтъ короля. Но въ важнѣйшихъ случаяхъ этотъ тѣсный совѣтъ расширялся: къ совѣщаніямъ приглашались члены судовъ коморнаго и дворскаго и другія особы, которымъ было пожаловано званіе королевскаго совѣтника, а на сеймахъ, когда рада земская обсуждала какія-нибудь важныя предложенія сейма, къ ней присоединялись иногда уполномоченные отъ сейма по два отъ каждаго края. Кругъ дѣлъ, который подвергался обсужденію въ засѣданіяхъ рады, не былъ точно опредѣленъ закономъ. Можно сказать, что король совѣщался съ радою по всѣмъ вообще государственнымъ дѣламъ сколько-нибудь значительнымъ. Законъ въ данномъ случаѣ давалъ только одно опредѣленіе, именно, что король долженъ замѣщать вакантныя мѣста въ своей радѣ и судѣ земскомъ по совѣту съ радою земскою. Этотъ законъ, изданный въ 1509 году королемъ Людовикомъ, былъ не чѣмъ инымъ, какъ только подтвержденіемъ и освященіемъ обычая, уже давно практиковавшагося въ Чешскомъ государствѣ. Когда какой-нибудь высшій земскій урядъ или мѣсто въ земскомъ судѣ становились

вакантными, король обращался къ радѣ или земскому суду и отбиралъ совѣты о томъ, кого слѣдуетъ назначить на вакантную должность. Совѣты подавались королю или сообща всѣми членами рады и земскаго суда въ открытомъ засѣданіи, или же каждымъ членомъ рады порознь и письменно. Рада обсуждала и рѣшала важнѣйшія государственныя дѣла не только сообща съ королемъ, но и съ его намѣстникомъ, назначавшимся въ его отсутствіе. Замѣстительство короля поручалось либо одному, либо нѣсколькимъ членамъ рады, а иногда и всей радѣ. Въ качествѣ учрежденія, заступавшаго мѣсто короля (místodřitelstvo), рада, сосредоточивала въ своихъ рукахъ высшую политическую и судебную власть. Рада судила въ первой инстанціи всѣ чрезвычайныя дѣла, выходившія изъ вѣдѣнія закона и обычая, въ послѣдней инстанціи всѣ дѣла, которыя шли на ревизію къ королю.

На высшихъ урядахъ земскихъ и дворныхъ, въ радѣ земской и въ судѣ земскомъ преобладали лица панскаго сословія. Въ началѣ XV вѣка король Вацлавъ IV формально обязался назначать на высшіе уряды пановъ, оставивъ за собою право отдавать писарство земское по усмотрѣнію либо пану, либо владыкѣ, а равно и подкоморство. Низшая шляхта была недовольна этимъ обязательствомъ короля и вынудила у преемника Вацлавова Сигизмунда въ 1437 году грамоту, по которой панамъ обязательно предоставлялись только должности наивысшаго коморника и судьи земскаго, а также двѣнадцать мѣстъ кметскихъ въ земскомъ судѣ, рыцарскому сословію—наивысшее писарство и восемь кметскихъ мѣстъ въ земскомъ судѣ, остальные же уряды предоставлялось королю засѣщать по усмотрѣнію. Но въ концѣ XV вѣка паны увеличили количество своихъ обязательныхъ мѣстъ. На великомъ пражскомъ сеймѣ 1497 года въ присутствіи короля Владислава было постановлено, что должности Пражскаго бургграфа, гофмейстера, маршалка, коморника, судьи земскаго и канцлера впредь обязательно должны замѣщаться панами; одинъ изъ Карлштейнскихъ бургграфовъ долженъ быть непремѣнно также изъ панскаго сословія, а другой—изъ владыкъ; владыками должны замѣщаться писарство земское, подкоморство, бургграфство края Градецкаго; должность минцмистра можетъ быть замѣщена и паномъ, и владыкою, и даже мѣщаниномъ, всецѣло по усмотрѣнію короля. Такъ рада земская сдѣлалась преимущественнымъ органомъ высшаго класса шляхты — пановъ, т.-е. крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Порядокъ замѣщенія и отбываніе высшихъ должностей обезпечивалъ этой радѣ большую самостоятельность въ отношеніи къ королевской власти. Выше уже было сказано, что на высшія должности, дававшія мѣсто въ радѣ земской и судѣ земскомъ, король назначалъ лицъ по представленію рады. Назначеннаго на извѣстную должность король не могъ смѣстить безъ вины, развѣ только переведя его на другую, болѣе высшую и почетную должность.

Сеймы въ чешскомъ королевствѣ; ихъ составъ и функціи. Рада земская

сотрудничала съ королемъ и ограничивала его власть въ дѣлахъ текущаго управленія. Въ особо важныхъ случаяхъ король созывалъ *земскіе сеймы* Чешской земли, Моравской и Силезской, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ *генеральный сеймъ* всѣхъ земель короны чешской. На чешскій сеймъ въ началѣ XVI в. приглашались всѣ *паны*, составлявшіе на немъ особый чинъ, всѣ *рыцари*, или *владыки*, владѣвшіе свободною собственностью и составлявшіе второй чинъ, и наконецъ представители важнѣйшихъ королевскихъ *мѣстъ*, составлявшіе третій чинъ. Духовенство, въ XIV вѣкѣ обыкновенно участвовавшее на чешскихъ сеймахъ и составлявшее на нихъ особый чинъ, въ эпоху гусситскаго движенія потеряло свое мѣсто. Первый Габсбургъ въ земскомъ уставѣ 1549 года подтвердилъ, что въ чешскомъ сеймѣ — три чина: панскій, рыцарскій и мѣстскій, и болѣе быть не должно. Духовенство сохранило свое мѣсто (второе) только на моравскомъ сеймѣ, такъ что тамъ было уже не три, а четыре чина. Силезскій сеймъ по своему составу уклонялся и отъ чешскаго, и отъ моравскаго: первый чинъ въ немъ составляли князья и паны, второй—послы отъ мелкой шляхты изъ повѣтовъ, непосредственно подвластныхъ королю, и уполномоченный отъ города Вроцлава; третій—уполномоченные остальныхъ городовъ, непосредственно подчинявшихся королю и независимыхъ отъ удѣльныхъ князей. Каждый чинъ представлялъ особую курію на сеймѣ, которая рѣшала вопросъ о принятіи въ свою среду новаго члена. Допущеніе на сеймъ новаго пана, предки котораго не были чешско-моравскими панами, зависѣло отъ панской куріи; допущеніе лица, возведеннаго въ рыцарское или владыцкое званіе, зависѣло отъ рыцарской куріи, при чемъ непремѣннымъ условіемъ было, чтобы новый панъ или владыка былъ владѣльцемъ свободной земской собственности; допущеніе на сеймъ уполномоченныхъ отъ мѣста, дотолѣ не пользовавшагося правомъ сеймованья, зависѣло отъ мѣстской куріи. Не только паны, но и владыки вызывались на сеймы лично. Разумѣется, большая часть владыкъ не въ состояніи были посѣщать исправно сеймы; пріѣзжавшіе на сеймы большею частью не могли дождаться ихъ окончанія, ибо поѣздка и пребываніе на сеймахъ сопряжены были съ большими издержками. Отъ этого не могли не страдать политическіе интересы большинства шляхетскаго сословія. Вслѣдствіе этого уже въ XV в. шляхта на своихъ областныхъ (крайскихъ) съѣздахъ стала избирать нѣсколькихъ (отъ 2 до 6 отъ края) представителей, на которыхъ возлагала обязанность ѣздить на сеймы и участвовать въ ихъ занятіяхъ до самаго роспуска; а на издержки опредѣляла имъ извѣстную сумму денегъ, которая раскладывалась на всѣхъ рыцарей, или владыкъ, края. Но этотъ зародышъ шляхетскаго представительства не получилъ должнаго развитія въ дальнѣйшемъ. Во-первыхъ, отправка уполномоченныхъ не сдѣлалась исключительнымъ правиломъ: и при отправленіи пословъ шляхтичи вызывались на сеймы и отправлялись лично. Отправка пословъ имѣла лишь то значеніе, чтобы предупредить полное отсутствіе рыцарства на сеймахъ. Во-вторыхъ, не вошли въ жизнь

крайскіе съѣзды шляхты, на которыхъ избирались представители этого сословія на сеймахъ. Постановленіемъ сейма 1494 года опредѣлено было, чтобы каждый годъ отбывались крайскіе съѣзды для лучшаго обезпеченія общественной безопасности. Но съѣзды вскорѣ же перешли къ широкой политической дѣятельности. Съѣздъ Градецкаго края выработалъ девять статей разныхъ требованій, обращенныхъ къ высшей власти, и разослалъ эти статьи по другимъ краямъ съ просьбою о поддержкѣ. Вслѣдствіе этого король Владиславъ патентомъ отъ 14 іюня того же года запретилъ всѣ крайскіе съѣзды въ Чехіи. Хотя при Людовикѣ гейтманамъ крайскимъ и разрѣшено было собирать крайскіе съѣзды въ нужныхъ случаяхъ, но при всемъ томъ этотъ институтъ не упрочился въ практикѣ чешскаго государства и, какъ увидимъ позже, встрѣтилъ въ короляхъ новой династіи упорныхъ противниковъ. Представительство шляхты на чешскомъ и моравскомъ сеймѣ поэтому не получило надлежащаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхта не обезпечила за собою надлежащаго положенія и вѣса на этихъ сеймахъ.

Отрицательныя послѣдствія этого факта до извѣстной степени парализовались порядкомъ совѣщаній и рѣшеній, установившимся на чешскомъ сеймѣ. На общемъ собраніи выслушивались предложенія, которыя дѣлалъ сейму король, а затѣмъ предложенія со стороны отдѣльныхъ членовъ сейма или цѣлыхъ группъ, большею частью въ формѣ просьбъ, обращенныхъ къ королю. Послѣ этого чины расходились и совѣщались по куріямъ отдѣльно. Въ каждой куріи вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ, а въ дальнѣйшемъ уже каждая курія выступала, какъ единое цѣлое. Сперва выносила свое рѣшеніе панская курія и сообщала его куріи шляхетской; шляхетская курія съ своими добавленіями сообщала это рѣшеніе мѣстской куріи. Послѣ того всѣ куріи сходились вмѣстѣ и всѣ совѣщались сообща. Только то, въ чемъ всѣ чины согласились, и что подтверждено было королемъ, считалось постановленіемъ сейма и получало силу закона.

Чаще всего сеймы собирались для ассигнованія королю субсидій, или такъ называемаго *берна*. По основному государственному закону, ведшему свое происхожденіе отъ привилегіи 1310 года, чешскіе короли имѣли право налагать собственною властью «берно» только на коронацію и выдачу своихъ дочерей замужъ. Отсюда само собою выходило, что въ остальныхъ случаяхъ короли могли получить «берно» только съ добровольнаго согласія своихъ подданныхъ. Для полученія этого согласія и стали созываться съ начала XIV вѣка частые сеймы, ибо текущихъ доходовъ обыкновенно не хватало на покрытіе издержекъ государства, особенно военныхъ. Чехія подобно всѣмъ другимъ государствамъ западной Европы въ XIV — XV в. стала переходить отъ рыцарскихъ ополченій къ наемнымъ войскамъ, короли стали сильно нуждаться въ деньгахъ. Выпрашивая «берно» для военныхъ нуждъ, чешскіе короли постоянно выдавали сословіямъ удостовѣренія, что берно налагается съ ихъ добровольнаго согласія, и что

это не должно служить къ ущербу ихъ правъ. Постановленіемъ сейма берно налагалось на всѣхъ землевладѣльцевъ государства—пановъ, рыцарей, мѣщанъ и духовенство—обыкновенно въ размѣрѣ половины оброка, получаемаго ими отъ крестьянъ, и въ размѣрѣ одной четверти дохода съ капиталовъ, отданныхъ въ ростъ. Для сбора «берна» сеймъ выбиралъ особыхъ сборщиковъ для каждаго края, которые собирали берно съ отдѣльныхъ хозяевъ и выдавали имъ квитанціи, а собранныя суммы представляли главнымъ сборщикамъ, избраннымъ сеймомъ, и получали отъ нихъ въ свою очередь квитанціи. Главные сборщики представляли деньги либо въ королевскую комору, либо королевскимъ кредиторамъ, либо непосредственно расходовали ихъ по опредѣленію сейма. Описанное право чешскаго сейма соизволять на сборъ «берна», право, никогда не подвергавшееся сомнѣнію, открывало широкую дорогу ко вліянію сейма на внутреннюю и внѣшнюю политику страны. Сплошь и рядомъ свое согласіе на сборы «берна» сеймъ обставлялъ извѣстными условіями, соглашался на сборъ берна лишь въ томъ случаѣ, если король издастъ требуемые законы или распоряженія, уважитъ просьбы чиновъ сейма и т. д.

Чешскій сеймъ принималъ и прямое участіе въ законодательствѣ. Это было давнишнее его право, установленное обычаемъ и признававшееся много разъ чешскими королями. Такъ, еще въ 1272 году король Пшемыслъ-Оттокаръ II созывалъ сеймъ для утвержденія составленнаго имъ новаго законника, въ которомъ онъ хотѣлъ соединить дѣйствующее чешское право съ магдебурскимъ и нѣкоторыми другими иноземными правами. Но сеймъ не принялъ этого законника. Король Вацлавъ II предлагалъ на утвержденіе сейма въ 1293 г. новый уставъ судопроизводства, составленный на основаніи дѣйствующихъ обычаевъ, а также римскаго и церковнаго права. И на этотъ разъ сеймъ рѣзко проявилъ свое законодательное право, не утвердивъ новый уставъ судопроизводства. Подобную же неудачу потерпѣлъ и знаменитый Карлъ IV. Онъ передѣлалъ и дополнилъ законникъ Вацлава и предложилъ его на утвержденіе сейма въ 1348 г. Но сеймъ и на этотъ разъ отклонилъ новый сводъ законовъ. Въ 1355 г. Карлъ издалъ особую грамоту, коею объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что составленные имъ новые законы не должны имѣть обязательной силы, ибо они не полюбились князьямъ и панамъ и не были подтверждены ихъ присягою. Одною изъ причинъ, почему чины отвергали предлагавшіеся имъ законники, было нерасположеніе къ писаному праву. Земскій судъ руководился въ своихъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ обычнымъ чешскимъ правомъ, которому младшіе члены научились отъ старшихъ и изъ прежнихъ рѣшеній. Такое положеніе вещей не связывало руки судьямъ и давало имъ возможность въ нужныхъ случаяхъ отклоняться отъ прецедентовъ и устанавливать новыя нормы, новые прецеденты. Но рано или поздно должна была и самими чинами почувствоваться настоятельная потребность въ письменномъ сводѣ дѣйствующаго обычнаго права и нормъ, установленныхъ су-

домъ. Въ 1499 г. учреждена была коммиссія, на которую возложена была задача собрать всѣ законы, преимущественно тѣ, которые относились къ земскому суду, и которыми онъ долженъ былъ руководствоваться въ своей дѣятельности. Коммиссія составилась изъ шести пановъ и одиннадцати владыкъ. Для редактированія собраннаго ею матеріала была учреждена другая коммиссія изъ двухъ пановъ и одного владыки—Альбрехта Рендля изъ Оушавы, который былъ самымъ дѣятельнымъ ея членомъ. Результатомъ работъ этихъ комиссій былъ законникъ, извѣстный подъ именемъ Учрежденія земскаго короля Владислава (Zřizeni zemské). Этотъ законникъ былъ прочитанъ на сеймѣ 1500 г., былъ одобренъ панскимъ и рыцарскимъ сословіями и по ихъ распоряженію напечатанъ. Въ 1502 году король утвердилъ его, несмотря на протесты отдѣльныхъ лицъ изъ панскаго и рыцарскаго сословія и всего мѣстскаго чина. Позже этотъ законникъ исправлялся и дополнялся съ участіемъ сеймовыхъ коммиссій и сейма въ полномъ составѣ.

Чешскій сеймъ, равно какъ и сеймы моравскій и силезскій, были обычными явленіями въ практикѣ государственной жизни чешскаго королевства, сложившимися и упрочившимися политическими институтами. Экстраординарнымъ явленіемъ былъ генеральный сеймъ всѣхъ земель чешской короны. Въ составъ его входилъ обыкновенно сеймъ Чешской земли въ полномъ составѣ и делегаты моравскаго и силезскаго сеймовъ, при чемъ они вели переговоры и совѣщанія либо непосредственно на чешскомъ сеймѣ, либо съ особою коммиссіею сего послѣдняго. Обозначить точно кругъ дѣлъ, для которыхъ собирался генеральный чешскій сеймъ, нѣтъ возможности. Въ законникѣ Карла IV—Majestas Carolina на этотъ счетъ содержится одно только неопредѣленное указаніе, что маркграфъ Моравскій и остальные князья и чины земель Чешскаго государства имѣютъ являться на общій сеймъ не только къ коронованію короля, но и для обсужденія всѣхъ дѣлъ, касающихся достоинства и положенія чешской короны. Факты показываютъ, что въ XIV и XV вв. генеральные сеймы собирались частью по случаю принятія и коронаціи новаго короля, но большею частью для рѣшенія вопросовъ внѣшней политики, внѣшней и внутренней безопасности и религіознаго мира, когда сама собою являлась настоятельная потребность выяснить взаимныя отношенія между различными частями Чешскаго государства.

Органы мѣстнаго управленія. Органами, приводившими въ исполненіе на мѣстахъ распоряженія высшей власти, т.-е. короля и земской рады, а также и сеймовыя постановленія, были *гейтманы крайскіе*. Гейтманы крайскіе явились въ эпоху гусситскихъ войнъ, въ 1439—1453 гг., и первоначально избирались на крайскихъ съѣздахъ, гдѣ постановлялся «земскій миръ» (landfried), а по окончаніи гусситскихъ войнъ стали назначаться королемъ. Они замѣнили собою прежнихъ *поправцевъ*, учрежденныхъ при Пшемыслѣ-Оттокарѣ II вмѣсто каштеляновъ или бургграфовъ, но

замѣнили не вездѣ; поправцы въ видѣ исключенія остались кое-гдѣ и при гейтманахъ. Гейтманы сосредоточивали въ своихъ рукахъ преимущественно военную и полицейскую власть въ краѣ. Они собирали и вели земскія ополченія, подавляли мятежи, истребляли разбойниковъ, обнародывали распоряженія высшей власти и сеймовыя постановленія, приводили ихъ въ исполненіе, собирали крайскіе съѣзды для обсужденія мѣстныхъ нуждъ и потребностей, судили мѣстныхъ обывателей разнаго званія по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ. Со вступленіемъ на чешскій престолъ королей Габсбургской династіи въ каждый край стало назначаться два гейтмана, одинъ изъ панскаго сословія, а другой изъ рыцарскаго. Во вторую половину XV вѣка, въ эпоху развитія крайскаго самоуправленія, на съѣздахъ крайскихъ избиралось нѣсколько совѣтниковъ въ помощь гейтманамъ при отправленіи ихъ военно-полицейскихъ функцій; для помощи на судѣ назначались «добрые люди» или такъ называемые «оправцы». Какъ ни широка была дѣятельность крайскихъ гейтмановъ, но она была неизмѣримо уже дѣятельности ихъ предшественниковъ, въ особенности каштеляновъ, или бургграфовъ. Дѣло въ томъ, что въ XIII и XIV столѣтіяхъ отъ мѣстныхъ правителей отошло множество судебныхъ и административныхъ дѣлъ вслѣдствіе развитія землевладѣльческихъ привилегій и наряду съ ними общиннаго самоуправленія по нѣмецкому праву. Церковныя учрежденія, многіе землевладѣльцы получили, какъ уже было сказано въ своемъ мѣстѣ, право суда надъ населеніемъ своихъ имѣній и изъятія этого населенія отъ многихъ государственныхъ повинностей въ свою пользу. Съ другой стороны много городскихъ и сельскихъ общинъ, основанныхъ нѣмцами, а также коренныхъ чешскихъ получили въ то время широкое самоуправленіе по нѣмецкимъ образцамъ. Все это должно было отвлечь отъ агентовъ центральной власти въ областяхъ множество дѣлъ.

Организація чешскаго общества; паны и владыки. Описанный политическій строй Чешскаго королевства зиждился на той организаціи чешскаго общества, которая сложилась въ теченіе XIV и XV вѣковъ.

Въ это время совершилось распаденіе военнослужилаго класса или шляхты на два сословія—панское и владыцкое, или рыцарское. Въ XIII столѣтіи всякій владыка, получившій высшую должность или пріобрѣтшій крупное имѣнье, считался паномъ. Но уже со временъ короля Яна родовитые паны стали смотрѣть на такихъ пановъ, какъ на выскочекъ, втершихся въ ихъ среду, и стали претендовать на признаніе за ними права давать свое согласіе на принятіе таковыхъ лицъ въ свою среду, «на повышеніе до панскаго званія». При Вацлавѣ IV паны смотрѣли на владыкъ, какъ на шляхтичей низшей породы, съ которыми они, паны, не обязаны, напр., драться на дуэли; королевская рада стала радою панскою, и король только съ ея дозволенія могъ возвышать владыку до панскаго сословія, съ ея только согласія могъ замѣщать высшія должности, и притомъ опять таки все лицами панскаго сословія. Владыки протестовали

противъ этого и домогались, чтобы имъ принадлежали права одинаковыя съ панами, но безуспѣшно. Послѣ гусситскихъ войнъ владыки возобновили свои притязанія, но уже не въ качествѣ извѣстной общественной группы, которая борется противъ сословнаго раздѣленія, а въ качествѣ извѣстнаго наслѣдственнаго сословія, которое желаетъ добиться равнаго положенія съ панскимъ сословіемъ. Такимъ образомъ раздѣленіе шляхты, обособленіе панскаго сословія отъ владыцкаго, въ XV в. стало уже совершившимся фактомъ. Въ началѣ XVI в. паны поспѣшили обезпечить юридически создавшееся положеніе вещей. Въ 1501 г. панская курія чешскаго сейма постановила не принимать впредь въ сословіе пановъ людей, которые не могутъ вывести свое владыцкое происхожденіе до четвертаго колѣна. Король Владиславъ подтвердилъ это опредѣленіе въ 1502 году и кромѣ того стародавній обычай, въ силу котораго никто не смѣетъ пользоваться панскимъ званіемъ и сопряженными съ нимъ правами, кого не приняли въ панство король и паны изъ древнихъ родовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король установилъ, что никакой графъ не можетъ возвышаться надъ панами своимъ графствомъ, но долженъ занимать среди нихъ мѣсто по старшинству лѣтъ, если притомъ же онъ древняго рода. Позже, уже при Габсбургахъ, подобное же постановленіе было издано и относительно князей.

Итакъ, панское сословіе консолидировалось, замкнулось въ себѣ, обособившись отъ сословія владыцкаго или рыцарскаго. Послѣднее въ свою очередь обособилось отъ другихъ классовъ общества и до извѣстной степени замкнулось. Доступъ въ это сословіе былъ затрудненъ. Установилось правило, что король можетъ пожаловать только знаки рыцарскаго достоинства—гербъ, а пользованіе сословными правами возможно только послѣ принятія новаго рыцаря въ среду владыцкаго, или рыцарскаго, сословія на сеймѣ. Съ теченіемъ времени установились и по этой части извѣстныя ограниченія. Въ 1497 году король Владиславъ соизволилъ на то, что лицо, которому пожалованъ рыцарскій гербъ, не можетъ покупать для себя шляхетскихъ имѣній, записанныхъ въ земскихъ доскахъ право это принадлежитъ только его совершеннолѣтнимъ наслѣдникамъ. Въ 1500 году тотъ же король внесъ въ земскій уставъ статью, гласящую, что король даетъ гербъ, кому хочетъ, но только внукъ одареннаго становится благороднымъ владыкою, самъ же одаренный и дѣти его слывутъ только почтенными «паношами».

Мѣщанство и его права. Раздѣленіе, происшедшее въ средѣ шляхты, въ политическомъ строѣ Чехіи отразилось образованіемъ двухъ курій чешскаго сейма—панской и рыцарской. Обѣ эти куріи, независимо отъ взаимнаго соперничества, довольно дружно дѣйствовали въ вопросахъ, затрогивавшихъ ихъ общіе интересы и отношенія къ другимъ сословіямъ. Такъ, при Ягеллонахъ паны и шляхта, какъ уже сказано выше, сообща стремились ограничить политическія права мѣщанскаго сословія. Надо сказать, что чешское мѣщанство, игравшее видную роль въ гусситскомъ

движеніи, извлекло изъ него для себя крупныя политическія выгоды Короли, желая имѣть умѣренное мѣщанство на своей сторонѣ, дѣлали для него одну уступку за другою. Въ XV вѣкѣ всѣ королевскія мѣста получили право избирать *рихтаровъ* (ранѣе они назначались королемъ), главныхъ судей мѣста; затѣмъ мѣста откупились отъ разныхъ королевскихъ сборовъ, такъ что король долженъ былъ довольствоваться только добровольными субсидіями съ ихъ стороны, ассигнуемыми на сеймахъ. Мѣщане пріобрѣли множество недвижимыхъ имѣній въ странѣ, разбогатѣли и стали оказывать большое вліяніе на внутреннюю политическую жизнь государства. Особенно выдавалось въ этомъ отношеніи Пражское мѣсто. Въ 1435 году Сигизмундъ соизволилъ на то, чтобы подкоморій наивысшій былъ впредь изъ пражскихъ мѣщанъ утраквистовъ. Такимъ образомъ, Пражское мѣсто стало имѣть своего представителя въ земской радѣ и черезъ этого же представителя господствовать и надъ другими мѣстами (подкоморій былъ главнымъ судьею и администраторомъ королевскихъ мѣстъ). Чешское мѣщанство, слѣдовательно, консолидировалось, объединилось и получило вѣскій голосъ въ государственномъ совѣтѣ королевства. Паны и владыки выступили противъ новыхъ мѣщанскихъ вольностей. По ихъ настоянію король Владиславъ въ 1497 году отнялъ подкоморство у пражскихъ мѣщанъ и присудилъ его рыцарскому сословію. Затѣмъ ограничена была юрисдикція мѣстскихъ судовъ: мѣщане по дѣламъ о свободныхъ имѣньяхъ, о бѣглыхъ людяхъ, о долгахъ по записямъ съ пенями, отчасти по дѣламъ объ оскорбленіи чести, по уголовнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ внѣ мѣстской территоріи, обязаны были отвѣчать передъ земскими судами. Мѣщане должны были отказаться отъ исключительнаго права на продажу съѣстныхъ товаровъ въ мѣстахъ. Паны и рыцари стремились лишить мѣщанъ и права пріобрѣтать свободную земельную собственность и участвовать на сеймахъ, но, какъ мы уже видѣли, не успѣли въ этомъ. Мѣщанство оказалось такою крупною общественною силою, что нельзя было устранить его отъ участія въ политической дѣятельности.

Соціально-политическое униженіе духовенства; ростъ крестьянской неволи. Иная судьба постигла всѣ другія сословія, и прежде всего духовенство. До гусситскаго движенія духовенство владѣло огромными имѣньями, пользовалось всевозможными привилегіями и льготами по части подсудности, несенія государственныхъ повинностей и имѣло голосъ на чешскихъ сеймахъ. Послѣ гусситскихъ войнъ духовенство лишилось большей части своихъ имѣній, которыя отошли къ шляхтѣ и мѣщанамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утратило и свой голосъ на чешскомъ сеймѣ. Только епископъ Моравіи сохранилъ свое первенствующее мѣсто на мѣстномъ сеймѣ.—Точно также пересталъ быть крупною общественною силою и классъ такъ называемыхъ «свободниковъ», т.-е. свободныхъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ. Часть ихъ ушла въ сословіе шляхты, но большая часть попала въ зависимое положеніе «подданныхъ» королевскихъ, панскихъ,

владыцкихъ и даже мѣщанскихъ. Уцѣлѣвшіе «свободники» пользовались всѣми гражданскими правами шляхты и подлежали судамъ земскому и коморному, но, какъ ничтожная общественная сила, не имѣли политическихъ правъ, не участвовали на сеймахъ. Здѣсь господствовали землевладѣльцы шляхетскаго званія — паны и владыки. Пользуясь своимъ политическимъ преобладаніемъ, чешская шляхта на сеймахъ провела цѣлый рядъ мѣръ, коими закрѣпляла юридически и усиливала зависимость своихъ «подданныхъ». Еще въ 1402 году земскій судъ пришелъ къ заключенію, что оброчный подданный человѣкъ не можетъ вызывать своего пана на земскій судъ. При Владиславѣ этимъ рѣшеніемъ судъ руководствовался уже, какъ закономъ. Въ 1474 году на сеймѣ было опредѣлено, что «дѣдичные люди», сбѣжавшіе съ «дѣдинъ», должны быть возвращаемы своимъ панамъ. Въ 1487 году было запрещено подданнымъ переходить съ мѣста на мѣсто безъ разрѣшенія своихъ пановъ и установлены были большіе штрафы за побѣги съ «дѣдинъ» и за передержку бѣглыхъ крестьянъ. Десять лѣтъ спустя, въ 1497 году, вышелъ законъ, запрещающій крестьянскимъ вдовамъ и дочерямъ выходить замужъ за предѣлы имѣнья безъ разрѣшенія пана. Въ концѣ XV вѣка паны произвольно принуждали своихъ крестьянъ къ новымъ работамъ, и современный юристъ, кодификаторъ дѣйствовавшаго чешскаго права, Корнелій *Вшегрдъ* замѣчаетъ по этому поводу, что такого безправія нѣтъ даже въ Турціи и другихъ поганскихъ странахъ. Крестьяне бунтовали, и сеймовое законодательство грозило смертью каждому, кто будетъ противиться пану своему и пойманъ будетъ среди мятежниковъ. Въ 1512 году коморный судъ нашелъ, что каждый крестьянинъ, платящій оброкъ, не можетъ ничего изъ имущества своего подарить или отказать. Вскорѣ затѣмъ судомъ было установлено, что панъ можетъ брать къ себѣ своихъ подданныхъ для своихъ надобностей за справедливое вознагражденіе и т. д. Такъ все болѣе и болѣе ограничивались гражданскія права чешскаго крестьянства, и чешское политическое общество все болѣе и болѣе отожествлялось съ высшими классами. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблялась и устойчивость Чешскаго государства, уменьшалась его сила и способность отстаивать свою самостоятельность и самобытность.

Чрезвычайно неблагопріятнымъ обстоятельствомъ въ этомъ смыслѣ было и то религіозное разномысліе, та церковная разруха, которыя явились результатомъ гусситскаго движенія въ Чехіи.

Кризисъ утраквизма; успѣхъ лютеранскихъ идей. Попытка создать единую реформированную церковь, которая обнимала бы весь чешскій народъ, не удалась. Сѣмена, брошенныя на чешскую почву Яномъ Гусомъ, какъ мы уже видѣли, дали различные ростки. Послѣдователи Гуса разошлись между собою по самымъ основнымъ вопросамъ вѣроученія и церковнаго устройства и вступили въ ожесточенную борьбу между собою. Эта борьба прекратилась послѣ пораженія таборитовъ въ 1452 году. Но религіозное разномысліе вмѣстѣ съ тѣмъ не исчезло. Большинство чеховъ стара-

лось держаться принциповъ утраквизма, не разрывать окончательно связи съ католическою церковью, съ ея догматами и установленіями. Но это стремленіе парализовалось непримиримою политикою папъ, которые ни за что не хотѣли санкціонировать пражскихъ компактатовъ, посвящать и признавать епископовъ, исповѣдующихъ причащеніе подъ обоими видами. Утраквизму вслѣдствіе этого угрожала опасность остаться безъ священства. Нѣкоторое время утраквистамъ, какъ мы видѣли, удавалось добывать католическихъ епископовъ, соглашавшихся исполнять обряды чашниковъ, несмотря на папское запрещеніе. Но затѣмъ утраквизмъ остался безъ іерархической подпоры. Часть его исповѣдниковъ соединилась съ католиками, а другая часть жадно стала внимать голосамъ, раздававшимся изъ Германіи, и примкнула къ послѣдователямъ Лютера. Самымъ ревностнымъ апостоломъ новой реформы былъ жатецкій скорнякъ Матвѣй Пустынникъ, бичевавшій пороки духовенства, увлекавшій массы своею аскетическою жизнью, начитанностью въ библіи и краснорѣчіемъ. Ему помогалъ много августинскій монахъ, позже пророкъ анабаптистовъ, Ѳома Мюнцеръ. Матвѣй вступилъ въ непосредственныя письменныя сношенія съ Лютеромъ, который обратился въ 1522 году съ посланіемъ къ чинамъ чешскаго сейма, чтобы помнили о мученической смерти Гуса и Іеронима и избѣгали всякаго единенія съ римскою церковью. Воззваніе это имѣло успѣхъ какъ въ Прагѣ, такъ и въ другихъ городахъ, и не только среди чеховъ, но и среди нѣмцевъ. Лютеръ прислалъ и рядъ наставленій относительно богослуженія, которыя стали проводиться въ жизнь. Но этотъ успѣхъ лютеранства вызвалъ реакцію со стороны утраквистовъ, которая привела къ изгнанію Матвѣя Пустынника и другихъ лютеранъ. Состояніе чешской церкви тѣмъ не менѣе продолжало оставаться хаотическимъ, неопредѣленнымъ.

Разложеніе таборитизма; чешскіе братья и ихъ раздѣленіе. Одновременно съ утраквизмомъ переживалъ внутренній кризисъ и таборитизмъ, отдѣляя отъ себя разныя секты, видоизмѣняясь въ основахъ своего вѣроученія и организаціи. Во второй половинѣ XV вѣка возродилась секта «николайковъ», которые признавали св. писаніе единственнымъ источникомъ вѣры, признавали сошествіе на вѣрующихъ Св. Духа и отвергали священство. Появились ученія, отвергавшія божественность Іисуса Христа, не признававшія Св. Духа лицомъ Св. Троицы и т. д. Но больше всѣхъ нашелъ себѣ послѣдователей Петръ Хельчицкій, портной по профессіи, самоучка, проповѣдывавшій евангельскую любовь и братство людей, отрицавшій войну, смертную казнь и присягу, заповѣдывавшій своимъ ученикамъ не служить въ войскахъ и на государственныхъ должностяхъ, избѣгать пьянства, игръ, танцевъ и дорогихъ одеждъ. Хельчицкій написалъ цѣлый рядъ книжекъ на эти темы, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны. Все его ученіе проникнуто идеею дѣятельнаго, а не пассивнаго, созерцательнаго христіанства: вездѣ онъ отдаетъ предпочтеніе добрымъ

нравамъ передъ догматами, ибо добрые нравы, а не догматы составляютъ сущность христіанства. По основному вопросу гусситизма о причащеніи Хельчицкій стоялъ на точкѣ зрѣнія Бернарда Клервосскаго, признавалъ наличіе хлѣба и вина вмѣстѣ съ тѣломъ и кровью Христа. Послѣдователи Хельчицкаго составили общину *чешскихъ братій,* которая сама себѣ избирала священниковъ, а отъ рукъ нѣкоего Стефана, старѣйшины австрійскихъ вальденцевъ, бывшаго прежде епископомъ католическимъ, получила даже епископа. Утраквисты заняли по отношенію къ чешскимъ братьямъ враждебное положеніе, и всѣ попытки къ единенію и соглашенію между ними кончились полною неудачею. Но и среди самихъ чешскихъ братій недолго держалось единеніе и единомысліе. Пражскій баккалавръ Лука и Прокопъ изъ Градца начали учить объ оправданіи вѣрою, о первенствѣ вѣры надъ нравственностью, которая является только послѣдствіемъ вѣры. Происходилъ, такимъ образомъ, посѣвъ протестантизма и на таборитской почвѣ. Но другіе, какъ напр. братъ Григорій изъ Вотицъ, Амосъ изъ Воднякъ защищали положеніе Хельчицкаго, что не вѣра, а дѣла образуютъ истиннаго христіанина. Образовались такимъ образомъ двѣ партіи, которыя по имени ихъ вождей стали называться *прокопитами* и *амозитами*. Попытки примиренія, предпринимавшіяся на синодахъ 1490 и 1496 г. не увѣнчались успѣхомъ, и чешскіе братья остались раздѣленными. Амозиты впослѣдствіи прониклись ученіемъ Цвингли о причащеніи и, какъ крайняя секта, подверглись преслѣдованіямъ; многіе покончили жизнь въ тюрьмахъ и на кострахъ. Что касается прокопитовъ, то въ началѣ XVI в. у нихъ было отъ 300 до 400 общинъ, заключавшихъ въ себѣ отъ семидесяти до ста тысячъ человѣкъ обоего пола. Прокопиты принимали ученіе о Св. Троицѣ, объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, признавали семь таинствъ, почитали Божью Матерь и святыхъ, не прибѣгая, однако, къ ихъ заступничеству, соблюдали посты. Совѣтъ изъ тринадцати членовъ, въ томъ числѣ трехъ старѣйшинъ (сеньеровъ), управлялъ церковною общиною. Старшій изъ старѣйшинъ — ординаторъ экзаменовалъ кандидатовъ на священство. Священникъ училъ дѣтей и взрослыхъ, исповѣдывалъ, причащалъ, исключалъ грѣшниковъ изъ общины или отказывалъ въ причастіи. Богослуженіе отличалось простотою. Передъ причащеніемъ священникъ говорилъ проповѣдь, читалъ и толковалъ очередное евангеліе, затѣмъ произносилъ колѣнопреклоненную молитву, старался пробудить въ присутствующихъ къ причащенію сокрушеніе въ своихъ грѣхахъ, читалъ канонъ и символъ вѣры, а затѣмъ причащалъ подъ обоими видами. Богослуженіе заканчивалось благодарственною молитвою. Священникъ до посвященія могъ вступать въ бракъ, содержать себя долженъ былъ трудами своихъ рукъ. Посвященіе въ санъ совершалось старѣйшиною въ присутствіи народа путемъ возложенія руки на голову посвященнаго. Помощникомъ священника являлся діаконъ, который имѣлъ право проповѣдывать и учить съ каѳедры, крестить, но не могъ совершать другихъ таинствъ. Христіанской любви, кротости,

смиренію и воздержанію было дано много мѣста въ ихъ вѣроученіи, которое стремилось устроить жизнь ихъ общинъ наподобіе древнихъ христіанскихъ. Въ виду того, что прокопиты чужды были еретическихъ крайностей, папа Александръ VI попытался завязать съ ними сношенія и уговорить ихъ отступиться отъ нѣкоторыхъ своихъ положеній. Но пренія о вѣрѣ не привели къ возвращенію чешской братіи въ лоно католической церкви. Чехія въ первой четверти XVI вѣка оставалась разъединенною въ своемъ вѣроученіи и церковномъ устройствѣ.

Господствующее положеніе чешскаго языка, какъ основа національнаго единенія. Но если гусситское движеніе не привело къ созданію единой національной церкви, то все же оно въ значительной степени содѣйствовало національно-культурному объединенію Чехіи. Гусъ и его послѣдователи много потрудились надъ обработкою чешскаго литературнаго языка, и въ XV вѣкѣ этотъ языкъ занялъ господствующее положеніе и въ проповѣди, и въ литературѣ, и въ законодательствѣ, и въ канцелярской практикѣ, оттѣснивъ средневѣковую латынь и нѣметчину. Въ объясненіи третьей заповѣди Гусъ настаивалъ на томъ, чтобы князья, паны, владыки и мѣщане неусыпно пеклись о родномъ языкѣ: если чехъ женится на нѣмкѣ, пусть дѣти его старательно обучаются чешскому языку и не двоятъ свою рѣчь, ибо отъ такого раздвоенія рождаются ненависть, вражда, ссоры. Его призывъ нашелъ полное сочувствіе. Особенно ревностнымъ поборникомъ чешскаго языка былъ упоминавшійся выше юристъ Корнелій Вшегрдъ. Въ предисловіи къ переводу книгъ Іоанна Златоуста и Кипріана Вшегрдъ доказывалъ, что чешскій языкъ вовсе не такъ грубъ и бѣденъ, какъ думаютъ нѣкоторые, ибо нѣтъ такихъ книгъ греческихъ и латинскихъ, которыя нельзя было бы имѣть въ чешскомъ переводѣ; что нѣмецкій языкъ нисколько не выше, а даже ниже чешскаго языка, ибо часто пользуется чужими словами за недостаткомъ собственныхъ. Это чувство и сознаніе достоинства національнаго языка выражалось не только въ теоріи, но и на практикѣ—въ появленіи на чешскомъ языкѣ проповѣдей и богословскихъ трактатовъ, лирическихъ стихотвореній, сатиръ и любовныхъ пѣсенъ, аллегорій, басенъ, драмъ, романовъ и повѣстей, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, риѳмованныхъ хроникъ и т. д. Эта духовное творчество націи, возбужденное постановкою великихъ вопросовъ вѣры и охватившее и другія сферы чувства и мысли, и заложило тотъ крѣпкій нравственный фундаментъ, на которомъ стало утверждаться существованіе чешской національности, ея устойчивость въ борьбѣ съ враждебными ей стихіями и факторами.

Среди этихъ факторовъ первое мѣсто надо отвести нѣмецкой католической династіи Габсбурговъ, подъ власть которыхъ Чехія попала въ началѣ второй четверти XVI вѣка.

Важнѣйшая литература.

Kalousek J., České statní pravo. Praha 1892.

Čelakovsky Jar., Povšechne české dějiny pravní. 2 vyd.

Winter Zikmund, Život církevní v Čechach. Díl I—II. Praha 1895, 1896.

Goll Jarom., Peter Chelčicky und seine Lehre. Prag 1882.

Н. В. Ястребовъ, Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени. Вып. 1. Спб. 1908.

Gindely A., Geschichte der böhmischen Brüder. B. I—II. Prag 1857, 1858.

Denis E., Les origines de l'unité des frères bohèmes. Angers 1885.

Пальмовъ И., Чешскіе братья въ своихъ конфессіяхъ до начала сближенія ихъ съ протестантами въ концѣ первой четверти XVI ст. Прага 1904.

XV.

Утвержденіе владычества Габсбурговъ и религіозно-политическая борьба въ Чехіи до начала тридцатилѣтней войны.

Избраніе Фердинанда Австрійскаго и установленіе наслѣдственности чешскаго престола. У погибшаго при Могачѣ короля Людовика осталась только сестра Анна, бывшая замужемъ за эрцгерцогомъ Австрійскимъ Фердинандомъ. При выдачѣ ея замужъ, въ 1515 году, король Владиславъ заключилъ съ императоромъ Максимиліаномъ договоръ, въ силу котораго Габсбурги признавались эвентуальными наслѣдниками чешскихъ Ягеллоновъ и обратно. Поэтому, когда погибъ король Людовикъ, не оставивъ наслѣдниковъ, эрцгерцогъ Фердинандъ обратился къ чешскому сейму съ предложеніемъ принять его въ короли, такъ какъ супруга его Анна является наслѣдницею чешской короны. Но чины сейма заявили, что княжна Анна уже выдана замужъ, получила приданое и отдалена отъ наслѣдства, а договоръ Владислава съ Максимиліаномъ былъ заключенъ безъ соизволенія сейма и потому, согласно привилею Карла IV, недѣйствителенъ. Чины шли дальше и доказывали, что права наслѣдованія принадлежатъ только дочери послѣдняго короля, не выданной замужъ или выданной съ согласія земскихъ чиновъ; но такъ какъ король Людовикъ не оставилъ послѣ себя никакихъ наслѣдниковъ, то они свободно могутъ

избрать короля согласно правамъ и привилегіямъ Чешскаго королевства. Заявленіе это имѣло, однако, чисто принципіальное значеніе, сдѣлано было для охраненія народныхъ правъ. Сеймъ въ концѣ концовъ избралъ въ короли эрцгерцога Фердинанда, предложивъ ему рядъ условій, а именно: принести присягу земскимъ чинамъ на границѣ государства, соблюдать права и вольности земель короны св. Вацлава, заплатить долги королей Владислава и Людовика, выкупить заложенные королевскіе замки, обнародовать на чешскомъ языкѣ буллу Карла IV, особымъ актомъ признать, что чины чешскіе избрали его королемъ добровольно, а не въ силу какой-либо обязанности. Фердинандъ принялъ эти условія и 13 декабря 1526 года выдалъ «маестатъ», въ которомъ признавалъ, что онъ вступилъ на чешскій престолъ по свободному избранію чешскихъ сословій, обѣщалъ содѣйствовать осуществленію вѣроисповѣдныхъ компактатовъ и подтвердить всѣ земскія привилегіи.

Но тутъ уже обнаружилось, что чехи, избирая короля, имѣющаго опору и силу внѣ Чехіи, соединяя свое государство персональною уніею съ другимъ государствомъ, подвергаютъ опасности свои вольности и привилегіи. Фердинандъ заявилъ, что послѣ своей коронаціи онъ намѣренъ подвергнуть на чешскомъ сеймѣ пересмотру нѣкоторыя статьи, наносящія ущербъ его королевскому достоинству. Не дожидаясь коронаціи, онъ вынудилъ у чешскихъ чиновъ согласіе на коронованіе наслѣдника престола при жизни короля, чѣмъ наносился ударъ только что провозглашенному принципу свободнаго избранія королей. Впослѣдствіи, въ 1545 году, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что сгорѣли земскія доски, въ которыхъ записанъ былъ вышеупомянутый «маестатъ», Фердинандъ потребовалъ отъ сейма внесенія взамѣнъ прежняго «маестата» новаго «реверса», въ которомъ признавалось, что корона чешская по смерти короля Людовика согласно грамотѣ Карла IV 1348 года и короля Владислава 1510 года, а равно и въ силу договора, заключеннаго съ австрійскимъ домомъ, стала наслѣдствомъ королевы Анны, и что чины чешскіе приняли ее, какъ свою государыню, а по ней свободно и добровольно избрали и приняли въ короли ея супруга. Отсюда легко было сдѣлать и дальнѣйшій шагъ: сеймъ 1547 года опредѣлилъ, что въ силу «реверса» королевство Чешское должно принадлежать наслѣдникамъ королевскаго величества. Такъ покончено было съ принципомъ вольной элекціи королей, провозглашенномъ на сеймѣ 1526 г. Фактъ этотъ имѣлъ огромное значеніе для послѣдующаго государственнаго развитія Чехіи, которое отнынѣ пошло не въ сторону развитія народныхъ правъ и вольностей, а въ сторону развитія монархическаго абсолютизма, а затѣмъ въ сторону уничтоженія особности и самобытности Чешскаго государства. Изъ политической жизни чешскаго государства исчезли моменты, когда съ особою силою и очевидностью выступало верховенство народа, самостоятельность и самоопредѣленіе націи, исчезли случаи, дававшіе возможность ставить госу-

дарю условія, добиваться новыхъ политическихъ гарантій, правъ и вольностей.

Враждебное отношеніе Фердинанда къ чешскимъ иновѣрцамъ. Наступленіе новой эры чешской исторіи дало себя скоро почувствовать во внутренней политикѣ новаго правительства. Въ 1528 году Фердинандъ запретилъ крайскимъ гетманамъ созывать крайскіе съѣзды и объявилъ, что право созыва—исключительная привилегія монарха. Такъ какъ созывалъ онъ очень рѣдко, то и функціи ихъ—принятіе мѣръ по обезпеченію общественной безопасности перешли мало-по-малу къ крайскимъ гейтманамъ, въ свою очередь все болѣе и болѣе попадавшимъ въ подчиненіе королю. Изъ существовавшихъ въ Чехіи вѣроисповѣданій Фердинандъ призналъ только католицизмъ и утраквизмъ, считая его только мѣстнымъ оттѣнкомъ католицизма. Всѣ другія вѣроисповѣданія были для него ересями, подлежавшими искорененію. Особенно враждебно настроенъ онъ былъ къ анабаптизму. Зная это настроеніе, чешскіе братья (jędnota) поспѣшили отмежеваться отъ анабаптистовъ и на синодѣ 1532 года уничтожили повтореніе крещенія, которое подъ вліяніемъ анабаптистовъ стало было внѣдряться въ ихъ практику, и постановили, чтобы это таинство разъ навсегда совершалось на младенцахъ. На время имъ удалось такимъ образомъ предотвратить грозившую имъ бѣду, но только на время. Въ 1537 году, находясь на синодѣ утраквистовъ въ Прагѣ, Фердинандъ потребовалъ признанія компактатовъ. Но тутъ обнаружилось, что эти статьи потеряли свой смыслъ не только для чешскихъ братій, но и для большинства утрактистовъ, напоенныхъ идеями Лютера, и другихъ реформаторовъ. Большинство утраквистовъ отозвалось въ томъ смыслѣ, что не компактаты, а «слово Божіе» должно руководствовать въ дѣлахъ вѣры; въ такомъ же родѣ высказались и чешскіе братья. Ссорясь и препираясь другъ съ другомъ, утраквисты и братья стали выступать съ прямыми порицаніями католическаго ученія и обрядовъ. На сеймѣ 1543 года протестантская оппозиція потребовала отъ Фердинанда утвержденія постановленій синода 1537 года, но король отклонилъ это требованіе. Отношенія становились все болѣе и болѣе напряженными и разрѣшились открытымъ столкновеніемъ короля и земскихъ чиновъ и «кровавымъ сеймомъ» 1547 года.

Вмѣшательство Фердинанда въ борьбу съ протестантами въ Германіи и противодѣйствіе чеховъ. Въ 1546 году императоръ Карлъ V уговорилъ брата своего Фердинанда принять участіе въ борьбѣ съ Шмалькаденскою «уніею». Чехи, однако, всячески уклонялись отъ этой войны, направленной противъ протестантовъ. Сеймъ, созванный въ Прагѣ, изъявилъ согласіе на мобилизацію войска только съ оборонительными цѣлями,— «если бы турокъ или кто-либо иной вздумалъ причинить вредъ Чешскому королевству и напасть на него», и притомъ на срокъ — до 12 ноября. Фердинандъ воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что курфюрстъ Саксонскій Іоганнъ занялъ монастырь въ Дольнолукахъ въ Нижнихъ Лужицахъ

(монастырь этотъ былъ заложенъ Іоганну Максимиліаномъ I), и приказалъ чешскому войску двинуться противъ курфюрста. Но чехи лѣниво собирались на зовъ короля. Среди нихъ ходили слухи, что Фердинандъ намѣревается не только искоренить евангеликовъ, но и уничтожить вѣковѣчныя права королевства Чешскаго. Военачальники чешскіе ссылались на то, что сеймомъ опредѣлено было только защищать свое королевство, а не ходить за предѣлы отечества. Поэтому только небольшая часть чешскаго войска перешла границу и приняла участіе въ сраженіяхъ съ войсками курфюрста (въ Мейссенѣ). По окончаніи похода Фердинандъ рѣшилъ наказать всѣхъ, кто не пошелъ воевать противъ курфюрста: нѣкоторые были преданы смертной казни, другіе брошены въ тюрьмы; многіе спаслись бѣгствомъ. Въ началѣ 1547 года Фердинандъ разослалъ приказы всѣмъ военнообязаннымъ явиться къ 24 января къ Литомержицамъ; городъ Прага получилъ приказаніе выставить 600 воиновъ. Сильное неудовольствіе распространилось въ средѣ чешскихъ сословій. Пражане подали королю протестъ, въ которомъ заявляли, что не видятъ повода для войны съ курфюрстомъ и называли поступокъ короля нарушеніемъ старинныхъ правъ и вольностей Чешскаго королевства. Паны и рыцари, съѣхавшіеся въ Литомержицы, заявили, что безъ соизволенія сейма походъ противъ курфюрста не можетъ состояться. Напрасно король доказывалъ, что онъ хочетъ воевать не съ протестантами, а съ курфюрстомъ, который посягаетъ на лены королевства Чешскаго; напрасно указывалъ, что только исключительныя обстоятельства не дозволяютъ ему собрать сеймъ, обѣщалъ выдать особый «реверсъ», гарантирующій въ будущемъ сохраненіе правъ и вольностей чешскаго народа: собравшіеся паны и рыцари отказались безъ соизволенія всѣхъ трехъ чиновъ сейма не только идти въ походъ, но и принять самый «реверсъ». Обманутый въ своихъ надеждахъ король уѣхалъ за помощью къ Морицу Саксонскому.

Тѣмъ временемъ общественное возбужденіе противъ короля все болѣе и болѣе усиливалось, подогрѣваемое сатирическими листками, высмѣивавшими короля, и посланіями курфюрста Саксонскаго Іоганна. Нѣкоторые паны и рыцари изъ лютеранской партіи и изъ «общины» пріѣхали въ Прагу и заключили съ мѣщанами союзъ для защиты страны противъ королевскаго самовластья. Не сносясь съ королемъ, они постановили созвать сеймъ въ Прагѣ. Фердинандъ, котораго они увѣдомили о своемъ рѣшеніи, съ своей стороны назначилъ сеймъ, но не на средину поста, а позже, на 19 апрѣля, и строго предписалъ, чтобы не собиралось никакихъ областныхъ сеймовъ, и чтобы сословія съѣхались не ранѣе 19 апрѣля. Но чехи не послушались. Курфюрстъ Саксонскій писалъ имъ, что Фердинандъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Карломъ V составили планъ на искорененіе протестантизма и намѣреваются расправиться съ панами и рыцарями, вошедшими въ союзъ съ мѣщанами. 19-го марта собрался сеймъ въ Прагѣ, на которомъ принято было 57 статей, содержащихъ жалобы на

религіозныя и гражданскія притѣсненія. Статьи эти записаны были въ земскія доски. Но такъ какъ чины сейма не надѣялись на исполненіе своихъ просьбъ, то сеймъ единогласно опредѣлилъ собрать земское ополченіе для защиты государства и народныхъ правъ. Во главѣ ополченія сталъ ревностный послѣдователь аугсбурскаго исповѣданія Касперъ Пфлугъ, который долженъ былъ руководиться приказаніями комитета, избраннаго сословіями. На помощь чехамъ двинулся съ своимъ войскомъ курфюрстъ Саксонскій и занялъ Іоахимовъ. Такимъ образомъ надвигалась война чешскаго народа съ своимъ королемъ.

Кровавый сеймъ 1547 года; ограниченіе самоуправленія городовъ. Но прежде, чѣмъ чехи сумѣли соединиться съ войсками Саксонскаго курфюрста, Фердинандъ и Карлъ V на голову побили курфюрста подъ Мюльграбеномъ (2 октября 1547 года). Пылъ чеховъ сразу остылъ. Сеймъ сейчасъ же постановилъ распустить собравшееся ополченіе и вступилъ въ переговоры съ королемъ, желая такъ или иначе ликвидировать происшедшее столкновеніе. Фердинандъ, не давши опредѣленнаго отвѣта, съ испанскими и неаполитанскими войсками двинулся въ Чехію и, остановившись въ Литомержицахъ, разослалъ панамъ и рыцарямъ приказъ явиться къ 3 іюня, обѣщая помилованіе всѣмъ, кто явится и откажется отъ союза. До 200 пановъ и рыцарей явились къ королю и изъявили покорность. Вслѣдъ затѣмъ король двинулъ часть войска къ Прагѣ. Пражане отправили пословъ къ Фердинанду, но онъ ихъ не принялъ. Овладѣвъ Малой стороною Праги, Фердинандъ приказалъ явиться на его судъ всѣмъ выдающимся горожанамъ, числомъ до 600 человѣкъ. Мѣщане сдались на милость короля. Король помиловалъ ихъ, но на тяжкихъ условіяхъ; они должны были отречься отъ всѣхъ прежнихъ постановленій, выдать всѣ свои привилегіи и переписку съ курфюрстомъ, все оружіе и запасы, уступить всѣ общинныя земли и доходы и платить съ каждой бочки пива по бѣлому грошу. Затѣмъ король привлекъ къ суду и другихъ горожанъ, а также пановъ и рыцарей, которыхъ считалъ главными виновниками мятежнаго движенія. Явившіеся, особенно члены Братской общины, подверглись денежнымъ штрафамъ или конфискаціи имуществъ; неявившіеся, какъ напр. Касперъ Пфлугъ, объявлены были лишенными чести. На сеймѣ, собравшемся въ августѣ 1547 года, Фердинандъ пошелъ еще дальше. Назначенный имъ вопреки земскому уложенію чрезвычайный судъ приговорилъ къ смерти двухъ рыцарей и двухъ горожанъ, и приговоръ этотъ тутъ же былъ приведенъ въ исполненіе, почему и сеймъ прозванъ *кровавымъ*. На другой день послѣ казни король потребовалъ, чтобы паны и шляхта отреклись отъ всѣхъ статей, принятыхъ на сеймѣ въ отсутствіе короля. Исполняя это требованіе, паны посняли съ документовъ свои печати и приказали вычеркнуть изъ земскихъ досокъ всѣ упомянутыя статьи. Сословія вынуждены были вновь подтвердить наслѣдственность королевской власти и право короля еще при жизни своей короновать преемника. Тяжесть экзе-

куціи обрушилась въ особенности на мѣста. За исключеніемъ четырехъ мѣстъ—Праги, Пильзна, Будейовицъ и Усти надъ Лабою всѣ остальныя потеряли свой голосъ на сеймѣ. Мѣста должны были заплатить большіе денежные штрафы, представить свои привилегіи для пересмотра королю, который исключилъ изъ нихъ все, что имѣло оттѣнокъ самоуправленія и политической свободы. Въ Прагѣ установленъ былъ вмѣсто выборнаго головы королевскій гейтманъ, а въ другихъ городахъ королевскіе рихтари, которые должны были присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ общины, и безъ вѣдома которыхъ не могло состояться ни одно собраніе, ни одно рѣшеніе. Они должны были наблюдать за сохраненіемъ вѣрности и послушанія королю, за приведеніемъ въ исполненіе судебныхъ рѣшеній и за правильнымъ поступленіемъ королевскихъ доходовъ. Чтобы еще болѣе ограничить самостоятельность городовъ, Фердинандъ въ слѣдующемъ, 1348 г. учредилъ особый аппелляціонный судъ въ пражскомъ замкѣ (rada nad appellacemi na hradě pražském), къ которому впредь должны были направляться аппелляціи отъ всѣхъ мѣстскихъ судовъ чешской короны (а не въ Прагу и Литомержицы, какъ было раньше). Чтобы предотвратить возможность повторенія событій 1546 и 1547 года, Фердинандъ объявилъ, чтобы на будущее время всякіе сеймы, съѣзды и собранія общинъ происходили только съ вѣдома короля. Все это въ общей сложности чрезвычайно усиливало королевскую власть.

Гоненія на чешскихъ братьевъ и ихъ эмиграція. Итакъ, ближайшимъ послѣдствіемъ общественнаго движенія 1546—1547 годовъ было политическое пораженіе чешскаго мѣщанства, утрата имъ въ значительной мѣрѣ того значенія, которое оно пріобрѣло было въ XV вѣкѣ, въ эпоху гусситскаго движенія. Фактъ этотъ стоялъ въ связи именно съ тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ старое крайнее гусситство, такъ и новыя протестантскія конфессіи нашли себѣ распространеніе преимущественно въ мѣщанствѣ. Поэтому одновременно съ вышеупомянутыми распоряженіями Фердинандъ принялъ рядъ мѣръ противъ ересей. Второго октября 1547 года онъ подтвердилъ вновь указъ короля Владислава противъ «пикардовъ». Подъ этимъ именемъ подразумѣвались чешскіе братья. Указъ былъ вызванъ навѣтами утраквистовъ, которые донесли королю, что будто бы братья вошли въ союзъ съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ и готовятъ мятежъ противъ короля. Напрасны были оправданія братьевъ, напрасны были мольбы о пощадѣ. Ихъ выгоняли изъ жилищъ, бросали въ тюрьмы и пытками вынуждали ложныя сознанія, закрывали ихъ общины, отбирали чаши и общинныя деньги. Братскій епископъ Янъ Аугуста былъ заключенъ въ тюрьму и подвергался тамъ пыткамъ. Въ началѣ 1548 года пришло предписаніе, чтобы всѣ члены братской общины (jednoty), которые не пожелаютъ присоединиться ни къ католикамъ, ни къ утраквистамъ, въ теченіе шести недѣль выселились изъ Чехіи. Цѣлыя толпы братьевъ потянулись изъ родной земли на чужбину. Часть ихъ устроилась на житель-

ство въ Великой Польшѣ, въ имѣньяхъ пана Гурки, часть переселилась въ Пруссію и слилась здѣсь съ лютеранами. Большая часть, впрочемъ, осталась на родинѣ, притаилась въ ожиданіи лучшихъ временъ. Преслѣдованіе чешскихъ братьевъ, впрочемъ, скоро пріостановилось отчасти потому, что братья нашли нѣкоторое заступничество у наслѣдника престола Максимиліана, въ 1549 году избраннаго Чешскимъ королемъ, отчасти потому, что съ изданіемъ такъ называемаго interim'а на Аугсбургскомъ сеймѣ 1548 г. вообще установилось религіозное перемиріе.

Безуспѣшныя попытки къ возсоединенію утраквистовъ съ католиками. Этимъ перемиріемъ Фердинандъ захотѣлъ воспользоваться для того, чтобы соединить утраквистовъ съ римскою церковью. Папскій нунцій Просперъ а Santa Croce предложилъ свое посредничество и написалъ двѣнадцать статей, которыя должны были принять утраквисты. Здѣсь требовались: отмѣна причащенія младенцевъ, поминовенія Яна Гуса, частаго причащенія послѣ одной только исповѣди и принятіе формулы, по которой какъ въ хлѣбѣ, такъ и въ винѣ содержится нераздѣльно тѣло и кровь Христа. Но Фердинандъ не представлялъ себѣ ясно дѣйствительнаго положенія вещей. Утраквизмъ, какъ онъ опредѣлился въ XV вѣкѣ, въ половинѣ XVI существовалъ только по имени. Люди, слывшіе подъ именемъ *подобоевъ*, на самомъ дѣлѣ были въ большинствѣ случаевъ лютеранами. Въ церквахъ пражскихъ не было изображеній Богоматери и святыхъ, не выставлялось дароносицы, не совершалось больше никакихъ процессій, кропленія святою водою и т. д. Духовенство утраквистовъ постоянно сносилось съ Лейпцигомъ и Виттенбергомъ и оттуда получало ординаціи на принятіе сана пастора. Большая часть мѣстъ въ консисторіи утраквистовъ принадлежала лютеранамъ. Вслѣдствіе этого призывъ короля къ единенію съ римскою церковью не находилъ отклика у утраквистовъ. Тогда Фердинандъ сталъ искать себѣ помощниковъ въ дѣлѣ борьбы съ протестантизмомъ. Въ 1556 году онъ вызвалъ іезуитовъ и отдалъ имъ коллегію Св. Климента. Въ 1561 году онъ добился для себя права замѣщенія Пражской архіепископской каѳедры и назначилъ архіепископомъ Антонина Бруса изъ Могельницы, который посвященъ былъ въ планы короля и долженъ былъ ставить въ священники истинныхъ, а не мнимыхъ утраквистовъ. Въ слѣдующемъ, 1562 году онъ хлопоталъ передъ Тридентскимъ соборомъ о томъ, чтобы чехамъ разрѣшено было причащаться подъ обоими видами и имѣть женатыхъ священниковъ. Папа Пій IV согласился на первое и отвергъ второе. Чехія достигла, наконецъ, того, чего такъ усердно добивался Юрій Подѣбрадскій, но достигла слишкомъ поздно, уже въ то время, когда ея религіозные идеалы перемѣстились въ другомъ направленіи. Смерть Фердинанда, послѣдовавшая 25 іюня 1564 года, положила конецъ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ его въ борьбѣ съ протестантизмомъ.

Положеніе чешскихъ протестантовъ при Максимиліанѣ II; чешская конфессія 1575 года. Когда на чешскій престолъ вступилъ старшій

сынъ Фердинанда Максимиліанъ II, дотолѣ извѣстный своею вѣротерпимостью, чешскіе протестанты пріободрились. Братья поспѣшили прислать ему свое исповѣданіе вѣры, которое должна была разсмотрѣть консисторія утраквистовъ, и сборникъ богослужебныхъ гимновъ на нѣмецкомъ языкѣ. Среди нихъ пробудилось стремленіе къ уніи съ лютеранами. На сеймѣ, собравшемся въ 1567 году по случаю войны съ турками, лютеране добились согласія короля на отмѣну неудобныхъ для нихъ компактатовъ и на исключеніе ихъ изъ земскихъ привилегій. Провозглашена была терпимость ко всѣмъ христіанскимъ вѣроученіямъ, опирающимся на священномъ писаніи. Максимиліанъ не оправдалъ, однако, возлагавшихся на него надеждъ. Уже въ слѣдующемъ, 1568 году онъ издалъ мандатъ противъ «братьевъ» и приказалъ закрывать ихъ общины въ Чехіи. Неблагосклонно отнесся онъ и къ лютеранамъ, которые подали ему на сеймѣ 1571 года петицію объ утвержденіи особой консисторіи для аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Король отвѣтилъ на это смѣщеніемъ администратора консисторіи и назначеніемъ на его мѣсто строгаго утраквиста. Недовольные этимъ, евангелики стали угрожать отказомъ въ признаніи королевича Рудольфа наслѣдникомъ престола. Максимиліанъ устно обѣщалъ исполнить всѣ требованія евангеликовъ, но не особенно все-таки торопился съ исполненіемъ этого обѣщанія. Мало того: посыпались мандаты противъ евангелической консисторіи, браковъ священниковъ, совершенія въ церквахъ протестантской литургіи и молитвенныхъ собраній общины. Гоненія сблизили лютеранъ и братьевъ. Они выработали общее «чешское исповѣданіе вѣры» (confesse česká) въ 25 статьяхъ, присоединили къ нему проектъ церковнаго управленія изъ 11 статей, предусматривавшій самостоятельную консисторію съ администраторомъ во главѣ и особыхъ дефензоровъ-попечителей, и предложили все это королю на утвержденіе на сеймѣ 1575 года, собравшемся для коронаціи Рудольфа. Максимиліанъ устно разрѣшилъ панамъ и рыцарямъ лютеранскаго вѣроисповѣданія имѣть свою консисторію и дефензоровъ, «у которыхъ лютеранскіе священники находили бы защиту, если бы кто-нибудь вздумалъ обижать ихъ». Но мѣщане должны были оставаться въ вѣдѣніи прежней, не чисто протестантской консисторіи, а чешскіе братья подъ дѣйствіемъ законовъ королей Владислава и Фердинанда. Въ слѣдующемъ, 1576 году Максимиліанъ умеръ, не разрѣшивъ, такимъ образомъ, церковнаго вопроса въ Чехіи.

Рудольфъ II, его личность и отношеніе къ протестантамъ. На престолъ Чехіи, Венгріи и Австріи вступилъ старшій сынъ Максимиліана Рудольфъ. Рудольфъ дѣтство и юность провелъ при дворѣ дяди своего Филиппа Испанскаго, который, обманувшись въ собственномъ сынѣ Донъ-Карлосѣ, намѣревался объявить Рудольфа своимъ наслѣдникомъ. Въ мрачной атмосферѣ Мадрита, Эскуріала и Аранжуэца впечатлительный отъ природы королевичъ сталъ меланхоликомъ, погруженнымъ въ тихое созерцаніе. Онъ избѣгалъ всякихъ перемѣнъ, нарушающихъ его

покой. Постояннымъ мѣстопребываніемъ его стала Прага. Здѣсь, окруженный книгами, ретортами и рѣдкими произведеніями древняго искусства, онъ занимался математикою, астрономіею, химіею, алхиміею, гравированіемъ и т. под. искусствами. Любимыми его собесѣдниками были Тихо-Браге и Кеплеръ. Онъ собиралъ рѣдкія иконы, рѣзныя издѣлія, медали, бронзы, чаши, потиры, книги и рукописи. Прага въ его время была наполнена живописцами, преимущественно испанцами и итальянцами; отовсюду съѣзжались сюда антикваріи съ своими коллекціями. Будучи самъ по убѣжденію ревностнымъ католикомъ, онъ не преслѣдовалъ активно протестантовъ, но съ другой стороны не давалъ имъ и никакихъ уступокъ, не исполнилъ, напр., ихъ просьбу распространить чешскую конфессію 1575 года на города, нѣсколько разъ (въ 1584, 1602 и 1603 гг.) подтверждалъ мандатъ противъ пикардовъ, не препятствовалъ католическимъ панамъ отбирать у протестантовъ церкви и передавать ихъ католикамъ. Протестанты добились отъ него существенныхъ уступокъ лишь только тогда, когда ему стала угрожать опасность детронизаціи, и онъ сталъ нуждаться въ поддержкѣ со стороны чешскихъ сословій.

Столкновеніе Рудольфа съ братомъ Матвѣемъ. Съ теченіемъ времени поведеніе короля стало все болѣе и болѣе обнаруживать признаки психическаго разстройства. Цѣлые дни Рудольфъ проводилъ въ лабораторіи, приготовлялъ эссенціи, топилъ золото, искалъ получить философскій камень, шлифовалъ минералы, безъ гороскопа не начиналъ никакого дѣла. Пораженный гибелью Генриха III, короля Французскаго, Рудольфъ почему-то проникся убѣжденіемъ, что и онъ погибнетъ отъ руки монаха, представлялъ себя окруженнымъ чарами и взывалъ о помощи къ сатанѣ. Въ припадкахъ безумія онъ топталъ и разбивалъ все, что ни попадалось ему подъ руки, а одинъ разъ даже пытался перерѣзать себѣ горло кускомъ стекла; по ночамъ вскакивалъ съ постели и, вооружившись рапирою, сражался съ привидѣніями. Братъ Рудольфа Матвѣй поспѣшилъ пріѣхать въ Прагу въ надеждѣ склонить Рудольфа къ передачѣ ему управленія и къ назначенію его преемникомъ на чешскомъ престолѣ. Но Рудольфъ уперся и назначилъ себѣ преемникомъ Леопольда, брата эрцгерцога Штирійскаго. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до открытаго междоусобія. Матвѣй вошелъ въ сношенія съ венгерскими сословіями, недовольными самовластьемъ Рудольфа, и 1 февраля 1608 года въ Пресбургѣ заключилъ съ ними конфедерацію противъ Рудольфа. Къ этой конфедераціи въ апрѣлѣ пристали моравскія сословія; готовились примкнуть къ ней и чехи, для которыхъ Матвѣй назначилъ сеймъ въ Чаславѣ. Тогда Рудольфъ вызвалъ въ Чехію баварскія войска подъ начальствомъ Тилли и, сосредоточивъ ихъ около Праги, запретилъ чинамъ съѣзжаться на сеймъ въ Чаславѣ и вызвалъ ихъ на май въ Прагу. Чтобы обезоружить Матвѣя, Рудольфъ призналъ его своимъ наслѣдникомъ и склонилъ къ тому же и чеховъ, послѣ чего чешскія войска соединились съ императорскими. Матвѣй вынужденъ

былъ вступить въ переговоры: Рудольфъ согласился уступить Матвѣю еще при жизни своей Венгрію, обѣ Австріи и Моравію, а чешскія сословія признали Матвѣя будущимъ королемъ Чехіи.

Возстаніе чеховъ; грамота величества 1609 г. о вѣротерпимости. Еще до заключенія этого договора чешскія сословія хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Рудольфа, чтобы вынудить у него «грамоту величества» относительно вѣротерпимости и разныхъ политическихъ правъ. Рудольфъ подтвердилъ статьи, содержащія политическія права, но подтвержденіе статей религіозныхъ отложилъ до слѣдующаго сейма. На этомъ сеймѣ, собравшемся въ январѣ 1609 года, онъ не только не удовлетворилъ просьбы чиновъ о признаніи «чешскаго исповѣданія» и о передачѣ протестантамъ консисторіи и университета, но опять подтвердилъ мандатъ противъ пикардовъ, объяснивъ при этомъ, что только утраквисты, опирающіеся на базельскихъ компактатахъ, могутъ надѣяться на терпимость. Въ апрѣлѣ сеймъ былъ распущенъ. Но сословія сами назначили съѣздъ на 4 мая, собрались въ большемъ количествѣ, обратились за поддержкою къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ князьямъ и въ концѣ концовъ принудили Рудольфа собрать новый сеймъ въ Прагѣ на 25 мая. Когда Рудольфъ и на этотъ разъ отказался подписать желанную «грамоту величества», сословія постановили начать вооруженное сопротивленіе; начали собирать войска и учредили изъ своей среды временное правительство въ составѣ тридцати директоровъ. Рудольфъ вынужденъ былъ уступить и 9 іюля 1609 года подписалъ грамоту (Majestätsbrief), коею подтвердилъ чешскимъ панамъ, рыцарству, мѣщанамъ и крестьянамъ «чешскую конфессію» 1575 года. Чешскіе протестанты получили право свободно исповѣдывать свою вѣру и отправлять публичное богослуженіе, держать церкви, которыя у нихъ были, и сооружать новыя, учреждать школы, получили въ свое вѣдѣніе университетъ. Имъ предоставлено было для церковнаго управленія и защиты своихъ правъ учредить тридцать дефензоровъ изъ всѣхъ сословій. Послѣ того чешскіе братья, утраквисты лютеранскаго оттѣнка и лютеране заключили между собою соглашеніе относительно исповѣданія вѣры и духовнаго управленія и договоръ съ католиками о взаимной терпимости.

Отреченіе Рудольфа. Итакъ, продолжительныя и напряженныя усилія чеховъ добиться вѣротерпимости и религіознаго мира, казалось бы, увѣнчались успѣхомъ. На дѣлѣ оказалось, однако, что заключенъ былъ не миръ, а кратковременное перемиріе. Борьба возобновилась въ связи съ междоусобіемъ въ Габсбургскомъ домѣ. Католическіе князья Габсбургскаго дома пытались помирить Рудольфа и Матвѣя. Въ маѣ 1610 года состоялся въ Прагѣ съѣздъ католическихъ князей Габсбургскаго дома и другихъ, на которомъ выяснены были опасности, угрожающія имперіи отъ раздора въ Габсбургскомъ домѣ, и состоялось примиреніе: Матвѣй призналъ Рудольфа своимъ сюзереномъ и принесъ ему извиненіе; обѣ

стороны обязались распустить войска. Матвѣй исполнилъ обязательство, но Рудольфъ, отговариваясь тѣмъ, что у него нѣтъ денегъ для расплаты съ солдатами, перевелъ ихъ изъ Баваріи въ Чехію. Солдаты вступили въ Чехію словно въ непріятельскую землю, подвергая все грабежу и разоренію; они подступили къ Прагѣ и овладѣли Малою стороною. Все это вызвало въ населеніи сильное возбужденіе противъ католиковъ, которыхъ обвиняли въ сообщничествѣ съ непріятелемъ: чернь бросилась на католическія церкви и монастыри и подвергла ихъ разграбленію и разоренію. Чешскія сословія взялись за оружіе и послали просить помощи у Матвѣя, который и прибылъ съ 8 т. конницы. Рудольфъ долженъ былъ созвать сеймъ въ Прагѣ (12 апрѣля 1611 года), на которомъ отказался отъ чешской короны въ пользу Матвѣя. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ.

Нарушеніе грамоты величества при королѣ Матвѣѣ. Чешскія сословія стремились использовать моментъ для того, чтобы обезпечить себя на будущее время. Передъ коронаціею Матвѣя они предъявили ему требованіе, чтобы за ними признано было право созывать съѣзды безъ разрѣшенія короля, собирать войска для своей защиты, заключать союзы не только съ землями чешской короны, но и съ прочими землями Матвѣя, и чтобы возобновлены были дружескія отношенія съ дворами Саксонскимъ, Пфальцскимъ и Бранденбургскимъ, т.-е. съ главными протестантскими князьями Германіи. Сословія ошиблись въ своихъ расчетахъ: Матвѣй отложилъ разсмотрѣніе ихъ требованій до ближайшаго генеральнаго сейма земель чешской короны и подъ разными предлогами уклонялся отъ исполненія своихъ обѣщаній относительно этого. Соперничая съ Рудольфомъ и опираясь въ борьбѣ съ нимъ на чешскихъ протестантовъ, Матвѣй, какъ истый Габсбургъ, оставался правовѣрнымъ католикомъ и вовсе не былъ расположенъ поступаться своею властью въ пользу чешскихъ протестантовъ. Когда же, наконецъ, на сеймѣ 1615 года дѣло дошло до разсмотрѣнія выше указанныхъ требованій, сословія охладѣли къ нимъ въ виду разныхъ затрудненій, связанныхъ съ проведеніемъ ихъ въ жизнь. Единственнымъ пріобрѣтеніемъ ихъ на этомъ сеймѣ было постановленіе, въ силу котораго гражданскими правами въ Чехіи могутъ пользоваться только природные чехи и тѣ иностранцы, которые владѣютъ чешскимъ языкомъ.

Не удалось чехамъ упрочить и религіозный миръ. Архіепископъ Пражскій Янъ Логелій и другія католическія церковныя власти стали на ту точку зрѣнія, что «грамота величества» имѣетъ силу только для королевскихъ доменъ и не дѣйствительна для церковныхъ имѣній, мѣстъ и селъ. Вслѣдствіе этого архіепископъ приказалъ закрыть протестантскій соборъ въ Гробѣ, запретилъ хоронить протестантовъ въ церквахъ и на кладбищахъ; магистратъ въ Крумловѣ повыгналъ иновѣрцевъ изъ мѣста; въ Брауновѣ мѣстный аббатъ прекратилъ начатую протестантами постройку храма. На представленіе дефензоровъ королевская канцелярія отвѣчала толкованіемъ грамоты величества, сходнымъ съ пониманіемъ церковныхъ властей.

Самъ король явно начиналъ брать сторону католиковъ. Между прочимъ онъ поручилъ бурмистру Стараго Пражскаго мѣста пересмотрѣть фундаціи всѣхъ пражскихъ церквей съ цѣлью заставить ихъ въ точности исполнять волю жертвователей. Это распоряженіе было прямо направлено противъ протестантовъ, которые пожертвованія на поминъ души обратили на содержаніе школъ. Весною 1616 года король подтвердилъ, что протестантскіе подданные церковныхъ имѣній не имѣютъ права строить церкви, король же, какъ и всякій панъ, можетъ назначать въ свои имѣнья священниковъ, посвященныхъ епископами. Самыя мрачныя перспективы стали угрожать протестантамъ послѣ того, какъ бездѣтный Матвѣй на сеймѣ 1617 года провелъ въ наслѣдники Фердинанда Штирійскаго, уже прославившагося гоненіями на протестантовъ, и 29 іюня короновалъ его, какъ будущаго короля Чехіи. Протестанты рѣшили защищаться. Съ этою цѣлью они съѣхались въ Прагѣ въ мартѣ 1618 г. подъ предводительствомъ графа Матвѣя Турна и выработали жалобу для подачи императору. Отвѣтъ получился неудовлетворительный. Протестанты приписали составленіе этого отвѣта членамъ намѣстничества, которое заступало короля по случаю его отсутствія, въ частности наивысшему маршалку и бургграфу Карлштейнскому Ярославу Боржитѣ изъ Мартиницъ и наивысшему судьѣ Вильгельму Славатѣ. Во время горячаго объясненія правительства съ протестантскою депутаціею въ замкѣ протестанты по предварительному уговору между собою выбросили изъ окна въ ровъ Ярослава изъ Мартиницъ, Славату и секретаря намѣстничества Филиппа Фабриціуса. Случайно всѣ они остались живы и бѣжали изъ Праги. Происшествіе это положило начало вооруженной борьбѣ, которая привела къ самымъ тяжкимъ послѣдствіямъ для чешскаго народа и государства.

Возмущеніе въ Чехіи. Возмутившіеся протестанты, отставивъ всѣхъ ненадежныхъ должностныхъ лицъ, арестовавъ подозрительныхъ и приведя къ присягѣ на вѣрность коменданта Праги, разослали по странѣ приказы быть всѣмъ готовыми на защиту отечества. Начальнымъ вождемъ надъ войсками назначенъ былъ графъ Турнъ. Въ Прагѣ учреждено было временное правительство изъ тридцати директоровъ подъ предсѣдательствомъ Вацлава Вильгельма изъ Роупова. Для успокоенія католической партіи и императорскаго двора протестанты составили краткую апологію своихъ дѣйствій, въ которой заявляли, что директорія выступаетъ на защиту короля и правъ страны, что Славата и Мартиницкій понесли заслуженную кару за нарушеніе этихъ правъ. Эту апологію они послали императору, курфюрстамъ, чинамъ австрійскимъ, моравскимъ, силезскимъ и лужицкимъ. Сеймъ, собравшійся въ концѣ іюня 1618 года, опредѣлилъ налогъ для обороны государства и строгое наказаніе для тѣхъ, кто будетъ уклоняться отъ платежа его. Декретомъ 1 іюля директоры изгнали іезуитовъ изъ Чехіи; изгнаны были также архіепископъ Янъ Логеліусъ и Броуновскій аббатъ.

Мятежъ все болѣе и болѣе разгорался. Онъ находилъ сочувствіе у моравянъ, силезцевъ и лужичанъ. Императоръ Матвѣй, пытавшійся сначала ликвидировать его мирнымъ путемъ, разсылкою манифестовъ и переговорами съ возставшими, въ концѣ концовъ, по настоянію брата своего Фердинанда, двинулъ въ Чехію войска подъ начальствомъ Генриха Дампьера и Карла Бюкуа для подавленія мятежа силою оружія. Тогда сеймъ, собравшійся въ Прагѣ, вошелъ въ переговоры съ Фридрихомъ Пфальцскимъ, Карломъ-Эммануиломъ Савойскимъ и протестантскою уніею. Результатомъ было прибытіе вспомогательнаго войска подъ начальствомъ графа Мансфельда и пораженія, нанесенныя императорскимъ войскамъ Турномъ и Мансфельдомъ. Послѣ этого Матвѣй согласился начать мирные переговоры. Но раньше, чѣмъ они начались, онъ скоропостижно умеръ въ Вѣнѣ (20 марта 1619 г.). Всѣ эти событія были прологомъ къ великой трагедіи, разыгравшейся на сценѣ чешской исторіи въ царствованіе двухъ преемниковъ Матвѣя—Фердинанда II и Фердинанда III.

Важнѣйшая литература.

E. Denis, Les premiers Habsbourgs. Fin de l'independance de Bohême. Paris 1890. Въ чешск. переводѣ: Konec samostatnosti české. V Praze 1893.

Rezek Antonin, Dějiny Ćech a Moravy. Nove doby. 1. 1892.

Gindely A. Rudolf II und seine Zeit. B—de I—II. Prag 1863—1865.

W. W. Tomek, Dějepis města Prahy, díl XI. V Praze 1897; díl XII. Vraze 1901.

Czerwenka Bernhardt, Geschichte der evangelischen Kirche in Böhmen. Bielefeld und Leipzig 1870.

Frind, Kirchengeschichte Böhmens, B. IV. Prag 1878.

Rezek A. Dějiny prostonárodniho hnutí náboženského. 1887.

Gindely A. Böhmen und Mähren im Zeitalter der Reformation. B. I—II. Prag. 1857—1858.

— Geschichte der Gegenreformation in Böhmen. Leipzig 1894.

Bílek Tomaš, Dějiny řádu Tovařyšstva Ježíšova a působení jeho vůbec, a v zemích království českého zvlaště. V Praze 1898.

Winter Zikmund, Kulturní obraz českých měst. I—II. Praha 1890, 1892.

— Děje vysokých škol pražskich. Praha 1897.

J. Bidlo, Iednota bratrska v prvnim vyhnanství (1548—1561).

XVI.

Разгромъ Чехіи въ тридцатилѣтнюю войну и ея внутренній упадокъ въ XVII и первой половинѣ XVIII в.

Состояніе Чехіи подъ владычествомъ Габсбурговъ въ началѣ XVII вѣка. Установленіе власти нѣмецкой Габсбургской династіи, соединявшей въ своихъ рукахъ, кромѣ Чехіи, Австрію, Венгрію и много другихъ земель, несомнѣнно поставило Чехію въ условія, неблагопріятныя для развитія ея государственной самостоятельности и національной культуры. Это стало обнаруживаться уже въ XVI вѣкѣ. Но при всемъ томъ жизнь чешскаго народа не выходила еще изъ того самаго русла, которое она проложила въ XIV и XV вѣкахъ, въ эпоху національнаго расцвѣта. И подъ скипетромъ Габсбурговъ Чехія продолжала въ XVI в. оставаться самостоятельнымъ государствомъ, соединеннымъ съ другими землями Габсбургскаго дома только *династическою*, даже не личною уніею (Габсбурги дѣлили между собою свои владѣнія). Тотъ самый король, который нанесъ Чехіи столько чувствительныхъ ударовъ,—Фердинандъ I, на Аугсбургскомъ сеймѣ 1548 года отвергъ предложеніе нѣмецкихъ князей, желавшихъ включить Чехію въ военно-финансовую организацію имперіи и требовавшихъ, чтобы чешскія земли платили имперскую дань. Въ Чехіи еще живы были, не подавлены тѣ общественныя силы, которыя стояли на стражѣ чешской государственной и народной самобытности. Правда, одной изъ этихъ силъ—мѣщанству, какъ мы видѣли, нанесенъ былъ при Фердинандѣ I серьезный ударъ. Но при всемъ томъ сословіе не было сломлено окончательно, во второй половинѣ XVI и началѣ XVII в. успѣло въ значительной степени оправиться и возстановить свое прежнее положеніе. Внукъ Фердинанда Рудольфъ II расширилъ городское самоуправленіе; расширено было и участіе мѣщанъ въ сеймахъ, такъ что въ концѣ концовъ 22 королевскихъ мѣста имѣли своихъ представителей на сеймѣ. Дворянство такъ же, какъ и мѣщанство, понесло личныя и политическія утраты отъ Фердинанда I, но съ теченіемъ времени успѣло не только возстановить, но и возвысить свое положеніе въ государствѣ. Нагляднымъ выраженіемъ этого служитъ расширеніе правъ чешскаго сейма, на которомъ дворянству принадлежала руководящая роль. Фердинандъ I ввелъ было въ практику сеймовъ обсужденіе только королевскихъ пропозицій и, какъ только заканчивалось это обсужденіе, закрывалъ сеймъ. Сословія домогались, чтобы обсуждались и земскія нужды, и въ концѣ концовъ, въ 1610 году, добились отъ Рудольфа II соизволенія на то, чтобы на каждомъ сеймѣ по разсмотрѣніи королевскихъ пропозицій принимались на уваженіе и заклю-

ченіе земскіе «артикулы», и чтобы никакое постановленіе сейма ранѣе окончанія обсужденія земскихъ «артикуловъ» не заносилось въ земскія доски, т.-е. не имѣло силы закона. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ путемъ чешскій сеймъ могъ эволюціонировать въ направленіи современнаго парламентаризма, если бы естественное развитіе государственнаго строя Чехіи не было нарушено разразившеюся надъ нею въ тридцатилѣтнюю войну катастрофою.

До этой катастрофы крѣпокъ былъ еще и тотъ фундаментъ, на которомъ зиждился національный строй Чехіи, ея національные порядки и учрежденія, ея національная культура. Чешское крестьянство и мелкое мѣщанство, содержавшее короля и его дворъ, пановъ, рыцарей и духовенство, заключало въ себѣ болѣе 2 милліоновъ душъ. Чешскіе крестьяне, хотя и потеряли право оставлять свои земельные участки и мѣнять мѣсто своего жительства, при всемъ томъ владѣли своею землею наслѣдственно, имѣли право продавать продукты своего хозяйства, имѣть движимое имущество, судились какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ у своихъ судей и присяжныхъ (sudi, conšele), назначаемыхъ ежегодно правительствомъ, выбирали «церковниковъ» (kostelnici), которые смотрѣли за церковною утварью, доходами и расходами и т. д. Въ 1605 году насчитывалось крестьянъ-владѣльцевъ земельныхъ участновъ: въ королевскихъ имѣньяхъ 14375, въ панскихъ — 67125, въ рыцарскихъ—54413, въ церковныхъ—7339; кромѣ того мѣщанъ-землевладѣльцевъ королевскихъ 5326, муниципальныхъ, не королевскихъ, 2282. Дворянство чешское въ 1605 году насчитывало 254 знатныхъ рода и 1128 рыцарскихъ.

Чешскій языкъ былъ господствующимъ въ судѣ, администраціи, въ преподаваніи, въ литературѣ и въ частной жизни. Для потребностей суда и администраціи въ XVI вѣкѣ продолжали составляться и обрабатываться, на чешскомъ языкѣ разные юридическіе сборники. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: *Дрновская книга*, сборникъ обычаевъ, приговоровъ, позвовъ и конституцій земли Моравской, составленный Цтиборомъ Дрновскимъ и служащій дополненіемъ къ «Книгѣ Товачовской»; «Законы мѣстскіе» (Práva městská) сборникъ дѣйствовавшаго городского права, составленный профессоромъ Пражскаго университета, затѣмъ бурмистромъ Стараго Мѣста, *Брицкимъ изъ Злицка*; «Законы городскіе Чешскаго королевства», изданные въ 1579 году писаремъ Стараго Мѣста *Кольдинымъ*, Монетный уставъ (Zřízeni o mincích) 1561 и др. Въ XVI вѣкѣ въ Чехіи, какъ и въ другихъ странахъ западной Европы, усиленно изучали древніе языки и древнихъ авторовъ, какъ въ школахъ, учрежденныхъ протестантами, такъ и въ коллегіяхъ, основанныхъ іезуитами. Но это изученіе не только не вредило, но способствовало развитію чешскаго литературнаго языка. Чешскій языкъ замѣтно совершенствовался въ переводахъ римскихъ и греческихъ классиковъ, благодаря составленію грамматикъ и словарей. Эпоха Возрожденія наложила свой отпечатокъ на духовное творчество націи, осо-

бенно на художественное: чешская архитектура, живопись и скульптура усвоили стиль Возрожденія. Но при всемъ томъ національное чувство не заглушалось иноземною модою и иноземными вліяніями. Чехи не теряли національнаго самоуваженія, цѣнили свое родное, прошлое и настоящее. XVI вѣкъ далъ не мало писателей, излагавшихъ достопамятныя событія своего отечества въ прошломъ и настоящемъ и дѣянія славныхъ мужей Чехіи. И въ общую сокровищницу знанія чехи стали дѣлать крупные вклады. Достаточно указать, напр., на Адама Залузянскаго, открывшаго двуполость растеній и опередившаго въ этомъ отношеніи Линнея. Но всему этому самобытному развитію чешскаго національнаго генія нанесенъ былъ страшный ударъ погромомъ, который потерпѣла Чехія въ тридцатилѣтнюю войну, и торжествомъ нѣмецко-католическаго Габсбургскаго деспотизма.

Избраніе Фридриха Пфальцскаго королемъ Чехіи и коалиція противъ него. Императору Матвѣю долженъ былъ наслѣдовать въ Чешскомъ королевствѣ братъ его Фердинандъ. Воспитанный іезуитами въ строгомъ католическомъ благочестіи и обрядности, государь этотъ не подавалъ никакихъ надеждъ чешскимъ протестантамъ. Не смотря на то, что особымъ «реверсомъ» онъ обѣщалъ соблюдать всѣ вольности, дарованныя чехамъ его предшественниками, чешскіе протестанты не повѣрили этому обѣщанію и, соединившись съ единомышленниками изъ Моравіи, Силезіи и Лужицъ, объявили Фердинанда лишеннымъ престола и избрали на его мѣсто главу протестантской уніи Фридриха Пфальцскаго (27 августа 1618 г.). Фридрихъ долгое время колебался, принимать или отклонить это избраніе. Ближніе ему люди, между прочимъ короли Англійскій и Французскій, указывали ему на большія опасности, грозящія ему въ Чехіи. Польскій король Сигизмундъ III уговаривалъ директоровъ, членовъ временнаго чешскаго правительства, отказаться отъ избранія, навлекающаго большія бѣды на Чехію. Въ концѣ концовъ, однако, Фридрихъ прибылъ въ Прагу и торжественно короновался чешскою короною въ соборѣ св. Вита (4 ноября). Послѣ этого онъ немедленно уѣхалъ на сеймъ протестантскихъ князей въ Германію. Принимая чешскую корону, Фридрихъ разсчитывалъ на помощь протестантской «уніи». Но оказалось, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Какъ ревностный кальвинистъ, онъ не пользовался сочувствіемъ лютеранъ, и противъ него на сеймѣ велась усиленная агитація пасторами аугсбургскаго исповѣданія. Нѣмецкіе протестанты изъявили согласіе только на то, чтобы защищать Пфальцъ, но отказались мѣшаться въ чешскую войну. Курфюрстъ Саксонскій объявилъ себя на сторонѣ императора, короли Шведскій и Датскій и курфюрстъ Бранденбургскій не дали никакихъ положительныхъ обѣщаній. Фридрихъ такимъ образомъ предоставленъ былъ своимъ собственнымъ силамъ. Но и эти силы онъ сумѣлъ только ослабить и уменьшить. Вернувшись съ сейма въ Прагу, король легкомысленно проводилъ время въ пирахъ и увеселеніяхъ въ то самое время,

когда отовсюду собирались грозныя тучи надъ Чехіею. Папа, Филиппъ III Испанскій, великій герцогъ Тосканскій Козьма II предложили Фердинанду денежную помощь, а Испанскій король отдалъ приказаніе своимъ войскамъ занять Пфальцъ. Готовились помогать императору Максиміліанъ Баварскій, курфюрстъ Саксонскій и Польскій король. Своихъ подданныхъ Фридрихъ огорчилъ своею нетерпимостью. Находясь подъ вліяніемъ фанатическаго кальвинскаго проповѣдника Абрагама Скультета. король приказалъ удалить изъ собора св. Вита всѣ образа Мадонны и святыхъ, всѣ кресты и реликвіи, снести алтарь. 24 декабря посреди собора поставили простой столъ, на немъ сосуды съ виномъ и бѣлый хлѣбъ, разрѣзанный на куски. Въ день Рождества король съ другими кальвинистами разсѣлись вокругъ стола и послѣ пѣнія псалмовъ и проповѣди вкушали вино и хлѣбъ. Въ январѣ 1620 года такимъ же порядкомъ ободрали иконы и украшенія въ іезуитской церкви и ввели въ ней кальвинское богослуженіе. Всѣ эти дѣйствія раздражили не только католиковъ, но и умѣренныхъ протестантовъ, которые называли кальванистовъ «лисами, опустошающими виноградникъ Господень», ученіе ихъ «Кораномъ», а Скультета «дикимъ звѣремъ». Своею церковною политикою Фридрихъ гасилъ національно-религіозное одушевленіе чеховъ.

Бѣлогорская битва и пораженіе чеховъ. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ пододвигались къ Чехіи вражескія силы. Максиміліанъ Баварскій съ войсками католической лиги подъ начальствомъ Тилли вступилъ въ Верхнюю Австрію, чтобы пресѣчь единеніе здѣшнихъ протестантовъ съ чехами; курфюрстъ Саксонскій вторгся въ Лужицы, а навербованные въ Польшѣ «Лисовчики», остававшіеся не у дѣлъ послѣ вытѣсненія ихъ изъ Московскаго государства, черезъ Моравію вступили въ Нижнюю Австрію. Силы Фридриха, которыя должны были дать имъ отпоръ, накоплялись медленно и туго. Король Англійскій прислалъ ему 4000 солдатъ; голландцы—500; Седмиградскій владѣтель Габоръ—1000. Фридрихъ призвалъ къ оружію все мужское населеніе Праги до пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ включительно. 8 ноября 1620 года чешское войско потерпѣло полное пораженіе на Бѣлой горѣ неподалеку отъ Праги. Фридрихъ поспѣшилъ удалиться изъ Праги, которая занята была войсками Фердинанда и Максиміліана Баварскаго. Послѣ сдачи Праги моравскія сословія просили помилованія, а сословія силезскія заключили такъ называемый «аккордъ», по которому они отказались отъ чешской конфедераціи и подчинились непосредственно императору. Для Чехіи наступили дни печали и угнетенія...

Расправа съ мятежниками. Фердинандъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Чехію князя Карла Лихтенштейна и поручилъ ему произвести экзекуцію надъ мятежниками. Лихтенштейнъ прислалъ сначала особыхъ коммиссаровъ, которые переписали всѣхъ участниковъ мятежа, дѣйствительныхъ и подозрѣваемыхъ. За этимъ послѣдовалъ уже рядъ распоряженій. Приказано было изъять изъ обращенія всѣ монеты, вычеканенныя

при Фридрихѣ, и снесть ихъ на королевскій монетный дворъ. Кредиторы и всѣ лица, имѣющія какое-либо отношеніе къ имуществу подозрѣваемыхъ, должны были заявить о себѣ властямъ; евреи, имѣющіе у себя въ закладѣ драгоцѣнности мятежниковъ, должны были немедленно выдать эти вещи. Затѣмъ послѣдовалъ приказъ объ арестѣ всѣхъ участниковъ мятежа и оглашеніе церковнаго проклятія на Фридриха Пфальцскаго, Георга Бранденбургскаго, Христіана Ангальтскаго и графа Фридриха Гогенлое. Въ февралѣ 1621 года Лихтенштейнъ прибылъ въ Прагу и нарядилъ здѣсь подъ своимъ предсѣдательствомъ чрезвычайный судъ надъ мятежниками. Прежде всего оглашенъ былъ приговоръ надъ бѣжавшими мятежниками: они присуждены были къ лишенію чести, жизни и имущества; имена ихъ, написанныя на черныхъ доскахъ, вывѣшены были подъ висѣлицами. По отношенію къ умершимъ судъ постановилъ истребить память ихъ и конфисковать ихъ имущество. Затѣмъ подвергнуты были допросу члены мятежнаго правительства—директоры. Большая часть ихъ была присуждена къ смертной казни съ четвертованіемъ при жизни, трое—съ четвертованіемъ по смерти, и только пятеро были освобождены отъ смерти. Казнь была совершена 21 іюля, при чемъ головы двѣнадцати пановъ, правыя руки ихъ и языкъ доктора Яна Есенскаго были прибиты на мостовой башнѣ Стараго мѣста, а головы другихъ выставлены на рынкѣ Стараго мѣста. На слѣдующій день подверглись наказанію розгами другіе участники мятежа; трое видныхъ пражскихъ мѣщанъ были повѣшены. Особая конфискаціонная комиссія приговорила 658 пановъ и рыцарей къ лишенію имущества. Всего, по расчету чешскихъ историковъ, конфисковано было имущества на 100 милліоновъ гульденовъ. Это колоссальное богатство, однако, не осталось въ королевской казнѣ, но израсходовано было на уплату жалованья войскамъ, на награды и на различные фонды для церковныхъ учрежденій. Чешское дворянство было разорено этими конфискаціями; имѣнья ми его завладѣли сторонники Фердинанда, въ числѣ ихъ много авантюристовъ и иноземцевъ

Мѣры по искорененію ересей въ Чехіи; эмиграція изъ Чехіи. Послѣ расправы съ мятежниками принятъ былъ рядъ мѣръ къ искорененію еретиковъ и ересей въ Чехіи. Въ 1621 году были изданы мандаты противъ проповѣдниковъ, учителей и профессоровъ кальвинскаго толка и чешскихъ братьевъ; имъ предписывалось покинуть Чехію. Въ слѣдующемъ году Фердинандъ на основаніи буллы папы Григорія XV, отмѣнившей прежнее разрѣшеніе причащенія подъ обоими видами, началъ преслѣдовать лютеранъ, а въ 1624 году осуществилъ изгнаніе всѣхъ пасторовъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Всѣ иновѣрцы лишены были правъ и привилегій, которыми они доселѣ пользовались. Крестьянъ жестокими и насильственными мѣрами понуждали прямо принимать ученіе и обряды католической церкви. Въ 1626 году приказано было, чтобы всѣ некатолики въ теченіе двухъ мѣсяцевъ усвоили истины католической вѣры и присоединились къ рим-

ской церкви подъ страхомъ изгнанія изъ отечества за непослушаніе. Въ слѣдующіе годы это приказаніе повторялось неоднократно. Многіе подчинились королевскимъ мандатамъ и приняли католицизмъ; но многіе предпочли изгнаніе отступничеству, и десятки тысячъ потянулись въ Германію, Голландію и въ Великую Польшу. Пражскій университетъ былъ отданъ іезуитамъ: ректоръ и всѣ профессоры философскаго и богословскаго факультетовъ должны были быть членами Общества Іисуса; на медицинскомъ и юридическомъ факультетахъ могли читать и свѣтскія особы, но только римско-католическаго вѣроисповѣданія. Всѣ школы и цензура книгъ отданы были въ вѣдѣніе и надзоръ іезуитовъ. Другіе монашескіе ордены—бенедиктинцы, доминиканцы, капуцины, францисканцы, цистерціане, премонстранты и т. д. также получили свои монастыри и учрежденія для развитія своей дѣятельности. Католическая реакція развернулась въ Чехіи во всю ширь, искореняя все, что порождено было въ Чехіи гусситствомъ и реформаціею.

Обновленный земскій уставъ; торжество католицизма и королевскаго абсолютизма и упадокъ политической самобытности Чехіи. Въ то же самое время Фердинандъ приступилъ и къ политическимъ преобразованіямъ съ цѣлью обезпечить на вѣчныя времена власть своему роду и уничтожить возможность повторенія событій 1618—1620 гг. Въ 1627 году изданъ былъ «Обновленный земскій уставъ» (Obnovené Zřízení zemské), въ первой статьѣ котораго устанавливалось наслѣдственное преемство чешскаго престола въ мужскомъ потомствѣ и для королевской дочери, независимо отъ того, выдана ли она замужъ съ согласія сейма или безъ онаго, съ поясненіемъ, что наслѣдникъ вступаетъ во всѣ свои королевскія права немедленно по смерти своего предшественника, а чинамъ и гражданамъ королевства Чешскаго принадлежитъ право избранія короля лишь въ томъ только случаѣ, если не останется никого изъ королевскаго рода и племени. Такимъ образомъ, всѣ земли Чешской короны становились наслѣдственнымъ достояніемъ Габсбургскаго дома, чешскія сословія теряли право *принимать* наслѣдственныхъ королей и ставить имъ какія-либо условія. Сообразно съ этимъ и коронація Чешскаго короля имѣла впредь совершаться по его собственной волѣ и усмотрѣнію, безъ какихъ-либо препятствій со стороны сословій. Королевскія регаліи, которыя прежде сохранялись въ Карлштейнскомъ замкѣ и выдавались новому королю лишь съ разрѣшенія сейма, перенесены были въ каплицу св. Вацлава въ Пражскомъ замкѣ и поступили въ распоряженіе короля и церкви; должность Карлштейнскаго бургграфа, хранившаго регаліи, была отмѣнена. Сама по себѣ коронація перестала быть необходимымъ условіемъ, какъ было раньше, для вступленія новаго короля во власть: королевство Чешское ни одного дня не остается безъ короля. Королевская присяга передъ помазаніемъ получила опредѣленную, разъ навсегда установленную формулу. Король долженъ присягать, что онъ твердою рукою будетъ содержать католическую вѣру въ

странѣ, каждому подданному чинить справедливость, сохранять сословія при всѣхъ благопріобрѣтенныхъ правахъ, подтвержденныхъ прежними королями, ничего не отчуждать отъ королевства Чешскаго и дѣлать все, что служитъ къ его благу и чести. При этомъ сдѣлана была существенная оговорка, чтобы чины, пользующіеся правами, исповѣдывали римско-католическую вѣру. «Обновленный земскій уставъ» объявилъ грамоту величества Рудольфа II отмѣненною, а католическое вѣроисповѣданіе за единственно допускаемое въ Чехіи.

Власть королевская въ «Обновленномъ земскомъ уставѣ» получила рядъ опредѣленій, приближающихъ ее къ абсолютной власти. Королю принадлежитъ право быть представителемъ государства въ международныхъ отношеніяхъ—посылать или назначать пословъ къ иностраннымъ дворамъ, объявлять войну и заключать миръ, заключать союзы и другіе договоры. Сообразно съ этимъ ему принадлежитъ право издавать повелѣнія о сборѣ земскаго ополченія, которыхъ никто не смѣетъ ослушаться. Только королю принадлежитъ право созывать генеральные сеймы и крайскіе съѣзды и дѣлать предложенія сословіямъ касательно сбора «берна». Королю принадлежитъ высшая законодательная власть—право издавать, интерпретировать, отмѣнять законы и установлять исключенія изъ нихъ, въ тѣхъ предѣлахъ, пока этимъ не нарушаются признанныя и утвержденныя права сословій. Король замѣщаетъ всѣ высшія и нѣкоторыя низшія административныя и судебныя должности особами панскаго и рыцарскаго соловія, имѣющими осѣдлость въ странѣ, при чемъ высшія должности замѣщаются королемъ по взятіи отзыва о кандидатахъ отъ наивысшихъ урядниковъ и судей земскихъ. Самъ король является наивысшимъ судьею, который при посредствѣ делегированныхъ при дворѣ высшихъ судовъ разсматриваетъ дѣла, поступающія къ нему по аппелляціи или для ревизіи отъ низшихъ судовъ. За королемъ по средневѣковой традиціи признавалось нѣкоторое право верховной собственности на территорію государства и на все, что на ней находится, а изъ этого права вытекало право собственности на выморочное или покинутое имущество, право конфискаціи, право экспропріаціи въ государственныхъ цѣляхъ, право собственности на рѣки, лѣса, залежи рудъ, пока это право не отчуждено въ чужія руки. Наконецъ, королю принадлежитъ право давать инколатъ чужеземцамъ, возводить въ панское или владыцкое званіе, давать грамоты на гербы и другія привилегіи, жаловать титулы герцогскіе, княжескіе и графскіе, учреждать академіи, университеты и другія школы, утверждать въ докторской степени, назначать публичныхъ нотаріусовъ и т. д.

«Обновленный земскій уставъ» сначала подтвердилъ было законъ Владислава, по которому король могъ возвести владыку въ панское званіе только съ согласія панскаго чина. Но позднѣйшею новеллою Фердинандъ провозгласилъ, что только король можетъ жаловать панское или рыцарское достоинство, и чинамъ нѣтъ до того никакого дѣла. Имъ только объ-

являлось о фактѣ. Нобилитированные получали право на пріобрѣтеніе земскихъ имѣній и на участіе въ сеймѣ; кто не успѣлъ еще пріобрѣсти имѣнье, тотъ могъ только присутствовать на сеймѣ, безъ права голоса.

Возвышеніе королевской власти сказалось и въ томъ, что высшіе сановники государства, называвшіеся ранѣе земскими, теперь признаны были королевскими земскими урядниками королевства Чешскаго и должны были присягать только королю и его наслѣдникамъ, а не королю и всему государству Чешскому, какъ раньше. Прежняя пожизненность чешскихъ урядовъ была отмѣнена; король могъ отнять должность, когда хотѣлъ; каждый урядникъ по истеченіи пяти лѣтъ долженъ былъ сложить свои полномочія и ожидать продолженія ихъ отъ короля. Такимъ путемъ король получалъ возможность держать въ рукахъ своихъ чешскихъ чиновниковъ и заставлять ихъ быть болѣе внимательными къ инструкціямъ, идущимъ отъ двора. Такъ какъ король Чешскій и одновременно императоръ не имѣлъ въ виду утвердить свою резиденцію въ Прагѣ, то въ Вѣну перемѣщена была чешская «дворная» канцелярія съ извѣстнымъ числомъ чешскихъ совѣтниковъ. Эта «дворная рада и канцелярія» стала обычнымъ совѣтомъ короля при рѣшеніи дѣлъ, касающихся Чешскаго королевства. Вслѣдствіе этого начальникъ чешской канцеляріи—канцлеръ, какъ совѣтникъ, находящійся постоянно при особѣ короля, возвысился надъ всѣми другими урядниками королевства Чешскаго. Чешская канцелярія въ Вѣнѣ стала высшею политическою и судебною инстанціею, которой подчинены были всѣ остальныя чешскія учрежденія и суды, т.-е. рада земская, или намѣстничество, камера чешская, судъ земскій большій и меньшій, судъ дворскій, аппелляціонный, бургграфскій и др. «Обновленный земскій уставъ» 1627 года превратилъ раду земскую въ постоянное *намѣстничество* (místodržitelstvo). Вслѣдствіе того, что нѣмецкій элементъ въ Чешскомъ государствѣ послѣ подавленія національно-политическихъ стремленій чеховъ получилъ снова большое значеніе, и нѣмецкій языкъ сталъ равноправнымъ съ чешскимъ, намѣстничество, равно какъ и комора чешская, раздѣлились на чешскую и нѣмецкую экспедиціи; суды также отправлялись въ двухъ «сенатахъ», чешскомъ и нѣмецкомъ.

Чешскій сеймъ былъ увеличенъ въ своемъ составѣ, но уменьшенъ въ своей компетенціи. Въ него снова введено было духовенство—архіепископъ съ суфраганами и инфулованными прелатами, держащими имѣнья, записанныя въ земскія доски. Они составили первый чинъ сейма. Второй составили паны, третій рыцари, четвертый послы мѣстъ, при чемъ участіе мѣщанъ утратило прежнее значеніе. Чинамъ предписано было сеймовать сообща, совѣщанія каждаго чина въ отдѣльности по куріямъ и затѣмъ сношенія между ними были запрещены. По прочтеніи пропозиціи короля подавали свои мнѣнія первые три чина viritim, т.-е. каждый членъ въ отдѣльности, послѣ чего наивысшій бургграфъ приглашалъ высказаться чинъ мѣщанскій. За все сословіе говорилъ примасъ, или канцлеръ Стараго

мѣста Пражскаго. Такимъ образомъ голосъ одного прелата или шляхтича вѣсилъ столько же, сколько голосъ всего мѣщанскаго чина. При томъ же только посламъ шести мѣстъ дозволено было сидѣть на сеймѣ, а остальные должны были стоять позади, вслѣдствіе чего они рѣдко стали появляться на сеймѣ.«Обновленный земскій уставъ» только за королемъ призналъ право черезъ коммиссаровъ предъявлять сейму пропозиціи, требованія берна и проекты; если бы кто-нибудь пожелалъ предложить на сеймѣ что-нибудь полезное для короля и страны, онъ долженъ сообщить о томъ сеймовымъ коммиссарамъ и черезъ нихъ получить разрѣшеніе свыше. Чины сейма не имѣли права при вотированіи берна ставить какія-либо условія, противныя королевскому величію и достоинству, или домогаться при этомъ новыхъ привилегій и вольностей. Крайскіе съѣзды землевладѣльцевъ могли собираться только по распоряженію короля. Гейтманы крайскіе изъ главъ мѣстнаго самоуправленія превращались въ королевскихъ урядниковъ, которые должны были заботиться о податяхъ и военныхъ силахъ крайскихъ, слѣдить за отправленіемъ уголовнаго правосудія и «поправами» (судебными репрессіями) владѣльцевъ и мѣстъ, вѣдать полицію безопасности въ широкомъ смыслѣ слова, преслѣдовать преступниковъ, заботиться о народномъ здравіи, оказывать содѣйствіе католической реформаціи, наблюдать за нравами и т. д. Нанесенъ былъ тяжкій ударъ и мѣстскому самоуправленію. У мѣстскихъ радъ и примасовъ отнято было завѣдыванье общественнымъ хозяйствомъ и поручено было особой коллегіи урядниковъ (въ Прагѣ называвшейся шестипанскою), которые должны были вѣдать городскіе доходы подъ надзоромъ рихтара, примаса и одного изъ общественныхъ старшинъ, представлять ежегодные отчеты королевской камерѣ или подкоморію и безъ разрѣшенія камеры не заключать никакихъ займовъ. Наконецъ, ограничена была и уголовная юрисдикція владѣльцевъ: уголовные приговоры не должны выноситься безъ правильнаго судебнаго разсмотрѣнія и не должны приводиться въ исполненіе безъ утвержденія высшаго аппелляціоннаго суда.

Итакъ, первыми и ближайшими послѣдствіями чешской революціи 1619—1620 гг. были разгромъ правящихъ классовъ чешскаго общества, уменьшеніе ихъ политическихъ правъ и усиленіе королевской власти, ставшей почти неограниченной, а вмѣстѣ съ тѣмъ упадокъ государственной самостоятельности и самобытности Чехіи. Чехія стала теперь одною изъ частей наслѣдственной Габсбургской монархіи, внутренняя и внѣшняя политика которой и стала главнымъ образомъ опредѣлять судьбы чешскаго народа. Въ дальнѣйшемъ развитіи той международной борьбы, въ которую втянута была Чехія своими внутренними стремленіями и политикою Габсбурговъ, эти послѣдствія выявились еще рѣзче, еще сильнѣе, и кромѣ того уже вся Чехія, не одни правящіе классы, но и народная масса подверглась погрому и разоренію.

Проскрипціи и конфискаціи Вальдштейна и опустошенія Чехіи вой-

скамн протестантовъ и католиковъ. Послѣ того какъ Густавъ-Адольфъ разгромилъ войска императора и католической лиги, Чехія подверглась вторженію и грабежу войскъ Саксонскаго курфюрста; особенно потерпѣли при этомъ католики. Чешскіе протестанты попытались воспользоваться этимъ моментомъ для того, чтобы возстановить свои права. Они устроили съѣздъ трехъ сословій, избрали изъ своей среды директоровъ, которые созвали евангелическихъ священниковъ, избрали консисторію и администратора и завладѣли университетомъ. Но дѣла скоро приняли другой оборотъ: назначенный главнокомандующимъ имперскихъ войскъ Альбрехтъ Вальдштейнъ вытѣснилъ саксонцевъ изъ Чехіи и по приказу изъ Вѣны расправился съ протестантами. Учрежденная имъ коммиссія, такъ называемая Фридландская, приговорила до 360 лицъ всѣхъ сословій къ конфискаціи имущества, въ общемъ на сумму до 3 милліоновъ гульденовъ. По смерти Вальдштейна Чехія снова подверглась опустошенію отъ саксонскихъ и шведскихъ войскъ, пока Фердинандъ II не купилъ у курфюрста Саксонскаго Іоганна-Георга миръ уступкою ему Лужицъ въ 1635 году на ленномъ правѣ до прекращенія его рода. Когда на престолъ чешскій вступилъ сынъ Фердинанда II—Фердинандъ III (1637—1657), Чехія вновь испытала всѣ ужасы войны. Шведскія войска наводнили всю восточную Чехію, сожгли и разграбили до 6000 селеній. Вытѣсненные отсюда имперскими войсками, шведы перешли сначала въ Баварію, а отсюда въ западную Чехію, и повторяли свои нашествія нѣсколько разъ. 15 іюля 1648 года шведы овладѣли Градчанами и Малою стороною Праги и въ теченіе трехъ дней грабили городъ. Огромныя богатства,—возы и суда, нагруженные золотомъ, серебромъ и художественными сокровищами Рудольфа, высланы были изъ Чехіи въ Швецію. Ограбленіе и разореніе страны продолжались до тѣхъ поръ, пока Вестфальскій миръ 1648 г. не прекратилъ военныхъ дѣйствій. Послѣдствія войны были ужасны. Населеніе отъ непріятельскаго меча, голода и мора уменьшилось до 800 тысячъ человѣкъ; изъ 151 т. сельскихъ усадебъ уцѣлѣло едва 50 т. Много чешскихъ дворянъ вынуждено было покинуть свои дома и усадьбы, въ которыхъ засѣли пришлые нѣмцы, испанцы и итальянцы. Эти новые владѣльцы, презиравшіе языкъ и обычаи страны, начали притѣснять сельскій людъ, облагать его новыми податьми и барщиною. Промышленность, ремесла и торговля Чехіи были почти что уничтожены; сокровища страны, накопленный вѣками народный капиталъ, были разнесены и разсѣяны по всей Европѣ. Чешскія мѣста обнищали и должны были позаложить свои общественныя имущества и доходы, чтобы какъ-нибуть выйти изъ финансовыхъ затрудненій.

Внутренній упадокъ Чехіи во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII в. Долгое время послѣ тридцатилѣтней войны Чехія не могла оправиться отъ постигшаго ее разгрома и пребывала въ состояніи внутренняго упадка и ослабленія. Внутренняя и внѣшняя политика Габсбурговъ безпощадно

истощала матеріальныя и нравственныя средства и силы націи, не давала имъ возможности расти и увеличиваться. Правда, Фердинандъ III взялся было залѣчивать раны, нанесенныя Чехіи тридцатилѣтнею войною. Собранный имъ осенью 1649 г. сеймъ постановилъ освободить на три года отъ всѣхъ налоговъ сеймовыхъ, императорскихъ и земскихъ всѣхъ горожанъ и сельчанъ, которые поселятся вновь въ опустошенныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ. Правительство взяло подъ свой контроль и опеку городское самоуправленіе, издало въ 1650 году особую инструкцію для мѣстскихъ радъ касательно отправленія правосудія и полицейской власти и поручило особымъ инспекторамъ надзоръ за доходами и расходами мѣстъ. Сословіямъ дано было право безъ всякаго промедленія судить и казнить разбойниковъ. Король старался всячески вознаградить Прагу за понесенныя потери. Прибывъ въ Прагу послѣ заключенія Вестфальскаго мира, Фердинандъ подарилъ городу 300 т. гульденовъ, на которые пражане впослѣдствіи купили имѣнье Либень. Онъ возстановилъ также разрушенный королевскій замокъ и купилъ у лорда Букингама для этого замка драгоцѣнную картинную галлерею, чтобы хотя отчасти вознаградить чеховъ за утраченныя сокровища короля Рудольфа II. Но стремясь подобными мѣрами удовлетворить чеховъ, водворить въ странѣ спокойствіе и благосостояніе, вернуть ее на путь мирнаго развитія, Фердинандъ въ то же время другими своими распоряженіями вызывалъ озлобленіе и мятежи и дальнѣйшее разореніе и обнищаніе страны. Въ 1650 году имъ изданъ былъ рядъ указовъ противъ протестантовъ. Въ февралѣ обнародованъ былъ патентъ, повелѣвавшій подвергать некатоликовъ тюремному заключенію, изгнанію изъ страны, лишенію имущества и въ извѣстныхъ случаяхъ даже смертной казни. Въ апрѣлѣ издано было новое королевское постановленіе, чтобы всѣ урядники землевладѣльцевъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ перешли въ католическую вѣру или выселились изъ страны. Сеймъ того же года предписалъ землевладѣльцамъ обезоружить своихъ крестьянъ и не терпѣть въ своихъ имѣньяхъ евреевъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій почти повсюду возникали серьезные безпорядки, подавлявшіеся военною силою, штрафами и наказаніями. Подобныя же распоряженія относительно некатоликовъ издавали преемники Фердинанда III. Сынъ его Леопольдъ I (1657—1705) въ 1665 году издалъ два указа, коими предписывалъ некатолическому дворянству Чехіи въ трехмѣсячный срокъ или перейти въ католичество, или продать свои имѣнья и выселиться. Внукъ Іосифъ I (1705—1711 гг.) въ изданномъ имъ уголовномъ уложеніи опредѣлилъ смертную казнь всякому, кто будетъ укрывать у себя еретическихъ учителей, проповѣдниковъ и эмиссаровъ и распространять еретическія книги. Другой его внукъ Карлъ VI (1711—1740) издалъ также цѣлый рядъ патентовъ противъ протестантовъ. Между прочимъ по его распоряженію произведена была ревизія чешскихъ книгъ. Чешскія книги истреблялись въ огромномъ количествѣ лишь потому, что

написаны были на чешскомъ языкѣ; библія на чешскомъ языкѣ уцѣлѣла не болѣе какъ въ двадцати экземплярахъ. Іезуитъ Антоній Коніашъ похвалялся тѣмъ, что собственноручно сжегъ до 16 тысячъ книгъ чешской печати. Іезуиты захватили въ свои руки школы и насадили въ нихъ свою мертвую схоластику и школьную муштру, противъ которой возсталъ знаменитый чешскій педагогъ *Амосъ Коменскій* въ своей «Дидактикѣ». Коменскій, вмѣстѣ съ другими протестантами подвергся преслѣдованіямъ, долженъ былъ удалиться изъ отечества въ Польшу, гдѣ и предавался своимъ педагогическимъ, историческимъ и естественно-научнымъ литературнымъ трудамъ. Такихъ изгнанниковъ, какъ Коменскій, было много. Тысячи чеховъ, не желавшихъ насиловать свою совѣсть,, удалялись въ Германію, Венгрію, Польшу и другія страны, и Чехія все болѣе и болѣе бѣднѣла развитыми людьми, талантами и знаніями.

Истощаясь духовно, Чехія не возрождалась и матеріально. Леопольдъ I въ теченіе всего своего царствованія велъ войны со шведами, турками и французами. Вмѣстѣ съ другими землями Габсбургской монархіи Чехія должна была нести финансовыя тягости этихъ войнъ. Сеймы созывались единственно для того, чтобы вотировать различные прямые и косвенные налоги. Налоги эти взыскивались съ безпощадною строгостью. Болѣе всего изнемогало подъ ихъ бременемъ крестьянское населеніе, угнетенное къ тому же отъ своихъ господъ и ихъ урядниковъ (юстиціаріевъ). Притѣсненія со стороны императорскихъ чиновниковъ и вотчинной администраціи вызвали сначала частныя волненія крестьянъ, а въ 1679 году общее возстаніе. Это возстаніе, благодаря агитаціи французскихъ эмиссаровъ, приняло даже антидинастическій характеръ. Леопольдъ издалъ 22 марта 1680 г. мандатъ противъ возставшихъ крестьянъ и приказалъ подавить движеніе силою оружія. Множество крестьянъ при этомъ было перебито; плѣнныхъ безъ пощады вѣшали. Къ этимъ бѣдствіямъ присоединилась чума, занесенная изъ Австріи и унесшая въ могилу въ Чехіи болѣе 100 т. человѣкъ. Во время новой войны съ Франціею Людовикъ XIV выслалъ въ имперскія земли толпы поджигателей, которыя сожгли часть Праги и нѣсколько городовъ въ Чехіи. Чехія платилась всѣми этими бѣдами и разореніемъ за то, что сдѣлалась составною частью имперіи Габсбурговъ. Въ 1708 году Іосифъ I санкціонировалъ это положеніе особымъ актомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «реадмиссіи чешской короны». Въ силу этого акта чешская корона должна была платить имперскую дань, за что должна была пользоваться покровительствомъ и защитою имперіи. Имперскіе поборы, продолжавшіеся и при Карлѣ VI, высасывали соки изъ страны, не давали возможность чешскому крестьянству и мѣшанству улучшать свое матеріальное положеніе, держали его въ состояніи хронической бѣдности и скудости.

Тѣсное соединеніе съ имперіею. Разгромъ чешскаго дворянства и интеллигенціи и послѣдовавшая за этимъ денаціонализація правящаго класса Чехіи, порабощеніе и обѣднѣніе народной массы привели въ концѣ

концовъ къ существенному измѣненію и внѣшняго положенія Чехіи въ составѣ Габсбургскихъ владѣній. Актъ «о реадмиссіи чешской короны», изданный одностороннею волею Іосифа I, тѣсно соединилъ Чехію съ имперіею, распространилъ имперскую организацію и на Чешское королевство. Карлъ VI навязалъ чешскимъ чинамъ въ 1720 году такъ называемую *прагматическую санкцію*, въ силу которой всѣ его владѣнія объявлялись недѣлимымъ и нерасторжимымъ цѣлымъ, которое по смерти его должна была унаслѣдовать ближайшимъ образомъ одна изъ его дочерей съ потомствомъ. Чешскіе чины приняли эту санкцію, какъ основной законъ, и обязались соблюдать его и защищать навсегда своею кровью и имуществомъ, о чемъ и записали въ земскія доски. Такимъ образомъ, владѣніямъ Габсбурговъ дана была постоянная и прочная внѣшняя связь. Объ установленіи внутренней связи стали хлопотать уже преемники Карла VI изъ женской, Лотарингской, линіи Габсбургскаго дома, побуждаемые къ тому внѣшними обстоятельствами и увлеченные господствовавшими тогда въ континентальной Европѣ идеями просвѣщеннаго абсолютизма.

Важнѣйшая литература:

Ern. Denis, La Bohême depuis la Montagne-Blanche. I. Paris 1903. Чешскій переводъ Čechy po Bílé Hoře. I Díl. Praha 1904.

Gindely Ant. Dějiny českeho povstání léta 1618. I—IV. Praha 1869—1880.

— Geschichte des dreissigjährigen Krieges. B-de I—IV. Prag 1869—1880.

— То же во 2-мъ изд. Prag 1882.

Bilek, Dějiny konfiscaci v Čechach. Dil I—II.

Adamek Karel, Doba poroby a vzkřišeni. Praha 1878.

Řezek Antoni, Děje Čech a Moravy za Ferdinanda III až do konce třiceleté valky. V Praze 1890.

Bilek Tom., Reformace katolická v Čechach 1650—1781 (Časopis M. Kral. Česk. 1881).

Kalousek, Českè státní právo.

Balzer Osw., Historya ustroju Austryi. Lwów 1899.

Čelakovsky, Dějinÿ právní české.

XVII.

Чехія подъ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ Габсбурговъ и паденіе ея государственной самобытности.

Разореніе Чехіи во время войны за австрійское наслѣдство. Въ 1740 г. умеръ Карлъ VI. Въ силу прагматической санкціи его держава перешла къ дочери его Маріи-Терезіи, которая сдѣлала своимъ соправителемъ мужа своего — великаго герцога Тосканскаго Франциска-Стефана. Но сосѣди Габсбургской державы не захотѣли помириться съ этимъ положеніемъ вещей. Противъ Маріи-Терезіи образовалась могущественная коалиція изъ Баваріи, Саксоніи, Пфальца, Франціи, Испаніи, Сардиніи и Пруссіи, поставившая себѣ цѣлью раздѣлъ австрійскаго наслѣдства. Въ происшедшей изъ-за этого войнѣ пострадала больше всѣхъ Чехія. Она занята была сначала Баварскими, французскими и саксонскими войсками, которыя причинили ей не малыя опустошенія. Чехи должны были признать своимъ королемъ Баварскаго курфюрста Карла-Альбрехта, избраннаго затѣмъ императоромъ подъ именемъ Карла VII. Марія-Терезія при помощи оставшихся ей вѣрными венгровъ вытѣснила баварцевъ и французовъ изъ Чехіи и короновалась короною св. Вацлава въ Прагѣ въ 1743 году. При короновании она подтвердила всѣ древнія права Чешскаго королевства, но какъ бы предвидя новыя войны приказала увезти въ Вѣну корону св Вацлава. Чехія сдѣлалась затѣмъ ареною вторженій пруссаковъ. Дрезденскій миръ 1745 года, которымъ закончилась война съ Пруссіею, принесъ Чехіи утрату Силезіи, которая была уступлена Пруссіи (за исключеніемъ Опавскаго, Крновскаго и Тѣшинскаго повѣтовъ и графства Кладскаго).

Сліяніе чешскаго войска и финансовъ съ общеавстрійскими. Стремленіе сосѣдей расторгнуть державу Габсбурговъ вызвали у Маріи-Терезіи и ея правительства обратное стремленіе — крѣпче объединить и спаять въ единый государственный союзъ составныя части Габсбургской державы. Ея внутренняя политика была естественною реакціею на внѣшнія вліянія и воздѣйствія, которымъ подвергалась держава Габсбурговъ въ ея царствованіе. Эта политика привела къ существеннымъ измѣненіямъ и въ государственномъ строѣ и положеніи Чехіи.

Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить введеніе постоянной поземельной подати и учрежденіе единаго общеавстрійскаго постояннаго войска. Въ 1748 году Марія-Терезія добилась отъ сеймовъ Габсбургскихъ земель (кромѣ Венгріи) согласія на предоставленіе въ распоряженіе правительства поземельнаго налога на содержаніе войска (contribution). Такимъ образомъ, подать, которая прежде устанавливалась на сеймахъ и расходовалась

подъ контролемъ сейма, превратилась въ постоянную, взимаемую по распоряженію правительства. Въ цѣляхъ наиболѣе полнаго и правильнаго взиманія этой подати правительство распорядилось произвести новый кадастръ земель (первый кадастръ былъ произведенъ въ Чехіи въ 1654, а въ Моравіи въ 1664 г.) и обложило налогомъ не только крестьянскіе участки, но и господскую пашню и угодья (правда, вдвое меньшимъ, чѣмъ крестьянскіе участки). На эти средства правительство получило возможность содержать постоянное войско и распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Земскія ополченія, выставлявшіяся предъ тѣмъ сеймами отдѣльныхъ земель, сливались теперь съ тѣмъ войскомъ, которое содержалось государемъ на его средства, и превращалось вмѣстѣ съ нимъ въ единый государственный институтъ, находящійся въ полномъ распоряженіи центральной власти. Прекращались разнородность военныхъ силъ и подчиненіе ихъ разнымъ властямъ. Раздѣленіе Габсбургской монархіи на части уже не оказывало никакого вліянія на размѣщеніе войска: въ данной землѣ могли пребывать войска изъ другой земли. Въ объединенную армію Марія-Терезія ввела и одинъ командный и служебный языкъ—нѣмецкій. Войско пополнялось сначала путемъ набора добровольцевъ, но затѣмъ, съ 1753 года, стали практиковаться уже рекрутскіе наборы съ частновладѣльческихъ мѣщанъ и крестьянъ. Духовенство, дворянство, мѣщане королевскихъ мѣстъ, чиновники и люди свободныхъ профессій были свободны отъ рекрутской повинности и поступали въ армію добровольцами. Такимъ образомъ Чехія, какъ и другія части Габсбургской монархіи (за исключеніемъ Венгріи), утратила то, что составляетъ основу государственной самостоятельности,—отдѣльное войско и свои особые финансы.

Соединеніе центральныхъ чешскихъ учрежденій съ общеавстрійскими. Вслѣдъ затѣмъ Чехія, какъ и другія части Габсбургской державы (за исключеніемъ опять таки Венгріи) утратила свои особыя центральныя правительственныя учрежденія. Въ 1742 г. Марія-Терезія изъяла изъ вѣдѣнія австрійской дворной канцеляріи (Hofkanzlei) дѣла внѣшней политики и дворцоваго управленія и учредила для нихъ особую *государственную канцелярію* (Staatskanzlei) подъ управленіемъ государственнаго канцлера (Staatskanzler). Въ 1749 году она изъяла изъ вѣдѣнія австрійской дворной канцеляріи и чешской дворной канцеляріи, находившейся въ Вѣнѣ, судебныя дѣла, восходившія на рѣшеніе верховной власти, и учредила для ихъ разсмотрѣнія *верховную судебную палату* (oberste Justizstelle). Вмѣстѣ съ тѣмъ соединены были въ одно учрежденіе и дворныя канцеляріи австрійская и чешская подъ названіемъ *деректоріума для внутреннихъ дѣлъ* (directorium in internis, или directorium in publicis et cameralibus), а съ 1761 года—*соединенной чешской и австрійской дворной канцеляріи*, (vereinigte böhmischösterreichische Hofkanzlei) съ кругомъ вѣдѣнія, простирающимся на Чехію и Австрійскія земли. Во главѣ ея поставленъ свой сановникъ, носившій названіе наивысшаго чешскаго и перваго австрійскаго

канцлера (böhmischer obrister und österreichischer Kanzler) и имѣвшій двухъ замѣстителей—чешско-австрійскаго канцлера и подканцлера. Соединенная чешско-австрійская дворная канцелярія взяла въ свое вѣдѣніе административныя и финасовыя дѣла Чехіи и Австріи. Такимъ образомъ. можно сказать, все высшее центральное управленіе Чехіи перешло изъ Праги въ Вѣну и сосредоточилось въ общихъ чешско-австрійскихъ учрежденіяхъ.

Бюрократизація и централизація управленія. Государственная самобытность Чехіи проявлялась въ функціяхъ сейма и земской рады, получившей съ 1627 года имя намѣстничества. Но съ 1748 года значеніе сейма упало. Установился обычай десятилѣтнихъ сеймовыхъ рецессовъ, т.-е. вотированія налоговъ на десять лѣтъ. При этомъ правительство становилось на ту точку зрѣнія, что сословіямъ не принадлежитъ право соизволять или не соизволять на взиманіе налоговъ, а только право установлять способы взиманія (non quoad quaestionem an, sed quoad quaestionem quomodo). Что касается законодательнаго значенія сейма, то оно подорвано было уже «Обновленнымъ земскимъ уставомъ» Фердинанда II. Послѣ изданія этого устава жизнь нормировалась патентами, эдиктами, мандатами, декретами короля, а не опредѣленіями сейма. Въ 1749 году Марія-Терезія упразднила и намѣстничество и замѣнила его учрежденіемъ, которое не имѣло характера земскаго совѣта, а было *королевскимъ представительствомъ и камерою* (representace a komora), т.-е. мѣстнымъ исполнительнымъ органомъ центральнаго вѣнскаго правительства (земскимъ губерніумомъ, какъ оно стало называться съ 1763 года). Тенденція къ уничтоженію государственной самобытности проявилась и въ реформахъ мѣстнаго управленія Чехіи. Вмѣсто двухъ крайскихъ гейтмановъ, одного изъ мѣстныхъ пановъ, другого изъ мѣстнаго рыцарства, Марія-Терезія учредила по одному гейтману для каждаго края, назначая на эту должность лицъ разнаго званія и происхожденія, даже и не дворянскаго сословія,—чиновниковъ-разночинцевъ, окружая ихъ такими же чиновниками-разночинцами на жалованьѣ отъ казны. Съ этою реформою исчезла послѣдняя тѣнь прежняго крайскаго самоуправленія, уже подорваннаго уставами Фердинанда II. То же самое приходится сказать и о мѣстскомъ городскомъ самоуправленіи. Какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, Фердинандъ II отнялъ у мѣстскихъ радъ завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ и передалъ ихъ особымъ коллегіямъ чиновниковъ. Въ 1706 году завѣдываніе городскими доходами возложено было на особыхъ хозяйственныхъ инспекторовъ, назначенныхъ правительствомъ и передъ нимъ отвѣтственныхъ. Мѣстскимъ радамъ оставлены были главнымъ образомъ полиція и судъ въ мѣстахъ. Съ теченіемъ времени и эта компетенція ихъ стала обставляться разными ограниченіями. Во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ они должны были представлять всѣ приговоры на утвержденіе аппелляціоннаго суда. Наконецъ, Марія-Терезія отняла у 378 мѣстскихъ радъ право уголовнаго суда и оставила его только для 24. Одновременно съ этимъ кореннымъ

образомъ измѣнился и личный составъ мѣстскихъ радъ. Отъ кандидатовъ на городскія должности стало требоваться извѣстное юридическое образованіе. Марія-Терезія предписала всѣмъ, кто стремится къ городскимъ должностямъ, прослушать лекціи въ университетѣ, а подкоморію—замѣщать вакантныя городскія должности не непремѣнно мѣстными горожанами, но и опытными людьми со стороны—старыми главными синдиками, адвокатами и чиновниками не считаясь съ указаніями по этой части мѣстскихъ консуловъ и избирателей. Такимъ образомъ общественные избранники въ мѣстскомъ управленіи стали замѣняться правительственными чиновниками. Въ 1751 году Марія-Терезія назначила служащимъ по мѣстскому управленію постоянное жалованье, приравнявъ ихъ и въ этомъ отношеніи къ чиновникамъ.

Семилѣтняя война; потеря Силезіи. Вся эта централизація и бюрократизація управленія вызывалась стремленіемъ сосредоточить возможно полнѣе въ рукахъ верховной власти, матеріальные и духовные рессурсы Габсбургскихъ владѣній, дать возможность носителямъ этой власти легко и безъ помѣхъ распоряжаться ими въ цѣляхъ внѣшней защиты и внутренняго благоустройства Габсбургской державы. Марія-Терезія не мирилась съ потерею Силезіи и употребила всѣ усилія къ ея возвращенію. Она заключила союзъ съ вѣковою противницею Австріи—Франціею и съ Россіею и начала войну съ Пруссіею. Война эта продолжалась семь лѣтъ и кончилась Губертсбургскимъ миромъ въ 1763 году, по которому Фридрихъ II удержалъ за собою Силезію. Такой неблагопріятный для Австріи исходъ войны обусловился единственно смертью русской императрицы Елизаветы и послѣдовавшей перемѣной русской политики.

Заботы Маріи-Терезіи о развитіи народнаго хозяйства и просвѣщенія. Неудача эта не обезкуражила Марію-Терезію и не ослабила ея энергію и дѣятельность во внутреннемъ государственномъ домостроительствѣ. По этой части необходимо отмѣтить ея заботы о развитіи народнаго хозяйства и просвѣщенія въ подвластныхъ ей странахъ, въ томъ числѣ и въ Чехіи. При ней въ Чехіи увеличились посѣвы льна и рѣпы, началась культура картофеля, заведено шелководство, стали вездѣ разводиться овцы мериносы. Но въ особенности Марія-Терезія поддерживала индустрію и торговлю, учреждая преміи для лучшихъ издѣлій, стремясь поставить торгово-промышленную дѣятельность на научныхъ основаніяхъ. Въ 1776 году въ Чехіи было уже 80 торговыхъ и ремесленныхъ школъ, одна горная академія и два политехническихъ училища. Университетское преподаваніе Марія-Терезія стремилась поставить въ большую связь съ жизнью и съ новыми умственными теченіями. При ней въ Пражскомъ университетѣ введено было преподаваніе оптики и экспериментальной физики, акушерства, исторіи нѣмецкой имперіи, практическаго судопроизводства и т. д., увеличено число профессоровъ и учебно-вспомогательныхъ средствъ. Марія-Терезія удалила іезуитовъ сначала съ философскаго, а затѣмъ и съ

богословскаго факультета и покончила съ ихъ мертвою схоластикою. Въ 1773 году упраздненъ былъ и самый орденъ іезуитовъ въ Чехіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы. Имѣнья іезуитовъ были конфискованы, а доходы съ нихъ обращены на нужды образованія (Studienfond).

Ограниченія крѣпостного права. Въ заботахъ объ экономическомъ и культурномъ преуспѣяніи Чехіи Марія-Терезія столкнулась съ крѣпостнымъ правомъ. Не находя возможнымъ отмѣнить крѣпостное право, Марія-Терезія стремилась ограничить его и тѣмъ облегчить положеніе крестьянъ. Въ 1765 году она отняла jus gladii, т.-е. право карать смертью, у 354 вотчинныхъ судовъ и передала его уголовнымъ трибуналамъ 24 королевскихъ мѣстъ. Въ 1771 году она учредила надворную урбаріальную коммиссію для составленія *урбаріевъ*, т.-е. описей крестьянскихъ повинностей и платежей, установленныхъ обычаемъ по каждому имѣнью. Убѣдившись изъ этихъ описей, что въ нѣкоторыхъ имѣньяхъ крестьяне переобремены повинностями, Марія-Терезія издала въ 1775 году патентъ о работахъ (Robotpatent), въ силу котораго крестьяне, держащіе земельные участки, обязывались работать на своего пана не свыше трехъ дней въ недѣлю на одной или нѣсколькихъ запряжкахъ, смотря по величинѣ участка; халупники (бобыли) мужчины и женщины, не свыше 26 дней въ году; коморники—по 13 дней въ году. Но патентъ не разрѣшалъ увеличивать до этой нормы барщину въ тѣхъ имѣньяхъ, гдѣ она была установлена обычаемъ ниже этой нормы. Что касается земельнаго оброка, патентъ утверждалъ его въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ платится по установившемуся обычаю, и не разрѣшалъ увеличивать его произвольно, по усмотрѣнію землевладѣльцевъ. Въ своихъ опредѣленіяхъ патентъ 1775 года шелъ дальше патентовъ 1680, 1717 и 1738 годовъ, которые допускали барщину и свыше трехъ дней, если она установлена обычаемъ, а съ другой стороны, не опредѣляя точно величины оброка по отдѣльнымъ имѣньямъ, не гарантировали крестьянъ отъ дальнѣйшаго ихъ увеличенія. Что касается юридической защиты крестьянина, патентъ 1775 года подтверждалъ прежнія опредѣленія, т.-е. что каждый уголовный приговоръ пана долженъ получить утвержденіе аппелляціоннаго суда; крестьянинъ имѣетъ право аппеллировать къ этому суду (патентъ 1717 г.); крестьянинъ можетъ жаловаться на притѣсненія своего пана крайскому гейтману (патентъ 1680 г.), который съ своей стороны обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне не угнетались панами (патентъ 1738 года) и т. д. Эти постановленія, однако, не удовлетворили крестьянъ. Между ними распространилась молва, что чиновники утаили настоящій «золотой патентъ», который отмѣнилъ совершенно барщину. Начались крестьянскія волненія, которыя охватили всю Чехію. Многочисленные отряды крестьянъ, сожигая по дорогѣ замки и дворы пановъ, вооруженные цѣпами и дубинами, стянулись къ Прагѣ, гдѣ и разсѣяны были войскомъ. Наиболѣе виновные были наказаны смертью; менѣе виновные — палками и тюремнымъ заключеніемъ. Въ общемъ Марія-Те-

резія мало сдѣлала для разрѣшенія крестьянскаго вопроса, которое досталось на долю сына ея Іосифа II (1780—1790).

Іосифъ II; отмѣна крѣпостного права. Іосифъ II покончилъ съ крѣпостнымъ правомъ въ своей державѣ, въ томъ числѣ и въ Чехіи. Въ 1781 году онъ издалъ патентъ, уничтожившій ограниченія личной свободы крестьянина. Крестьянинъ получалъ право свободнаго выхода изъ своего села и избранія другой профессіи, право свободнаго вступленія въ бракъ, независимо отъ воли и разрѣшенія пана, право отчужденія недвижимости безъ ущерба для правъ пана и право обременять свою недвижимость долгами до $^{2}/_{3}$ ея стоимости, и наконецъ, освобожденіе отъ службъ на дворѣ пана. Другимъ патентомъ того же года крестьянину давалось право прибѣгать къ защитѣ государственной власти въ случаѣ притѣсненія со стороны пана по части оброковъ и повинностей. Третьимъ патентомъ того же года отмѣнялись право вотчинной власти налагать денежные штрафы на крестьянъ и подвергать ихъ тѣлесному наказанію. Единственное наказаніе, которое вотчинная власть могла налагать на крестьянина,—арестъ до 8 сутокъ. За болѣе тяжкіе проступки, влекущіе за собою высшія мѣры наказаній, крестьянинъ долженъ былъ подлежать суду уже не вотчинному, а государственному. Но оставляя вотчинный судъ по дѣламъ меньшей важности, Іосифъ II допускалъ отправленіе его только при помощи особыхъ чиновниковъ *юстиціаріевъ*, которые должны были выдержать установленные для того экзамены. Паны назначали и смѣщали этихъ юстиціаріевъ, содержали ихъ на свой счетъ (иногда для нѣсколькихъ имѣній въ складчину), должны были слѣдить за ихъ дѣятельностью, но не имѣли право мѣшаться въ самый ихъ судъ, доводя о неправильныхъ ихъ дѣйствіяхъ окружнымъ властямъ. Въ крестьянской реформѣ Іосифа II проявилась смѣлость государственной власти, сознаніе ею своего общественнаго призванія, стоящаго выше всѣхъ отдѣльныхъ правъ и привилегій, хотя бы и освященныхъ давнею практикою.

Патентъ о вѣротерпимости и подчиненіе церкви государству. То же самое нужно сказать и о другой важной реформѣ, совершенной Іосифомъ II въ томъ же 1781 и послѣдующихъ годахъ и касающейся положенія церкви въ государствѣ. Въ 1781 году Іосифъ II издалъ для всѣхъ своихъ владѣній патентъ о вѣротерпимости, въ силу котораго диссиденты, т.-е. лютеране, кальвинисты и православные получали свободу вѣроисповѣданія, имѣли право устраивать молитвенные дома, совершать въ нихъ богослуженіе, учреждать свои школы и воспитывать въ нихъ своихъ дѣтей въ правилахъ своей вѣры. Всѣ прежнія стѣсненія и ограниченія диссидентовъ отмѣнялись. Диссиденты получали право пріобрѣтать земельныя имущества, усадьбы и дома въ городахъ, заниматься ремеслами, промышленностью и торговлею, замѣщать государственныя и общественныя должности и получать академическія степени. Такимъ образомъ прекращалось исключительное и господствующее положеніе, которое занималъ католицизмъ

въ Габсбургской монархіи. Государственная власть вообще стремилась взять надъ нимъ верхъ, подчинить его своимъ и общественнымъ интересамъ. Іосифъ II въ 1781 году подтвердилъ распоряженія, сдѣланныя еще матерью его, чтобы папскія буллы и всѣ распоряженія центральныхъ церковныхъ властей опубликовывались не иначе какъ съ разрѣшенія правительства, и чтобы всѣ сношенія мѣстныхъ церковныхъ властей съ Римомъ производились не иначе, какъ черезъ государственную канцелярію; съ своей стороны Іосифъ добавилъ къ этому, что всѣ монашескіе ордена, существующіе въ Габсбурскихъ владѣніяхъ, подлежатъ власти не римскихъ генераловъ, а мѣстныхъ епископовъ, что въ бракоразводныхъ дѣлахъ надлежитъ обращаться не въ Римъ, а къ мѣстнымъ епископамъ, и отъ приговоровъ мѣстныхъ духовныхъ судовъ нельзя аппеллировать въ Римъ, а исключительно къ мѣстнымъ епископамъ. Этихъ епископовъ Іосифъ II трактовалъ, какъ слугъ государства. Въ 1782 году было объявлено, что епископы обязаны приносить присягу не только папѣ, но и императору и государству, и свои пастырскія посланія должны оглашать не иначе, какъ съ разрѣшенія свѣтскихъ властей. Въ такое же положеніе поставлено было и низшее духовенство: священникамъ вмѣнено было въ обязанность говорить проповѣди, одобренныя мѣстными свѣтскими властями. Іосифъ отнялъ у духовенства школьное руководительство и цензуру книгъ и сильно ограничилъ его юрисдикцію. Было узаконено, что духовные по дѣламъ мірскимъ подлежатъ суду государственному; суду государственному подлежатъ и дѣла о расторженіи брака, который объявленъ былъ гражданскимъ договоромъ. Вмѣшательство государства простерлось и въ чисто церковную область; изданы были патенты о погребеніи покойниковъ въ саванахъ, а не въ гробахъ, о количествѣ свѣчей, которое можно было сожигать при богослуженіи, о прекращеніи празднованія памяти нѣкоторыхъ святыхъ (для Чехіи св. Людмилы, Прокопа и Войтеха—патроновъ чешской земли), объ установленіи празднованія окончанія земледѣльческихъ работъ (posvícení) и т. д. Особенно рѣшительно выступилъ Іосифъ II противъ монастырей, указывая, что большинство ихъ, культивируя религіозную созерцательность и богослужебную обрядность, не приносятъ пользы ни государству, ни обществу. Въ 1782—1786 годахъ Іосифъ упразднилъ въ своихъ владѣніяхъ свыше 600 монастырей; въ Чехіи упразднено было 58 монастырей. Оставлены были лишь тѣ, которые предавались полезнымъ занятіямъ—исповѣди, уходу за больными, обученію молодежи, т.-е. піары, бонифратры и т. д. Чтобы подготовить новое духовенство, болѣе податливое къ воздѣйствію государственной власти, Іосифъ II упразднилъ духовныя семинаріи, находившіяся подъ властью и руководствомъ епископовъ, и учредилъ взамѣнъ ихъ генеральныя семинаріи, которыя должны были состоять подъ надзоромъ и руководствомъ правительства.

Дальнѣйшая централизація и бюрократизація управленія. Стремясь сдѣлать центральную государственную власть исключительнымъ факто-

ромъ, обезпечивающимъ народамъ Габсбургской державы внѣшнюю защиту и внутреннее благоденствіе, Іосифъ II продолжалъ дѣло централизаціи и бюрократизаціи управленія, начатое его предшественниками. Въ 1783 году онъ упразднилъ сеймовые комитеты въ отдѣльныхъ земляхъ своей державы, въ томъ числѣ и въ Чехіи. Распоряженіе мѣстными фондами на общественныя нужды, находившіеся въ рукахъ этихъ комитетовъ, передано было въ *губерніумы* отдѣльныхъ земель, при чемъ мѣстнымъ сеймамъ предоставлено было только право делегировать изъ своей среды по указанію правительства двухъ совѣтниковъ, которые и должны были совмѣстно съ губернскими чиновниками распоряжаться мѣстными фондами. Въ 1788 году Іосифъ объявилъ, что сеймъ въ Чехіи будетъ собираться не ежегодно, а лишь тогда, когда онъ признаетъ это нужнымъ, и будетъ обсуждать лишь то, что ему предложитъ правительство. Въ томъ же направленіи абсолютизма и централизаціи введены были нѣкоторыя преобразованія въ чешское судоустройство. Въ 1783 году учрежденъ былъ *общій апелляціонный судъ* второй инстанціи для всей Чехіи, который долженъ былъ разсматривать уголовныя и гражданскія дѣла по переносу отъ низшихъ судовъ: земскаго, разбиравшаго дѣла шляхты и всѣхъ вообще держателей земскихъ имѣній, мѣстскаго и патримоніальнаго. Съ учрежденіемъ общаго аппелляціоннаго суда упразднены были старый центральный земскій судъ большій и меньшій и судъ коморный, разбиравшій дѣла по переносу отъ мѣстскихъ судовъ. Персоналъ всѣхъ дѣйствовавшихъ судовъ сталъ пополняться не по выбору сословій, а по назначенію правительства, спеціалистами, выдержавшими экзамены и получавшими жалованье отъ казны. Служебнымъ языкомъ чиновничества признанъ былъ въ 1784 году исключительно нѣмецкій языкъ. Іосифъ II, какъ и его предшественники, возлагалъ большія надежды на бюрократическую систему управленія, проникнутъ былъ въ отношеніи ея большимъ оптимизмомъ. Жизнь, однако, разбила эти надежды и этотъ оптимизмъ, и чиновничье управленіе въ Габсбургской державѣ въ концѣ концовъ вызвало противъ себя сильное общественное неудовольствіе, переходившее подчасъ въ глубокую ненависть. Незадолго до кончины Іосифа чешскіе паны обратились къ нему съ цѣлымъ рядомъ жалобъ и подали просьбу о возстановленіи стараго земскаго устава, между прочимъ и о коронованіи чешскою короною, отъ котораго Іосифъ уклонялся. Просьба эта, однако, осталась безъ удовлетворенія.

Уступки чехамъ Леопольда II; абсолютизмъ его преемниковъ. Когда на престолъ вступилъ братъ Іосифа Леопольдъ II (1790—1792), собравшіяся на сеймъ чешскія сословія потребовали отмѣны всѣхъ новшествъ не только эпохи Іосифа II, но и болѣе раннихъ временъ. Леопольдъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки: сейму возвращено было право разрѣшать налоги, обѣщано было представлять ему на обсужденіе проекты законовъ, возстановленъ былъ сеймовый комитетъ, чешская корона возвращена въ Прагу, и Леопольдъ короновался здѣсь Чешскимъ королемъ (6 сент. 1791 г.); въ Праж-

скомъ университетѣ учреждена была постоянная каѳедра чешскаго языка. Но при всемъ томъ Леопольдъ не желалъ отказаться отъ абсолютизма и отдѣлить управленіе чешскихъ земель отъ управленіи земель австрійскихъ. Такой же политики держался и Францъ I, сынъ и преемникъ Леопольда (1792—1835). Въ 1792 году 9 августа онъ короновался чешскою короною; но такъ же, какъ и его отецъ, остался глухъ къ ходатайствамъ о возстановленіи земскихъ правъ Чехіи. Въ 1795 году имъ издано было распоряженіе не поднимать вопросовъ о преобразованіяхъ въ земскомъ управленіи, пока продолжается война. Францъ I дѣйствовалъ, какъ обсолютный государь, не считаясь съ существующими законоположеніями. Въ 1800 г. онъ объявилъ чрезвычайный военный налогъ, безъ всякаго обращенія къ сейму за его разрѣшеніемъ. Въ 1811 году онъ издалъ новый гражданскій кодексъ и ввелъ его въ дѣйствіе во всѣхъ австрійскихъ земляхъ, безъ всякаго обсужденія его на сеймѣ. Въ 1829 году безъ согласія сейма былъ введенъ налогъ на съѣстные припасы. Практика эта стала столь обычною, что сословія не сочли даже нужнымъ протестовать противъ нея.

Такъ медленно, но непрерывно падала внутренняя самобытность Чешскаго государства. Въ началѣ XIX в. измѣнилось и его внѣшнее положеніе. Съ 1804 года Чехія перестала быть частью Священной Римской имперіи, которая была уничтожена, сдѣлалась составною частью имперіи Австрійской, а въ 1815 году въ ея составѣ вошла въ Германскій союзъ. Но пробудившееся вскорѣ національное чувство и самосознаніе не позволило чехамъ помириться съ такимъ положеніемъ вещей и побудило ихъ предпринять попытку къ возрожденію чешской самобытной государственности.

Важнѣйшая литература:

Труды Ern. Denis, Adámek Karel, Balzer, Čelakovský, указанные въ предыдущей главѣ.

XVIII.

Національное возрожденіе въ Чехіи и попытки къ возстановленію ея государственной самобытности до 1867 года.

Просвѣщенный абсолютизмъ Маріи Терезіи, Іосифа II и ихъ преемниковъ почти окончательно упразднилъ чешскую государственную самобытность. Нося имя особаго королевства, имѣя монарха, вѣнчаннаго коро-

ною св. Вацлава (исключеніемъ былъ Іосифъ II), Чехія низошла на положеніе провинціи Габсбургской монархіи, управляемой распоряженіями, присылаемыми изъ Вѣны, при помощи центральныхъ австрійскихъ учрежденій и мѣстныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ изъ Вѣны. Всѣмъ видамъ чешскаго самоуправленія, какъ мы видѣли, нанесенъ былъ тяжкій ударъ. Центральная власть приняла рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы слить Чехію въ единое государственное тѣло съ остальными австрійскими землями: государственнымъ языкомъ былъ объявленъ языкъ нѣмецкій; преподаваніе на всѣхъ трехъ стадіяхъ стало нѣмецкимъ (за исключеніемъ только сельскихъ школъ грамотности). Но стирая всѣ національно-историческія особенности Чехіи, просвѣщенный абсолютизмъ другими сторонами своей дѣятельности залагалъ основы для національнаго возрожденія чешскаго народа, способствовалъ накопленію въ его средѣ силъ и средствъ, которыя при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли послужить дѣлу возсозданія національно-политической самобытности Чехіи. Этими благопріятными сторонами просвѣщеннаго абсолютизма были заботы о развитіи матеріальнаго благосостоянія и просвѣщенія народовъ габсбургской державы.

Культурно-общественное движеніе въ Чехіи и его первоначальный характеръ. Лозунгъ, провозглашенный съ высоты престола, пробудилъ дремавшія силы въ чешскомъ обществѣ, возбудилъ его самодѣятельность и направилъ ее въ стороны тѣхъ же идеальныхъ цѣлей, къ которымъ стремилось правительство. Одновременно съ учрежденіемъ каѳедры агрономіи въ Пражскомъ университетѣ, въ 1775 году образовалось въ Прагѣ земледѣльческое общество, поставившее себѣ цѣлью разработку и распространеніе земледѣльческихъ знаній въ странѣ. Возникаютъ аналогичныя учрежденія и для развитія индустріи и торговли. Освобожденный отъ владычества іезуитовъ и схоластики Пражскій университетъ въ короткое время создалъ въ Чехіи извѣстный контингентъ ученыхъ и просвѣщенныхъ людей, которые объединились въ 1784 году въ «Королевское ученое общество». Это общество возникло изъ частнаго кружка просвѣщенныхъ аристократовъ, духовныхъ, бывшихъ воспитателями сыновей у чешскихъ аристократовъ, и профессоровъ Пражскаго университета, собиравшихся для научныхъ бесѣдъ въ домѣ графа Ностица. Въ 1785 году оно имѣло свое первое засѣданіе въ Каролинумѣ. Общество ставило себѣ цѣлью изслѣдованіе природы и исторіи Богеміи, издавало свой журналъ на нѣмецкомъ языкѣ и въ короткое время стало однимъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ обществъ въ средней Европѣ. Пробудившіяся интеллектуальныя силы страны въ послѣдующіе годы вызвали къ жизни цѣлый рядъ другихъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій. Въ 1796 году основана была въ Чехіи академія художествъ, въ 1798 году—Пражскій театръ (нѣмецкій, но съ любительскими спектаклями на чешскомъ языкѣ), въ 1802 году—Пражскій техническій институтъ, въ 1810 году—Пражская консерваторія.

Во всемъ этомъ домостроительствѣ чешскаго общества, точнѣе сказать, чешской интеллигенціи на первыхъ порахъ преобладалъ областной, а не національный характеръ. Трудились на благо Чехіи не только чехи, но и нѣмцы и онѣмеченные чехи. Даже работы ученыхъ въ области чешской исторіи и чешскаго языка на первыхъ порахъ носили отпечатокъ чисто теоретическаго, научнаго интереса, и писались на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Таковы работы патера Геласія Добнера, издавшаго въ 1764—1785 г. первое собраніе историческихъ источниковъ Чехіи (Monumenta historica Bohemiae, v. I—VI) и латинскій переводъ чешской хроники XVI в. Гайка съ комментаріями въ 6-и томахъ; профессора Пражскаго университета Пельцеля, издавшаго въ 1783 и 1784 гг. два тома—Scriptores rerum bohemicarum и написавшаго на нѣмецкомъ языкѣ двѣ монографіи о Карлѣ IV и Вацлавѣ IV и краткую исторію Богеміи (Kurzgefasste Geschiehte der Böhmen); аббата Добровскаго, написавшаго цѣлый рядъ критическихъ изслѣдованій по древней исторіи Чехіи и славянства вообще на нѣмецкомъ языкѣ. Чешскіе ученые на первыхъ порахъ увѣрены были въ окончательномъ торжествѣ германизма и скептически относились къ намѣреніямъ возродить чешскую національность. Добровскому приписываются знаменитыя слова о чешскомъ національномъ будущемъ: «оставьте мертвыхъ въ покоѣ». Пельцель долгое время раздѣлялъ ту же точку зрѣнія и выразился одинъ разъ въ печати, что трудиться подъ пробужденіемъ чешскаго самосознанія значитъ плыть противъ теченія. Но при всемъ томъ національная струя съ самаго начала примѣшивалась къ культурно-общественному движенію Чехіи. Еще въ 1774 году графъ Францискъ Кинскій издалъ на нѣмецкомъ языкѣ брошюру въ защиту правъ чешскаго языка «Воспоминаніе чеха объ одномъ важномъ предметѣ»; въ слѣдующемъ году появилось на латинскомъ языкѣ апологетическое разсужденіе о чешскомъ языкѣ іезуита Балбина (Dissertatio apologetica pro lingua bohemica); въ 1783 году Карлъ Тамъ издалъ уже на чешскомъ языкѣ «Защиту чешскаго языка» (Obrona jazyka českého), а въ 1785 году Ганке изъ Ганкенштейна—на нѣмецкомъ языкѣ—«Рекомендація чешскаго языка» (Empfehlung der böhmischen Sprache). Національная струя все болѣе и болѣе стала окрашивать чешское общественно-литературное движеніе; элегическій скептицизмъ сталъ все болѣе и болѣе уступать мѣсто бодрой вѣрѣ и радостнымъ надеждамъ относительно національнаго будущаго Чехіи.

Оживленіе національнаго чувства и сознанія. Эта вѣра пробудилась съ особою силою сначала въ среднихъ рядахъ чешской интеллигенціи. Пражскій типографъ Вацлавъ Крамеріусъ съ 1789 и до 1808 года издавалъ журналъ на чешскомъ языкѣ «Отечественныя новости» (Vlastenské Noviny), въ которомъ всячески старался пробудить чувство народности, познаніе себя, въ широкихъ кругахъ чешскаго общества. Совмѣстно съ Прохазкою въ девяностыхъ годахъ XVIII в. и первомъ десятилѣтіи XX—го Крамеріусъ наводнилъ чешскій книжный рынокъ множествомъ переизданій старой

чешской оригинальной и переводной литературы, подновляя только нѣсколько языкъ и орѳографію. Такимъ образомъ пущены были въ оборотъ читательскій: Троянская исторія, Эзоповы басни, сочиненія Іосифа Флавія, чешскіе хроники Гайка и Далимила, «Лабиринтъ свѣта» Аммоса Коменскаго, нѣкоторыя сочиненія Эразма Роттердамскаго и др. По нѣмецкимъ образцамъ Крамеріусъ написалъ множество занимательныхъ разсказовъ на рыцарскіе и восточные сюжеты и помѣщалъ ихъ въ приложеніяхъ къ народнымъ календарямъ. Чешская книга получила широкое распространеніе въ обществѣ и народной массѣ, чешскій литературный языкъ завоевалъ себѣ право гражданства. Общему теченію поддались въ концѣ концовъ и тѣ самые люди, которые раньше сомнѣвались въ цѣнности національныхъ чешскихъ стремленій. Тотъ же самый Пельцель, который склоненъ былъ прежде плыть по господствующему теченію и писалъ только по-латыни и по-нѣмецки, въ девяностыхъ годахъ XVIII в. сталъ издавать на чешскомъ языкѣ *Хронику Чехіи*, связное изложеніе чешской исторіи, въ которой онъ соединилъ всѣ свои предыдущіе труды и изслѣдованія по чешской исторіи. На заглавномъ листѣ этой Хроники поставлено было изображеніе проснувшагося чешскаго льва, а въ предисловіи говорилось о дорогихъ именахъ Карла IV и Вацлава IV. Хроника Пельцеля стала народною книгою и много способствовала оживленію національно-историческаго чувства и сознанія во всѣхъ классахъ чешскаго общества. Даже старикъ Добровскій поддался общему увлеченію и въ 1809 издалъ подробную грамматику чешскаго языка (Ausführliches Lehrgebäude der Böhmischen Sprache), которая обезпечивала преподаваніе этого предмета въ высшей и средней школѣ.

Дальнѣйшее возбужденіе чешское національное чувство получило уже въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, которыя всюду въ Европѣ вызвали національное одушевленіе. Громадное впечатлѣніе на всю чешскую націю, по словамъ современниковъ, произвело появленіе въ чешскихъ земляхъ русской арміи: въ чешской народной массѣ и интеллигенціи проснулось дремавшее чувство славянскаго родства, которое давало знать о себѣ и раньше, въ эпоху гусситскаго движенія и въ разныхъ литературныхъ произведеніяхъ XVI—XVIII в. Тотъ самый національный романтизмъ, идеализація національныхъ особенностей, преклоненіе передъ своимъ прошлымъ, которыя получили такую силу въ Германіи по окончаніи войны за освобожденіе, перекинулись и въ Чехію. Посѣщая нѣмецкіе университеты и входя въ общеніе съ нѣмецкими учеными и литературнымъ міромъ, чешская интеллигенція заражалась его настроеніями и заимствовала отъ него какъ идеологію національнаго самоопредѣленія, такъ и практическую программу національнаго строительства. Идея національности становится для нея культомъ и руководящимъ началомъ жизненной дѣятельности. Студенты, священники, будущіе литераторы и ученые отдаются теперь собиранію народныхъ пѣсенъ и собственнымъ поэтическимъ опы-

тамъ въ ихъ духѣ; создается чешскій національный репертуаръ для постояннаго Пражскаго театра (Штепанэкъ); продолжается работа по выработкѣ чешскаго литературнаго языка на основѣ народной словесности и старой чешской письменности; въ Прагѣ стараніями графовъ Штернберговъ возникаетъ въ 1818 году Музей Королевства Чешскаго, предназначенный быть хранилищемъ памятниковъ національной чешской культуры.

Главные дѣятели чешскаго національнаго возрожденія. Главными дѣятелями національнаго чешскаго возрожденія въ эту пору являются Юнгманнъ, Ганка, Палацкій, Шафарикъ, Колларъ и Челяковскій.

Юнгманнъ (1773—1847) началъ свою дѣятельность съ самостоятельныхъ поэтическихъ опытовъ на чешскомъ языкѣ, которые онъ помѣщалъ въ разныхъ сборникахъ и журналахъ, продолжалъ переводами на чешскій языкъ западныхъ писателей Мильтона, Гердера, Клопштока, Гете и Шатобріана и закончилъ составленіемъ теоріи словесности, прозы и стихотворенія, исторіи чешской литературы и огромнаго (въ 5 томахъ) чешско-нѣмецкаго словаря. Свободное отъ литературныхъ занятій время онъ посвящалъ безплатному преподаванію чешскаго языка въ гимназіяхъ и семинаріяхъ. Труды Юнгманна заслужили признательность современниковъ, и Юнгманнъ на склонѣ лѣтъ былъ окруженъ общимъ почетомъ и уваженіемъ: онъ избранъ былъ сначала деканомъ, а потомъ ректоромъ Пражскаго университета. Юнгманнъ былъ вдохновителемъ цѣлаго ряда литературныхъ и ученыхъ чешскихъ дѣятелей, и прежде всего *Вацлава Ганки* (1791—1861), котораго онъ поощрялъ «тихо и безшумно работать надъ тѣмъ, чтобы чешская національность не погибла». Ганка работалъ надъ этимъ съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ, весь погруженный въ романтическія мечты о прошломъ чеховъ и славянства и его воскрешеніи. Онъ собиралъ и издавалъ чешскія народныя пѣсни, перевелъ на чешскій языкъ «Слово о полку Игоревѣ» и сербскія пѣсни Вука Караджича, издавалъ собственныя лирическія стихотворенія въ стилѣ народной поэзіи, а также памятники древне-чешской поэзіи. Въ состояніи національно-романтическихъ увлеченій онъ въ сообществѣ съ другими молодыми литераторами создалъ подложные памятники древне-чешской исторической поэзіи и лирики (Любушинъ судъ), чтобы и у чеховъ были такія же произведенія, какъ «Пѣснь о Нибелунгахъ» у нѣмцевъ, «Слово о полку Игоревѣ» у русскихъ. Эти поэмы и пѣсни, переписанныя средневѣковыми почерками на старый пергаментъ, и составили знаменитыя рукописи Краледворскую, которая будто бы была «открыта» самимъ Ганкою, и Зеленогорскую, которая была анонимно прислана въ Чешскій Музей. Поддѣлка была сдѣлана столь художественно, поэмы и пѣсни столь походили на народныя, что вызвали восторгъ не только у чеховъ, но и у нѣмцевъ, и только Добровскій и Копитаръ отнеслись скептически къ «открытію» новыхъ памятниковъ. Позднѣе въ Краледворской рукописи были открыты сербскія и русскія слова и совпаденія съ стихотвореніями самого Ганки, поддѣльность ея была до

казана. Но рукопись сдѣлала свое дѣло—подогрѣла въ сильной степени національное чувство чешскаго народа.

Еще больше, чѣмъ Юнгманнъ и Ганка, послужилъ дѣлу національнаго воспитанія чешскаго народа *Францъ Палацкій* (1798—1876), знаменитый исторіографъ Чешскаго королевства. Уроженецъ Моравіи, сынъ учителя-протестанта, предки котораго принадлежали къ общинѣ чешскихъ братьевъ, Палацкій изъ отеческаго дома вынесъ любовь къ своему, родному. Эта любовь укрѣплялась въ немъ образованіемъ, полученнымъ въ протестантскомъ лицеѣ въ Пресбургѣ, чтеніемъ сочиненій Юнгманна и Vídenské Noviny, и живымъ общеніемъ съ такими людьми, какъ Копитаръ, Добровскій и Шафарикъ. Благодаря своему уму и широкому образованію онъ сталъ вліятельнымъ человѣкомъ уже въ молодые годы. По его настоянію, при недавно основанномъ чешскомъ Музеѣ сталъ издаваться по-чешски «Временникъ Чешскаго Музея» (Časopis Českého Museum), послѣ чего нѣмецкое изданіе его должно было прекратиться. Палацкій сталъ редакторомъ «Временника» и объединилъ около себя чешскихъ ученыхъ и литераторовъ. Совмѣстно съ графомъ Рудольфомъ Кинскимъ онъ основалъ по образцу сербской Матицы Матицу чешскую, т.-е. фондъ для изданія народныхъ, просвѣтительныхъ и общенаучныхъ сочиненій на чешскомъ языкѣ. Основавшись въ Прагѣ, Палацкій получилъ цѣлый рядъ предложеній составить генеалогіи чешскихъ панскихъ родовъ и благодаря этому имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ архивами. Въ это время онъ исполнилъ рядъ подготовительныхъ работъ для своей позднѣйшей исторіи подъ руководствомъ Добровскаго. Одна изъ этихъ работъ «Die Würdigunq der alten böhmischen Geschichtschreiber», критическій разборъ древнихъ чешскихъ историковъ, сохраняетъ свое научное значеніе и понынѣ. Съ тридцатыхъ годовъ Палацкій отдался составленію «Исторіи чешскаго народа въ Богеміи и Моравіи». На нѣмецкомъ языкѣ эта исторія стала выходить съ 1836, на чешскомъ съ 1848 года и продолжала выходить до смерти автора въ 1876 году; изложеніе ея доведено до 1526 года. Произведеніе Палацкаго, основанное на обширномъ изученіи первоисточниковъ, является первою научною исторіею чешскаго народа. Въ изложеніи патріархальнаго быта древнихъ славянъ эта исторія не свободна отъ романтической идеализаціи благодаря вліянію Гердера и довѣрію къ Краледворской и Зеленогорской рукописи. Но въ изложеніи историческихъ временъ трудъ Палацкаго отличается объективностью: Палацкій признавалъ, что «исторія не терпитъ побочныхъ мыслей». Эта объективность, однако, обусловила лишь большую убѣдительность труда Палацкаго, какъ защиты политическихъ и національныхъ правъ чешскаго народа. Съ особою любовью и обстоятельностью разработана въ немъ гусситская эпоха, въ которой силы чешской націи развернулись во всю свою мощь. Одновременно съ изданіемъ «Исторіи» Палацкій выполнилъ множество монографическихъ работъ и далъ цѣлый рядъ цѣнныхъ изданій источниковъ по чешской исторіи. Но при всемъ томъ

Палацкій не сдѣлался одностороннимъ кабинетнымъ ученымъ. Не было такой области національной жизни, которой онъ не удѣлялъ бы своего вниманія. Онъ заботился о процвѣтаніи чешскаго театра, объ усовершенствованіи его репертуара; старался объ удержаніи въ Прагѣ знаменитыхъ славянскихъ ученыхъ—Челяковскаго, Ганки, Шафарика, дабы дать чехамъ первенство въ наукѣ между славянами, сдѣлать Прагу «славянскими Аѳинами»; онъ составилъ планъ чешскаго научнаго словаря, который вышелъ сначала въ краткомъ, а затѣмъ въ полномъ видѣ, а въ послѣднемъ, третьемъ изданіи превратился въ цѣлую энциклопедію знаній, не уступающую нѣмецкимъ. Объ участіи его въ политической жизни страны рѣчь будетъ впереди. Палацкій справедливо былъ признанъ современниками вождемъ чешскаго народа, который старался поставить его на путь достойной жизни, сравнять его съ другими культурными народами Европы.

Усиленію славянскихъ чувствъ въ чешскомъ обществѣ много содѣйствовали ученый Шафарикъ и поэты Колларъ и Челяковскій. *Шафарикъ* (1795—1861) былъ сыномъ протестантскаго священника-словака. Предки его, какъ и предки Палацкаго, принадлежали къ чешскимъ братьямъ, изгнаннымъ изъ Богеміи. Гусситскія традиціи держались въ его семьѣ, и Шафарикъ еще въ дѣтствѣ прочелъ Кралицкую библію, изданную въ послѣдней четверти XVI в. чешскими братьями на прекрасномъ чешскомъ языкѣ. Интересъ къ народности, заложенный въ семьѣ, не заглохъ, наоборотъ—укрѣпился въ Шафарикѣ въ связи съ пребываніемъ его въ Іенскомъ университетѣ, гдѣ ему пришлось подышать духовною атмосферою, насыщенною культомъ національности, и ознакомиться съ основами научной исторіи и филологіи. Ставъ профессоромъ гимназіи въ Новомъ садѣ у венгерскихъ сербовъ, Шафарикъ продолжалъ свои университетскія штудіи и внимательно изучалъ Нибура, Я. Гримма, Боппа, Вильгельма Гумбольдта. Вынесенные изъ этого изученія методы и идеи онъ примѣнилъ вскорѣ же къ славянству, и въ 1826 году выпустилъ на нѣмецкомъ языкѣ «Исторію славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ». Эта книга, проникнутая идеализаціей первобытнаго славянства, произвела сильное впечатлѣніе въ разныхъ славянскихъ странахъ. По словамъ Коллара, «славяне, какъ въ огромномъ зеркалѣ съ восторгомъ, удивленіемъ и яснымъ сознаніемъ впервые въ системѣ и передъ всею Европою увидали себя въ качествѣ единой націи». Шафарикъ сразу сдѣлался извѣстностью, и чешскіе студенты обратились къ нему съ адресомъ, прося писать по-чешски. Палацкій вызвалъ Шафарика въ Прагу, и здѣсь чешскіе патріоты устроили между собою складчину на пенсію Шафарику съ условіемъ жить въ Прагѣ, посвятить себя чешской наукѣ и писать по-чешски. Палацкій далъ Шафарику мысль написать древнѣйшую исторію всего славянскаго племени. Результатомъ этого было появленіе въ 1836 и 1837 году знаменитыхъ «Славянскихъ древностей» (Slovanské starožitnosti), которыя не утратили своего научнаго значенія и до настоящаго времени. Для національнаго самосознанія

славянства, кромѣ этого труда, имѣла огромное значеніе «Славянская этнографія» (Slovansky Narodopis), вышедшая въ 1852 г. и содержащая этнографическую карту славянскаго міра съ краткою характеристикою земель отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, ихъ языковъ и діалектовъ и главныхъ фактовъ ихъ литературнаго развитія. Въ приложеніи даны статистика славянства и образцы славянскихъ языковъ и діалектовъ. Книга произвела огромное впечатлѣніе, быстро разошлась въ Чехіи и переведена была на другіе славянскіе языки. Сочиненія Шафарика научными данными и средствами углубляли и закрѣпляли тѣ чувства славянскаго родства и солидарности, которыя пробуждали поэты—словакъ Колларъ и Челяковскій. Самымъ знаменитымъ произведеніемъ *Коллара* (1793—1852) была поэма «Дочь славы», въ которой рядомъ съ отзвуками личныхъ радостей и печалей автора идутъ его размышленія о прошломъ славянства, о его страданіяхъ, о надеждахъ на свѣтлое будущее. Поэма эта сдѣлалась какъ бы евангеліемъ всеславянства. Вызванное ею одушевленіе было огромное. Это свидѣтельствуется между прочимъ тою массою стихотвореній, которыя явились въ подражаніе «Дочери славы». *Челяковскій* (1799—1852) потрудился для дѣла славянскаго одушевленія преимущественно своими перепѣвами русскихъ и чешскихъ народныхъ пѣсенъ и нѣкоторыми патріотическими пѣснями, изъ которыхъ пѣсня Tys bratr naš (о, ты нашъ братъ) стала своего рода гимномъ чешской націи.

Политическое движеніе въ Чехіи въ 1848 году и его характеръ. Настроеніе, созданное въ чешскомъ обществѣ всею этою ученою и литературною пропагандою, въ концѣ концовъ стало переходить въ дѣло, опредѣлять политическія стремленія чешской націи. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ чешскій сеймъ перестаетъ быть пассивнымъ исполнителемъ правительственныхъ предположеній и выступаетъ съ требованіями дѣйствительнаго участія въ установленіи новыхъ налоговъ, увеличенія числа представителей отъ мѣщанскаго сословія, о назначеніи въ гимназіи преподавателей чешскаго языка и т. д. Но особенно значительныя домогательства предъявлены были въ эпоху революціоннаго движенія, охватившаго западноевропейскія страны въ 1848 и 1849 годахъ.

Послѣ полученія извѣстій о происшедшей революціи во Франціи (въ февралѣ 1848 года), въ Новомъ Пражскомъ мѣстѣ въ Святовацлавской банѣ состоялось собраніе пражской интеллигенціи обѣихъ національностей, на которомъ выработанъ былъ рядъ требованій къ правительству. Постановлено было просить о томъ, чтобы чешскому языку въ школахъ и канцеляріяхъ возвращены были одинаковыя права съ нѣмецкимъ, чтобы земли чешской короны были объединены въ государственномъ отношеніи и имѣли одинъ общій сеймъ, чтобы на этомъ сеймѣ крестьянство имѣло также своихъ представителей, что бы осуществленъ былъ выкупъ крестьянскихъ повинностей, чтобы вмѣсто учрежденій и судовъ патримоніальныхъ, всюду заведены были учрежденія королевскія, чтобы общины полу-

чили болѣе самостоятельное устройство и чтобы различныя исповѣданія пользовались одинаковыми правами. Эта петиція принята была съ восторгомъ населеніемъ и подписывалась въ разныхъ общественныхъ мѣстахъ. Движеніе на первыхъ порахъ лишено было національной окраски, совершалось подъ девизомъ: чехъ и нѣмецъ—одно тѣло (čech a nemec jedno tělo). Комитетъ изъ 27 членовъ, во главѣ котораго сталъ графъ Деймъ, взялъ на себя хлопоты по исполненію народныхъ желаній и отправилъ въ Вѣну депутацію къ императору. Въ Вѣнѣ тѣмъ временемъ подъ вліяніемъ народныхъ волненій произошла перемѣна курса: императоръ уволилъ перваго министра кн. Меттерниха, разрѣшилъ учредить національную гвардію и обѣщалъ даровать конституцію, для выработки которой должны были собраться делегаты отъ сеймовъ всѣхъ австрійскихъ земель. Въ силу этого и въ Чехіи образовалась національная гвардія изъ горожанъ и, какъ отрядъ этой гвардіи, особый академическій легіонъ изъ студентовъ. Императоръ въ общемъ благосклонно отвѣтилъ на петиціи Богеміи, и отвѣтъ его, обнародованный депутатами, вызвалъ было восторгъ въ населеніи Праги. Но быстро наступило разочарованіе, ибо императоръ уклонился отъ прямого отвѣта на требованіе государственнаго единства Чехіи. Снова собрался Святовацлавскій комитетъ и составилъ вторую петицію, въ которой настаивалъ на объединеніи Чехіи, Моравіи и Силезіи въ одномъ сеймѣ, на созывѣ конституціоннаго сейма и на учрежденіи особаго министерства внутреннихъ дѣлъ для чешскихъ земель. Намѣстникъ Чехіи графъ Стадіонъ уступая настояніямъ комитета, скрѣпилъ петицію собственноручною подпискою и съ своей стороны образовалъ особую коммиссію для разработки реформъ. Эта коммиссія вскорѣ соединилась съ Святовацлавскимъ комитетомъ и образовала Національный Комитетъ. Императоръ удовлетворилъ требованія второй петиціи и согласился на созывъ законодательнаго сейма, на которомъ должны были засѣдать и представители мѣстъ и сельскаго населенія, призналъ равноправіе за языками нѣмецкимъ и чешскимъ, обѣщалъ прислать другого намѣстника, но вопросъ о соединеніи земель чешской короны воедино отлагалъ до будущаго общеимперскаго сейма. Въ дальнѣйшемъ событія приняли такой оборотъ, который воспрепятствовалъ осуществленію чешскихъ политическихъ чаяній.

Отдѣленіе нѣмцевъ отъ чеховъ; славянскій съѣздъ въ Прагѣ и вооруженныя столкновенія. Революціонное движеніе въ австрійскихъ земляхъ, преслѣдовавшее цѣли политической свободы, разбилось на нѣсколько руслъ. Венгры обнаружили стремленіе отдѣлиться, обособиться отъ другихъ Габсбургскихъ земель и сорганизоваться въ самостоятельное національное государство съ поглощеніемъ всѣхъ невенгерскихъ народностей. Нѣмцы также обнаружили стремленіе къ національно-политическому объединенію, къ созданію Великой Германіи, въ которой должны были потонуть и чехи. Пангерманскій сеймъ, собравшійся во Франкфуртѣ, послалъ приглашеніе и представителямъ Богеміи, разсматривая ее, такимъ

образомъ, какъ нѣмецкую область. Это приглашеніе вызвало расколъ въ національномъ комитетѣ Чехіи. Чехи высказались противъ выборовъ во Франкфуртскій сеймъ и, такъ какъ франкфуртскіе делегаты стали грозить имъ мечомъ Великой Германіи, они обратились, съ одной стороны, къ императору съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, а съ другой стороны—къ другимъ славянскимъ народностямъ съ просьбою о поддержкѣ и приглашеніемъ на всеславянскій съѣздъ въ Прагѣ. Съѣздъ этотъ открылся 2 іюня. На немъ кромѣ представителей всѣхъ австрійскихъ славянъ присутствовали въ качествѣ гостей и неавстрійскіе славяне; изъ чеховъ самое видное участіе принимали Палацкій, Шафарикъ, Гавличекъ и др. Съѣздъ предполагалъ обратиться къ европейскимъ народамъ съ манифестомъ о положеніи славянъ, подать петицію императору о нуждахъ и желаніяхъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей и согласиться о взаимной поддержкѣ въ рамкахъ закона для достиженія равноправія въ имперіи. Съѣздъ крѣпко стоялъ на почвѣ сохраненія Австріи, какъ государства, и удовлетворенія славянскихъ національныхъ требованій именно въ предѣлахъ Австріи. Боязнь поглощенія славянъ нѣмцами и венграми вырвала изъ устъ Палацкаго знаменитую фразу: «Если бы Австріи не было, мы должны были бы создать ее». Но волненія, произведенныя крайними элементами въ іюньскіе дни, не только прервали мирныя совѣщанія о желательныхъ реформахъ, но и уничтожили труды славянскаго съѣзда. Двѣнадцатаго іюня произошло кровавое столкновеніе толпы съ отрядомъ войска передъ домомъ главнокомандующаго кн. Виндишгреца, при чемъ убита была супруга князя. На улицахъ тотчасъ же появились баррикады, за которыми собрались студенты и разная другая молодежь яко бы на защиту попранной свободы. Національная гвардія также взялась за оружіе. Князь Виндишгрецъ послѣ безплодныхъ переговоровъ съ мятежниками обстрѣлялъ орудіями городъ и принудилъ возставшихъ къ сдачѣ. Прага была объявлена въ осадномъ положеніи, и всякая политическая жизнь въ ней замерла. Славянскій съѣздъ прервалъ свои засѣданія, а національный комитетъ былъ распущенъ. Обсужденіе вопросовъ о будущемъ положеніи Чехіи перенесено было въ Вѣну, гдѣ собрался общеимперскій сеймъ.

Кромѣрижскій имперскій сеймъ и выработанная имъ конституція. Но и этому сейму не удалось рѣшить поставленныхъ вопросовъ. Возставшіе венгры начали угрожать Вѣнѣ, и здѣсь 6 октября произошелъ бунтъ, учиненный крайними нѣмецкими элементами, сочувствовавшими венграмъ. Чешскіе депутаты покинули Вѣну, такъ какъ имъ въ виду заявленной ими лойяльности по отношенію къ императору грозила опасность со стороны вооруженной черни. Послѣ совѣщаній въ Прагѣ они обратились къ императору, переѣхавшему въ Ольмуцъ, съ просьбою о созывѣ вновь законодательнаго общеимперскаго сейма, прерваннаго волненіями въ Вѣнѣ. Чехи хлопотали о созывѣ именно общеимперскаго, а не чешскаго законодательнаго сейма, потому что въ единствѣ австрійской монархіи видѣли

защиту своей народности. Имперскій сеймъ собрался въ Кромѣрижѣ (Кремзирѣ), во дворцѣ Ольмуцкаго архіепископа 22 ноября 1848 г. и скоро начерталъ проектъ новой конституціи. По этому проекту предполагалось учрежденіе для всѣхъ невенгерскихъ земель единаго законодательнаго сейма, состоящаго изъ двухъ палатъ: земской (Länderkammer), въ которую должны были входить делегаты, выбранные земскими сеймами и окружными, безъ различія сословій и имущественнаго положенія, и народной (Volkskammer), въ которую должны были входить непосредственно избранные населеніемъ депутаты изъ лицъ, платящихъ не менѣе 5 гульденовъ налога.

Мартовская конституція 1849 года и ея отмѣна. Но и этой конституціи не суждено было войти въ жизнь. 2 декабря 1848 года императоръ Фердинандъ отказался отъ престола въ пользу племянника своего Франца-Іосифа. Въ манифестѣ, изданномъ по случаю восшествія на престолъ, новый императоръ, признавъ принципы конституціи, особенное удареніе дѣлалъ на необходимости поддержанія единства и цѣлости Габсбургской монархіи. Сообразно съ этимъ онъ не пожелалъ короноваться особо чешскою и венгерскою короною. Не сочувствуя демократической тенденціи въ дѣятельности Кромѣрижскаго сейма, Францъ-Іосифъ распустилъ Кромѣрижскій сеймъ и 4 марта 1849 года обнародовалъ новую конституцію Австрійской имперіи, разсматривая ее, какъ даръ правительства своему народу (октроированная конституція). По этой конституціи уже для всѣхъ земель Габсбургскихъ (включая и Венгрію) учреждался единый законодательный сеймъ изъ двухъ палатъ. Такъ же, какъ и по конституціи Кромѣрижскаго сейма, и по этой конституціи предполагались двѣ палаты: *верхняя* (Oberhaus), въ которую должны были входить по два делегата отъ каждаго земскаго сейма и депутаты, избранные сеймомъ изъ всѣхъ гражданъ провинціи, платящихъ не менѣе 500 гульденовъ прямого налога, и *нижняя*, въ которую должны были входить непосредственные избранники населенія, по одному на каждые 1000 человѣкъ, при чемъ пассивнымъ и активнымъ избирательнымъ правомъ могли пользоваться лица, платящія не менѣе 10 гульденовъ. Сеймъ предназначался быть органомъ законодательства по всѣмъ государственнымъ дѣламъ, которыя не обозначены прямо въ компетенціи областныхъ, земскихъ сеймовъ. Компетенція эта по сравненію съ прежнимъ положеніемъ вещей и прежними проектами была сужена. Областнымъ сеймамъ предоставлено было обсуждать и рѣшать дѣла, касающіяся общественныхъ построекъ, воздвигаемыхъ на мѣстныя средства, благотворительныхъ учрежденій, бюджета и контроля областныхъ доходовъ и расходовъ, дѣла мѣстныхъ общинъ, церквей и школъ, расквартированія и содержанія войска и т. д. Но даже и въ своей спеціальной компетенціи они ограничены были властью министра, который могъ кассировать ихъ постановленія подъ своею отвѣтственностью. Централистическая и вмѣстѣ абсолютистическая тенденція новой конституціи сказа-

лась въ статьѣ о временномъ законодательствѣ. Въ силу этой статьи въ случаяхъ крайней необходимости, когда сейма не было, монархъ могъ собственною властью издавать временныя обязательныя распоряженія съ обязанностью довести объ этомъ до свѣдѣнія ближайшаго сейма съ указаніемъ мотивовъ; утвержденія сейма не требовалось. Въ вопросѣ о мѣстныхъ языкахъ конституція 1849 года, исходя изъ положенія о равноправіи всѣхъ народностей, разрѣшала употребленіе мѣстныхъ языковъ въ частной общественной жизни, въ преподаваніи народной школы и устанавливала, что новооснованный «Сборникъ государственныхъ постановленій» имѣетъ выходить впредь на всѣхъ мѣстныхъ языкахъ. Но и эта урѣзанная конституція не вошла въ жизнь. По усмиреніи итальянской революціи и венгерскаго возстанія Францъ-Іосифъ не спѣшилъ съ назначеніемъ выборовъ на сеймъ, а въ 1851 году патентомъ 31 декабря отмѣнилъ мартовскую конституцію, и въ Габсбургской монархіи снова воцарился абсолютизмъ.

Реставрація абсолютизма; министерство Баха. Такъ, начавъ съ попытокъ обезпечить государственное единство, политическую свободу и національную самобытность земель чешской короны, чехи своеобразнымъ сплетеніемъ обстоятельствъ увлечены были на путь содѣйствія возстановленію габсбургскаго абсолютизма и централизаціи. Этотъ абсолютизмъ скоро далъ себя тяжело почувствовать чешскому народу. Въ министерство Баха общинное и земское самоуправленіе были упразднены; все управленіе возложено было на многочисленное чиновничество; суды присяжныхъ были отмѣнены; языкомъ законодательства и дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій и языкомъ преподаванія въ гимназіяхъ объявленъ былъ языкъ нѣмецкій; свобода печати была отмѣнена. По отношенію къ чешскимъ публицистамъ и политикамъ были примѣнены различныя репрессивныя мѣры: Národní Noviny Гавличка были закрыты, а самъ Гавличекъ былъ арестованъ и сосланъ въ Тироль; Палацкій публично отказался отъ всякой политической дѣятельности, Ригеръ выѣхалъ за границу. Но матеріальныя и духовныя силы чешской націи при всемъ томъ не были сломлены. Въ своей книгѣ «Чехія, земля и народъ», вышедшей въ 1863 году, Ф. Ригеръ отмѣчаетъ увеличеніе чешскаго населенія въ промежуткѣ времени отъ 1846 до 1857 г. съ 2.598.774 ч. до 2, 925.982 ч., констатируетъ быстрый ростъ земледѣлія послѣ уничтоженія въ 1848 году послѣднихъ слѣдовъ крѣпостного права (выкупъ надѣловъ) и пробужденіе гражданскаго и національнаго сознанія въ крестьянской массѣ. Въ обзорѣ чешской литературы Ригеръ замѣчаетъ, что «въ послѣднее время литература достигла такого расцвѣта, что всѣ ея отрасли разрабатываются широко и съ еще небывалою подробностью, и ежедневно прибываетъ число усердныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ. Она начала воскресать въ отчаянныхъ условіяхъ, патріотическою мыслью и непреклонною силою своихъ дѣятелей одержала побѣду надъ всѣми препятствіями. На неискоренимой энергіи народнаго духа основывается и ея будущность».

Возстановленіе конституціи и политическая дѣятельность Палацкаго и Ригера. Эта же «неискоренимая энергія народнаго духа» возобновила свою работу по возстановленію попранныхъ національныхъ правъ, какъ только представилась къ тому возможность. Въ 1859 году, послѣ пораженія при Мадджентѣ и Сольферино, произошла перемѣна во внутренней политикѣ австрійскаго правительства. Оно рѣшило отказаться отъ системы абсолютизма и привлечь къ соучастію въ управленіи общественныя силы. Дѣло началось съ усиленія совѣщательнаго учрежденія, состоявшаго при монархѣ, рейхсрата новыми членами по на значенію короны и 38 депутатами отъ областныхъ сеймовъ. Такъ какъ въ составъ этого усиленнаго совѣта не попалъ ни одинъ чехъ, то чешскіе политики съ Ригеромъ и Палацкимъ во главѣ, добились аудіенціи у императора и подали ему петицію о правахъ чешскаго народа. Требованія ихъ въ общемъ были умѣренныя,—касались представительства отъ среднихъ, промышленныхъ, и низшихъ, земледѣльческихъ, классовъ народа, введенія чешскаго языка въ преподаваніе, назначенія чиновниковъ, знающихъ чешскій языкъ, разрѣшенія газеты на чешскомъ языкѣ. Дипломъ 20 октября 1860 и патентъ 26 февраля 1861 года еще болѣе расширили составъ рейхсрата, введя въ него сначала 100, а затѣмъ 343 депутата отъ областныхъ сеймовъ, и сообщили рейхсрату уже законодательное значеніе. Чешскіе политики получили теперь возможность дѣйствовать на полѣ законодательства, легальнымъ путемъ, въ пользу своей родины. Палацкій былъ назначенъ пожизненнымъ членомъ палаты господъ (Herrenhaus) преобразованнаго рейхсрата, а его зять Ригеръ былъ избранъ въ палату депутатовъ (Abgeordnetenhaus). Здѣсь они оба отстаивали права Чехіи, какъ особаго государственнаго цѣлаго въ составѣ Габсбургской державы, настаивали на территоріальномъ и административномъ единствѣ Чехіи, Моравіи и Силезіи, на единомъ чешскомъ сеймѣ, которому должны быть подчинены исполнительные органы въ странѣ, на равноправіи чешскаго и нѣмецкаго языковъ и т. д. Идеи федералистическаго Австрійскаго государства съ равноправіемъ всѣхъ народностей и съ самою широкою автономіею ихъ Палацкій и Ригеръ проводили и въ чешской публицистикѣ. Вся эта пропаганда готова была выразиться уже въ существенныхъ жизненныхъ результатахъ. 12 апрѣля 1865 года на чешскомъ сеймѣ было объявлено сообщеніе, въ которомъ правительство заявляло о своемъ намѣреніи содѣйствовать автономіи частей Габсбургской державы и учрежденію соотвѣтственныхъ административныхъ органовъ. Сочетаніе рейхсрата, призваннаго охранять государственное единство, съ ландтагами, «которые должны укрѣплять и усиливать управленіе болѣе узкимъ отечествомъ», выставлялось правительствомъ, какъ политическій идеалъ Габсбургской державы. 8 января 1866 года императоръ, отвѣчая на адресъ чешской депутаціи, повторилъ обѣщаніе, данное еще въ апрѣлѣ 1861 года, и заявилъ о намѣреніи своемъ при первой возможности прибыть въ Прагу, чтобы «согласно праву и священному обычаю совершить обрядъ коро-

націи». Идея государственнаго права Чехіи такимъ образомъ получала подтвержденіе съ высоты престола. Десять дней спустя былъ изданъ законъ объ обязательномъ изученіи обоихъ земскихъ языковъ въ среднихъ школахъ Чехіи (Sprachenzwanggesetz).

Австро-Венгерское соглашеніе 1867 года и крушеніе политическихъ стремленій чеховъ. Но разразившаяся вскорѣ война съ Пруссіею и Франціею и стоявшія въ связи съ нею внутреннія перемѣны въ Габсбургской монархіи разбили политическія чаянія чеховъ. Разгромленная Австрія, исключенная изъ Германскаго союза, вынуждена была пойти на уступки венграмъ, которые съ самаго 1849 года не переставали добиваться возстановленія своей государственной особности и самобытности. 17 февраля 1867 года Францъ-Іосифъ возстановилъ дарованную въ 1848 году конституцію Венгріи и назначилъ согласно этой конституціи отвѣтственное венгерское министерство съ Андраши во главѣ. Въ іюлѣ 1867 года торжественно вѣнчался въ Будапештѣ короною св. Стефана и выдалъ грамоту, въ которой торжественно обязывался сохранять Венгерское королевство въ цѣлости и отдѣльности и соблюдать его конституцію, гарантировалъ, что преемники его также будутъ короноваться короною св. Стефана и будутъ выдавать такія же обязательства, гарантировалъ венграмъ свободное избраніе короля въ случаѣ прекращенія рода Габсбурговъ. Эти уступки сдѣланы были венграмъ съ тою цѣлію, чтобы предотвратить окончательное отторженіе ихъ отъ Австріи и сохранить связь ихъ съ имперіею. Эта связь закрѣплена была особымъ соглашеніемъ, принятымъ австрійскимъ рейхсратомъ и венгерскимъ сеймомъ въ декабрѣ 1867 г., которое и легло въ основу современнаго устройства Габсбургской державы.

Въ то самое время, когда Венгрія предъявила свои требованія, и чехи не бездѣйствовали. Въ іюлѣ и августѣ 1866 года происходили совѣщанія чешскихъ дѣятелей съ польскими и юго-славянскими вождями политическихъ партій. Славяне и на этотъ разъ выступили съ федералистическою программою, въ которой предусматривалось сохраненіе историческихъ границъ отдѣльныхъ земель, справедливое уваженіе къ правамъ отдѣльныхъ національностей, мѣстные законодательные сеймы, при сохраненіи центральнаго управленія во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыми обезпечиваются единство и могущество государства. Короче сказать, и славяне добивались себѣ приблизительно того же самаго, что и венгры. Но эти стремленія нашли себѣ противодѣйствіе не только въ нѣмцахъ, но и въ венграхъ. Венгры обнаружили при этомъ самый беззастѣнчивый національный эгоизмъ и высокомѣріе, отказывая славянамъ въ тѣхъ самыхъ правахъ, которыхъ добивались сами, суживая идею федерализма въ дуализмъ, признавая необходимость руководящихъ націй для сохраненія единства Габсбургской державы. Дуализмъ долженъ зиждиться на нѣмцахъ и мадьярахъ, какъ на двухъ опорахъ монархіи, доказывалъ Андраши. Въ концѣ концовъ эта точка зрѣнія взяла верхъ, и чешскому сейму пред-

ложено было избрать депутатовъ въ рейхсратъ для обсужденія измѣненій въ конституціи на основѣ предположеннаго дуализма. Сеймъ 25 февраля 1867 года принялъ адресъ, въ которомъ отъ имени королевства Чешскаго протестовалъ противъ поглощенія его самобытности какою-то половиною имперіи, государственною формаціею, не имѣющею никакого историческиправового основанія, и отказался послать въ рейхсратъ своихъ представителей. Черезъ день сеймъ былъ распущенъ, и объявлены новые выборы. Эти выборы при содѣйствіи правительства дали большинство нѣмецкой партіи, вслѣдствіе чего новосозванный сеймъ произвелъ выборы въ рейхсратъ. Чешскіе депутаты вынуждены были ограничиться только протестомъ противъ неправильныхъ выборовъ и противъ подготовляющагося нарушенія государственнаго права и конституціи королевства Чешскаго, послѣ чего покинули сеймъ. Австрійскій рейхсратъ въ томъ составѣ депутатовъ, какой получился послѣ устраненія чеховъ, безъ треній и противодѣйствій принялъ новое государственное устройство и соглашеніе съ Венгріею.

Такъ кончились неудачею попытки чешскихъ политическихъ дѣятелей возстановить положеніе своей страны въ составѣ Габсбургской державы на основѣ историческаго государственнаго права королевства Чешскаго. Другого результата трудно было и ожидать при сложившихся обстоятельствахъ, при томъ союзѣ, который былъ заключенъ между нѣмцами и венграми. Попытки эти обречены были на неуспѣхъ и потому, что чешскіе политическіе дѣятели этого періода въ сущности сами сошли съ твердой почвы чешскаго государственнаго права,—вмѣсто того, чтобы преслѣдовать опредѣленную и конкретную цѣль—возстановленія этого права, расплылись въ общихъ федералистическихъ построеніяхъ, хлопотали не только о своей странѣ, но и о другихъ, и прежде всего о спасеніи единства Габсбургской державы, по ихъ мнѣнію, безусловно необходимаго для блага чешскаго народа. Австрійскій патріотизмъ помѣшалъ имъ проявить надлежащій чешскій патріотизмъ, и въ результатѣ Чехія оказалась въ томъ межеумочномъ положеніи, въ которомъ она пребываетъ и по сіе время, и которое въ великой борьбѣ настоящаго времени отдало ея силы и средства на служеніе врагамъ славянства, въ томъ числѣ и чешскаго народа.

Важнѣйшая литература:

В. Н. Щепкинъ, Славянское возрожденіе (Книга для чтенія по исторіи новаго времени, томъ IV).

J. Maly, Naše znovuzrožəní. Př·hled národního života českého za posledního půlstoleti. V Praze 1860.

L. Leger, La renaîssance Tcheque·aux dix-neuvième siecle. Paris 1911.

E. Denis, La Bohême depuis la Montagne Blanche. B. II. Le réveil. Revolution et récreation. Vers le federalisme. Paris 1912.
Kalousek, Ceské státní právo.
Oswald Balzer, Historya ustroju Austryi. Lwów 1899.

XIX.

Чехія въ составѣ Австро-Венгріи.

Положеніе Чехіи въ составѣ Австро-Венгріи по конституціи 1867 г. Въ силу соглашенія съ Венгріею прежняя единая Габсбурсская держава превратилась въ постоянный союзъ двухъ самостоятельныхъ государствъ— Австріи, или Австрійской имперіи, и королевства Венгерскаго, Цислейтаніи и Транслейтаніи. Первое изъ этихъ государствъ составили семнадцать «королевствъ и земель, представленныхъ въ рейхсратѣ», а именно: Австрія Верхняя и Нижняя, Зальцбургъ, Тироль, Форарльбергъ, Штирія, Каринтія, Крайна, Горица съ Градишкою, Истрія, Тріестъ, Далмація, Чехія, Моравія, Силезія, Галиція и Буковина. Такимъ образомъ земли короны св. Вацлава вошли въ составъ Австріи не въ объединенномъ, а въ разбитомъ видѣ, въ видѣ трехъ частей, а не въ видѣ единаго королевства Чешскаго, вопреки желаніямъ чеховъ.

Всѣ эти семнадцать королевствъ и земель въ идеѣ признаны были какъ бы отдѣльными государственными единицами, каждая съ своей конституціею и съ извѣстною полнотою законодательной власти, принадлежащей сеймамъ совмѣстно съ монархомъ. Но эта идея не проведена послѣдовательно и до конца въ конституціи 1867 г. Прежде всего для гражданъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ земель признается достаточнымъ одно *австрійское* подданство, такъ что отдѣльнаго подданства, чешскаго, напр., не существуетъ. Затѣмъ: конституція 1867 года, признавъ въ принципѣ равноправіе всѣхъ языковъ, употребляющихся въ той или другой области, не признала никакихъ особыхъ правъ за народностями, преобладающими въ той или другой области и имѣющими основаніе считать ее своимъ національнымъ достояніемъ. Далѣе: учреждая въ каждой области законодательныя учрежденія—сеймы, или ландтаги, съ исполнительными органами—комитетами («земскій выборъ» въ Чехіи), конституція 1867 года перенесла въ общій парламентъ-рейхсратъ не только всѣ законодательные вопросы, касающіеся Австріи, какъ совокупности земель, но и общія всѣмъ землямъ, оставивъ сеймамъ сравнительно узкое поле дѣятельности.

Къ компетенціи рейхсрата были отнесены: судебные уставы, торговые, банковые, о мѣрахъ и вѣсахъ, санитарные, вѣроисповѣдные, университетскіе, уставы гимназій и народныхъ училищъ, инструкціи для чиновниковъ и судей, законодательство о правахъ гражданства, объ иностранцахъ, о паспортахъ, подтвержденіе торговыхъ договоровъ и т. д. Къ компетенціи мѣстныхъ сеймовъ-ландтаговъ отнесены всѣ остальныя дѣла, не обозначенныя прямо въ компетенціи рейхсрата. Въ этомъ разграниченіи правъ рейхсрата и мѣстныхъ сеймовъ не было, однако, ничего принципіальнаго и законченнаго, и сеймамъ предоставлены были нѣкоторыя дѣла, имѣвшія не меньшее значеніе, чѣмъ только что перечисленныя. Такимъ образомъ, напр., законодательство о реальныхъ училищахъ, политехникумахъ, земледѣльческихъ, промышленныхъ, торговыхъ и художественныхъ академіяхъ, горныхъ, музыкальныхъ и др. училищахъ отнесено было къ компетенціи ландтаговъ, такъ же какъ и всѣ вопросы, касающіеся обработки и эксплуатаціи земли, водное и охотничье законодательство, земскій уставъ, законы, опредѣляющіе выборы въ сеймъ и т. д., и т. д. Въ общемъ можно сказать, что сеймы не были координированы внутренне съ рейхсратомъ: въ однихъ дѣлахъ они должны были раздѣлять свою законодательную власть только съ монархомъ, стоя рядомъ съ рейхсратомъ, въ другихъ—развивать положенія, начертанныя общеимперскимъ законодательствомъ рейхсрата и монарха, являясь такимъ образомъ въ подчиненномъ къ рейхсрату положеніи. Составъ сеймовъ остался въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ опредѣлили его земская ординація и избирательный уставъ, приложенные къ февральскому патенту 1861 года. Въ этотъ составъ входятъ по званію архіепископы, епископы и ректоры университетовъ, по выбору—депутаты, избираемые въ нѣсколькихъ куріяхъ. Къ первой куріи принадлежатъ крупные землевладѣльцы, платящіе не менѣе 100 гульденовъ поземельнаго налога; ко второй—жители извѣстныхъ городовъ, поименно перечисляемыхъ, на основаніи податного и профессіональнаго ценза (адвокаты, врачи и т. д.); къ третьей—члены торговыхъ и промышленныхъ палатъ; къ четвертой—обыватели остальныхъ общинъ, городскихъ и сельскихъ, на основаніи податного ценза. Первыя три куріи производятъ выборы депутатовъ непосредственно, четвертая—черезъ начальниковъ общинъ и членовъ общинныхъ комитетовъ. Такимъ образомъ государственное устройство Австріи вылилось въ своеобразную форму, представляющую неорганическое сочетаніе централизма и автономизма, съ перевѣсомъ, впрочемъ, въ сторону централизма. Точка зрѣнія на отдѣльныя «королевства и земли» въ этомъ строѣ шаткая, неустойчивая: съ одной стороны это государственныя единицы, съ особыми конституціями, съ полнотою законодательства; съ другой — это только «историко-политическія индивидуальности».

Чешскіе политическіе дѣятели не могли не почувствовать острую боль обиды отъ того положенія, какое удѣлено было въ Австрійской имперіи

«преславному королевству Чешскому». Это королевство имѣло не меньшія историческія права, какъ и Венгрія. А между тѣмъ какая оказалась огромная разница въ ихъ положеніи! Земли короны св. Стефана, т.-е. Венгрія, Седмиградье (Трансильванія), Хорватія и Славонія осоюзились съ Австріею въ своемъ историческомъ единствѣ, на правахъ особаго государства, свободнаго и самостоятельнаго во внутреннемъ своемъ устроеніи, дѣйствующаго по соглашенію съ Австріею въ дѣлахъ, требующихъ одинаковаго рѣшенія вслѣдствіе установившагося постояннаго союза. Конституція 1867 года разумѣла тутъ дѣла, относящіяся до торговли, таможенныхъ пошлинъ, косвенныхъ налоговъ, денежнаго обращенія и монетной системы, желѣзнодорожныхъ сообщеній, поскольку ими затрогиваются интересы обоихъ государствъ, мѣръ по оборонѣ, несенія общихъ расходовъ. Для достиженія согласныхъ рѣшеній въ обоихъ парламентахъ правительства Австріи и Венгріи должны были предварительно уговариваться между собою и входить съ соотвѣтствующими предложеніями въ свой парламентъ. Санкціи монарха подлежали только одинаковыя постановленія обоихъ парламентовъ, не расходящіяся въ своихъ основаніяхъ. Такимъ образомъ Венгерское королевство поставлено было на равную ногу съ Австріею, разумѣя подъ этимъ именемъ всю совокупность земель, представленныхъ въ рейхсратѣ. То же равноправіе установлено было и въ отношеніи состава и дѣятельности того органа, который призванъ былъ рѣшать общія дѣла Австріи и Венгріи—внѣшней политики, военнаго и морского устройства, общихъ расходовъ и налоговъ. Я разумѣю делегаціи отъ австрійскаго рейхсрата и венгерскаго сейма. Каждая изъ этихъ делегацій состоитъ изъ одинаковаго числа членовъ (20 отъ верхней палаты и 40 отъ нижней), засѣдаетъ и обсуждаетъ вопросы отдѣльно, письменно сносясь съ другою делегаціею, при чемъ императоръ санкціонируетъ опять таки только такія рѣшенія, по которымъ достигнуто полное согласіе обѣихъ делегацій. Только въ томъ случаѣ, если послѣ троекратныхъ письменныхъ сношеній не состоится соглашенія, имѣетъ мѣсто соединенное засѣданіе обѣихъ делегацій, на которомъ дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ, при чемъ предсѣдательствуютъ президіумы обѣихъ делегацій по очереди, знаменуя опять-таки равенство Венгріи съ Австріею. Отъ такого равенства съ Австріею далека была Чехія, въ сущности инкорпорированная въ Австрію, признанная только частью Австріи, ея автономною провинціею, наравнѣ съ такими частями, какъ напр., Тироль, Зальцбургъ, и даже такими землями, которыя нѣкогда были частями королевства Чешскаго (Моравія, Силезія).

Протесты чеховъ и требованія расширенія государственныхъ правъ Чехіи. Чехи не могли сдержать своихъ чувствъ, не могли не выразить протеста противъ униженія своей страны: Національное чувство было приподнято и выразилось ярко въ торжественной закладкѣ въ маѣ 1868 года Національнаго театра, сооружавшагося на народныя пожертвованія. Когда прибылъ въ Прагу Францъ-Іосифъ для участія въ торжествѣ освя-

щенія новаго моста черезъ Влтаву, назначенномъ на 21 іюня (въ день печальныхъ для чеховъ воспоминаній о казни чешскихъ патріотовъ), чехи манифестировали свои чувства, отсутствуя на торжествѣ. Когда же императоръ отклонилъ декларацію чешскаго сейма, настаивавшую на возстановленіи «тріединаго» королевства Чехіи, Моравіи и Силезіи и отмѣнилъ обязательное преподаваніе чешскаго языка въ нѣмецкихъ школахъ Чехіи, въ Прагѣ вспыхнули безпорядки. Надо сказать, что уже со времени изданія октябрьскаго диплома 1860 года въ Чехіи шло сильное общественное движеніе: возникали и собирались многочисленныя пѣвческія и сокольскія (гимнастическія) общества, открывались читальни и клубы (besedy), проникнутые національнымъ духомъ, собирались митинги подъ открытымъ небомъ (tábor lidu). Общество, такимъ образомъ, было уже достаточно возбуждено и подготовлено къ выраженію своихъ чувствъ. Правительство 10 октября 1868 года объявило осадное положеніе въ Прагѣ. Печать подвергалась преслѣдованіямъ, редакторовъ присуждали къ тюремному заключенію, граждане карались штрафами, тюремнымъ заключеніемъ, постоемъ солдатъ.

Не смотря на это оппозиціонный духъ все болѣе и болѣе усиливался въ Чехіи, а чешскій сеймъ въ 1870 году снова подтвердилъ требованіе о созданіи для Чешскаго королевства такого же положенія, какое отведено было Венгріи. Такъ какъ аналогичныя движенія произошли и въ другихъ частяхъ имперіи, въ Далмаціи и Галиціи, правительство вынуждено было пойти навстрѣчу національнымъ требованіямъ чеховъ и принять мѣры къ тому, чтобы сломить упорное противодѣйствіе нѣмецкихъ централистовъ въ рейхсратѣ путемъ его роспуска и новыхъ выборовъ. Въ рескриптѣ 12 сентября 1870 года, данномъ собравшемуся чешскому сейму, императоръ, «помня государственно-правовое положеніе короны Чехіи и тотъ блескъ и могущество, которые она доставила Габсбургамъ», торжественно обѣщалъ (уже въ третій разъ) подтвердить своимъ коронованіемъ автономныя права Чехіи и просилъ сеймъ дѣйствовать въ духѣ умѣренности и примиренія. На разсмотрѣніе сейма предложенъ былъ выработанный министерствомъ гр. Гогенварта сообща съ чешскими дѣятелями—гр. Генрихомъ Кламъ-Мартиницемъ и барономъ Ригеромъ законопроектъ, устанавливавшій полное равноправіе нѣмецкой и чешской народностей въ королевствѣ и требовавшій отъ всѣхъ правительственныхъ лицъ въ Чехіи знанія обоихъ земскихъ языковъ. Сеймъ согласно этому законодательству долженъ былъ впредь состоять изъ двухъ національныхъ курій, которыя большинствомъ двухъ третей могли отвергать всякій законопроектъ, представлявшійся имъ вреднымъ для ихъ народности. Одновременно съ этимъ на обсужденіе сейма была внесена «основная статья», устанавливавшая принципъ федералистическаго соединенія Чехіи съ имперіей. Согласно этой статьѣ кругъ дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію рейхсрата, куда делегировались члены сейма, впредь долженъ былъ ограничиваться немногими обще-государ-

ственными вопросами; Чехія должна была участвовать въ расходахъ государства путемъ внесенія извѣстной доли расходнаго бюджета; для примиренія споровъ между Чехіею и другими землями, для обсужденія государственныхъ договоровъ и т. д. проектировалось учрежденіе сената. Всѣ эти положенія, распространяемыя и на другія земли, должны были поставить Чехію на равную ногу съ Венгріею и превратить Австрійскую имперію въ федерацію не двухъ, а многихъ государствъ.

Торжество нѣмецкой партіи и неудача политическихъ притязаній чеховъ. Нѣмецкіе націоналисты не могли помириться съ такою программою и завязали сношенія съ Берлиномъ, который въ то время, послѣ побѣды надъ Франціею, сталъ средоточіемъ и оплотомъ пангерманскихъ чувствъ и вожделѣній. Членъ рейхсрата отъ Верхней Австріи баронъ Вейхсъ писалъ гр. Герберту Бисмарку, что министерство Гогенварта стремится окончательно отстранить нѣмецкій элементъ отъ руководящей роли и замѣнить его славянскимъ, что въ интересахъ Германской имперіи лежитъ сохраненіе Австро-Венгріи подъ властью нѣмцевъ и мадьяръ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и мадьяры, и прусская дипломатія. Работа этой дипломатіи и нѣмецко-австрійскихъ націоналистовъ не прошла даромъ. Въ августѣ 1871 года произошло свиданіе въ Ишлѣ императоровъ Франца-Іосифа и Вильгельма I, а въ октябрѣ того же года пало министерство Гогенварта, и прекратились всѣ попытки къ устройству проектированой федераціи. Волненія, происшедшія въ связи съ этимъ въ Чехіи, вызвали вновь установленіе тамъ военнаго режима и всевозможныя репрессіи. Единственныя уступки, сдѣланныя въ то время чехамъ, касались распространенія чешскаго языка въ преподаваніи; между прочимъ въ Пражскомъ университетѣ была учреждена чешская доцентура, подготовившая созданіе полнаго чешскаго университета.

Чтобы освободить центральный законодательный органъ отъ воздѣйствія сеймовъ, осуществлявшихъ собою какъ никакъ автономію земель и проникнутыхъ соотвѣтствующими чувствами и стремленіями, правительство въ 1873 году провело новый избирательный законъ, въ силу котораго рейхсратъ долженъ былъ пополняться не делегатами отъ сеймовъ, а депутатами непосредственно избранными населеніемъ въ количествѣ 353 человѣкъ. Эта реформа сглаживала внутреннія политическія перегородки и рѣзче выдвигала рейхсратъ, какъ общеавстрійское учрежденіе. Чехи протестовали и черезъ кн. Юрія Лобковица подали императору петицію, покрытую сотнями тысячъ подписей, о сохраненіи прежняго порядка пополненія рейхсрата. Это не привело, однако, ни къ какимъ результатамъ. Тогда чехи прибѣгли къ пассивному неповиновенію: депутаты, избранные въ рейхсратъ, не шли туда, равно какъ и сеймовые депутаты; когда же за это стали лишать ихъ мандатовъ и назначать новые выборы, чехи снова избирали тѣхъ же самыхъ депутатовъ. Эта пассивная оппозиція продолжалась до тѣхъ поръ, пока чехи не увидали, что ихъ отсутствіе на сеймѣ

и въ рейхсратѣ наноситъ ущербъ не только противникамъ, но и самой Чехіи и ея интересамъ. Въ 1878 году чешскіе депутаты заняли свои мѣста на сеймѣ, сдѣлавъ предварительно заявленіе, что они явились на сеймъ только для того, чтобы испробовать, принесетъ ли какіе плоды ихъ примирительное настроеніе. Въ слѣдующемъ году чешскіе депутаты вошли въ рейхсратъ, сдѣлавъ предварительно заявленіе о нерушимости историческаго государственнаго права Чехіи. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, нѣмцамъ удалось заставить чеховъ такъ или иначе подчиниться новому государственному строю, созданному въ 1867 и въ ближайшіе послѣ того годы.

Уступки чехамъ въ національномъ вопросѣ. Какъ бы въ награду за это правительство сдѣлало чехамъ рядъ уступокъ въ національномъ вопросѣ. Въ октябрѣ 1879 года чехи подали императору докладную записку, въ которой настаивали на равноправіи чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ Пражскомъ университетѣ, въ среднихъ школахъ, судѣ и администраціи. Правительство отвѣтило на это «распоряженіями объ языкахъ» (Sprachverordnungen) 19 апр. 1880 г. По смыслу этихъ распоряженій суды и администрація должны были отвѣчать сторонамъ на томъ языкѣ, на какомъ онѣ обращались къ учрежденіямъ. Чехи остались не совсѣмъ довольны этими распоряженіями; но въ особенности возмущены были нѣмцы, состоявшіе на государственной службѣ, которымъ предстояло теперь обучаться чешскому языку, и въ рейхсратѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на этой почвѣ происходила страшная борьба нѣмцевъ съ чехами и правительствомъ. Крупнымъ національнымъ пріобрѣтеніемъ чеховъ было раздѣленіе стараго Пражскаго университета на нѣмецкій и чешскій, принятое въ 1881 году обѣими палатами рейхсрата и осуществленное въ слѣдующемъ же 1882 году. Чешскій сеймъ, въ которомъ получили перевѣсъ автономисты, съ своей стороны всячески содѣйствовалъ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ и потребностей: учрежденъ былъ земскій банкъ, выстроено было великолѣпное зданіе Чешскаго Музея, реформированы и улучшены профессіональныя школы, изданы драгоцѣнные памятники чешской исторіи.

Противодѣйствіе нѣмцевъ и неудачная попытка гр. Таафе помирить чеховъ и нѣмцевъ. Нѣмцы были крайне недовольны этимъ оборотомъ дѣлъ, который не только лишалъ ихъ преобладанія, но и грозилъ поглощеніемъ въ тѣхъ частяхъ Австріи, гдѣ они составляли меньшинство. Они повели страстную борьбу противъ министровъ, которые держались политики національныхъ уступокъ славянамъ, и всячески старались отстоять преобладаніе германизма въ имперіи, а въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ—отдѣлиться, обособиться отъ славянъ и занять привилегированное положеніе. Въ рейхсратѣ поборникомъ германизма явились члены «Нѣмецкаго клуба», организовавшагося въ 1885 году, затѣмъ члены «Нѣмецко-австрійскаго клуба», возникшаго въ 1888 году. Въ 1886 году баронъ Шаршмидъ внесъ въ палату депутатовъ законопроектъ, подписанный

116 членами рейхсрата, въ которомъ требовалъ введенія нѣмецкаго языка во внутреннюю переписку всѣхъ вѣдомствъ, въ пренія рейхсрата и въ изданіе оффиціальныхъ книгъ. Въ то же время нѣмецкіе депутаты чешскаго сейма выступили съ предложеніемъ раздѣлить королевство на двѣ административныя области, съ преобладающимъ чешскимъ и съ преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ регулировать употребленіе языковъ. Когда же эти притязанія не нашли себѣ сочувствія на сеймѣ, депутаты-нѣмцы покинули его и бойкотировали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1889 году нѣмцы, депутаты рейхсрата, выразили намѣреніе послѣдовать своимъ соплеменникамъ въ Чехіи и въ полномъ составѣ выйти изъ рейхсрата. Это обстоятельство заставило графа Таафе, тогдашняго перваго министра, предпринять рѣшительные шаги къ примиренію національностей. Въ началѣ 1890 года собралась парламентская коммиссія, которая выработала нѣкоторыя положенія въ духѣ обезпеченія національной жизни обѣихъ народностей, чеховъ и нѣмцевъ. Именно, школьный совѣтъ, вѣдавшій дѣло народнаго образованія въ Чехіи, раздѣлялся на два отдѣла, чешскій и нѣмецкій; въ областяхъ, гдѣ имѣлось національное меньшинство, допускалось образованіе отдѣльной для него школы, если наберется не менѣе 40 человѣкъ; судебныя и административныя округа предполагалось разграничить такимъ образомъ, чтобы они охватывали населеніе только одной національности и т. д. Хотя это соглашеніе не встрѣтило сочувствія въ радикальной, такъ называемой младо-чешской партіи, тѣмъ не менѣе правительство сочло его состоявшимся и начало проводить черезъ сеймъ, на который явились теперь и нѣмецкіе депутаты. Такимъ образомъ въ іюнѣ 1890 года прошелъ и былъ утвержденъ императоромъ законъ о раздѣленіи школьнаго совѣта королевства на два національныхъ отдѣла; въ январѣ 1891 года, вопреки нѣмцамъ, прошелъ законъ, по которому во главѣ этого совѣта могли стоять только лица, владѣющія обоими языками и т. д. Но начавшееся разграниченіе административныхъ и судебныхъ округовъ по національности населенія вызвало не только протесты, но и волненія въ Чехіи, демонстраціи и стычки съ нѣмцами на улицахъ, что въ свою очередь привело къ объявленію осаднаго положенія въ Прагѣ и окрестностяхъ въ сентябрѣ 1893 года. Примирительныя попытки гр. Таафе потерпѣли фіаско, что въ связи съ другими неудачами вынудило его выйти въ отставку (въ ноябрѣ 1893 года).

Распоряженія гр. Бадени о языкахъ и безпорядки въ Вѣнѣ и Прагѣ; распоряженія о языкахъ Гауча и ихъ безрезультатность. Попытку примирить національныя стремленія чеховъ и нѣмцевъ предпринялъ вновь графъ Казимиръ Бадени, назначенный премьеръ-министромъ съ 29 сентября 1895 года. По совѣту младо-чеховъ и заручившись содѣйствіемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ депутатовъ (христіанскихъ соціалистовъ), Бадени 5 апрѣля 1897 года издалъ распоряженія объ употребленіи языковъ, подтверждав-

шія распоряженія 1880 г., которыя на практикѣ не выполнялись. Въ силу этихъ распоряженій учрежденія, подвѣдомственныя министерствамъ финансовъ, торговли и земледѣлія, а также суды должны были въ своей перепискѣ пользоваться тѣмъ языкомъ, на какомъ было подано прошеніе или сдѣлано устное заявленіе, а отъ чиновниковъ Чехіи и Моравіи требовалось, слѣдовательно, знаніе обоихъ земскихъ языковъ. Эти распоряженія вызвали бурю негодованія въ нѣмцахъ. Въ Теплицѣ, Эгерѣ, Клагенфуртѣ и другихъ нѣмецкихъ центрахъ состоялись многолюдные митинги, на которыхъ произносились горячія рѣчи противъ Бадени. Ораторы обращали свои взоры и на сосѣднюю Германію, взывая туда о помощи. «Неужели мы перестали быть вѣчно свѣжей и зеленѣющею вѣтвью великаго братскаго народа — нѣмецкаго, который живетъ за тѣми горами, составляющими нашу границу?» — вопрошалъ бургомистръ Теплица. Въ Дрезденѣ состоялся съѣздъ всенѣмецкой партіи подъ предсѣдательствомъ ея лидера Шёнерера, на которомъ произносились подобныя же рѣчи. Когда въ ноябрѣ собрался рейхсратъ, въ засѣданіяхъ его стали происходить такіе скандалы, какихъ еще не бывало въ парламентской жизни Австріи,—обструкціонныя рѣчи, стучаніе въ пюпитры, перебранки и даже драки, постоянный шумъ и т. д. Безпорядки перенеслись на улицу, гдѣ передъ парламентомъ въ теченіе трехъ дней устраивались грандіозныя манифестаціи нѣмцевъ, требовавшихъ отставки Бадени. Вѣна производила впечатлѣніе города, охваченнаго революціею. Императору не оставалось ничего другого, какъ только принять отставку Бадени и отсрочить сессію рейхсрата. Вѣна успокоилась. Но въ Прагѣ паденіе Бадени вызвало чрезвычайныя волненія и уличные безпорядки, погромъ нѣмецкихъ лавокъ и зданій, такъ что снова потребовалось ввести исключительное положеніе (2 декабря), которое, впрочемъ, скоро было снято новымъ премьеръ-министромъ Гаучемъ, желавшимъ управлять конституціонно.— Борьба перешла затѣмъ на чешскій сеймъ, собравшійся въ январѣ 1898 года. Чехи настаивали на сохраненіи Баденіевскихъ распоряженій объ языкахъ; нѣмцы, особенно пангерманистъ Вольфъ, наоборотъ—настаивали на полной ихъ отмѣнѣ. Большинствомъ было рѣшено передать дѣло въ коммиссію. Но при разгорѣвшихся страстяхъ нельзя было ожидать никакого соглашенія. Эти страсти проявлялись и внѣ сейма. Нѣмецкіе студенты-корпоранты вели себя крайне вызывающе, и между студенчествомъ обѣихъ національностей происходили прямыя побоища. Нѣмецкихъ студентовъ поддерживали коллеги изъ другихъ университетовъ. Когда чешское большинство сейма хотѣло провести адресъ коронѣ, выражавшій пожеланія чеховъ и пренебрегавшій требованіями нѣмцевъ, нѣмецкіе депутаты покинули сеймъ (26 февраля 1898 года). Тогда министръ Гаучъ рѣшилъ разрубить затянувшійся гордіевъ узелъ и собственною властью, «предварительно законодательнаго разрѣшенія», издалъ въ отмѣну постановленій Бадени новыя распоряженія объ употребленіи мѣстныхъ

языковъ (5 марта 1898 года). Въ силу этихъ распоряженій оффиціальнымъ и служебнымъ языкомъ (Amts- und Dienstsprache) властей долженъ былъ служить тотъ земскій языкъ, который признаетъ своимъ на основаніи послѣдней переписи наличное населеніе административнаго округа, а въ округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ должны были употребляться оба земскихъ языка. Но подобныя распоряженія не только не распутывали, но еще болѣе запутывали образовавшійся узелъ. Гаучъ, не достигнувъ примиренія, вышелъ въ отставку.

Національная вражда не только не ослабѣла, но все болѣе и болѣе разгоралась. Въ Чехіи лѣтомъ 1898 года происходила закладка памятника Палацкому, которая пріобрѣла характеръ всеславянскаго торжества. Въ Краковѣ столѣтіе со дня рожденія Мицкевича также ознаменовалось торжествами, имѣвшими характеръ славянскаго единенія, особенно между чехами и поляками. Все это страшно будоражило австрійскихъ нѣмцевъ. Въ маѣ 1899 года нѣмецкія партіи выработали единую національную программу, которая признавала нѣмецкій языкъ не только языкомъ сношеній властей разныхъ земель Австріи, но и языкомъ внутренняго управленія земель (кромѣ Галиціи и Южнаго Тироля); вопросъ объ употребленіи чешскаго языка въ чешскихъ округахъ Богеміи программа предлагала подвергнуть обсужденію. Какъ бы исполняя эту программу, министерство гр. Кларп Альдрингена 14 окт. 1899 года отмѣнило распоряженіе о языкахъ Гауча и возстановило положеніе вещей, бывшее до Бадени, обѣщая въ ближайшемъ будущемъ регулировать употребленіе языковъ въ управленіи въ законодательномъ порядкѣ.

Новый избирательный законъ и надежды на прекращеніе національной борьбы. Всѣ эти чередовавшіяся постановленія и отмѣны вносили хаосъ въ государственную жизнь Австріи и все болѣе и болѣе распаляли политическія страсти, вызывая какъ въ рейхсратѣ, такъ и на сеймахъ всевозможные скандалы, протесты и обструкціи. Національная борьба осложнилась борьбою за всеобщее избирательное право, на введеніи котораго настаивали соціалъ-демократы и другія радикальныя партіи. Послѣ неудачъ, которыя потерпѣли на этой почвѣ министры Гаучъ и кн. Гогенлоэ, въ началѣ января 1907 года прошелъ и удостоился санкціи проектъ, выработанный коммиссіею рейхсрата въ министерство барона Бека. По новому закону число депутатовъ было установлено 516; на долю нѣмцевъ приходилось 233 мѣста, ненѣмецкія національности получили 283 депутатскихъ мѣста, такъ что ихъ совмѣстная дѣятельность могла парализовать засилье германизма.

Съ помощью новаго избирательнаго закона правительство Австріи надѣялось внести миръ во внутреннія національныя отношенія. Въ новый «народный» парламентъ Австріи привлекались такіе элементы, которые ставили себѣ задачею устроеніе соціальной жизни, для которыхъ вопросы національности имѣли второстепенное значеніе. Этотъ правительственный

оптимизмъ сказался между прочимъ и въ рескриптѣ Франца-Іосифа на имя намѣстника Чехіи Куденгофа. «Пришло время,—гласилъ этотъ рескриптъ,—когда оба народа, укрѣпленные въ своей національной обособленности, могутъ подать другъ другу руки для совмѣстной работы». Императоръ взывалъ къ забвенію всего того, что раздѣляетъ оба народа, и что мѣшаетъ имъ развить во всей полнотѣ свои силы, къ великому ущербу для государства. Но какъ нѣмцы, такъ и чехи остались глухи къ этимъ призывамъ.

Пражская выставка и славянскій съѣздъ 1908 года; возобновленіе національной борьбы въ Чехіи и обструкція на сеймѣ и въ рейхсратѣ. Въ іюнѣ 1908 года въ Прагѣ по случаю выставки собрался первый славянскій съѣздъ, постановившій своею задачею культурное и экономическое объединеніе славянства. Хотя и въ предшествовавшіе годы въ Чехіи устраивались съѣзды представителей различныхъ славянскихъ народовъ, «слеты» соколовъ, съѣзды по случаю закладки или открытія національныхъ памятниковъ, но съѣздъ 1908 года превзошелъ все, что происходило доселѣ: на немъ участвовали и сербы, и болгары, и русскіе; и затѣмъ, хотя съѣздъ выставилъ на своемъ знамени установленіе только культурной взаимности славянъ, однако не подлежало сомнѣнію, что за культурной должна была послѣдовать и политическая взаимность (не даромъ съѣздъ занимался улаженіемъ польско-русскихъ отношеній). Это движеніе, окрещенное именемъ «неославизма», сильно возбудило нѣмецкіе круги Австріи, которые увидѣли въ немъ возродившійся «панславизмъ», и это не могло не отразиться и на внутренней политической жизни Австріи. Съ одной стороны нѣмецкіе депутаты путемъ обструкціи старались парализовать всякую дѣятельность чешскаго сейма, въ которой усматривали засилье чеховъ, между прочимъ стремились провалить законопроектъ о выборахъ въ чешскій сеймъ, который имѣлъ тенденцію еще болѣе усилить чешское большинство. Въ связи съ этою обструкціею, а также въ связи съ аннексіею Босніи и Герцеговины, въ которой чехи совершенно справедливо увидали новый этапъ по пути Германіи на востокъ, въ Прагѣ произошли крупные безпорядки, вызвавшіе объявленіе военнаго положенія (съ 2 декабря по 15-е 1908 года). Послѣ того чехи на обструкцію нѣмцевъ въ сеймѣ стали отвѣчать обструкціею въ рейхсратѣ. Вождь младо-чеховъ Крамаржъ сумѣлъ объединить вокругъ чешскихъ депутатовъ рейхсрата представителей другихъ славянскихъ народностей, кромѣ поляковъ (Slovanská jednota), и всѣ вмѣстѣ они образовали внушительную силу въ 125 голосовъ, которые и стали отстаивать національные интересы славянства. Попытки, исходившія отъ правительства и частью отъ парламентскихъ дѣятелей, примирить враждующихъ и такъ или иначе разрѣшить вопросъ о языкахъ, не привели ни къ какимъ результатамъ. Такъ какъ нѣмецкая обструкція совершенно парализовала дѣятельность чешскаго сейма, то и исполнительный органъ этого сейма—«выборъ» (комитетъ), лишился матеріальныхъ средствъ и не

могъ надлежащимъ образомъ выполнять своихъ обязанностей по удовлетворенію текущихъ нуждъ страны. Вслѣдствіе этого правительство сочло себя вынужденнымъ учредить взамѣнъ сеймоваго комитета исполнительную земскую комиссію изъ чиновниковъ, во главѣ которой былъ поставленъ графъ Шенборнъ (въ іюлѣ 1913 года). Такимъ образомъ въ Чехіи прекратилась даже дѣятельность органовъ, которые были выразителями ея автономіи въ предѣлахъ, отведенныхъ конституціею 1867 года.

Новая правительственная попытка 1914 года къ примиренію чеховъ и нѣмцевъ и ея неудача. Такое положеніе не могло быть терпимо долгое время, и правительство сдѣлало новую попытку разрѣшенія чешско-нѣмецкой расприи. Въ январѣ 1914 года оно опубликовало проектъ новаго закона объ языкахъ, который въ главныхъ чертахъ сводился къ слѣдующему: языкомъ правительственныхъ органовъ въ каждомъ округѣ Чехіи долженъ быть тотъ, на которомъ говоритъ большинство населенія; въ округахъ, гдѣ меньшинство населенія составляетъ не менѣе 35%, внутреннимъ правительственнымъ языкомъ служитъ языкъ большинства, а во внѣшнихъ сношеніяхъ власти съ гражданами употребляются оба языка; оба языка признаются оффиціальными въ тѣхъ управленіяхъ, дѣятельность которыхъ распространяется на все королевство; каждому гражданину предоставляется право въ предѣлахъ всего королевства подавать заявленія и требовать отвѣтовъ и на другомъ земскомъ языкѣ. Этотъ проектъ, стремившійся удовлетворить всевозможнымъ претензіямъ, натолкнулся, однако, на рѣзкій отпоръ какъ со стороны нѣмцевъ, такъ и со стороны чеховъ. Для нѣмцевъ проектъ былъ непріемлемъ потому, что исключалъ признаніе замкнутыхъ нѣмецкихъ районовъ съ закономѣрностью только нѣмецкаго языка, раздѣленіе государственныхъ учрежденій и чиновничьяго персонала на нѣмецкіе и чешскіе; для чеховъ проектъ былъ непріемлемъ потому, что нарушалъ общій принципъ равноправія обоихъ языковъ во всемъ Чешскомъ королевствѣ. Въ разгорѣвшейся борьбѣ приняли участіе нѣмецкіе и чешскіе университетъ и политехникумъ Чехіи, выступившіе съ соотвѣтственными заявленіями. Неудача переговоровъ повела къ парламентской обструкціи въ Вѣнѣ, вслѣдствіе чего пришлось закрыть сессію рейхсрата на неопредѣленное время. Такъ и остался нерѣшеннымъ вопросъ объ языкахъ въ Чехіи до самой великой европейской войны...

Рессурсы чешскаго народа въ національный борьбѣ. Итакъ, съ 1879 года и до нашихъ дней чехи вели борьбу преимущественно за права своего національнаго языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и преподаваніи. Необыкновенное упорство и энергія, которую они при этомъ обнаружили, свидѣтельствуютъ о сильномъ развитіи національнаго самочувствія и самосознанія въ чешскомъ обществѣ. Чешскій языкъ, какъ наивысшая культурная цѣнность и историческая святыня чешскаго народа, служилъ знаменемъ, около котораго концентрировались всѣ задушевныя чаянія и

желанія чешскаго народа, какъ единаго цѣлаго. Развитое національное самочувствіе и самосознаніе въ свою очередь стоятъ въ связи съ численностью чешскаго народа, его матеріальнымъ благосостояніемъ и просвѣщенностью и его общественною организованностью.

Его численность. Не смотря на всѣ неблагопріятныя условія и обстоятельства, живя въ странѣ, полуостровомъ врѣзывающейся въ германское море, постоянно захватываемой волнами этого моря, подвергавшейся нѣсколько разъ погромамъ и разореніямъ, живучая и стойкая чешская раса до нашихъ дней сохранила численное преобладаніе на своей исконной территоріи, т.-е. въ Богеміи и Моравіи. На западѣ, сѣверо-западѣ и сѣверѣ Богеміи есть округа, населенные нѣмцами, но и эти округа перерѣзаны многочисленными чешскими островами. Въ общемъ въ 1910 году на $2\frac{1}{2}$ милл. (2.467.724) нѣмцевъ и евреевъ приходилось въ Богеміи $4^1/_4$ милл. (4.241.918) чеховъ; въ Моравіи отношеніе было приблизительно такое же (изъ 2.604.857 чел. 1.868.971 принадлежало къ чехамъ и словакамъ). По даннымъ 1910 года около $^2/_5$ (40,82%) чеховъ Богеміи жили сельскимъ хозяйствомъ, почти столько же (37,10%)—промышленностью, около $^1/_{10}$ (10,3%)—торговлею и транспортомъ, около $^1/_9$ (11,78%)—общественною и государственною службою и свободными профессіями; въ Моравіи сельскимъ хозяйствомъ жило болѣе половины чеховъ (51,62%), около $^1/_3$ (31,84%)—промышленностью, около $^1/_{20}$ (4,97%)—торговлею и транспортомъ, остальные—общественною и государственною службою и свободными профессіями.

Развитіе землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Сельскимъ хозяйствомъ живетъ многочисленный классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ-крестьянъ и немногочисленный сравнительно, но превалирующій по размѣрамъ владѣемой земельной площади классъ среднихъ и крупныхъ помѣщиковъ-дворянъ, пользующихся наемнымъ трудомъ рабочихъ-батраковъ. Въ Богеміи въ 1910 году мелкихъ крестьянскихъ владѣній величиною не свыше 5 гектаровъ было 703.577, и они составляли 80,9% всей земельной собственности, охватывая въ то же время только 12,5% культурной площади; въ Моравіи такихъ владѣній было 203.239 и вмѣстѣ съ 63.718 участками размѣромъ до 20 гек. они составляли 95% всей земельной собственности. Не смотря на малую величину своихъ земельныхъ владѣній чешское крестьянство крѣпко стоитъ на своихъ ногахъ, привязано къ своей землѣ, къ своему очагу и одушевлено національнымъ чувствомъ не меньше, чѣмъ другія сословія и профессіи. На своихъ клочкахъ земли оно ведетъ интенсивную земледѣльческую культуру, доставляющую ему не только безбѣдное существованіе, но и значительный достатокъ. То же самое справедливо и относительно средняго помѣщичьяго землевладѣнія, поскольку оно находится въ рукахъ чеховъ. Интенсивная культура и матеріальное благосостояніе крестьянскаго и помѣщичьяго класса стоятъ въ связи съ распространеніемъ въ ихъ средѣ сельско-хозяйственныхъ знаній и коопераціи.

Мы видѣли, что уже въ XVIII вѣкѣ Марія-Терезія прилагала заботы къ развитію сельскаго хозяйства въ Чехіи и съ-этою цѣлью учредила каѳедру агрономіи въ Пражскомъ университетѣ. Первымъ ученымъ обществомъ въ Чехіи было земледѣльческое, которое поставило своею цѣлью распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ. Такія же общества возникали и позднѣе, въ XIX в. Въ то же время Чехія покрывалась сѣтью сельско-хозяйственныхъ училищъ (въ настоящее время свыше 100), дающихъ дополнительное сельскохозяйственное образованіе крестьянамъ, наводнялась массою книгъ, брошюръ и другихъ изданій, распространявшихъ сельско-хозяйственныя знанія въ народѣ. Всѣ разрозненныя усилія въ этомъ направленіи объединилъ *Земледѣльческій совѣтъ Чешскаго королевства*» (Zěmedělska rada pro království české), учрежденный въ 1891 году. Согласно своему уставу этотъ совѣтъ подаетъ правительству или земскому представительству добрые совѣты, поддерживаетъ правительственныя и земскія мѣропріятія, направленныя на развитіе земледѣлія, дѣятельность обществъ, имѣющихъ задачею охраненіе и поощреніе земледѣлія и сельскаго хозяйства, устраиваетъ лекціи, библіотеки и т. д. За двадцать пять лѣтъ своего существованія совѣтъ сталъ центральнымъ органомъ, въ которомъ сосредоточивается чешская національная работа въ области руководства и поощренія сельскаго хозяйства. Годовые отчеты его разрослись въ толстые тома, иногда свыше 600 страницъ большого формата.—Успѣхамъ сельскаго хозяйства въ Чехіи содѣйствовала организація кредита, покупки сельско-хозяйственныхъ орудій и сбыта, поставленная издавна на началахъ коопераціи. Къ услугамъ сельскихъ хозяевъ въ Чехіи стоятъ многочисленныя ссудо-сберегательныя товарищества, возникавшія съ начала пятидесятыхъ годовъ XIX в. (въ 1911 году ихъ было уже 1607 съ оборотомъ въ 275 милліоновъ кронъ) и крупные банки, какъ напр., Сельско-хозяйственный кредитный банкъ.

Національныя цѣли въ развитіи чешскаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Помощь національному землевладѣнію является идеальнымъ мотивомъ, одушевляющимъ организаторовъ чешскаго кредита, среди которыхъ нерѣдко встрѣтить такихъ идейныхъ людей, какъ Ригеръ. Въ 1913 году возникло общество «Единеніе чешскихъ сберегателей», поставившее себѣ задачею широкую пропаганду сбереженій—именно въ цѣляхъ обезпеченія существованія чешскаго народа въ будущемъ. Въ воззваніи этого общества читаемъ: «Великія пространства чешскихъ земель находятся донынѣ въ чужихъ рукахъ. Въ потѣ своего чела и мозолями своихъ рукъ мы хотимъ выкупить эту утраченную почву. Каждая сбереженная крона приближаетъ насъ къ этой цѣли, и только такъ мы научимся видѣть въ деньгахъ орудіе прогресса и культуры». Такими же орудіями прогресса и культуры въ отношеніи сельскаго хозяйства Чехіи были и многочисленныя сельско-хозяйственныя общества, возникавшія съ давнихъ временъ въ Чехіи—союзы для пріобрѣтенія земледѣльческихъ орудій, удобреній,

для обработки и продажи земледѣльческихъ продуктовъ и т. д. Въ 1912 г. 412 такихъ обществъ вмѣстѣ съ 1652 кредитными соединились въ *«Центральномъ союзѣ»*, который возникъ еще въ 1846 году; въ 1912 году оборотъ этого союза превышалъ уже 402 милліона кронъ. «Центральный союзъ сельско-хозяйственныхъ обществъ» оказываетъ могущественную поддержку чешскому земледѣлію и сельскому хозяйству, организуя кредитъ, покупку и сбытъ машинъ и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Дѣятельность его преисполнена высотою національно-патріотическаго подъема и одушевленія. Союзъ культивируетъ *любовь къ землѣ*, которая, по его заявленію, «есть лучшая защита отечества». Исходя изъ этихъ соображеній, союзъ вызвалъ къ жизни въ 1911 году Аграрный банкъ, поставившій задачею скупку крупныхъ нѣмецкихъ имѣній въ Чехіи и парцелляцію ихъ среди чешскихъ крестьянъ, а также поддержку разнымъ отраслямъ сельскохозяйственной дѣятельности.

Національный трудъ въ приложеніи къ заводской и фабричной промышленности и торговлѣ; его богатые результаты. Свое матеріальное благосостояніе чешскій народъ почерпалъ не только въ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ, но и въ эксплуатаціи другихъ естественныхъ богатствъ своей страны, въ индустріи и торговлѣ. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить горнозаводскую промышленность. Въ отношеніи ея Чехія находится въ особенно счастливыхъ условіяхъ, обладая богатыми залежами рудъ и каменнаго угля. Все золото и серебро, которое добывается въ Австріи, принадлежитъ чешскимъ рудникамъ; по богатству желѣзомъ и каменнымъ углемъ Чехія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди земель Австріи. Естественно поэтому, если изъ 421 горнозаводскихъ предпріятій, дѣйствовавшихъ въ 1912 году въ Австріи, въ Чехіи было 214, т.-е. болѣе половины, при чемъ цѣнность добытыхъ продуктовъ равнялась также приблизительно половинѣ (167,3 милл. на 352,2 милл. кронъ). Къ горнымъ богатствамъ надо присоединить лѣсныя, по которымъ Чехіи также принадлежитъ первое мѣсто. Неудивительно, если эта богатая металлами, лѣсами и плодородною почвою страна является предметомъ страстныхъ вожделѣній нѣмцевъ, открыто въ своей печати провозглашающихъ, что такая страна, какъ Чехія, должна быть нѣмецкою страною и ни въ коемъ случаѣ не должна быть предоставлена «чешскимъ варварамъ». По обрабатывающей промышленности Чехія также занимаетъ первое мѣсто въ Австрійской имперіи. Изъ 16.929 фабрикъ, насчитанныхъ въ Австріи въ 1912 году, на долю Чехіи приходилось 6.479 или около 38%. Важнѣйшими отраслями ея являются текстильная, преимущественно хлопчатобумажная промышленность, развивавшаяся съ конца XVIII вѣка, машиностроительная, возникшая также въ концѣ XVIII в. и изготовляющая разнообразнѣйшія машины —локомотивы, сельско-хозяйственныя орудія, машины для фабрикъ и заводовъ и т. д., химическая, развившаяся съ шестидесятыхъ годовъ XIX ст., и, наконецъ, пивоваренная, дающая половину

всего пива, которое производится въ Австріи. Всѣ эти отрасли промышленности прекрасно демонстрировали свои успѣхи на Пражской выставкѣ 1908 года. Эта выставка, поражавшая изяществомъ и дешевизною своихъ издѣлій, была показателемъ и того высокаго развитія, котораго достигли въ Чехіи мелкія отрасли индустріи—производство бѣлья, перчатокъ, изготовленіе музыкальныхъ инструментовъ, математическихъ и другихъ приборовъ, стеклянной и керамической посуды и т. д. Конечно, значительная часть индустріальныхъ предпріятій находится не въ чешскихъ, а въ нѣмецкихъ рукахъ, и рабочій персоналъ, обслуживающій ихъ, набирается изъ обоихъ народовъ, даже съ большимъ перевѣсомъ въ пользу нѣмцевъ, но и на долю чеховъ достается не мало благъ отъ развитія обрабатывающей промышленности. Тоже самое справедливо и относительно торговли. Вслѣдствіе этого наиболѣе видные вожди чешскаго національнаго движенія принимали самое горячее участіе въ организаціи и развитіи чешской индустріи и торговли, входили въ составъ промышленныхъ и торговыхъ палатъ, учрежденныхъ въ Прагѣ и другихъ городахъ Чехіи (Грегръ и Ригеръ, напр., были членами Пражской палаты), выступали учредителями или директорами банковъ и. т. д. Пражская промышленная и торговая палата помимо чисто промышленныхъ и коммерческихъ цѣлей преслѣдовала и цѣли національно-политическія. Въ 1864 году она выступила съ требованіемъ равноправія чешскаго языка въ совѣщаніяхъ палаты, въ 1866 году подавала петицію императору объ измѣненіи закона о выборахъ на сеймъ и т. д. Дѣятельность ея тѣсно сплелась съ общею жизнью чешскаго народа. Законодательство о рабочихъ, борьба за избирательную реформу, за національныя права, созданіе сѣти коммерческихъ и промышленныхъ училищъ, устройство выставокъ—не обходились безъ участія Пражской палаты. Палата не упускала ни одного случая заявить о національныхъ требованіяхъ чеховъ, какъ бы мелочны сами по себѣ они ни были. Такимъ же національно-чешскимъ направленіемъ отличалась и дѣятельность другихъ учрежденій, возникшихъ для содѣйствія промышленности и торговли Чехіи, каковы, напр., союзъ «Меркурій», содѣйствующій заграничному экспорту Чехіи, Земскій банкъ королевства Чешскаго и др.

Просвѣщеніе чешскаго народа. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что дѣятельность, развиваемая по импульсу національнаго чувства, носила у чеховъ вполнѣ сознательный характеръ, что чехи отстаивали свое національное бытіе не только силою своего чувства и воли, но и силою разумѣнія, силою знанія. Это разумѣніе и знаніе дали чехамъ ихъ школы какъ общая, такъ и спеціальная. Чехія тратитъ на нужды народнаго образованія болѣе половины своего земскаго бюджета (54 милл. кронъ изъ 106). Въ шестидесяти семи ея чешскихъ школьныхъ округахъ въ 1912—1913 годахъ содержалось 3284 общинныхъ школы, въ 54 нѣмецкихъ округахъ-2356 школъ, при чемъ въ 3313 школахъ преподаваніе велось на чешскомъ

языкѣ, а въ 2327—на нѣмецкомъ; общественныхъ мѣщанскихъ школъ съ преподаваніемъ на чешскомъ языкѣ было 377, на нѣмецкомъ—238. Кромѣ земскихъ школъ на помощь народу явилась и частная инціатива: въ 1912 году въ Чехіи было 67 чешскихъ школъ и 66 нѣмецкихъ съ правами. Въ общемъ въ Чехіи, можно сказать, осуществленъ идеалъ всеобщаго обученія: въ 1912 году во всей Чехіи оставалось безъ обученія всего 105 здоровыхъ дѣтей. Обезпечена Чехія въ достаточной степени и средними школами: въ 1911 году она имѣла 39 гимназій съ преподаваніемъ на чешскомъ языкѣ, 33—съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ и одну—двуязычную, 28 реальныхъ училищъ съ преподаваніемъ на чешскомъ языкѣ, 17—съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ. Только въ отношеніи женскаго средняго образованія Чехія является отсталою страною: въ 1911 году она имѣла всего четыре женскихъ гимназіи, въ которыхъ обучалось 96 дѣвицъ, и 14 женскихъ лицеевъ (9 чешскихъ и 5 нѣмецкихъ), въ которыхъ обучалось 2141 дѣвица. Что касается высшаго образованія, то проводниками его являются удвоенные, чешскіе и нѣмецкіе, Пражскій университетъ, инженерное, архитектурное, машино-строительное и химико-техническое училища.

Общественная самодѣятельность въ области народнаго образованія и воспитанія. Какъ и въ другихъ областяхъ общественной жизни, такъ и въ области народнаго образованія чехи проявили ту же самую національную заботливость, общественную инціативу и сорганизованность. Когда въ 1880 году нѣмцы Чехіи основали для распространенія нѣмецкаго образованія Schulverein, чехи отвѣтили на это созданіемъ своей *Школьной Матицы.* Эта Матица привлекла много членовъ, много пожертвованій, такъ что въ 1913 году оказалась въ состояніи содержать въ Чехіи 105, въ Моравіи и Силезіи 34 учебныхъ заведенія. Главною ея задачею является обезпеченіе національною школою дѣтей всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ чехи составляютъ національное меньшинство. Аналогичныя цѣли преслѣдуетъ и *Просвѣтительный союзъ* (Svaz osvětový), учрежденный въ 1905 году въ Прагѣ. Нельзя не упомянуть здѣсь и еще объ одной организаціи, содѣйствующей физическому развитію и духовному воспитанію чешскаго общества,—*Соколъ.* Съ самаго начала своего возникновенія въ шестидесятыхъ годахъ эта организація ставитъ своею задачею не только развитіе тѣлесной крѣпости путемъ соотвѣтствующихъ гимнастическихъ упражненій, но и развитіе крѣпости и выдержанности духовной,—дисциплины, силы воли, общественнаго чувства. Эта организація развивалась гигантскимъ образомъ. Къ 1 января 1914 года чешскій «Соколъ» состоялъ изъ 1.526 дружинъ, въ которыхъ входило 119.183 члена (въ томъ числѣ до 20 т. женщинъ). Изъ Чехіи «сокольство» перекинулось и въ другія славянскія земли Австро-Венгріи, а затѣмъ и за предѣлы ея, пріобрѣтая все больше и больше характеръ общеславянскій. Сокольскіе съѣзды, или «слеты», поддерживали единеніе, культивировали чувства взаимности не

только между чехами, но и между чехами и другими славянскими народами.

Политическія партіи въ Чехіи. Такую же способность къ объединенію, къ согласованной и организованной работѣ проявилъ чешскій народъ и въ сферѣ своей чисто-политической дѣятельности. Старшее поколѣніе чешскихъ политическихъ дѣятелей, въ составъ котораго входили ученики и младшіе соратники первыхъ бойцовъ за свободу чешскаго народа—Палацкаго, Гавличка, Шафарика, Браунера и др., такъ называемые *старочехи* съ теченіемъ времени должны были поступиться своею ролью и своимъ значеніемъ, дать мѣсто дѣятелямъ другихъ направленій. На почвѣ политической тактики, общественныхъ идей и соціальныхъ настроеній въ Чехіи произошло сильное партійное разслоеніе. Уже въ шестидесятыхъ годахъ отъ старочеховъ стала откалываться радикальная и демократическая группа, недовольная связью старочеховъ съ консервативными и клерикальными кругами. Во главѣ этой группы сталъ д-ръ Юлій Грегръ, основатель вліятельной и распространенной газеты «Národní Listy». Послѣ того, какъ старочехи рѣшили обособиться отъ этой группы и основали въ 1872 году свой «старочешскій клубъ», куда не приняли противоклерикальныхъ и свободомыслящихъ депутатовъ, д-ръ Грегръ въ 1874 году основалъ народную свободомыслящую партію, получившую названіе *младо-чешской*. Считаясь въ большей степени съ новыми потребностями широкихъ народныхъ круговъ, эта партія все болѣе и болѣе входила въ силу и оттѣсняла на задній планъ старо-чеховъ. Въ 1887 году съ нею соединилась группа «реалистическая», во главѣ которой стояли политико-экономъ и философъ проф. Масарикъ, проф. Гебауэръ, Кайзль и др. Съ 1891 года старо-чехи уже перестали существовать, какъ вліятельная политическая партія: на выборахъ 2 и 4 марта 1891 года младо-чехи побѣдили во всѣхъ округахъ какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ. Но и младо-чешская партія не долго сравнительно играла главенствующую роль въ чешскомъ политическомъ движеніи. Разслойка на партіи продолжалась и послѣ образованія младо-чешской группы. Еще въ 1878 году возникла чешско-славянская рабочая *соціалъ-демократическая* партія, поставившая себѣ цѣлью защиту классовыхъ интересовъ фабричныхъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ и превращеніе Австріи въ демократическое національно-федеративное государство; въ 1896 году образовалась чешская *аграрная* партія, поставившая себѣ цѣлью объединеніе земледѣльческаго класса и защиту чешскаго государственнаго права; въ 1898 году возникла партія *народно-соціалистическая*, поставившая своею задачею объединеніе національно настроенныхъ слоевъ рабочаго класса; наконецъ, въ 1900 году реалисты выдѣлились изъ младо-чешской партіи въ особую чешскую *народную* партію. Позже возникли еще чешская *прогрессивная* партія, образованная въ 1906 году проф. Масарикомъ, *государственно-правовая прогрессивная партія*, *христіанско-соціалистическая* и т. д. На выборахъ

въ рейхсратъ въ 1911 году число чешскихъ партій достигло 12, при чемъ наибольшее количество голосовъ получили соціалъ-демократы, за ними— аграріи, затѣмъ католическіе націоналисты, христіанскіе соціалисты и лишь на пятомъ мѣстѣ младо-чехи. Это дробленіе на партіи, разбившее силы чешскаго общества, обострившее классовую борьбу въ его нѣдрахъ, замутившее и національно-политическое сознаніе, нельзя вмѣстѣ съ д-ромъ Крамаржемъ не признать явленіемъ печальнымъ и вреднымъ для національнаго чешскаго дѣла.

Чешскій народный совѣтъ. Но чешскій народный организмъ поспѣшилъ выработать и нѣкоторое противоядіе противъ партійной болѣзни. Въ 1906 году возникъ *Чешскій общенародный совѣтъ* (Národní rada česka), какъ высшій и объединяющій органъ чешской политики. Совѣтъ состоитъ изъ 500 представителей всѣхъ сословій и корпорацій чешскаго народа и имѣетъ задачею поддержать сотрудничество всѣхъ элементовъ, особенно же чешскихъ политическихъ партій, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, касающихся чешскаго народа какъ въ королевствѣ чешскомъ, такъ и въ иныхъ частяхъ «Соединенныхъ штатовъ Габсбургскихъ». Предметами его заботъ и попеченій является то, что можетъ быть признано общимъ стремленіемъ всѣхъ чеховъ, безъ различія программъ и тактики отдѣльныхъ партій: возстановленіе единства и государственнаго права земель королевства Чешскаго; полное равноправіе чешскаго языка въ правительственныхъ учрежденіяхъ, школахъ и общественной жизни; политическое, экономическое и соціальное улучшеніе народной жизни, въ частности распространеніе автономическаго строя; защита чешскаго меньшинства въ мѣстностяхъ съ нѣмецкимъ населеніемъ; правильное информированіе иностранцевъ относительно чешскаго народа и т. д. Какъ объединенный органъ чешскихъ партій, Народный Совѣтъ выступалъ уже по цѣлому ряду вопросовъ: защищалъ интересы чешской промышленности и торговли, когда поднимался вопросъ о сооруженіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ земляхъ чешской короны, отстаивалъ права чешскаго языка въ администраціи; разрабатывалъ планъ устройства славянской выставки въ Прагѣ; производилъ анкету о необходимости совмѣстной славянской дѣятельности, въ общедоступныхъ изданіяхъ разъяснялъ народу значеніе тѣхъ или другихъ законопроектовъ, событій древней чешской исторіи и т. д. Дѣятельными помощниками Совѣта явились различныя организаціи, поставившія себѣ цѣлью охрану и защиту чешскихъ *меньшинъ* въ областяхъ съ нѣмецкимъ большинствомъ населенія. Таковы: сѣверно-чешское народное единеніе (Národní jednota severočeska), пошумавское народное единеніе, народное единеніе въ юго-западной Моравіи, народное единеніе сѣверо-восточной Моравіи, общество «Коменскій» въ Вѣнѣ и т. д. Въ дѣятельности этихъ обществъ приняла горячее участіе университетская молодежь. Она издавала спеціальный журналъ «Studentský Obzor Menšinový», посвященный выясненію нуждъ и слабыхъ мѣстъ окраинъ въ борьбѣ за

сохраненіе здѣсь чешской національной жизни, помѣщала въ своихъ «Студенческихъ альманахахъ» статьи, посвященныя тѣмъ же вопросамъ, взяла на себя устройство спеціальнаго «Музея меньшинъ» (Menšinove Museum).

Чешская журналистика. Общая національная работа велась и чешскою журналистикою, при всемъ разнообразіи ея направленій. Въ Чехіи передъ войною издавалось 315 ежедневныхъ газетъ на чешскомъ языкѣ, а всего 1400 періодическихъ изданій. Дѣятели печати также сорганизовались въ рядъ союзовъ (Spolek českých žurnalistů, Jednota českých novinarů, Syndikat českých dennikarů), которые объединились во «*Всеславянскій союзъ журнальныхъ дѣятелей*», привлекшій организаціи и другихъ славянскихъ журналистовъ. Этотъ союзъ устраивалъ курсы для журналистовъ, періодическіе съѣзды ихъ и т. д.

Организація, единеніе проникли насквозь всю общественную жизнь чешскаго народа какъ въ Богеміи, такъ въ Моравіи и Силезіи. Между прочимъ въ Моравіи на 9206 обществъ и кружковъ приходилось въ 1912 году 2261 обществъ, преслѣдовавшихъ разнообразныя культурныя цѣли (среди нихъ своя *Моравская школьная Матица*). Въ условіяхъ культурной борьбы чешскому народу, можно сказать, обезпечено его національное существованіе, но именно только въ условіяхъ культурной борьбы. Разыгрывающаяся нынѣ борьба германскаго міра съ славянскимъ, борьба на жизнь и на смерть, съ неопредѣлившимся еще исходомъ, съ неясными перспективами будущаго, заставляетъ сказать, что судьбы прекрасной славянской страны, талантливаго, благороднаго и мужественнаго чешскаго народа находятся въ рукахъ Божіихъ... Тяжкій нѣмецкій молотъ, въ теченіе многихъ вѣковъ дробившій чешскій народъ, выковалъ изъ него булатъ. Но при извѣстныхъ обстоятельствахъ и булатъ можетъ быть превращенъ въ прахъ...

Важнѣйшая литература.

Проф. А. Л. Погодинъ, Славянскій міръ. Политическое и экономическое положеніе славянскихъ народовъ передъ войной 1914 г.

Kalousek, České statni pravo.

Oswald Balzer, Historya ustroju Anstryi. Lwów 1899.

Tobolka a Kramař. Déjiny ceske politiky nové doby. Praha 1809.

Adolf Srb, *Politické* dějiny Národa Českeho od r 1861. Praha 1897.

Čtdesét lat politickeho zapasu o prava národa českeho (1848—1908).

Jan Heudler, České politické strany v Čechach, na Morave a ve Slezku. Praha 1914.

Zeithammer, Zur Geschichte der Böhmischen Ausgleichsversuche (1865—1871).

Půl století «Národuich Listů (1860—1910). Almanach.

Česka politika, Dil I—V.

XX.

Удѣльный порядокъ въ Польшѣ и феодализмъ; нѣмецкая колонизація и нѣмецкое право.

Дольше всѣхъ западнославянскихъ государствъ сохраняло свою самостоятельность и самобытность Польское государство. Но въ концѣ концовъ и оно прекратило свое существованіе и притомъ при условіяхъ, неблагопріятныхъ для сохраненія національнаго достоянія, матеріальнаго и духовнаго. Польша была разрѣзана, подѣлена на части между Пруссіею, Австріею и Россіею. Нѣмецкій Drang nach Osten сыгралъ огромную роль въ этой судьбѣ Польши. Начавшись еще въ удѣльную эпоху, онъ не прекращался въ теченіе всей послѣдующей исторіи польскаго народа и нанесъ послѣдній смертельный ударъ его одряхлѣвшему государственному организму. Главная же причина паденія Польши, какъ самостоятельнаго государства, коренилась именно въ развитіи этого организма, въ своеобразномъ соціально-политическомъ укладѣ Польши, дѣлавшемъ ее безсильною въ международной борьбѣ за существованіе. Фундаментъ этому укладу заложенъ былъ еще въ удѣльную эпоху, съ которой и предстоитъ намъ возобновить разсмотрѣніе польской исторіи.

Мы видѣли, что въ X—XI вв. въ Польшѣ оказалась въ наличности сильная военная монархія. Въ странѣ утвердился одинъ князь, упразднившій всѣ другія племенныя власти и съ помощью своей дружины овладѣвшій обществомъ. Но эта монархія оказалась недолговѣчною. Польскій король-князь не доросъ еще до представленія о себѣ, какъ государѣ единаго нераздѣльнаго государства, существующемъ для блага этого государства. Онъ чувствовалъ и сознавалъ въ себѣ главнымъ образомъ владѣльца, хозяина-вотчинника, на благо котораго и его близкихъ существуетъ это самое государство. Отсюда естественно рано или поздно долженъ былъ возникнуть раздѣлъ Польскаго государства. До конца тридцатыхъ годовъ XII в. этого раздѣла не происходило, потому что большею частью государство переходило къ одному наслѣднику. Но вотъ въ 1138 году умираетъ праправнукъ Болеслава I Храбраго—Болеславъ III Кривоустый и завѣщаетъ свое государство четыремъ сыновьямъ. Этимъ завѣщаніемъ открывается уже новая эпоха въ жизни Польскаго государства—удѣльная, при которой государство раздробилось на множество частей, почти утратившихъ взаимную связь, и потому въ высшей степени ослабѣло и чуть было не утратило своей самостоятельности и самобытности.

Установленіе и развитіе удѣльнаго порядка въ Польшѣ. Болеславъ Кривоустый незадолго до смерти распорядился такимъ образомъ: старшему

сыну *Владиславу* онъ отдалъ въ наслѣдственное владѣніе Силезію, второму сыну *Болеславу Кудрявому*—Мазовію и Куявію, третьему *Мѣшку*—Великую Польшу, четвертому *Генриху*—Сандомирскую область. Пятый сынъ *Казиміръ*, остававшійся малолѣткомъ, не получилъ еще удѣла: удѣлъ ему должны были выдѣлить старшіе братья по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Но чтобы этотъ раздѣлъ не разрушалъ государственнаго единства Польши, Болеславъ постановилъ, чтобы впредь старшій въ родѣ былъ великимъ княземъ, которому должны повиноваться младшіе князья. Этотъ великій князь сверхъ своего наслѣдственнаго удѣла долженъ владѣть землею *Краковскою* съ *Сѣрадзью* и *Ленчицею*, собирать дань съ *Поморья* и владѣній Польши *за Одеромъ*. Земля Краковская становилась переходнымъ, должностнымъ удѣломъ великаго князя, а Краковъ его столицею.

Такимъ образомъ, въ Польшѣ установился тотъ же самый удѣльный порядокъ, который позже, въ XIII в., установился въ Суздальской Руси. Сходство въ настоящемъ случаѣ было почти полное. Это произошло отъ того, что оба порядка порождены были одинаковыми причинами,—господствомъ частноправовыхъ воззрѣній на государство и одинаковымъ экономическимъ бытомъ. Удѣльная система на Руси Суздальской возникла вслѣдствіе превращенія князя въ хозяина-вотчинника. Князья не дѣлились окончательно, пока имѣли возможность кормиться данями и пошлинами съ населенія, бойко торговавшаго съ Востокомъ и Западомъ и имѣвшаго много денегъ. Но съ теченіемъ времени эта торговля разстроилась, населеніе обѣднѣло, а князей стало больше, и они поневолѣ должны были сдѣлаться сельскими хозяевами, чтобы удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ. При такихъ условіяхъ имъ уже неудобно было временно владѣть волостями и мѣняться ими, и Всеволодъ III, оставляя свое княжество сыновьямъ, прямо подѣлилъ его между ними, оставивъ въ качествѣ переходнаго, добавочнаго владѣнія для старшаго, или великаго князя, Владиміръ съ округомъ. То же самое происходило и въ Польшѣ. Въ IX и X вв. Польша вмѣстѣ съ Русью вела оживленную торговлю съ Востокомъ и Византіею, сбывая туда свое сырье—мѣха, кожи, воскъ и медъ и получая драгоцѣнные металлы, одежды и разные предметы роскоши. Съ половины XI в. благодаря натиску на западную Азію и восточную Европу тюркскихъ племенъ (турокъ-сельджуковъ и половцевъ), торговое движеніе, развивавшееся въ восточной Европѣ и захватывавшее собою и Польшу, значительно ослабѣло. Оскудѣла вмѣстѣ съ тѣмъ и казна польскихъ государей, въ которую до этого времени поступало не мало денегъ и разныхъ цѣнностей въ видѣ торговыхъ пошлинъ и выручки отъ продажи сырья, находившагося въ распоряженіи князей. Современникъ Болеслава Кривоустаго Мартинъ Галлъ въ своей хроникѣ косвенно отмѣчаетъ обѣднѣніе польскаго государя, разсказывая чудеса о богатствахъ Болеслава I Храбраго, о блескѣ и роскоши его двора. Польскіе государи вслѣдствіе этого должны были также превратиться въ сельскихъ хозяевъ, эксплуатировать земли и угодья трудомъ невольни-

ковъ и свободнаго земледѣльческаго населенія. При такихъ условіяхъ имъ уже неудобно было оставлять младшихъ сыновей на иждивеніи старшаго, а нужно было уже всѣхъ снабдить территоріальными надѣлами. Такъ въ Польшѣ, и притомъ ранѣе, чѣмъ на Руси, установилась удѣльная система. Ея дальнѣйшее развитіе имѣло много общаго съ развитіемъ удѣльной системы на сѣверо-востокѣ Руси и въ общемъ привело къ одинаковымъ послѣдствіямъ.

Такъ же, какъ и въ Суздальской Руси, и въ Польшѣ нѣкоторыя части государства подѣлились съ теченіемъ времени на мельчайшіе удѣлы. Нѣкоторые изъ сыновей Болеслава III имѣли многочисленное потомство, не меньшее, чѣмъ было у Константина Ростовскаго или Ярослава Переяславскаго. Таковы были старшій сынъ—Владиславъ Силезскій и внукъ Конрадъ Куявско-Мазовецкій, взявшій Куявію и Мазовію послѣ дяди Болеслава Кудряваго. Къ концу XIII в. въ *Силезіи* можно уже насчитать болѣе десятка мелкихъ княжествъ (Лигницкое, Свидницкое, Вроцлавское, Глоговское, Сцинавское, Жеганьское, Опольское, Бытомское, Цѣшиньское, Козленьское, Заторское и Ратиборское). Въ удѣлѣ Конрада ***Куявско-Мазовецкаго*** къ концу XIII в. насчитывалось шесть княжествъ (Сѣрадзьское, Иновроцлавское, Ленчицкое и Добринское, Плоцкое и Черское). Далѣе: такъ же, какъ и въ Суздальской Руси, въ Польшѣ не утвердился порядокъ владѣнія великимъ княженіемъ по старшинству въ родѣ, проектированный Болеславомъ Кривоустымъ. Этотъ порядокъ нарушился уже при сыновьяхъ Болеслава. Его старшій сынъ Владиславъ умеръ не великимъ княземъ. Онъ захотѣлъ было уничтожить удѣльное дробленіе, опираясь на русскихъ, но встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны архіепископа Гнѣзненскаго и нѣкоторыхъ свѣтскихъ вельможъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что онъ самъ долженъ былъ покинуть великое княженіе, на которое они возвели сначала Болеслава Кудряваго, а затѣмъ слѣдующаго по старшинству князя—Мѣшка Стараго. Этотъ послѣдній злоупотребленіями своей власти, несправедливыми поборами и порчею монеты, вызвалъ противъ себя возстаніе магнатовъ, во главѣ котораго сталъ бискупъ Краковскій Гетко. Мѣшко долженъ былъ сойдти не только съ великаго княженія, но и съ своего великопольскаго удѣла. Великое княженіе при жизни старшаго брата занялъ младшій—Казимиръ, получившій прозвище «Справедливаго», очевидно, по противоположности его правленія съ правленіемъ Мѣшка. Возведшіе его на престолъ епископъ и магнаты съѣхались въ 1180 году въ *Ленчицѣ* и постановили, чтобы великое княженіе по смерти Казимира Справедливаго перешло къ его старшему сыну. Папа Александръ III далъ свою санкцію этому рѣшенію. Такимъ образомъ, уже при сыновьяхъ Болеслава III Кривоустаго палъ тотъ порядокъ, который онъ проектировалъ. Сеньератъ былъ уничтоженъ.

Княжескія усобицы и ослабленіе великокняжеской власти. Но и новому порядку не суждено было войти въ жизнь. По смерти Казимира Справедли-

ваго братъ его Мѣшко вступилъ въ упорную борьбу съ сыномъ Казимира Справедливаго Лешкомъ Бѣлымъ и три раза занималъ великокняжескій престолъ. Магнаты покинули Лешка Бѣлаго, и даже тогда, когда Мѣшко Старый умеръ, великое княженіе досталось не Лешку, а сыну Мѣшка—Владиславу Ласконогому (Тонконогому). Въ XIII вѣкѣ великое княженіе въ Польшѣ добывалось уже прямо силою. Тотъ изъ князей становился въ данное время великимъ и бралъ Краковъ, у кого было болѣе рессурсовъ, кто сумѣлъ въ данное время перетянуть на свою сторону больше магнатовъ. И польскіе князья въ концѣ концовъ пришли къ тому же заключенію, къ какому пришелъ у насъ князь Изяславъ Мстиславичъ, что не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту. Въ концѣ XIII в. дѣло дошло до того, что даже Чешскій король Вацлавъ II нашелъ, что ему идетъ великое княженіе въ Краковѣ и опираясь на нѣмецкое мѣщанство въ Польшѣ, занялъ великое княженіе Краковское. Опираясь при этомъ и на внѣшнюю силу, т.-е. на силу Чешскаго королевства, онъ придалъ нѣкоторое значеніе великокняжеской власти, которая за время непрерывной борьбы и усобицъ совершенно ослабѣла. Князья, достигавшіе въ XIII в. великаго княженія, получали собственно только титулъ и связанное съ нимъ владѣніе Краковскою областью и не имѣли никакой власти надъ остальными. Послѣдніе сдѣлались вполнѣ самостоятельными государями, которые опредѣляли взаимныя отношенія договорами совершенно такъ же, какъ русскіе князья XIV в. Они заключали между собою оборонительно-наступательные союзы, договаривались о раздѣлѣ наслѣдства, о совмѣстномъ преслѣдованіи преступниковъ, о выдачѣ бѣглыхъ, о взиманіи торговыхъ пошлинъ и т. д. Польша въ XIII в. была не политическимъ, а только этнографическимъ цѣлымъ.

Территоріальныя потери Польши въ удѣльную эпоху. Изложенный порядокъ вещей отразился весьма важными послѣдствіями какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни Польши. Разбитая политически Польша не могла успѣшно бороться за свое существованіе, и удѣльная эпоха ознаменовалась для нея прежде всего крупными территоріальными утратами. Творецъ удѣльнаго порядка Болеславъ III Кривоустый присоединилъ было къ Польшѣ Поморье и покорилъ нѣкоторыя племена лютичей. Уже при сыновьяхъ его Польша потеряла всѣ свои завоеванія за р. Одрою. Лютичи, какъ уже сказано было въ своемъ мѣстѣ, были покорены Сѣвернымъ маркграфомъ Альбрехтомъ Медвѣдемъ, а одинъ изъ Поморскихъ князей—Щетинскій долженъ былъ признать себя вассаломъ Генриха Льва, а затѣмъ Датскаго короля (въ 1180 году императоръ Фридрихъ Барбаросса принялъ его въ число имперскихъ князей). За Польшею послѣ того оставалось только восточное Поморье (Кашубское и Гданское). Въ тридцатыхъ годахъ XIII ст. князь восточнаго Поморья Святополкъ, втянутый въ междоусобную борьбу польскихъ князей, воспользовался ею для того, чтобы стать независимымъ. Такимъ образомъ, можно сказать, все Поморье отпало отъ Польши. Одновременно съ тѣмъ Польша поступи-

лась частью собственной земли въ пользу Тевтонскихъ рыцарей, которыхъ вызвалъ Мазовецкій князь Конрадъ для обороны своихъ владѣній отъ набѣговъ пруссовъ. Рыцари получили отъ Конрада земли Хелминскую и Нешавскую. Отдавая въ 1226 г. эти земли Тевтонскимъ братьямъ, Конрадъ, конечно, не думалъ, что отлучаетъ ихъ отъ своего княжества. Его пожалованіе имѣло совершенно такой же смыслъ, какъ и всѣ другія пожалованія свѣтскимъ лицамъ и духовнымъ учрежденіямъ въ предѣлахъ княжества, безъ устраненія суверенитета князя. Но Тевтонскіе рыцари съ самаго начала переговоровъ стояли на другой точкѣ зрѣнія, которую они, однако, не сообщили другой сторонѣ. Они имѣли въ виду на дарованной землѣ и на будущихъ своихъ завоеваніяхъ основать независимое государство. Поэтому еще ранѣе заключенія договора съ Конрадомъ великій магистръ Ордена выхлопоталъ у императора Фридриха II грамоту, въ коей императоръ, какъ главный владыка христіанскаго міра, предоставлялъ Ордену земли, обѣщанныя Конрадомъ вмѣстѣ съ будущими завоеваніями, какъ имперскій ленъ. Но такъ какъ въ то время былъ еще не рѣшенъ вопросъ, кому принадлежитъ высшая власть въ мірѣ, императору или папѣ, Орденъ на всякій случай выхлопоталъ подобный же документъ и отъ папы. Эти грамоты послужили для него юридическимъ основаніемъ для присвоенія себѣ не только Пруссіи, но и земель, подаренныхъ Конрадомъ Мазовецкимъ, и для утвержденія своей полной независимости отъ Польши. Все это, впрочемъ, создалось не столько грамотами, сколько благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ,—а главное безсиліемъ удѣльной Польши.

Татарскіе погромы Польши. Раздѣленіе народныхъ силъ Польши, созданное удѣльнымъ порядкомъ, сдѣлало Польшу безсильною противъ вторженій и разореній извнѣ. Особенно дали себя чувствовать тяжело въ этомъ отношеніи татары. Зимою 1241 года татарскія полчища двумя потоками нахлынули въ Польшу и Венгрію. Въ отдѣльныхъ случаяхъ поляки такъ же, какъ и русскіе, явили чудеса храбрости, но такъ же, какъ и русскіе, оказались не въ состояніи сплотиться воедино и общими силами противостать врагу. Каждая область, каждый городъ защищались порознь, и татары прошли всю Польшу изъ конца въ конецъ мечемъ и огнемъ. Польша лежала послѣ того въ грудахъ пепла и развалинъ; многія тысячи были перебиты и уведены въ плѣнъ. Малую Польшу татары навѣщали еще нѣсколько разъ послѣ того, какъ утвердились въ южной Россіи. Особенно памятны были полякамъ нападенія 1259 и 1287 годовъ, когда много тысячъ христіанъ было перебито и уведено въ неволю. Послѣ того земли Малой Польши, по выраженію одной изъ жалованныхъ грамотъ Тынецкому монастырю, «лежали необработанныя, не тронутыя плугомъ и бороною, но запятнанныя невинною кровью». Малая Польша болѣе другихъ частей пострадала отъ татарскихъ разореній. Но и другія области послѣ татарскаго погрома находились въ плачевномъ положеніи. Край сильно обезлюдѣлъ. Села и деревни были снесены, скотъ угнанъ или перебитъ, поля оставались

необработанными, уцѣлѣвшіе крестьяне скитались по лѣсамъ, не имѣя никакой охоты приниматься за работу. При всеобщемъ обѣднѣніи почти совершенно прекратились ремесла и торговля, какія только существовали въ Польшѣ того времени. Полное хозяйственное разореніе царило всюду какъ въ деревняхъ и селахъ, такъ и въ немногочисленныхъ городахъ.

Упадокъ княжеской власти и возвышеніе прелатовъ и бароновъ. Во внутренней жизни Польши удѣльная эпоха ознаменовалась прежде всего упадкомъ княжеской власти и соціально-политическимъ возвышеніемъ высшаго духовенства и свѣтскихъ вельможъ, или бароновъ.

Княжеская власть de jure продолжала носить тотъ же самый характеръ, какой она имѣла и ранѣе того. Князья попрежнему титуловали себя Божіею милостью государями и дѣдичами своихъ удѣловъ. Но на дѣлѣ они пользовались уже далеко не тѣмъ значеніемъ, какое принадлежало имъ прежде. Власть покоится на силѣ, а этой силы у князей далеко не хватало по сравненію съ прежнимъ. Князей стало много, каждый изъ нихъ въ отдѣльности имѣлъ въ своемъ распоряженіи военныхъ и финансовыхъ средствъ неизмѣримо меньше, чѣмъ было у первыхъ князей, владѣвшихъ всѣмъ или большею частью государства. Князь, сдѣлавшись болѣе мелкимъ владѣльцемъ, естественно сталъ и менѣе значительною персоною, чѣмъ прежде.

Когда князей стало въ Польшѣ много, они по обыкновенію завели распри и междоусобія, интриговали другъ противъ друга, отнимали владѣнія и даже изгоняли одинъ другого изъ удѣловъ. Въ ожесточенной борьбѣ другъ съ другомъ они искали поддержки у мѣстныхъ прелатовъ и бароновъ и рыцарства, которымъ теперь приходилось рѣшать вопросъ, кому быть княземъ въ данномъ удѣлѣ. По безпотомственной смерти князя, новаго всегда выбирали прелаты, бароны и рыцарство. Бароны и высшее духовенство держали въ своихъ рукахъ и все руководство и направленіе внѣшней и внутренней политики княжествъ. Князья, желавшіе жить въ мирѣ съ ними, желавшіе прочно держаться въ своихъ княжествахъ, во всемъ спрашивали ихъ совѣта и согласія, старались ни въ чемъ не выходить изъ ихъ воли. Князь Лешко Бѣлый, напр., желая порадѣть о странѣ, по словамъ лѣтописца, созывалъ на вѣче всѣхъ начальниковъ своихъ земель и всѣхъ вельможъ. Не иначе, какъ на вѣчѣ, онъ принималъ и иноземныхъ пословъ. Владиславъ Ласконогій далъ даже формальное обѣщаніе судить только по совѣту съ епископомъ и баронами и судъ этотъ обязательно приводить въ исполненіе. Прелаты и бароны были постоянными участниками тѣхъ совѣщаній *(colloquia)*, которыя созывали князья и на которыхъ они судили, рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ, издавали новые законы, давали или подтверждали «привилеи», опредѣляли налоги. Безъ ихъ участія не выходилъ почти ни одинъ актъ изъ княжеской канцеляріи. Удѣльная эпоха поэтому по справедливости можетъ быть названа эпохою *можновладства*, политическаго преобладанія прелатовъ, бароновъ, духовныхъ и свѣтскихъ вель-

можъ. Простое рыцарство хотя и выступало на ряду съ баронами, но въ подчиненной и зависимой отъ нихъ роли.

Но къ кому же относилось названіе прелатовъ и бароновъ? Подъ именемъ *прелатовъ* разумѣлись высшіе духовные сановники, т.-е. епископы, аббаты знатнѣйшихъ монастырей и члены соборныхъ капитулъ, т.-е. корпорацій, стоявшихъ около архіерея, выбиравшихъ его и помогавшихъ ему въ управленіи епархіею, а именно: протопресвитеръ каѳедральный (пробощъ, пробстъ), деканъ (благочинный), архидіаконъ (экономъ), схоластикъ (завѣдующій школами), канторъ (регентъ), кустошъ (ризничій) и каноники, имѣвшіе богатыя пребенды. Подъ именемъ *бароновъ* разумѣлись высшіе свѣтскіе сановники, т.-е. воеводы, каштеляны, канцлеръ, скарбники, подкоморіе, судьи, стольники, подстоліе, подчашіе, ловчіе, конюшіе и другіе, составлявшіе ближайшую дружину князя и называвшіеся по западному примѣру также и графами (comites).

Землевладѣніе и иммунитетъ духовенства. Впрочемъ, не одно только раздробленіе княжеской власти и княжескія усобицы обусловили политическое преобладаніе прелатовъ и бароновъ. Оно обосновалось главнымъ образомъ на томъ, что прелаты и бароны къ тому времени успѣли обезпечить за собою высшее положеніе въ польскомъ обществѣ, и твердо опредѣлить свои отношенія къ другимъ слоямъ населенія. Едва ли бы баронамъ принадлежала такая выдающаяся роль, если бы они, какъ при Мѣшкѣ I или Болеславѣ Храбромъ, набирались князьями изъ людей разнообразнаго происхожденія и состоянія и жили преимущественно на жалованьѣ князей. Скорѣе всего въ такомъ случаѣ можно было бы ожидать, что раздробленная на мелкія части Польша перейдетъ снова къ народовластью, что въ удѣлахъ по старому будутъ собираться общенародныя вѣча, какъ это было, напр., при подобныхъ обстоятельствахъ на Руси XII в. Въ крайнемъ случаѣ можно было бы ожидать, что господиномъ положенія сдѣлается военный классъ—рыцарство. Такъ однако не случилось. Произошло это отъ того, что прелаты и бароны взяли рѣшительный перевѣсъ надъ остальными классами общества на соціально-экономической почвѣ и успѣли въ значительной мѣрѣ подчинить себѣ остальное населеніе, стать къ нему въ отношеніе государей къ своимъ подданнымъ.

Прелаты сдѣлались крупными землевладѣльцами, и притомъ привилегированными. Епископамъ принадлежали огромныя имѣнія, равнявшіяся цѣлымъ каштеляніямъ. Архіепископъ Гнѣзненскій, напр., владѣлъ каштеляніею Жнинскою въ Великой Польшѣ, Ловицкою въ Мазовіи, епископъ Куявскій—Волборскою каштеляніею на Куявахъ, Краковскій—Славковскою подъ Краковомъ, Тарчецкою въ горахъ Свентокрыжскихъ и Хропскою въ Сѣрадзьскомъ удѣлѣ. Огромныя земельныя имѣнія принадлежали и другимъ прелатамъ и аббатамъ монастырей. Подобно католическому духовенству въ другихъ западноевропейскихъ странахъ, и польское духовенство мало-по-малу высвободилось отъ всякой зависимости и подчиненія свѣтской

власти. Уже на Ленчицкомъ съѣздѣ 1180 года Казимиръ Справедливый въ благодарность за постановленіе о переходѣ великокняжеской власти къ его сыну далъ польскому духовенству привилей, коимъ освобождалъ церковныхъ крестьянъ отъ доставленія подводъ и кормовъ княжескимъ гонцамъ и отказался отъ своего права забирать такъ называемыя *spolia*, т.-е. имущества умершихъ епископовъ. Но помимо этого польское духовенство все еще оставалось въ сильной зависимости отъ свѣтской власти и мірянъ: оно не освободилось еще отъ государственныхъ повинностей и свѣтскаго суда, получало свои должности изъ рукъ князей и не жило еще въ целибатѣ. Папы въ концѣ XII в. посылали не разъ своихъ легатовъ съ порученіемъ ввести въ Польшѣ тѣ же реформы, какія введены были по почину Григорія VII въ другихъ странахъ. Но эти попытки оставались безуспѣшными, пока на папскомъ престолѣ не возсѣлъ Иннокентій III, а архіепископомъ Гнѣзненскимъ не сдѣлался Генрихъ Кетличъ. Они потребовали рѣшительно проведенія Грегоріанскихъ реформъ въ Польшѣ и успѣли привлечь на свою сторону часть князей. На синодѣ, собранномъ архіепископомъ въ 1215 году, духовенство присягнуло на сохраненіе безбрачія, а присутствовавшіе князья даровали ему желанныя вольности и освободили духовныхъ и ихъ людей отъ свѣтскаго суда. Въ послѣдующее время одинъ князь за другимъ жаловалъ своимъ церквамъ освобожденіе отъ разныхъ повинностей. Въ концѣ концовъ введенъ былъ и вольный выборъ епископовъ, черезъ капитулы, независимо отъ князя. Такъ польское духовенство заняло независимое положеніе въ государствѣ и обществѣ и, опираясь при этомъ на свой духовный авторитетъ, стало по временамъ оказывать сильное вліяніе на государственныя дѣла.

Землевладѣніе и привилегіи бароновъ и рыцарства. Такое же доминирующее положеніе въ государствѣ и обществѣ заняли и бароны. Уже въ XI в. бароны стали выхлопатывать себѣ и получать отъ князей крупныя земельныя имѣнія, гдѣ и селили рабовъ, достававшихся имъ въ числѣ военной добычи, купленныхъ или попавшихъ въ рабство за долги и преступленія. Эти рабы положили начало классу ихъ крѣпостныхъ крестьянъ (въ источникахъ, писанныхъ на латинск. языкѣ, они называются обыкновенно servi, homines illiberi, adscripti, adscripticii). Желая всячески увеличить доходность своихъ имѣній, бароны стали селить на своихъ земляхъ различныхъ вольныхъ людей подъ условіемъ несенія извѣстныхъ барщинныхъ повинностей и платежа извѣстнаго оброка. Такимъ образомъ, бароны превратились въ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые вмѣстѣ съ богатствомъ и знатностью передавали своимъ дѣтямъ по наслѣдству и свое политическое вліяніе и силу.

Князья не могли теперь окружать себя, кѣмъ угодно, а должны были выбирать себѣ сановниковъ и должностныхъ лицъ изъ извѣстнаго круга богатыхъ и знатныхъ фамилій. Чѣмъ богаче былъ магнатъ, чѣмъ крупнѣе и населеннѣе его имѣніе, тѣмъ болѣе вооруженныхъ людей онъ имѣлъ въ

своемъ распоряженіи. Въ случаѣ надобности эти вооруженные люди, составлявшіеся изъ различнаго рода слугъ, всегда были къ услугамъ магната и могли защищать его дѣйствительныя или мнимыя права, поддерживать его притязанія. Магнатъ могъ увлечь за собою и часть рыцарства.

Рыцари въ то время, подобно баронамъ, стали также землевладѣльцами. Сначала, какъ мы видѣли, рыцари находились отчасти на иждивеніи князя-короля, получая отъ него коней, оружіе и все необходимое, отчасти на содержаніи мѣстнаго населенія, которое обложено было различными поборами и повинностями въ пользу рыцарской дружины, стоявшей въ городѣ даннаго округа. Такой порядокъ, однако, скоро оказался неудобнымъ. Населеніе тяготилось содержаніемъ рыцарскихъ дружинъ, позволявшихъ себѣ угнетать мѣстныхъ жителей, и одинъ разъ, какъ мы видѣли, чуть не поголовно возстало противъ рыцарства. Съ другой стороны, и князьямъ послѣ Болеслава Храбраго стало трудно содержать дружину на жалованьѣ. Денежные доходы ихъ уменьшились отчасти вслѣдствіе опустошеній и разореній, постигавшихъ страну по смерти Болеслава Храбраго, но главнымъ образомъ благодаря сокращенію внѣшней торговли, о чемъ рѣчь была выше. Обѣднѣвшіе польскіе государи стали переводить своихъ рыцарей на землю, стали раздавать имъ, какъ и баронамъ, пустыя и заселенныя земли съ обязанностью военной службы на собственный счетъ. Кромѣ того, много рыцарей землевладѣльцевъ появилось вслѣдствіе того, что польскіе государи привлекали къ военной службѣ главъ богатыхъ крестьянскихъ фамилій, или такъ называемыхъ *владыкъ*. Эти владыки, оставаясь на своей землѣ, отправляли военную службу взамѣнъ всѣхъ или большинства крестьянскихъ повинностей. Эти владыки въ составѣ рыцарства заняли положеніе ниже *шляхты*, т.-е. коренныхъ рыцарей знатнаго происхожденія, предки которыхъ искони пребывали въ этомъ званіи. Наконецъ, въ рыцари стали производиться *солтысы* и *кмети* селъ, устроившихся на нѣмецкомъ правѣ. Въ составѣ рыцарства они заняли положеніе ниже владыкъ, которые къ этому времени (XIII в.) успѣли до извѣстной степени нобилитироваться, сдѣлались наполовину шляхтичами (medii nobiles). За убійство рыцаря изъ солтысовъ или кметей платилась головщина вдвое менѣе, чѣмъ за убійство полушляхтича, который въ свою очередь, оплачивался головщиною вдвое меньшею, чѣмъ настоящій шляхтичъ (nobilis, miles famosus), пользовавшійся полнымъ рыцарскимъ правомъ (plenum jus militale supremae nobilitatis).

Шляхта; гербы и прокламаціи. Бароны или магнаты находили себѣ опору и поддержку преимущественно въ той части рыцарства, которая называлась *шляхтою*. Этотъ слой рыцарства и по родственнымъ связямъ, и по состоянію, и по интересамъ и стремленіямъ ближе всѣхъ примыкалъ къ сановной аристократіи. Многія шляхетскія фамиліи имѣли родоначальника, общаго съ магнатскими фамиліями, были только младшими линіями одного размножившагося рода. Родовая солидарность крѣпко

держалась между этими фамиліями, чему нагляднымъ выраженіемъ служитъ обычай носить общіе *гербы* и имѣть общія *прокламаціи* (гербовыя фамиліи, какъ напр. Топорчикъ, Лелива, Одровонжъ и т. д.). Это было средствомъ сохранять въ потомствѣ традиціи общаго происхожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ являть свое благородное происхожденіе. Очень правдоподобно предположеніе одного польскаго ученаго, что знатное рыцарство, или шляхта, нѣкогда располагалось въ войскѣ родовыми группами, откуда и возникъ обычай носить гербы, т.-е. родовые знаки на щитахъ дна шлемахъ носились клейноты). Такъ это было или нѣтъ, но одногербовники имѣли много причинъ и поводовъ поддерживать своихъ старшихъ (seniores), т.-е. магнатовъ. Имѣя въ составѣ правительственнаго класса своего представителя, шляхтичи даннаго герба упрочивали тѣмъ свое положеніе и обезпечивали себѣ если не въ настоящемъ, то въ будущемъ различныя выгоды, какъ напр. полученіе отъ князя имѣнія, какой-либо должности и т. д. Вообще надо сказать, что кругъ сановныхъ, дигнитарскихъ фамилій не выдѣлялся рѣзко изъ шляхетскихъ фамилій, пополнялся нерѣдко новыми изъ ихъ среды и въ свою очередь отдѣлялъ отъ себя младшія фамиліи въ эту среду. Естественно, слѣдовательно, что и въ политической дѣятельности шляхтичи выступали солидарно съ баронами или магнатами. Рыцарство низшихъ ранговъ, состоявшее изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, по большей части находилось въ экономической зависимости отъ богатыхъ бароновъ и шляхтичей. Бѣдные рыцари, ихъ сыновья и родственники толпились обыкновенно на дворахъ вельможъ въ качествѣ ихъ слугъ (familiares), дворянъ, исполнявшихъ различныя порученія. Благодаря всему этому бароны держали рыцарство въ своихъ рукахъ, и этотъ военный классъ служилъ въ удѣльное время опорою не столько княжеской власти, сколько можновладства.

Привилегіи бароновъ и рыцарей. Ко всему этому надо прибавить, что бароны въ XII и XIII вв. успѣли стать въ отношеніи къ населенію своихъ имѣній на положеніе князей. Пользуясь своимъ значеніемъ у князей, они легко выхлопатывали освобожденіе своихъ крестьянъ отъ княжескихъ податей и повинностей и отъ юрисдикціи княжескихъ судей, иначе говоря,— получали въ свою пользу почти всѣ подати и повинности съ своихъ крестьянъ вмѣстѣ съ правомъ суда надъ ними (за исключеніемъ немногихъ дѣлъ особой важности). Князья охотно поступались въ пользу бароновъ тѣмъ, что имъ не принадлежало въ дѣйствительности, такъ какъ имѣнія, для которыхъ бароны брали себѣ привилегіи, были пустыя, только что заселялись. Вслѣдъ за баронами и рыцари, особенно шляхта, выхлопатывали себѣ подобныя же права, и въ концѣ концовъ, это стало общимъ явленіемъ, содержаніемъ рыцарскаго права (jus militale). Такимъ путемъ бароны и рыцарство съ теченіемъ времени пріобрѣли надъ доброю половиною, если не надъ большинствомъ, сельскаго населенія власть большую, чѣмъ князья. Извѣстный противовѣсъ могуществу бароновъ князья могли бы найти въ торгово-

промышленномъ классѣ мѣщанъ. Но этотъ классъ въ то время состоялъ преимущественно изъ неуспѣвшихъ еще ополячиться выходцевъ изъ Германіи, которые устроились въ новомъ отечествѣ совершенно особнякомъ отъ туземнаго населенія, въ особыхъ самоуправляющихся общинахъ (гминахъ) и не принимали почти никакого участія въ польской политической жизни.

Принявъ все это во вниманіе, мы вполнѣ и окончательно уяснимъ себѣ, почему удѣльное время было эпохою можновладства. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ, что Польша ни въ какомъ случаѣ не могла возвратиться къ былому народовластью: подъ дѣйствіемъ экономическихъ и политическихъ факторовъ въ ней создалась такая организація общества, которая уже не допускала народовластія.

Польскій феодализмъ. Подводя итогъ всему, что мы узнали о перемѣнахъ во внутренней жизни Польши въ удѣльную эпоху, мы можемъ констатировать, что первоначальная патріархальная монархія замѣнилась въ эту эпоху порядкомъ, весьма близкимъ къ западноевропейскому *феодализму*. Польша въ данномъ случаѣ шла въ своемъ государственномъ развитіи параллельно съ западноевропейскими романо-германскими государствами.

Въ тѣсной зависимости отъ экономическаго и соціально-политическаго порядка, господствовавшаго въ Польшѣ въ удѣльную эпоху, совершилось внѣдреніе въ значительномъ количествѣ нѣмецкаго элемента въ составъ населенія Польши, что въ свою очередь привело къ появленію въ Польшѣ новаго городского и сельскаго устройства.

Вызовъ нѣмецкихъ колонистовъ въ XII и XIII в. Нѣмецкій элементъ въ Польшѣ прежде всего сталъ утверждаться въ монастыряхъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Древнѣйшіе монастыри въ Польшѣ основаны были нѣмцами и постоянно пополнялись братьею изъ Германіи. Когда съ теченіемъ времени они пріобрѣли большія земли, то стали вызывать для обработки ихъ рабочій людъ изъ Германіи же. Къ концу XII в. колонизація монастырскихъ имѣній изъ Германіи приняла уже довольно значительные, замѣтные размѣры. Примѣру монастырей скоро послѣдовали и князья, у которыхъ пустыхъ, даромъ пропадавшихъ для нихъ земель было еще больше. Доходы князей, по мѣрѣ размноженія княжескаго рода съ одной стороны, по мѣрѣ обѣднѣнія Польши—съ другой, все болѣе и болѣе уменьшались. Для увеличенія ихъ князья изъ всѣхъ силъ начали хлопотать о заселеніи своихъ удѣловъ пришлыми людьми, каковые чаще всего прибывали изъ Германіи. Силезскіе князья благодаря географическому положенію своихъ владѣній и установившимся политическимъ и родственнымъ связямъ съ Германіею ранѣе другихъ польскихъ князей начали эту колонизаціонную дѣятельность. Особенно сталъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи правнукъ Болеслава Кривоустаго—Генрихъ Бородатый († 1238). Онъ большими партіями вызывалъ колонистовъ изъ Германіи, селилъ ихъ не только въ селахъ, но и городахъ, позволяя имъ устраиваться отдѣльными общинами, «гминами», на манеръ

германскихъ общинъ. Нѣсколько новыхъ нѣмецкихъ городовъ возникло при немъ въ Силезіи—Шрода (Неймарктъ), Гольдбергъ, Левенбургъ и Наумбургъ. Возникло множество новыхъ селъ какъ на княжескихъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ, ибо князь давалъ охотно льготы въ податяхъ и повинностяхъ и колонистамъ, селившимся въ частныхъ или церковныхъ имѣніяхъ. Но особенно широкіе размѣры приняла нѣмецкая колонизація какъ въ Силезіи, такъ и въ другихъ частяхъ Польши, послѣ татарскаго погрома. Князья, церковныя учрежденія и частные владѣльцы принялись усиленно хлопотать о заселеніи своихъ земель выходцами съ запада изъ Германіи. Особенно на этомъ поприщѣ прославились Болеславъ Стыдливый въ Малой Польшѣ и Болеславъ Благочестивый въ Великой. Стремленія польскихъ князей и землевладѣльцевъ совпали съ эпохою междуцарствія въ Германіи, когда купцамъ, ремесленникамъ и крестьянамъ нѣмецкимъ особенно тяжело жилось на родинѣ, когда эмиграція изъ Германіи должна была особенно усилиться. Нѣмцы цѣлыми массами устремились въ Польшу.

Осадчики. Нашлись и посредники между князьями и землевладѣльцами и прибывавшими колонистами. Въ этой роли выступали нѣмцы, ранѣе бывавшіе въ Польшѣ и знакомые съ тамошними условіями и отношеніями. Они-то и заключали обыкновенно съ князьями или частными владѣльцами договоры на основаніе нѣмецкихъ осадъ, селъ и мѣстъ. Князья и землевладѣльцы изъ своихъ земель назначали огуломъ извѣстное число лановъ для имѣющей возникнуть осады, уговаривались о правахъ и обязанностяхъ колонистовъ, о привилегіяхъ и положеніи «осадчиковъ». Эти послѣдніе обязывались привлечь колонистовъ, урядить осаду и затѣмъ управлять ею. Обыкновенно сами осадчики и вымѣряли землю подъ будущую осаду, что требовало извѣстнаго умѣнья и искусства. Не принимая въ счетъ всю негодную землю, они вымѣряли общее количество лановъ по возможности въ видѣ прямоугольника, такъ чтобы и самые ланы можно было вымѣрить регулярно, линіями, проведенными отъ одной стѣны, или границы, обмѣреннаго пространства до другой. Если осада предназначена была быть *мѣстомъ*, осадчикъ вымѣрялъ сначала четырехугольную площадь для будущаго рынка, намѣчалъ улицы въ видѣ правильныхъ линій, расходящихся отъ рыночной площади въ разныя стороны, отмѣрялъ землю подъ общественный выгонъ, а затѣмъ отдѣльные ланы въ нѣсколькихъ загонахъ, или поляхъ. Послѣ того мало-по-малу прибывали колонисты. На рынкѣ посрединѣ мѣста строилась ратуша и купеческія лавки, съ боку приходская церковь; на улицахъ появлялись дома, отдѣленные другъ отъ друга огородами; все мѣсто окружалось рвомъ, валомъ и тыномъ. Въ селѣ по обѣимъ сторонамъ широкой улицы выростали крестьянскія хаты, отдѣленныя другъ отъ друга также огородами; на большихъ, нарочно вымѣренныхъ огородахъ, селились разные деревенскіе ремесленники—рѣзники, пекари, шевцы, ковали и даже банщики, не бравшіе обыкновенно лановъ въ пахат-

номъ полѣ. Какія же права и обязанности получали осадчикъ и вызванные имъ и осаженные колонисты?

Привилегіи колонистовъ по части податей и повинностей. Въ грамотахъ, или привилегіяхъ, которыя получали осадчики, князья обыкновенно обѣщали колонистамъ полную свободу отъ всѣхъ податей и повинностей на первое время, пока они будутъ корчевать лѣсъ и устраивать пашни и все хозяйство; время это опредѣлялось по уговору. По истеченіи льготнаго времени колонисты должны были платить князьямъ *чиншъ съ* своихъ лановъ, а церкви *десятину*, деньгами. Отъ податей и повинностей, которыя несли польскіе крестьяне, колонисты обыкновенно освобождались или вовсе, или частью. Чаще всего пришельцы освобождались отъ натуральныхъ поборовъ, т.-е. отъ дачи отсыпнаго хлѣба (sep) и нарѣза (narzaz), а также отъ подводъ, «перевода» и «повоза»; рѣже отъ поральнаго и еще рѣже отъ обязанностей участвовать въ постройкѣ и ремонтѣ укрѣпленій, мостовъ и военныхъ дорогъ и давать стаціи, т.-е. кормы пріѣзжающему князю, его посламъ и гонцамъ. Тамъ, гдѣ уцѣлѣли княжескіе дворцы, и удержалось еще княжеское хозяйство, поселенцы обязывались работать извѣстное число дней на княжескихъ поляхъ, лугахъ и въ лѣсахъ. Поселенцы обязывались нести всѣ эти повинности столько лѣтъ, сколько продолжалась ихъ льгота; по истеченіи этого времени они могли безпрепятственно покидать свои земли.

Самоуправленіе въ селахъ и мѣстахъ, основавшихся на нѣмецкомъ правѣ. Колонисты получали обыкновенно льготу и въ отношеніи подсудности. Князья освобождали ихъ отъ суда воеводъ, каштеляновъ и всѣхъ своихъ урядниковъ и предоставляли имъ судиться по своему нѣмецкому праву у своихъ *войтовъ* или *солтысовъ* и *лавниковъ* (по-нѣм. шеффеновъ). Войтами и солтысами бывали обыкновенно тѣ же самые осадчики, которые вызывали колонистовъ и устраивали осаду; если осада предназначалась быть мѣстомъ, осадчикъ получалъ названіе войта, а если—селомъ, осадчикъ назывался солтысомъ (scultetus). Различіе это, впрочемъ, не всегда соблюдалось строго, и солтысы бывали нерѣдко по мѣстамъ, а войты по селамъ. Не было еще большой разницы между мѣстомъ и селомъ, и мѣсто было то же самое село, но только имѣвшее право держать у себя торгъ, лавки, корчмы и товарные склады; мѣщане были такіе же земледѣльцы, какъ и крестьяне, но только сверхъ земледѣлія они занимались ремеслами и торговлею. Даже и въ тогдашнихъ оффиціальныхъ грамотахъ мѣсто и село строго не различаются, и одно и то же поселеніе называется и мѣстомъ, и селомъ, а иногда мѣстомъ и селомъ (civitas et villa).

Войты и солтысы изъ общаго количества земли, предназначенной для осады, получали нѣсколько лановъ съ освобожденіемъ ихъ отъ чинша, и чиншъ съ каждаго шестого лана; кромѣ того—доходы съ корчомъ, мельницъ, рыбныхъ садковъ и третій грошъ отъ судебныхъ гривенъ, т.-е. пеней. Солтысы и войты судились только князьями, которые по силѣ нѣ-

мецкаго феодальнаго права, предписывавшаго, чтобы каждый судился равнымъ себѣ, приглашали семь солтысовъ или войтовъ изъ ближайшихъ селъ и мѣстъ и вмѣстѣ съ ними судили обвиняемаго по нѣмецкому праву. Нѣкоторые изъ князей, впрочемъ, вмѣсто себя сажали въ такихъ случаяхъ особыхъ *надворныхъ судей нѣмецкаго права*. Обязанности солтысовъ и войтовъ состояли въ слѣдующемъ. Они несли военную службу съ своихъ лановъ наравнѣ съ шляхтою. Вмѣстѣ съ *лавниками*, которыхъ они назначали первоначально по выбору, крестьянъ или мѣщанъ, а потомъ по выбору ихъ самихъ (per cooptationem), они производили судъ по законамъ и обычаямъ нѣмецкимъ. Судьи смотрѣли при этомъ въ *Саксонское зерцало* и въ этой книгѣ законовъ старались найти руководство при рѣшеніи того или другого запутаннаго дѣла. Впрочемъ, не всѣ дѣла князья предоставляли на разборъ солтыса и лавниковъ. Важныя уголовныя дѣла они обыкновенно оставляли за собою и для разбирательства ихъ посылали раза три въ годъ особыхъ судей, которые вмѣстѣ съ войтами и солтысами и лавниками и вершили всѣ такія дѣла.

Войты небольшихъ мѣстъ завѣдывали и всѣми остальными дѣлами общинъ, собирая въ важныхъ случаяхъ общественную сходку. Но въ большихъ мѣстахъ при войтѣ состояла особая рада, состоявшая изъ *бурмистровъ* и *радцевъ*. Изъ бурмистровъ, которыхъ обыкновенно было двое, одинъ назначался княземъ, а другой войтомъ по представленію мѣщанъ. Радцы назначались войтомъ по представленію мѣщанъ. Позже, когда въ мѣстахъ образовался патриціатъ изъ денежной аристократіи, сложился кругъ знатныхъ богатыхъ мѣщанскихъ фамилій, рада, выходившая изъ ихъ среды, мало-по-малу присвоила себѣ право кооптаціи новыхъ членовъ на мѣсто выбывшихъ. Мало того, съ теченіемъ времени во многихъ мѣстахъ, именно въ тѣхъ, которыя покупали себѣ войтовства, рада стала выбирать войта и лавниковъ. Вообще же *рада* была высшимъ административнымъ учрежденіемъ въ мѣстѣ, и вѣдѣнію ея подлежало все, что такъ или иначе связано было съ общественнымъ интересомъ и благосостояніемъ мѣста. Рада завѣдывала доходами и расходами мѣста и издавала распоряженія относительно тѣхъ и другихъ, т.-е. относительно ихъ количества, порядка взиманія и т. д. Большія мѣста получали отъ князей право собирать въ свою пользу *шосъ*, т.-е. прямой налогъ на оборотный капиталъ и депозиты, на дома, лавки и различные товары, доходы отъ общественныхъ вѣсовъ и мѣръ, на которыхъ обязательно было взвѣшивать и вымѣривать продаваемые товары, отъ воскобойни и салотопни, на которыхъ обязательно было топить воскъ и сало, отъ плавильни, въ которой обязательно было переливать серебро, отъ соляныхъ камеръ, или общественныхъ складовъ, изъ которыхъ обязательно было продавать привезенную соль, отъ суконныхъ постригаленъ, на которыхъ обязательно было стричь вытканныя и сваленныя сукна и т. д. По разнымъ мѣстамъ были и другіе косвенные налоги, которыми распоряжалась рада. Всѣ эти доходы шли на содержаніе

укрѣпленій, общественныхъ зданій, мостовыхъ, мостовъ, на уплату жалованья мѣстнымъ чиновникамъ—писарямъ, подпискамъ, синдику, инстигатору, сторожамъ и т. д. Радѣ предоставлялась и высшая полицейская власть въ мѣстѣ, въ силу которой она издавала всевозможныя постановленія, касающіяся мѣстнаго благоустройства и благочинія (вилькюры). Наконецъ, радѣ принадлежала юрисдикція по гражданскимъ дѣламъ, возникавшимъ между мѣщанами.

Положеніе нѣмецкихъ колонистовъ въ частныхъ имѣніяхъ. Мы разсмотрѣли положеніе колонистовъ, устраивавшихся въ сельскія или мѣстскія общины на княжескихъ земляхъ. Положеніе колонистовъ, устраивавшихся на земляхъ церковныхъ или панскихъ, близко подходило къ этому же, только что описанному положенію. Землевладѣльцы, намѣреваясь привлечь въ свои имѣнья нѣмецкихъ колонистовъ, выпрашивали обыкновенно у князей освобожденіе будущихъ поселенцевъ отъ княжескихъ сборовъ и повинностей, отъ подсудности княжескимъ чиновникамъ, отъ *ополья*, т.-е. отъ круговой отвѣтственности за преступленіе при неотысканіи преступника и т. д. Князья охотно выдавали въ этомъ смыслѣ жалованныя грамоты, потому что въ сущности ничего не теряли въ настоящемъ, ибо имѣнья предъ этимъ были пустырями и осуществлять въ нихъ свои права князьямъ не приходилось. Кромѣ того, князья могли надѣяться на косвенное вознагражденіе за эти уступки отъ увеличенія военныхъ и финансовыхъ средствъ своихъ княжествъ. Войты и солтысы изъ частныхъ имѣній, какъ и войты и солтысы изъ княжескихъ мѣстъ и селъ, должны были выѣзжать на войну. Колонисты, увеличивая собою населеніе княжества, увеличивали и торгово-промышленный оборотъ, совершавшійся въ немъ, а слѣдовательно и княжескую казну, которая начинала получать болѣе, чѣмъ прежде, мыта, торговаго, чоповаго и т. под. пошлинъ. Что касается суда, то низшая юрисдикція, т.-е. судъ по маловажнымъ дѣламъ, въ нѣмецкихъ осадахъ частныхъ владѣльцевъ отдавался такъ же, какъ и въ княжескихъ имѣньяхъ, войтамъ и солтысамъ. Но юрисдикцію по дѣламъ первостепенной важности князья или удерживали за собою, или же всецѣло отдавали владѣльцамъ, которые въ свою очередь или удерживали за собою или,—что случалось рѣдко,—отдавали полностью войтамъ и солтысамъ. Какъ войты и солтысы, такъ и сами владѣльцы могли судить колонистовъ не иначе, какъ по нѣмецкому праву, съ лавниками изъ среды колонистовъ и непремѣнно на той же землѣ, которую заселили колонисты. Сами войты и солтысы изъ частныхъ имѣній по жалобамъ на нихъ отвѣчали въ надворномъ судѣ пана, который составлялся изъ него самого или его надворнаго судьи и семи лавниковъ изъ войтовъ и солтысовъ или равныхъ имъ по общественному положенію лицъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы не давали суда и управы надъ войтами и солтысами, обиженнымъ предоставлялось жаловаться въ надворный княжескій судъ.

Значеніе нѣмецкой колонизаціи въ исторіи Польши. Нѣмецкая имми-

грація имѣла и положительныя, и отрицательныя послѣдствія для Польши. Заселялся въ значительной степени опустошенный и обезлюдѣвшій край, стали воздѣлываться брошенныя поля и разрабатываться новыя, оживились ремесла и торговля, стала пополняться княжеская казна, появились капиталы у землевладѣльцевъ. Колонисты принесли съ собою множество практическихъ знаній, неизвѣстныхъ дотолѣ въ Польшѣ. Ихъ предпріимчивость, трудолюбіе и неутомимая энергія благотворно повліяли примѣромъ и на польское крестьянство, въ эпоху продолжительныхъ смутъ и безпрестанныхъ разореній почти утратившее всякую охоту къ труду, вялое, апатичное, жившее днемъ. «Лазенки», гулящіе люди, прекращали свои безпрерывныя скитанія, присаживались къ нѣмцамъ въ ихъ колоніи, принимались наряду съ ними корчевать лѣсъ, расчищать луга, обзаводиться домомъ и всѣмъ хозяйствомъ. Поляки ревностно подражали нѣмцамъ, заимствовали отъ нихъ разныя свѣдѣнія, перенимали разные ихъ порядки. Землевладѣльцы, видя цвѣтущее состояніе нѣмецкихъ гминъ, принялись вводить гминное устройство среди своихъ польскихъ крестьянъ, принялись переводить ихъ на чиншъ, давать имъ тѣ же льготы, что и нѣмецкимъ колонистамъ, надѣясь получить больше дохода отъ освобожденнаго и облегченнаго труда своихъ крестьянъ. Въ городахъ появилась интеллигентная среда, черезъ которую нѣмецкіе вкусы и нѣмецкія знанія быстро стали распространяться въ Польшѣ. Можно сказать, такимъ образомъ, что нѣмецкая колонизація способствовала возрожденію Польши изъ того экономическаго и духовнаго упадка, въ какой она повергласъ въ эпоху удѣльнаго порядка.

Но на ряду съ этими положительными результатами нѣмецкой колонизаціи можно отмѣтить и нѣкоторыя послѣдствія иного рода. Нѣмецкій народный элементъ въ такой степени заполонилъ нѣкоторыя части Польши, что онѣ, можно сказать, были для нея потеряны. Другими словами, совершилось мирное завоеваніе нѣмцами и онѣмеченіе извѣстной части Польши. Таковою была въ особенности Нижняя Силезія.

Евреи. Вмѣстѣ съ нѣмцами изъ Германіи прибыло значительное количество евреевъ, покинувшихъ Германію вслѣдствіе притѣсненій въ эпоху крестовыхъ походовъ. Въ Польшѣ евреи, какъ и всюду, занялись торговлею и ростовщичествомъ; кромѣ того, нѣкоторые князья пользовались ихъ услугами въ монетномъ дѣлѣ и въ финансовыхъ мѣропріятіяхъ, напр. отдавали имъ на откупъ торговыя пошлины, корчмы и т. д. Въ 1264 году евреи получили отъ Калишскаго князя Генриха Благочестиваго привилей, послужившій основнымъ закономъ, опредѣлившимъ ихъ положеніе въ польскомъ обществѣ. Въ тяжбахъ между собою евреи изъяты были отъ мѣстнаго суда, имъ гарантирована была личная и имущественная неприкосновенность, свобода вѣроисповѣданія, охрана кладбищъ и синагогъ. Евреи поставлены были подъ непосредственную опеку князя и его замѣстителя—воеводы.

Важнѣйшая литература.

Szujski J., Dzieje Polski, tom I. Lwów 1862.

M. Bobrzyński. Dzieje Polski w zarysie, tom I. wyd. 3. Warszawa 1887 (по-русски: Очеркъ исторіи Польши, перев. подъ редакц. Н. И. Карѣева. 1892).

St. Smolka, Mieszko Stary i jego wiek. Warszawa 1881.

R. Hube, Prawo polskie w wieku XIII. Warszawa 1874.

Fr. Piekosiński, O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu, Kraków 1888.

— Rycerstwo polskie, wieków średnich, t. I—III. Kraków 1897—1901.

M. Bobrzyński, Geneza społeczeństwa polskiego na podstawie kroniki Gałła и dyplomatów XII wieku (Rosprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie, tom XIV. Kraków 1881).

D-r Fr. Piekosiński, O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i jego pierwotnyw ustroju (ibidem).

St. Smolka, Uwagi o pierwotnym ustroju społecznym Polski z powodu rozpraw pp. Bobrzyńskiego i Piekosińskiego (ibidem).

J. Szujski, Kraków aż do początków XV wieku (Opowiadania i roztrząsania historyczne. Warszawa 1882).

Fr. Piekosiński, O sądach wyższych prawa niemieckiego w Polsce wieków średnich (Rozprawy i sprawozdania, tom XVIII. Kraków 1885).

O łanach w Polsce wieków średnich (Rozprawy i sprawozdania, tom XXI. Kraków 1888).

Ludnośc wieśniacza w Polsce w dobie Piastowskiej. Kraków 1896.

M. Bobrzyński, Kartka z dziejów ludu wiejskiego w Polsce (Rocznik Akad. Umiejętności w Krakowie. Rok 1891—1892).

Szelągowski A., Chlopi dziedzice we wsiach na prawie polskiem do końca XVI wieku. Lwów 1899.

XXI.

Возрожденіе польской монархіи и ея внутренняя организація при Владиславѣ I и Казимирѣ Великомъ.

Удѣльная система привела Польшу къ совершенному распаденію. Самое названіе «Польша» перестало быть политическимъ терминомъ и сохраняло одно только этнографическое значеніе. Но съ того именно момента, когда удѣльный порядокъ выразился въ своихъ крайнихъ послѣд-

ствіяхъ, и начался въ Польшѣ поворотъ къ новому порядку, обнаружилась тенденція къ возстановленію государственнаго единства.

Коронація Пржемыслава II. Эта тенденція пробудилась подъ дѣйствіемъ опасности, которая стала угрожать народной самобытности Польши со стороны сосѣдей, и на первыхъ порахъ выразилась въ принятіи великопольскимъ княземъ Пржемысловомъ II королевскаго титула въ 1295 г. Пржемыславъ II соединилъ было въ своихъ рукахъ Великую и Малую Польшу. Но въ 1291 году король Чешскій Вацлавъ II по приглашенію части малопольской шляхты выслалъ войско въ Малую Польшу и занялъ Краковъ. Ему подчинилась вскорѣ и вся южная Польша—Сандомиръ, верхняя Силезія. Пржемыславъ былъ не въ силахъ бороться съ Вацлавомъ оружіемъ и обратился къ другому средству. Съ разрѣшенія папы архіепископъ Гнѣзненскій въ присутствіи другихъ епископовъ короновалъ его въ 1295 году королемъ. Этимъ торжественнымъ актомъ высшая церковная власть рекомендовала Пржемыслава польскому обществу, какъ настоящаго государя, представителя ея единства и независимости, и имѣла въ виду ограничить авторитетъ и обаяніе пришлаго иноземнаго короля, который съ своей стороны сталъ было принимать всѣ мѣры для расширенія и прочнаго утвержденія своей власти въ странѣ.

Чешское господство въ Польшѣ. Но въ слѣдующемъ 1296 году Пржемыславъ II былъ убитъ. Его княжество сдѣлалось ареною вооруженныхъ домогательствъ польскихъ и даже иноземныхъ князей, напр. маркграфа Бранденбургскаго. Наступило полное безнарядье въ странѣ, увеличились разбои и всяческія насилія. Великополяне изъ этого положенія не нашли иного выхода, кромѣ подчиненія Чешскому королю Вацлаву II. Въ рукахъ Вацлава оказалась такимъ образомъ и Великая, и Малая Польша. Овладѣвъ большею частью Польши, Вацлавъ въ 1300 году короновался въ Гнѣзнѣ Польскимъ королемъ. Свое новое государство онъ призналъ леномъ Германской имперіи. Послѣ того, разставивъ своихъ *старостъ*, или намѣстниковъ, съ вооруженными отрядами по главнымъ городамъ Польши, Вацлавъ удалился въ Чехію.

Утвержденіе власти Владислава Локотка въ Малой Польшѣ и другихъ земляхъ. Кромѣ Польши, Вацлавъ пріобрѣлъ для своего дома и Венгрію. Въ 1301 году въ Венгріи угасъ королевскій родъ Арпадовъ, и венгры пригласили на королевскій престолъ сына Вацлава по имени тоже Вацлава. Утвержденіе чешскаго королевича на венгерскомъ престолѣ задѣло и папу Бонифація VIII, прочившаго на этотъ престолъ неаполитанскаго принца изъ Анжуйскаго дома—Карла Роберта, и императора Альбрехта I, недовольнаго расширеніемъ чешскаго могущества. Противъ Вацлава составилась могущественная лига, которая вступила съ нимъ въ борьбу, чтобы заставить его отказаться отъ Польши и Венгріи. Этою борьбою воспользовался изгнанный изъ Польши брестско-куявскій князь Владиславъ Локотокъ. Изъ Венгріи, которая перешла во владѣніе Карла Анжуйскаго, Владиславъ

въ 1304 году вторгнулся въ Малую Польшу и овладѣлъ Вислицею, при поддержкѣ мѣстнаго польскаго населенія. Этотъ городъ сталъ для него точкою опоры при дальнѣйшемъ распространеніи своей власти въ Польшѣ, для чего вскорѣ представились благопріятныя обстоятельства. Вацлавъ II умеръ въ 1305 году, и на чешско-польскомъ престолѣ сѣлъ его сынъ Вацлавъ III, человѣкъ леткомысленный, лѣнивый и распущенный. Сандомиръ, Сѣрадзь и, наконецъ, самый Краковъ очень скоро заняты были Владиславомъ Локоткомъ. Когда же въ слѣдующемъ 1306 году Вацлавъ III палъ отъ руки убійцы, верховную власть Владислава Локотка признала значительная часть польскихъ земель. Чешское господство въ странѣ кончилось, оставивъ послѣ себя слѣдъ въ видѣ новой должности *старостъ*, которая послужила опорою для возрождающейся королевской власти, и въ видѣ чешской монетной системы.

Утрата Поморья. Не смотря на признаніе власти Локотка многими польскими землями, положеніе его сначала было въ высшей степени трудное. Его не признала Великая Польша, которою овладѣлъ силезскій князь Генрихъ Глоговскій; князья мазовецкіе до конца его жизни оставались его противниками; ему былъ враждебенъ многочисленный и могущественный нѣмецкій элементъ въ польскомъ населеніи. Вслѣдствіе этого прежде, чѣмъ онъ окончательно утвердился на королевскомъ престолѣ, Польша понесла чувствительную территоріальную потерю—утратила Гданское Поморье.

Это Поморье возвращено было Польшѣ Пржемысломъ II, которому отказалъ его послѣ своей смерти бездѣтный Поморскій князь Мщуй II. Но Вацлавъ III въ бытность свою королемъ Польскимъ уступилъ Поморье маркграфу Бранденбургскому. Владиславъ Локотокъ по смерти Вацлава III занялъ было Поморье своими войсками, но бранденбуржцы вытѣснили ихъ оттуда, за исключѣніемъ небольшого гарнизона въ Гданскѣ. Занятый борьбою съ Генрихомъ Глоговскимъ, Владиславъ Локотокъ не могъ оборонять Поморье и оказать помощь Гданскому гарнизону. Въ трудномъ положеніи онъ обратился къ Прусскимъ крестоносцамъ съ просьбою, чтобы они помогли полякамъ вытѣснить бранденбуржцевъ изъ Поморья, обѣщая выплатить военныя издержки. Крестоносцы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы захватить въ свои руки Поморье, на которое они уже давно зарились. Они дѣйствительно оттѣснили бранденбуржцевъ и заняли весь край. Когда же Владиславъ Локотокъ сталъ просить ихъ очистить Поморье отъ своихъ войскъ, предлагая уплату военныхъ издержекъ, крестоносцы заломили съ него такую сумму, которую онъ не въ состояніи былъ выплатить, и которая превышала стоимость всего Поморья. Владиславъ ничего не былъ въ состояніи сдѣлать противъ этого и только подалъ жалобу папѣ. Онъ приступилъ къ борьбѣ съ крестоносцами лишь тогда, когда упрочилъ и расширилъ свою власть въ Польшѣ.

Утвержденіе власти Владислава Локотка въ Великой Польшѣ и его коронація. Въ 1309 году умеръ Генрихъ Глоговскій въ Великой Польшѣ,

и великополяне, наконецъ, приняли къ себѣ на княженіе Владислава Локотка. Правда, нѣмецкіе мѣщане не только въ Великой, но и въ Малой Польшѣ подняли открытый мятежъ противъ Локотка, но съ этимъ мятежомъ онъ справился очень скоро, и мѣщане смирились. Усиливъ и обезпечивъ свое положеніе, Владиславъ Локотокъ по всеобщему желанію рѣшилъ увѣнчать коронаціею дѣло государственнаго объединенія. Коронація состоялась не въ Гнѣзнѣ, какъ бывало прежде, а *въ Краковѣ*, 20 января 1320 года. Эту коронацію, въ силу которой польскія земли непосредственно или посредственно соединились въ одно королевство, можно разсматривать, какъ новую эру въ польской исторіи. Съ того времени и городъ Краковъ сталъ *стольнымъ городомъ*, въ которомъ короновались польскіе короли.

Борьба съ Орденомъ за Поморье и новыя потери Польши. Послѣ того Владиславъ Локотокъ обратилъ свои усилія на возвращеніе Поморья. Ему не удалось сдѣлать этого дипломатическими средствами. Назначенная папою судебная комиссія присудила Орденъ къ возвращенію Поморья. Но Орденъ не подчинился этому рѣшенію, и Владиславу пришлось взяться за оружіе. Послѣдніе семь лѣтъ своей жизни престарѣлый король провелъ въ геройской борьбѣ съ Орденомъ и его союзниками—Чешскимъ королемъ Яномъ Люксембургскимъ и маркграфомъ Бранденбургскимъ. Онъ сблизился для этой борьбы съ Венгерскимъ королемъ Карломъ Робертомъ, за котораго выдалъ свою дочь Елизавету, и съ великимъ княземъ Литовскимъ Гедиминомъ, на дочери котораго Аннѣ женилъ своего сына Казимира. Не смотря на эти связи, ему не удалось вырвать Поморье изъ цѣпкихъ рукъ Ордена. Война ознаменовалась только большими разореніями Польши. Особенно памятенъ былъ погромъ 1331 года, постигшій Великую Польшу, Куявію и земли Ленчицкую и Сѣрадзьскую (на верхней Вартѣ и Вислѣ). Всѣ почти земли и мѣста, кромѣ Калиша и Познани, дымились послѣ того пожарищами и лежали въ развалинахъ. Вторженіе враговъ носило характеръ истребительный, было какою-то оргіею самаго неистоваго варварства. Рыцари жгли, разоряли, убивали съ безпощадною жестокостью, съ какою-то злобною методичностью, какъ будто бы хотѣли стереть съ лица земли Польшу. Папское вмѣшательство прекратило только на время войну, и старый Локотокъ умеръ въ разгаръ ея, передавъ ее по наслѣдству сыну вмѣстѣ съ разоренным до тла и истощеннымъ государствомъ, которое уже растратило свои силы, не успѣвъ еще порядкомъ и набрать ихъ. Кромѣ Поморья, потеряна была земля Добринская, завоеванная крестоносцами, часть Силезіи, признавшая суверенитетъ Чешскаго короля; этотъ суверенитетъ признавала также Мазовія.

Личность Казимира Великаго и общій характеръ его политики. Изъ бѣдственнаго положенія, въ какое попала Польша въ концѣ царствованія Владислава Локотка, вывелъ ее сынъ Владислава *Казимиръ Великій* (1333—1370). Онъ не только вернулъ часть того, что потеряно было его отцомъ,

но и крѣпче объединилъ возродившееся польское королевство, возстановилъ его матеріальныя и духовныя силы.

Все это Казимиръ сдѣлалъ совершенно инымъ путемъ, чѣмъ его отецъ. Казимиръ по личнымъ своимъ свойствамъ совершенно не походилъ на своего отца. Въ немъ не было и тѣни того рыцарскаго героизма, коимъ была полна патура его отца. Это былъ—холодный, разсчетливый и изворотливый политикъ. Свои задачи онъ всегда ограничивалъ предѣлами возможнаго по тѣмъ силамъ и средствамъ, которыми располагалъ въ данную минуту, и не шелъ подобно отцу на рискъ, на удачу. Онъ точно взвѣшивалъ всѣ обстоятельства и обладалъ въ высшей степени умѣньемъ принаравливаться къ нимъ и извлекать изъ нихъ то, что было наилучшимъ не только для даннаго момента, но и для отдаленнаго будущаго. Выросши подъ впечатлѣніемъ постоянныхъ неудачъ отцовской политики, Казимиръ подобно многимъ другимъ современникамъ проникся сознаніемъ, что одной отваги и храбрости далеко недостаточно въ борьбѣ за существованіе. Сдѣлавшись въ 1333 году королемъ, онъ оставилъ политику приключеній, загасилъ воинственный пылъ и задоръ и, воздерживаясь отъ безполезныхъ и разорительныхъ войнъ, щадилъ народныя силы. Почти исключительно дипломатическими средствами ему удалось воротить часть того, что потеряла Польша при его отцѣ, и установить мирное сожительство Польши съ двумя опасными сосѣдями, изъ которыхъ каждый былъ сильнѣе ея.

Потеря Силезіи и уступка Поморья; присоединенія Галицкой и Бельзско-Холмской земель. Казимиръ понималъ, что разоренная и истощенная Польша не въ состояніи болѣе бороться съ внѣшними врагами и потому во что бы то ни стало старался доставить ей миръ на возможно продолжительное время. Прежде всего онъ помирился съ Чешскимъ королемъ—Яномъ Люксембургскимъ. Въ силу Вышеградскаго договора 1335 года Казимиръ призналъ суверенитетъ Чешскаго короля надъ тѣми силезскими княжествами, которыя держали его сторону, и надъ Плоцкимъ княжествомъ въ Мазовіи и обязался уплатить Чешскому королю 20 т. копъ пражскихъ широкихъ грошей. Потеря была въ высшей степени чувствительная. Но зато Казимиръ добился отъ Чешскаго короля отказа отъ претензій на Польскую корону. Впрочемъ, Мазовію Казимиру удалось вернуть обратно по договору съ преемникомъ Яна—Карломъ IV, извѣстнымъ императоромъ Германскимъ. Въ 1355 году Казимиръ уступилъ Чешскому королю послѣднія силезскія княжества, на которыя простирался его суверенитетъ, но за то вернулъ для Польши Мазовію: князь Земовитъ III долженъ былъ признать суверенитетъ Казимира надъ всею Мазовіею, которая вошла такимъ образомъ въ тѣсный политическій союзъ съ короною Польскою. Для обезпеченія мира Польшѣ и для удержапія того, что имѣлъ, Казимиръ принужденъ былъ пожертвовать Поморьемъ. По миру, заключенному въ Калишѣ въ 1343 году, къ Польшѣ вернулись земли Куявская и Добринская, но Поморье осталось за Орденомъ. Такимъ образомъ, возродившееся въ началѣ XIV в. Польское коро-

левство объединило въ себѣ всѣ исконныя польскія земли, кромѣ Силезіи и Гданскаго Поморья. Утрату исконныхъ польскихъ земель Казимиръ вознаградилъ съ избыткомъ присоединеніемъ къ Польшѣ плодородной и обширной Галицкой земли, въ которой прекратился княжескій родъ, и части Волыни, именно Бельзско-Холмской земли. Эти земли сдѣлались для Польши базисомъ при дальнѣйшемъ наступленіи ея на востокъ, въ плодородные русскіе края. Казимиръ употребилъ всѣ старанія, чтобы тѣснѣе соединить новопріобрѣтенныя земли съ Польшею. Онъ выхлопоталъ у Константинопольскаго патріарха особаго митрополита для Галицкой Руси, чтобы уничтожить всякую связь пріобрѣтенныхъ земель съ остальною Русью, учредилъ для поляковъ и нѣмецкихъ колонистовъ, прибывавшихъ на Русь, католическихъ епископовъ въ Галичѣ, въ Перемышлѣ и Холмѣ, давалъ различныя льготы и привилегіи разноплеменнымъ, но богатымъ и вліятельнымъ горожанамъ и т. д. Лаская и взыскивая своими милостями мѣстное населеніе, Казимиръ въ то же время не забывалъ и польскую шляхту и щедро раздавалъ ей имѣнія въ новопріобрѣтенномъ краѣ, хорошо понимая, что это наилучшее средство сдѣлать его польскимъ.

Итакъ, польское государственное единство вновь возродилось. Посмотримъ же теперь, какимъ вышло возродившееся государство, съ какимъ внутреннимъ строемъ и характеромъ.

Особность и самобытность воеводствъ послѣ объединенія. Государство Локотка и Казимира образовалось вслѣдствіе соединенія въ рукахъ одного государя отдѣльныхъ земель, бывшихъ предъ тѣмъ маленькими государствами. Соединеніе это на первыхъ порахъ было почти что личною уніею этихъ земель, связывавшихся другъ съ другомъ главнымъ образомъ особою общаго государя. Короли не уничтожали особности и самобытности земель, оставляли имъ ихъ прежнія власти—воеводу, каштеляновъ, судей и подсудковъ, стольника, подстолія, мечника, хоружія, подкоморія и т. д., которые получили названіе *земскихъ*, оставляли прежніе съѣзды высшаго духовенства, бароновъ и шляхты, или *вѣча*, на которыхъ производился судъ и рѣшались различныя мѣстныя дѣла, оставляли и мѣстныя ополченія. Отъ первыхъ сановниковъ—воеводъ земли эти стали называться *воеводствами*.

Органы центральной государственной власти. Но при всемъ томъ королямъ для того, чтобы держать всѣ эти воеводства въ соединеніи, чтобы осуществлять въ нихъ свою власть, нельзя было обойтись безъ своихъ собственныхъ должностныхъ и довѣренныхъ лицъ. Объединеніе Польши необходимо вело къ созданію извѣстныхъ органовъ центральнаго правительства—какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ. Такіе органы и явились въ лицѣ высшихъ надворныхъ урядниковъ—*подскарбія* для завѣдыванія доходами короля, *канцлера* для управленія королевскою канцеляріею и *маршалка* для надзора за безопасностью и благочиніемъ въ мѣстѣ пребыванія короля. Въ областяхъ органами короля явились *старосты*. Эти

старосты поставлены были по городамъ во время чешскаго господства. Но учрежденіе это оказалось настолько полезнымъ въ интересахъ королевскихъ и общегосударственныхъ, что и Казимиръ сталъ держать по городамъ своихъ старостъ. На нихъ онъ возложилъ общій надзоръ и управленіе королевскими имуществами въ областяхъ, сборъ королевскихъ доходовъ и поддержаніе общественнаго спокойствія въ областяхъ. Предшествовавшіе вѣка удѣльнаго дробленія, безсилія государственной власти, внутреннихъ смутъ и неурядицъ оставили по себѣ массу всяческаго произвола и безправія, вошедшаго въ плоть и кровь всѣхъ сильныхъ людей. Разбои, грабежи, нападенія на дома, поджоги, насилія надъ женщинами были въ то время обычными явленіями. Особенно отличались въ этомъ отношеніи военные люди, паны и шляхтичи. Казимиръ съ первыхъ же лѣтъ своего правленія энергически принялся за истребленіе зла. «Былъ онъ,—говоритъ про него его подканцлеръ Янъ Чарнковскій,—благочестивѣйшимъ покровителемъ и защитникомъ добрыхъ и честныхъ, лютымъ преслѣдователемъ злыхъ разбойниковъ, грабителей и клеветниковъ. Тѣхъ, кто совершалъ разбои и кражи, какъ бы знатны они ни были, приказывалъ обезглавливать, топить или морить голодомъ». То же самое поручалъ онъ дѣлать и довѣреннымъ людямъ, которыхъ назначалъ старостами по городамъ. Въ ихъ распоряженіе отданы были мѣстныя военныя силы съ цѣлью подавлять всякіе мятежи и волненія въ областяхъ, а также обуздывать произволъ и насилія. Имъ онъ предоставилъ судить безаппелляціонно и наказывать смертію разбойниковъ, грабителей на большихъ дорогахъ, поджигателей и всѣхъ, кто чинилъ нападенія на домъ и насилія надъ женщинами. Дѣла по этимъ преступленіямъ были изъяты изъ компетенціи мѣстныхъ судей—каштеляновъ, земскихъ судей, войтовъ и солтысовъ и предоставлены были разбирательству старостъ, составили ихъ «старостинскіе артикулы». Такимъ путемъ старосты становились органами центральной власти, представителями и поборниками интерссовъ государственнаго единства и благоустройства.

Вислицкій и Петрковскій статуты. Стремленіе къ объединенію и благоустроенію государства проявилось со стороны возродившейся королевской власти и въ области законодательства, выразилось въ изданіи общегосударственнаго свода законовъ. По части законовъ въ Польшѣ на первыхъ порахъ послѣ объединенія царилъ полный хаосъ. До Казимира польскіе суды совершались по праву обычному, сильно разнообразившемуся по отдѣльнымъ мѣстностямъ, и отъ времени забывавшемуся и затиравшемуся; существовали, кромѣ того, отдѣльныя княжескія распоряженія, изданныя по разнымъ случаямъ, и потому нерѣдко противорѣчившія другъ другу. Такое положеніе вещей сдѣлалось въ концѣ концовъ нетерпимымъ и побудило Казимира собрать воедино и привести въ систему всѣ законы и обычаи, имѣющіе обязательную силу, «чтобы при единомъ государѣ было и одно право, и одна монета». Впрочемъ законодательная работа Казимира не ограничилась одною редакціею существующихъ законовъ и обычаевъ,

а создала рядъ новыхъ узаконеній для блага общественнаго, которыя замѣнили или измѣнили устарѣвшіе обычаи, пополнили то, что недоставало въ прежнемъ правѣ. Не даромъ въ этой работѣ участвовали такіе правовѣды, какъ Ярославъ Скотницкій, архіепископъ Гнѣзненскій, ученикъ и бывшій ректоръ Болонскаго университета, и Янушъ Стрѣлецкій, докторъ правъ и канцлеръ Краковскій. Когда новый кодексъ или статутъ былъ готовъ, Казимиръ сначала предложилъ принять его малополянамъ, что и состоялось на Вислицкомъ съѣздѣ въ 1347 году. Въ томъ же году приняли его и великополяне, выговоривъ себѣ нѣкоторыя исключенія, сообразно съ своими мѣстными правами и обычаями. Такимъ образомъ, статутъ изданъ былъ сначала отдѣльно для Малой Польши (Вислицкій) и отдѣльно для Великой (Петрковскій). Позже, въ 1368 г., Вислицкій и Петрковскій статуты были соединены въ одинъ кодексъ. Статутъ опредѣлялъ мѣста и время засѣданія судовъ, строгими карами охранялъ ихъ порядокъ и спокойствіе; каждому обвиняемому предоставлялъ имѣть защитника, или прокуратора; стремился ограничить волокиту уничтоженіемъ аппелляціи отъ приговоровъ, состоявшихся въ присутствіи государя, и вообще затрудненіемъ ея черезъ предварительную уплату такъ называемаго *коча* или коцоваго судьѣ; отмѣнялъ старинный принципъ родовой солидарности, отвѣтственности сына за отца и наоборотъ; дозволялъ кметямъ покидать своего пана въ случаѣ отлученія его отъ церкви или насилій съ его стороны, запрещалъ брать имущество кметя за панскій долгъ, ограничивалъ право пана на возвращеніе бѣжавшаго кметя однимъ годомъ; ограничивалъ промышленную дѣятельность евреевъ ссудами подъ залогъ и отказывалъ имъ въ законномъ взысканіи денегъ, занятыхъ у нихъ молодыми людьми для азартныхъ игръ; опредѣлялъ наивысшій денежный штрафъ—«семьдесятъ» за порчу межевыхъ ямъ, бортныхъ и плодовыхъ деревьевъ и т. д.

Высшіе суды нѣмецкаго права. Государственное объединеніе Польши внесло нѣкоторыя перемѣны и въ область судоустройства и судопроизводства по нѣмецкому праву. Въ удѣльную эпоху войты и солтысы нѣмецкихъ осадъ судились, какъ уже сказано выше, либо князьями, либо ихъ надворными судьями нѣмецкаго права. Эти надворные судьи съ объединеніемъ государства, съ уничтоженіемъ удѣльныхъ столовъ, превратились въ провинціальныхъ судей или войтовъ. Предъ ними продолжали судиться войты и солтысы мѣстъ и селъ, осѣвшихъ въ удѣльную эпоху. Но нѣмецкая колонизація продолжалась и при Владиславѣ Локоткѣ, и въ особенности при Казимирѣ Великомъ, по замиреніи государства. По словамъ Яна Чарнковскаго, «при этомъ королѣ въ лѣсахъ, рощахъ и кустарникахъ такъ много осѣло селъ и мѣстъ, какъ еще прежде никогда не бывало». Кромѣ того, почти всѣ селенія на польскомъ правѣ переводились на право нѣмецкое. Войты и солтысы этихъ новыхъ колонистовъ согласно установившемуся обычаю получали право отвѣчать только передъ государемъ или его надворнымъ судьею. Провинціальные войты, какъ

бывшіе надворные судьи удѣльныхъ князей, не могли быть признаны въ качествѣ королевскихъ надворныхъ судей. Поэтому всѣ жалобы на войтовъ и солтысовъ новыхъ осадъ стали поступать въ *королевскій надворный судъ нѣмецкаго права*, отправлявшійся тамъ, гдѣ находился въ данное время король, съ семью лавниками изъ войтовъ и солтысовъ ближайшихъ селъ и мѣстъ. Но такой порядокъ былъ въ высшей степени неудобенъ для тяжущихся въ виду частыхъ поѣздокъ короля по государству и накопленія огромнаго числа дѣлъ въ одномъ судѣ. Это привело къ учрежденію постоянныхъ надворныхъ судовъ въ нѣсколькихъ городахъ—Краковѣ, Сандомирѣ, Сончи и Познани. Въ этихъ судахъ, получившихъ названіе *замковыхъ судовъ нѣмецкаго права*, предсѣдательствовали провинціальные войты, особо для того назначенные, съ лавниками изъ войтовъ и солтысовъ окрестныхъ мѣстъ и селъ.

Въ 60-хъ годахъ XIV столѣтія замковый судъ нѣмецкаго права, въ Краковѣ, удерживая свою компетенцію, получилъ еще новое назначеніе. Лавы, судившія крестьянъ и мѣщанъ по нѣмецкому праву, въ сомнительныхъ случаяхъ, когда затруднялись произнести приговоръ, обращались къ какой-нибудь лавѣ, болѣе свѣдующей, и отъ нея старались получить разъясненіе права. Такъ же поступали и сами тяжущіеся, недовольные рѣшеніемъ своей лавы. Обращеніе за приговорами, или *ортелями* (Urtheil) на сторону въ XIII и первой половинѣ XIV в. было очень распространено въ Польшѣ, при чемъ обращались обыкновенно въ тѣ мѣста, по образцу которыхъ устроена была данная осада: въ Магдебургъ, если осада была на магдебургскомъ правѣ, въ Шроду, если на Шродскомъ, въ Кульмъ и т. д. Много денегъ уходило такимъ путемъ изъ Польши, такъ какъ ортели не давались даромъ, а покупались, и тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе славилось извѣстное мѣсто своими юристами. Сутяги разорялись иногда въ конецъ въ поискахъ за справедливымъ ортелемъ. Происходила страшная волокита, при которой трудно было добиться на судѣ справедливости, въ особенности бѣдняку. Казимиръ рѣшился положить конецъ этому порядку вещей, обременительному для общества и несовмѣстному съ государственнымъ достоинствомъ. Послѣ совѣщаній съ духовенствомъ, рыцарствомъ, войтами и радцами мѣстъ, солтысами селъ Казимиръ издалъ указъ, коимъ запрещалъ обращаться за ортелями за границу. Въ замковомъ Краковскомъ судѣ нѣмецкаго права была положена книга нѣмецкаго права, т.-е. Саксонское зерцало и Магдебургскія узаконенія, и до этой книги рекомендовалось аппеллировать отъ приговора лавниковъ. Замковый судъ нѣмецкаго права въ Краковѣ сталъ *высшимъ всеобщимъ судомъ нѣмецкаго права въ Польшѣ*. Отъ приговора этого суда, впрочемъ, можно было аппеллировать къ самому королю и взять отъ него судей-коммиссаровъ, изъ радцевъ шести мѣстъ—Кракова, Сонча, Велички, Бохніи, Казимира и Илькуша, и только приговоръ этого коммиссарскаго суда былъ окончательнымъ.

Изъ всего этого видно, что и въ устройствѣ судовъ нѣмецкаго права государственное объединеніе Польши отразилось такими же надстройками надъ созданіемъ удѣльной эпохи, какія замѣчаются и въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Мѣры по оборонѣ страны. Возродившаяся королевская власть въ лицѣ Казимира развила энергичную дѣятельность не только по водворенію внутренняго мира и безопасности, по утвержденію правосудія въ странѣ, но и по защитѣ государства со стороны внѣшнихъ враговъ, по развитію матеріальнаго благосостоянія и просвѣщенія общества. «Этотъ король,— говоритъ про Казимира Янъ Чарнковскій,—изъ всѣхъ польскихъ государей наиболѣе дѣятельно управлялъ своею землею. Какъ второй Соломонъ, онъ прославилъ свои дѣла, отстроивъ изъ камня мѣста, замки, дома. Во-первыхъ, украсилъ онъ Краковскій замокъ чудными домами, башнями, скульптурными работами и разноцвѣтными узорами, чрезвычайно красивыми крышами... И много другихъ мѣстъ обстроилъ онъ камнемъ... Всѣ эти мѣста и замки онъ обстроилъ крѣпчайшими стѣнами, домами и высокими башнями, глубочайшими рвами и другими укрѣпленіями во славу, убѣжище и защиту народа королевства Польскаго». Казимиръ не оставилъ безъ вниманія и организаціи войска. Въ своемъ статутѣ онъ постановилъ: на войну должны являться не одни только шляхтичи, но рѣшительно всѣ, кто владѣетъ землею—духовные, шляхта, мѣщане, солтысы; у кого много земли, тотъ долженъ являться не одинъ, а съ соотвѣтствующимъ величинѣ имѣнья числомъ вооруженныхъ рыцарей или слугъ. На первый и второй королевскій «вицъ», т.-е. зовъ, всѣ должны готовиться на войну, на третій — идти подъ начальство каштеляна своего повѣта, который долженъ вести собравшихся въ сборный пунктъ воеводства и ставить ихъ подъ знамя воеводы, а этотъ—вести ихъ уже на театръ военныхъ дѣйствій подъ команду главнаго военачальника (гетмана).

Покровительство торговлѣ и промышленности. Казимиръ хорошо понималъ тѣсную зависимость государственныхъ финансовъ отъ народнаго благосостоянія и всѣми мѣрами покровительствовалъ развитію торговли и промышленности въ странѣ. Онъ заключалъ трактаты съ сосѣдями, въ которыхъ выговаривалъ различныя льготы и преимущества польскимъ купцамъ; наиболѣе значительнымъ мѣстамъ онъ давалъ право склада, въ силу котораго иностранные товары, шедшіе черезъ Польшу транзитомъ, обязательно должны были продаваться купцамъ этихъ мѣстъ и далѣе перепродавались уже купцами этихъ мѣстъ, получавшими отъ того не малые барыши; для облегченія торговаго движенія Казимиръ пролагалъ удобныя дороги и поддерживалъ въ порядкѣ старые «гостинцы», увеличивалъ торги и ярмарки и т. д. Ремесленная и фабричная промышленность нашли въ немъ также усерднаго покровителя. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ матеріальное благосостояніе общества сильно поднялось, появились, напр., такіе состоятельные люди, какъ

Краковскій мѣщанинъ Вирзингъ, оказавшійся въ силахъ пригласить къ себѣ для угощенія пять королей и нѣсколько князей, съѣзжавшихся въ 1363 году для совѣщаній о крестовомъ походѣ на турокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Казимиръ сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ королей въ Европѣ. За своею внучкою Елизаветою, дочерью Щетинскаго князя Богуслава, Казимиръ былъ въ состояніи дать приданое въ 100 т. золотыхъ червонцевъ. За деньги онъ покупалъ цѣлыя княжества, напр. Гнѣвковское, и вообще деньги играли значительную роль въ его внѣшней политикѣ.

Распространеніе просвѣщенія. Казимиръ понималъ также и тѣсную связь народнаго и государственнаго благосостоянія съ просвѣщеніемъ общества. Поэтому образованіе нашло въ немъ усерднаго пропагандиста и мецената. При немъ по всему краю распространились тѣ церковныя школы, которыя прежде существовали только въ столицахъ, и въ которыхъ преподавались такъ называемыя свободныя науки,—грамматика, реторика, діалектика, ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка, долженствовавшія подготовлять людей, способныхъ изучать право и богословіе въ высшихъ школахъ. Въ его время появилось уже много людей, владѣвшихъ и устно, и письменно латинскимъ языкомъ; изъ нихъ заслуживаетъ упоминанія его подканцлеръ архидіаконъ Гнѣзненскій *Янъ изъ Чарнкова*, составившій превосходную хронику его царствованія. Много поляковъ при Казимирѣ отправлялось за границу ко дворамъ иностранныхъ государей съ цѣлью отполироваться въ настоящихъ рыцарей или присмотрѣться къ искусству правленія, много ѣздило и въ университеты Болонскій и Парижскій слушать право и богословскія науки. Казимиръ не только не запрещалъ этого, но всячески поощрялъ и образовавшимся за границею лицамъ предпочтительно передъ самыми знатными и родовитыми раздавалъ духовныя и свѣтскія должности, въ особенности судебныя. Желая на будущее время составить контингентъ судей и чиновниковъ изъ образованныхъ юристовъ, Казимиръ съ благословенія папы Урбана V основалъ въ 1364 году *университетъ въ Краковѣ* по образцу Болонскаго. Наука права выдвинута была въ преподаваніи этого университета на первый планъ, и для изложенія ея назначено семь профессоровъ, вызванныхъ изъ-за границы.

Положеніе королевской власти при Казимирѣ Великомъ. Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что возродившаяся въ XIV вѣкѣ польская монархія развила необыкновенно энергическую дѣятельность, приведшую къ подъему матеріальнаго благосостоянія и духовнаго уровня, къ улучшенію гражданскаго строя польскаго общества. Естественно возникаетъ вопросъ, какое положеніе занимала при этомъ королевская власть, дѣйствовала ли она самовластно или при содѣйствіи общественныхъ силъ,— другими словами: съ возстановленіемъ польской монархіи возродилась ли прежняя самодержавная королевская власть или нѣтъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, приходится констатировать, что удѣльная эпоха не прошла въ этомъ отношеніи безслѣдно. Новая польская монархія получила отъ нея

вліятельный классъ прелатовъ и бароновъ, изъ которыхъ набирались должностныя лица въ областяхъ, которыя въ мѣстныхъ обществахъ занимали политически преобладающее положеніе. Королевская власть не могла не считаться съ этимъ классомъ. Поэтому и Казимиръ Великій издавалъ свои статуты и важнѣйшія распоряженія сообща съ баронами (una cum baronibus nostris), съ ихъ совѣта (de consilio) и по волѣ ихъ (de voluntate), какъ они рѣшили (visum fuit baronibus). Высшее духовенство пользовалось при этомъ тѣмъ же значеніемъ, какъ и свѣтскіе бароны, и участвовало въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ сообща и заодно съ ними. Но хотя возродившаяся польская монархія и далека была уже отъ абсолютизма первоначальной патріархально-военной монархіи, все же въ общемъ королевская власть преобладала надъ духовною и свѣтскою аристократіею. Прелаты и бароны выступили въ новой монархіи на первыхъ порахъ не въ видѣ тѣсно сплоченнаго солидарнаго класса, а въ видѣ можновладства отдѣльныхъ земель. Удѣльная эпоха разбила этотъ классъ на мѣстныя группы, и пока совмѣстная государственная жизнь не сблизила эти группы, король могъ дѣйствовать болѣе или менѣе авторитетно и властно въ отношеніи всего класса. Онъ всегда могъ найти поддержку въ можновладствѣ одной земли противъ можновладства другой и повелѣвать, раздѣляя. Но по смерти Казимира историческія обстоятельства дали перевѣсъ уже прелатамъ и баронамъ надъ королевскою властью.

Важнѣйшая литература.

Dr. J. Karo, Geschichte Polens. B. II. Gotha 1863.

Szujski, Dzieje Polski. Tom. I. Lwów 1862.

Bobrzyński, Dzieje Polski w zarysie, tom. I.

М. Любавскій, Казимиръ Великій (Хрестоматія по исторіи среднихъ вѣковъ, изд. подъ редакціею проф. П. Г. Виноградова, ч. III).

J. Szujski, Charakterystyka Kaziemierza Wielkiego (Opowiàdania i roztrząsania historyczne. Warszawa 1882).

R. Hube, Ustawodawstwo Kaziemierza. Wielkiego. Warszawa 1881.

Osw. Balzer, Geneza trybunału koronnego. Warszawa 1886.

M. Boprzyński, O załoźeniu sądów wyźszych prawa niemieckiego na zamku Krakowskim (Rorprawy i sprawozdania, tom IV, 1875).

Piekosiński Fr., Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich. (Ibidem, tom XXXIX. Kraków 1900.)

XXII.

Политическое господство прелатовъ и бароновъ и первыя конституціонныя хартіи Польскаго государства.

Избраніе королей по смерти Казимира Великаго. Возвышеніе королевской власти, замѣчаемое при Казимирѣ Великомъ, было только временнымъ. Послѣ Казимира Великаго обстоятельства сложились такимъ образомъ, что политическій перевѣсъ снова перешелъ къ прелатамъ и баронамъ, вступившимъ въ тѣсный союзъ съ рыцарствомъ. Казимиръ не оставилъ послѣ себя прямыхъ наслѣдниковъ, и полякамъ пришлось выбирать себѣ самимъ своихъ государей. Польскіе прелаты и бароны при такихъ обстоятельствахъ сдѣлались господами положенія. Они воспользовались этимъ для того, чтобы вынудить у новыхъ королей различныя права и вольности, какъ для себя, такъ и вообще для шляхты—рыцарства, на которое они опирались, и отъ котораго не отдѣлялись рѣзко ни генеалогически, ни соціально.

Вышеградскій договоръ и его условія. Извѣстныя политическія гарантіи прелаты и бароны успѣли пріобрѣсти отъ преемника Казимира еще при жизни самого Казимира. Казимиръ въ 1339 году заключилъ договоръ съ своимъ зятемъ Карломъ Робертомъ Венгерскимъ, по которому призналъ его сына Людовика своимъ наслѣдникомъ. Польскіе прелаты и бароны, бывшіе съ Казимиромъ въ Вышеградѣ, согласились на этотъ договоръ, взявъ извѣстныя обязательства съ будущаго короля. Людовикъ долженъ былъ обѣщать имъ: вернуть земли, потерянныя Польшею, въ частности Поморье; вести войну за границами Польши на собственный счетъ; уряды и чины въ Польшѣ раздавать только полякамъ; не налагать никакихъ новыхъ налоговъ и уважать всѣ права поляковъ. Въ 1355 году Вышеградскій договоръ былъ подтвержденъ вновь, при чемъ прелаты и бароны признали право наслѣдства на польскую корону только за мужскимъ потомствомъ Людовика Венгерскаго.

Кошицкій привилей 1374 г. и его значеніе для послѣдующаго государственнаго развитія Польши. Но у Людовика какъ разъ и не оказалось мужского потомства. Чтобы обезпечить престолъ за одною изъ своихъ дочерей, Людовикъ, сдѣлавшись королемъ Польскимъ, вынужденъ былъ вести новые переговоры съ польскими панами и шляхтою. Для этой цѣли онъ созвалъ ихъ въ 1374 году на общій сеймъ въ Кошицахъ. Паны и шляхта согласились признать право наслѣдства за одною изъ дочерей Людовика, которую назначитъ или самъ онъ, или его жена, но зато Людовикъ долженъ былъ выдать имъ памятный *Кошицкій привилей 1374 года*, открывшій

собою новую эру въ исторіи государственнаго развитія Польши. Король обязался не уменьшать короны Польской, а наоборотъ—возвратить отторгнутыя отъ нея области, освобождалъ шляхту отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ военной службы и уплаты 2 грошей съ лана въ знакъ подданства, обязывался возмѣщать всѣ убытки шляхты, которые она понесетъ въ войнахъ за границами государства; почести и достоинства, раздаваемыя пожизненно, какъ-то: воеводство, каштелянство, судейство, подкоморство не отдавать никому, помимо обывателей той земли, гдѣ откроется вакансія; всѣхъ сановниковъ держать при тѣхъ же правахъ, какими они пользовались при Владиславѣ Локоткѣ и Казимирѣ. Кошицкій привилей былъ первымъ привилеемъ, даннымъ всему шляхетскому сословію: до сихъ поръ привилегіи давались только отдѣльнымъ лицамъ. Этотъ привилей уменьшилъ финансовыя средства короля и тѣмъ поставилъ его въ дальнѣйшемъ въ зависимость отъ пановъ и шляхты. Преемникамъ Людовика Венгерскаго по недостатку средствъ пришлось постоянно обращаться къ прелатамъ, баронамъ и рыцарству-шляхтѣ за добровольными субсидіями и для этого созывать ихъ на сеймики по воеводствамъ и повѣтамъ и на вальные, или генеральные, сеймы. Завися отъ нихъ матеріально, короли должны были считаться съ ихъ притязаніями и домогательствами и дѣлать имъ одну уступку за другою.

Засилье прелатовъ и бароновъ по смерти Людовика Венгерскаго. По смерти Людовика Венгерскаго въ 1382 г., въ продолжительное безкоролевье прелаты и бароны сдѣлались полными хозяевами въ государствѣ. Они не очень-то обращали вниманія на свои обязательства, данныя покойному королю, и нѣкоторые изъ нихъ подумывали даже о приглашеніи на польскій престолъ Мазовецкаго князя Земовита. Если въ концѣ концовъ они остановились на дочери Людовика Ядвигѣ, то это лишь вслѣдствіе новаго рѣшенія, принятаго великопольскими панами и шляхтою на Радомскомъ съѣздѣ, а малополянами на одновременномъ Вислицкомъ съѣздѣ. Когда Ядвига взошла на престолъ, прелаты и бароны, особенно малопольскіе, продолжали хозяйничать въ государствѣ. Они совершенно забрали въ свои руки юную королеву и въ государственныхъ интересахъ Польши заставили ее отказаться отъ элегантнаго жениха изъ принцевъ Австрійскаго дома и выйдти замужъ за полудикаря, великаго князя Литовскаго Ягайла. Возводя на польскій престолъ Ягайла, прелаты и бароны не преминули взять съ него подтвержденіе всѣхъ правъ и вольностей, дарованныхъ имъ Людовикомъ Венгерскимъ. Сверхъ того, Ягайло долженъ былъ дать имъ обѣщаніе не назначать безъ ихъ согласія такъ называемыхъ *юстиціаріевъ*, т.-е. судей для рѣшенія важныхъ уголовныхъ дѣлъ въ окончательной инстанціи.

Чирвинскій и Едлино-Краковскій привилеи. И позже прелаты и бароны пользовались всякимъ случаемъ, чтобы заполучить для себя отъ короля новыя права и вольности. Во время войны съ крестоносцами въ 1422 году,

въ лагерѣ подъ *Чирвинскомъ*, при поддержкѣ собравшагося рыцарства, прелаты и бароны заставили короля дать имъ слѣдующія письменныя обѣщанія: не бить новой монеты безъ вѣдома и согласія прелатовъ и бароновъ, не конфисковать ни у кого имѣній безъ суда съ участіемъ прелатовъ и бароновъ, соблюдать статутъ Казимира во всемъ, что касается судопроизводства. Король далъ всѣ эти гарантіи, находясь въ опасности быть покинутымъ на полѣ войны своимъ войскомъ.

Вопросъ о престолонаслѣдіи далъ поводъ прелатамъ и баронамъ домогаться новыхъ гарантій и вольностей. Дѣло въ томъ, что у Ягайла не оказалось потомства отъ Ядвиги, признанной наслѣдницы короны Польской. Сыновья Ягайла—Владиславъ и Казимиръ родились отъ четвертой жены его—литовской княжны Софьи и потому считались не имѣющими правъ на польскую корону. Ягайло сталъ добиваться отъ прелатовъ, пановъ и шляхты признанія одного изъ нихъ наслѣдникомъ престола. Прелаты и бароны сейчасъ же выставили королю извѣстныя условія, на которыя онъ послѣ продолжительнаго колебанія долженъ былъ согласиться. Въ привилеѣ, выданномъ въ *Едлнѣ* въ 1430 г. и затѣмъ подтвержденномъ въ Краковѣ, король подтвердилъ всѣ прежнія права и вольности прелатовъ, бароновъ и шляхты и сверхъ того обязался никого не казнить и не сажать въ тюрьму безъ предварительнаго суда и слѣдствія, кромѣ убійцъ, разбойниковъ, грабителей и воровъ, схваченныхъ на мѣстѣ преступленія. Статья Едлино-Краковскаго привилея Neminem captivabimus nisi jure victum вмѣстѣ съ статьею Чирвинскаго привилея, гарантирующею имущественную неприкосновенность, вошли кардинальными статьями въ слагающуюся хартію шляхетскихъ вольностей.

Частные съѣзды прелатовъ, бароновъ и рыцарства съ конца XIV вѣка; преобладаніе прелатовъ и бароновъ. Едлино-Краковскій привилей 1430—1433 г. суммировалъ въ себѣ всѣ права и вольности, пріобрѣтенныя прелатами, баронами и рыцарствомъ-шляхтою послѣ Казимира Великаго и до смерти Ягайла. Большинство этихъ правъ и вольностей ближайшимъ образомъ касались прелатовъ и бароновъ, но часть ихъ имѣла значеніе и для рыцарства-шляхты. Прелаты и бароны добивались правъ и вольностей въ союзѣ съ рыцарствомъ-шляхтою и потому не могли обходить его интересы, заключая ряды съ королями. Союзъ прелатовъ и бароновъ съ рыцарствомъ вообще характеризуетъ эту эпоху зарожденія сословно-политическихъ правъ въ Польшѣ. Въ концѣ XIV и въ первыя три десятилѣтія XV в. происходили частые съѣзды прелатовъ и бароновъ съ рыцарствомъ-шляхтою по поводу всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, напр., въ 1382 году великопольскіе сановники, съѣхавшись въ Радомѣ съ наиболѣе видными лицами изъ шляхты, составили торжественный актъ, въ которомъ за себя и все великопольское рыцарство обѣщали баронамъ и рыцарству малопольскому избрать на престолъ одну изъ дочерей умершаго короля Людовика и быть ей вѣрными. Подобный же съѣздъ собирался

въ то время и въ Малой Польшѣ и принялъ то же рѣшеніе. Въ 1392 году собирались всѣ бароны, шляхта и рыцарство на совѣщаніе по поводу столкновеній съ Орденомъ. Въ 1401 г. прелаты и бароны вкупѣ съ рыцарствомъ составляли торжественный актъ, въ которомъ обѣщали баронамъ и рыцарству литовскому выполнить свои обязанности, вызванныя уніею обоихъ государствъ. И по отдѣльнымъ землямъ въ то время происходили совѣщанія бароновъ съ рыцарствомъ. Такъ, въ 1414 и 1419 годахъ бароны земли Ленчицкой съ согласія всего рыцарства на вѣчахъ издали нѣсколько законовъ мѣстнаго характера, имѣющихъ силу только для земли Ленчицкой. Видя положеніе вещей, и короли стали привлекать рыцарство къ участію въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ 1424 г., напр., Владиславъ Ягайло собиралъ пановъ и рыцарство для обсужденія средствъ къ подавленію распространявшейся въ Польшѣ гусситской ереси. Рыцарство-шляхта было политическою силою и цѣнилось уже, какъ эта сила. Но пока еще эта сила не стѣсняла прелатовъ и бароновъ, дѣйствовала по ихъ импульсу и подъ ихъ руководствомъ, и притомъ не постоянно и правильно, а, такъ сказать, урывками. Участвуя въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, рыцарство не имѣло, однако, правильно организованнаго представительства на общихъ съѣздахъ или сеймахъ. Насколько можно заключать по скупымъ указаніямъ источниковъ на этотъ счетъ, рыцарство представляли либо лица, спеціально приглашенныя баронами, либо особы, прибывшія на съѣздъ добровольно. Призывъ на сеймъ отъ имени короля или бароновъ земель обыкновенно обращенъ былъ ко всѣмъ вообще. Но на дѣлѣ пріѣзжали только наиболѣе знатные и состоятельные или наиболѣе подвижные, искавшіе случая выдвинуться или, наконецъ, тѣ, кому было близко. Встрѣчаемъ, впрочемъ, нѣкоторыя попытки организаціи настоящаго представительства. На сеймахъ 1424, 1433 и 1434 гг. рыцарство представляли послы, по два отъ каждаго герба. Душою совѣщаній на этихъ сеймахъ были прелаты и бароны; отъ нихъ исходила иниціатива, они указывали средства, ведущія къ достиженію намѣченной цѣли. Участіе же рыцарства было большею частью пассивное.

Перевѣсъ ихъ надъ королевскою властью. Пользуясь моральною и матеріальною поддержкою шляхты-рыцарства, прелаты и бароны имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ королевскою властью по смерти Казимира Великаго. Безъ ихъ воли и согласія короли не могли предпринимать ничего важнаго во внѣшней и внутренней политикѣ. Ягайло, напр., долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія вѣнчать Витовта, в. кн. Литовскаго, королевскимъ вѣнцомъ, потому что этому сильно воспротивились прелаты и бароны. Въ малолѣтство Владислава III и затѣмъ во время его продолжительнаго отсутствія изъ государства по случаю похода на турокъ прелаты и бароны хозяйничали въ государствѣ безраздѣльно. То же самое было и въ трехлѣтнее безкоролевье, наступившее послѣ гибели Владислава III при Варнѣ въ 1444 году. Но съ избраніемъ на польскій престолъ Кази-

мира IV Ягайловича положеніе вещей мало-по-малу измѣнилось. Противъ политическаго господства прелатовъ и барововъ начала борьбу королевская власть. На первыхъ порахъ, впрочемъ, борьба была неудачна и кончилась пораженіемъ короля.

Казимиръ съ самаго вступленія своего на престолъ (въ 1447 г.) заявилъ себя не столь податливымъ государемъ, какими были его предшественники. Прелаты и бароны послѣ избранія его королемъ потребовали отъ него подтвержденія привилеевъ, данныхъ его предшественниками. Въ числѣ первыхъ статей этихъ привилеевъ находилось обязательство короля не отлучать отъ короны Польской ея земель и возвратить отторгнутыя отъ нея земли. Прелаты и бароны желали, чтобы новый король торжественно подтвердилъ именно это обязательство. Дѣло въ томъ, что съ избраніемъ Казимира на великое княженіе Литовское отъ Польши отторгнуты были Волынь и Подолье, которыя по договору съ предшественникомъ Казимира Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ должны были послѣ его смерти отойти къ Польшѣ. Литовцы по смерти Сигизмунда не исполнили этого договора и оставили эти земли за собою. Возведенный ими на великое княженіе Казимиръ въ ихъ спорѣ съ поляками держалъ ихъ сторону и какъ разъ предъ самымъ отправленіемъ своимъ въ Краковъ на коронацію, 2 мая 1447 года, выдалъ литовцамъ привилей, въ которомъ между прочимъ обязался не уменьшать великаго княжества и не отлучать отъ него нѣкоторыхъ земель. Прежде, чѣмъ не рѣшенъ былъ споръ между Польшею и Литвою о Волыни и Подольѣ, Казимиръ не могъ подтверждать польскаго привилея, въ которомъ содержалось подобное же обязательство, не рискуя возбудить противъ себя литовцевъ. Цѣлыхъ шесть лѣтъ Казимиръ уклонялся подъ разными предлогами отъ подтвержденья правъ и вольностей полякамъ и уступилъ только подъ угрозою поляковъ отказать ему въ послушаніи. Это произошло на Петрковскомъ сеймѣ 1453 г. Когда Казимиръ и на этотъ разъ подъ разными предлогами сталъ отказываться отъ принесенія королевской присяги и подтвержденія правъ и вольностей, прелаты и бароны начали совѣтоваться, что предпринять въ такомъ положеніи. Раздались голоса, что надо отказать королю въ послушаніи. Но бискупъ Краковскій Збигнѣвъ Олесницкій, старый и испытанный вождь магнатовъ духовныхъ и свѣтскихъ, посовѣтовалъ, не прибѣгая къ такой крайней мѣрѣ, разбиться на два «кола»—коло сановниковъ (primores) и коло рыцарское, выработать окончательныя условія и представить ихъ королю. Олесницкій, очевидно, разсчитывалъ такимъ путемъ сильнѣе подѣйствовать на короля и въ своемъ расчетѣ не ошибся. Казимиръ, которому Олесницкій представилъ результаты совѣщаній обоихъ «колъ», склонился на принятіе предложенныхъ ему условій. Въ присутствіи высшихъ сановниковъ и двѣнадцати делегатовъ отъ рыцарства король присягнулъ въ томъ, что не оторветъ отъ короны Польской Литвы, Руси, Подолья и Молдавіи. Подтвердивъ всѣ прежнія права и вольности, король

сверхъ того, соизволилъ на то, чтобы ему приданы были четыре постоянныхъ совѣтника (consiliarii), безъ согласія которыхъ ему не было бы вольно предпринимать что-либо въ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ (in rebus gravioribus).

Итакъ, на этотъ разъ можновладство при поддержкѣ рыцарства-шляхты взяло надъ королемъ верхъ. Нужно, однако, замѣтить, что побѣда была далеко неполная. Король уклонился отъ прямого обязательства вернуть коронѣ земли, отъ нея отторгнутыя, и ограничился только завѣреніемъ, что будетъ сохранять унію Польши съ великимъ княжествомъ Литовскимъ и Молдавіею.

Важнѣйшая литература.

Dr. Jakob Caro, Geschichte Polens. B. III. Gotha 1869.

Szujski I., Dzieje Polski, tom II. Lwów 1862.

Bobrzyński M., Dzieje Polski w zarysie, tom. I.

— Ludwik Węgierski i bezkrólewie po jego smierci (Opowiad. i roztrząs. II. Kraków 1882).

Prochaska A., Król Władysław Jagiełło, tomy I—II. Kraków 1908.

— Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiełłonów (Rozprawy i sprawozdania Ak. Um., tom XXXVIII. Kraków 1899).

Piekosiński Fr., Zdobycze szlachty Polskiej w dziedzinie prawa publicznego w XV wieku (Czasopismo prawnicze i ekonomiczne, tom I. Kraków 1900).

Н. И. Карѣевъ, Историческій очеркъ Польскаго сейма. Москва. 1888.

Pawiński Ad., Sejmiki ziemskie. 1374—1505. Warszawa 1895.

XXIII.

Превращеніе польской монархіи въ шляхетскую Рѣчь Посполитую.

Разрывъ рыцарства-шляхты съ можновладствомъ. Въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, протекшихъ со смерти Казимира Великаго, прелаты и бароны имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ королями, пользуясь поддержкою рыцарства-шляхты и въ свою очередь выхлопатывая ему разныя права и вольности. Но въ концѣ концовъ союзники разошлись. Можновладство

прониклось грубо-эгоистичною политикою и оттолкнуло отъ себя рыцарство-шляхту. Шляхта выступила тогда на политическое поприщѣ не только самостоятельно, но и въ оппозиціи можновладству. Сначала это привело къ временному подъему королевской власти, а въ конечномъ результатѣ къ политическому торжеству рыцарства-шляхты.

Грубо-эгоистичная политика польской аристократіи проявилась прежде всего въ сферѣ отправленія правосудія. Бароны сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ главныя судебныя должности въ государствѣ и злоупотребляли своимъ положеніемъ ко вреду меньшей братьи—рыцарства. Своимъ друзьямъ и пріятелямъ, которые по дѣлу были отвѣтчиками, судьи давали отсрочку, безчисленное число разъ откладывали разбирательство, такъ что истцы часто бросали свои претензіи, потерявъ надежду добиться справедливости. Угнетали тяжущихся также и частые, произвольно назначаемые сроки явки въ судъ, ибо держали тяжущагося въ постоянномъ безпокойствѣ, а при неаккуратности врученія судебнаго «позва» лишали нерѣдко самой возможности стать на судѣ. Бѣднѣйшіе рыцари благодаря многочисленнымъ и громаднымъ судебнымъ пошлинамъ часто даже отказывались отъ возстановленія своихъ правъ судомъ. Противъ несправедливаго приговора судей, особенно въ тяжбѣ съ богатымъ и знатнымъ человѣкомъ, почти не было никакихъ средствъ. Можно было жаловаться прежде всего въ областные судебные съѣзды, или *вѣча* (colloquia, judicia generalia, termini generales). На эти вѣча съѣзжались мѣстный епископъ, главные судьи: воевода, каштеляны, старосты, судья, подсудокъ, и низшіе судебные урядники. Хотя число послѣднихъ превышало аристократическій элементъ вѣча, но дѣла рѣшало «не количество голосовъ, а важность персонъ» (gravitas personarum, non multitudo vocum). Бароны господствовали на вѣчахъ и мирволили на судѣ своей братьѣ, а низшіе чины, обязанные своими должностями, тѣмъ же баронамъ, покорно шли за ними. Можно было на несправедливый приговоръ судьи жаловаться и самому королю; но и на рѣшенія короля оказывали могущественное вліяніе тѣ же бароны. Особенно много терпѣло рыцарство вмѣстѣ съ низшими классами народа отъ произвола и неправосудія королевскихъ старостъ, пользовавшихся широкими правами и полномочіями, между прочимъ правомъ суда въ окончательной инстанціи по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Вообще магнаты, опираясь на свою власть, богатство, вліяніе и связи, позволяли себѣ чинить всякія обиды и несправедливости въ отношеніи рыцарей и тѣмъ мало-по-малу возстановляли противъ себя классъ, на который они опирались. По замѣчанію современника-историка Длугоша, рыцарство созрѣвало и все болѣе и болѣе всматривалось въ свое положеніе, все болѣе и болѣе освобождалось отъ вліянія тѣхъ, кого оно считало отцами отечества и стражами народныхъ правъ и свободы. Въ виду этого неудивительно, если рыцарство выступило съ самостоятельными требованіями къ королю, большая часть которыхъ направлена была противъ магнатовъ.

Требованія рыцарства-шляхты въ лагерѣ подъ Цереквицею и Опоками. Въ 1454 году собралось въ походъ въ Пруссію все великопольское рыцарство. Въ лагерѣ подъ селомъ *Цереквицею* (недалеко отъ Торуня) 14 сентября поднялся шумъ и смятеніе. Шляхта окружила шатеръ короля и потребовала, чтобы онъ подтвердилъ старинныя права и вольности и нѣкоторыя новыя, ею намѣченныя, присоединивъ къ требованію угрозу, что въ противномъ случаѣ шляхта не будетъ сражаться. Король уступилъ и выдалъ такъ называемый Цереквицкій привилей. Происшедшая затѣмъ битва подъ Хойницами кончилась пораженіемъ поляковъ. Король объявилъ новый походъ и призвалъ рыцарство всѣхъ земель, за исключеніемъ русскаго, которое оставлено было для охраны восточныхъ предѣловъ. Мѣстомъ сбора назначено было мѣстечко Опоки недалеко отъ г. Нешавы, гдѣ въ концѣ октября и собралось рыцарство разныхъ земель. Когда малополяне узнали о томъ, что произошло подъ Цереквицею, и какія права и вольности даны были великополянамъ, то и съ своей стороны предъявили королю просьбы о дарованіи такихъ же правъ и вольностей. Король исполнилъ просьбу и выдалъ имъ подъ Нешавою 11 ноября привилей. Но такъ какъ малополяне получили нѣкоторыя новыя права и вольности, то великополяне потребовали, чтобы имъ выданъ былъ новый привилей. Этотъ привилей выданъ былъ 12 ноября. Сверхъ того 16 ноября привилей получило рыцарство Сѣрадзьской земли, а 11 декабря въ Радзинѣ рыцарство Холмской земли.

Нешавскіе статуты; ограниченіе можновладства и усиленіе значенія шляхты. Большая часть опредѣленій Нешавскихъ статутовъ направлена была къ ограниченію политическаго преобладанія и злоупотребленій можновладства. Малопольское рыцарство выставило требованіе, а король согласился, чтобы земли и главныя королевскія имѣнія, въ которыхъ существуютъ староства, не отдавались «въ заставу», т.-е. въ аренду въ формѣ залога: кто возьметъ, лишается своихъ денегъ. Мотивомъ выставлено то, что королевскія имѣнія предназначены не только для особы короля, но и на оборону государства. Косвеннымъ образомъ это постановленіе направлено было противъ магнатовъ, которые обыкновенно брали въ заставу королевскія имѣнія и, соединяя въ одномъ лицѣ старосту съ широкими полномочіями и арендатора, сильно злоупотребляли своимъ положеніемъ и страшно наживались, между прочимъ и на счетъ рыцарства. Во избѣжаніе увеличенія и безъ того огромной власти старостъ, рыцарство добилось постановленія, чтобы воевода и каштеляны не были одновременно и старостами въ своей землѣ; исключеніе сдѣлано только для каштеляна Краковскаго. Старостамъ вмѣнено было въ обязанность отправлять свои суды не чаще, какъ черезъ 6 недѣль, вручать обвиняемому «позовъ» за недѣлю до открытія суда, заранѣе объявлять о мѣстѣ и времени открытія суда, судить только свои «старостинскіе артикулы». Чтобы еще полнѣе обезпечить себя отъ произвола и притѣсненій старосты, рыцарство обязало короля передъ выѣздомъ изъ той или другой земли непремѣнно выслушивать жалобы

земянъ на старосту.—Рыцарство выставило далѣе желаніе, чтобы уряды и чины давались людямъ заслуженнымъ, почтеннаго возраста, разумнымъ и понимающимъ дѣло. Въ этомъ нельзя не видѣть оппозиціи установившемуся порядку назначенія на должности лицъ знатныхъ фамилій безъ вниманія къ ихъ годности. Мало того, великопольское рыцарство выхлопотало, чтобы ему самому предоставлено было выбирать четырехъ кандидатовъ на должность земскаго судьи и подсудка, при чемъ король долженъ былъ назначить непремѣнно одного изъ этихъ кандидатовъ. Всѣ судьи должны судить писаннымъ правомъ по статутамъ королей Казимира и Владислава, не должны брать пошлинъ выше тѣхъ, которыя опредѣлены въ этихъ статутахъ. Великопольскій статутъ установилъ, кромѣ того, обязательность записи судебныхъ рѣшеній въ особыя книги (praejudicata) въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы эти рѣшенія могли служить руководствомъ и для будущихъ судей. Далѣе въ статутахъ находимъ различныя опредѣленія касательно судопроизводства на вѣчахъ и въ земскихъ судахъ—съ цѣлью огражденія тяжущихся отъ судебныхъ злоупотребленій. Между прочимъ постановлено было, чтобы державцы за обиды, причиненныя сосѣднему рыцарству, отвѣчали предъ мѣстными земскими судьями. Великопольскій статутъ, уничтожая окончательно юрисдикцію каштеляновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно передалъ рыцарству и судъ надъ его крестьянами.

Но самое главное, чего добилось рыцарство,—это торжественное обѣщаніе короля, что отнынѣ ни новые законы не будутъ издаваться, ни война не будетъ начинаться безъ согласія рыцарства на общемъ земскомъ съѣздѣ. Такъ становилось постояннымъ и легальнымъ участіе рыцарства въ изданіи новыхъ законовъ и назначеніи военныхъ походовъ—участіе до сего времени бывшее болѣе или менѣе случайнымъ. Правда, что вышеупомянутое обѣщаніе короля было дано только великопольскому рыцарству. Но давъ это обѣщаніе великополянамъ, король не могъ обходить въ данномъ отношеніи, какъ и въ другихъ, малополянъ и на дѣлѣ и къ нимъ примѣнялъ свое постановленіе. Такъ, въ 1455 г., рѣшившись продолжать войну съ Пруссіею наемными войсками, Казимиръ созвалъ на мѣстныя собранія, или *сеймики*, рыцарство не только Великой, но и Малой Польши. Тоже самое сдѣлалъ онъ и въ слѣдующемъ 1456 г., при чемъ малопольское рыцарство согласилось на сборъ чрезвычайной подати, взявъ съ короля обѣщаніе, что впредь «посполитое рушеніе» не будетъ назначаться королемъ безъ предварительнаго совѣщанія съ рыцарскими сеймиками малопольскихъ земель. Такъ формально было признано и за малопольскимъ рыцарствомъ право, которое утверждалъ за великопольскимъ Нешавскій статутъ.

Королевская власть въ союзѣ съ рыцарствомъ-шляхтою. Всѣ эти постановленія въ значительной степени стѣснили и ограничили можновладство, которое до сихъ поръ было всесильнымъ, хозяйничало и распоряжалось въ государствѣ на всей полной волѣ. De jure можновладство ограничено было участіемъ, которое отведено было въ политической жизни шляхтѣ

Но пока шляхта еще не вошла какъ слѣдуетъ въ свою роль, пока не народились среди нея собственные вожди, которые въ состояніи были вести ее по собственной дорогѣ и къ собственнымъ цѣлямъ, пока совмѣстная дѣятельность не сблизила этотъ классъ и не пробудила въ немъ сознанія своей солидарности,—до тѣхъ поръ созданнымъ положеніемъ пользовалась королевская власть. Казимиръ опирался на шляхту для того, чтобы проводить свои планы вопреки противодѣйствію магнатовъ. Въ 1456 году Казимиръ, основываясь на томъ, что всякія привилегіи и изъятія не дѣйствительны тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благѣ отечества, предложилъ обложить всѣхъ налогомъ на войну. Но паны, засѣдавшіе въ совѣтѣ короля, представили это, какъ опасный и революціонный шагъ, духовенство завопило о нарушеніи божескаго права и грозило за это карою небесъ. Тогда Казимиръ прибѣгъ къ рѣшительному средству: онъ удалилъ изъ своей рады всѣхъ вельможъ, призвалъ къ себѣ людей молодыхъ, сочувствующихъ выставленному имъ принципу, сообща съ ними разложилъ налогъ и поручилъ собирать его старостамъ. Это произвело магическое дѣйствіе: прежніе совѣтники вернулись и, хотя съ великимъ неудовольствіемъ, но уже сами опредѣлили высоту налога и способъ его собиранія по желанію короля. И позже, когда Казимиру надо было сломить противодѣйствіе магнатовъ, или когда онъ предвидѣлъ это противодѣйствіе, онъ обращался къ содѣйствію шляхетскихъ сеймиковъ. Во все время тринадцатилѣтней войны съ Пруссіею не проходило почти года, когда бы не собирались имъ сеймики. Дѣло въ томъ, что чисто-рыцарскія и шляхетскія ополченія оказались почти безполезными въ этой войнѣ, ибо постоянно терпѣли пораженія отъ наемныхъ войскъ. Въ Польшѣ происходило то же самое, что и всюду въ западной Европѣ во второй половинѣ XV в.: рыцаря билъ солдатъ, кондотьеръ, вооруженный новымъ оружіемъ, обученный новому строю и новымъ пріемамъ войны. Чтобы имѣть успѣхъ, Польшѣ надо было какъ можно болѣе набрать себѣ наемнаго войска. Въ людяхъ недостатка не было, ибо наемники, сражавшіеся въ войскахъ Ордена, вслѣдствіе того, что Орденъ не особенно аккуратно расплачивался съ ними, за деньги готовы были переходить на сторону поляковъ и сдавать имъ города, гдѣ стояли гарнизонами. Борьба такимъ образомъ переносилась на финансовую почву. За полученіемъ денежныхъ субсидій Казимиръ обращался большею частью къ шляхетскимъ сеймикамъ, собиравшимся по отдѣльнымъ воеводствамъ.— И въ другихъ случаяхъ, напр., по поводу поддержки кандидатуры одного изъ Казимировыхъ сыновей на венгерскій престолъ (въ 1490 г.), Казимиръ также прибѣгалъ къ содѣйствію сеймиковъ. Первое время король лично посѣщалъ всѣ мѣстныя собранія рыцарства. Но затѣмъ, по желанію короля, рыцарство нѣсколькихъ сосѣднихъ земель стало выбирать для совѣщанія съ королемъ уполномоченныхъ пословъ и высылать ихъ въ назначенное королемъ мѣсто (великополяне обыкновенно высылали пословъ въ Коло, малополяне въ Новый Корчинъ, русскіе въ Судовую Вишню), куда при-

бывало также не мало рыцарства добровольно. Предъ авторитетомъ королевской власти сеймики оказывались болѣе податливыми, чѣмъ сплоченный кругъ магнатской аристократіи, у которой король не пользовался такимъ обаяніемъ, какъ у шляхты.

Окончаніе борьбы съ Тевтонскимъ Орденомъ и возвышеніе Польши. Трактуя съ сеймиками, Казимиръ добивался своего и при поддержкѣ шляхты счастливо закончилъ войну съ Орденомъ. По Торунскому договору 1466 г., Орденъ уступилъ Польшѣ Гданское Поморье, земли Михайловскую и Хельмскую, отторгнутыя нѣкогда отъ Польши, и западную Пруссію. Орденъ призналъ себя кромѣ того въ вассальной зависимости отъ Польши, и глава его великій магистръ долженъ былъ въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ своего избранія приносить ленную присягу польскому королю. Побѣда надъ Орденомъ поставила Польшу въ разрядъ первостепенныхъ государствъ Европы и возвысила ея престижъ у сосѣднихъ государствъ, которыя стали искать династическихъ союзовъ съ Польшею. Этому тяготѣнію къ Польшѣ Казимиръ обязанъ былъ тѣмъ, что одинъ изъ его сыновей сѣлъ на двухъ престолахъ сосѣднихъ государствъ. Въ 1471 году, по смерти Юрія Подѣбрадскаго, чехи взяли себѣ въ короли его сына Владислава; въ 1490 году, по смерти Матвѣя Корвина, и венгры избрали королемъ того же Владислава.— Опираясь на рыцарство, король занялъ по отношенію къ можновладству авторитетное и властное положеніе, приказывалъ и повелѣвалъ ему такъ, какъ не дѣлали его предшественники. Въ указахъ, исходившихъ изъ королевской канцеляріи, стало постоянно подчеркиваться, что они исходятъ лично отъ короля (dominus rex per se jussit). Властную руку короля особенно почувствовали на себѣ духовные магнаты.

Подчиненіе духовенства королевской власти. По отношенію къ высшему духовенству Казимиръ съ самаго начала своего правленія занялъ независимое положеніе и стремился подчинить его своей власти. Вопреки главному вождю духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ—бискупу Краковскому Збигнѣву Олесницкому, который въ спорѣ папъ съ Базельскимъ соборомъ держалъ сторону собора, Казимиръ призналъ папу Николая V, при чемъ выговорилъ у него для себя право раздачи 90 бенефицій въ предѣлахъ архіепископіи Гнѣзненской и часть десятины для борьбы съ татарами. Онъ всячески мѣшалъ Олесницкому въ его усиліяхъ получить кардинальство, а когда Олесницкій все-таки добился своего и выступилъ съ претензіями на первое мѣсто въ ряду польскихъ епископовъ, Казимиръ поддержалъ архіепископа Гнѣзненскаго, признаннаго опредѣленіемъ Констанцскаго собора примасомъ Польши, и рѣшилъ споръ не въ пользу Олесницкаго. Мало того, онъ запретилъ на будущее время польскимъ епископамъ домогаться въ Римѣ кардинальскаго сана безъ соизволенія правительства. Получивъ право замѣщать духовныя мѣста, Казимиръ уничтожилъ существовавшую доселѣ независимость церковной іерархіи и свою прерогативу защищалъ со свойственною ему твердостью. По смерти Олесницкаго папа

назначилъ было на его мѣсто своего кандидата, а капитула Краковская представила своего. Но Казимиръ не допустилъ на епископство ни того, ни другого: «я желаю лучше потерять королевство,—говорилъ онъ,—чѣмъ имѣть епископа не по моей мысли». Онъ выгналъ изъ Кракова и папскаго ставленника, и канониковъ капитулы, среди которыхъ находился и будущій воспитатель его дѣтей, извѣстный историкъ Польши *Янъ Длугошъ*, секретарь и панегиристъ Олесницкаго и его дѣяній. Съ того времени замѣщеніе епископскихъ каѳедръ стало неоспоримымъ аттрибутомъ королевской власти.

Моральная поддержка гуманистовъ. Въ борьбѣ съ можновладствомъ и въ стремленіи къ самовластью Казимиръ находилъ поддержку и сочувствіе среди тогдашняго образованнаго польскаго общества, и именно среди гуманистовъ.

Гуманизмъ получилъ большое распространеніе въ Польшѣ во второй половинѣ XV в. Проводникомъ его явились прежде всего молодые люди, ѣздившіе учиться въ заграничныхъ университетахъ, затѣмъ иностранцы, пріѣзжавшіе по дѣламъ или на службу въ Польшу, въ родѣ знаменитаго *Филиппа Каллимаха Буонакорси*, и наконецъ, Краковскій университетъ, въ которомъ новая наука въ концѣ концовъ восторжествовала надъ средневѣковою схоластикою, въ которомъ съ огромнымъ успѣхомъ излагалъ древнихъ писателей *Григорій изъ Санока*, называвшій схоластическую мудрость бредомъ. Новое умственное направленіе захватило и магнатскую молодежь и привело ее къ совершенно новымъ воззрѣніямъ на королевскую власть. Эти воззрѣнія слагались на изученіи римскаго права, проникнутаго идеею абсолютной власти государя. Казимиръ окружалъ себя преимущественно этими гуманистами, призывалъ ихъ къ своему двору и въ совѣтъ, ими замѣщалъ старостинскіе уряды и даже епископскія мѣста (Янъ Грущинскій, преемникъ Олесницкаго), справедливо разсчитывая имѣть въ нихъ вѣрныхъ и точныхъ исполнителей своей воли. Эти же люди поддерживали его и въ публицистикѣ. Въ этомъ отношеніи выдается *Янъ Остророгъ*, написавшій особый трактатъ объ устроеніи Польскаго государства—*Monumentum pro reipublicae ordinatione congestum*. Этотъ трактатъ справедливо считается однимъ изъ лучшихъ памятниковъ польской политической литературы. Король Польскій,—по мнѣнію Остророга,—не знаетъ надъ собою ничьей власти, кромѣ Божьей. Поэтому не приличествуетъ ему увѣрять новаго папу въ послушаніи; достаточно, если онъ поздравитъ его со вступленіемъ на престолъ и вмѣстѣ напомнитъ, чтобы онъ правилъ церковью справедливо. Королевскому сану подобаетъ уваженіе и почетъ; всѣ распоряженія короля должны исполняться его подданными немедленно. Духовные паны обязаны помогать государству; не надо огорчаться, если король для государственныхъ нуждъ прикажетъ перелить церковную утварь. Необходимо уничтожить всѣ папскія подати: Польшѣ нужны деньги на борьбу съ кочевниками. Бискуповъ долженъ назначать король и т. д.

Временный характеръ возвышенія королевской власти. Но вся эта проповѣдь не привела, однако, къ установленію въ Польшѣ сильной и абсолютной королевской власти. Возвышеніе королевской власти при Казимирѣ IV оказалось только временнымъ, ибо было результатомъ его личной политики, его умѣнья ладить съ рыцарствомъ, доминировать надъ нимъ своимъ авторитетомъ и вліяніемъ. Для установленія сильной королевской власти въ Польшѣ не хватало прочнаго фундамента: у короля не было надлежащихъ финансовыхъ и военныхъ средствъ. Съ другой стороны прелаты, паны и шляхта такъ много получили уже всевозможныхъ гарантій, правъ и вольностей, что королямъ въ высшей степени трудно было подчинить ихъ вполнѣ своей волѣ, тѣмъ болѣе что и опереться было не на кого. Нѣмецкое мѣщанство Польши послѣ погрома, постигшаго его при Владиславѣ Локоткѣ, замкнулось въ своей мѣстной жизни подъ эгидою своего самоуправленія и почти не принимало участія въ политической жизни страны. Ослабленіе можновладства при Казимирѣ IV въ концѣ концовъ привело не къ установленію самодержавной монархіи въ Польшѣ, а къ политическому возвышенію шляхты, кончившемуся установленіемъ шляхетскаго *гминоводства*, превращеніемъ Польши въ шляхетскую республику.

Рыцарство-шляхта достигла весьма важныхъ правъ и преимуществъ уже при первомъ преемникѣ Казимира Янѣ-Альбрехтѣ (1492—1501).

Янъ-Альбрехтъ, гуманистъ по воспитанію и образованію, руководился въ своей внутренней политикѣ совѣтами ученаго итальянца Филиппа Каллимаха Буонакорси, внушавшаго ему высокія понятія о королевской власти. Къ возвышенію этой власти онъ и напрягалъ всѣ усилія. Онъ заключилъ съ своимъ братомъ Чешско-Венгерскимъ королемъ Владиславомъ трактатъ, въ силу коего оба брата обязались помогать другъ другу противъ своихъ непослушныхъ и мятежныхъ подданныхъ. Другого брата Фридриха онъ сдѣлалъ архіепископомъ-примасомъ Гнѣзненскимъ въ надеждѣ держать черезъ него въ своихъ рукахъ духовенство. Наконецъ, по примѣру отца, онъ старался расположить къ себѣ шляхту новыми привилегіями. Но прочнымъ результатомъ такой политики, какъ естественно ожидать, оказалось возвышеніе не королевской власти, а шляхетскаго сословія.

Петрковскій статутъ 1496 и соціальное усиленіе шляхты. Дѣлу этого возвышенія послужилъ выданный этимъ королемъ Петрковскій статутъ 1496 г. Этотъ статутъ прежде всего объединилъ и обобщилъ для всего государства постановленія, изданныя въ Нешавскихъ статутахъ для отдѣльныхъ земель Польши, и сверхъ того далъ шляхтѣ нѣкоторыя важныя права, по обстоятельствамъ времени имѣвшія для нея первостепенное жизненное значеніе. Эти права усилили соціальную позицію шляхты въ ущербъ мѣщанству и хлопству.

Надо сказать, что съ возвращеніемъ Поморья и пріобрѣтеніемъ Данцигскаго порта по Торунскому договору 1466 г. оживился экспортъ произведеній польскаго сельскаго хозяйства за границу. Это подняло цѣны

на землю и пробудило въ польской шляхтѣ охоту къ сельскому хозяйству. На своихъ земляхъ шляхта стала устраивать фольварки, сѣять хлѣбъ, разводить скотъ, разрабатывать лѣсъ. Петрковскій статутъ 1496 г. предоставилъ пользоваться выгодами отъ оживившагося сельскаго хозяйства главнымъ образомъ шляхтѣ. Шляхтѣ пожаловано было право вольнаго сплава по Вислѣ продуктовъ своего сельскаго хозяйства за границу, право пропинаціи и безпошлиннаго провоза товаровъ изъ-за границы. Всѣ эти права даны были шляхтѣ въ ущербъ мѣщанамъ, ибо устраняли ихъ отъ торговаго посредничества между польскими сельскими хозяевами и заграничными рынками. Въ интересахъ сосредоточенія земель въ рукахъ шляхты и предоставленія исключительно шляхтѣ выгодъ отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ статутъ 1496 г. запретилъ мѣщанамъ пріобрѣтать земскія имѣнія. Наконецъ, съ цѣлью обезпечить шляхту рабочими руками Петрковскій статутъ издалъ различныя постановленія, ограничивающія крестьянскую свободу. Постановлено было, что изъ крестьянскихъ сыновей можетъ уходить въ теченіе года изъ села только одинъ для обученія наукамъ или ремеслу (по статуту Казимира III изъ имѣнья пана ежегодно могли уходить двое крестьянъ); бѣглыхъ панамъ предоставлено было разыскивать всюду и возвращать обратно безъ срока. Крестьянамъ запрещено было однимъ, безъ ассистенціи своихъ пановъ, становиться передъ земскими судьями. Наконецъ, статутъ 1496 г. постановилъ, что мѣста епископовъ и канониковъ будутъ замѣщаться только лицами шляхетскаго сословія. Изъ всего этого видно, что Петрковскій статутъ возвысилъ шляхту въ ущербъ плебеямъ— мѣщанамъ и крестьянамъ.

Радомская конституція 1505 г. и закрѣпленіе политическаго возвышенія шляхты; образованіе великаго вальнаго сейма. При вступленіи на престолъ короля Александра (въ 1501 г.) духовные и свѣтскіе магнаты успѣли было поправить свое положеніе, расшатанное политикою прежнихъ королей, опиравшихся на рыцарство-шляхту. Выданный Александромъ Мельницкій привилей отдавалъ правленіе государствомъ въ руки сената, а короля низводилъ до роли президента этого учрежденія. Сенаторы направляютъ дѣятельность старостъ, оберегаютъ коронные клейноты, отвѣчаютъ предъ судомъ своихъ коллегъ. Подданные, съ которыми король будетъ обращаться тираннически, имѣютъ право отказывать ему въ послушаніи и т. д. Но недолго магнатамъ пришлось пользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ. Война, которую Польша должна была вести съ Москвою, татарами и волохами, заставила правительство обратиться снова къ шляхтѣ. Шляхта, недовольная усиленіемъ можновладства, не только отказала въ денежныхъ субсидіяхъ, но и не слушалась приказовъ о посполитомъ рушеньѣ. Королю пришлось ублаготворять ее новыми уступками. На сеймѣ въ Радомѣ въ 1505 году было постановлено, что не будутъ издаваться никакіе новые законы безъ согласія сената и земскихъ пословъ (nihil novi constitui debeat per nos et successores nostros sine communi consiliariorum

et nunciorum terrestrium consensu). Въ силу этой конституціи опредѣлился окончательно органъ законодательной власти въ Польшѣ, изъ-за которой до сихъ поръ соперничалъ король, можновладство и шляхта. Такимъ органомъ сталъ «вальный сеймъ», въ которомъ нашли себѣ мѣсто всѣ соперничавшія силы. Вальный сеймъ составился изъ короля, сената и посольской избы. Сенатъ явился органомъ аристократіи. Въ него вошли духовные и свѣтскіе сановники: католическіе бискупы, воеводы, каштеляны и нѣкоторые министры (маршалки великій и надворный, подскарбій земскій, канцлеръ и подканцлеръ). Посольскую избу составили депутаты, избранные шляхтою на сеймикахъ и снабженные инструкціями отъ своихъ избирателей. Надобно замѣтить, впрочемъ, что подобныя собранія бывали и ранѣе, напр., въ 1493 г. Конституція 1505 г. только закрѣпила юридически развивавшуюся сеймовую практику и узаконила вальный сеймъ въ вышеуказанномъ составѣ, какъ органъ законодательной власти.

Но хотя въ видѣ посольской избы и образовалось своего рода *представительное* учрежденіе для рыцарства, рыцарство тѣмъ не менѣе продолжало принимать и непосредственное (viritim) участіе въ политической дѣятельности. Нешавское законодательство въ сущности осталось въ силѣ, и важные государственные вопросы рѣшались на сеймикахъ, которые собирались до сейма. Выбранные на сеймикахъ послы являлись уже съ готовыми инструкціями или обращались за таковыми же въ тѣ же сеймики. Несмотря на просьбы правительства присылать пословъ съ неограниченными полномочіями (z władzą niezamierzoną), сеймики обыкновенно давали имъ инструкцію, коею стѣсняли ихъ дѣятельность, до извѣстной степени предрѣшали самые вопросы. Рыцарство хорошо понимало, что въ противномъ случаѣ послы поддадутся давленію короля или магнатовъ и могутъ дать согласіе на что-либо для него невыгодное. Сами послы чувствовали себя гораздо свободнѣе и дѣйствовали смѣлѣе, какъ скоро имѣли отъ своей братьи готовую инструкцію. Поэтому-то, какъ скоро на сеймѣ возникали какія-либо непредвидѣнные вопросы и комбинаціи, послы предпочитали обращаться къ сеймикамъ за указаніями. Такъ въ главныхъ чертахъ обстояло дѣло до самаго конца существованія Польскаго государства.

Итакъ, шляхтѣ обезпечено было самое широкое участіе въ законодательствѣ и государственномъ управленіи вообще. Шляхта и поспѣшила воспользоваться этимъ для еще большаго расширенія своихъ правъ и вольностей въ отношеніи къ правительству и другимъ классамъ общества.

Ограниченія въ правахъ крестьянъ сеймовыми конституціями. Здѣсь прежде всего надо отмѣтить сеймовыя конституціи относительно крестьянъ, изданныя въ царствованіе Сигизмунда I (1506—1548). Въ этихъ конституціяхъ шляхта всячески старалась обезпечить себя крестьянскимъ трудомъ и закрѣпить за собою крестьянъ. На сеймахъ 1519—1520 г. было постановлено, что крестьяне должны работать на пана одинъ день въ недѣлю съ каждаго лана, который находится въ ихъ пользованіи. Этимъ

постановленіемъ имѣлось въ виду уравнять положеніе крестьянъ во всѣхъ имѣніяхъ и тѣмъ парализовать ихъ стремленія къ уходу въ другія имѣнія. Затѣмъ: постановленіе 1496 г., предоставлявшее одному крестьянскому сыну изъ села право выхода изъ имѣнья пана, было оставлено безъ вниманія, и въ 1532 году издана конституція, гласящая, что никому изъ крестьянъ не разрѣшается уходить отъ пана безъ его дозволенья. Въ 1543 г. издана была конституція, которая безусловно запрещала выкупать крестьянина отъ его пана. Параллельно съ закрѣпленіемъ крестьянъ шляхта постепенно усиливала и свою власть надъ ними. Сеймовыми постановленіями 1520 и 1521 годовъ она сама себѣ разрѣшила скупать у своихъ крестьянъ наслѣдственныя солтыства. Такимъ путемъ стало исчезать постепенно крестьянское самоуправленіе, организовавшееся было по нѣмецкому образцу, и крестьяне стали подпадать подъ вотчинную юрисдикцію и администрацію своихъ пановъ. Въ судебной практикѣ за крестьянами перестало признаваться право жалобы на своего пана. Въ 1518 году королевскій асессорскій судъ отказалъ въ удовлетвореніи одному крестьянину, обвинявшему своего пана въ насиліи, мотивируя это тѣмъ, что крестьяне не должны привлекать на судъ короля своихъ пановъ.

Попытка военной реформы при Сигизмундѣ I и противодѣйствіе шляхты. Шляхта заняла боевое положеніе и въ отношеніи короля и не дозволила ему усилить свою власть. Сигизмундъ I сознаѣъ шаткое положеніе королевской власти, лишенной денегъ и постояннаго войска, и задумалъ произвести рядъ реформъ для обезпеченія королевской власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшней безопасности государства. Но шляхта скоро сообразила, какія послѣдствія будутъ имѣть эти реформы, и помѣшала ихъ осуществленію.

Основу польскаго войска составляло шляхетское ополченіе. Но это ополченіе все болѣе и болѣе оказывалось непригоднымъ въ войнахъ. Оно не въ состояніи было бороться съ регулярными войсками, которыя вошли въ употребленіе у западныхъ сосѣдей Польши, не въ состояніи было отражать и непрерывные набѣги татаръ. Всеобщія шляхетскія ополченія скомпрометировали себя недостаткомъ дисциплины и наклонностью больше судить и рядить о дѣлахъ государства, чѣмъ сражаться съ его непріятелями. Для этой цѣли болѣе пригодны были наемныя войска; но для содержанія ихъ нехватало денегъ. Сигизмундъ и составилъ слѣдующій планъ постоянной государственной обороны. Государство дѣлится на пять военныхъ округовъ, и каждый годъ по очереди собирается для обороны Украйны шляхетское ополченіе изъ одного округа. Шляхтичи приводятъ съ собою и вооруженныхъ слугъ сообразно съ величиною и доходностью своихъ имѣній. Эта доходность должна быть опредѣлена особою таксаціею шляхетскихъ имѣній. Не участвующіе въ данный годъ въ земской оборонѣ округа должны платить подати на содержаніе наемниковъ. Съ этими предложеніями король не разъ обращался и къ сеймамъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, напр. предложенія о таксаціи шляхетскихъ имѣній въ цѣляхъ болѣе пра-

вильнаго обложенія военною повинностью, были приняты. Но въ общемъ планъ государственной обороны, составленный Сигизмундомъ, былъ отвергнутъ шляхтою. Въ особенности шляхта оказалась нерасположенною къ замѣнѣ личной военной повинности денежною, къ замѣнѣ ея посполитаго рушенья постояннымъ наемнымъ войскомъ. Шляхта инстинктивно чувствовала, что эта замѣна можетъ положить конецъ ея вольности, и всячески противилась ей.

Постановленіе о редукціи коронныхъ имѣній и неудача этого мѣропріятія; «пѣтушиная война». Тогда Сигизмундъ рѣшилъ инымъ путемъ создать для короля постоянное войско. При его предшественникѣ въ 1504 году состоялось сеймовое опредѣленіе, въ силу котораго королевскія имѣнья не должны были раздаваться «въ заставу» или въ собственность безъ разрѣшенія сейма, на томъ основаніи, что доходы съ этихъ имѣній идутъ не только до стола его королевской милости, но и на оборону рѣчи посполитой. Эта конституція, вызванная непомѣрною щедростью и расточительностью Александра, не была приведена въ исполненіе, и не мало коронныхъ имѣній и послѣ того перешло въ частныя руки. Сигизмундъ задумалъ вернуть всѣ эти имѣнья и доходами съ нихъ пополнить свою казну. Шляхта сначала пошла было навстрѣчу желаніямъ короля, и на Петрковскомъ сеймѣ 1535 года одобрила такъ называемую «экцекуцію правъ», т.-е. исполненіе прежнихъ постановленій, въ томъ числѣ и конституціи 1504 г., и уничтоженіе частныхъ пожалованій короля мѣстамъ, церквамъ и монастырямъ. Въ силу этого опредѣленія Сигизмундъ началъ отбирать у разныхъ лицъ коронныя имѣнья, полученныя ими послѣ 1504 г. Въ опредѣленіи даты полученія имѣнья король приказалъ руководиться показаніями записей коронной метрики, т.-е. государственнаго архива Польши. Но это вызвало страшное неудовольствіе среди шляхты, очевидно, не довѣрявшей добросовѣстности королевской канцеляріи. На Петрковскомъ сеймѣ, собиравшемся въ концѣ 1536 и въ началѣ 1537 года для изысканія средствъ на предстоявшую войну съ Молдавскимъ господаремъ, шляхта потребовала, чтобы редукція имѣній производилась не на основаніи архивныхъ справокъ, а по суду; кромѣ того потребовала освобожденія отъ платежа пошлинъ, уже обѣщаннаго въ прежнихъ привилеяхъ, жаловалась на притѣсненіе со стороны духовенства и другія злоупотребленія. Шляхта разошлась съ сейма въ возбужденномъ настроеніи, отказавъ королю въ денежной субсидіи на войну. Король вслѣдствіе этого принужденъ былъ лѣтомъ 1537 года собрать посполитое рушенье. Около 150 т. собралось въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ Львовомъ. Собравшіеся очень скоро разбились на кружки и послѣ шумныхъ совѣщаній приступили къ королю съ требованіями и угрозами. Устрашенный мятежомъ, король уступилъ и изъявилъ согласіе на нѣкоторыя требованія шляхты, а разсмотрѣніе другихъ требованій отложилъ до ближайшаго сейма. Послѣ этого шляхта разошлась по домамъ, не повидавъ непріятеля, противъ котораго она была созвана, такъ

что и вся война эта прозвана была «пѣтушиною» (шляхта гонялась не за молдаванами, а за курами и пѣтухами въ окрестностяхъ Львова). На сеймѣ 1538 года Сигизмундъ, согласно даннымъ обѣщаніямъ, обязался не производить редукціи коронныхъ имѣній на основаніи однихъ только архивныхъ справокъ и освободилъ шляхту отъ платежа поголовщины. Редукція коронныхъ имѣній послѣ того пріостановилась совсѣмъ, такъ что и усилія Сигизмунда привели не къ умноженію, а только къ новому умаленію королевскаго скарба. Шляхта же имѣла только случай наглядно убѣдиться въ своей силѣ и выторговать себѣ новую вольность.

Внѣшнее ослабленіе Польши. Итакъ, шляхта помѣшала королю Сигизмунду улучшить военную организацію и финансы государства. Отъ этого пострадала не только королевская власть, но и само Польское государство. Спутанный по рукамъ и ногамъ военнымъ неустройствомъ и недостаткомъ денегъ, Сигизмундъ не могъ вести энергической внѣшней политики и не въ силахъ былъ предотвратить нѣкоторыхъ событій, выпавшихъ ко вреду Польши. Слабая Польша оказалась не въ состояніи защитить союзное съ нею великое княжество Литовское отъ Москвы, которая оторвала отъ него Смоленскую область и тѣмъ косвенно нанесла ущербъ и Польшѣ; Польша оказалась не въ состояніи сохранить за династіею Ягеллоновъ престолы чешскій и венгерскій, которые по смерти короля Людовика, погибшаго въ битвѣ съ турками подъ Могачемъ въ 1526 г., перешли къ Габсбургамъ. Династія Ягеллоновъ обезпечивала Польшѣ болѣе или менѣе вѣрный и постоянный союзъ съ Чехіею и Венгріею противъ нѣмцевъ и страшныхъ турокъ; съ переходомъ этихъ государствъ подъ власть Габсбурговъ потеряна была для Польши эта гарантія, и она должна была уже разсчитывать навѣрняка только на свои силы въ борьбѣ съ турками. Слабая Польша не помѣшала и секуляризаціи Прусскаго Ордена и превращенію его въ наслѣдственное герцогство подъ властью маркграфа Бранденбургскаго, которому легче было сбросить съ себя ленную зависимость отъ Польщи, чѣмъ великому магистру.

Подготовка реформаціи въ Польшѣ. Въ царствованіе Сигизмунда Августа (1548—1572) шляхта не ограничивалась уже отдѣльными домогательствами, а выступила съ цѣлою программою внутреннихъ преобразованій и внѣшней политики. Она чувствовала себя уже настоящимъ хозяиномъ въ государствѣ, первенствующею политическою силою, которой должна принадлежать руководящая роль во внѣшней и внутренней жизни Польши. Такое настроеніе шляхты, подготовленное ея предшествующею ролью въ политической жизни страны, усилилось подъ вліяніемъ реформаціоннаго духа, охватившаго въ то время и Польшу.

Реформаціонное движеніе въ Польшѣ вызвано было нѣкоторыми причинами, общими у Польши съ другими католическими странами, и кромѣ того своими мѣстными. Къ первымъ можно отнести прежде всего распространеніе въ Польшѣ гуманистическаго образованія, которое настроило

критически и скептически польское общество въ отношеніи къ средневѣковому католицизму. Сюда же надо отнести затѣмъ недовольство свѣтскаго общества высшимъ и привилегированнымъ положеніемъ духовенства. Духовенство въ Польшѣ, какъ и въ другихъ католическихъ странахъ, скопило въ своихъ рукахъ огромныя недвижимыя имущества, съ которыхъ не платило никакихъ податей и не несло военной службы, собирало въ свою пользу десятину съ остального населенія, не подчинялось свѣтскому суду и привлекало мірянъ къ своему духовному суду по дѣламъ, подсуднымъ собственно суду свѣтскому. Къ общимъ съ другими странами причинамъ надо отнести и недовольство политикою папы, которая сплошь и рядомъ шла въ разрѣзъ съ національными интересами Польши. Папы проводили на церковныя должности въ Польшѣ куртизановъ, т.-е. лицъ, добивавшихся ихъ милостей происками при куріи, вытягивали изъ Польши подъ разными предлогами огромныя суммы денегъ и вдобавокъ нерѣдко соединялись противъ Польши съ ея врагами, напр., съ германскимъ императоромъ. Къ причинамъ мѣстнымъ, вызвавшимъ реформаціонное движеніе, относятся: гусситскія традиціи, державшіяся особенно въ Великой Польшѣ, воспоминанія эпохи соборнаго движенія, когда польская церковь оставалась долгое время независимою отъ Рима, деморализація высшаго духовенства, ряды котораго наполнились недостойными личностями изъ креатуръ королевы Боны.

Распространеніе реформаціонныхъ ученій въ Польшѣ. Сначала въ Польшѣ имѣло успѣхъ ученіе *Лютера*. Примѣръ другимъ подалъ Гданскъ, гдѣ новое ученіе проповѣдывалъ уже въ 1518 г. женившійся монахъ *Яковъ Кнаде*. Затѣмъ новое ученіе распространилось въ Великой Польшѣ, гдѣ поборниками его явились магнатскія фамиліи — *Гурки*, *Томицкіе*, *Лещинскіе*. Сигизмундъ I, какъ ревностный католикъ, боролся съ ересью. Онъ лично ѣздилъ въ польскую Пруссію, подавилъ церковный мятежъ въ Гданскѣ и казнилъ 15 вожаковъ, которые поджигали жителей къ бунту и разрушенію католическихъ святынь. Затѣмъ онъ издалъ запрещеніе читать лютеранскія книги и посѣщать нѣмецкіе университеты, ввелъ духовную цензуру и далъ полномочіе ксендзамъ обыскивать частные дома и уничтожать еретическія книги, грозилъ отнятіемъ шляхетства тѣмъ, кто будетъ у себя передерживать проповѣдниковъ ереси. Духовенство съ своей стороны на соборѣ въ Ленчицѣ постановило ввести инквизицію для преслѣдованія еретиковъ. Но всѣ эти мѣры мало помогли, и реформаціонное движеніе по смерти Сигизмунда I еще болѣе усилилось. Въ Малой Польшѣ при Сигизмундѣ Августѣ съ большимъ успѣхомъ распространялся *кальвинизмъ*, которому покровительствовали *Зборовскіе*, а также ученіе *Цвингли*, которое приняли и пропагандировали *Олесницкіе*. При королевскомъ дворѣ свила себѣ гнѣздо самая крайняя протестантская секта *аріанъ*, *или антитринитаріевъ*, пропагандистами которой явились ученые итальянцы—*Францискъ Станкаръ* и *Лелій Социно*. Эта секта нашла

себѣ приверженцевъ и среди магнатовъ, напр. *Стадницкихъ*. По стопамъ магнатовъ шла и рядовая шляхта, и даже мѣщане, напр., Краковскіе отпадали отъ католицизма. Противъ католицизма выступили и ученые правовѣды, какъ напр. *Яковъ Пржилускій*, и публицисты, какъ *Андрей Фричъ Модржевскій*, и поэты, какъ *Николай Рей* и т. д.

Выступленіе шляхты противъ духовенства. По мѣрѣ того, какъ распространялись реформаціонныя идеи въ обществѣ, шляхта переставала платить духовенству десятину и подчиняться его юрисдикціи. Когда епископы стали привлекать къ своему суду проповѣдниковъ ересей, шляхта стала разсматривать эти случаи, какъ посягательства на ея права и вольности. Она брала подъ свое покровительство проповѣдниковъ новаго ученія, и женившихся священниковъ и монаховъ и требовала полной свободы слова и совѣсти. На Петрковскомъ сеймѣ 1552 года шляхта въ пику духовенству выбрала маршалкомъ посольской избы Рафаила Лещинскаго, который во время торжественной мессы, предшествующей открытію сейма, стоялъ въ костелѣ въ шапкѣ. Шляхта не хотѣла приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ прежде, чѣмъ не будетъ отмѣнена юрисдикція епископовъ. Такъ какъ и сенатъ поддержалъ требованіе шляхетскихъ пословъ, то епископы уступили и на время отказались отъ юрисдикціи надъ шляхтою и ея подданными, пока дѣло это не рѣшено будетъ папою. Интеримъ 1552 года былъ первымъ тріумфомъ шляхты надъ духовенствомъ, расположившимъ ее къ дальнѣйшей борьбѣ съ духовенствомъ и католицизмомъ.

Экзекуціонисты и ихъ программа церковныхъ и государственныхъ реформъ. Выдающіеся шляхтичи, которые бывали обыкновенно сеймовыми послами, составили дисциплинированный кружокъ реформистовъ, во главѣ котораго стояли *Іеронимъ Оссолинскій*, *Рафаилъ Лещинскій* и *Николай Сѣницкій*, многолѣтній маршалокъ посольской избы. Изъ этого кружка, шедшаго въ своихъ домогательствахъ обыкновенно далѣе сеймиковыхъ инструкцій и увлекавшаго за собою сеймы, вышла цѣлая программа церковнаго и государственнаго переустройства подъ именемъ «экзекуціи правъ», такъ что и самый кружокъ этотъ получилъ названіе экзекуціонистовъ.

Экзекуціонисты выступили со всѣми своими проектами «направы» рѣчи посполитой на сеймѣ 1555 г. Прежде всего они потребовали учрежденія *національной церкви*, управляющейся мѣстнымъ синодомъ подъ главенствомъ короля, уничтоженія целибата духовенства, потребовали причащенія подъ обоими видами и литургіи на славянскомъ языкѣ. Польская церковь, согласно ихъ желаніямъ, должна была преобразоваться на манеръ русской церкви. Этотъ планъ, очевидно, вышелъ главнымъ образомъ изъ среды шляхетскихъ пословъ отъ русскихъ воеводствъ, которыхъ всего больше было въ кружкѣ экзекуціонистовъ. То были поляки, жившіе среди русскихъ, и ополячившіеся русскіе шляхтичи. Они надѣялись такимъ путемъ ускорить сліяніе русской и польской народности, уничто-

жить ту преграду, которая раздѣляла до сихъ поръ оба родственныхъ народа. Экзекуціонисты домогались далѣе заключенія болѣе тѣсной уніи съ союзными странами—Литвою и Зап. Пруссіею. Это требованіе поставлено было главнымъ образомъ въ интересахъ шляхты. Такимъ путемъ шляхта надѣялась облегчить для себя дѣло государственной обороны, которую сообща легче было вести, чѣмъ порознь. Кромѣ того, шляхта путемъ заключенія болѣе тѣсной уніи съ Литвою надѣялась на пріобрѣтеніе имѣній въ великомъ княжествѣ, гдѣ было много свободныхъ и плодородныхъ земель, тогда какъ въ коронѣ по этой части уже ощущался недостатокъ. Интересомъ шляхты продиктовано было и требованіе о приведеніи въ исполненіе конституціи 1504 года касательно редукціи государственныхъ имѣній. Такимъ путемъ имѣлось въ виду создать постоянный фондъ на содержаніе постояннаго войска и тѣмъ избавить шляхту отъ необходимости давать правительству ежегодныя субсидіи на военные расходы.

Редукція коронныхъ имѣній и учрежденіе кварцянаго войска. Въ отношеніи всѣхъ этихъ требованій король принялъ политику отсрочекъ. Дѣло объ установленіи въ Польшѣ національной церкви король отложилъ до окончанія совѣщаній Тридентскаго собора, а остальныя дѣла откладывалъ съ сейма на сеймъ. Но экзекуціонисты неустанно добивались удовлетворенія своимъ политическимъ желаніямъ и частью успѣли настоять на своемъ. На сеймѣ 1561/1562 года король и сенаторы дали, наконецъ, свое согласіе на редукцію коронныхъ имѣній. Постановлено было отобрать у частныхъ лицъ коронныя имѣнья, которыя они получили послѣ 1504 г. въ собственность или «заставу» безъ разрѣшенія сейма. Эти имѣнья впредь должны были раздаваться съ согласія сейма въ держанье заслуженнымъ людямъ съ тѣмъ, чтобы четвертая часть валового дохода съ этихъ имѣній—кварта шла на содержаніе постояннаго войска (это войско и получило названіе *кварцянаго*).

Неудача съ церковною реформою. На этомъ же сеймѣ состоялось весьма важное постановленіе, касающееся духовенства. Шляхетскіе послы представили, что конфискація духовенствомъ имѣній у шляхты, подвергшейся церковному отлученію, противорѣчитъ Чирвинскому привилею 1422 г., устанавливающему имущественную неприкосновенность шляхты; сажаніе шляхты въ заключеніе по рѣшенію бискупскихъ судовъ противорѣчитъ данному ей праву Neminem captivabimus nisi jure victum; навязываніе обывателямъ синодальныхъ постановленій духовенства противорѣчитъ конституціи Nihil novi. Вслѣдствіе этихъ представленій сеймъ постановилъ, чтобы свѣтскія власти впредь не приводили въ исполненіе рѣшеній и постановленій духовныхъ властей. Этимъ въ сущности уничтожались и церковное законодательство, и церковная юрисдикція.

Но шляхта не добилась учрежденія національной польской церкви. Въ 1564 году пріѣхали съ Тридентскаго собора бискупъ Вармійскій Станиславъ *Гозій* и папскій легатъ *Коммендони* и привезли съ собою книгу опре-

дѣленій этого собора. Эти опредѣленія исключали всякую возможность установленія съ разрѣшенія папы національной польской церкви. Правда, сеймъ 1565 года, которому предложена была къ руководству книга соборныхъ опредѣленій, не принялъ ее. Но король частнымъ образомъ принялъ эту книгу и тѣмъ призналъ за собою обязанность противиться всѣмъ новшествамъ въ духѣ экзекуціонистовъ. Протестантская шляхта, распадавшаяся на секты, пыталась послѣ того соединиться въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы съ католицизмомъ и съ этою цѣлью съѣзжалась много разъ на совѣщанія. Результатомъ этихъ совѣщаній было *Сандомирское соглашеніе 1570 г.* Съѣзжавшіеся въ Сандомирѣ лютеране, кальвинисты и чешскіе братья выработали общее національное исповѣданіе вѣры, къ которому предложили примкнуть и королю. Но король отказался. Дѣло устройства національной польской церкви послѣ того погибло, и въ Польшѣ остались только несогласныя и враждебныя другъ другу протестантскія секты, противъ которыхъ и выступилъ во всеоружіи возродившійся послѣ Тридентскаго собора католицизмъ. Извѣстно, что ему въ концѣ концовъ удалось одержать надъ ними полную побѣду и вернуть заблудшую польскую овцу въ стадо подъ единымъ пастыремъ Божіимъ, т.-е. папою.

Ударъ польскому мѣщанству. Больше успѣха имѣла шляхта въ другихъ своихъ домогательствахъ. На сеймѣ 1565 г. сверхъ подтвержденія права на вольный безпошлинный вывозъ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ за границу и на безпошлинный привозъ различныхъ предметовъ для собственныхъ надобностей изъ-за границы шляхта добилась запрещенія вывоза польскихъ ремесленныхъ издѣлій за границу, дабы имѣть возможность получать ихъ за дешевую цѣну. Всѣми этими постановленіями нанесенъ былъ смертельный ударъ благосостоянію польскаго мѣщанства.

Унія Литвы и З. Пруссіи съ Польшею. На Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. шляхта добилась и заключенія тѣсной уніи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ и З. Пруссіею. Постановлено было, что корона и великое княжество впредь будутъ составлять одно нераздѣльное государство, будутъ имѣть одного государя, который долженъ избираться сообща поляками и литовцами, будутъ имѣть общій сеймъ, одну монету, право для обывателей селиться въ обѣихъ странахъ и получать должности безпрепятственно; Волынь, Кіевщина, Подолье, Подляшье впредь будутъ относиться къ коронѣ Польской; въ великомъ княжествѣ останутся свой скарбъ, войско, суды и кодексъ законовъ. Въ это нераздѣльное государство на подобныхъ же основаніяхъ включена была и Западная Пруссія.

Генриховскіе артикулы; установленіе вольной элекціи королей. Бездѣтная смерть Сигизмунда-Августа и послѣдовавшія вслѣдъ затѣмъ приглашенія королей со стороны дали случай шляхтѣ выступить въ роли полной хозяйки государства и распорядительницы его судьбами. Шляхта воспользовалась благопріятными моментами для того, чтобы обезпечить

за собою эту роль и на будущее время и превратить польскую монархію въ шляхетскую рѣчь посполитую.

По этой части много сдѣлано было уже при избраніи Генриха Анжуйскаго въ 1573 году. Уполномоченный его присягнулъ въ соблюденіи слѣдующихъ статей, которыя легли въ основаніе новой государственной конституціи и получили названіе Генриховскихъ артикуловъ: 1) короли впредь избираются вольною элекціею шляхты; 2) король черезъ два года на третій собираетъ сеймъ не дольше, какъ на шесть недѣль; 3) онъ не имѣетъ права давать свои резолюціи на сеймахъ, но долженъ оставаться при мнѣніи, согласномъ съ уставами и вольностями народа; 4) безъ согласія сената король не имѣетъ права начинать войну или заключать миръ, безъ согласія сейма созывать посполитое рушенье; 5) король долженъ оберегать границы государства и стараться о возвращеніи отторгнутыхъ отъ него земель; 6) при немъ будетъ постоянно находиться прибочная рада изъ 16 сенаторовъ, съ которыми онъ обязанъ обо всемъ совѣтоваться; 7) въ случаѣ нарушенія королемъ всѣхъ этихъ условій, его подданные могутъ отказать ему въ послушаніи. Сверхъ этихъ артикуловъ общаго характера написаны были *pacta conventa* собственно для Генриха. Въ силу ихъ Генрихъ обязывался поддерживать вѣчный миръ съ Франціею, выставлять французскія вспомогательныя войска для войнъ Польши съ сосѣдями, соорудить на собственный счетъ флотъ, пополнить скарбъ рѣчи посполитой, заплатить долги Сигизмунда-Августа и т. д., и т. д. Шляхта изо всѣхъ силъ постаралась получить съ короля все, не давая ему ничего, считая, вѣроятно, что для него достаточно одной чести быть королемъ такого славнаго и доблестнаго народа, какъ польскій. Съ подобными стремленіями и даже признаніями въ этомъ родѣ приходится встрѣчаться во всей дальнѣйшей исторіи Польши. Эти убѣжденія глубоко вкоренились въ умы правящаго класса польскаго общества и были источникомъ многихъ политическихъ несчастій этого народа въ послѣдующее время.

Стефанъ Баторій и учрежденіе шляхетскихъ трибуналовъ. Слѣдующій за Генрихомъ король Стефанъ Баторій (1576—1586) сдѣлалъ шляхтѣ новую существенную уступку, которая завершила собою зданіе шляхетскихъ правъ и вольностей, воздвигнутыхъ предшествующею исторіею Польши. До сихъ поръ высшая юрисдикція надъ шляхтою, какъ и надъ мѣщанствомъ, принадлежала королю и отправлялась въ судахъ, состоявшихъ изъ королевскихъ урядниковъ и называвшихся *надворными* или *ассессорскими*. Въ эти суды дѣла поступали по апелляціи отъ низшихъ судовъ, гродскихъ и земскихъ, судившихъ шляхту, и отъ мѣстскихъ судовъ, судившихъ мѣщанъ по магдебургскому праву. Шляхта, имѣя свои сословные выборные суды въ повѣтахъ, стала добиваться устройства такого же суда и въ центрѣ государства, для разбора дѣлъ по апелляціи отъ повѣтовыхъ шляхетскихъ судовъ. Какъ предлогъ выставлено было указаніе на скопленіе дѣлъ въ надворныхъ королевскихъ судахъ и проис-

ходившую отсюда медленность въ отправленіи правосудія. Нуждаясь въ денежныхъ субсидіяхъ на московскую войну, Стефанъ Баторій на сеймѣ 1578 г. отказался отъ аппелляціонной юрисдикціи надъ шляхтою. Учреждены были такъ называемые *трибуналы*, составленные изъ выборныхъ отъ шляхты депутатовъ, къ которымъ и перешелъ аппелляціонный судъ, отправлявшійся прежде королемъ и его урядниками.

Съ изданіемъ Генриховскихъ артикуловъ и pacta conventa, съ учрежденіемъ аппелляціонныхъ трибуналовъ шляхта, можно сказать, совершенно эмансипировалась отъ королевской власти и стала не только самоуправляющимся, но и правящимъ сословіемъ, господствовавшимъ надъ другими классами общества и надъ самимъ королемъ. Польское государство окончательно превратилось въ *шляхетскую рѣчь посполитую*.

Важнѣйшая литература:

Caro, Geschichte Polens, B. IV, V (2 Theile). Gotha 1875—1888.

Szujski, Dzieje Polski, tom II. Lwów 1862.

Bobrzyński M., Dzieje Polski w zarysie, tom I i II. Kraków 1890.

М. Любавскій, Нешавскіе статуты Казимира Ягеллончика (Хрестоматія по исторіи среднихъ вѣковъ, изд. подъ ред. проф. П. Г. Виноградова, ч. III).

Bobrzyński M., O ustawodawstwie nieszawskiem. Kraków 1874.

Hube R., Statuta nieszawskie z r. 1454. Warszawa 1876.

Pawiński Ad., Sejmiki ziemskie, początek ich i rozwój aż do ustalenia się udziału posłów ziemskich w ustawodawstwie sejmu walnego. 1374—1505. Warszawa 1895.

Prochaska A., Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiełłonów (Rozprawy i Sprawozdania, tom XXXVIII. Kraków 1891).

Bobrzyński M., Sejmy polskie za Olbrachta i Alexandra. Ateneum 1876, tom II.

— Karta z dziejów ludu wiejskiego w Polsce (Rocznik Akad. Umiejętności w Krakowie 1892).

Ulanowski Boleslaw, Wieś polska pod względem prawnym od wieku XVI—XVIII (Rocznik Ak. Um. w Krakowie, 1894).

KS. L., Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku. Warszawa 1862

— Jurisdykcya patrymonialna w Polsce. Warszawa 1861.

— Trzy rozdziały z historyi skarbowości w Polsce (1507—1533). Kraków 1868.

Dr. Alfred Blumenstok, Płany reform skarbowo-wojskowych w pierwszej połowie panowania Zygmunta Starego. Lwów 1888.

Zakrzewski W., Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce 1520—1572. Lipsk 1870.

J. Szujski, Odrodzenie i reformacya w Polsce. Kraków 1881.
Любовичъ Н. Н., Исторія реформаціи въ Польшѣ Варшава. 1883.
Карѣевъ Н. И., Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реформаціи въ Польшѣ. Москва 1886.
Любавскій М. К., Литовско-русскій сеймъ. Москва 1901 г.

XXIV.

Общественное и государственное устройство Польши съ конца XVI и до половины XVIII вѣка.

Соціально-политическій порядокъ, сложившійся къ концу XVI в., просуществовалъ въ Польшѣ безъ особыхъ измѣненій въ теченіе болѣе полутораста лѣтъ. Имъ объясняются многія явленія во внутренней и внѣшней исторіи Польши за это время. Въ немъ же надо искать и тѣхъ внутреннихъ причинъ, которыя привели Рѣчь Посполитую къ политической смерти во второй половинѣ XVIII в. Все это налагаетъ на насъ обязанность познакомиться поближе съ этимъ порядкомъ въ его наиболѣе существенныхъ и характерныхъ особенностяхъ.

Составъ шляхетскаго сословія. Въ этомъ порядкѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе привилегированное и доминирующее положеніе въ польскомъ обществѣ шляхетскаго сословія въ широкомъ смыслѣ, т.-е. князей, пановъ и рыцарства-шляхты. Юридическія различія, существовавшія въ нѣдрахъ этого сословія, съ теченіемъ времени совершенно сгладились, и остались одни только экономическія и служебныя неравенства. Всѣ шляхтичи по рожденію считались равными другъ другу. Княжескіе и графскіе титулы дозволено было носить членамъ тѣхъ фамилій, которыя носили ихъ въ моментъ заключенія уніи 1569 г. Но эти титулы не давали никакихъ предпочтительныхъ правъ. Предпочтительныя права давались только службою: шляхтичъ, бывшій урядникомъ или сановникомъ, возвышался надъ своею братьею. Вотъ почему въ чиновной польской іерархіи держалось множество должностей и званій чисто почетнаго характера, не сопряженныхъ съ соотвѣтствующими обязанностями и вполнѣ аналогичныхъ нашимъ чинамъ. Всѣ эти провинціальные стольники, подстоліе, чашники, подчашіе, ловчіе, мечники и т. д. были совершенно то же самое, что наши статскіе и всякіе другіе совѣтники, ассесоры, секретари и регистраторы. Польская шляхта дорожила этими титулами, подобно тому какъ современные французы при всей своей привержен-

ности къ гражданскому равенству дорожатъ орденами и даже старыми титулами. Титулы давали внѣшнія отличія, внѣшній почетъ, напр. первыя мѣста на сеймиковыхъ собраніяхъ.

Шляхетство пріобрѣталось либо рожденіемъ, либо *нобилитаціею*, которая была сначала правомъ короля, а затѣмъ стала правомъ вальнаго сейма. Потеря шляхетства происходила вслѣдствіе лишенія чести (инфаміи) по суду, принятія плебея въ гербъ и родъ безъ разрѣшенія сейма и вслѣдствіе занятія купечествомъ или ремесломъ (временная потеря).

Права шляхты. Шляхтѣ принадлежали слѣдующія права, рѣзко выдѣлявшія ее изъ остального общества: 1) Исключительное право владѣть земскими имѣньями, съ которыхъ шла военная служба, и право пріобрѣтать дома и плацы въ мѣстахъ. Владѣнье имѣньями обставлено было гарантіею неприкосновенности: конфискація могла пасть на нихъ не иначе, какъ только по суду. 2) Право полученія высшихъ духовныхъ сановъ и всѣхъ свѣтскихъ урядовъ. Только шляхта имѣла право получать во временное пользованіе королевскія имѣнья, такъ называемый panis bene merentium, быть старостами и державцами этихъ имѣній. 3) Шляхта освобождена была отъ всякихъ государственныхъ повинностей съ своихъ имѣній, кромѣ военной службы въ посполитомъ или повѣтовомъ рушеньѣ, платила только тѣ подати, которыми временно облагала сама себя въ видѣ субсидіи королевскому скарбу. 4) Шляхта пользовалась правомъ личной неприкосновенности и свободы слова. 5) Наконецъ, шляхтѣ принадлежало право участія въ избраніи короля и рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни на своихъ сеймикахъ и сеймахъ.

Патримоніальная власть шляхты. По отношенію къ населенію своихъ имѣній шляхта добилась полновластья. Выше было указано, какъ на сеймахъ при Янѣ Альбрехтѣ и Сигизмундѣ I шляхта постепенно закрѣпила за собою своихъ крестьянъ и одновременно съ тѣмъ расширила надъ ними свою власть. Въ концѣ концовъ крестьяне очутились въ полномъ распоряженіи своихъ пановъ. Паны перестали отвѣчать за убійство своихъ крестьянъ передъ судомъ, ибо крестьяне потеряли право судиться съ ними; паны стали чинить судъ надъ своими крестьянами безъ всякихъ процессуальныхъ формальностей и наказывать ихъ смертью. Въ селахъ, состоявшихъ на нѣмецкомъ правѣ, владѣльческая юрисдикція установилась путемъ скупки владѣльцами солтыствъ. Эта скупка была, сначала чисто вольною сдѣлкою; но конституціи 1563 г. и 1598 г. предоставили шляхтѣ право принудительнаго выкупа солтыствъ. Шляхта утвердила свою полную власть не только надъ личностью холопа, но и надъ его трудомъ. Паны облагали по произволу своихъ крестьянъ денежными и натуральными оброками и различными повинностями. Эти оброки и повинности были очень разнообразны. Хлопъ платилъ своему пану деньгами—военное, обѣденное, оправу, стацію; давалъ куръ, яйца, сыры, грибы, орѣхи и т. д. Сверхъ обычныхъ барщинныхъ дней обязанъ былъ являться на под-

могу, такъ называемую *тлоку* или *гвалтъ*—убирать сѣно, рожь, овесъ и т. д. Сельдей, соль и напитки онъ обязанъ былъ покупать въ панской корчмѣ, продукты своего хозяйства продавать на панскомъ дворѣ, молоть хлѣбъ на панской мельницѣ, исправлять хозяйственныя орудія въ панской кузницѣ. Хлопъ обязанъ былъ наниматься на работы у своего пана и по цѣнѣ назначенной паномъ, не имѣлъ права безъ разрѣшенія своего пана уходить на заработки, снимать въ аренду земли въ чужомъ имѣньѣ, не могъ водить скота больше опредѣленнаго количества, ткать и бѣлить полотна, сколько вздумается, и т. д.

Власть шляхты надъ крестьянами государственныхъ имѣній; подчиненіе и ограниченіе мѣщанъ. Шляхтѣ удалось утвердить свою власть не только надъ собственными, но и надъ королевскими крестьянами. Послѣдніе жили въ коронныхъ имѣніяхъ—*крулевщизнахъ*; но эти имѣнья, какъ уже было сказано, въ большинствѣ раздавались во временное владѣніе заслуженнымъ лицамъ, которые такимъ путемъ пріобрѣтали власть надъ крестьянами, судили ихъ, собирали съ нихъ подати. Шляхта пріобрѣтала власть надъ королевскими крестьянами также посредствомъ покупки солтыствъ въ селахъ, состоявшихъ на нѣмецкомъ правѣ. Съ 1607 года всѣ солтыства, остававшіяся еще въ рукахъ крестьянъ, стали раздаваться только шляхтѣ.

Шляхта частью подчинила себѣ, частью ограничила въ правахъ торгово-промышленный классъ польскаго государства—мѣщанство. Въ составъ шляхетскихъ имѣній входили не только села, но и мѣста, привилегированныя и непривилегированныя. Мѣщане привилегированныхъ мѣстъ, хотя и имѣли свое самоуправленіе по нѣмецкому праву, все-таки зависѣли отъ своего пана, который въ качествѣ государя вмѣшивался по временамъ въ ихъ внутренніе распорядки. Мѣщане непривилегированныхъ панскихъ мѣстъ всецѣло находились во власти своихъ владѣльцевъ, какъ и крестьяне, отличаясь отъ послѣднихъ только личною свободою. Всѣ вообще мѣщане, даже и не подчиненные шляхтѣ, ограничены были въ своихъ правахъ въ пользу шляхты. Мѣщане не имѣли доступа къ государственнымъ должностямъ и высшимъ духовнымъ санамъ, не имѣли право пріобрѣтать земскія имѣнія (за исключеніемъ Прусскихъ и Краковскихъ мѣщанъ). Ихъ матеріальное благосостояніе подкапывалось таксаціею, которую устанавливали воеводы въ интересахъ шляхты, а также освобожденіемъ послѣдней отъ платежа пошлинъ при продажѣ своихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній, при вывозѣ товаровъ изъ-за границы.

Ограниченія духовенства въ пользу шляхты. Въ интересахъ шляхты легли различныя ограниченія и на духовное сословіе. Король могъ назначать бискуповъ и канониковъ только изъ лицъ шляхетскаго званія; ксендзы нешляхетскаго рода могли получать только такъ называемыя докторскія канонiи, т.-е. мѣста канониковъ, учрежденныя для докторовъ богословія, права и медицины. Даже мѣста аббатовъ и настоятелей въ мона-

стыряхъ король предоставлялъ только шляхтичамъ по происхожденію. Шляхта съ теченіемъ времени сочла нужнымъ пріостановить развитіе церковнаго землевладѣнія. Конституція 1635 г. запретила дальнѣйшій переходъ земскихъ имѣній въ руки духовенства путемъ даренія, продажи, отказа по душѣ и т. д. Земскія имѣнья, оставшіяся по смерти бѣлаго ксендза, наслѣдовали его родные; вступающій въ монастырь долженъ былъ предварительно продать свои имѣнья. Позднѣйшія конституціи положили преграду даже переходу мѣщанскихъ земель во владѣніе церкви. Въ своихъ стремленіяхъ къ ограниченію церковнаго землевладѣнія шляхта основывалась на томъ соображеніи, что духовенство съ своихъ имѣній не несло военной службы и не платило податей. Только въ случаяхъ крайней нужды бискупы на сеймахъ опредѣляли одновременную добровольную субсидію (subsidium charitativum), которую раскладывали по благочиніямъ (probostwa). Не платя податей въ пользу государства, духовенство собирало десятину со всѣхъ имѣній, какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ. Шляхта не преминула и по этой части ограничить духовенство; между прочимъ добилась того, чтобы споры объ уплатѣ десятины разбирались не церковными, а шляхетскими судами. Кромѣ бискуповъ, шляхта не допускала никакихъ другихъ духовныхъ лицъ ни до сеймиковыхъ, ни до сеймовыхъ совѣщаній. Что касается государственныхъ должностей, то духовные допускались на тѣ изъ нихъ, гдѣ требовалось образованіе. Поэтому канцлеръ, подканцлеръ, секретарь, референдарій, правители государственныхъ канцелярій, кустошъ коронный нерѣдко были изъ духовныхъ особъ.

Вальный сеймъ, какъ органъ политическаго господства шляхты; его составъ. Сословіе, которое занимало столь высокое положеніе въ польскомъ обществѣ, естественно доминировало и въ польскомъ государствѣ. Органомъ ея политическаго господства былъ *вальный сеймъ* Рѣчи Посполитой. На этомъ сеймѣ рѣшались всѣ сколько-нибудь важные государственные вопросы. Обычный вальный сеймъ состоялъ изъ трехъ «становъ», или чиновъ Рѣчи Посполитой: короля, сената и земскихъ пословъ. Впрочемъ, присутствіе короля не было обязательнымъ. Король могъ и издали сноситься съ сеймомъ, дѣлать ему различныя предложенія и утверждать состоявшіяся на немъ постановленія. Для состава сейма необходимо было присутствіе сената и земскихъ пословъ.

Сенатъ былъ собственно совѣтомъ при королѣ. Первое мѣсто въ сенатѣ принадлежало *архіепископу Гнѣзненскому*, который со времени Констанцскаго собора носилъ титулъ *примаса* польской церкви, отъ папы Льва X получилъ титулъ legatus natus, а съ 1573 г. титулъ interrex'а. Какъ примасъ, онъ занималъ первое мѣсто среди польскихъ епископовъ; какъ legatus natus выполнялъ функціи папскаго уполномоченнаго, или нунція, при созывѣ синодовъ и отправленіи высшихъ церковныхъ судовъ; какъ interrex, пользовался королевскими правами во время безкоролевья, созывалъ сеймъ и сеймики, принималъ грамоты отъ иностранныхъ госуда-

рей и т. д. Остальные *бискупы* занимали мѣста въ сенатѣ ниже примаса, но выше свѣтскихъ сенаторовъ. Не имѣли мѣстъ въ сенатѣ бискупы коадъюторы, т.-е. помощники каѳедральныхъ епископовъ, переходившіе на ихъ мѣсто, когда каѳедра становилась вакантною, и суффраганы, помощники безъ права преемства, а также титулярные епископы (in partibus infidelium). Среди свѣтскихъ сенаторовъ первое мѣсто принадлежало *каштеляну Краковскому*, за которымъ слѣдовали *воеводы*; за воеводами, среди которыхъ имѣли мѣста староста Жмудскій и каштеляны Виленскій и Троцкій, слѣдовали *каштеляны старшіе*, или *кресловые*, за ними *каштеляны младшіе*, или *дронжковые*, а за каштелянами *министры*. Сенатъ былъ королевскимъ совѣтомъ на сеймѣ и внѣ онаго. Въ экстренныхъ случаяхъ король созывалъ на совѣщаніе всѣхъ сенаторовъ, но обыкновенно онъ имѣлъ при себѣ такъ называемыхъ *резидентовъ*, безъ совѣта съ которыми не могъ ничего предпринимать. Сеймъ на каждые два года назначалъ 16 резидентовъ, которые по полгоду въ числѣ четырехъ человѣкъ находились при особѣ короля; съ 1641 года стало назначаться уже 28 сенаторовъ. Эти резиденты получали жалованье, а за отсутствіе безъ уважительныхъ причинъ наказывались денежнымъ штрафомъ.

Но главная роль собственно на сеймахъ принадлежала такъ называемой *посольской избѣ*, въ составъ которой входили послы, или депутаты отъ шляхетскаго сословія. Здѣсь происходили наиболѣе оживленные дебаты, здѣсь обыкновенно ставились рѣшенія, которымъ обыкновенно подчинялся сенатъ, и которые утверждалъ король.

Порядокъ созыва и совѣщаній сеймовъ. *Земскіе послы* выбирались шляхтою на мѣстныхъ повѣтовыхъ сеймикахъ, называвшихся *предсеймовыми* или *посольскими*. Сеймики эти созывались по королевскому универсалу за шесть недѣль до открытія сейма. Собравшаяся на сеймикъ шляхта прежде всего выбирала по большинству голосовъ предсѣдателя, или *маршалка* (въ Литвѣ были постоянные маршалки, и этого выбора не производилось), а затѣмъ слушала мессу. По окончаніи богослуженія шляхта выслушивала королевскаго коммиссара, объявлявшаго о созывѣ сейма и предметахъ, которые подлежали на немъ обсужденію и рѣшенію. Послѣ того шляхта выбирала пословъ въ числѣ установленномъ закономъ для каждаго воеводства, земли или повѣта, начиная отъ 1 и до 8. Послы получали отъ своей братьи инструкцію, въ которой выражались желанія шляхты какъ относительно предметовъ, подлежавшихъ обсужденію на сеймахъ, такъ и относительно другихъ вещей. Послы обязывались стараться всячески, чтобы сеймъ удовлетворилъ эти желанія. Послѣ посольскихъ сеймиковъ происходили *генеральные сеймики* по отдѣльнымъ провинціямъ: воеводствъ Великопольскихъ—въ Колѣ, Мазовецкихъ въ Варшавѣ, Малопольскихъ—въ Новомъ Корчинѣ, литовскихъ въ Волковыйскѣ, позже въ Слонимѣ. На эти сеймики съѣзжались сенаторы и послы для того, чтобы условиться о совмѣстномъ образѣ дѣйствій на предстоящемъ

сеймѣ. Впрочемъ, съ конца XVII в. генеральные сеймики перестали собираться, за исключеніемъ Пруссіи.

Конституція 1573 года предписывала собирать сеймы черезъ каждые два года или по мѣрѣ надобности. Первые сеймы назывались *ординарными* или шестинедѣльными, такъ какъ продолжались обыкновенно шесть недѣль, а вторые *экстраординарными* или двухнедѣльными. Мѣстомъ собранія была два раза подрядъ Варшава, а третій разъ Гродно; коронаціонные сеймы собирались въ Краковѣ. Сенаторы и послы, прибывавшіе на сеймъ, получали даровыя квартиры, которыя отводилъ имъ маршалокъ великій, а во время засѣданія сейма пользовались личною неприкосновенностью и не подлежали привлеченію на судъ.

По выслушаніи мессы въ костелѣ шляхетскіе послы подъ предводительствомъ маршалка прежняго сейма (старой «ласки») шли въ свою избу и прежде всего выбирали маршалка или per acclamationem, или per turnum, т.-е. посредствомъ голосованія. Маршалки избирались по очереди изъ шляхты Великой Польши, Малой и Литвы, при чемъ, когда сеймъ происходилъ въ Гроднѣ, выбирался литовскій маршалокъ. Избранный маршалокъ приносилъ присягу, назначалъ сеймоваго секретаря и увѣдомлялъ о своемъ избраніи короля, послѣ чего приступалъ къ *ругамъ*, т.-е. провѣркѣ депутатскихъ полномочій пословъ. Послы, избраніе которыхъ признано было нелегальнымъ, удалялись съ сейма.

Затѣмъ наступало соединенное засѣданіе сенаторской и посольской избъ въ присутствіи короля. Засѣданіе открывалось церемоніею привѣтствія королю и цѣлованія королевской руки шляхетскими послами. Затѣмъ читались pacta conventa, предложенія сейму со стороны правительства и различные отчеты сената и должностныхъ лицъ, послѣ чего избы разъединялись и совѣщались каждая особо, подъ руководствомъ своихъ маршалковъ. Только то считалось постановленіемъ, что принято было единогласно всѣми; голосованіе по большинству не имѣло мѣста. Дней за пять до окончанія сессіи обѣ избы опять соединялись и знакомили другъ друга съ своими рѣшеніями. Тѣ рѣшенія, на которыхъ сходились посольская и сенаторская изба, и считались сеймовыми конституціями. Эти конституціи вносились въ гродскія книги и печатались во всеобщее свѣдѣніе. Сессія заканчивалась церемоніею прощанія съ королемъ и цѣлованія у него руки.

Liberum veto. Не всѣ сеймы доходили до благополучнаго конца, многіе изъ нихъ срывались, особенно во второй половинѣ XVII в., вслѣдствіе протеста того или другого посла, такъ называемаго liberum veto. Чтобы понять происхожденіе этого страннаго на первый взглядъ права, необходимо имѣть въ виду, что представительство на польскомъ сеймѣ было совершенно другого рода, чѣмъ представительство въ современныхъ парламентахъ. Въ настоящее время депутаты, хотя и выбираются отъ того или другого округа, являются однако представителями всего государства и

защищаютъ его интересы по мѣрѣ личнаго разумѣнія и по долгу своей совѣсти. Польская Рѣчь Посполитая была въ этомъ отношеніи не единымъ государствомъ, а федераціею маленькихъ шляхетскихъ республикъ, т.-е. воеводствъ, земель и повѣтовъ, и послы, выбираемые этими округами, были представителями только этихъ именно округовъ, а не цѣлаго государства. Въ подачѣ голоса они связаны были данными имъ отъ избирателей инструкціями, отъ которыхъ они не имѣли права отступать. Поэтому и протестъ ихъ былъ не протестомъ одного лица, а всего выбравшаго ихъ округа. Этотъ протестъ отнималъ у сеймоваго постановленія его обязательную силу на томъ же основаніи, по которому для государства не признается обязательнымъ рѣшеніе дипломатическаго конгресса, если оно не дало на него своего согласія черезъ своего уполномоченнаго. Польскій сеймъ въ существѣ дѣла былъ конгрессомъ уполномоченныхъ шляхетскихъ республикъ-воеводствъ, а потому и для постановленій его требовалось полное согласіе всѣхъ уполномоченныхъ.

Конфедераціи и рокоши. Федеративный характеръ польской Рѣчи Посполитой объясняетъ не только liberum veto, но и другое явленіе польской политической жизни, не менѣе странное на первый взглядъ,—такъ называемую *конфедерацію*. Это явленіе можно понять опять таки по аналогіи съ международными отношеніями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы большинства договаривающихся между собою государствъ настоятельно требуютъ принятія того или другого рѣшенія вопреки волѣ меньшинства или одного государства, большинство входитъ въ особое соглашеніе и заключаетъ договоръ, обязываясь привести его въ исполненіе силою. Подобнымъ же образомъ поступали и поляки, когда государственные интересы требовали принятія во что бы то ни стало извѣстныхъ рѣшеній, не обращая вниманія на несогласіе меньшинства. Въ такихъ случаяхъ Рѣчь Посполитая какъ бы распадалась и формировалась заново изъ согласныхъ элементовъ, которые и составляли конфедерацію. Конфедерація составлялась обыкновенно въ безкоролевье на конвокаціонномъ сеймѣ. Для принятія мѣръ по безопасности государства сеймъ объявлялъ себя *генеральною* или *каптуровою* конфедераціею и ставилъ свои опредѣленія уже не единогласно, а по большинству голосовъ. Конфедераціи формировались иногда и при короляхъ для достиженія извѣстной цѣли. Организація шла или снизу, или сверху. Въ первомъ случаѣ конфедерацію образовывала шляхта какого-либо воеводства, которая приглашала къ тому и остальныя воеводства. Образовывались мѣстныя конфедераціи, которыя составляли актъ о причинахъ и цѣляхъ ихъ образованія и выбирали изъ своей среды маршалка и совѣтниковъ. Маршалки и совѣтники отдѣльныхъ конфедерацій съѣзжались въ одно мѣсто и образовывали конфедерацію генеральную коронную, выбирая для нея маршалка и совѣтниковъ; такъ же поступали и литовцы. Послѣ этого обѣ конфедераціи соединялись въ одну генеральную конфедерацію обоихъ народовъ. Иногда въ извѣстномъ

мѣстѣ прямо образовывалась генеральная конфедерація, участники которой приглашали всѣхъ остальныхъ примкнуть къ ней, если не хотятъ прослыть за враговъ отечества. Маршалки и совѣтники большинствомъ голосовъ издавали постановленія (sancita), обязательныя для всей Рѣчи Посполитой. Если ко времени конфедераціи происходилъ очередной или экстренный сеймъ; то маршалками на немъ бывали обыкновенно маршалки генеральной конфедераціи обоихъ народовъ, а вмѣсто шляхетскихъ пословъ по временамъ засѣдали маршалки и совѣтники частныхъ конфедерацій воеводствъ. Такой сеймъ, называвшійся *конфедерацкимъ*, ставилъ рѣшенія по большинству голосовъ. Конфедераціи существовали до тѣхъ поръ, пока не достигали своей цѣли, послѣ чего расходились. Конфедераціи несомнѣнно предохраняли государство отъ послѣдствій liberum veto, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нося въ своемъ существѣ начало насилія надъ несогласными, конфедераціи по временамъ грозили государству междуусобіемъ и распаденіемъ. Особенно опасны были частныя конфедераціи, завязывавшіяся противъ короля съ цѣлью привлеченія его къ отвѣтственности или низложенія. Такія конфедераціи, носившія названія *рокоша*, имѣли характеръ заговора или мятежа противъ короля.

Общеобязательная сила сеймовыхъ постановленій. Сеймовыя совѣщанія совершались при открытыхъ для публики дверяхъ. По окончаніи сейма собирались по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ *реляціонные сеймики*, на которыхъ послы отдавали отчетъ о своей миссіи и объявляли сеймовыя конституціи. Эти конституціи имѣли обязательную силу нетолько для шляхты всѣхъ областей государства, но и для другихъ общественныхъ классовъ, не имѣвшихъ своихъ представителей на сеймѣ. Шляхта законодательствовала за весь народъ и для всего народа; ей принадлежало политическое господство въ государствѣ.

Порядокъ избранія и коронованія королей. Эта же шляхта избирала и главу государства—короля. Король избирался на особомъ *элекціонномъ сеймѣ* согласно установившемуся, хотя и не подтвержденному письменнымъ закономъ обычаю. Время собранія этого сейма опредѣлялось на первомъ сеймѣ, созывавшемся въ безкоролевье примасомъ-архіепископомъ и называвшемся *конвокаціоннымъ*. Для избранія короля съѣзжались не только обычные члены сейма, т.-е. сенаторы, шляхетскіе послы, но и вся масса шляхты, выступавшая какъ бы въ походъ съ оружіемъ въ рукахъ, а равно и представители нѣкоторыхъ наиболѣе значительныхъ мѣстъ—Гданска, Торуня, Эльблонга, Познани, Варшавы, Кракова, Люблина, Каменца Подольскаго и Вильны. Избраніе совершалось близъ деревни Воли подъ Варшавою. Плацъ, на которомъ происходило избраніе, былъ окруженъ рвомъ и валомъ съ тремя воротами, черезъ которыя въѣзжала шляхта трехъ провинцій королевства. Для сената строился деревянный павильонъ, или *шопа*, а рядомъ съ этимъ павильономъ отводилось мѣсто для рыцарскаго *кола*, т.-е. шляхетскихъ пословъ; масса шляхетства располагалась

по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ около окоповъ. Послѣ богослуженія въ костелѣ св. Яна, шляхетскіе послы избирали себѣ предсѣдателя или маршалка и затѣмъ соединялись съ сенаторами въ павильонѣ. Въ этомъ соединенномъ собраніи обсуждались мѣры безопасности на время элекціи, условія, которыя предстояло поставить будущему королю, читались грамоты иностранныхъ дворовъ, выслушивались уполномоченные претендентовъ на польскій престолъ и т. д. Тутъ же учреждался изъ трехъ сенаторовъ и двѣнадцати шляхетскихъ пословъ такъ называемый *каптуровый судъ*, долженствовавшій судить и карать преступленія, совершенныя за время элекціоннаго сейма. Въ день, назначенный для собранія, сенаторы и послы отправлялись къ шляхтѣ своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ и предлагали кандидата, на которомъ остановился ихъ выборъ. Шляхта отвергала или принимала кандидата (криками «vivat»). Послѣ того сенаторы и послы возвращались въ павильонъ, къ которому пододвигалась и шляхта отъ окоповъ. Послѣ счета голосовъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, примасъ, объѣзжая шляхту, три раза спрашивалъ, всѣ ли согласны на избраніе короля, и когда никто не противился, провозглашалъ того или другого кандидата королемъ. Великій коронный маршалокъ послѣ того провозглашалъ избраннаго въ воротахъ окоповъ, около которыхъ толпился народъ. Церемонія заканчивалась пѣніемъ Te Deum въ костелѣ св. Яна. Уполномоченный избраннаго короля приносилъ при этомъ присягу за своего довѣрителя въ соблюденіи pacta conventa.

Новоизбранный король вступалъ въ свои права только послѣ коронаціи, которая совершалась въ Краковѣ. По церемоніальномъ въѣздѣ въ Краковъ избранный король погребалъ своего предшественника, ѣздилъ на Скалку для поклоненія мощамъ св. Станислава и затѣмъ короновался въ костелѣ Краковскаго замка. Обрядъ коронованія совершалъ архіепископъ-примасъ или заступающій его епископъ. Преклонивъ колѣна передъ алтаремъ, король подтверждалъ присягою права Рѣчи Посполитой. Архіепископъ, помазавъ его миромъ, пристегивалъ ему мечъ, возлагалъ на голову корону, давалъ въ руки скипетръ и державу. Послѣ угощенія въ замкѣ, король отправлялся въ ратушу и затѣмъ садился на тронѣ, воздвигнутомъ на Краковскомъ рынкѣ, для принятія вѣрноподданнической присяги отъ мѣщанъ, при чемъ нѣсколькихъ изъ нихъ онъ возводилъ въ шляхетское званіе. Наступало затѣмъ засѣданіе сейма, называвшагося *коронаціоннымъ*, на которомъ король особымъ актомъ подтверждалъ права и вольности королевства.

Придворный штатъ короля. У короля былъ цѣлый штатъ придворныхъ сановниковъ: великій и надворный *хоружіе*, державшіе государственное знамя во время коронаціи, при отобраніи ленной присяги отъ князей и т. д.; великій *мечникъ*, великій *конюшій*, великій *ловчій*, *кухмистръ*, *стольникъ*, *подстолій*, *чашникъ*, *подчашій*, *крайчій*, значеніе которыхъ опредѣляется самымъ названіемъ ихъ. Ихъ должности имѣли большею

частью церемоніальное значеніе. Придворные чины были въ двойномъ комплектѣ въ Польшѣ и Литвѣ. Когда король пребывалъ въ Польшѣ, тогда при немъ находились и отправляли свои обязанности польскіе сановники, а когда находились въ Литвѣ—литовскіе. У королевы, былъ также свой придворный мужской и женскій штатъ. Наконецъ, у короля была своя особая пѣшая и конная гвардія, которую онъ содержалъ на свои доходы.

Доходы короля. Эти доходы были не особенно значительны. Поэтому, выбирая королей, шляхта руководилась иногда соображеніями состоятельности того или другого кандидата. Въ распоряженіе короля шли прежде всего доходы съ такъ называемыхъ *столовыхъ имѣній*, т.-е. государственныхъ имуществъ, предназначенныхъ на содержаніе короля; другая часть государственныхъ имѣній составляла хлѣбъ заслуженныхъ шляхтичей (panis bene merentium), которые становились старостами этихъ имѣній съ правомъ собирать въ свою пользу доходы, за исключеніемъ кварты. Кромѣ того, въ пользу короля шли таможенныя пошлины, доходы съ соляныхъ копей, съ рудниковъ, съ монетнаго двора и нѣкоторыхъ другихъ регалій.

Права и обязанности короля. Права короля въ то же время были и его обязанностями. Онъ созывалъ своими универсалами сеймы и сеймики въ сроки, установленные законами, а въ важныхъ случаяхъ, по совѣту съ сенатомъ, и экстренные сеймы, былъ однимъ изъ «становъ», т.-е. чиновъ сейма. Отъ его имени обнародывались всѣ сеймовыя постановленія. Въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, король рѣшалъ тяжбы своихъ подданныхъ, судилъ и каралъ преступленія. Король назначалъ бискуповъ и свѣтскихъ урядниковъ, гражданскихъ и военныхъ, раздавалъ староства, считался главнымъ командиромъ польскаго войска, созывалъ посполитое рушенье по опредѣленію сейма, велъ дипломатическія сношенія, совѣтуясь съ сенатомъ и давая въ нихъ отчетъ сейму. Безъ разрѣшенія сейма король не могъ отъѣзжать за границу, безъ совѣта съ сенатомъ жениться или разводиться. Сверхъ этихъ обычныхъ правъ и обязанностей, положеніе короля опредѣлялось еще частными условіями, на которыя онъ соглашался при избраніи его, или такъ называемыми pacta conventa. Въ общемъ, король почти уже не былъ государемъ въ собственномъ смыслѣ, съ извѣстною полнотою власти и свободою дѣйствій хотя бы въ отмежеванныхъ предѣлахъ. Его можно по справедливости назвать первымъ сановникомъ, первымъ магистратомъ польской республики, исполнителемъ велѣній сейма и сената. Этому магистрату оставлены были только внѣшніе аттрибуты и почетъ прежнихъ польскихъ монарховъ.

Министры и ихъ помощники; слабое развитіе центральнаго управленія. Король былъ первымъ лицомъ, главою польской магистратуры. Къ составу этой магистратуры въ центрѣ государства принадлежали *министры*, бывшіе ближайшими помощниками короля по центральному управленію. Среди

нихъ первое мѣсто принадлежало *маршалку великому*. Это былъ министръ двора, отправлявшій полицейскія и судебныя функціи въ мѣстопребываніи короля въ данный моментъ и на милю въ окружности. Онъ издавалъ различныя предписанія полицейскаго характера, такъ называемые *артикулы маршалковскіе*, съ обозначеніемъ дѣяній, отъ которыхъ должны воздерживаться обыватели подъ страхомъ наказаній, судилъ за нарушеніе этихъ предписаній и каралъ денежнымъ штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, лишеніемъ чести и даже жизни. Для поддержанія безопасности въ мѣстопребываніи короля и приведенія въ исполненіе своихъ приказовъ маршалокъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи команду жолнеровъ, называвшихся *венграми*. Какъ главный распорядитель въ королевской резиденціи, маршалокъ отводилъ квартиры иностраннымъ посламъ и членамъ сейма, устанавливалъ таксу съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, слѣдилъ за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ, собиралъ за право торговли въ королевской резиденціи—торговое, слѣдилъ за чистотою улицъ, освѣщеніемъ ихъ, безопасностью отъ огня и т. д. Подобнымъ же образомъ распоряжался онъ и на сеймахъ. Въ сенаторской избѣ онъ раздавалъ голоса, призывалъ къ порядку и почтенію къ королевской особѣ ударомъ жезла, на избирательномъ плацу назначалъ мѣста для рыцарскаго коло и посполитаго рушенья, слѣдилъ за порядкомъ и безопасностью и засѣдалъ въ каптуровомъ судѣ. Въ торжественныхъ процессіяхъ маршалокъ шелъ или ѣхалъ впереди короля съ своимъ жезломъ, или *ласкою*. Въ отсутствіе великаго маршалка его обязанности выполнялъ его товарищъ—*маршалокъ дворный*, съ которымъ онъ обыкновенно чередовался въ отправленіи перечисленныхъ обязанностей. Помощникомъ маршалка великаго, собственно по надзору за порядкомъ и безопасностью въ покояхъ короля, былъ *подкоморій великій*, оберъ-камергеръ, носившій золотой ключъ. Подкоморій великій принималъ прошенія отъ частныхъ лицъ къ королю, увѣдомлялъ ихъ о назначенной аудіенціи, стоялъ у трона на сеймахъ и во время оффиціальныхъ пріемовъ и т. д. Однимъ изъ министровъ былъ и *канцлеръ*, хранитель большой государственной печати и начальникъ государственной канцеляріи. Канцлеръ на сеймахъ составлялъ и читалъ тронную рѣчь отъ имени короля, программу сеймовыхъ совѣщаній, давалъ отъ имени короля отвѣты на аудіенціяхъ, велъ переговоры съ иностранными послами, прикладывалъ большую государственную печать къ грамотамъ до иностранныхъ правительствъ, къ универсаламъ, къ судебнымъ «позвамъ» и «вырокамъ», къ привилеямъ на уряды и имѣнья. При этомъ канцлеръ слѣдилъ, чтобы въ документахъ, исходящихъ изъ государственной канцеляріи, не было ничего противнаго королевскому достоинству и народнымъ правамъ и обязанъ былъ дѣлать королю представленія, если король издавалъ какія-либо письменныя распоряженія, противныя законамъ Рѣчи Посполитой. Подъ начальствомъ канцлера находился и государственный архивъ, или такъ называемая *коронная метрика*, находившаяся въ завѣдываніи *метриканта*.

Канцлеръ былъ также и предсѣдателемъ надворнаго, или ассесорскаго суда, въ томъ случаѣ, если на немъ не было короля. Здѣсь подъ его начальствомъ состояли: *великій референдарій*, т.-е. докладчикъ жалобъ и исковъ, и *великій писарь*, секретарь надворнаго суда. Ближайшимъ помощникомъ канцлера былъ *подканцлеръ*, хранитель малой государственной печати и начальникъ меньшей государственной канцеляріи. Кругъ его обязанностей былъ приблизительно тотъ же самый, что и канцлера; только онъ не прикладывалъ печати къ самымъ важнымъ государственнымъ актамъ. Кромѣ подканцлера, канцлера замѣнялъ по временамъ и *секретарь великій*, обыкновенно изъ духовныхъ особъ, завѣдывавшій тайною государственною перепискою. И канцлеръ, и подканцлеръ имѣли особыхъ *регентовъ*, или правителей своихъ канцелярій, на обязанности которыхъ лежало изготовленіе самыхъ документовъ въ первой ихъ редакціи. Министромъ былъ и *гетманъ великій*, главнокомандующій польскихъ войскъ. Онъ издавалъ различныя распоряженія на войнѣ, выплачивалъ жалованье жолнерамъ и творилъ судъ въ войскѣ. Когда было надо, его замѣнялъ *гетманъ польный*. Подъ начальствомъ его состояли: *польный писарь*, начальникъ полковой канцеляріи при наемныхъ войскахъ, *генералъ артиллеріи*, начальникъ арсенала, *стражникъ*, *обозный* и т. д. Наконецъ, къ министрамъ же принадлежалъ и *подскарбій земскій*. Онъ собиралъ въ скарбъ земскій всѣ государственные доходы и велъ имъ учетъ, выдавалъ деньги на государственныя потребности по распоряженію сената или сейма и давалъ во всемъ отчетъ на каждомъ сеймѣ. Кромѣ того, онъ управлялъ монетнымъ дворомъ, вакантными, нерозданными старостами, а въ безкоролевье и столовыми имѣньями короля. Его замѣнялъ въ случаѣ надобности товарищъ его—*подскарбій дворный*, а подъ начальствомъ его состоялъ *коронный кустошъ*, т.-е. хранитель скарба, называвшійся въ Литвѣ *скарбнымъ*. Всѣ министры были въ двойномъ комплектѣ, особые для короны и особые для великаго княжества Литовскаго. Въ дѣлѣ управленія Польская Рѣчь Посполитая отличалась самою широкою децентрализаціею. Большая часть дѣлъ вершилась не въ центрѣ государства, не королемъ и его министрами, а въ областяхъ—мѣстными правителями и урядниками.

Областное дѣленіе Рѣчи Посполитой. Со времени Люблинской уніи Рѣчь Посполитая дѣлилась на три провинціи: Великую Польшу, Малую Польшу и Литву. Коронныя провинціи дѣлились на *воеводства* и *земли*, въ свою очередь подраздѣлявшіяся на *повѣты*. Дѣленіе это сложилось чисто историческимъ путемъ. Воеводства и земли произошли изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ, а повѣты изъ ихъ дѣленій, произведенныхъ въ цѣляхъ управленія. Изъ числа воеводствъ одно—*Лифляндское* не входило въ составъ ни коронныхъ провинцій, ни Литвы, а стояло особнякомъ, считаясь общимъ достояніемъ Польши и Литвы, подобно тому какъ Эльзасъ-Лотарингія считалась имперскою провинціею Германіи. Кромѣ того, Рѣчи Посполитой принадлежали въ качествѣ вассальныхъ владѣній: *герцогство*

Курляндское, *герцогство Прусское* и два Поморскихъ повѣта, *Бытовскій* и *Лауэнбургскій*, которыми владѣли сначала Поморскіе князья, а потомъ курфюрсты Бранденбургскіе.

Органы областного управленія. Въ вассальныхъ владѣніяхъ управленіе велось владѣтелями и ихъ чиновниками, а въ воеводствахъ и земляхъ урядниками Рѣчи Посполитой. Первое мѣсто среди нихъ принадлежало *воеводамъ*. Изъ первыхъ сановниковъ, замѣнявшихъ удѣльныхъ князей въ предводительствѣ войскомъ и въ судѣ, воеводы съ теченіемъ времени превратились въ мѣстныхъ командировъ, подъ знамя которыхъ во время мобилизаціи стягивалась вся шляхта воеводства, и которые вели ее далѣе, подъ знамя гетмана наивысшаго. Изъ административныхъ функцій за воеводами осталось право и обязанность назначать таксу на товары, продаваемые въ королевскихъ мѣстахъ, и слѣдить за исправностью мѣръ и вѣсовъ на рынкахъ въ интересахъ шляхты и ея подданныхъ, а также и право карать за нарушеніе таксы, за обмѣръ и обвѣсъ; изъ судебныхъ функцій—право и обязанность судить евреевъ по дѣламъ съ христіанами. Воевода былъ не только урядникомъ короля, но и главою всей шляхты воеводства, интересы которой онъ представлялъ въ сенатѣ, которою предводительствовалъ на войнѣ и руководилъ на мѣстныхъ сеймикахъ. Поэтому воеводы назначались изъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ воеводства, а въ земляхъ Полоцкой, Витебской и Жмудской даже съ согласія мѣстной шляхты. Подъ командою ихъ состояли *каштеляны*, предводители шляхетскихъ ополченій тѣхъ повѣтовъ, на которые дѣлились воеводства. Ихъ обязанностью было собирать во время посполитаго рушенья шляхту своего повѣта и вести подъ знамя воеводы. Въ Литвѣ каштеляны существовали только въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ находился главный городъ воеводства, а въ другихъ повѣтахъ ихъ обязанность несли *маршалки повѣтовые*. Каштеляны также назначались изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и вмѣстѣ съ воеводами засѣдали въ сенатѣ. Изъ должностныхъ лицъ, не имѣвшихъ мѣста въ сенатѣ, на первомъ мѣстѣ надо поставить *старостъ гродовыхъ*. Эти урядники исполняли приговоры высшихъ судовъ и сами отправляли судъ по уголовнымъ дѣламъ въ извѣстномъ округѣ и повѣтѣ. Они судили шляхту, имѣвшую осѣдлость въ данномъ повѣтѣ, по всѣмъ вообще уголовнымъ дѣламъ, неосѣдлую и по гражданскимъ, а остальныхъ обывателей, т.-е. мѣщанъ и крестьянъ королевскихъ державъ и частныхъ имѣній по такъ называемымъ старостинскимъ артикуламъ, т.-е. по дѣламъ о разбоѣ, грабежѣ на большой дорогѣ, поджогѣ и изнасилованіи женщинъ. Староста имѣлъ у себя подъ начальствомъ *подстаросту*, который въ его отсутствіе замѣнялъ его собою, *судью гродскаго*, *писаря*, *регента*, или нотаріуса, вписывавшаго въ гродскія книги различныя заявленія частныхъ лицъ, и *бургграфа*, полицейскаго урядника, приводившаго въ исполненіе приказы старосты. Староста, имѣвшій власть надъ нѣсколькими повѣтами назывался генераломъ. Такимъ образомъ, *генералъ староста Великопольскій* имѣлъ власть въ семи

повѣтахъ воеводствъ Познанскаго и Калишскаго; *генералъ Малопольскій* имѣлъ власть въ нѣсколькихъ повѣтахъ Малой Польши; подобное же значеніе имѣлъ *генералъ земель Подольскихъ*. Гражданскія дѣла шляхты даннаго повѣта разбирали *суды земскіе и подкоморскіе*. Земскій судъ состоялъ изъ *судьи*, *подсудка и писаря*, которыхъ король назначалъ изъ четырехъ кандидатовъ, избранныхъ самою шляхтою на сеймикахъ. Такимъ же порядкомъ назначался и *подкоморій*, производившій разбирательства и разслѣдованіе по межевымъ дѣламъ и имѣвшій подъ своимъ начальствомъ *граничныхъ каморниковъ*, или землемѣровъ, и *писарей*.

Высшіе судебные трибуны для шляхты и духовенства. Аппелляція отъ всѣхъ этихъ шляхетскихъ судовъ—гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ шла въ *трибуналы*: коронный, учрежденный въ 1578, и литовскій, учрежденный въ 1581 г.. Члены этихъ трибуналовъ выбирались изъ сенаторскаго и рыцарскаго класса на такъ называемыхъ *депутатскихъ сеймикахъ*, ежегодно отправлявшихся въ половинѣ іюля. Одновременно съ тѣмъ и каждая капитула выбирала двухъ канониковъ для присутствованія въ трибуналѣ при разборѣ дѣлъ духовенства. Коронный трибуналъ полгода засѣдалъ въ Петрковѣ, и разбиралъ дѣла Великой Польши, а полгода въ Люблинѣ, гдѣ разбиралъ дѣла Малой Польши. Точно такъ же поступалъ и литовскій трибуналъ, изъ Вильны переѣзжавшій въ Новгородокъ или Минскъ (по очереди). Приговоры въ трибуналахъ были вообще говоря окончательными. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ высшею инстанціею для шляхты являлся *сеймовый судъ*. Этотъ судъ отправлялъ первоначально король съ канцлерами; съ конца XVI в. въ немъ засѣдали и шляхетскіе послы, которыхъ назначалъ маршалокъ посольской избы въ числѣ 8 человѣкъ. Судъ этотъ вершилъ какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, которыя отсылались до него изъ трибуналовъ; его юрисдикціи подлежали также и лица, обвиненныя въ оскорбленіи величества и государственной измѣнѣ. Въ шляхетскихъ судахъ судилось и духовенство въ тяжбахъ касательно имѣній и десятины, но въ дѣлахъ личнаго характера и каноническихъ первую инстанцію для него представлялъ *судъ епископскій*, вторую *примасовскій*, а окончательную — *нунціатура*, судъ нунція.

Суды мѣщанскіе. Но если въ шляхетскихъ судахъ судилось духовенство по нѣкоторымъ дѣламъ, за то сама шляхта и духовенство подлежали мѣстской юрисдикціи по своимъ плацамъ и домамъ, которыми владѣли въ мѣстѣ. Юрисдикція въ мѣстахъ принадлежала по гражданскимъ дѣламъ *мѣстской радѣ*, т.-е. бурмистрамъ и радцамъ, а по уголовнымъ *мѣстской лавѣ*, т.-е. войту и лавникамъ. Предъ этими судами становились мѣщане, за исключеніемъ евреевъ, которые въ тяжбахъ между собою судились судомъ кагала, а въ тяжбахъ съ христіанами—воеводами. Аппелляція отъ мѣстскихъ судовъ шла въ *надворный асессорскій судъ*, гдѣ засѣдалъ канцлеръ съ референдаріемъ, правителемъ канцеляріи, великимъ секретаремъ и писаремъ декретовъ; въ важнѣйшихъ случаяхъ въ засѣданіе приглаша-

лись сенаторы, а иногда даже и шляхетскіе послы. Отъ надворнаго ассессорскаго суда аппелляція шла въ *надворный реляціонный судъ*, въ которомъ засѣдали король, сенаторы и министры. Въ этомъ судѣ сверхъ мѣщанскихъ дѣлъ разбирались и нѣкоторыя другія болѣе или менѣе важныя дѣла, какъ-то: о привилеяхъ на имѣнья и уряды, о десятинахъ съ королевскихъ имѣній, о нарушеніи свободы вѣроисповѣданія и нѣкот. другія.

Каптуровые суды. Дѣятельность земскихъ, подкоморскихъ, гродскихъ, трибунальскихъ, ассессорскихъ и реляціонныхъ судовъ прекращалась на время безкоролевья и замѣнялась дѣятельностью *судовъ каптуровыхъ*, состоявшихъ изъ членовъ, выбранныхъ шляхтою на предконвокаціонныхъ сеймикахъ. Рѣшеніе этихъ судовъ приводилось въ исполненіе старостами, мѣстскими и другими властями.

Второстепенныя должностныя лица въ областяхъ. Кромѣ перечисленныхъ должностныхъ лицъ по областямъ существовали еще *войскіе*, которые во время посполитаго рушенья оставлялись шляхтою по повѣтамъ и слѣдили за ихъ безопасностью, *хоружіе*, носившіе во время посполитаго рушенья повѣтовыя хоругви, и цѣлый рядъ почетныхъ должностныхъ лицъ, сохранявшихся по областямъ отъ удѣльной эпохи: *стольники*, *подстоліе*, *чашники*, *подчашіе*, *мечники* и т. д. Во время пребыванія короля въ данной области они исполняли соотвѣтствующія придворныя обязанности, если не было налицо великаго стольника или подстолія и т. д.

Чтобы имѣть полное понятіе о внутреннемъ строѣ Рѣчи Посполитой, остается разсмотрѣть ея финансы и военную организацію.

Финансы Рѣчи Посполитой. Государственныя нужды первоначально удовлетворялъ король изъ своего скарба, пополнявшагося доходами съ королевскихъ имѣній, монетнаго двора, соляныхъ копей и т. д. Въ XVI в. произошло отдѣленіе королевскаго, или дворнаго. скарба отъ скарба земскаго, или *посполитаго*, изъ котораго собственно и стали удовлетворяться государственныя нужды, выплачиваться жалованье жолнерамъ и чиновникамъ. Доходы этого скарба были не велики. Они составлялись: во-первыхъ, изъ *лановаго*, сельскаго и мѣстскаго «побора», который опредѣлялся на сеймахъ въ извѣстномъ размѣрѣ съ каждаго лана или волоки, *шоса*, или подати съ ремеслъ, промысловъ и торговли, акциза, или *чоповаго*, жидовской *поголовщины*, также опредѣлявшихся на сеймахъ. Всѣ эти «поборы» собирались особыми «поборцами», которые назначались сеймомъ или выбирались на сеймикахъ; поборцы передавали собранныя суммы въ распоряженіе великаго, или земскаго подскарбія. Кромѣ сеймовыхъ налоговъ на содержаніе наемнаго войска шла такъ называемая *кварта*, т.-е. четвертая часть доходовъ съ королевскихъ имѣній, раздававшихся въ держаніе заслуженнымъ людямъ, а также и съ столовыхъ имѣній короля. Эта кварта хранилась въ г. Равѣ, вслѣдствіе чего и носила названіе *Равскаго* скарба. Съ 1638 года кварта стала вноситься и литовскими старостами и державцами въ формѣ добровольной подати, отсюда и ея названіе *донатива*.

Наемныя войска и посполитое рушенье. Доходы земскаго скарба шли главнымъ образомъ на уплату жалованья наемнымъ войскамъ, употреблявшимся преимущественно для гарнизонной службы по украиннымъ замкамъ. Наемныя войска вербовались изъ добровольцевъ шляхетскаго званія. Порядокъ вербовки былъ слѣдующій. Король выдавалъ нѣкоторымъ лицамъ, рекомендованнымъ гетманами, такъ называемые *приповѣдные листы*, въ которыхъ обозначалось число жолнеровъ составляющейся роты, плата на каждое лицо, родъ вооруженія, время и мѣсто сбора. Снабженный такимъ листомъ вербовщикъ, имѣвшій быть и начальникомъ роты, или *ротмистромъ*, вступалъ въ договоры съ извѣстными ему жолнерами и выдавалъ имъ задатки. Жолнеры вступали въ роты не одни, а приводили съ собою и вооруженныхъ слугъ, за которыхъ они также взимали плату, такъ что сами жолнеры были какъ бы унтеръ-офицерами или взводными командирами. Въ отличіе отъ приведенныхъ слугъ они назывались *товарищами*. Лицо, замѣнявшее ротмистра, называлось *поручникомъ*, поручника замѣнялъ его *намѣстникъ* изъ товарищей. Роты жолнеровъ были и конныя, и пѣшія. Конница по роду вооруженія дѣлилась на *гусаровъ и казаковъ*, *рейтаровъ* и *драгуновъ*. Самое дорогое вооруженіе было на гусарахъ, вслѣдствіе чего въ этотъ рядъ войска вербовались обыкновенно зажиточные шляхтичи. Гусаръ на голову надѣвалъ шишакъ съ перьями, на туловище кольчугу, на руки желѣзныя рукавицы, на плеча накидывалъ шкуру рыси или леопарда, сзади прицѣплялъ крылья ястреба. Вооруженъ онъ былъ копьемъ въ 8 локтей длины, кривою саблею на боку, рапирою у сѣдла подъ лѣвою ногою и пистолетами. Онъ сидѣлъ на рословъ сильномъ конѣ, покрытомъ дорогимъ турецкимъ чепракомъ и сѣдломъ съ позолоченою лукою. Въ конницѣ были легко-вооруженные татарскіе и волошскіе отряды, вооруженные луками. Они употреблялись обыкновенно для развѣдочной службы, для стражи и на посылкахъ. Что касается пѣхоты, то шляхта служила въ ней неохотно, пѣхота набиралась изъ другихъ общественныхъ элементовъ или иностранцевъ (венгерская и нѣмецкая пѣхота). Со временъ Стефана Баторія въ пѣхотную службу стали набираться королевскіе крестьяне съ каждыхъ двадцати лановъ по человѣку. Но съ теченіемъ времени эта *выбранецкая пѣхота* оказалась несостоятельною. Поэтому сеймъ 1649 года военную службу королевскихъ крестьянъ замѣнилъ денежною платою: старостамъ вмѣнено было въ обязанность вмѣсто поставки «выбранца» вносить въ скарбъ сначала 60, а потомъ сто золотыхъ. На эти деньги вербовалась наемная пѣхота, называвшаяся *лановою*. Оборона границъ производилась не только средствами государства, но и средствами магнатовъ, у которыхъ были на Украйнѣ имѣнья. Магнаты воздвигали въ этихъ имѣньяхъ замки, содержали въ нихъ отряды конницы и пѣхоты и артиллерію.

Кромѣ наемныхъ войскъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ для защиты государства созывалось *посполитое рушенье шляхты*. Созывъ посполитаго рушенья опредѣлялъ сеймъ. Являться должна была вся шляхта, за исклю-

ченіемъ министровъ, сенаторовъ-резидентовъ и другихъ должностныхъ лицъ, поименованныхъ въ сеймовыхъ конституціяхъ; отъ этой обязанности не могъ уволить даже самъ король. Неявившіеся безъ уважительныхъ причинъ наказывались конфискаціею имѣній. Командовалъ посполитымъ рушеньемъ самъ король, а въ безкоролевье гетманъ. Законъ воспрещалъ разбивать посполитое рушенье на части, держать его безъ дѣла болѣе двухъ недѣль и выводить за предѣлы государства. Экспедиція за предѣлы государства могла быть предпринята только съ разрѣшенія сейма и должна быть окончена въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. За военную службу за предѣлами государства шляхта получала жалованье. Надо сказать, что польское правительство не любило прибѣгать къ посполитому рушенью, которое отличалось обыкновенно отсутствіемъ дисциплины и обнаруживало всегда тенденцію къ борьбѣ не столько съ внѣшнимъ непріятелемъ, сколько съ правительствомъ.

Мы разсмотрѣли внутреннюю организацію Польскаго государства, какъ она сложилась къ концу XVI вѣка. По ея существеннымъ чертамъ можно судить, что эта организація давала Польскому государству мало шансовъ для успѣшной борьбы за существованіе. Государство не имѣло ни сильной власти, ни надлежащаго войска, ни денежныхъ средствъ. Оно всецѣло было предоставлено, такъ сказать, добродѣтелямъ своихъ гражданъ; а если бы таковыхъ не оказалось въ должной мѣрѣ, оно неминуемо должно было погибнуть, какъ и случилось въ дѣйствительности.

Важнѣйшая литература.

Карѣевъ, Н. И., Историческій очеркъ польскаго сейма. Москва 1886.

Lengnich, Jus publicum regni Poloniae. Gdańsk 1758.

St. Hüppe, Verfassung der Republik Polen. Berlin 1867.

Pawiński Ad., Rządy sejmikowe. Warszawa 1888.

— Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego (Zródła dziejowe, tom VIII).

Rembowski A., Konfederacya i rokosz w dawnem prawie polskiem. Warszawa 1893.

Konopczyński W., Geneza liberum veto (Przegląd historyczny, t. 1, 1905).

Ст. Кутшеба, Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Перев. подъ ред. Н. В. Ястребова. Спб. 1907.

Balzer Osw., Geneza trybunału koronnego. Warszawa 1886.

Weinert A., O starostwach w Polsce do końca XVIII wieku. Warszawa 1877.

Упомянутыя выше на стр. 292 сочиненія кн. Любомирскаго, М. Бобжинскаго и Б. Улановскаго о крестьянахъ.

Luszczewski-Marylski A., Historya włościan w Polsce. Warszawa 1910.

Górski, Historya piechoty polskiej. Kraków 1893.
— Historya jazdy polskiej. Kraków 1894.
Korzon T., Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Kraków 1912.

XXV.

Внутреннее разложеніе и внѣшній упадокъ Польскаго государства при господствѣ «золотой вольности» шляхты.

Общая характеристика и оцѣнка установившагося положенія. Къ концу XVI в. польское государство превратилось въ федеративную шляхетскую республику съ избираемымъ королемъ во главѣ, который получилъ значеніе только перваго сановника Рѣчи Посполитой, но не государя въ собственномъ смыслѣ. Важнѣйшія общегосударственныя дѣла стали рѣшаться на сеймахъ, въ составъ которыхъ входили король, сенатъ и шляхетскіе послы (иногда и вся шляхта viritim) отъ отдѣльныхъ воеводствъ, представлявшихъ также какъ бы отдѣльныя шляхетскія республики въ миніатюрѣ. Послы въ подачѣ своихъ голосовъ и мнѣній строго ограничены были данными имъ инструкціями отъ мѣстныхъ шляхетскихъ сеймиковъ, которые ихъ выбирали и которые предварительно обсуждали всѣ вопросы, подлежащіе рѣшенію на общемъ сеймѣ государства. Вслѣдствіе этого на сеймахъ сплошь и рядомъ не могло состояться общее рѣшеніе по добровольному соглашенію. Въ такихъ случаяхъ стали составляться частные союзы шляхты, или конфедераціи, для проведенія того или другого государственнаго мѣропріятія силою. Такой индивидуализмъ, въ существѣ дѣла бывшій отрицаніемъ государственнаго союза, очень цѣнился польскою шляхтою, какъ современниками, такъ и потомками, и слылъ у нихъ, какъ «золотая вольность» (złota wolność) шляхты. Эта золотая вольность, тѣсно связанная притомъ съ желѣзнымъ порабощеніемъ народной массы, и была главною причиною упадка и окончательнаго паденія Рѣчи Посполитой. Къ ней, какъ къ первоисточнику, сходятся: внутреннія смуты и раздоры, духовный и моральный упадокъ, обезсилившіе государство и дѣлавшіе его неспособнымъ противостоять вмѣшательствамъ и посягательствамъ извнѣ.

Внутреннія смуты и внѣшнія опасности, связанныя съ элекціею королей; прогрессивное умаленіе королевской власти. Золотая вольность шляхты проявлялась прежде всего въ вольной элекціи королей. Эта вольная элекція оказалась вредною для государства во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего она періодически подвергала государство напряженію избирательной борьбы, которая по временамъ разрѣшалась въ прямыхъ междоусобіяхъ. Такими междоусобіями сопровождались, напр., возведеніе на престолъ Сигизмунда III, Августа II Саксонскаго, Станислава Лещинскаго и Августа III. Вольная элекція открывала періодически дверь дипломатическимъ интригамъ иностранныхъ дворовъ, которые всячески старались проводить своихъ кандидатовъ, а иногда и вооруженному вмѣшательству, какъ, напр., было при возведеніи на престолъ Станислава Лещинскаго, Августа III. Извѣстно, что Лещинскій былъ избранъ сеймомъ, окруженнымъ шведскимъ войскомъ, а Августа III возвела на престолъ русская императрица Анна Ивановна. Но вмѣшательство въ избраніе королей въ свою очередь проторяло дорогу ко вмѣшательству сосѣдей во внутреннія дѣла Польши вообще, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Вольная элекція королей содѣйствовала деморализаціи шляхты, и въ особенности высшаго ея разряда—магнатовъ, которыхъ нерѣдко подкупали конкурренты. Эта вольная элекція подавала поводъ къ смутамъ въ государствѣ не только во время самаго избранія королей, но и послѣ. Дѣло въ томъ, что избираемые короли давали извѣстныя обязательства, нарушеніе которыхъ давало право избирателямъ отказать имъ въ послушаніи, привести въ исполненіе статью «de non praestanda oboedientia», входившую въ составъ основныхъ законовъ Польскаго государства. Отъ этого происходили прямыя возмущенія шляхты противъ короля, или такъ называемые *рокоши*. Такой рокошъ имѣлъ мѣсто, напр., въ 1606 г. противъ Сигизмунда III подъ предводительствомъ воеводы Краковскаго Николая Зебржидовскаго. Сигизмундъ III при своемъ избраніи на престолъ далъ обязательство порвать всякія связи съ австрійскимъ дворомъ. Онъ не исполнилъ этого обязательства и женился на австрійской принцессѣ. Это возмутило шляхту, и въ особенности протестантовъ, которые въ связяхъ съ австрійскимъ дворомъ усматривали опасность для религіозной свободы. Рокошъ подняли сначала малополяне, а затѣмъ и великопольская шляхта. Съ малополянами королю и его сторонникамъ удалось помириться, но съ великополянами дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія, и хотя рокошане были побиты, тѣмъ не менѣе король долженъ былъ для успокоенія государства поновить разныя гарантіи. Другой подобный же рокошъ имѣлъ мѣсто въ царствованіе Яна Казимира. Янъ Казимиръ, по настояніямъ своей жены Людвиги-Маріи Гонзаги, задумалъ еще при жизни своей обезпечить польскій престолъ преемникомъ, чтобы предохранить государство отъ смутъ безкоролевья. Въ качествѣ кандидата на престолъ онъ выставилъ французскаго принца, герцога Энгіэнскаго. Но австрійское правительство, не желавшее усиленія французскаго вліянія въ Польшѣ, вошло въ сношенія съ маршалкомъ великимъ и польнымъ коронным гетманомъ Юріемъ Любомирскимъ и подучило его протестовать противъ плановъ короля, обѣщая по смерти Яна Казимира поддерживать его кандидатуру на польскій престолъ. Любомирскій увлекъ за собою и

значительную часть шляхты, которая въ намѣреніяхъ короля провести элекцію при своей жизни усматривала посягательство на основной государственный законъ объ элекціи королей. Около пяти лѣтъ продолжалась эта смута, разрѣшившаяся битвою сторонниковъ короля съ рокошанами подъ Монтвами въ 1666 г. и пораженіемъ рокошанъ. Тѣмъ не менѣе королю не удалось привести въ исполненіе свои планы и замѣстить заблаговременно королевскій престолъ. Та самая вражда партій, которая разгоралась въ моменты элекціи, долгое время не улегалась и послѣ и также приводила къ внутреннимъ смутамъ. Въ царствованіе Михаила Вишневецкаго турки разгромили южныя области Польши и заставили поляковъ по Бучацкому договору 1672 г. уступить имъ Украйну и Подолье и платить ежегодную дань. Сторонники Вишневецкаго приписали нападеніе турокъ проискамъ партіи, хлопотавшей о возведеніи на престолъ французскаго принца, герцога Лонгвиль. Составилась подъ Голубомъ надъ Вислою конфедерація, поставившая себѣ цѣлью разслѣдовать это дѣло и привлечь къ отвѣтственности разныхъ лицъ французской партіи, между прочимъ примаса Пражмовскаго. Въ отвѣтъ на это Янъ Собѣсскій сформировалъ конфедерацію въ Шебрешинѣ для борьбы съ Голубскою конфедераціею, и только смерть примаса Пражмовскаго, герцога Лонгвиль и самого короля Михаила предотвратила вооруженное столкновеніе, перенеся борьбу на поле новой элекціи. При общей тенденціи шляхты къ умаленію прерогативъ короны вольная элекція періодически давала для того благопріятные случаи. Pacta conventa исподоволь лишили королевскую власть правъ и преимуществъ, необходимыхъ для поддержанія въ государствѣ внутренняго единенія и силы.

Безсиліе сейма, сеймиковое управленіе. Этого назначенія не могъ выполнить и сеймъ, который сдѣлался безсильнымъ и почти ненужнымъ учрежденіемъ вслѣдствіе установленія liberum veto. До половины XVII в. сеймы расходились, не принявъ никакихъ рѣшеній, либо вслѣдствіе протеста пословъ нѣсколькихъ воеводствъ, либо вслѣдствіе того, что кончался опредѣленный закономъ срокъ для сеймовыхъ совѣщаній. Съ 1652 года сеймы стали расходиться по протестамъ единичныхъ пословъ. Въ этомъ году собирался чрезвычайный сеймъ для подтвержденія Бѣлоцерковскаго договора съ казаками и для обсужденія вопроса о дальнѣйшей борьбѣ съ казачествомъ. Когда протекли установленныя закономъ для сеймовыхъ совѣщаній двѣ недѣли, посолъ Упитскаго повѣта Сицинскій вышелъ изъ избы, объявляя дальнѣйшія совѣщанія и рѣшенія недѣйствительными. Маршалокъ посольской избы принялъ во вниманіе это заявленіе и закрылъ засѣданіе. Съ тѣхъ поръ вошло въ обычай прекращать сеймовыя совѣщанія по протестамъ отдѣльныхъ лицъ. Съ 1652 г. по 1736 г. сорвано было 26 сеймовъ, изъ нихъ 13 по протестамъ отдѣльныхъ лицъ.

Сеймъ благодаря liberum veto почти перестал что-нибудь рѣшать и постановлять. Такъ какъ общее рѣшеніе стало невозможнымъ, то естественно, что необходимыя правительственныя мѣропріятія стали предме-

томъ совѣщаній и постановленій сеймиковъ отдѣльныхъ воеводствъ. Правительственная дѣятельность, сдѣлавшаяся невозможною въ центрѣ государства, разбилась по отдѣльнымъ областямъ, изъ которыхъ состояла Рѣчь Посполитая, и только такимъ путемъ поддерживался въ Польшѣ нѣкоторый государственный порядокъ. Сеймики въ нужныхъ случаяхъ опредѣляли денежный поборъ, выбирали поборцевъ, организовывали мѣстный скарбъ, изъ котораго шли средства на удовлетвореніе мѣстныхъ и общегосударственныхъ нуждъ, нанимали жолнеровъ, выбирали членовъ земскаго и подкоморскаго суда, депутатовъ въ такъ называемый каптуровый судъ и т. д. Это сеймиковое управленіе разбивало Польшу на самостоятельныя политическія общества, которыя функціонировали независимо другъ отъ друга, сообразуясь съ мѣстными, а не общегосударственными интересами. Доведенная до крайности децентрализація разбила единство государства и выставила его на жертву внутреннихъ усобицъ и иноземныхъ вмѣшательствъ. Сосѣди очень хорошо понимали выгодность для нихъ такого порядка вещей и договорами 1719 и 1732 года обязались поддерживать его незыблемость. Первый договоръ былъ заключенъ Петромъ съ королемъ Прусскимъ, а второй договоръ, называющійся *Берлинскою пунктуаціею*, заключили Россія, Австрія и Пруссія.

Католическая реакція. Внутреннія смуты и вмѣшательства иноземныхъ державъ между прочимъ связаны были съ притѣсненіями, какія чинились въ Польшѣ иновѣрцамъ, съ ограниченіями ихъ правъ. Эти явленія въ свою очередь вызваны были католическою реакціею, которая принесла Польшѣ существенный вредъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Попытка польскихъ протестантовъ соединиться и образовать единую національную польскую церковь не удалась, и польскій протестантизмъ оказался разбитымъ на нѣсколько несогласныхъ и даже враждебныхъ другъ другу сектъ. Протестантскія ученія вслѣдствіе этого стали все болѣе и болѣе терять цѣну въ глазахъ польскаго общества, которое болѣе всего увлекалось мыслью объ образованіи единой реформированной національной церкви. Многіе изъ колебавшихся и отпавшихъ отъ католицизма поспѣшили вернуться въ лоно старой церкви. Католицизмъ выставилъ противъ протестантизма мощныхъ борцовъ, которые въ короткое сравнительно время успѣли окончательно дискредитировать протестантскія ученія въ глазахъ большинства поляковъ. То были іезуиты, прибывшіе въ Польшу въ 60-хъ годахъ XVI ст. по вызову польскихъ епископовъ. Съ 1576 г. они образовывали уже самостоятельную польско-литовскую провинцію Ордена. Іезуиты покрыли страну цѣлой сѣтью своихъ школъ, сумѣли привлечь въ нихъ юношество и артистически воспитывали его въ строго католическомъ направленіи, втерлись во всѣ аристократическіе дома въ качествѣ добрыхъ знакомыхъ, занимательныхъ собесѣдниковъ и уважаемыхъ духовныхъ отцовъ, проникли ко двору и вездѣ работали неустанно на благо католической церкви. Имъ не только удалось возвратить въ стадо, пасомое папою,

отбившихся отъ него овецъ, но и пригнать цѣлую массу изъ чужого стада. При ихъ дѣятельномъ участіи въ 1595 году состоялась унія православной церкви, существовавшей въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, съ католическою.

Ограниченія правъ иновѣрцевъ и вмѣшательство державъ. Но если съ церковно-католической точки зрѣнія дѣятельность іезуитовъ была плодотворною, то нельзя сказать этого съ національно-государственной точки зрѣнія. Успѣхи католической реакціи сопровождались развитіемъ религіозной нетерпимости, которая имѣла для государства фатальныя послѣдствія, порождая въ немъ внутреннюю вражду. Католическій фанатизмъ обрушился прежде всего на аріанъ. При Владиславѣ IV аріане лишены были права принимать участіе въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ, занимать государственныя должности и пріобрѣтать земскія имѣнія. Сеймъ 1658 г. предписалъ всѣмъ аріанамъ продать свои имѣнья и въ теченіе двухъ лѣтъ выселиться за границу; въ противномъ случаѣ грозилъ имъ карою, установленною еще при Ягайлѣ для гусситовъ. Къ аріанамъ приравнены были квакеры, менониты, анабаптисты, а равно и тѣ, которые отступили отъ католической или греко-уніатской церкви. Что касается остальныхъ диссидентовъ, то до поры до времени ихъ оставляли въ покоѣ, запрещая имъ только воздвигать новыя церкви и предписывая разрушать выстроенныя вопреки запрещенію. Тамъ, гдѣ не было церквей, диссиденты должны были совершать свое богослуженіе въ частныхъ помѣщеніяхъ безъ проповѣди и пѣнія гимновъ. Но съ 1718 г. католики пошли дальше въ ограниченіи правъ диссидентовъ. Гродненскій сеймъ 1718 г. по настоянію Виленскаго оффиціала ксендза Анцуты лишилъ права голоса кальвиниста Піотровскаго, посла Велюнскаго повѣта. Съ того времени диссиденты лишены были права участія въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ. Конвокаціонный сеймъ 1733 г. отнялъ у диссидентовъ не только право быть сеймовыми послами, но и право засѣдать въ трибуналахъ и получать гражданскія должности. Этими мѣрами диссидентская шляхта лишена была всѣхъ политическихъ правъ и превращена въ контингентъ недовольныхъ, готовыхъ протягивать руки къ иноземнымъ правительствамъ за помощью для возвращенія политическихъ правъ. И это тѣмъ болѣе справедливо, что притѣсненія по отношенію къ иновѣрцамъ не ограничивались однимъ лишеніемъ ихъ различныхъ правъ, но проявлялись въ дикихъ насиліяхъ надъ личностью и имуществомъ, въ нападеніяхъ фанатической толпы на протестантскія церкви и молельни и т. д. Неудивительно поэтому, если уже въ 1719 г. царь Петръ и Прусскій король согласились заботиться объ участи диссидентовъ въ Польшѣ.

Упадокъ просвѣщенія. Католическая реакція принесла и другой крупный вредъ польскому государству—понизила уровень просвѣщенія въ польскомъ обществѣ и надолго пріостановила его успѣхи. Въ школахъ, учрежденныхъ іезуитами, возродилась средневѣковая схоластика, направившая умы преимущественно на неразрѣшимые вопросы вѣры и объяснявшая окружающій

міръ явленій, исключительно съ теологической точки зрѣнія. Іезуитская школа обходила самыя насущныя потребности жизни и внѣдряла въ своихъ питомцевъ міросозерцаніе, граничившее съ младенчествомъ. Выпуская человѣка съ своей скамьи, эта школа предоставляла ему оріентироваться въ кругѣ окружающихъ его явленій при помощи философскихъ построеній отъ разума и астрологическихъ бредней. Все онъ объяснялъ съ теологической точки зрѣнія, въ кометахъ, затменіяхъ и необычайныхъ явленіяхъ природы видѣлъ указаніе на грядущія несчастія или благопріятныя обстоятельства; для всякаго случая, для всякаго факта крупнаго или мелкаго, онъ усматривалъ сверхъестественную причину. Неудивительно, что при господствѣ такого міровоззрѣнія въ Польшѣ продолжали привлекать къ суду и казнить смертью за сношенія съ чертями, сожигать на перекресткахъ вѣдьмъ и т. д. Руководимое ксендзами и монахами польское общество погрузилось въ обрядность и ханжество. Болѣе состоятельные люди ходили на богомолье въ Лорэто, Ассизи, Римъ и Падую, бѣдные искали себѣ утѣшеніе въ многочисленныхъ монастыряхъ, прославившихся своими чудотворными иконами и мощами святыхъ. Теологическое направленіе охватило и литературу и выразилось въ многочисленныхъ панегирикахъ, въ грудахъ проповѣдей и безчисленномъ множествѣ житій святыхъ. Календари, вмѣстѣ съ служебниками бывшіе единственнымъ чтеніемъ въ широкихъ кругахъ общества, утверждали только суевѣрія и заблужденія. Составлявшіе ихъ профессора университета писали о счастливыхъ и несчастливыхъ дняхъ, о климактерическихъ годахъ, о вліяніи планетъ на здоровье и жизнь человѣка, по кометамъ и затменіямъ предсказывали будущее и т. д. Польша стояла совершенно въ сторонѣ отъ великаго умственнаго движенія, происходившаго въ то время въ Европѣ, и не воспринимала его результатовъ. Ей чужды были великія открытія въ области астрономіи и опытной физики—Кеплера, Галилея, Ньютона, Паскаля, Торичелли, а равно и философскія идеи Бэкона, Декарта, Локка и Лейбница. Мракъ невѣжества закрывалъ отъ глазъ шляхты положеніе государства. Шляхта, хотя и испытывала на дѣлѣ плачевныя послѣдствія негодной государственной организаціи и религіозной нетерпимости, тѣмъ не менѣе, погрязая въ сословномъ эгоизмѣ и невѣжествѣ, считала дурныя установленія верхомъ политической свободы, а преслѣдованіе иновѣрцевъ за долгъ католической совѣсти. Умственная атмосфера, созданная католическою реакціею, не дозволяла выслѣдить источники зла и тѣмъ самымъ предохранить народъ отъ надвигавшейся катастрофы.

Моральный упадокъ шляхты. Невѣжеству сопутствовалъ моральный упадокъ польской шляхты, развившійся на почвѣ полнаго бездѣлья и барства. Изъ жизни большинства исчезли всякіе идеалы; ихъ мѣсто заняла погоня за удовольствіями и всевозможными грубыми наслажденіями. Шляхта утратила чувство истиннаго патріотизма и интересы отечества стала смѣшивать съ интересами магнатовъ, своихъ патроновъ и покрови-

телей. Исчезло уваженіе къ закону, который замѣнила протекція сильныхъ; прекратилось правильное отправленіе правосудія, которое сдѣлалось жертвою магнатскихъ подкуповъ и интригъ. При повальномъ невѣжествѣ шляхты, при равнодушіи ея къ общественнымъ дѣламъ и при зависимости отъ магнатовъ, послѣдніе забрали въ свои руки веденіе государственныхъ дѣлъ и направляли ихъ въ своихъ личныхъ интересахъ. Они служили иностраннымъ дворамъ ко вреду собственной страны, получали отъ нихъ пенсіи и субсидіи для агитаціонныхъ цѣлей, образовывали партіи для поддержанія ихъ домогательствъ и т. д.

Угнетеніе хлоповъ и казацкія возстанія. Невѣжество и деморализація шляхты, ея религіозная нетерпимость обрушивались всею своею тяжестью на хлопа, находившагося въ подчиненіи у шляхты, и дѣлали его положеніе по временамъ нестерпимымъ. Хлопъ искалъ выхода изъ этого положенія, уходя въ казачество. Когда же шляхта захотѣла пресѣчь для него этотъ выходъ и прибрать къ своимъ рукамъ и казачество, послѣдовалъ рядъ возстаній казаковъ и хлоповъ, которыя потрясли до основанія Рѣчь Посполитую и стоили ей крупныхъ территоріальныхъ потерь (отпаденіе Малороссіи).

Обличенія и предсказанія Скарги. При отсутствіи сильной государственной власти, при недостаткѣ военныхъ и финансовыхъ средствъ, при внутреннихъ смутахъ и неурядицахъ, при моральномъ упадкѣ правящаго класса и угнетеніи народной массы Польское государство имѣло очень мало шансовъ на сохраненіе своего существованія. Это ясно сознавалось лучшими людьми польскаго общества уже въ началѣ XVII в. Въ этомъ отношеніи особенно выдается знаменитый проповѣдникъ, іезуитъ Петръ Скарга, который въ своихъ сеймовыхъ «казаніяхъ» далъ яркое изображеніе всѣхъ недуговъ, которыми страдала Рѣчь Посполитая, и начерталъ всю ея дальнѣйшую исторію. Съ такимъ, чисто пророческимъ предвѣдѣніемъ того, что произойдетъ въ будущемъ, рѣдко приходится встрѣчаться въ исторіи. «Боже мой,—говорилъ Скарга,—какая роскошь проникла въ это царство. Отъ мала и до велика всѣ отвергли святую умѣренность и презрѣли жизнь старопольскую, воинственную. Всякій хочетъ пить вино, рѣдкій панъ безъ шелку, безъ шестерни лошадей, безъ ливреи. Пропало и состраданіе къ Рѣчи Посполитой. Никто не озаботится поддержаніемъ крѣпостей и стѣнъ. Рѣчь Посполитая становится убогою, богатѣютъ лишь отдѣльные дома. Завелось такое казнокрадство, что лишь половина податей, собираемыхъ съ мѣщанъ и крестьянъ, доходитъ по назначенію. Кто исчислитъ всѣ клеветы, ябеды, обманы и измѣны въ судахъ? Всѣ кровосмѣшенія, прелюбодѣянія и лжесвидѣтельства? А этотъ кровавый потъ живыхъ подданныхъ или крестьянъ, который льется безпрестанно, не накликаетъ ли онъ кару Божью на все государство? По какому праву кмети вольные, поляки и христіане убогіе, обращаются въ крѣпостныхъ, какъ будто бы они были купленные невольники или военноплѣнные? По какому праву владѣльцы

дѣлаютъ съ ними, что хотятъ? Почему эти люди не имѣютъ ни защиты, ни суда, который охранялъ бы ихъ жизнь, здоровье и собственность? Почему мы распространяемъ на нихъ supremum dominium, котораго сами для себя терпѣть не можемъ? Зачѣмъ обращаться съ ними, какъ съ невольниками, а не какъ съ наймитами?» Скарга понималъ, что всѣ его сѣтованія напрасны, всѣ его обличенія не тронутъ тѣхъ, противъ кого они направлены, и уста его съ ясновѣдѣніемъ древняго пророка предрекали гибель отечеству. «Что мнѣ дѣлать съ тобою, бѣдное государство? Если бы я былъ Исаія, то я бы ходилъ нагъ и босъ, взывая къ вамъ, преступники и преступницы закона Божія! Стѣны вашей Рѣчи Посполитой трескаются безпрестанно, а вы говорите: ничего, пустяки: Польша держится безначаліемъ. Вы не понимаете, что нельзя Польшѣ держаться безначаліемъ, что это противно разуму. Безначаліемъ и безпечностью все валится и падаетъ; а такъ какъ безначаліе проистекаетъ отъ слѣпоты грѣховной, то вышло бы, что Польша держится грѣхами и уходитъ какъ-то отъ Божьяго наказанія. Она падетъ, когда вы и чаять не будете, и всѣхъ васъ раздавитъ развалинами. Наступитъ на васъ врагъ внѣшній; воспользовавшись вашими распрями, скажетъ: раздѣлилось сердце ихъ, теперь они погибнутъ. Эти раздоры заведутъ васъ въ плѣнъ, въ которомъ всѣ вольности ваши утонутъ и въ смѣхъ обратятся. Земли и княжества великія, которыя соединились и въ одно тѣло срослись съ короною, отпадутъ и разорвутся... Вы поглощены будете другими народами, которые васъ ненавидятъ. Вы лишитесь не только государя изъ крови вашей и права избирать его, но и королевства и отечества; вы станете нищими изгнанниками, презрѣнными бродягами, которыхъ будутъ попирать ногами тамъ, гдѣ ихъ прежде превозносили и славили».

Территоріальныя потери и безсиліе Польши. Всѣ эти пророчества Скарги стали сбываться по частямъ уже въ разсматриваемое время, т.-е. въ XVII и первой половинѣ XVIII в. За это время Польша понесла цѣлый рядъ крупныхъ территоріальныхъ потерь. Швеція отбила у нея Ливонію; Турція—Молдавію, Москва—Смоленскъ, Черниговъ и восточную часть Украйны; наконецъ Польша потеряла свой суверенитетъ надъ Прусскимъ герцогствомъ, которое въ 1700 г. превратилось въ Прусское королевство. Во всемъ этомъ сказалась, разумѣется, слабость Польши. Два раза въ теченіе этого періода Польша была не далека отъ утраты своей самостоятельности и подчиненія сосѣднему государству—Швеціи: первый разъ во время войны съ Москвою за Малороссію, второй разъ во время великой Сѣверной войны. Даже такіе сосѣди, какъ герцогъ Прусскій, бывшій вассалъ Польши, перестали церемониться съ Польшею и стали позволять себѣ въ отношеніи къ ней вопіющія нарушенія международнаго права и приличія. Такъ, извѣстный Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ захватилъ староство Драгимское въ Познанскомъ воеводствѣ, служившее обезпеченіемъ долга, сдѣланнаго у него Рѣчью Посполитой, и присоединилъ его къ Бранденбургу. Его резидентъ арестовалъ въ Варшавѣ и выдалъ ему на казнь одного

прусскаго дворянина, его политическаго противника, искавшаго въ Польшѣ убѣжища отъ его преслѣдованій и т. д. Если такъ мало церемонились съ Польшею такія государства, какъ Пруссія, тѣмъ менѣе стѣснялись въ своихъ отношеніяхъ къ ней могущественные сосѣди, какъ Австрія и Россія. Съ Петра Россія распоряжалась въ Польшѣ, какъ у себя дома. Несмотря на то, что Курляндія считалась вассальнымъ владѣніемъ Польши, Россія возводила и низводила герцоговъ, а польское правительство только утверждало распоряженія русскаго. Россія свободно проводила свои войска черезъ Польшу, какъ будто бы черезъ собственную территорію, во время Турецкой войны при Аннѣ Ивановнѣ и семилѣтней при Елизаветѣ, хотя сама Польша не принимала никакого участія въ этихъ войнахъ. Но за пропускъ войскъ ей приходилось при этомъ платиться: Фридрихъ Великій мстилъ Польшѣ нападеніями на пограничныя области уводомъ крестьянъ и грабежами имущества у пограничныхъ обывателей, фальшивою монетою съ саксонскимъ штемпелемъ, коею онъ наводнялъ Польшу, и т. д.

Проекты ея раздѣла. Польша почти перестала существовать, какъ единое государство, и представляла группу воеводствъ, временно и случайно объединившихся для той или другой цѣли въ полномъ составѣ или только въ большей или меньшей части. Фактъ этотъ не могъ не повлiять на отношенія къ Польшѣ сосѣдей, которые перестали смотрѣть на нее, какъ на единое національно-политическое тѣло, а стали видѣть въ ней рядъ областей, ищущихъ, такъ сказать, своего хозяина. Отсюда вышли стремленія къ разбору Рѣчи Посполитой, инициатива которыхъ принадлежала польскому королю. Въ 1704 г., когда часть поляковъ объявила Августа II низложеннымъ съ престола и выбрала въ короли Станислава Лещинскаго, Августъ, чтобы спасти для себя хоть часть Польши, вошелъ въ сношенія съ Фридрихомъ I Прусскимъ и предложилъ ему проектъ раздѣла Польши между Пруссіею, Саксоніею, Москвою и Даніею. Въ 1732 году, когда Россія, Австрія и Пруссія договорились между собою недопускать въ преемники Августу его сына Фридриха-Августа, Августъ II, желая разрушить этотъ уговоръ, выступилъ снова съ проектомъ раздѣла Польши между Пруссіею, Австріею и Саксоніею, лишь бы спасти что-нибудь изъ Польши для своего дома. Очевидно, слѣдовательно, что польскій король, выступая съ проектами раздѣла, видѣлъ въ Польшѣ матеріалъ, удобный для дѣлежа, понималъ, что при этомъ дѣлежѣ не придется перерѣзать живой единый организмъ, который будетъ бороться и отстаивать свое существованіе.—Во всякомъ случаѣ мысль о разборѣ Рѣчи Посполитой порождена была совершившимся уже разложеніемъ ея, какъ единаго и цѣльнаго государства.

Важнѣйшая литература:

J. Szujski, Dzieje Polski, tom III, IV. Lwów 1864.

Bobrzyński M., Dzieje Polski w zarysie, tom II.
Rembowski, Konfederacya i rokosz, wyd. 2. Warszawa 1896.
A. Pawiński, Rządy sejmikowe. Warszawa 1888.
Любовичъ Н. Н., Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. Варшава 1889.

XXVI.

Реформы Чорторыйскихъ и ихъ крушеніе; первый раздѣлъ Польши.

Умственное пробужденіе въ Польшѣ въ половинѣ XVIII в. Въ половинѣ XVIII в. совершилось въ Польшѣ пробужденіе отъ продолжительнаго умственнаго усыпленія, въ какое повергла ее католическая реакція. У многихъ поляковъ открылись глаза на опасное положеніе, въ которомъ находилась Рѣчь Посполитая, и они стали думать и писать о томъ, какъ вывести ее изъ этого положенія. Группа вліятельныхъ магнатовъ сдѣлала даже рядъ практическихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Но было уже поздно: первыя реформы почти совпали по времени съ первымъ раздѣломъ Польши.

Умственное пробужденіе въ Польшѣ совершилось вмѣстѣ съ перенесеніемъ западноевропейской науки. Насадителями этой науки явились прежде всего тѣ образованные нѣмцы, французы и итальянцы, которыхъ приглашали учить своихъ дѣтей польскіе магнаты, а затѣмъ нѣкоторые духовные сановники, которые произвели коренную реформу учебнаго дѣла въ Польшѣ. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ *піаръ Станиславъ Конарскій.* Изъ школъ своего ордена онъ совершенно изгналъ схоластику, усилилъ преподаваніе математическихъ наукъ, ввелъ атласъ и глобусъ и преподаваніе опытной физики. Онъ старался поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы школьное наученіе развивало не одну только память, но и мышленіе. Основанная имъ въ 1741 году шляхетская коллегія (collegium nobilium) сдѣлалась первымъ разсадникомъ новаго знанія, которое составляли преимущественно точныя и опытныя науки. Профессоръ этой коллегіи ксендзъ Антоній Висневскій яснымъ изложеніемъ физики, иллюстрируемымъ превосходными опытами, пробуждалъ въ шляхетской молодежи сильный интересъ къ этому предмету. Въ популярныхъ брошюрахъ онъ излагалъ теорію Коперника и проповѣдывалъ обращеніе земли вокругъ солнца; съ поборниками старой схоластики—іезуитами и доминиканцами велъ публичные диспуты, въ которыхъ доказывалъ пользу

наукъ точныхъ и опытныхъ. Въ концѣ концовъ новое направленіе взяло верхъ, и коллегія Конарскаго наполнилась сыновьями сенаторовъ и государственныхъ сановниковъ. По слѣдамъ піаровъ пошли францисканцы въ Варшавѣ, а въ концѣ концовъ и іезуиты поддались новому вѣянію и разорвали съ старою схоластикою. Ихъ школы вскорѣ даже превзошли всѣ другія, какъ разсадники естествовѣдѣнія. Профессоры іезуитскихъ коллегій съ физическими кабинетами ѣздили на трибунальскія и сеймовыя собранія шляхты и эффектными опытами возбуждали въ публикѣ интересъ и удивленіе. Іезуиты превзошли піаровъ и по части астрономіи. Они основывали обсерваторіи, выписывали изъ-за границы инструменты, публиковали наблюденія.—Кромѣ школъ умственному пробужденію страны много содѣйствовали и общества, поставившія себѣ цѣлью распространеніе научныхъ сочиненій въ публикѣ. Инициативу въ этомъ отношеніи взялъ на себя коронный референдарій *Іосифъ Залускій* съ Мицлеромъ и другими иноземцами. Залускій при содѣйствіи брата своего бискупа Юрія Станислава собралъ въ Варшавѣ колоссальную библіотеку, которую подарилъ въ 1745 г. государству. Собранія Залускихъ сдѣлали для ученыхъ и публики доступнымъ ознакомленіе съ литературою и облегчили изслѣдованіе польской старины. Директоръ библіотеки Яноцкій публиковалъ библіографическіе справочники, Мицлеръ хроники и географическія описанія, піаръ Конарскій собранія законовъ (Volumina legum), а піаръ Догель—историческіе документы. Благодаря инициативѣ и трудамъ отдѣльныхъ лицъ польскому обществу перестали быть чуждыми философскія изслѣдованія Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа. Духъ критики и изслѣдованія охватилъ умственную атмосферу польскаго общества и коснулся такихъ сторонъ жизни, относительно которыхъ до сихъ поръ господствовали у поляковъ непоколебимые догматы,—именно государственнаго и общественнаго устройства. Это устройство стало подвергаться критикѣ въ разныхъ печатныхъ трудахъ. Въ Польшѣ появилась политическая литература, которая, не ограничиваясь критикою существующаго, стала пропагандировать разныя реформы въ государственномъ и общественномъ строѣ.

Политическая литература и проекты реформъ Рѣчи Посполитой. Первымъ явленіемъ въ этомъ родѣ былъ памфлетъ короля *Станислава Лещинскаго* «Вольный голосъ, вольность обезпечивающій». Лещинскій хвалилъ въ немъ и вольную элекцію, и liberum veto, требовалъ даже еще большаго ограниченія королевской власти, предлагая лишить короля права раздавать уряды и староства, но на ряду съ этимъ онъ предлагалъ возвратить хлопамъ личную свободу, замѣнить барщину натуральнымъ оброкомъ, предоставить имъ право аппелляціи отъ суда владѣльца къ судамъ гродскимъ и земскимъ. Воевода Мазовецкій *Станиславъ Понятовскій*, отецъ будущаго короля, въ брошюрѣ—подъ заглавіемъ «Письмо одного земянина къ своему пріятелю изъ другого воеводства», усматривалъ будущее Польши въ увеличеніи войска. Для этого онъ рекомендовалъ улучшеніе финансовой администраціи,

развитіе торговли и промышленности, увеличеніе народонаселенія путемъ запрещенія вступать въ монастырь, привлеченіе духовенства и шляхты къ платежу податей. На ряду съ этимъ онъ требовалъ возвращенія прежнихъ правъ мѣщанамъ, религіозной свободы для диссидентовъ и ограниченія liberum veto. *Станиславъ Конарскій* въ четырехтомномъ трудѣ «О цѣлесообразномъ способѣ совѣщаній» развивалъ планъ реформы сейма и высказывалъ мысль о наслѣдственномъ престолѣ. Но смѣлѣе всѣхъ былъ французъ *Де-Вариль*, воспитатель князей Сангушковъ. Въ книгѣ «Compendium politicum» (1760 г.) всѣ пораженія и униженія Польши онъ приписывалъ слабости королевской власти, элекціямъ и liberum veto. Въ общемъ, можно сказать, подвергнуты были критикѣ всѣ существенныя стороны польскаго государственнаго и общественнаго строя и поставлены на очередь всѣ капитальные вопросы, касающіеся будущихъ преобразованій.

Стремленія Чорторыйскихъ и препятствія со стороны Россіи и Пруссіи. За дѣло преобразованій на практикѣ взялась могущественная партія магнатовъ. Эту партію составляли князья Чорторыйскіе, ихъ многочисленная родня и пріятели, вслѣдствіе чего и сама партія получила у своихъ противниковъ прозвище «фамиліи». Благопріятный случай для проведенія реформъ представила смерть Августа III (въ 1763 году) и послѣдовавшее затѣмъ безкоролевье, когда у поляковъ вошло въ обычай образовывать генеральную конфедерацію, превращать въ нее сеймы и рѣшать всѣ дѣла на нихъ по большинству голосовъ. «Фамилія» употребила всѣ средства и старанія къ тому, чтобы пріобрѣсти большинство голосовъ для своихъ проектовъ, съ которыми она выступила на конвокаціонномъ сеймѣ. Намѣренія ея шли далеко. Партія мечтала объ уничтоженіи liberum veto, объ улучшеніи судебной части, упорядоченіи финансовъ и войска, объ экономическомъ поднятіи мѣстъ и т. д., хотѣла превратить Рѣчь Посполитую въ сильное и благоустроенное государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ «фамилія» хлопотала о возведеніи на королевскій престолъ своего кандидата. Но въ своихъ стремленіяхъ Чорторыйскіе и ихъ сторонники натолкнулись на противодѣйствіе сосѣднихъ государствъ. Русскій посланникъ Кайзерлингъ и прусскій Бенуа сообщили имъ по секрету, что, хотя они и будутъ поддерживать ихъ кандидата на королевскій престолъ, но не согласятся на уничтоженіе liberum veto. Не имѣя возможности провести цѣликомъ планъ своихъ реформъ, Чорторыйскіе стали проводить ихъ въ части, насколько позволяли Пруссія и Россія. Но эта неполнота реформъ и лишила ихъ значенія.

Реформы конвокаціоннаго сейма 1764; ограниченіе liberum veto. Чорторыйскимъ и ихъ партіи удалось провести черезъ конвокаціонный сеймъ слѣдующія реформы: 1) установленіе регламента для сеймовыхъ совѣщаній, прекращавшаго царившій дотолѣ на сеймахъ хаосъ и безпорядокъ; 2) уничтоженіе присяги для пословъ въ соблюденіи сеймиковыхъ инструкцій, чѣмъ предоставлялась имъ большая свобода при обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ

на сеймахъ; 3) уничтоженіе liberum veto при рѣшеніи на сеймахъ вопросовъ экономическаго характера и замѣна единогласія рѣшеніемъ по большинству; 4) учрежденіе скарбовыхъ коммиссій, коронной и литовской, изъ сенаторовъ и шляхетскихъ пословъ подъ предсѣдательствомъ подскарбіевъ для сбора государственныхъ доходовъ и выработки различныхъ мѣропріятій по развитію матеріальнаго благосостоянія страны; 5) учрежденіе подобной же войсковой комиссіи подъ предсѣдательствомъ гетмана для завѣдыванія военнымъ дѣломъ; 6) возстановленіе пошлины (cło generalne) съ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, провозимыхъ на продажу сухимъ путемъ и водою, съ цѣлью увеличенія доходовъ скарба, ибо отъ платежа этой пошлины не освобождался даже самъ король; 7) съ этою же цѣлью постановлено было произвести переоцѣнку староствъ, т.-е. государственныхъ имѣній, съ которыхъ шла въ казну кварта, реформировано было жидовское поголовное, опредѣленное въ размѣрѣ двухъ злотыхъ съ человѣка; 8) для поднятія матеріальнаго благосостоянія торговопромышленнаго класса «мѣста» частныхъ владѣльцевъ освобождены были отъ ихъ юрисдикціи, уничтожено было право пропинаціи, принадлежавшее шляхтѣ въ мѣстахъ, и постойная повинность, т.-е. обязанность давать квартиры для придворныхъ, сенаторовъ, пословъ, депутатовъ, коммиссаровъ и т. д. Кромѣ всѣхъ этихъ реформъ, Чорторыйскимъ удалось провести постановленіе, касающееся будущаго короля: королемъ долженъ быть «пястъ», польскій шляхтичъ по отцу и матери, католикъ, свѣдущій въ отечественныхъ дѣлахъ. Всѣ эти реформы конвокаціоннаго сейма поставлены были въ pacta conventa новоизбранному королю, Станиславу-Августу Понятовскому, и подтверждены были затѣмъ на коронаціонномъ сеймѣ.

Главнымъ пріобрѣтеніемъ въ этихъ реформахъ можно считать ограниченіе liberum veto. Хотя голосованіе по большинству было установлено только относительно вопросовъ финансоваго характера, но при нѣкоторой натяжкѣ подъ эту категорію можно было подвести и много другихъ. Такъ и намѣревались поступать впредь Чорторыйскіе и ихъ сторонники. Но замыслы ихъ были разрушены Россіею, съ которою «фамилія» столкнулась по вопросу объ увеличеніи польскаго войска и уравненія диссидентовъ въ правахъ съ католиками. Россія при содѣйствіи Пруссіи, можно сказать, почти разрушила все реформаторское дѣло Чорторыйскихъ.

Требованія Россіи касательно оборонительно-наступательнаго союза и уравненія въ правахъ диссидентовъ; неуступчивость поляковъ. На коронаціонномъ сеймѣ 1764 г. Россія предложила Польшѣ увеличить составъ войска съ 24 тысячъ, установленныхъ по желанію Петра Великаго, до 50 тыс., но съ непремѣннымъ условіемъ заключенія съ нею оборонительно-наступательнаго союза, и кромѣ того потребовала уравненія въ правахъ диссидентовъ съ католиками. Но сеймъ подъ давленіемъ Чорторыйскихъ и ихъ сторонниковъ не принялъ предложенія Россіи. Чорторыйскіе опасались, что принятіе этихъ предложеній превратитъ Польшу въ вассала

Россіи. Въ данномъ случаѣ обнаружилась недальновидность «фамиліи» и ея неумѣнье взвѣсить и оцѣнить положеніе вещей. Стремясь высвободить Польшу изъ подчиненія Россіи, Чорторыйскіе и ихъ сторонники навлекали на Польшу вооруженное вмѣшательство, которое при тогдашней слабости Польши вело ее къ большему подчиненію, чѣмъ вассальная зависимость. Послѣ отверженія русскихъ предложеній Рѣпнинъ заявилъ, что 40 тыс. русскаго войска вступитъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой, если ближайшій сеймъ не удовлетворитъ требованіямъ императрицы. Это требованіе возмутило шляхту и возбудило ее, съ одной стороны, противъ Россіи, съ другой—противъ самихъ Чорторыйскихъ, которые ранѣе пользовались содѣйствіемъ Россіи, и которыхъ поэтому считали виновниками вмѣшательства Россіи въ польскія дѣла. Особенно негодовало католическое духовенство. Краковскій бискупъ Каетанъ Солтыкъ обратился ко всѣмъ духовнымъ сенаторамъ съ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ увѣщевалъ ихъ не допускать уступокъ иновѣрцамъ, а духовенству своей епархіи разослалъ указъ о молебствіяхъ, чтобы Богъ отвратилъ несчастье, грозящее католицизму. Когда собрался сеймъ (1766 г.), Солтыкъ выступилъ на немъ съ громовою рѣчью, въ которой предлагалъ всякаго, кто выступитъ съ предложеніемъ уступокъ для диссидентовъ, почитать измѣнникомъ отечеству и наказывать конфискаціею имѣній. Папскій нунцій Висконти въ свою очередь рекомендовалъ полякамъ не дѣлать уступокъ диссидентамъ. Вслѣдствіе всего этого сеймъ отвергъ предложеніе Рѣпнина и Бенуа и дворовъ англійскаго и датскаго. Ограничились только тѣмъ, что поручили бискупамъ подъ предсѣдательствомъ примаса разсмотрѣть жалобы диссидентовъ, а свои рѣшенія по нимъ внести въ книги метрики. Это совѣщаніе пришло къ рѣшенію дозволить диссидентамъ свободно отправлять свое богослуженіе въ существующихъ храмахъ и церквахъ и въ частныхъ домахъ, дозволить имъ реставрировать свои святыни, которыми они владѣли законно съ 1717 г., хоронить на кладбищахъ своихъ покойниковъ, и освободить ихъ отъ католической церковной юрисдикціи, а ихъ служителей и священниковъ—отъ платежей при полученіи мѣстъ. Такимъ образомъ диссидентамъ даны были нѣкоторыя гарантіи въ церковномъ отношеніи, и не сдѣлано никакихъ уступокъ по части политическихъ правъ.

Разрывъ Чорторыйскихъ съ Россіею и большинствомъ шляхты; крушеніе ихъ реформъ. Если въ вопросѣ о дарованіи политическихъ правъ диссидентамъ обнаружилось враждебное настроеніе шляхты противъ Россіи, то въ вопросѣ о способѣ рѣшенія на сеймахъ обнаружилась ея вражда къ Чорторыйскимъ. Чорторыйскіе, какъ сказано, стремились къ возможному расширенію той статьи постановленій конвокаціоннаго сейма, коею устанавливалось голосованіе по большинству въ вопросахъ экономическихъ. Они изо всѣхъ силъ стремились къ ограниченію liberum veto. По ихъ желанію канцлеръ Замойскій на сеймъ 1766 г. внесъ предложеніе, чтобы вопросы о налогахъ являлись на сеймъ въ видѣ готовыхъ проектовъ, со-

ставленныхъ скарбовою коммиссіею, и рѣшались на сеймахъ forma judiciaria, т.-е. по большинству голосовъ. Шляхта поняла, что здѣсь идетъ дѣло объ ограниченіи liberum veto и протестовала противъ предложенія. Помня, что на конвокаціонномъ сеймѣ Рѣпнинъ и Бенуа воспротивились уничтоженію liberum veto, сеймовая оппозиція обратилась къ Рѣпнину съ просьбою о защитѣ. Рѣпнинъ заявилъ, что императрица никогда не согласится на новый способъ сеймовыхъ рѣшеній, несогласный съ вольностью народа. На аудіенціи у короля Рѣпнинъ добавилъ, что если проектъ объ ограниченіи liberum veto не будетъ взятъ назадъ, Россія и Пруссія сочтутъ это объявленіемъ войны. Напрасно Чорторыйскіе доказывали, что проектъ не вноситъ ничего новаго, что онъ разъясняетъ только статью сеймовыхъ постановленій 1764 г., напрасно ихъ сторонники представляли, что держаться за liberum veto значитъ возвращаться къ прежней неурядицѣ: оппозиція, поддерживаемая Россіею, взяла верхъ. Состоялось постановленіе, въ силу котораго дѣла о новыхъ налогахъ, объ увеличеніи войска, объявленіи войны и заключеніи трактатовъ должны рѣшаться только единогласіемъ. Планъ Чорторыйскихъ объ ограниченіи liberum veto потерпѣлъ полную неудачу благодаря слѣпотѣ шляхты и недовѣрію Россіи, которое возбудили противъ себя Чорторыйскіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рѣчь Посполитая утратила много шансовъ на то, чтобы выйти понемногу изъ того безнарядья и безсилія, въ которомъ она пребывала.

Уравненіе въ правахъ протестантовъ и гарантія «кардинальныхъ правъ» Рѣчи Посполитой. Россія, довольная тѣмъ оборотомъ, какой принялъ вопросъ о liberum veto, осталась въ высшей степени недовольною отказомъ въ правахъ для диссидентовъ. По ея инціативѣ диссиденты образовали двѣ конфедераціи въ Торнѣ и Слуцкѣ съ цѣлью добиваться уравненія въ правахъ съ католиками. Эти конфедераціи обратились съ просьбою объ удовлетвореніи ихъ желаній къ королю и сенаторамъ. Подъ давленіемъ Рѣпнина король и сенаторы объявили созывъ чрезвычайнаго сейма на октябрь 1767 г. Передъ собраніемъ сейма Рѣпнинъ необыкновенно энергично агитировалъ противъ Чорторыйскихъ, которыхъ онъ считалъ главными виновниками отказа въ правахъ диссидентамъ. Его агенты разъѣзжали по шляхетскимъ дворамъ и разъясняли, что Россія рѣшилась возвратить шляхтѣ полную республиканскую свободу, которую нарушили Чорторыйскіе своими реформами, готова даже низложить самого короля, вышедшаго изъ рядовъ «фамиліи» и ей покровительствующаго, лишь бы только шляхта согласилась на уравненіе диссидентовъ съ католиками. Агитація имѣла успѣхъ, и шляхта начала соединяться въ частныя конфедераціи для возстановленія республиканскихъ вольностей и дарованія права диссидентамъ. Частныя конфедераціи соединились потомъ въ одну—генеральную сначала въ Радомѣ, а потомъ въ Варшавѣ. Эта генеральная конфедерація обратилась съ просьбою къ Россіи, чтобы она гарантировала республиканскія права и вольности. Но одновременно съ агитаціею Рѣпнина агитировала

и фанатическая католическая партія. Выпущенъ былъ цѣлый рядъ памфлетовъ въ прозѣ и стихахъ противъ домогательства диссидентовъ, множество сатиръ и пасквилей; католическіе бискупы съ Солтыкомъ во главѣ разослали окружное посланіе шляхтѣ, чтобы она выбирала на предстоящій сеймъ правовѣрныхъ пословъ, чтобы въ своихъ инструкціяхъ имъ поставила, какъ непремѣнное условіе—сохраненіе католицизма въ неприкосновенности. Неудивительно поэтому, что, когда собрался сеймъ, Рѣпнинъ не былъ увѣренъ, что большинство будетъ на сторонѣ предложенія Россіи (сеймъ при существованіи конфедераціи долженъ былъ ставить рѣшенія по большинству). Чтобы обойти препятствіе, онъ потребовалъ, чтобы сеймъ выдѣлилъ изъ себя делегацію для разрѣшенія вопроса о диссидентахъ и затѣмъ принялъ ея рѣшеніе. Такимъ путемъ Рѣпнинъ надѣялся избѣжать дебатовъ на самомъ сеймѣ, которые могли возбуждающимъ образомъ подѣйствовать на шляхту. Но противъ его требованія горячо протестовали бискупы Краковскій Солтыкъ, Кіевскій Залускій, гетманъ польный коронный Вацлавъ Ржевускій и сынъ его Северинъ. Тогда Рѣпнинъ прибѣгъ къ рѣшительному средству—арестовалъ Солтыка, Залускаго и Ржевускихъ и отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ Калугу. Это сломило противодѣйствіе посольской избы и сеймъ назначилъ делегатовъ изъ 20 сенаторовъ и 48 пословъ по списку, представленному Рѣпнинымъ. Къ составу сеймовой делегаціи Рѣпнинъ присоединилъ еще диссидентовъ—епископа православнаго Могилевскаго Георгія Конисскаго, маршалковъ Слуцкой и Торнской конференцій и нѣсколько другихъ лицъ. Эта делегація и выработала рядъ постановленій, коими диссидентамъ предоставлялась полная свобода вѣроисповѣданія и политическія права, одинаковыя съ католиками. Кромѣ постановленій о диссидентахъ делегація выработала такъ называемыя «кардинальныя права», въ коихъ утверждались главныя основанія существующаго строя: избирательность королей, liberum veto и шляхетскія прерогативы. Одинъ изъ делегатовъ Яблоновскій предложилъ было освободить хлоповъ отъ панской власти, но Рѣпнинъ не позволилъ этого и согласился только на уничтоженіе панскаго права жизни и смерти надъ хлопами. Постановлено было, что по уголовнымъ дѣламъ хлопы будутъ судиться не панами, а въ судахъ гродскихъ, земскихъ или мѣстскихъ; шляхтичи за злонамѣренное убійство хлоповъ будутъ наказываться не денежнымъ штрафомъ, а смертью. Уравненіе въ правахъ диссидентовъ и «кардинальныя права» облечены были въ форму договора съ Россіею и не могли быть отмѣняемы безъ ея согласія. Когда делегаты кончили свою работу, вновь собранъ былъ сеймъ, который и принялъ представленный ему делегаціею договоръ съ Россіею о диссидентахъ и кардинальныхъ правахъ. Такъ навязана была Польшѣ русская гарантія, лишившая ее возможности внутренняго преобразованія въ духѣ новыхъ потребностей.

Барская конфедерація 1768 г. и ея борьба съ Россіею. Уравненіе въ правахъ диссидентовъ и обстоятельства, сопровождавшія это уравненіе, вызвали

неудовольствіе въ шляхетской массѣ, къ тому же поджигаемой фанатическимъ духовенствомъ. Вслѣдствіе этого въ концѣ 1768 г. составилась конфедерація въ г. Барѣ для обороны вѣры и стародавнихъ республиканскихъ вольностей,—другими словами—для освобожденія отъ опеки Россіи. Но дѣла этой конфедераціи пошли въ высшей степени неудачно. Первое сборище было разогнано польскими и русскими войсками, при чемъ вожди конфедераціи, или такъ называемая «генеральность», должны были бѣжать въ Молдавію. Затѣмъ подоспѣло возстаніе гайдамаковъ и хлоповъ, которое отвлекло вниманіе шляхты южныхъ воеводствъ въ другую сторону. Конфедератамъ удалось вовлечь Россію въ войну съ Турціею, заручиться помощью Франціи, подвинуть на защиту своего дѣла и шляхту сѣверныхъ воеводствъ, но не удалось достигнуть самаго главнаго—взаимнаго единенія и организаціи своихъ силъ. Большимъ препятствіемъ въ данномъ случаѣ оказалось то обстоятельство, что главные вожаки все время оставались за границей, при турецкой арміи. Шляхта соединялась въ частныя конфедераціи, которыя дѣйствовали не только въ разбродъ, но по временамъ и въ противорѣчіи другъ съ другомъ. Появилось много самозванныхъ маршалковъ; нѣкоторые изъ вождей этихъ частныхъ конфедерацій присвоивали себѣ полную власть надъ провинціями и больше изнуряли край постоянными контрибуціями, чѣмъ русскія войска оружіемъ. Чтобы положить конецъ этому хаосу, по иниціативѣ бискупа Каменецкаго Красинскаго въ 1769 г. состоялся въ Бялѣ съѣздъ вождей частныхъ конфедерацій для объединенія ихъ и устройства общей власти. Избраны были общій маршалокъ, региментарь, секретари. Но и эта «генеральность», какъ и первая, избранная въ Барѣ, сочла болѣе удобнымъ устроить свою резиденцію за границею, сначала въ Силезіи, а потомъ въ Венгріи. Отсюда она опубликовала актъ о детронизаціи Станислава-Августа и разослала съ извѣстіемъ объ этомъ пословъ къ иноземнымъ посламъ. Этотъ поступокъ, внушенный слѣпою ненавистью къ Понятовскому, какъ ставленнику Россіи, который незадолго предъ тѣмъ начиналъ было склоняться на сторону конфедератовъ, оттолкнулъ его отъ нихъ и заставилъ искать поддержки у Россіи.

Первый раздѣлъ Польши. Россія между тѣмъ одержала надъ турками рядъ блестящихъ побѣдъ. Успѣхи ея сильно обезпокоили Пруссію и Австрію. Уже въ 1769 г. король Прусскій и молодой императоръ Іосифъ II съѣзжались въ Силезіи для того, чтобы обмѣняться взглядами по поводу успѣховъ Россіи. Въ слѣдующемъ году они снова съѣхались въ Моравіи. Сюда прибыло и турецкое посольство съ просьбою о посредничествѣ въ заключеніи мира съ Россіею. Здѣсь и выработанъ былъ планъ вознагражденія Россіи за Турецкую войну на счетъ Польши. Въ концѣ 1770 г. въ Петербургъ прибылъ братъ Фридриха II—принцъ Генрихъ съ проектомъ раздѣла пограничныхъ Польскихъ областей между Россіею, Австріею и Пруссіею. Россіи предоставлялась часть Польши въ видѣ вознагражденія за войну съ Турціею, а Австріи и Пруссіи—за посредничество при заключеніи мира.

Екатеринѣ этотъ проектъ былъ не по душѣ, и она дала на него уклончивый отвѣтъ. Послѣ того она съ особою энергіею принялась за успокоеніе Польши и подавленіе конфедераціи съ тѣмъ, чтобы лишить Пруссію и Австрію предлоговъ мѣшаться въ польскія дѣла. Но ея энергія вызвала еще большее озлобленіе поляковъ, которое разрѣшилось покушеніемъ на особу короля Станислава Августа. Конфедераты напали на улицѣ на короля, возвращавшагося отъ канцлера Чорторыйскаго во дворецъ, посадили его на коня и помчали въ Ченстоховъ. Но королю удалось въ темнотѣ выскользнуть изъ плѣна. Объ этомъ случаѣ онъ извѣстилъ иностранные дворы и представилъ его, какъ покушеніе на цареубійство. Это дало поводъ Пруссіи и Австріи выступить болѣе настоятельно съ предложеніемъ раздѣла. Екатерина, не справившаяся еще съ конфедератами и обезпокоенная сближеніемъ Австріи съ Турціею, согласилась, наконецъ, на раздѣлъ (6 февраля 1772). Послѣ того войска прусскія и австрійскія вступили въ Польшу на помощь къ русскимъ и подавили окончательно конфедерацію. Подробности дѣлежа опредѣлены были тремя трактатами, заключенными Россіею съ Пруссіею, Россіею съ Австріею, Австріею съ Пруссіею 5 августа 1772 г. Россія получила Полоцкое воеводство по Двину, Витебское безъ Оршанскаго повѣта, Мстиславское и часть Минскаго—всего 1692 кв. мили; Австрія получила княжества Освѣтимское и Заторское, южныя части воеводствъ Краковскаго и Сандомирскаго, Русское воеводство безъ Холмской земли и Бѣльзское—всего 1508 кв. миль; Пруссія—Вармію, воеводство Поморское безъ Гданска, Мальборское, Хельминское безъ Торуня и великопольскіе повѣты по р. Нотецъ—всего 660 кв. миль. Въ общемъ Рѣчь Посполитая потеряла 3360 кв. миль изъ 13300, съ 4 мил. населенія. Мотивомъ раздѣла въ трактатахъ выставлена анархія Рѣчи Посполитой, грозящая спокойствію сосѣдей, и необходимость дать Польшѣ условія быта, согласныя съ интересами договаривающихся государствъ. Послѣ ратификаціи трактатовъ выпущены были въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ памфлеты, содержащіе историческія доказательства правъ Россіи, Австріи и Пруссіи на забранныя отъ Польши земли.

Оставалось теперь склонить самую Рѣчь Посполитую къ формальной уступкѣ забранныхъ областей. Въ Варшаву явились послы Россіи, Пруссіи и Австріи и вручили королю и министрамъ общую декларацію, въ которой, упомянувъ о замѣшательствахъ въ Польшѣ, сообщали рѣшеніе своихъ дворовъ—успокоить Польшу и получить удовлетвореніе своимъ претензіямъ, основаннымъ на исторіи и правѣ. Для достиженія обѣихъ цѣлей они потребовали созыва чрезвычайнаго сейма.

Состояніе Польши въ моментъ перваго раздѣла. Въ четыре года смутъ и борьбы, протекшихъ со времени образованія Барской конфедераціи, Польша истощилась и матеріально, и духовно. За это время она потеряла около 100 тыс. человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Кромѣ убитыхъ на войнѣ и взятыхъ въ плѣнъ союзниками, Польша потеряла много трудо-

любивыхъ и зажиточныхъ семей, эмигрировавшихъ въ Венгрію, Силезію и Моравію. Мѣстности, гдѣ не было сожженныхъ и разоренныхъ деревень, принадлежали къ исключеніямъ. Обширныя пространства земли оставались не обработанными; мѣстами подохла скотина. Разоренія производили не только чужеземныя войска, но и банды конфедератовъ, мстившихъ своимъ политическимъ противникамъ, и просто разбойническія шайки, принимавшія имя конфедератскихъ отрядовъ. Матеріальному разоренію сопутствовалъ упадокъ духа, истомленнаго столькими жертвами, и вѣры въ свои силы. Вслѣдствіе всего этого, когда иноземныя войска вступали въ отторгнутыя отъ Польши земли, мало кто имѣлъ охоты сопротивляться. Населеніе отторгнутыхъ областей даже съ удовольствіемъ привѣтствовало водвореніе чужеземнаго господства, которое сулило ему миръ и спокойную жизнь.

Канфедерацкій сеймъ 1573 г. и санкція раздѣла. Не оказалъ сопротивленія раздѣлу и чрезвычайный сеймъ, созванный для подтвержденія совершившагося факта. Русскій посолъ Штакельбергъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы добиться этого подтвержденія. Въ этомъ помогли ему и патріоты, уклонявшіеся отъ избранія на сеймъ, имѣвшій въ виду узаконить актъ насилія, совершеннаго надъ Польшею. Благодаря этому Штакельбергу удалось подобрать податливое большинство, падкое до денегъ и всякихъ милостей и готовое за деньги поступиться чѣмъ угодно. Вождемъ этого большинства сталъ великій кухмистръ коронный *Адамъ Понинскій*. При помощи Понинскаго Штакельбергу удалось превратить собравшійся сеймъ въ конфедерацкій, на которомъ liberum veto не имѣлъ силы, а рѣшенія ставились по большинству голосовъ. Маршалкомъ конфедерацкаго сейма сталъ тотъ же Понинскій. Чтобы избѣжать возбуждающихъ дебатовъ на сеймѣ, Штакельбергъ и Понинскій прибѣгли уже къ испытанному средству— къ назначенію делегаціи для выработки договоровъ съ Россіею, Австріею и Пруссіею и реформъ, клонящихся къ внутреннему успокоенію Рѣчи Посполитой. Въ составъ этой делегаціи имъ удалось ввести преимущественно сторонниковъ Россіи. Делегація 18 января 1773 года подписала трактаты съ Россіею, Австріею и Пруссіею, въ коихъ отрекалась отъ оккупированныхъ ими земель. Послѣ того трактаты были подтверждены королемъ и приняты сеймомъ.

Такъ выполнена была одна изъ задачъ, для которыхъ по требованію сосѣдей созванъ чрезвычайный сеймъ 1773 г. Но другая задача — выработка мѣропріятій, могущихъ дать Польшѣ внутреннее успокоеніе, оставалась невыполненною. Вслѣдствіе этого занятія делегаціи были отложены, а сеймъ пророгированъ до 22 января 1774 года. Отсрочки повторялись потомъ еще нѣсколько разъ, такъ что сеймъ въ концѣ-концовъ продолжился до 11 апрѣля 1775 года.

Важнѣйшая литература:

Szujski J., Dzieje Polski, tom IV.

Bobrzyński M., Dzieje Polski w zarysie, tom II.

Roepell R., Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts. Gotha 1876.

Kisielewski Wt. Tad., Reforma książąt Czortoryjskich na sejmie konwokacyjnym r. 1764. Sambor 1880.

Waliszewski Kaz., Potoccy i Czartoryscy. Tom 1. Kraków 1887.

Zaleski B., Żywot ks. Adama Czortoryskiego. Tom 1. Poznań 1881.

Smolenski Wt., Przewrót umysłowy w Polsce wieku XVIII.

Kalinka W., Ostatnie lata panowania St. Augusta wyd. 2. (Dzieła, tomy I—II. Kraków 1891).

Korzon T., Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, 6 t. Wyd. 2. Warszawa 1897.

XXVII.

Реформы сейма 1773—1775 года; экономическій и духовный подъемъ Польши.

Что же выработано было делегаціею въ интересахъ собственно Польскаго государства?

Кардинальныя права; ограниченіе правъ диссидентовъ. Прежде всего делегація разработала основные государственные законы, или «кардинальныя права». Она подтвердила тѣ кардинальныя права, которыя установлены были въ трактатѣ 1768 г., измѣнивъ въ нихъ только статью, касавшуюся диссидентовъ. Права диссидентовъ, изъ-за которыхъ, такъ сказать, загорѣлся весь сыръ-боръ, подверглись ограниченіямъ: они лишены были права получать сенаторскія и министерскія кресла; на сеймахъ дозволено быть въ качествѣ пословъ только тремъ диссидентамъ, по одному отъ Великой Польши, Малой и Литвы; уничтоженъ смѣшанный судъ изъ католиковъ и диссидентовъ и запрещено диссидентамъ употребленіе колоколовъ на своихъ храмахъ. Кромѣ того, къ прежнимъ кардинальнымъ правамъ добавлены еще слѣдующія: королемъ можетъ быть только «пястъ», т.-е. знатный шляхтичъ, имѣющій осѣдлость въ Рѣчи Посполитой; сыновья и внуки умершаго короля могутъ быть выбранными на престолъ только по истеченіи двухъ царствованій по смерти отца и дѣда. Всѣ эти «кардинальныя права» по существу своему представляли мало гарантій для успокоенія и дальнѣйшаго преуспѣянія Рѣчи Посполитой.

Новая организація центральнаго управленія; постоянный совѣтъ и его департаменты. Гораздо плодотворнѣе въ этомъ отношеніи была новая организація центральнаго управленія Польши. Во главѣ центральнаго управленія поставленъ былъ *постоянный совѣтъ* (Rada nieustająca), состоящій изъ 3 бискуповъ, 11 сенаторовъ и 18 совѣтниковъ изъ рыцарскаго сословія. Первый составъ совѣта долженъ былъ назначить король, а затѣмъ этотъ составъ долженъ былъ обновляться черезъ каждые два года на очередныхъ сеймахъ тайною баллотировкою по большинству голосовъ, при чемъ $^1/_3$ состава должна была выбираться изъ членовъ предшествующей сессіи. Предсѣдателемъ постояннаго совѣта признавался король. Этотъ постоянный совѣтъ долженъ былъ рѣшать вопросы о созывѣ обычныхъ и чрезвычайныхъ сеймовъ, выбирать и представлять королю кандидатовъ на вакантныя сенаторскія и министерскія мѣста, за исключеніемъ подскарбія дворнаго, слѣдить за спокойствіемъ и безопасностью государства. Для раздѣленія правительственной работы постоянный совѣтъ дѣлился на пять департаментовъ: *департаментъ иностранныхъ дѣлъ* изъ 4 совѣтниковъ подъ предсѣдательствомъ канцлера; *департаментъ полиціи* изъ 8 совѣтниковъ подъ предсѣдат. маршалка; *департаментъ военныхъ дѣлъ* тоже изъ 8 совѣтниковъ подъ предсѣдательствомъ гетмана; *департаментъ юстиціи* изъ 8 совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ бискупа; *департаментъ финансовъ* изъ 8 совѣтниковъ подъ предсѣдат. подскарбія. Распоряженія департаментовъ должны были предварительно подвергаться обсужденію въ полномъ собраніи совѣта и утверждаться голосованіемъ по большинству. На каждомъ очередномъ сеймѣ постоянный совѣтъ долженъ былъ сдавать отчетъ въ своей дѣятельности за прошедшую сессію.

Эдукаціонная коммиссія. Существовавшія комиссіи войсковая и скарбовая были сохранены и подчинены соотвѣтствующимъ департаментамъ постояннаго совѣта. Кромѣ того учреждена была особая *эдукаціонная коммиссія*—вѣдомство народнаго просвѣщенія. Учрежденіе этой коммиссіи стояло въ связи съ уничтоженіемъ ордена іезуитовъ, произведеннымъ буллою Климента XIV Dominus ac Redemptor noster отъ 21 іюля 1773 г. Просвѣщеніемъ въ Польшѣ, какъ извѣстно, завѣдывали іезуиты, содержавшіе огромное количество школъ, владѣвшіе большими капиталами, собранными для этой цѣли. Эдукаціонная коммиссія должна была принять это наслѣдство іезуитовъ и продолжать ихъ дѣло. Имѣнія іезуитовъ предположено было раздать въ пользованіе шляхтѣ съ обязанностью уплачивать въ фондъ комиссіи $4^1/_2{}^0/_0$.

Гарантія Россіи и ея вліяніе на внутреннюю жизнь Польши. Таково было новое устройство центральнаго управленія въ Польшѣ, выработанное делегаціею сейма 1773—1775 гг. Это устройство было принято сеймомъ и гарантировано Россіею особымъ актомъ (acte séparé), какъ и кардинальныя права 1768 г. На очередномъ сеймѣ 1776 года права постояннаго совѣта были еще болѣе расширены вопреки желанію магнатовъ, все время буди-

ровавшихъ противъ совѣта. Постоянному совѣту предоставлено было право толкованія неясныхъ законовъ и изданія по этой части резолюцій, которыя подлежали обсужденію ближайшаго сейма.

Дѣятельность новаго учрежденія взялъ подъ свое руководство и надзоръ русскій посланникъ баронъ Штакельбергъ. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ совѣтѣ, и нерѣдко вмѣшивался въ его распоряженія. Въ Варшавѣ его звали вице-королемъ; въ дѣйствительности съ нимъ считались гораздо болѣе, чѣмъ съ самимъ Станиславомъ-Августомъ. Штакельбергъ держалъ въ своихъ рукахъ короля, которому въ нужныхъ случаяхъ давалъ почувствовать, что его легко низложить; другихъ лицъ онъ располагалъ въ пользу Россіи при помощи того вліянія, которое оказывалъ на раздачу должностей и орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Станислава, а также при помощи денегъ. Патріоты сильно возмущались ролью Штакельберга, его значеніемъ, въ которомъ они видѣли полное униженіе Рѣчи Посполитой. Факты показали, однако, до какой степени благодѣтельна была для Польши твердая власть, насаждавшая внутренній миръ и порядокъ, хотя бы и со стороны, какимъ тормозомъ для внутренняго развитія этого государства было ея безнарядье, которымъ хвалились поляки, какъ высшимъ проявленіемъ «золотой вольности». Подъ управленіемъ постояннаго совѣта измученная страна отдохнула и ожила. Во всѣхъ сферахъ общественной жизни въ короткое время сказался сильный прогрессъ.

Прогрессъ въ экономической жизни Польши. Прекращеніе смутъ и неурядицъ благодѣтельно отразилось прежде всего на экономической жизни страны: поднялось земледѣліе и благосостояніе сельскаго люда, увеличилась промышленность и улучшилось состояніе городовъ, оживилась торговля, а въ результатѣ всего—возросло сильно населеніе.

Сельское хозяйство очень скоро поднялось изъ упадка, въ которое повергла его продолжительная междоусобная война. Несмотря на уменьшеніе территоріи и количества населенія вслѣдствіе отторженія областей, хлѣба стало производиться въ странѣ больше, чѣмъ до перваго разбора. Многіе землевладѣльцы для умноженія доходности своихъ имѣній стали бросать систему барщиннаго труда и замѣнять ее оброкомъ, натуральныя подати—денежными. Нѣкоторые, какъ напр., литовскій подканцлеръ Хребтовичъ, стали даже жаловать своимъ крестьянамъ личную свободу и отдавать свои земли крестьянамъ въ пользованіе изъ третьяго снопа. Владѣльцы стали устранять отъ корчомъ евреевъ, какъ эксплуататоровъ и деморализаторовъ народной массы. «Ухвала» воеводства Сѣрадзьскаго постановила наказывать денежнымъ штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ тѣхъ, кто будетъ держать жидовъ въ качествѣ арендаторовъ и корчмарей.

Дороговизна произведеній иноземныхъ фабрикъ и заводовъ стала побужденіемъ къ основанію собственныхъ фабрикъ и заводовъ. Почииъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ магнатамъ капиталистамъ, и въ числѣ нихъ самому королю. Станиславъ-Августъ завелъ подъ Варшавою фаянсовую

фабрику, въ Козеницахъ желѣзодѣлательный и мѣдноплавильвый заводъ. Наибольшую дѣятельность въ этомъ отношеніи проявилъ литовскій магнатъ Тизенгаузенъ, который въ разныхъ мѣстахъ устраивалъ полотняныя, суконныя и бумажныя фабрики. Завѣдывающими на этихъ фабрикахъ были иностранцы—французы, нѣмцы и итальянцы. Почти не было аристократичоскаго дома, который не велъ бы того или другого промышленнаго предпріятія. Промышленная дѣятельность оживилась и въ мѣстахъ. Сеймовое законодательство разсматриваемой эпохи было вообще неблагопріятно для преуспѣянія мѣщанства. Конституція 1768 г. отдала мѣщанъ подъ власть старостъ: мѣщанскія власти должны были впредь отдавать отчеты въ доходахъ мѣста старостамъ, которые такимъ путемъ получили возможность вмѣшиваться въ хозяйственную дѣятельность мѣстскихъ властей и распоряжаться мѣстскими фундушами, т.-е. имуществами и капиталами; въ гражданскихъ дѣлахъ аппелляція должна была итти впредь не прямо къ ассесорскому суду, а сначала къ суду старосты и затѣмъ уже къ суду ассесорскому. Еще тяжелѣе была для мѣщанъ конституція 1776 года, которая большую часть литовскихъ мѣстъ (за исключеніемъ самыхъ крупныхъ) лишила магдебургскаго права и отдала на произволъ старостъ. Но если законодательная власть была такъ неблагосклонна по отношенію къ мѣщанству, зато исполнительныя власти принимали всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ поднятію мѣщанства изъ упадка. Король назначалъ коммиссіи для упорядоченія мѣстскаго хозяйства, для приведенія въ извѣстность и соотвѣтствіе доходовъ и расходовъ мѣста, для выработки предписаній относительно внутренняго мира и согласія, для устройства благотворительныхъ учрежденій и школъ. Скарбовая комиссія приходила къ мѣстамъ на помощь по части развитія въ нихъ промышленности, ремеслъ и торговли. Департаментъ полиціи помогалъ обѣднѣвшимъ мѣстамъ фундушами, принималъ различныя мѣры касательно внѣшняго благоустройства и охраны отъ пожаровъ и т. д. Всѣ эти мѣры въ общемъ подвинули впередъ экономическое благосостояніе мѣстъ, отразились на оживленіи въ нихъ промышленности и торговли.

Торговля Польши, въ особенности сельскохозяйственными продуктами, послѣ перваго разбора сдѣлала крупные успѣхи, несмотря на большія препятствія со стороны Пруссіи. Прусское правительство обложило 12% пошлиною всѣ товары, идущіе изъ Польши по Вислѣ, Вартѣ и Одеру; если товары шли транзитомъ черезъ Пруссію, они должны были оплачиваться во второй разъ 12% пошлиною. Эти препятствія заставили польскій экспортъ искать другой дороги—южной, черезъ Черное море. Дорога эта открылась вмѣстѣ съ завоеваніемъ Крыма, основаніемъ Херсонеса, созданіемъ русскаго коммерческаго флота на Черномъ морѣ и открытіемъ для него проливовъ. Польскій хлѣбъ изъ русскихъ воеводствъ направился по этой южной дорогѣ. Чтобы дать возможность и сѣвернымъ воеводствамъ направлять свой хлѣбъ по этой же дорогѣ правительство и частныя лица озаботились

соединеніемъ посредствомъ каналовъ системъ Вислы и Нѣмана съ системою Днѣпра. Проведены были королевскій Днѣпро-Бугскій каналъ и каналъ Огинскій, соединившій Шару съ Припятью. Результатъ этихъ мѣропріятій выразился въ быстромъ увеличеніи суммы экспорта. Въ 1776 г. эта сумма равнялась только 22 м. злотыхъ; черезъ нѣсколько лѣтъ она уже превышала 150 милліоновъ.

Приростъ населенія. Вмѣстѣ съ подъемомъ матеріальнаго благосостоянія совершался быстрый приростъ населенія. Послѣ перваго разбора Польша насчитывала едва 7.400 т. душъ; по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ населеніе возросло до 8.800.000, т.-е. на 19%.

Духовный подъемъ. Большіе успѣхи сдѣлало въ разсматриваемое время и народное просвѣщеніе Польщи. Въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія видная роль принадлежала королю и нѣкоторымъ магнатамъ. Станиславъ-Августъ собралъ огромную библіотеку во дворцѣ, устроилъ обсерваторію, физическій кабинетъ, химическую лабораторію, нумизматическій кабинетъ. Онъ покровительствовалъ и искусствамъ, покупая картины, гравюры, статуи. Король окружалъ себя учеными, поэтами и художниками, и четверговые обѣды во дворцѣ представляли своего рода академическія засѣданія, на которыхъ обсуждались различные вопросы, науки и искусства и читались поэтическія произведенія. Король поощрялъ ученыхъ, поэтовъ и художниковъ подарками, пенсіями, медалями и т. под. По его иниціативѣ переводились на польскій языкъ лучшія произведенія иностранной литературы, составлялись оригинальные труды; благодаря, напр., матеріальной поддержкѣ короля бискупъ Смоленскій *Адамъ Нарушевичъ* составилъ «Исторію польскаго народа», не утратившую и до сихъ поръ своего научнаго значенія. За королемъ вслѣдъ шли и нѣкоторые магнаты, которые составляли библіотеки, коллекціи, музеи, издавали научныя сочиненія; напр., на счетъ князя Іосифа Яблоновскаго *Рицци-Заннони* издалъ огромный географическій атласъ королевства Польскаго (1772 г.). Король оказалъ не малыя услуги и дѣлу воспитанія. Въ 1765 году онъ основалъ въ Варшавѣ «Рыцарскую школу»,—первое учебное заведеніе, освобожденное изъ-подъ опеки духовенства. Эту школу организовалъ и опекалъ кн. Адамъ Чорторыйскій. Въ ней преподавали исключительно свѣтскіе профессоры, преимущественно иностранцы и даже протестантскаго вѣроисповѣданія. Для нея составлены были новые учебники латинской грамматики, всеобщей исторіи и географіи, миѳологіи и т. д. Самъ Чорторыйскій составилъ для своихъ воспитанниковъ кадетскій катехизисъ, излагавшій основы морали, опирающейся не на догматахъ религіи, а на чувствѣ чести и долга предъ отечествомъ. Въ этой школѣ никогда не хватало мѣста для всѣхъ, желающихъ въ нее поступить.

Дѣятельность эдукаціонной комиссіи. Но главная заслуга въ дѣлѣ воспитанія юношества и распространенія просвѣщенія въ польскомъ обществѣ принадлежала эдукаціонной коммиссіи, дѣйствовавшей первона-

чально подъ предсѣдательствомъ бискупа Масальскаго, а позже подъ предсѣдательствомъ королевскаго родственника, князя примаса Понятовскаго. Эта коммиссія, состоявшая въ большинствѣ изъ лицъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ французскаго раціонализма, задалась цѣлью эмансипировать школу отъ церковнаго вліянія и приспособить школу къ потребностямъ жизни. Она стремилась къ достиженію этихъ цѣлей, во-первыхъ, назначеніемъ на преподавательскія должности свѣтскихъ людей и, во-вторыхъ, измѣненіемъ школьной программы, изъ которой были исключены богословіе и схоластическая философія. По порученію эдукаціонной коммиссіи ксендзъ Гуго Коллонтай преобразовалъ Краковскую Академію, а эксъ-іезуитъ Мартинъ Одланицкій Почобутъ—Виленскую наподобіе западныхъ университетовъ. Въ этихъ академіяхъ, получившихъ названіе главныхъ школъ, повышенъ былъ уровень преподаванія опытныхъ и точныхъ наукъ, въ родѣ естественной исторіи, анатоміи, астрономіи и химіи, для которыхъ профессоры были выписаны изъ-за границы, наоборотъ—устранена была вся средневѣковщина, проникшая въ эти академіи въ эпоху господства іезуитовъ. Подобныя же преобразованія сдѣланы были и относительно низшихъ школъ. По порученію коммиссіи эксъ-іезуитъ Григорій Пирамовичъ выработалъ проектъ устава объ училищахъ, который и получилъ свое утвержденіе въ 1783 году. По этому уставу всѣ школы Рѣчи Посполитой были разбиты на десять отдѣловъ. Каждый отдѣлъ заключалъ въ себѣ: одну шестиклассную школу (wydziałowa) съ семилѣтнимъ курсомъ, нѣсколько трехклассныхъ (podwydziałowa) съ шестилѣтнимъ курсомъ и школы приходскія. Во главѣ шестиклассной школы поставленъ былъ ректоръ, который вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ—префектомъ управлялъ всѣмъ школьнымъ отдѣломъ; во главѣ трехклассной школы поставленъ былъ проректоръ, имѣвшій надзоръ надъ приходскими школами своего округа. Всѣ эти школы, содержавшіяся на фондъ эдукаціонной коммиссіи, получили названіе *академическихъ*, а ихъ преподаватели составляли особое сословіе, подлежавшее юрисдикціи ректора главной школы. Рядомъ съ академическими остались и школы частныя—піаровъ, базиліанъ, доминиканцевъ, бенедиктинцевъ. Но и эти школы въ своихъ программахъ подчинялись уставу эдукаціонной коммиссіи.

Какъ мы уже сказали, изъ школьной программы исключено было изложеніе богословія. Его мѣсто замѣнила такъ называемая христіанская наука, преподававшаяся въ видѣ проповѣдей младшимъ ученикамъ въ школѣ, а старшимъ—въ костелѣ. Взамѣнъ богословія сверхъ того введено было преподаваніе свѣтской морали, которая побуждала къ добру не обѣщаніями наградъ или наказаній въ будущей жизни, а выясненіемъ пользы или вреда для общества, проистекающихъ отъ добродѣтели или порока. Вообще преподаваніе всѣхъ предметовъ проникнуто было духомъ утилитаризма. Передовые люди польскаго общества были убѣждены, что школа можетъ выработать новый типъ гражданина, приготовленнаго къ практической жизни, чувствительнаго къ бѣдствіямъ отечества и способнаго по-

священіе свои силы на служеніе благу общества. Изъ естественныхъ наукъ устранены были всѣ библейскія воззрѣнія и метафизическія гипотезы, въ родѣ напр., гипотезы о происхожденіи матеріи. Взамѣнъ того учениковъ знакомили со свойствами тѣлъ и разныхъ физическихъ явленій, важными для практической жизни. Профессоры физики учили, какъ строить громоотводы; минералоги объясняли полезность металловъ, ботаники—полезность разныхъ растеній въ медицинѣ и хозяйствѣ. Учителя внушали ученикамъ уваженіе къ людямъ знанія, независимо отъ ихъ религіозныхъ и философскихъ воззрѣній, знакомили ихъ со взглядами Декарта, Вольтера, Руссо и т. д. Всѣ эти усилія до извѣстной степени увѣнчивались успѣхомъ, и изъ новыхъ школъ дѣйствительно выходили люди съ различными знаніями, пригодными въ практической жизни, съ широкимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи, чуждымъ религіозныхъ и другихъ предразсудковъ.

Масонство. Духовный подъемъ польскаго общества сказался до извѣстной степени и въ организаціи и дѣятельности *масонства*. Масонскія общества возникли въ Польшѣ еще при Августѣ III и состояли на половину изъ иностранцевъ,—французовъ, нѣмцевъ и англичанъ, проживавшихъ въ Польшѣ; изъ поляковъ въ эти общества поступала главнымъ образомъ магнатская молодежь. Послѣ перваго раздѣла поляки отложились отъ иностранцевъ и образовали свою собственную ложу подъ названіемъ «*Испытанныхъ друзей*», позже прозванную «*Екатериною подъ сѣверною звѣздою*». Съ этою ложею, имѣвшею мѣстопребываніе въ Варшавѣ, находились въ связи провинціальныя ложи. Въ масонскія ложи принимались только христіане. Главною задачею масоны ставили себѣ борьбу съ нетерпимостью и предразсудками, распространеніе полезныхъ знаній и устройство благотворительныхъ учрежденій; изъ обсужденій ихъ исключены были религіозные и политическіе вопросы.

Косность шляхетской и народной массы. Прогрессъ умственный, моральный и экономическій въ царствованіе Станислава-Августа является фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, хотя, конечно, не нужно преувеличивать его размѣровъ. Масса шляхты мало была затронута новымъ вѣяніемъ, и въ средѣ ея попрежнему царило невѣжество и фанатизмъ. Съ этимъ невѣжествомъ и фанатизмомъ шляхты пришлось считаться преимущественно эдукаціонной коммиссіи. Возбуждаемая эксъ-іезуитами шляхта порицала новыя школы за пренебреженіе къ латыни, за обученіе ненужнымъ вещамъ, въ родѣ, напр., нѣкоторыхъ отдѣловъ зоологіи, обвиняла новыя школы въ распространеніи невѣрія и предпочитала воспитывать своихъ дѣтей за границею или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эдукаціонная коммиссія вынуждена была сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію, ввела преподаваніе латыни, исключила нѣкоторыя естественныя науки и наказала учителямъ посѣщать обѣдни вмѣстѣ съ учениками и ежемѣсячно являться къ исповѣди. Если шляхетская масса коснѣла еще въ фанатизмѣ и невѣжествѣ, тѣмъ болѣе справедливо это относительно мѣщанства и

крестьянства. Что касается высшихъ сферъ, то здѣсь съ образованностью и освобожденіемъ отъ религіозныхъ предразсудковъ нерѣдко связывалось и освобожденіе отъ нравственныхъ чувствъ и обязанностей. Неуваженіе къ семейнымъ узамъ, разъѣзды супруговъ и разводы были обычнымъ явленіемъ. Еще худшимъ проявленіемъ безнравственности было раболѣпство и преклоненіе передъ силою и богатствомъ. И въ сферѣ экономической многаго еще нехватало для полныхъ успѣховъ—знанія, капиталовъ, свободнаго труда.

Недостатки конституціи и обсужденіе ихъ въ политической литературѣ. Но главные недостатки гнѣздились въ области государственнаго устройства и общественныхъ отношеній. Нельзя сказать, чтобы въ польскомъ обществѣ не было сознанія этихъ недостатковъ и не проявлялось стремленій къ ихъ исправленію. Поляки по этой части обращались за совѣтомъ даже къ иностранцамъ. Одинъ изъ вождей Барской конфедераціи кухмистръ Вельгорскій, отправленный посломъ въ Парижъ, обратился къ двумъ тогдашнимъ свѣтиламъ политической литературы, Руссо и Мабли, съ просьбою высказать свои сужденія о польскомъ государственномъ устройствѣ и необходимыхъ для него преобразованіямъ. Результатомъ этого обращенія было появленіе трактата *Руссо* Considerations sur le gouvernement de Pologne et sur la réformation projeté и трактата *Мабли* «Du gouvernement et des loix de la Pologne». Руссо въ своемъ трактатѣ одобрялъ и избраніе королей, и liberum veto, и конфедераціи; требовалъ только различныхъ внутреннихъ улучшеній для поднятія республиканскихъ добродѣтелей и для самоосвобожденія хлоповъ. Мабли, соглашаясь съ Руссо относительно освобожденія крестьянъ, въ противоположность ему порицалъ liberum veto и рекомендовалъ наслѣдственную королевскую власть. О необходимыхъ реформахъ писали и сами поляки. Самымъ выдающимся явленіемъ въ данномъ случаѣ былъ политическій трактатъ ксендза *Станислава Сташица* подъ заглавіемъ «Размышленія о жизни Яна Замойскаго, канцлера и великаго короннаго гетмана» (1785). Сташицъ утверждалъ, что Польшѣ потребны слѣдующія реформы: наслѣдственность престола, рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, изоброченіе крестьянъ и ихъ просвѣщеніе, уравненіе въ правахъ мѣщанства съ шляхтою.

Препятствія къ преобразованіямъ. Но всѣ подобные проекты шли въ разрѣзъ съ конституціею государства, имѣвшею много сторонниковъ среди шляхты и гарантированною русскимъ правительствомъ. Какія препятствія лежали на пути къ осуществленію подобныхъ проектовъ на практикѣ, лучше всего иллюстрируетъ судьба кодекса, составленнаго Юріемъ Замойскимъ по порученію сейма 1768 г.

Замойскій въ своемъ кодексѣ переступилъ границы частнаго права и проектировалъ реформы въ положеніи крестьянства и мѣщанства. Крестьяне подѣлены имъ были на двѣ категоріи: на осѣдлыхъ на помѣщичьей землѣ безъ своего инвентаря и безъ контракта съ владѣльцемъ и на осѣдлыхъ

съ инвентаремъ и по договору съ владѣльцемъ. Первые не имѣютъ права уходить съ земли, другіе пользуются личною свободою. Изъ сыновей крестьянъ первой категоріи первый и третій должны оставаться на землѣ, а остальные могутъ заняться ремесломъ и поселиться въ мѣстахъ. Крестьянинъ, живущій по контракту съ владѣльцемъ, въ тяжбахъ съ нимъ судится гродскимъ судомъ. Тоже самое право принадлежитъ и невольному крестьянину въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ отниметъ у него заработокъ, причинитъ ему увѣчье, посадитъ въ заключеніе дольше, чѣмъ на 24 часа и присвоитъ надъ нимъ уголовную юрисдикцію. За убійство крестьянина панъ подлежитъ смерти. Въ каждомъ приходѣ должна существовать школа, куда крестьяне обязаны посылать своихъ дѣтей въ продолженіе всей зимы. Для «мѣстъ» Замойскій проектировалъ возвращеніе правъ, данныхъ имъ при основаніи; мѣщанамъ главныхъ городовъ воеводствъ предполагалъ дать право пріобрѣтать земскія имѣнья на 3 мили въ окружности. Наконецъ, Замойскій предполагалъ подчиненіе государственному контролю буллъ, присылавшихся папами, обращеніе четвертой части имущества, остававшагося послѣ умершихъ ксендзовъ, на благотворительныя цѣли, опредѣленіе минимальнаго возраста для лицъ, поступающихъ въ монастыри, и т. д. Русскій посланникъ Штакельбергъ, какъ только ознакомился съ кодексомъ Замойскаго, немедленно сообщилъ своему правительству, что кодексъ нарушаетъ конституцію, гарантированную Россіею. Екатерина поручила ему воспрепятствовать тому, чтобы кодексъ прошелъ на очередномъ сеймѣ 1780. Штакельбергъ успѣшно выполнилъ данное ему порученіе. На сеймѣ посолъ Волынскаго воеводства Каменскій предложилъ отвергнуть кодексъ и впредь никогда не возобновлять о немъ рѣчи. Когда маршалокъ сейма князь Станиславъ Понятовскій для формы предложилъ разсмотрѣть кодексъ по частямъ, раздались съ разныхъ сторонъ крики: «не согласны»! Послы рвали при этомъ листы книги и бросали ихъ на полъ. Кодексъ былъ отвергнутъ.

Судьба кодекса Замойскаго показывала, что реформы невозможны, пока будетъ существовать русская гарантія и опека. На свѣтѣ, конечно, нѣтъ ничего вѣчнаго, и поляки, вѣроятно, дождались бы того времени, когда Россія не стала бы настаивать на неизмѣнности существовавшаго въ Польшѣ государственнаго и общественнаго порядка. Реформы 1773—1775 г., произведенныя съ согласія Россіи, служили тому ручательствомъ. Но темпераментъ націи былъ не изъ такихъ, при которыхъ долготерпѣніе и холодная расчетливость и разсудительность составляютъ основныя свойства людей. Поляки не устояли передъ соблазномъ освободиться отъ опеки Россіи и реформировать свое государство въ то самое время, когда Россія запуталась въ войны съ Турціею и Швеціею. Діаволомъ-искусителемъ явился Прусскій король, предложившій полякамъ свою поддержку и союзъ. Поляки, не разсчитавъ своихъ силъ и не взвѣсивъ всѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя (французская революція)

оказались непредвидѣнными, ринулись въ борьбу, кончившуюся трагически для Польскаго государства.

Важнѣйшая литература:

Szujski J., Dzieje Polski, tom IV.

Bobrzyński M., Dzieje Polski w zarysie, tom II.

Kalinka W. ks., Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Tomy I—II. Kraków 1891.

Korzon T., Wewnętrzne dzieje Polski za czasów Stanisława Augusta Kraków 1882.

Smoleński Wł., Pisma historyczne, tom II, III. Kraków 1901.

Kraszewski J., Polska w czasie trzech rozbiorów 1772—1797. 3 tomy Poznań 1874—1875.

XXVIII.

Реформы четырехлѣтняго сейма; конституція 3 мая.

Вторая война Россіи съ Турціею; стремленія поляковъ къ освобожденію отъ опеки Россіи. Въ августѣ 1787 г. Турція объявила войну Россіи, а въ началѣ слѣдующаго—1788 г. король Шведскій Густавъ III прервалъ дипломатическія сношенія съ Петербургскимъ дворомъ и началъ военныя дѣйствія противъ Россіи. На помощь Россіи противъ Турціи выступила Австрія согласно заключенному между ними договору. Но зато Турціи готовилась помогать Пруссія, соперничавшая съ Австріею, и притомъ въ союзѣ съ Англіею и Голландіею. Россія попала въ затруднительное положеніе, принужденная бороться на два фронта. Этимъ и задумали воспользоваться польскіе патріоты и прогрессисты для того, чтобы свергнуть опеку Россіи и произвести преобразованія, способныя вывести Польшу изъ состоянія безсилія, въ которомъ она пребывала. Во главѣ нихъ стояли Игнатій Потоцкій, маршалокъ надворный Литовскій, князь Адамъ Черторыйскій, Станиславъ Малаховскій, коронный референдарій, и ксендзъ Гуго Коллонтай, референдарій литовскій. Послѣдній выпустилъ въ свѣтъ большой политическій трактатъ подъ заглавіемъ «Нѣсколько писемъ анонима къ коронному референдарію Станиславу Малаховскому о будущемъ сеймѣ», который сталъ символомъ вѣры прогрессивной партіи. Въ ряды этой партіи стала вся молодежь, воспитанная въ атмосферѣ новой школы, проникнутой идеями французской просвѣтительной литературы.

Вопросъ объ увеличеніи арміи и союзѣ съ Россіею. Надо сказать, что Россія сама до извѣстной степени толкнула патріотическую партію на избранный ею путь. Предъ самымъ началомъ турецкой войны король Станиславъ-Августъ при свиданіи съ Екатериною въ Каневѣ предложилъ ей помощь Рѣчи Посполитой въ предстоящей войнѣ съ Турціею, но съ условіемъ, что она согласится на увеличеніе польской арміи, усиленіе королевской власти и избраніе князя Станислава Понятовскаго наслѣдникомъ престола. Екатерина согласилась на заключеніе только оборонительнаго союза съ Польшею и на увеличеніе польской арміи, но категорически отказалась дать свое согласіе на измѣненіе польской конституціи. Для заключенія трактата съ Россіею и увеличенія войска она предложила созвать чрезвычайный сеймъ, при чемъ для приведенія къ успѣшному концу его совѣщаній императрица соизволяла на организацію конфедераціи. Такимъ образомъ выяснилось, что путемъ соглашенія съ Россіею нельзя ничего добиться, и патріоты рѣшились воспользоваться предстоящимъ сеймомъ для проведенія реформъ вопреки Россіи. Къ этому поощрила ихъ Пруссія своею декларацією, предъявленною вскорѣ послѣ открытія сейма.

Созывъ чрезвычайнаго сейма; прусская декларація. Это открытіе состоялось 6 октября 1788 года. Такъ какъ всѣ партіи желали, чтобы сеймъ принялъ рѣшеніе объ увеличеніи войска, то предъ открытіемъ сейма организовалась конфедерація, выставившая своимъ лозунгомъ католическую вѣру, цѣлость государства, республиканское устройство при существующихъ властяхъ и ихъ прерогативахъ, увеличеніе войска, опредѣленіе податей и введеніе различныхъ улучшеній во внутреннюю жизнь государства. Такимъ путемъ парализовалось liberum veto, и собравшійся сеймъ долженъ былъ постановлять свои рѣшенія по большинству голосовъ. На сеймѣ съ самаго начала взяла перевѣсъ патріотическая и прогрессивная партія, чему не мало способствовала нота Пруссіи. Прусскій посланникъ отъ имени своего правительства заявилъ протестъ противъ проекта польско-русскаго союза: этотъ де союзъ не можетъ быть направленъ противъ кого-либо, помимо Пруссіи, ибо ни Австрія, ни Турція не давали съ своей стороны никакихъ поводовъ ко враждѣ противъ нихъ Польши. Къ этому протесту Пруссія присоединила предостереженіе полякамъ не впутываться въ войну и предложеніе прусско-польскаго союза. Впечатлѣніе отъ этой деклараціи было огромное. Въ первый разъ одинъ изъ сосѣдей и участниковъ въ разборѣ Рѣчи Посполитой отозвался такъ рѣшительно противъ Россіи, въ такомъ благосклонномъ тонѣ по отношенію къ Польшѣ. Большинство сейма получило убѣжденіе, что насталъ конецъ русской опеки, что Польша стала хозяйкою у себя дома, и примкнуло къ патріотической партіи. Чтобы поддержать антирусское настроеніе поляковъ, Фридрихъ-Вильгельмъ выставилъ на границѣ съ Польшею корпусъ, готовый въ каждую минуту вторгнуться въ предѣлы Рѣчи Посполитой, если бы сеймъ остался глухъ къ его предостереженіямъ и предложеніямъ.

Упраздненіе постояннаго совѣта и его департаментовъ. Сеймъ началъ свою дѣятельность съ постановленія объ увеличеніи польской арміи до 100 т. человѣкъ. Послѣ того поднялся вопросъ о томъ, кому должно принадлежать начальство надъ этою арміею. Патріоты стали утверждать, что ни въ какомъ случаѣ нельзя отдавать начальство надъ этою арміею войсковому департаменту, какъ учрежденію, навязанному извнѣ и податливому на постороннія вліянія: войсковой департаментъ отдастъ де это войско въ распоряженіе Россіи. Большинство, увлеченное этими доводами и набравшись смѣлости благодаря прусской деклараціи, постановило упразднить войсковой департаментъ и учредить взамѣнъ его особую *войсковую комиссію*, общую для Польши и Литвы. Русскій посланникъ послѣ того вручилъ маршалкамъ сейма ноту съ угрозами за нарушеніе трактата. Эта нота заставила патріотовъ еще тѣснѣе сблизиться съ Пруссіею. По ихъ желанію, король Фридрихъ-Вильгельмъ вручилъ маршалкамъ новую декларацію, въ которой вопреки заявленіямъ русскаго посла разъяснялъ, что онъ считаетъ себя обязаннымъ гарантировать только независимость Польши и не признаетъ за собою права мѣшаться въ ея внутреннія дѣла, а наоборотъ—считаетъ себя обязаннымъ защищать полную свободу Польши въ этомъ отношеніи. Эта декларація повела патріотовъ къ новымъ покушеніямъ на государственный строй, гарантированный Россіею. Учреждена была депутація для завѣдыванья иностранными дѣлами изъ сенаторовъ, министровъ и сеймовыхъ пословъ, и такимъ образомъ департаментъ иностранныхъ дѣлъ сдѣланъ былъ лишнимъ. 19 января 1789 г. состоялось постановленіе, упразднявшее и самый Постоянный совѣтъ. На этотъ разъ Россія не заявила никакого протеста. Ея молчаніе объясняется внушеніями со стороны австрійскаго дипломата Кауница. Кауницъ былъ убѣжденъ, что Прусскій король нарочно разжигаетъ поляковъ противъ Россіи, для того чтобы вызвать вооруженное вмѣшательство Россіи и ея союзника—Австріи и самому воспользоваться этимъ случаемъ для занятія западныхъ воеводствъ. Поэтому Кауницъ рекомендовалъ и австрійскому представителю, и русскому двору терпѣніе и осторожность.

Установленіе постоянныхъ податей на содержаніе арміи. Послѣ упраздненія Постояннаго совѣта сейму предстояло изыскать средства на содержаніе 100-тысячной арміи, необходимой для обороны независимости государства, и обсудить устройство управленія. Вычислили, что на содержаніе арміи потребуется 40 милліоновъ злотыхъ. Эти деньги рѣшено было собрать такимъ образомъ: сеймъ постановилъ сбирать со старостъ двойную кварту, а въ первый годъ при полученіи старостъ $2^1/_2$ кварты съ эмфитеозъ, т.-е. съ бывшихъ іезуитскихъ имѣній, отданныхъ на вѣчную аренду, $3^1/_2$ кварты; съ духовенства сверхъ subsidium charitativum собирать $20^0/_0$ съ доходовъ, а съ шляхетскихъ имѣній $10^0/_0$ подъ именемъ «вѣчной жертвы». Сеймъ надѣялся такимъ путемъ собрать 36 милл., но обманулся въ этой надеждѣ: собралось только около половины этой суммы. Шляхта не обнару-

жила особой ревности въ принесеніи вѣчной жертвы на олтарь отечества и скрывала свои доходы. Сеймъ старался пополнить недоборъ постановленіями о сборѣ подымнаго въ полуторномъ размѣрѣ съ мѣщанъ, чоповаго съ вина, кожъ съ мясниковъ и т. д. Но въ концѣ концовъ обнаружилось, что Польша не въ состояніи содержать болѣе 65 т. войска.

Депутаціи сейма для выработки реформъ и военногражданскія комиссіи. Для выработки новаго государственнаго устройства сеймъ въ сентябрѣ 1789 г. выдѣлилъ изъ себя «депутацію для реформы управленія» подъ предсѣдательствомъ бискупа Краковскаго Красинскаго. Сотрудникомъ этой депутаціи вскорѣ явилась депутація по обсужденію мѣщанскаго вопроса. Толчкомъ, послужившимъ къ образованію этой послѣдней депутаціи, послужилъ съѣздъ мѣщанскихъ уполномоченныхъ, организованный президентомъ Старой Варшавы Декертомъ. На этомъ съѣздѣ постановлено было просить для мѣщанъ гарантіи Neminem captivabimus, права пріобрѣтенія земскихъ имѣній, доступа до свѣтскихъ и духовныхъ должностей, посылки представителей на сеймъ. Для обсужденія мѣщанскихъ требованій и постановленія по нимъ рѣшеній сеймъ и выдѣлилъ особую депутацію, которой рекомендовалъ сноситься въ нужныхъ случаяхъ съ депутаціею по реформѣ управленія. Такъ какъ выработка реформъ и введеніе ихъ требовали времени, сеймъ, не дожидаясь рѣшеній депутаціи, создалъ необходимые органы управленія въ областяхъ подъ именемъ военно-гражданскихъ комиссій (komisye porządkowe cywilno-wojskowe).

Союзъ Пруссіи съ Польшею и его вліяніе на работы депутацій; политическая публицистика. Работы депутацій пошли при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Пруссія заключила въ началѣ 1790 г. оборонительно-наступительный союзъ съ Турціею, а 29 марта оборонительный союзъ съ Польшею. По шестой статьѣ договора Прусскій король обязался защищать Польшу отъ вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла со стороны другихъ государствъ. Эта статья давала возможность сеймовой депутаціи начертывать планъ реформъ, не озираясь на Россію, придавала широкій размахъ ея преобразовательной работѣ. Въ этой работѣ депутаціи оказывала дѣятельную и живую помощь тогдашняя публицистика. Вслѣдствіе малочисленности періодическихъ изданій общественное мнѣніе выражалось главнымъ образомъ въ разнообразныхъ летучихъ листкахъ. Въ этихъ листкахъ затрагивались и рѣшались различные вопросы, стоявшіе на очереди дня въ формѣ ученыхъ статей, повѣстей, сатиръ, эпиграммъ и пасквилей. Большая часть этихъ листковъ выходила изъ кружка *Коллонтая*, который организовалъ своего рода канцелярію для выпуска этихъ памфлетовъ, прозванную его противниками «кузницею Коллонтая». Эта литература брошюръ и памфлетовъ касалась всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ реформы: замѣщенія королевскаго престола, организаціи войска, финансовъ, сословій и т. д. Самъ Коллонтай начерталъ полный проектъ реформы въ книгѣ «Политическое право Польскаго народа». Такой же проектъ представилъ *Сташицъ*

въ своихъ «Предостереженіяхъ Польшѣ» и анонимный авторъ «Политическихъ мыслей для Польши». Расходясь по второстепеннымъ пунктамъ, эти авторы сходились, однако, въ существенномъ,—требовали наслѣдственности королевскаго престола, уничтоженія liberum veto, уравненія въ правахъ шляхты и мѣщанства и реформы крестьянскихъ отношеній. Не одни, впрочемъ, прогрессисты выступали съ публичными заявленіями относительно государственнаго и общественнаго строя. И люди противной партіи—консерваторы выпускали памфлеты, въ которыхъ защищали мнимыя республиканскія вольности Польши: вольную элекцію, liberum veto и прерогативы шляхты, такъ что велась цѣлая полемика по поводу всѣхъ этихъ вопросовъ. На этомъ поприщѣ со стороны консерваторовъ выдались особенно гетманъ Северинъ Ржевускій и его племянникъ, каштелянъ Витебскій Адамъ Ржевускій. Но въ общемъ превозмогалъ голосъ прогрессистовъ, требовавшихъ коренного переустройства государственныхъ и сословныхъ отношеній, до положенія евреевъ включительно, которыхъ предлагали подчинить дѣйствію общихъ законовъ съ цѣлью уничтожить ихъ обособленность и ассимилировать по возможности съ остальнымъ населеніемъ. Пропаганда новыхъ взглядовъ велась не только въ печати, но и въ театрѣ и общественныхъ собраніяхъ. Въ Варшавѣ игралась комедія Юліана Урсина Нѣмцевича «Возвращеніе посла», которая осмѣивала шляхетскіе предразсудки и вызвала цѣлую бурю негодованія въ консервативныхъ сферахъ. Коллонтай организовалъ въ Варшавѣ политическій клубъ, въ составъ котораго вошли выдающіяся лица прогрессивной партіи на сеймѣ и внѣ онаго. Этотъ клубъ сдѣлался связующимъ звеномъ между сеймомъ и обществомъ и проводникомъ либеральныхъ идей и стремленій среди сейма и общества.

Кардинальныя права; отверженіе гарантій Россіи. Среди живѣйшаго общественнаго возбужденія происходила законодательная работа выдѣленной сеймомъ депутаціи. 5 августа 1790 г. представитель этой депутаціи бискупъ Красинскій внесъ на обсужденіе сейма выработанный ею проектъ *кардинальныхъ правъ*. Сеймъ прежде всего занялся тою статьею проекта, которая касалась цѣлости и независимости Рѣчи Посполитой, и постановилъ, что впредь ни одна часть Рѣчи Посполитой не можетъ быть отдана взамѣнъ или уступлена какому-либо государству. Вслѣдъ затѣмъ сеймъ объявилъ уничтоженіе гарантій Россіи 1768 и 1773 г., и постановленіе объ этомъ занесено въ число кардинальныхъ правъ. Не такъ единодушнымъ оказался сеймъ по вопросу объ избраніи короля. Консервативная партія выступила со всею энергіею противъ наслѣдственности польскаго престола, и сеймъ рѣшилъ опросить относительно этого пункта шляхту на сеймикахъ.

Пророгація и расширеніе состава сейма. Между тѣмъ истекалъ срокъ засѣданій чрезвычайнаго сейма, а вмѣстѣ съ этимъ прекращалась и конфедерація, завязанная съ тою цѣлью, чтобы провести на сеймѣ реформы по большинству голосовъ. Наступало время созыва очередного сейма.

Это обстоятельство грозило прогрессистамъ крушеніемъ всѣхъ ихъ плановъ. Составлялся новый контингентъ пословъ, не участвовавшихъ въ законодательной работѣ заканчивающейся сеймовой сессіи; на новомъ сеймѣ вступало въ силу liberum veto, которое давало возможность противникамъ реформъ парализовать всѣ стремленія прогрессистовъ. Вслѣдствіе этого прогрессисты внесли предложеніе — не распускать конфедерацію и чрезвычайный сеймъ, во исполненіе требованій закона избрать на сеймикахъ новый комплектъ пословъ и присоединить его къ старому комплекту. Это предложеніе было принято, и сеймъ такимъ образомъ былъ пророгированъ на новое двухлѣтіе въ двойномъ комплектѣ.

Постановленія о сеймикахъ и мѣщанахъ. 16 декабря 1790 г. новые послы соединились со старыми и по желанію короля подписали актъ конфедераціи. Пророгированный сеймъ ознаменовалъ свою законодательную дѣятельность прежде всего постановленіемъ о сеймикахъ 24 марта и о мѣстахъ 18 апрѣля. Первое постановленіе создало извѣстныя ограниченія по части участія въ шляхетскихъ сеймикахъ. Сеймъ 1768 г. подъ давленіемъ Рѣпнина вписалъ въ кардинальныя права Рѣчи Посполитой доступъ всей шляхтѣ на сеймики. Результатомъ этого было то, что сеймики наполнились убогою и темною толпою шляхты, которая выкрикивала все, что ей приказывали магнаты. Для уничтоженія этого охлократическаго элемента на сеймиковыхъ совѣщаніяхъ сеймъ постановилъ, что выборное право принадлежитъ только осѣдлой шляхтѣ, владѣющей имѣньями; на уряды и въ послы не могутъ избираться лица моложе 24 лѣтъ, а равно полушляхтичи (scartabelli) и лица, заочно осужденныя въ гражданскихъ дѣлахъ. Что касается мѣщанъ, то они сравнены были съ шляхтою въ слѣдующихъ отношеніяхъ: на нихъ распространена была гарантія Neminem captivabimus, имъ дано было право пріобрѣтать земскія имѣнья, открытъ былъ доступъ до духовныхъ и гражданскихъ должностей; ихъ занятія признаны были такими же почетными, какъ и занятія шляхты, такъ что шляхтичъ, взявшійся за ремесло или торговлю, не лишался уже своего шляхетскаго званія. Мѣщанамъ предъ каждымъ очереднымъ сеймомъ предоставлено было выбирать уполномоченныхъ для участія въ ассессорскомъ судѣ и коммиссіяхъ скарбовой и полицейской. Этимъ уполномоченнымъ предоставлялся рѣшающій голосъ въ дѣлахъ, касающихся мѣстъ и торговли, а въ другихъ — только совѣщательный. Они имѣли право дѣлать представленіе сейму о нуждахъ мѣщанъ. Кромѣ того облегчена была нобилитація мѣщанъ: шляхетство впредь должны были получать мѣщанскіе выборные, прослужившіе два года, владѣльцы земскихъ имѣній, съ которыхъ платится въ скарбъ 200 злотыхъ и болѣе, военные, дослужившіеся до чина капитана или ротмистра, гражданскіе чиновники, дослужившіеся до правителя канцеляріи; кромѣ того, предположено было на каждомъ сеймѣ нобилитировать 30 мѣщанъ, отличившихся на какомъ-либо общественномъ поприщѣ. Все это распространено было на мѣщанъ королевскихъ мѣстъ и на мѣщанъ

тѣхъ владѣльческихъ мѣстъ, которымъ владѣльцы пожалуютъ земли въ полную собственность и возьмутъ для нихъ отъ короля подтвердительный дипломъ.

Медленность работъ на сеймѣ и coup d'état; провозглашеніе конституціи 3 мая 1791 г. Законодательная работа все болѣе и болѣе затягивалась на сеймѣ благодаря спорамъ съ консерваторами и проискамъ русской партіи, которая постоянно сносилась съ преемникомъ Штакельберга—Булгаковымъ. Между тѣмъ политическій горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался тучами, и надъ Польшею готовилась разразиться гроза. Россія одержала рядъ блестящихъ побѣдъ надъ турками и заключила миръ съ Швеціей. Пруссія, дружившая съ Польшею въ намѣреніи добиться отъ нея уступки Данцига и Торна, послѣ постановленія сейма о нераздѣльности Рѣчи Посполитой, все болѣе и болѣе охладѣвала къ Польшѣ и не прочь была добиваться своей цѣли путемъ соглашенія съ сосѣдями Польши, помимо ея воли. Надобно было спѣшить съ окончаніемъ реформъ и введеніемъ новой конституціи во что бы то ни стало. Кружокъ прогрессистовъ, во главѣ котораго стояли Игнатій Потоцкій и ксендзъ Коллонтай, задумалъ составить поскорѣе проектъ новой конституціи, внесть его на сеймъ и провести цѣликомъ per acclamationem, безъ обсужденія. Въ заговоръ посвятили и короля Станислава-Августа. Проектъ предположено было внести въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій послѣ пасхальныхъ каникулъ. Прогрессисты разсчитывали, что консерваторы еще не успѣютъ съѣхаться въ большомъ количествѣ на сеймъ, и новая конституція легко пройдетъ большинствомъ голосовъ либеральныхъ депутатовъ, созванныхъ по спеціальному приглашенію. Планъ этотъ удался, и 3 мая состоялось на сеймѣ принятіе новой конституціи. Изъ 150 слишкомъ членовъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи, только одинъ сенаторъ—кн. Антоній Четвертинскій и 27 пословъ протестовали противъ новой конституціи и занесли свой протестъ въ Варшавскія гродскія книги.

Новое государственное устройство Польши. Въ чемъ же состояла конституція 3 мая, какіе ввела она новые законы и учрежденія? Господствующею религіею объявленъ былъ католицизмъ, и переходъ изъ него въ другое вѣроисповѣданіе былъ запрещенъ подъ страхомъ наказанія; всѣ другія вѣроисповѣданія объявлены были терпимыми и состоящими подъ охраною государства. Шляхтѣ оставлены были всѣ прежнія права и вольности; за мѣщанами утверждены были права, дарованныя имъ постановленіемъ 18 апрѣля; хлопы взяты были подъ охрану государства, но только въ отношеніи своихъ договоровъ съ владѣльцами. Конституція 3 мая не коснулась ихъ повинностей, не дала имъ личной свободы и не освободила ихъ отъ вотчинной юрисдикціи. Составители конституціи боялись, что значительныя уступки въ пользу хлоповъ слишкомъ задѣнутъ матеріальные интересы шляхты и вызовутъ съ ея стороны вооруженный протестъ. Кромѣ того, они меньше значенія придавали недостаткамъ об-

щественной организаціи, чѣмъ недостаткамъ политическаго устройства, въ которыхъ они усматривали главную причину немощи Рѣчи Посполитой. Вслѣдствіе этого авторы конституціи 3 мая внесли болѣе радикальныя измѣненія въ политическій строй, чѣмъ въ общественный. Въ составъ сейма они ввели съ совѣщательнымъ голосомъ мѣщанскихъ уполномоченныхъ. Сеймовые послы признаны были представителями не тѣхъ только мѣстностей, которыя ихъ выбирали, но всей Рѣчи Посполитой, и голосованіе на сеймахъ введено было по большинству, съ отмѣною liberum veto и конфедерацкихъ сеймовъ. Очередные сеймы должны были собираться по старому, черезъ два года; чрезвычайные сеймы должны были собираться черезъ 25 лѣтъ для обсужденія нужныхъ перемѣнъ въ конституціи; кромѣ того, въ экстренныхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, должны были собираться *готовые сеймы* изъ членовъ предшествующаго сейма, безъ сеймиковыхъ выборовъ. На предварительное обсужденіе сеймиковъ впредь должны вноситься только вопросы, касающіеся общихъ законовъ, а проекты частныхъ постановленій въ вопросахъ, касающихся войны и мира, займовъ и т. под., могутъ вноситься прямо на сеймъ, безъ предварительнаго сообщеній сеймикамъ. Проекты общихъ законовъ сначала обсуждаются въ посольской избѣ, которая затѣмъ пересылаетъ свое рѣшеніе въ сенаторскую избу. Если сенаторская изба утверждаетъ рѣшеніе, оно становится закономъ; отвергнутое рѣшеніе посольская изба можетъ принять на слѣдующемъ очередномъ сеймѣ, и тогда оно становится закономъ, даже безъ утвержденія сенаторской избы. Что касается частныхъ постановленій, то они проходятъ по большинству голосовъ, составившемуся изъ сложенія посольскихъ и сенаторскихъ голосовъ. Исполнительная власть предоставлена королю и его совѣту, получившему названіе оберегателя законовъ (straż praw). Польскій престолъ признанъ избирательнымъ только въ отношеніи къ династіямъ, а не лицамъ. Преемникомъ Станислава-Августа признанъ былъ саксонскій курфюрстъ, а послѣ его смерти мужъ его единственной наслѣдницы, а затѣмъ ихъ старшій сынъ, внукъ, правнукъ и т. д. За королемъ было признано право помилованія, распоряженія военными силами во время войны, назначеніе бискуповъ, свѣтскихъ сановниковъ и офицеровъ. За дѣйствія короля долженъ отвѣчать его совѣтъ, безъ согласія котораго онъ не можетъ издать ни одного распоряженія. Этотъ совѣтъ слагается изъ примаса, какъ предсѣдателя эдукаціонной комиссіи, и пяти назначенныхъ королемъ министровъ—полиціи, печати, войны, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ. Распоряженія короля и его совѣта выполняются особыми правительственными коммиссіями: эдукаціонной, полицейской, войсковой, финансовой и т. д. Въ малолѣтство короля, въ случаѣ его душевной болѣзни или плѣна учреждается регентство изъ министровъ по назначенію сейма подъ предсѣдательствомъ королевы или примаса. Это регентство должно давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ сеймомъ. Таковы существенныя черты новой конституціи. Особою «декларацією» сеймъ предписалъ всѣмъ

должностнымъ лицамъ и войску принести присягу новой конституціи, рекомендовалъ совершеніе благодарственнаго богослуженія 8 мая и постановилъ въ память событія воздвигнуть храмъ Божьяго Промысла.

Сочувствіе новой конституціи въ Польшѣ и за границею. Конституція принята была съ восторгомъ польскимъ обществомъ. Отовсюду присылались благодарственные адресы королю и сейму, пріѣзжали для поднесенія ихъ спеціальныя депутаціи. Шляхетская масса выразила свое отношеніе къ конституціи на сеймикахъ, созванныхъ въ февралѣ 1792 г.: за исключеніемъ четырехъ повѣтовъ, вся остальная шляхта присягнула конституціи и опредѣлила выслать депутаціи съ выраженіемъ благодарности королю и сейму. И за границею новая конституція была принята благосклонно. Она заслужила одобренія такихъ государственныхъ людей, какъ аб. Сіейсъ и Беркъ. Папа прислалъ польскому королю поздравленіе и особымъ бреве перенесъ на 3 мая національный польскій праздникъ св. Станислава. Король Прусскій выразилъ удовольствіе по поводу перемѣны государственнаго устройства въ Польшѣ и избраніе курфюрста Саксонскаго; австрійскій дипломатъ Кауницъ не только одобрилъ конституцію, но съ разрѣшенія императора Леопольда отправилъ въ Петербургъ депешу, въ которой склонялъ и Петербургскій дворъ къ признанію конституціи 3 мая. Наконецъ, въ августѣ 1791 г. король Прусскій и императоръ Леопольдъ съѣхались въ Пильницѣ и договорились между собою не мѣшаться во внутреннія дѣла Польши и не нарушать ея цѣлости и не домогаться руки наслѣдницы польскаго престола для какого-либо изъ своихъ принцевъ. Одна Россія сохраняла грозное молчаніе и не отвѣчала даже на депешу Кауница. Надо сказать, что поляки съ своей стороны сдѣлали все, чтобы внушить Россіи такой образъ дѣйствій. Польское правительство перестало даже соблюдать обычныя дипломатическія приличія въ отношеніи къ Россіи и не извѣстила оффиціально русское правительство о введеніи новой конституціи. Россію игнорировали самымъ вызывающимъ образомъ, и она въ свою очередь платила Польшѣ тою же монетою. Мало того, сеймъ перешелъ даже въ наступленіе по отношенію къ Россіи. По его иниціативѣ состоялся съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей дизунитовъ, и на этомъ съѣздѣ выработана была новая организація православной церкви въ Рѣчи Посполитой, независимая отъ Петербургскаго Синода и въ догматическихъ вопросахъ подчиненная Царьградскому патріархату. Такой образъ дѣйствій въ отношеніи къ могущественному сосѣду, имѣвшему притомъ не малую поддержку внутри Польши, нельзя не признать проявленіемъ политическаго недомыслія или легкомыслія. За это же приходится принять и тогдашнюю вѣру поляковъ въ безкорыстіе Пруссіи и Австріи, ихъ надежду на помощь этихъ государствъ въ борьбѣ съ Россіею и обусловленное этою надеждою нерадѣніе по части собственной готовности къ борьбѣ. Вызывая Россію, поляки не имѣли ни войска, ни денегъ въ должномъ количествѣ для веденія войны и наивно воображали, что ихъ защитятъ

Пруссія и Австрія. Событія вскорѣ принесли имъ самыя горькія разочарованія въ этомъ отношеніи.

Важнѣйшая литература.

Szujski J., Dzieje Polski, tom IV.

Bobrzyński M., Dzieje Polski w zarysie, tom II.

Kalinka W., Sejm czteroletni, tom I, cź. 1—2, tom II, cz. 1—2. Wyd. 4. Kraków 1895.

Smoleński W., Ostatni rok sejmu wielkiego. Wyd. 2. Kraków 1897.

Balzer Osw., Reformy społeczne i polityczne konstitucyi trzeciego maja. Kraków 1891.

Мякотинъ, Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ. СПБ. 1889.

XXIX.

Конецъ Польской Рѣчи Посполитой.

Происки консервативной партіи и вмѣшательство Россіи. Вожаки консервативной партіи, Щасный Потоцкій и Северинъ Ржевускій, пребывавшіе въ Вѣнѣ, послѣ провозглашенія конституціи 3 мая уѣхали въ Яссы и здѣсь завязали переговоры сначала съ Потемкинымъ, а потомъ съ Безбородко о ниспроверженіи порядка, введеннаго четырехлѣтнимъ сеймомъ. Когда объ этомъ получены были извѣстія въ Польшѣ, сеймъ постановилъ пригласить ихъ возвратиться въ отечество и принести присягу новой конституціи. Потоцкій и Ржевускій прислали дерзкій отвѣтъ, въ которомъ сеймъ называли заговоромъ, новую конституцію преступленіемъ и гробомъ вольностей. Вслѣдъ затѣмъ по приглашенію Екатерины они отправились въ Петербургъ, куда вскорѣ за ними прибылъ и гетманъ Браницкій подъ предлогомъ устройства имущественныхъ дѣлъ своей жены, наслѣдницы Потемкина. На совѣщаніи съ русскимъ правительствомъ было условлено завязать конфедерацію противъ новшествъ, введенныхъ четырехлѣтнимъ сеймомъ, и обратиться за помощью къ Россіи, гарантировавшей прежній строй Рѣчи Посполитой. При участіи генерала Попова составленъ былъ и самый актъ конфедераціи и обращенія ея къ Россіи, подъ которымъ подписалось 14 человѣкъ. Съ своей стороны русское правительство приготовило декларацію касательно вмѣшательства своего въ польскія дѣла. Декларація обвиняла послѣдній сеймъ въ нарушеніи

трактатовъ, въ негостепріимствѣ по отношенію къ русской арміи, въ преслѣдованіи русскихъ подданныхъ, въ незаконномъ извращеніи республиканскаго строя и т. д. и объявляла, что императрица, внимая желаніямъ конфедераціи большого числа поляковъ знатнаго рода и высокаго положенія, посылаетъ свои войска въ предѣлы Польши для возстановленія правъ и прерогативъ республиканскихъ. Эту декларацію русское правительство предъявило польскому министру иностранныхъ дѣлъ въ маѣ 1792 г., непосредственно послѣ того, какъ Франція объявила войну Австріи и, связавъ ее по рукамъ и ногамъ, предоставила свободу дѣйствія Россіи. Почти одновременно съ врученіемъ деклараціи 100 т. русскаго войска вступило въ предѣлы Польши.

Образованіе Тарговицкой конфедераціи; вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу. Вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ прибыли и вожаки консервативной партіи. 19 мая въ Тарговицѣ, мѣстечкѣ Брацлавскаго воеводства на р. Синюхѣ, они огласили составленный ранѣе актъ конфедераціи. По этому акту конфедераты соединялись подъ знаменемъ католической вѣры, равенства всей шляхты, а не только одной осѣдлой, цѣлости границъ государства и республиканской формы,—противъ наслѣдственности престола и конституціи 3 мая; для освобожденія Рѣчи Посполитой отъ угнетателей взывали къ помощи императрицы. Всѣхъ конфедератовъ, выступавшихъ отъ имени всего государства, было первоначально только 14.

Польша застигнута была врасплохъ этими событіями; противъ русской арміи она могла выставить только два отряда по 15 т. человѣкъ съ небольшимъ, которые естественно принуждены были отступать предъ непріятелемъ, подавлявшимъ ихъ численностью. Въ затруднительномъ положеніи Польша обратилась къ своему союзнику—Пруссіи. Но Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ спасать Польшу отъ послѣдствій введенія новой конституціи, сдѣланнаго безъ его вѣдома и участія. Тогда король Станиславъ-Августъ обратился къ самой Екатеринѣ и пытался умилостивить ее предложеніемъ польскаго престола цесаревичу Константину подъ условіемъ сохраненія конституціи 3 мая. Екатерина отвѣчала, что она не отступится отъ своего намѣренія, что ее можно умилостивить единственно покорностью и присоединеніемъ къ конфедераціи, составившейся въ Тарговицѣ. Станиславъ-Августъ исполнилъ желаніе императрицы и присоединился къ конфедераціи. Послѣ того маршалки сейма, записавъ протестъ противъ поступка короля, уѣхали за границу; ихъ примѣру послѣдовали Коллонтай, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе и другіе; а главнокомандующій польскими войсками, королевскій племянникъ Іосифъ Понятовскій, и около двухъ сотъ генераловъ и офицеровъ подали въ отставку. Войско осталось безъ вождей, и война такимъ образомъ кончилась сама собою. Русскія войска вступили безпрепятственно въ Варшаву и разставили караулы въ королевскомъ замкѣ. Канцлеръ Малахов-

скій получилъ приказъ не прилагать печати ни къ одному документу безъ разрѣшенія русскаго резидента Булгакова.

Отмѣна реформъ четырехлѣтняго сейма и торжество реакціи. По мѣрѣ того, какъ русскія войска двигались вглубь страны, возростала и конфедерація, составившаяся въ Тарговицѣ. Ея вожаки сгоняли шляхту по воеводствамъ и принуждали ее угрозами къ присоединенію къ конфедераціи. Въ началѣ сентября 1792 г. въ Брестѣ состоялся съѣздъ старшины «Наияснѣйшей конфедераціи обоихъ народовъ», на которомъ было постановлено отправить посольство къ императрицѣ съ изъявленіемъ благодарности за великодушную помощь и къ королю съ благодарностью за присоединеніе къ конфедераціи и съ просьбою совѣтовъ о возстановленіи республиканскаго устройства. Въ началѣ ноября 1792 г. старшина конфедераціи переѣхала въ Гродно, гдѣ намѣревалась созвать чрезвычайный сеймъ. Но еще ранѣе, чѣмъ собрался этотъ сеймъ, всѣ реформы четырехлѣтняго сейма были отмѣнены, упразднены были всѣ новыя магистратуры и подверглись преслѣдованіямъ вожаки прогрессистской партіи, къ которымъ предъявлены были обвиненія въ государственной измѣнѣ. Политическій клубъ прогрессистовъ былъ закрытъ и наступило господство крайней реакціи. Введенъ былъ полицейскій надзоръ за всѣми иностранцами, строгая цензура для книгъ, газетъ и журналовъ; нѣкоторые журналы либеральнаго направленія были закрыты; дѣятельность эдукаціонной коммиссіи была опорочена, и конфедерація стала хлопотать въ Римѣ о возстановленіи въ Польшѣ ордена іезуитовъ. Посланнику французскаго правительства, какъ революціоннаго, велѣно выѣхать изъ Польши и т. д. Конфедерація ознаменовала свое управленіе и разграбленіемъ государственныхъ имуществъ: ея вожаки брали огромныя жалованья, распоряжались доходами эдукаціонной коммиссіи, какъ своими и т. д.

Второй раздѣлъ Польши. Въ упоеніи своею побѣдою конфедерація не вѣдала ничего о переговорахъ, которые тѣмъ временемъ шли между Россіею и Пруссіею о новомъ раздѣлѣ Польши. Фридрихъ-Вильгельмъ, пользуясь тѣмъ, что Австрія потерпѣла пораженіе отъ французскихъ войскъ, вынудилъ у нея согласіе на занятіе Пруссіею Данцига, Торна и западныхъ воеводствъ Рѣчи Посполитой, послѣ чего обратился съ предложеніями въ этомъ смыслѣ къ Россіи. Россія съ своей стороны дала согласіе и 23 января 1793 года заключила съ Пруссіею конвенцію относительно новаго раздѣла Польши. Одновременно съ тѣмъ прусскій посланникъ Бухгольцъ увѣдомилъ польское правительство о вступленіи прусскихъ войскъ въ предѣлы Польши, мотивируя этотъ поступокъ распространеніемъ въ Польшѣ французскаго демократизма и необходимостью предохранить отъ заразы имъ Пруссію. Напрасно конфедерація въ отвѣтной нотѣ ссылалась на закрытіе политическаго клуба и мѣры, принятыя для подавленія революціоннаго духа, а также на опеку Россіи, совершенно достаточную для поддержанія легальнаго порядка; напрасно обращалась за помощью къ

Россіи, не вѣдая, что Пруссія дѣйствуетъ съ согласія Россіи. Въ концѣ марта 1793 г. Пруссія обнародовала оккупаціонный «патентъ», а Россія—оккупаціонную «публикацію» касательно занимаемыхъ ими земель съ приказомъ ихъ жителямъ принести присягу на подданство. Пруссія занимала Данцигъ и Торнъ, воеводства Гнѣзненское и Познанское, Калишское, Сѣрадзьское съ землею Велюнскою, Плоцкое, оба Куявскихъ съ землею Добринскою, части воеводствъ Краковскаго, Равскаго и Мазовецкаго—всего 1060 кв. миль; Россія занимала уголъ сѣверо-восточный Виленскаго воеводства, Минское, восточную часть Брестскаго и Волынскаго, Кіевское, Брацлавское и Подольское—всего около 4550 кв. м. На долю Польши оставалось всего около 3830 к. м. съ населеніемъ въ 4 милл. Причиною оккупаціи выставлялась необходимость подавленія распространяющагося въ Польшѣ революціоннаго духа и уменьшенія ея границъ.

Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой; союзъ съ Россіею и возстановленіе Штакельберговской конституціи. Послѣ того Россія и Пруссія потребовали созванія чрезвычайнаго сейма для «дружескаго» рѣшенія территоріальнаго вопроса. Только теперь вожаки конфедераціи увидали въ настоящемъ свѣтѣ положеніе вещей, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Щасный Потоцкій, канцлеръ Малаховскій, Северинъ Ржевускій и др. поспѣшили отстраниться отъ дѣлъ и даже эмигрировали за границу.

17 іюня 1793 г. собрался въ Гроднѣ послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Несмотря на то, что заступившій мѣсто Булгакова Сиверсъ постарался провести на него какъ можно болѣе сторонниковъ Россіи, дѣло не обошлось безъ сильныхъ протестовъ. Примѣръ подалъ самъ король Станиславъ-Августъ, который заявилъ, что онъ приступалъ къ Тарговицкой конфедераціи на основаніи ея акта, утверждавшаго цѣлость Рѣчи Посполитой, и потому несогласенъ на уменьшеніе ея границъ. За королемъ пошелъ и сеймъ, который объявилъ свое несогласіе на уступку земель и потребовалъ удаленія прусскихъ войскъ. Тогда Сиверсъ окружилъ залу засѣданій войскомъ, наложилъ секвестръ на королевскіе доходы и имѣнья наиболѣе видныхъ членовъ оппозиціи и сталъ угрожать сейму роспускомъ. Сеймъ уступилъ и выдѣлилъ делегацію для переговоровъ съ Петербургскимъ дворомъ, которая подписала проектъ русской оккупаціи. 17 августа 1793 года оккупацію санкціонировалъ и сеймъ. Гораздо долѣе упорствовалъ сеймъ, когда пришлось санкціонировать прусскую оккупацію. Подъ предлогомъ охраны короля отъ замышляющагося покушенія на его жизнь Сиверсъ окружилъ войскомъ залу сеймовыхъ совѣщаній, ввелъ офицеровъ и солдатъ въ самую залу и арестовалъ депутатовъ, которые сильнѣе другихъ ратовали противъ уступокъ Пруссіи. Несмотря на это сеймъ не сдавался. Когда 23 сентября маршалокъ сейма прочелъ проектъ трактата съ Пруссіею, содержащій требуемыя уступки, и спросилъ, согласны ли на него члены сейма, послѣдовало продолжительное гробовое молчаніе. Наконецъ, посолъ Краковскаго воеводства Іосифъ Анквичъ заявилъ, что молчаніе есть знакъ согласія,

и такимъ путемъ сеймовая делегація была уполномочена на подписаніе трактата съ Пруссіею.

На послѣднихъ засѣданіяхъ послѣдняго сейма заключенъ былъ союзъ съ Россіею и введенъ новый порядокъ управленія. Въ силу договора съ Россіею Польша обязывалась выставлять свои войска на помощь Россіи не заключать трактатовъ съ другими государствами безъ согласія Россіи, а Россія съ своей стороны гарантировала Польшѣ защиту и будущій правительственный строй. Этотъ строй былъ не чѣмъ инымъ, какъ реставраціею прежней Штакельберговской конституціи съ постояннымъ совѣтомъ въ роли центральнаго правительства. Эта конституція, впрочемъ, не вошла въ жизнь вслѣдствіе возстанія Костюшка и послѣдовавшаго вслѣдъ затѣмъ окончательнаго раздѣла Рѣчи Посполитой.

Возстаніе въ Краковѣ; Костюшко. Наиболѣе рьяные изъ патріотовъ думали о возстаніи уже во время сессіи Гродненскаго сейма. Они сносились съ военными и эмигрантами, пребывавшими въ Саксоніи, Гуго Коллонтаемъ и Игнатіемъ Потоцкимъ. Для возбужденія умовъ эмигранты выпустили въ Лейпцигѣ книжку подъ заглавіемъ «Объ установленіи и упадкѣ польской конституціи 3 мая», въ которой клеймили преступленіе Тарговицкихъ конфедератовъ и коварную политику дворовъ. Начальникомъ будущаго возстанія заговорщики намѣтили генерала Тадеуша Костюшка, выдававшагося своими военными способностями, энергіею и благородствомъ характера. Костюшко въ числѣ другихъ генераловъ вышелъ въ отставку въ то время, когда король Станиславъ-Августъ приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи, и послѣ отставки уѣхалъ за границу. Костюшко мечталъ о спасеніи Польши при помощи Франціи и ѣздилъ съ этою цѣлью въ Парижъ для переговоровъ съ тамошнимъ правительствомъ. Осенью 1793 года онъ былъ уже въ Саксоніи, гдѣ и принялъ предложенную ему эмигрантами диктатуру. Отсюда онъ черезъ своихъ эмиссаровъ разослалъ по всей Польшѣ грамоты съ приглашеніемъ къ поголовному вооруженію.

Эти грамоты попали какъ разъ въ то самое время, когда Постоянный Совѣтъ согласно постановленіямъ Гродненскаго сейма редуцировалъ польскую армію на 15 т. человѣкъ. Офицеры и солдаты, остававшіеся за штатомъ, были въ сильнѣйшемъ негодованіи, и они-то первые подняли знамя возстанія. Генералъ Мадалинскій собралъ свою бригаду, предназначенную къ упраздненію, и направился съ нею къ Кракову, гдѣ не было русскихъ войскъ и находился только мѣстный польскій гарнизонъ подъ начальствомъ генер. Водзицкаго. 23 марта 1794 года въ Краковъ прибылъ Костюшко. На слѣдующій день польское войско собралось на рынкѣ, куда около полудня прибылъ и Костюшку, привѣтствуемый криками огромной толпы народа. Войско присягнуло Костюшку, какъ высшему начальнику вооруженныхъ силъ, а Костюшко съ своей стороны далъ присягу пользоваться своею властью только для обороны цѣлости государства, для возстановленія его независимости и обезпеченія всеобщей свободы. Послѣ

того въ городской ратушѣ, гдѣ собрались выдающіеся обыватели воеводства Краковскаго, былъ составленъ актъ возстанія воеводства Краковскаго. Актъ гласилъ, что нижеподписавшіеся соединились для вытѣсненія иноземныхъ войскъ изъ Польши, возстановленія цѣлости границъ и освобожденія края отъ насилій и узурпацій чужеземцевъ и своихъ; для достиженія этихъ цѣлей они признаютъ наивысшимъ начальникомъ и заправителемъ возстанія Костюшка и учреждаютъ для помощи ему Высшій народный совѣтъ, который долженъ завѣдовать сборомъ податей и рекрутовъ, закупкою оружія и аммуниціи, сношеніями съ иноземными государствами и такъ далѣе.

Побѣда подъ Рацлавицами; возстаніе въ Варшавѣ и Вильнѣ. 4 апрѣля подъ Рацлавицами Костюшко разбилъ 5000 русскаго войска подъ начальствомъ генерала Денисова. Эта побѣда произвела огромное впечатлѣніе, и возстаніе стало быстро распространяться по странѣ. Скоро поднялась и Варшава. Въ Варшавѣ стоялъ русскій гарнизонъ въ 8000 человѣкъ, и кромѣ того около Варшавы находилось 1600 русскихъ солдатъ. Польскій гарнизонъ состоялъ изъ 3000 человѣкъ и, слѣдовательно, не могъ вступить въ борьбу съ русскимъ отрядомъ безъ поддержки населенія. Возбужденіемъ населенія къ возстанію занялись ксендзъ Іосифъ Мейеръ и портной Килинскій. Русскій посланникъ Игельстромъ, замѣнившій Сиверса, разузналъ о подготовляющемся возстаніи и задумалъ заблаговременно завладѣть арсеналомъ. Но комендантъ польскаго гарнизона Цихоцкій сообщилъ объ этомъ Мейеру, и тотъ рѣшился предупредить Игельстрома. Въ ночь съ 17 на 18-е апрѣля населеніе города Варшавы соединилось съ польскимъ войскомъ и напало на русскихъ солдатъ. Около 2000 изъ нихъ было убито, 1500 попались въ плѣнъ, а остальные отступили вмѣстѣ съ Игельстромомъ, бросившимъ въ Варшавѣ посольскую казну и архивъ. Подобное нападеніе пять дней спустя совершено было и въ Вильнѣ, при чемъ повстанцы повѣсили гетмана Симона Коссаковскаго, сторонника Россіи. Казнь Коссаковскаго подала сигналъ къ подобной же расправѣ съ русскими сторонниками въ Варшавѣ. Толпы черни подъ предсѣдательствомъ ксендза Мейера и Казимира Конопки, бывшаго секретаря Коллонтая, наполнили рынокъ и потребовали у властей наказанія измѣнникамъ. Власти уступили, и четверо лицъ, въ числѣ ихъ бискупъ Коссаковскій и Анквичъ, упоминавшійся ранѣе посолъ Гродненскаго сейма, были повѣшены.

Универсалъ объ освобожденіи крестьянъ. Между тѣмъ Костюшко всячески старался привлечь къ возстанію крестьянъ. Сначала онъ обратился къ панамъ съ просьбою вооружать хлоповъ и отправлять ихъ на театръ военныхъ дѣйствій. Послѣ битвы подъ Рацлавицами, въ которой принимали доблестное участіе 2000 хлоповъ, Костюшко объявилъ всѣмъ хлопамъ, находящимся въ ополченіи, увольненіе отъ барщины на все время службы, приказалъ мѣстнымъ властямъ опредѣлить размѣры повинностей крестьянскихъ семей, остававшихся дома, и взялъ всѣхъ вообще

крестьянъ подъ охрану государства. «Необходимо,—писалъ онъ,—дать почувствовать народу, что, сражаясь противъ общаго врага, онъ достигаетъ при этомъ улучшенія своей участи, что въ освобожденной отъ неволи Польшѣ онъ найдетъ болѣе счастливое положеніе, чѣмъ тамъ, гдѣ будутъ господствовать иноземцы». Чтобы доказать это дѣломъ, Костюшко 7 мая 1794 г. выдалъ универсалъ объ освобожденіи крестьянъ. Каждый крестьянинъ получалъ личную свободу и право переходить съ мѣста на мѣсто и селиться тамъ, гдѣ ему угодно, лишь бы только выплатилъ свою подать и долги владѣльцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянинъ признавался собственникомъ своей земли, съ которой панъ не могъ его согнать, если онъ исправно выполнялъ свои повинности. Воеводства, земли и повѣты дѣлятся на «дозоры», округи съ 2000 крестьянскихъ хозяйствъ; въ каждомъ дозорѣ устанавливается «дозорца» для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ и обратно.

Событія показали, что польскій правящій классъ слишкомъ поздно выступилъ съ этими мѣрами, клонившимися къ превращенію хлоповъ въ патріотовъ своего отечества. Чувство любви къ отечеству, вытравлявшееся систематически въ продолженіе многихъ вѣковъ рабства и угнетенія, не могло быть привито народной массѣ сразу, однимъ почеркомъ пера. Въ Польшѣ не произошло массоваго народнаго движенія для освобожденія отечества. Шляхта должна была защищать независимость государства почти одними своими силами, при незначительной помощи со стороны мѣщанства. Естественно, что въ концѣ концовъ она должна была потерпѣть полный разгромъ, тѣмъ болѣе, что къ русскимъ войскамъ вскорѣ присоединились прусскія.

Казни дѣятелей консервативной партіи. Мы не будемъ слѣдить за перипетіями дальнѣйшей борьбы, которая представляетъ интересъ главнымъ образомъ съ военной точки зрѣнія. Упомянемъ только о томъ, какъ отражались пораженія поляковъ на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. По мѣрѣ того, какъ росли неудачи поляковъ, возростала и злоба противъ тарговицкихъ конфедератовъ и русскихъ сторонниковъ, которымъ патріоты приписывали всѣ бѣдствія отечества. Послѣ капитуляціи Кракова толпа народа въ Варшавѣ, руководимая Конопкою, потребовала отъ властей казни нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей консервативной партіи, уже сидѣвшихъ въ заключеніи. Когда власти отказали, толпа ворвалась сама въ тюрьмы и повѣсила бискупа Мосальскаго, бывшаго президента эдукаціонной комиссіи, кн. Антонія Четвертинскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Затѣмъ, когда уже русскія и прусскія войска подошли къ Варшавѣ, народная ярость обрушилась на примаса, Михаила Понятовскаго, котораго молва обвиняла въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ непріятелями. Народъ приготовилъ уже для него висѣлицу, но примасъ поспѣшилъ самъ умереть, какъ говорили тогда, по совѣту короля.

Третій раздѣлъ Польши. Послѣднимъ актомъ польской трагедіи былъ штурмъ Праги Суворовымъ, капитуляція Варшавы, отреченіе Станислава-

Августа отъ престола и окончательный раздѣлъ Польши въ 1795 г. Россія получила Литву, Жмудь и западную часть воеводства Волынскаго и Брестскаго; Австрія—пространство между Пилицею, Вислою и З. Бугомъ, т.-е. Краковское, Сандомирское, Люблинское, Подляшское и часть Мазовецкаго воеводства, Пруссія—воеводство Мазовецкое и западную часть Троцкаго.

Такъ кончила свое существованіе Польская Рѣчь Посполитая. Какія причины обусловили ея паденіе? Причины эти коренились въ особенностяхъ ея организаціи и историческомъ воспитаніи польскаго общества. Это государство не сплотилось тѣсно, а представляло изъ себя собственно федерацію областей или шляхетскихъ республикъ воеводствъ. Въ этомъ государствѣ не выработалось сильной и авторитетной центральной власти, не было достаточнаго количества финансовыхъ средствъ и войска. Это государство, какъ уже было сказано, всецѣло предоставлено было въ своемъ существованіи гражданскимъ добродѣтелямъ своего общества. Но этихъ добродѣтелей не пріобрѣтали ни высшій классъ общества — шляхта, ни низшіе — мѣщанство и крестьянство; первый потому, что, поработивъ народную массу, создалъ вокругъ себя атмосферу бездѣлья и барства, въ которой растрачивалъ физическія, умственныя и нравственныя, силы, а послѣдніе потому, что были загнаны и забиты и не имѣли случаевъ испытывать на себѣ благодѣянія національныхъ порядковъ.

Важнѣйшая литература.

Соловьевъ С. М., Исторія паденія Польши. Москва 1863.

Костомаровъ Н., Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. СПБ. 1870.

Иловайскій Д. И., Гродненскій сеймъ 1793. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Москва 1870.

Карѣевъ Н. И., «Паденіе Польши» въ исторической литературѣ СПБ. 1888.

Bartoszewicz K., Dzieje insurrekcyi Kościuszkowskiej. Wiedeń 1909.

Kukel M., Proby powstancze po trzecim rozbiorze. Warszawa 1912.

XXX.

Борьба поляковъ за независимость въ союзѣ съ Франціею; княжество Варшавское и его судьба.

Существованіе особаго Польскаго государства при всѣхъ недостаткахъ его внутренняго строя все-таки обезпечивало польскому народу свободу національнаго развитія. Съ паденіемъ этого государства и раздѣломъ его

территоріи и населенія между сосѣдями стала угрожать опасность существованію самой польской народности, какъ особаго этнографическаго и культурно-историческаго типа. Въ наибольшей степени проявилась эта опасность въ коренной Польшѣ, на территоріяхъ, бывшихъ исконнымъ достояніемъ польскаго народа, и въ наименьшей степени на территоріяхъ, гдѣ поляки были позднѣйшими пришельцами, и гдѣ они составляли меньшинство населенія, т.-е. въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Польскія области подъ владычествомъ Россіи при Екатеринѣ II; политика государственнаго объединенія. Бѣлоруссія, Малороссія (за исключеніемъ Галиціи) и Литва съ Курляндіею, какъ уже сказано, достались на долю Россіи. Изъ нихъ послѣдовательно, послѣ нѣсколькихъ перекроекъ, образованы были при Екатеринѣ II, Павлѣ I и Александрѣ I нынѣшнія губерніи: Могилевская, Витебская, Минская, Виленская, (включавшая и Ковенскую), Гродненская, Курляндская, Волынская и Подольская. Екатерина въ новоприсоединенныхъ провинціяхъ стала неуклонно проводить политику государственнаго объединенія ихъ съ имперіей. Всѣмъ дворянамъ и духовенству предписано было принести присягу на русское подданство; у отказавшихся конфискованы были ихъ земельныя имущества и розданы были частью даромъ, частью за деньги русскимъ сановникамъ и дворянамъ; введены были съ нѣкоторыми видоизмѣненіями русскія губернскія учрежденія; распространено было на новыя земли и дѣйствіе жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 года. Въ цѣляхъ болѣе тѣснаго соединенія новопріобрѣтенныхъ провинцій съ имперіею Екатерина измѣнила соотвѣтственнымъ образомъ положеніе католической церкви. Во главѣ католической іерархіи она поставила преданнаго Россіи человѣка Станислава Богуша Сестшеньцевича съ титуломъ архіепископа Могилевскаго. Открытая имъ въ Могилевѣ католическая духовная семинарія съ преподаваніемъ русскаго языка должна была подготовлять пастырей, преданныхъ новому отечеству. Католическимъ епископамъ было запрещено непосредственно сноситься съ папскою куріею, держать въ своихъ епархіяхъ заграничныхъ священниковъ и тѣхъ, которые не принесли присяги на подданство. Екатерина приняла всѣ мѣры къ возсоединенію русскихъ уніатовъ съ православною церковью. Архіепископъ Бѣлорусскій Георгій Конисскій и Минскій Садковскій обратили въ православіе большую часть уніатовъ, вслѣдствіе чего Екатерина особымъ указомъ упразднила всѣ уніатскія епископства, кромѣ архіепископства Полоцкаго.

Но принимая всевозможныя мѣры къ болѣе тѣсному соединенію бывшихъ частей Рѣчи Посполитой съ Россіею, Екатерина въ то же время не посягала на національныя особенности мѣстнаго населенія. Назначая русскихъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, она наказывала имъ ладить съ польскимъ дворянствомъ и духовенствомъ. Вводя губернскія учрежденія, она разрѣшала дворянству въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ пользоваться польскимъ языкомъ и прежними законами. Подчиняя като-

лическую іерархію государственной власти, Екатерина сохранила въ Бѣлоруссіи іезуитовъ, къ которымъ не изсякли симпатіи въ польско-католическомъ населеніи. Политика Екатерины заключалась въ томъ, чтобы, по возможности никого не раздражая, провести тѣснѣйшее соединеніе новыхъ провинцій съ имперіей. Политика эта имѣла несомнѣнный успѣхъ. Когда въ 1780 году Екатерина предприняла путешествіе по Бѣлоруссіи, польское дворянство новоприсоединенныхъ областей встрѣчало ее восторженно. Польская дворянская молодежь охотно поступала въ гвардейскіе полки; чиновники, состоявшіе на службѣ Рѣчи Посполитой, охотно шли въ новыя русскія учрежденія. Вынужденная силою обстоятельствъ принять участіе въ окончательныхъ раздѣлахъ Польши и уничтоженіи самостоятельнаго Польскаго государства, Екатерина вовсе не задавалась мыслью объ искорененіи польской народности.

Благосклонная къ полякамъ политика Павла I и Александра I. Павелъ I не одобрялъ раздѣла Польши, но при всемъ томъ не считалъ возможнымъ измѣнить то, что уже было сдѣлано. Возвращая генералу Костюшко свободу, онъ говорилъ ему: «я всегда былъ противъ раздѣла Польши, признавая его дѣломъ настолько же несправедливымъ, какъ и неполитичнымъ. Но теперь это уже совершившійся фактъ. Для возстановленія Польши необходимо содѣйствіе и согласіе со стороны трехъ державъ на возвращеніе отобранныхъ частей: но представляется ли возможнымъ, чтобы Австрія и въ особенности король Прусскій отдали свои доли? Не могу же я одинъ отдать принадлежащую мнѣ часть и ослабить себя въ то время, когда они усилились. Это невозможно. Развѣ я одинъ обязанъ объявить имъ войну, чтобы ихъ къ тому принудить? Это представляется еще менѣе возможнымъ. Имперія моя крайне нуждается въ мирѣ. Итакъ, вы видите, что вамъ слѣдуетъ подчиниться обстоятельствамъ и оставаться спокойными». Послѣдняя фраза какъ будто бы указываетъ, что Павелъ не считалъ польскій вопросъ рѣшеннымъ окончательно и безповоротно. Лично онъ всячески старался облегчить положеніе поляковъ въ русскомъ «заборѣ». Онъ освободилъ вождей польскаго возстанія, даровалъ амнистію всѣмъ полякамъ, участвовавшимъ «въ замѣшательствѣ», короля Станислава-Августа переселилъ изъ Гродна въ Петербургъ и дружески обходился съ нимъ и, наконецъ, реставрировалъ нѣкоторые польскіе порядки въ мѣстномъ управленіи. Указомъ 1797 и 1798 годовъ предписывалось «для суда и расправы возстановить въ Литовской губерніи существовавшіе по правамъ тамошнимъ суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе и надъ ними бывшій литовскій трибуналъ, подъ именованіемъ главнаго литовскаго суда»; всѣ члены этихъ судовъ должны были избираться тамошнимъ обществомъ (т.-е. шляхтою) и представляться на утвержденіе государя, «какъ по правамъ установлено». Подобное же распоряженіе сдѣлано было и относительно малороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерній. Возстановлены были должности маршалковъ повѣтовыхъ (вмѣсто предводителей дворянства) и хоружихъ, которые

должны были избираться «изъ людей достойныхъ и заслуженныхъ на основаніи правъ и установленій тамошнихъ». Для выбора повѣтовыхъ чиновъ и депутатовъ въ главные суды (т.-е. литовскій трибуналъ и кіевскій главный судъ) дворянству повелѣвалось собираться ежегодно на сеймики. Въ судахъ разрѣшалось пользоваться польскимъ языкомъ съ россійскимъ переводомъ, вслѣдствіе чего правительство требовало назначенія въ секретари лицъ, знающихъ польскій языкъ и мѣстное право. Павелъ показалъ свою благосклонность и къ католической церкви въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ: Могилевскаго архіепископа Сестшеньцевича онъ возвелъ въ митрополиты римско-католической церкви Россійской имперіи и выхлопоталъ ему въ Римѣ званіе кардинала, увеличилъ число епископскихъ каѳедръ, учредилъ въ Петербургѣ спеціальный департаментъ «для римско-католицкихъ юстицкихъ дѣлъ» подъ предсѣдательствомъ архіепископа Могилевскаго; отдалъ въ завѣдываніе іезуитовъ главную Виленскую школу и всѣ учебныя заведенія въ русскомъ «заборѣ», возвратилъ всѣ фундуши іезуитскаго ордена, и, наконецъ, возстановилъ двѣ уніатскія епархіи, подчинивъ ихъ департаменту католическихъ духовныхъ дѣлъ.

Александръ I продолжалъ политику отца въ отношеніи къ полякамъ. Онъ приблизилъ къ себѣ князя Адама Чорторыйскаго и сдѣлалъ его попечителемъ Виленской главной школы, переименованной въ университетъ, и учебнаго округа, въ составъ котораго вошли всѣ литовскія, бѣлорусскія и малорусскія области Рѣчи Посполитой, доставшіяся Россіи. Вся дѣятельность Чорторыйскаго и его помощниковъ—Чацкаго (визитатора или ревизора школъ), Снядецкаго (ректора университета) и др. была направлена на укрѣпленіе польскаго сознанія въ населеніи этого обширнаго района, который поляки считали «Польшею». Виленскій университетъ сталъ очагомъ польскаго просвѣщенія и полонизаціи края, населеннаго преимущественно русскими и литовцами. Александръ такъ же, какъ и отецъ, оказывалъ благоволеніе и католической церкви. Онъ возвелъ Полоцкаго уніатскаго архіепископа Лисовскаго въ званіе митрополита, преобразовалъ департаментъ католическихъ духовныхъ дѣлъ въ такъ называемую духовную коллегію, раздѣленную на двѣ независимыхъ другъ отъ друга секціи—латинскую и уніатскую, учредилъ новую уніатскую епархію—Виленскую и т. д. Но такъ же, какъ и отецъ, онъ до поры до времени считался съ «совершившимся фактомъ» и, относясь несомнѣнно отрицательно къ раздѣлу Польши, не думалъ серьезно объ ея возстановленіи.

Въ общемъ приходится признать, что подъ скипетромъ русскаго императора полякамъ не угрожала опасность потерять своей народности. «Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—свидѣтельствуетъ одинъ волынскій помѣщикъ,—теперь намъ лучше, чѣмъ въ польское время; въ значительной мѣрѣ мы имѣемъ все, что давала намъ отчизна, но мы не несемъ тяготъ и опасностей Уманьской рѣзни, и хотя безъ Польши, мы находимся въ Польшѣ и остаемся поляками».

Но этого не могли сказать поляки, очутившіеся подъ скипетромъ Габсбурговъ и въ особенности Гогенцоллерновъ.

Положеніе польскихъ областей подъ владычествомъ Габсбурговъ; политика государственнаго объединенія и онѣмеченія края. Земли, доставшіяся Австріи по первому раздѣлу, вошли въ ея составъ подъ именемъ особаго *королевства Галиціи и Лодомеріи* и составили одну административную единицу. Управленіе въ этомъ «королевствѣ» было организовано по одному типу съ другими «королевствами и землями» Габсбургской короны. Во главѣ стояло бюрократическое учрежденіе—*губерніумъ* въ Львовѣ изъ губернатора и нѣсколькихъ совѣтниковъ, которые и правили фактически краемъ. По аналогіи съ другими «королевствами» Марія-Терезія патентомъ 1775 года учредила въ Галиціи *постулатовый сеймъ* (ландтагъ). Въ составъ его входили лично магнаты, т.-е. князья, графы и бароны (Марія-Терезія подтвердила княжескіе титулы и разрѣшила прежнимъ воеводамъ, каштелянамъ и старостамъ гродовымъ ходатайствовать о графскомъ званіи, а повѣтовымъ урядникамъ о баронскомъ), архіепископы, епископы и всѣ митрофорные духовные какъ римскаго, такъ и греческаго обряда, а изъ остальнаго рыцарства (простая шляхта, прелаты и каѳедральные каноники) тѣ, которые платили 300 злотыхъ въ годъ доминикальной подати, и наконецъ два депутата отъ города Львова. Этотъ сеймъ, созываемый ежегодно, долженъ былъ выслушивать требованія (постулаты) монарха и обсуждать, какъ ихъ исполнить, не имѣя права обсуждать, подлежатъ ли они исполненію; кромѣ того, ему было предоставлено право черезъ губернатора обращаться къ монарху съ покорными представленіями и нижайшими просьбами. Въ качествѣ исполнительнаго органа при сеймѣ учреждался сословный комитетъ (wydział stanowy) изъ четырехъ магнатовъ и четырехъ рыцарей по выбору сейма подъ предсѣдательствомъ губернатора. Онъ долженъ былъ приводить въ исполненіе требованія монарха по указанію сейма, раскладывать подати, завѣдывать фондами на сооруженіе общественныхъ дорогъ и т. д. Но ни сеймъ, ни комитетъ на дѣлѣ не имѣли никакого значенія и почти не функціонировали. Правили чиновники большею частью изъ нѣмцевъ и чеховъ.

Іосифъ II и въ Галиціи проводилъ всѣ тѣ реформы, которыя имѣли цѣлью сгладить всѣ мѣстныя особенности, все нивеллировать, привести къ единообразію. Онъ навязалъ польскимъ землямъ уголовный и гражданскій кодексъ, принятый въ другихъ австрійскихъ провинціяхъ, ввелъ въ оффиціальное дѣлопроизводство вмѣсто польскаго латинскій и нѣмецкій языки, распространилъ на Галицію свой патентъ о вѣротерпимости со всѣми его послѣдствіями, столь тягостными для католической церкви, упразднилъ много католическихъ монастырей, распространилъ на Галицію свои крестьянскія реформы и, наконецъ, уравнялъ галиційскіе города въ отношеніи законовъ и организаціи съ прочими австрійскими городами. При немъ явно выступили и чисто германизаторскія стремленія австрійскаго

правительства. Въ государственныя и іезуитскія имѣнія Галиціи привлекались нѣмецкіе колонисты, получавшіе земли въ собственность съ казённымъ инвентаремъ, освобожденіемъ на нѣсколько лѣтъ отъ податей и военной службы. Образованъ былъ особый колонизаціонный фондъ для содѣйствія нѣмецкой колонизаціи не только на государственныхъ, но и на частныхъ земляхъ. Германизаторскія цѣли сказывались и въ школьномъ дѣлѣ. Въ среднихъ школахъ, имѣвшихъ въ виду главнымъ образомъ, подготовленіе чиновниковъ, преподаваніе должно было вестись на нѣмецкомъ языкѣ. Основанный въ 1784 году Львовскій университетъ съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ поставленъ былъ подъ опеку правительственной власти: были указываемы книги, по которымъ профессора должны были вести преподаваніе; деканы должны были давать правительству отчетъ о дѣятельности факультетовъ и т. д.

Такая же политика проводилась позже и во второмъ австрійскомъ «заборѣ», получившемъ названіе *Новой* или *Западной Галиціи.* Между прочимъ въ 1801 году главная Краковская школа была переустроена по образцу австрійскихъ университетовъ. Польскихъ профессоровъ замѣнили нѣмецкіе поборники централизаціи и германизаціи. Въ 1805 году съ Краковскимъ университетомъ былъ соединенъ и Львовскій, а въ Львовѣ былъ устроенъ лицей для преподаванія богословія, юридическихъ и философскихъ наукъ.

Экономическое изнуреніе Австрійской Польши. Тягость всей этой ломки прежняго уклада жизни усугублялась для мѣстнаго населенія разорительными налогами и притѣсненіями нѣмецкаго чиновничества. Правительство собирало съ частновладѣльческихъ имѣній налоговъ въ полтора раза больше, чѣмъ самъ владѣлецъ получалъ дохода. Кромѣ прямыхъ налоговъ, населеніе обременяли еще налоги косвенные—таможенные, гербовые и др. Правительственная монополія на соль, табакъ, спички, порохъ и др. способствовала вздорожанію предметовъ первой необходимости. Чиновники, набранные преимущественно изъ нѣмецкихъ и чешскихъ отбросовъ, нагло и оскорбительно обращались съ шляхтою, налагали на нее произвольные штрафы, сѣяли ненависть среди низшихъ классовъ общества къ высшимъ своими безтактными выступленіями и вмѣшательствами. Поэтому изъ устъ польской шляхты, попавшей подъ власть Габсбурговъ, мы слышимъ иные голоса, чѣмъ изъ областей подъ русскимъ владычествомъ. Въ 1790 году, когда на престолъ вступилъ Леопольдъ II, группа галиційской аристократіи обратилась къ императору съ адресомъ, въ которомъ подвергла суровой критикѣ управленіе Галиціей. «Земледѣліе,—читаемъ здѣсь,—эта самая вѣрная опора экономическаго развитія всякой страны, тѣмъ болѣе земледѣльческой, въ Галиціи упало. Населеніе ея явно уменьшается съ каждымъ днемъ, деньги текутъ изъ страны за границу, проценты при заключеніи займовъ подымаются, а цѣнность имуществъ падаетъ... Подати такъ высоки, что превышаютъ чистый доходъ

съ имуществъ, а косвенные налоги отнимаютъ самое послѣднее. Польская народность унижена: она не составляетъ интегральной части государства, но оказывается въ положеніи второстепенной, подчиненной господствующему народу. Помѣщикъ, отстраненный отъ всякаго участія въ управленіи, оказался какимъ-то иностранцемъ на собственной своей землѣ и лишенъ способа съ честью служить своей родинѣ или исполнять свои высшія обязанности по отношенію къ странѣ и монарху. Еще немного, и управленіе всѣми дѣлами какъ частными, такъ и общественными перейдетъ въ руки иностранцевъ, такъ какъ въ судебныхъ учрежденіяхъ введенъ языкъ, котораго мы не знаемъ не по нашей винѣ. Сословія (т.-е. сеймы) превратились лишь въ призракъ народнаго представительства, фактически уничтоженнаго; они организованы такъ неправильно, что не въ состояніи даже принести къ стопамъ трона выраженія жалости и отчаянія всего народа».

Польскія земли подъ владычествомъ Пруссіи; политика угнетенія и онѣмеченія. Едва ли не хуже должны были чувствовать себя поляки, оказавшіеся въ прусскомъ «заборѣ». Земли, доставшіяся Пруссіи по первому раздѣлу, получили названіе Западной Пруссіи по второму и третьему— Южной Пруссіи, Новой Восточной Пруссіи и Новой Силезіи. Чтобы удержать ихъ въ должномъ повиновеніи, прусское правительство немедленно примѣнило къ нимъ систему круговой отвѣтственности. Патентъ о поддержаніи порядка и спокойствія, изданный въ августѣ 1796 года, возлагалъ на землевладѣльцевъ отвѣтственность за подданныхъ, которые окажутся бунтовщиками, а съ другой стороны требовалъ, чтобы подданные доносили на своихъ господъ, возбуждающихъ подозрѣніе. Епископамъ, деканамъ и настоятелямъ монастырей патентъ грозилъ секвестромъ доходовъ и отнятіемъ должностей, если ихъ подчиненные окажутся участниками заговоровъ, и болѣе тяжкими карами, если они сами окажутся виновными въ укрывательствѣ и соучастіи; учрежденіямъ—капитуламъ, монастырямъ и другимъ корпораціямъ патентъ угрожалъ окончательнымъ закрытіемъ и секвестромъ ихъ имуществъ за участіе ихъ членовъ въ бунтовщическихъ дѣяніяхъ. Въ цѣляхъ обезпеченія спокойствія края прусское правительство старалось всячески отдѣлаться отъ безземельной и малоземельной шляхты, представлявшей наиболѣе безпокойный элементъ въ странѣ. Каждый неосѣдлый шляхтичъ обязанъ былъ до истеченія шести недѣль по опубликованіи патента явиться къ подлежащей власти и сообщить ей, желаетъ ли онъ оставаться въ краѣ или выѣхать за границу. Отъѣздъ всячески поощрялся, а пріѣздъ затруднялся паспортными и другими формальностями. Прежніе свободные переѣзды мелкой шляхты отъ одного магната къ другому были воспрещены.

Цѣлью своей политики въ отношеніи къ польскимъ областямъ прусское правительство прямо и откровенно поставило полное сліяніе всѣхъ этихъ новыхъ «Пруссій» съ старою. Въ правительственныхъ заявленіяхъ на разные лады повторялось одно и то же: diese Provinzen müssen deutsch

werden. Соотвѣтственнымъ образомъ устроено было и управленіе этихъ провинцій. По образцу другихъ прусскихъ провинцій онѣ получили своихъ *президентовъ* изъ служилой прусской знати. Каждая провинція подѣлена была на *департаменты*, каждый департаментъ—на *повѣты*. *Камера* въ департаментѣ и *ландратъ* въ повѣтѣ исполняли административныя обязанности; *регенція* въ департаментѣ и *судебная комиссія* въ повѣтѣ отправляли гражданскій и уголовный судъ. Управленіе и судъ поручены были нѣмецкимъ чиновникамъ; оффиціальнымъ языкомъ былъ признанъ языкъ нѣмецкій. Въ каждой регенціи должны были засѣдать три поляка, знающихъ языки нѣмецкій, французскій и латинскій; но они имѣли лишь совѣщательный голосъ по дѣламъ, гдѣ требовалось знаніе прежнихъ польскихъ законовъ. Въ 1797 году, впрочемъ, уничтожена была обязательная сила большинства польскихъ законовъ, и введено было прусское земское право (Landrecht); только въ дѣлахъ, касающихся наслѣдства, церковныхъ десятинъ и чиншей дозволено было руководствоваться польскимъ правомъ. Въ повѣтовой судебной комиссіи долженъ былъ находиться одинъ полякъ, но только какъ переводчикъ и хранитель архива.

Подъ пяту нѣмецкаго чиновничества подогнуты были выш всѣхъ польскихъ сословій. Камера черезъ своихъ коммиссаровъ руководила выборами епископовъ, прелатовъ и другихъ начальниковъ церковныхъ учрежденій, приводила священниковъ къ присягѣ на вѣрноподданничество, давала инструкціи относительно моленій за короля и т. д. Регенція судила духовныхъ лицъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Земельныя имущества католическаго духовенства были взяты въ собственность казны, которая уже отъ себя выдавала духовенству часть доходовъ съ этихъ имуществъ; десятины и платы за требы духовенство должно было получать по правительственной таксѣ. Всѣ эти мѣры клонились къ тому, чтобы превратить духовенство въ прусскихъ чиновниковъ. Для поддержанія лойяльности въ шляхтѣ наложены были различныя ограниченія на ея землевладѣніе. Шляхтичи, не имѣвшіе земельной собственности въ моментъ присоединенія польскихъ земель къ Пруссіи, могли пріобрѣтать ее только по полученіи такъ называемаго «инколата», т.-е. особаго разрѣшенія на проживаніе въ области. Наслѣдство, духовное завѣщаніе, дарственная запись не давали права владѣнія земельною собственностью, если не было инколата или королевскаго соизволенія. Акты купли-продажи имѣній не имѣли значенія безъ утвержденія регенціи, которая должна была давать это утвержденіе послѣ справокъ у полиціи о новомъ пріобрѣтателѣ. Не уничтожая вотчиннаго суда и полиціи для владѣльческихъ крестьянъ, правительство обязало шляхту отправлять суды въ имѣньяхъ черезъ особыхъ юстиціаріевъ, а полицейскія функціи черезъ солтысовъ, назначаемыхъ владѣльцами по соглашенію съ ландратомъ. Подъ власть чиновничества попали и города. Королевскіе города потеряли право избранія своихъ должностныхъ лицъ и подчинены были камерамъ, которыя вмѣшивались

во всѣ внутренніе распорядки городской жизни; въ частныхъ городахъ должны были функціонировать бурмистры, также назначенные камерою, при содѣйствіи низшихъ чиновниковъ по выбору владѣльцевъ или населенія.

Но не только общественная, но и частная, домашняя, и духовная жизнь польскаго общества взяты были подъ опеку и руководство прусскаго чиновничества. Отдѣльными распоряженіями учили обывателей, какъ пасти скотъ, держать въ порядкѣ деревенскихъ собакъ, лечить бѣшенство; подъ угрозою денежнаго штрафа или ареста запрещали при свѣтѣ лучины молотить хлѣбъ, теребить ленъ и коноплю; запрещали деревенскіе праздники сбора пера птицъ и посидѣлки прялокъ; опредѣляли, какой трауръ и сколько времени должны носить: жена по мужѣ, дѣти по родителямъ, по дѣдамъ и вообще родственникамъ, наслѣдники по завѣщателямъ. Для охраны общества отъ вредныхъ вліяній была учреждена цензура для всѣхъ произведеній печати, независимо отъ ихъ содержанія. Цензура книгъ и сочиненій, касающихся мѣстной администраціи, экономіи и медицины, была поручена камерѣ, прочихъ печатныхъ произведеній—регенціи. Опубликованіе сочиненія безъ разрѣшенія цензуры влекло за собою денежный штрафъ, даже если бы авторъ напечаталъ его за границею; за содержаніе сочиненія авторъ отвѣчалъ даже въ томъ случаѣ, если сочиненіе прошло черезъ цензуру и было разрѣшено ею къ печати.

Не ограничиваясь порабощеніемъ польскаго населенія, прусское правительство приняло рядъ мѣръ къ распространенію нѣмецкаго элемента и германизаціи края. До 9000 нѣмецкихъ чиновниковъ отправлено было только въ Южную и Нововосточную Пруссію. Отобравъ въ казну церковныя имѣнья и крулевщизны (староства), правительство устроило изъ нихъ *амты*, которыя отдало въ управленіе камеръ, уплачивая прежнимъ пожизненнымъ владѣльцамъ чистый доходъ, вновь же отдавало въ аренду амты только нѣмцамъ, прусскимъ сановникамъ и разорившимся дворянамъ. Много конфискованныхъ у шляхты имѣній повыпрошено было пруссаками у короля черезъ его любимца Бишофсвердера. Правительство всячески поощряло переселеніе въ польскія провинціи нѣмецкихъ крестьянъ и горожанъ: переселенцамъ оплачивалась стоимость пути, давались кормовыя деньги до пріисканія заработка, субсидіи и ссуды на хозяйственное обзаведеніе и т. д. Переселенцы хлынули на Варту и Вислу съ разныхъ сторонъ, главнымъ образомъ изъ Виртемберга, и образовали среди польскаго населенія нѣмецкія колоніи. Польская шляхта присоединенныхъ провинцій съ своей стороны содѣйствовала внѣдренію нѣмецкаго элемента. Въ вихрѣ удовольствій и развлеченій она старалась заглушить свое національное горе, проживала свои средства и закладывала свои имѣнія въ Берлинскомъ банкѣ, который оказывалъ ей дешовый кредитъ. Въ концѣ концовъ имѣнья попадали въ продажу съ публичнаго торга и скупались нѣмецкими пришельцами, предлагавшими наибольшую цѣну.—Исходя изъ той мысли,

что «школа является самымъ сильнымъ политическимъ орудіемъ», прусское правительство приступило къ учрежденію цѣлыхъ сотенъ сельскихъ и городскихъ школъ и разсылало туда тысячи экземпляровъ нѣмецкой азбуки (Lesebuch). Среднія учебныя заведенія также должны были сближать польскую молодежь со всѣмъ нѣмецкимъ, и въ нихъ также вводилось усиленное преподаваніе нѣмецкаго языка. Правительство уклонилось отъ учрежденія университета въ Варшавѣ, желая направить польскую молодежь въ старые нѣмецкіе университеты, поощряя ее къ тому стипендіями изъ поіезуитскихъ фондовъ, оставшихся послѣ эдукаціонной комиссіи. Только въ 1804 году былъ открытъ лицей въ Варшавѣ, который только отчасти могъ замѣнить университетъ. Прусскіе политики прямо и недвусмысленно выставили положеніе, что жители новыхъ провинцій, Южной и Новой Восточной Пруссіи должны слиться и составить одинъ народъ съ населеніемъ старыхъ провинцій, съ ихъ языкомъ, религіей, обычаями и установленіями. Для этой цѣли особенно могутъ быть полезны старые университеты, и потому основаніе новаго университета не нужно.

Польская эмиграція и ея усилія къ возсозданію отчизны: легіоны и ихъ дѣятельность. Польское общество не могло помириться съ создавшимся положеніемъ вещей. Еще не остылъ у него пылъ послѣдней борьбы за независимость, еще живы были патріоты, дѣятели послѣднихъ реформъ и участники Костюшковскаго возстанія. Нѣкоторые изъ нихъ томились въ заключеніи въ Австріи и Пруссіи, но многіе спаслись бѣгствомъ въ Италію, Францію и Турцію. Эти эмигранты и начали дѣйствовать. Находясь подъ впечатлѣніемъ краха Польши отъ неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, польскіе патріоты естественно и возсозданіе Польши стали ожидать отъ поворота этихъ обстоятельствъ. Взоры ихъ обратились прежде всего на республиканскую Францію, которая вела войну съ Австріею и готова была вести борьбу и съ другими монархическими государствами Европы. Составившаяся въ Парижѣ изъ бывшихъ участниковъ возстанія «Польская депутація» (разбившаяся, впрочемъ, скоро на двѣ депутаціи) завязала сношенія съ конвентомъ, а затѣмъ, уже по совѣту французскаго правительства, съ Турціею, которая готовилась воевать съ Австріею и Россіею. Результатомъ всѣхъ этихъ сношеній явилось образованіе въ Валахіи двухтысячной польской арміи подъ начальствомъ Ксаверія Домбровскаго, которая должна была при первомъ же благопріятномъ случаѣ вторгнуться въ польскія земли и поднять тамъ знамя возстанія. Одновременно эмигранты завели сношенія съ своими единомышленниками на родинѣ, результатомъ чего было возникновеніе тайныхъ организацій и кружковъ во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой для поддержки эмигрантовъ и готовившагося возстанія.

Этотъ первичный планъ, однако, былъ вскорѣ измѣненъ. Польскіе патріоты усомнились въ успѣхѣ самостоятельныхъ выступленій, которыя они предпринимали параллельно съ Франціею и Турціею противъ Австріи

и Россіи, и нашли болѣе цѣлесообразнымъ слить свои силы съ силами республиканской Франціи для борьбы за свободу народовъ. Генералъ Генрихъ Домбровскій предложилъ директоріи въ 1796 году образовать во Франціи польскій легіонъ, который вмѣстѣ съ французами будетъ сражаться за дѣло свободы. Но директорія отклонила это предложеніе въ силу закона, запрещавшаго принимать иностранцевъ на французскую службу за жалованье, и направила Домбровскаго къ союзному ломбардскому правительству. Такъ возникли *польскіе легіоны* на службѣ Ломбардіи. Въ короткое время подъ начальствомъ Домбровскаго и прибывшаго къ нему генерала Князевича образовался пятитысячный отрядъ изъ офицеровъ и рядовыхъ бывшаго польскаго войска, изъ поляковъ, бывшихъ на австрійской службѣ и попавшихъ въ плѣнъ къ французамъ, дезертировъ и тому подобнаго люда. Легіоны носили національные мундиръ и кокарду «освободителей міра», т.-е. трехцвѣтную французскую съ итальянскою надписью: «свободные люди—братья»; сохраняли и польскій командный языкъ. Среди нихъ раздавался маршъ, сочиненный генераломъ Выбицкимъ: «Еще не сгинула Польша» (Jeszcze Polska nie zginęła).

Однако и этимъ легіонамъ не пришлось проливать свою кровь за отечество. Сливъ свое дѣло съ дѣломъ Франціи, поляки запутались въ такія общеевропейскія коллизіи и комбинаціи, которыя собственно не имѣли никакого отношенія къ дѣлу возстановленія Польши. Во время войны съ Австріею Домбровскій предложилъ Наполеону планъ передвиженія польскихъ легіоновъ черезъ Хорватію и Венгрію на соединеніе съ валашскою арміею Ксаверія Домбровскаго для совмѣстнаго вторженія съ нею въ Галицію. Домбровскій надѣялся поднять возстаніе противъ Австріи хорватовъ, словинцевъ, венгровъ и поляковъ. Но лишь только легіоны двинулись въ этомъ направленіи, какъ заключенъ былъ миръ въ Кампо-Форміо въ 1797 году. Польскимъ легіонамъ предписано было бездѣйствіе, а французскому послу при Константинопольскомъ дворѣ предписано было распустить польскую армію, образовавшуюся въ Валахіи. Послѣ того одинъ изъ польскихъ легіоновъ долженъ былъ сражаться съ папскими войсками и брать Римъ. Въ 1799 году польскіе легіонеры сражались въ Италіи съ войсками Суворова и были чуть не поголовно истреблены. Пополненные новыми наборами, польскіе легіоны участвовали въ войнѣ съ австрійцами, кончившейся Люневильскимъ договоромъ 1801 года. Но всѣ эти жертвы не приносили пока никакой видимой пользы національному польскому дѣлу. Первый консулъ французской республики Наполеонъ Бонапартъ, заключивъ съ Павломъ I миръ, далъ даже прямое обѣщаніе прекратить поддержку польскаго дѣла. Польскіе легіоны были переданы имъ королевству Этруріи (Придунайскій легіонъ) и Цизальпинской республикѣ (легіонъ Домбровскаго). Легіонеровъ охватила досада и отчаяніе; офицеры ломали шпаги и покидали службу; ихъ примѣру слѣдовали и рядовые, истосковавшіеся по родинѣ и домашнимъ очагамъ. Свое отношеніе къ польскому дѣлу Наполеонъ ярко проявилъ въ томъ, что отправилъ польскіе легіоны для усмиренія возставшихъ негровъ на островѣ Гаити. Немного людей изъ этихъ легіоновъ, сто съ чѣмъ-то человѣкъ, вернулись въ Европу; остальные

погибли въ бою, отъ болѣзней и лишеній и въ плѣну у англичанъ; около трехъ сотъ было брошено французами въ Гаити на произволъ судьбы и остались тамъ навсегда.

Князь Адамъ Чорторыйскій и его планъ возстановленія Польши при помощи Россіи; неудача этого плана. Когда исчезли надежды на возстановленіе Польши съ помощью Франціи и ея союзниковъ, выдвинулся планъ, какъ разъ обратный—возстановленіе Польши при помощи враговъ Франціи. Планъ этотъ возникъ въ кружкѣ польскихъ патріотовъ-аристократовъ, во главѣ котораго стоялъ кн. Адамъ Чорторыйскій, другъ Александра I и русскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Послѣ того, какъ Пруссія отказалась присоединиться къ коалиціи Россіи, Австріи, Швеціи и Англіи противъ Наполеона, Чорторыйскій сталъ совѣтовать Александру занять прусскую Польшу, склонить Австрію къ уступкѣ Галиціи и объявить себя Польскимъ королемъ. Чорторыйскій и сблизился съ Александромъ на почвѣ отношенія Александра къ польскому вопросу. Еще будучи великимъ княземъ, Александръ въ откровенномъ разговорѣ съ Чорторыйскимъ заявилъ, что онъ не одобряетъ политики и дѣйствій своей бабки, осуждаетъ ея принципы, что всѣ его желанія были на сторонѣ Польши и ея славной борьбы, что онъ оплакиваетъ ея паденіе, что Костюшко въ его глазахъ—великій человѣкъ, какъ по своимъ доблестямъ, такъ и по тому дѣлу, которое онъ защищаетъ,—по дѣлу гуманности и справедливости. Неудивительно поэтому, если у Чорторыйскаго и возникъ планъ возстановленія Польши при помощи русскаго императора. Планъ этотъ сдѣлался широко извѣстнымъ и возбудилъ энтузіазмъ въ польскомъ населеніи. Когда Александръ проѣздомъ на войну заѣхалъ въ Пулавы къ князьямъ Чорторыйскимъ, поляки изъ всѣхъ частей Польши привѣтствовали его, какъ будущаго короля Польши. Но Чорторыйскій нашелъ себѣ сильнаго противника въ лицѣ молодого генералъ-адъютанта князя Петра Петровича Долгорукова, который, пользуясь дружбою государя, всячески противодѣйствовалъ планамъ и внушеніямъ Чорторыйскаго, представлялъ опасность разрыва съ Пруссіею, пагубность возстановленія Польши, прибавляя исподтишка, что князь Чорторыйскій для Польши измѣняетъ Россіи. Мнительный и подозрительный Александръ не могъ оставаться глухимъ къ этимъ нашептываніямъ. Окончательно рѣшила вопросъ королева Луиза. Она послала Александру въ Пулавы приглашеніе прибыть лично въ Берлинъ, и Александръ немедленно отправился на зовъ обожаемой имъ женщины, которую онъ уже имѣлъ случай два раза видѣть, и которая произвела на него чарующее впечатлѣніе. Королева добилась своего: 3 ноября въ Потсдамѣ была подписана конвенція о приступленіи Пруссіи къ коалиціи противъ Наполеона. Русскій императоръ и Прусскій король на гробѣ Фридриха Великаго поклялись въ вѣчной дружбѣ Россіи и Пруссіи. О возстановленіи Польши не могло уже быть и рѣчи.

Образованіе княжества Варшавскаго. Но планъ Чорторыйскаго сослужилъ службу полякамъ въ томъ отношеніи, что вызвалъ конкурренцію со стороны Наполеона, который задумалъ донять Пруссію такъ же, какъ предлагалъ Чорторыйскій Александру, т.-е. при помощи поляковъ. Онъ поручилъ генералу Зайончку составить на Рейнѣ сѣверный легіонъ изъ польскихъ солдатъ, дезертировавшихъ изъ прусской арміи. Для возбужденія поляковъ Наполеонъ приказалъ напечатать и распространить сочиненіе Рульера «Исторія анархіи въ Польшѣ», въ которомъ доказывалась прусская инціатива въ первомъ раздѣлѣ Польши, и «Мемуары польской революціи» Пистора. Разбивъ пруссаковъ при Іенѣ (1806 г.) и вступивъ въ Берлинъ, Наполеонъ провозгласилъ «польскую» войну, побуждая поляковъ къ возстанію. Напрасно прусское правительство грозило разстрѣломъ въ двадцать четыре часа за измѣну. Отвѣтомъ было народное возстаніе во всѣхъ великопольскихъ повѣтахъ и разоруженіе всѣхъ прусскихъ гарнизоновъ между Вартою и Вислою. Когда французы вступили на польскую территорію, ихъ повсюду встрѣчали, какъ избавителей, выносили угощеніе, цѣловали ихъ коней и т. д.

Наполеонъ, однако, холоденъ былъ ко всѣмъ изліяніямъ польской благодарности и не давалъ никакихъ положительныхъ обѣщаній. Еще въ бытность въ Познани онъ заявилъ польскимъ патріотамъ: «Посмотримъ, достойны ли поляки быть націей; ваша судьба въ вашихъ рукахъ». Прибывъ въ Варшаву, онъ потребовалъ, чтобы его армія была снабжена всѣмъ необходимымъ; въ противномъ случаѣ онъ выжжетъ страну и отдастъ ее на растерзаніе врагамъ. Польша въ его глазахъ была только средствомъ, а не цѣлью его политики. «Польша—это трудный вопросъ,—заявлялъ онъ въ то время:—допустили до раздѣла, перестали быть народомъ, лишены общественнаго духа, шляхта играетъ тамъ слишкомъ большую роль. Это трупъ, въ который надо сначала вдохнуть жизнь, прежде чѣмъ я начну думать о томъ, что съ нимъ дѣлать... Я извлеку изъ нихъ солдатъ, офицеровъ, а потомъ посмотрю». Поэтому и при заключеніи Тильзитскаго мира (въ 1807 году) Наполеонъ сообразовался не столько съ чаяніями и надеждами поляковъ, сколько съ соотношеніемъ силъ боровшихся государствъ. Польша не была возстановлена въ прежнемъ своемъ объемѣ. За Россіею остались всѣ ея пріобрѣтенія насчетъ Польши и кромѣ того она получила изъ прежнихъ прусскихъ владѣній Бѣлостоцкій округъ въ 160 квадр. миль съ 280 тыс. населенія. Австрія сохранила всѣ свои владѣнія, а Пруссія весь первый заборъ и часть второго. Городъ Данцигъ былъ объявленъ вольнымъ городомъ, а изъ остальныхъ польскихъ земель, забранныхъ Пруссіею, Наполеонъ образовалъ *Варшавское княжество*, пространствомъ въ 1860 квадр. миль съ населеніемъ въ 2400 т. человѣкъ. Наполеонъ постарался снять съ этого княжества всякій обликъ національнаго Польскаго государства... Данная княжеству конституція намѣренно избѣгала выраженій «поляки», «польскій», замѣняла ихъ словами: «народы Варшавы и Великой Польши», «варшавскій».

Но хотя, такимъ образомъ, мечты польскихъ патріотовъ и не сбылись въ полной мѣрѣ, все же для нихъ было великое утѣшеніе въ томъ, что въ самомъ центрѣ польской національной территоріи образовалось государственное ядро, которое при благопріятныхъ обстоятельствахъ могло разрастись, и вобрать въ себя и другія польскія земли. Факты подтверждали это. Во время борьбы Австріи съ Наполеономъ въ 1809 году княжеству удалось не только вытѣснить вторгнувшихся, австрійцевъ, но и занять значительную часть польскихъ земель, находившихся подъ владычествомъ Австріи. Въ награду за помощь, оказанную французамъ, княжество получило по Вѣнскому договору 1809 года весь второй заборъ Австріи и часть перваго. Территорія его и населеніе увеличились почти вдвое (на 960 кв. миль и $1^1/_2$ милл. жителей).

Его конституція. Дарованная княжеству конституція давала возможность этому государственному ядру отвердѣть и усилиться внутренне, набраться жизненныхъ силъ. Конституція, признавая католическую религію господствующей, въ то же время допускала и другія вѣроисповѣданія безъ всякихъ ограниченій въ правахъ ихъ послѣдователей, гарантируя, такимъ образомъ, внутренній религіозный миръ. Соціальному миру служили статьи, уничтожавшія крѣпостное право и всѣ сословныя привилегіи и объявленіе всѣхъ гражданъ равными передъ законами. Конституція давала княжеству и сильную правительственную власть, недостатокъ которой былъ больнымъ мѣстомъ старой Польши. Исполнительная власть по этой конституціи принадлежала *наслѣдственному Саксонскому королю*, обладающему правомъ законодательной инитіативы и санкціи, правомъ назначенія епископовъ и всѣхъ свѣтскихъ должностныхъ лицъ и имѣющему ближайшихъ помощниковъ въ лицѣ министровъ и государственнаго совѣта (rada stanu). *Министры* юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и религіознаго культа, военный, доходовъ и финансовъ, полиціи и статсъ-секретарь должны были завѣдывать отдѣльными отраслями управленія по принадлежности; *государственный совѣтъ*, состоящій изъ всѣхъ министровъ и четырехъ референдаріевъ, долженъ былъ изготовлять проекты законовъ, разрѣшать споры о подсудности и подчиненности между судебными и административными властями, привлекать къ отвѣтственности чиновниковъ и т. д., дѣйствуя во всемъ этомъ съ утвержденія короля. Часть своей власти король могъ передать вице-королю; если королю не будетъ угодно назначить вице-короля, онъ назначаетъ *предсѣдателя государственнаго совѣта*. Въ шести департаментахъ, на которые дѣлилось княжество, административная власть возлагалась на *префектовъ*, въ шестидесяти повѣтахъ, подраздѣленіяхъ департаментовъ, *на подпрефектовъ*, въ сорока гминахъ *на бургомистровъ;* при всѣхъ этихъ начальникахъ полагались совѣты изъ гражданъ—*рады*, избранныя на шляхетскихъ повѣтовыхъ сеймикахъ (департаментскія и повѣтовыя рады) и на гминныхъ собраніяхъ (гминныя рады). Для всѣхъ жителей, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, учреждены

были по одному *мировому суду* въ повѣтѣ, по одному *гражданскому трибуналу* на департаментъ, по одному *уголовному* на два департамента, одинъ высшій *аппелляціонный судъ* для всего княжества; функціи высшаго *кассаціоннаго суда* долженъ былъ отправлять государственный. совѣтъ. Обязательную силу получилъ въ княжествѣ гражданскій кодексъ Наполеона, проводившій начало равенства всѣхъ гражданъ предъ закономъ, гражданскіе браки и разводы. Такимъ образомъ, въ организаціи управленія Варшавскаго княжества отразились до извѣстной степени тогдашніе французскіе порядки. Еще болѣе справедливо это въ отношеніи законодательной власти, которая такъ же, какъ и въ имперіи, расчленялась и была въ подчиненіи у исполнительной власти. Органомъ законодательной власти признанъ *сеймъ*, который долженъ былъ созываться королемъ каждые два года. Какъ и встарь, сеймъ слагался изъ двухъ избъ—сенаторской и посольской, но составъ этихъ палатъ былъ уже не тотъ, что прежде. *Сенаторская изба* составлялась изъ восемнадцати пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ королемъ: шести епископовъ, шести воеводъ и шести каштеляновъ; но въ ней уже не было министровъ. *Посольская изба* составлялась не только изъ шестидесяти пословъ, избираемыхъ шляхетскими повѣтовыми сеймиками, но и изъ сорока депутатовъ, избираемыхъ гминными, муниципальными собраніями собственниковъ—не шляхтичей, плебановъ и викаріевъ, ремесленниковъ, купцовъ, артистовъ, отставныхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ; кромѣ того, въ посольской избѣ засѣдали и члены государственнаго совѣта съ рѣшающимъ голосомъ. Прохожденіе дѣлъ черезъ сеймъ не имѣло ничего общаго съ прежними сеймовыми порядками и въ общемъ согласовано было съ теченіемъ французскаго законодательства. Повѣтовые сеймики и гминныя собранія должны были только избирать пословъ и депутатовъ; но они не имѣли права заниматься предварительнымъ обсужденіемъ подлежащихъ сеймовому рѣшенію вопросовъ, составлять просьбы, давать посламъ и депутатамъ инструкціи. Законодательная инищіатива предоставлялась государственному совѣту исключительно. Для разсмотрѣнія законопроектовъ, вносимыхъ государственнымъ совѣтомъ, посольская изба въ самомъ началѣ сессіи избирала три коммиссіи: финансовъ, гражданскаго законодательства и уголовнаго. Получивъ законопроектъ, коммиссія обсуждала его, сносясь съ соотвѣтствующимъ министромъ, и затѣмъ вносила въ посольскую избу. Пренія вели лишь члены коммиссіи государственнаго совѣта, а остальные послы и депутаты должны были только слушать эти пренія и по окончаніи ихъ, по предложенію маршалка избы, тайно голосовать. Законопроектъ, принятый большинствомъ голосовъ, долженъ былъ представляться затѣмъ на санкцію избы сенаторской. Сенаторская изба или утверждаетъ рѣшеніе посольской избы, или отвергаетъ его, если находитъ, что оно послѣдовало безъ соблюденія законныхъ формальностей, угрожаетъ спокойствію страны или противно духу конституціи. Въ случаѣ неутвержденія по формальнымъ причинамъ король,

заслушавъ мнѣнія государственнаго совѣта, предлагаетъ посольской избѣ вновь разсмотрѣть законопроектъ, и если изба снова допуститъ нарушеніе законныхъ формальностей распускаетъ ее и назначаетъ новые выборы. Но король можетъ найти, что неправъ сенатъ, отвергая законопроектъ: въ такихъ случаяхъ онъ можетъ назначить шесть новыхъ воеводъ и шесть новыхъ каштеляновъ и внести рѣшеніе посольской избы на новое разсмотрѣніе сенаторской. Рѣшеніе посольской избы, утвержденное сенаторскою или даже опубликованное королемъ вопреки мнѣнію сената, немедленно же становится обязательнымъ закономъ. Всѣ должности и званія должны были замѣщаться гражданами княжества; все оффиціальное дѣлопроизводство вестись на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, польская народность, предназначенная было къ онѣмеченію, снова получила въ законодательствѣ, администраціи, судѣ и школѣ свой родной языкъ, доступъ къ службѣ и политической жизни. Пользуясь всѣмъ этимъ, польскіе патріоты, участники великаго сейма, возстанія Костюшки и эмиграціонныхъ трудовъ по возстановленію отчизны, стали у кормила правленія Варшавскаго княжества и развили энергическую дѣятельность по его внутреннему устроенію. Особенно плодотворна была дѣятельность *эдукаціонной избы,* подчиненной министру внутреннихъ дѣлъ. Она покрыла небольшое княжество цѣлою сѣтью низшихъ школъ, увеличивъ ихъ число съ 147 до 1.110, умножила и среднія школы. Патріоты позаботились и о высшемъ образованіи. Были учреждены школы правовѣдѣнія, медицинская, инженерное училище, артиллерійское и т. д.

Но какъ ни цѣнны были сами по себѣ всѣ эти внутренніе задатки для дальнѣйшаго развитія, маленькое Варшавское княжество, имѣвшее тридцатитысячную армію, среди сосѣднихъ великихъ державъ, владѣвшихъ крупными частями польской государственной территоріи, могло существовать и развиваться только при особо благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Такія благопріятныя обстоятельства представились полякамъ въ 1812 году, во время борьбы Наполеона съ Россіею.

Участіе поляковъ въ войнѣ 1812 года въ цѣляхъ возстановленія отечества. Когда стала надвигаться война съ Наполеономъ въ 1811 году, Александръ вступилъ въ оживленную переписку съ Чорторыйскимъ, который уже уволился отъ русской службы и проживалъ въ своемъ имѣніи Пулавахъ. Императоръ тщательно учитывалъ шансы сторонъ въ предстоящей борьбѣ и приходилъ къ выводу, что окончательная побѣда принадлежитъ Россіи, а слѣдовательно и полякамъ надо помогать ему, Александру, а не Наполеону. Императоръ приглашалъ Чорторыйскаго стать во главѣ своего народа и склонить его къ союзу съ Россіею, въ частности просилъ уговорить князя Іосифа Понятовскаго, командира польскихъ войскъ, покинуть Наполеона и предаться на сторону Россіи. Для облегченія ему этого шага Александръ предлагалъ устроить внезапное вторженіе русскихъ войскъ въ Польшу, при чемъ князь Понятовскій какъ бы по необходимости долженъ

былъ сдаться на капитуляцію. Но Чорторыйскій уже горько разочаровался въ своемъ царственномъ другѣ, мало вѣрилъ въ его успѣхъ, а главное— очень хорошо понималъ, что поднять поляковъ за Россію противъ Наполеона—несбыточная мечта. Поэтому онъ не только не принялъ предложенія Александра, но даже счелъ своимъ долгомъ остеречь князя Понятовскаго насчетъ замысловъ русскаго императора. Не такой пріемъ встрѣтили предложенія императора французовъ.

Въ іюнѣ 1812 года въ Варшаву явился архіепископъ Прадтъ, назначенный французскимъ посломъ при дворѣ Саксонскаго короля, и нарисовалъ полякамъ перспективу возможнаго при наступающихъ обстоятельствахъ возрожденія ихъ отечества собственными ихъ усиліями. Польскіе патріоты приняли это указаніе къ руководству. Совѣтъ министровъ, которому осторожный король Фридрихъ-Августъ особымъ декретомъ передалъ правительственную власть, поспѣшилъ немедленно же созвать чрезвычайный сеймъ для принятія соотвѣтствующихъ рѣшеній. На сеймѣ была прочитана петиція отъ жителей забранныхъ Россіею земель, призывавшая сеймъ къ возстановленію Польши въ историческихъ границахъ. Правда, что эта петиція была составлена и подписана только нѣсколькими десятками лицъ, проживавшихъ въ Варшавѣ. Но при создавшемся уже настроеніи умовъ, и эта петиція была достаточнымъ основаніемъ для постановки вопроса о возсозданіи отчизны. Волковышская прокламація Наполеона, объявлявшая «вторую польскую войну», возбудила въ полякахъ сильнѣйшій энтузіазмъ. По полученіи ея министръ финансовъ, бывшій посолъ четырехлѣтняго сейма Тадеушъ Матушевичъ произнесъ въ засѣданіи сейма рѣчь, въ которой, упомянувъ о Франціи и Наполеонѣ, заявилъ, что пришелъ моментъ возрожденія родины: «Итакъ, вновь будетъ Польша! Что я говорю? Есть уже Польша»! Наполнявшая залу засѣданій публика восторженно привѣтствовала эти слова; восторгъ передался и толпѣ, собравшейся подъ окнами сеймоваго зала. По предложенію Матушевича, сеймъ провозгласилъ польскій народъ снова соединеннымъ въ одно тѣло, объявилъ объ образованіи *генеральной конфедераціи польскаго народа* и приглашалъ жителей всѣхъ забранныхъ земель собираться на сеймики и присоединяться къ конфедераціи. Рѣшено было отправить къ Наполеону и Саксонскому королю депутацію съ просьбою о покровительствѣ и помощи возрождающемуся государству. Сеймъ учредилъ затѣмъ «генеральный совѣтъ» конфедераціи Польскаго королевства изъ десяти своихъ членовъ подъ предсѣдательствомъ маршалка князя Адама Чорторыйскаго и, передавъ власть этому совѣту, разошелся. Всѣ эти дѣйствія сейма затрогивали не только Россію, но и Пруссію и Австрію, коимъ гарантированы были ихъ польскія владѣнія по Тильзитскому и Вѣнскому договорамъ. Наполеонъ, однако, игнорировалъ это и разсматривалъ польское движеніе, какъ направленное исключительно противъ Россіи. Когда въ качествѣ депутата отъ генеральнаго совѣта конфедераціи явился къ нему генералъ Выбицкій, Наполеонъ заявилъ:

«Если бы я былъ полякомъ, я думалъ бы и поступалъ, какъ вы... Я люблю вашъ народъ... Хвалю все, что вы сдѣлали. Если ваши желанія и дѣйствія будутъ единодушными, вы можете надѣяться... Пусть Литву, Жмудь, Витебскъ, Могилевъ, Волынь, Украйну и Подолію воодушевитъ тотъ самый духъ, который я видѣлъ въ Великой Польшѣ, и Провидѣніе увѣковѣчитъ успѣхомъ святость вашего дѣла». Эти заявленія сильно расхолодили польскихъ патріотовъ, засѣдавшихъ въ генеральномъ совѣтѣ конфедераціи. Совѣтъ пересталъ работать, а его предсѣдатель даже уѣхалъ изъ Варшавы.

Какъ бы то ни было, но войска княжества Варшавскаго подъ начальствомъ кн. Іосифа Понятовскаго соединились съ «великою арміею» и раздѣлили всѣ ея труды, опасности, побѣды и пораженія. Кромѣ войска княжества, въ составѣ «великой арміи» были и тѣ польскіе отряды, которые были на жалованьѣ французовъ и сражались раньше въ Испаніи (такъ называемый «привислянскій легіонъ» и «шволежеры», легкая кавалерія подъ начальствомъ Красинскаго). Всего подъ знаменами Наполеона сражалось около 70 тыс. поляковъ, которые распредѣлены были по разнымъ корпусамъ. Поляки не покинули Наполеона и послѣ того, какъ онъ съ остатками великой арміи удалился изъ предѣловъ Россіи и Польши. Князь Понятовскій сражался подъ Лейпцигомъ, гдѣ и закончилъ свои бурные дни, потонувъ въ волнахъ Эльстера. Но, не смотря на полное пораженіе Наполеона, усилія польскихъ патріотовъ не пропали даромъ. Эти усилія произвели извѣстное моральное впечатлѣніе, воочію показали, что народъ не умеръ, что онъ хочетъ жить собственною національною жизнью и готовъ нести великія жертвы за эту жизнь. Это моральное впечатлѣніе легло несомнѣнно на чашку вѣсовъ, когда взвѣшивалась судьба Польши по окончаніи борьбы съ Наполеономъ.

Отношеніе Александра I къ Польшѣ послѣ войны 1812 года. Послѣ крушенія надеждъ, связанныхъ съ Наполеономъ, въ верхнихъ кругахъ польскаго общества снова возобладало теченіе, стремившееся къ возрожденію Польши въ единеніи съ Россіею. Князь Адамъ Чорторыйскій уже съ декабря 1812 года сталъ переписываться съ Александромъ, предлагая ему возстановить Польшу подъ скипетромъ великаго князя Михаила Павловича. Александръ, однако, далъ сдержанный отвѣтъ. Онъ указывалъ, что образъ поведенія польской арміи, грабежи въ Смоленскѣ и Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили прежнюю ненависть русскихъ къ полякамъ, что разглашеніе его намѣреній относительно Польши можетъ бросить Австрію и Пруссію въ объятія Франціи. Онъ предостерегалъ затѣмъ, что о возстановленіи Польши въ прежнихъ границахъ не можетъ быть и рѣчи. «Не забывайте,—писалъ онъ,—что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями русскими, и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествомъ иного государя, кромѣ того, который царствуетъ въ ней». Въ общемъ выводѣ Александръ завѣрялъ, что Польшѣ и полякамъ нечего отъ него опасаться какой бы то ни было

мести, и что его намѣренія по отношенію къ полякамъ остаются прежними. Послѣ окончательной побѣды надъ Наполеономъ Александръ сталъ менѣе сдержанъ и больше пошелъ навстрѣчу польскому теченію. Онъ милостиво принялъ депутацію отъ польскаго войска, явившуюся къ нему въ Парижѣ 13 апрѣля 1814 г., послѣ отреченія Наполеона, похвалилъ поляковъ за ихъ храбрость и любовь къ родинѣ и разрѣшилъ имъ вернуться въ княжество Варшавское съ своими офицерами и знаменами, назначивъ къ нимъ главнокомандующимъ в. кн. Константина Павловича. Въ письмахъ къ генералу Костюшко Александръ выражалъ надежду, что съ помощью Всевышняго ему удастся осуществить возрожденіе храброй и почтенной польской націи. Но при всемъ томъ отъ какихъ-либо прямыхъ и категорическихъ обѣщаній на ближайшее время Александръ уклонился, явно сознавая, какія трудности необходимо преодолѣть для того, чтобы возстановить Польшу. Въ Пулавахъ, куда Александръ заѣхалъ, отправляясь на Вѣнскій конгрессъ, онъ говорилъ: «Ѣду на конгрессъ, чтобы работать для Польши, но надо двигать дѣло постепенно. У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія и одинъ другъ—это я. Если бы я хотѣлъ присоединить Галицію, пришлось бы сражаться. Пруссія соглашается возстановить Польшу, если ей отдадутъ часть Великой Польши. А я хочу отдать польскимъ провинціямъ около 12 милліоновъ жителей. Составьте себѣ хорошую конституцію и сильную армію, и тогда посмотримъ». Изъ этихъ заявленій видно, что, предвидя затрудненія со стороны сосѣдей и со стороны русскаго общественнаго мнѣнія къ возстановленію Польши въ прежнемъ объемѣ, Александръ все болѣе и болѣе сосредоточивался на мысли создать Польское государство, какое только можно по условіямъ момента, соединить его съ Россіею и, если будетъ можно, усилить польскими провинціями Россіи, окончательное же возстановленіе предоставить будущему, когда разовьется и окрѣпнетъ созданное Польское государство, и когда болѣе благопріятнымъ образомъ сложатся внѣшнія обстоятельства. Въ концѣ концовъ и князь Чорторыйскій долженъ былъ принять ту же самую программу.

Польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ едва было не сталъ причиною разрыва между недавними союзниками и новой европейской войны. Талейранъ ухватился за него именно, какъ за средство перессорить союзниковъ и дать рѣшительный перевѣсъ Франціи въ предстоявшемъ устройствѣ европейскихъ дѣлъ. Онъ вручилъ кн. Меттерниху ноту, въ которой заявлялось, что французскій король почиталъ бы себя счастливымъ, если бы разрѣшенъ былъ польскій вопросъ, и народъ, столь интересующій другіе народы своею древностью, храбростью, оказанными Европѣ услугами и своими несчастіями получилъ бы свою прежнюю и полную независимость. «Раздѣлъ, который вычеркнулъ его изъ списка народовъ, былъ провозвѣстникомъ происшедшихъ въ Европѣ смятеній». Представитель Австріи, несмотря на то, что его го-

сударство участвовало въ раздѣлахъ Польши, не только не оскорблялся предложеніями Австріи, но даже пошелъ къ нимъ навстрѣчу. «Никогда Австрія,—писалъ онъ,—не видѣла врага въ свободной, независимой Польшѣ... Отношеніе Австріи къ этому краю было только слѣдствіемъ обстоятельствъ неодолимыхъ и независящихъ отъ воли австрійскихъ монарховъ». Къ этому Меттернихъ добавлялъ, что Австрія не пожалѣетъ никакихъ жертвъ для возстановленія королевства Польскаго независимаго и управляемаго народнымъ правительствомъ. Всѣ эти заявленія были продиктованы, конечно, не какими-либо добрыми чувствами къ Польшѣ, а соперничествомъ съ Россіею, боязнью, что черезъ присоединеніе Польши она станетъ еще болѣе сильною и опасною, чѣмъ въ данное время. Лордъ Кэстльри отъ имени Великобританіи заявилъ, что и его правительство также желаетъ видѣть Польшу въ большемъ или меньшемъ объемѣ, но непремѣнно независимою.

Но эти заявленія шли уже въ разрѣзъ съ намѣреніями и самолюбіемъ русскаго государя, желавшаго возсозданія Польши непремѣнно въ союзѣ съ Россіею. Александръ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы въ этомъ направленіи воздѣйствовать на общественное мнѣніе поляковъ и показать, что самъ народъ польскій желаетъ соединенія съ Россіею. Въ Польшѣ распространялись вѣсти, что всѣ правительства стоятъ за раздѣлъ и уничтоженіе Польши, что одинъ только Александръ защищаетъ ее и домогается ея возстановленія. Власти устраивали въ честь Александра банкеты, торжественныя молебствія. Какъ бы въ подтвержденіе ходившихъ слуховъ в. князь Константинъ 29 ноября издалъ приказъ по польской арміи, призывающій ее къ защитѣ отечества. Результатомъ всѣхъ этихъ усилій были адреса, посланные императору Александру въ Вѣну отъ различныхъ общественныхъ группъ Польши. Эти адреса нарочно распространялись во всеобщее свѣдѣніе. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде сдѣлалъ заявленіе конгрессу, что восемь милліоновъ поляковъ, по приказу его государя, готовы бороться за независимость своей родины. Но все это привело лишь къ тому, что 22 декабря Талейранъ, Меттернихъ и лордъ Кэстльри для обузданія претензій Россіи подписали тайную конвенцію, въ силу которой Франція, Австрія и Англія обязывались выставить, если понадобится, противъ Россіи по 120 т. пѣхоты и 30 т. конницы.

Новый раздѣлъ Польши; образованіе царства Польскаго. Польскій вопросъ готовился стать причиною новыхъ кровавыхъ столкновеній въ Европѣ. Но преждевременная высадка Наполеона во Франціи предотвратила борьбу коалиціи съ Россіею. Чтобы отвлечь Россію, Наполеонъ оповѣстилъ Александра о заключенной противъ него тайной конвенціи и прислалъ копію договора Австріи, Франціи и Англіи. Но Александръ остался непоколебимъ въ своей враждѣ къ Наполеону и простилъ своимъ союзникамъ ихъ тайные замыслы противъ Россіи. Началась борьба противъ Наполеона, кончившаяся окончательнымъ низложеніемъ его и ссылкою на

островъ св. Елены. Во время борьбы съ Наполеономъ державы уже не ставили серьезнаго вопроса о возстановленіи и независимости Польши и хлопотали только о томъ, чтобы поменьше досталось на долю Россіи. Александръ съ своей стороны выставилъ желаніе соединить съ Россіею только княжество Варшавское въ полномъ его объемѣ, при чемъ гарантировалъ ему конституцію и народныя учрежденія. Эта гарантія являлась какъ бы исполненіемъ его прежнихъ обѣщаній касательно возсозданія Польши и удовлетвореніемъ либеральныхъ заявленій Англіи, Австріи и Россіи. Пріѣхавшій въ Вѣну князь Чорторыйскій хорошо понималъ, что о возстановленіи прежней Польши при данныхъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи, и всячески поддерживалъ Александра въ его стремленіи получить все Варшавское княжество. Но имъ не удалось и этого достигнуть. 21 апрѣля 1815 года были подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, въ силу коихъ Варшавское княжество было подѣлено на четыре части, а именно: изъ двухъ его повѣтовъ—Познанскаго и Быдгощскаго было образовано великое герцогство Познанское, которое отдавалось Прусскому королю въ добавленіе къ тому, что оставлено было за нимъ по Тильзитскому договору 1807 года, съ присоединеніемъ города Данцига съ округомъ; городъ Краковъ съ округомъ въ $23^1/_2$ квадр. мили былъ признанъ вольнымъ городомъ, т.-е. самостоятельною республикою подъ покровительствомъ Россіи, Австріи и Пруссіи; территорія около Кракова и соляныя копи Велички были отданы Австріи въ придачу къ королевству Галиціи и Лодомеріи, съ Тарнопольскимъ повѣтомъ, возвращеннымъ отъ Россіи; остальная часть (2.312 квадр. миль) образовала королевство (царство) Польское, «неразрывно связанное конституціею съ всероссійскимъ престоломъ». Такимъ образомъ не только не исполнились чаянія польскихъ патріотовъ, одушевлявшія ихъ въ борьбѣ подъ знаменами Наполеона, но раздѣлено было на части небольшое, полунезависимое государство, которое представляло изъ себя княжество Варшавское. Однако, державы, производя эту операцію, сознавали, что онѣ раздѣляютъ на части живой и даже живучій организмъ. Чтобы удовлетворить до извѣстной степени и умиротворить поляковъ, Вѣнскій конгрессъ обязалъ Россію, Австрію и Пруссію дать ихъ польскимъ подданнымъ представительство и національныя учрежденія, какія они сочтутъ полезными и подходящими.

Важнѣйшая литература:

U. Lehtonen, Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II in den Jahren 1772—1782. Berlin 1907.

H. Moscicki, Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi. Wilno 1910.

Шильдеръ. Императоръ Павелъ I. С.-Пб. 1901.

KS. W. Kalinka, Galicya i Kraków pod panowaniem Austryackiem (Dzieła, tom X).

W. Tokarz, Galicya w początkach ery jósefińskiej w swietle ankiety urzędowej z roku 1783. Kraków 1909.

B. Loziński, Szkice z historyi Galicyi w XIX wieku. Warszawa 1913.

Wł. Smoleński, Rządy pruskie na ziemiach polskich (1793—1807). Warszawa 1903.

M. Handelsman, Z dziejow księstwa Warszawskiego (Studja historyczne. 1911).

A. Rembowski. Z życia kostitucyjnego w Księstwie Warszawskiem. Warszawa 1906.

А. Погодинъ, Исторія польскаго народа въ XIX в. 1915.

М. Любавскій, Александръ I и Польша (Отечественная война и русское общество, т. VII. Юбилейное изданіе Сытина).

XXXI.

Царство Польское и его конституція.

Возстановленіе королевства (царства) Польскаго. Согласно ст. III Вѣнскаго трактата уменьшенное въ своихъ размѣрахъ княжество Варшавское «въ силу своей конституціи» должно было состоять «въ неразрывной съ Россіею связи и во владѣніи Его Величества Императора Всероссійскаго, Наслѣдниковъ Его и Преемниковъ на вѣчныя времена». Трактатъ констатировалъ со стороны Русскаго государя не то обѣщаніе, не то обязательство («предполагаетъ») «даровать по своему благоусмотрѣнію внутреннее распространеніе сему государству, имѣющему состоять подъ особымъ управленіемъ», и присовокупить къ своимъ титуламъ и титулъ Царя (короля) Польскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и другія договаривающіяся стороны, Александръ обѣщалъ, что поляки, его подданные «для обезпеченія правъ и особаго народнаго бытія» будутъ имѣть «внутреннія государственныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его владѣній». Во исполненіе этого обѣщанія Александръ подписалъ въ Вѣнѣ 25 мая 1815 года «основанія» будущей конституціи, выработанныя Чорторыйскимъ, и опубликовалъ манифестъ объ учрежденіи царства Польскаго.

9 іюня 1915 года въ Варшавѣ состоялось торжество возстановленія королевства Польскаго. Въ соборномъ костелѣ собрались всѣ должностныя лица бывшаго княжества Варшавскаго. Послѣ торжественной мессы были

прочтены актъ отреченія отъ польскаго престола короля Саксонскаго, манифестъ императора Всероссійскаго и короля Польскаго и «основанія» будущей конституціи. Государственный совѣтъ, сенатъ, чиновники и жители принесли присягу въ вѣрности государю и конституціи. Польское знамя съ бѣлымъ орломъ было водружено на королевскомъ замкѣ и на всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, а во всѣхъ костелахъ было отслужено благодарственное молебствіе съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою, Близъ Воли на равнинѣ собрались польскія войска передъ сооруженнымъ алтаремъ и въ присутствіи великаго князя Константина присягали по батальонно на вѣрность королю. Торжество закончилось канонадою, ружейными залпами и криками: «Да здравствуетъ нашъ король Александръ!»

31 октября состоялся торжественный въѣздъ Александра въ столицу королевства Польскаго. Александръ въѣхалъ въ окруженіи польскихъ войскъ и польскихъ сановниковъ; толпы народа привѣтствовали его криками: «Да здравствуетъ Александръ, нашъ король!» Александръ оказывалъ своимъ новымъ подданнымъ всяческое расположеніе. Снятъ былъ секвестръ, наложенный на имѣнія тѣхъ, которые служили подъ знаменами Наполеона. Государь удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ дома знатнѣйшихъ поляковъ, присутствовалъ на многихъ балахъ, гдѣ очаровывалъ всѣхъ своею любезностью, носилъ польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла, пожаловалъ многихъ дѣвицъ во фрейлины, назначилъ къ себѣ нѣсколькихъ польскихъ генералъ и флигель-адъютантовъ, учредилъ цѣлый штатъ польскаго двора.

Притязанія поляковъ на Литву и Западную Русь. Но полякамъ всего этого было мало: ихъ помыслы и ожиданья прежде всего направлены были на то, какое «внутреннее расширеніе» дастъ Александръ своему маленькому королевству, согласно съ предоставленнымъ ему Вѣнскимъ трактатомъ правомъ, и какую дастъ этому королевству конституцію. По свидѣтельству одного русскаго очевидца, «поляки смотрѣли вообще на насъ пасмурно». Они казались недовольными и даже не скрывали въ разговорахъ, что имъ слѣдуетъ возвратить Могилевъ, Витебскъ, Волынь, Подолію и Литву. Этотъ вопросъ поднялъ въ секретной аудіенціи кн. Огинскій, прибывшій въ Варшаву съ депутатами губерній Виленской, Гродненской и Минской. Но Александръ просилъ не компрометировать его, не ставить въ затруднительное положеніе. «Я не могу допустить,—говорилъ онъ депутатамъ,— чтобы вы просили о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ, такъ какъ не слѣдуетъ подавать повода къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я это дѣлаю по собственному почину, что я именно желаю этого». Здѣсь говорило, повидимому, не одно только опасеніе общественнаго мнѣнія Россіи, но и самолюбіе императора, затронутое назойливостью поляковъ: Александръ не прочь былъ благодѣтельствовать Польшѣ, но только добровольно, а не подъ давленіемъ поляковъ. Не отказываясь отъ мысли когда-нибудь соединить

западныя губерніи съ Польшею, Александръ заявилъ, что онъ устроитъ это соединеніе тогда, когда упрочится связь этихъ областей съ имперіею, и когда соединеніе съ Россіею будетъ сопровождаться довѣріемъ и полнымъ согласіемъ между обѣими націями. Другими словами,—Александръ откладывалъ на неопредѣленное время исполненіе своего обѣщанія о присоединеніи къ Польшѣ 12 милліоновъ подданныхъ.

Выработка конституціи царства Польскаго. Огорчилъ Александръ польскихъ патріотовъ и отношеніемъ своимъ къ вырабатываемой конституціи. Для составленія ея образованъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго; въ работѣ по желанію Александра, принялъ участіе и кн. Чорторыйскій. Согласно 1 статьѣ «основаній» конституція должна была быть сближена съ конституціею 3 мая, «насколько позволяетъ различіе времени и обстоятельствъ». На самомъ же дѣлѣ благодаря указаніямъ Александра новая конституція вышла переработкою конституціи Варшавскаго княжества, а не конституціи 3 мая. Въ ея текстъ Александръ и Новосильцевъ внесли нѣкоторыя существенныя измѣненія. Такъ, взамѣнъ статьи: «Римско-католическая религія есть религія государственная» была внесена статья: «Религія римско-католическая имѣетъ пользоваться особымъ покровительствомъ»; вмѣсто статьи: «сохраняется древнее польское право: neminem captivabimus nisi jure victum», внесена статья: «сохраняется право: neminem captivare permittemus nisi jure victum» и т. д. Не лишено было значенія и наименованіе возстанавливаемаго королевства Царствомъ Польскимъ. И только послѣ всѣхъ этихъ измѣненій Александръ подписалъ конституціонную хартію Польши (15/27 ноября 1815 г.).

Королевская (царская) власть въ новой конституціи. Хартія гласила, что Царство Польское навсегда соединяется съ Россіею, что польскій престолъ принадлежитъ Россійскому императору и его наслѣдникамъ и преемникамъ въ порядкѣ преемства, установленномъ для императорскаго Россійскаго престола. Всѣ преемники государя, даровавшаго конституцію, обязаны короноваться польскою королевскою короною въ столицѣ Царства по установленному обряду и приносить присягу по установленной формулѣ въ соблюденіи конституціи. Въ случаѣ установленія въ Россіи регентства устанавливается таковое и для Царства Польскаго. Оно слагается изъ регента россійскаго, четырехъ членовъ, избранныхъ сенатомъ и министра статсъ-секретаря и засѣдаетъ въ столицѣ Россійской имперіи, при чемъ всѣ его члены присягаютъ въ соблюденіи конституціи и законовъ Царства. Правительство страны сосредоточивается въ особѣ короля, которая священна и неприкосновенна. Король обладаетъ верховною распорядительною и исполнительною властью во всемъ ея объемѣ: онъ объявляетъ войну и заключаетъ договоры, распоряжается войсками и доходами государства сообразно съ выработаннымъ бюджетомъ, имъ самимъ утвержденнымъ. назначаетъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и должностныхъ лицъ.

командировъ и офицеровъ, раздаетъ ордена, шляхетство, инколатъ и разныя почетныя званія. Всякіе публичные акты судовъ, трибуналовъ и магистратуръ издаются отъ его имени; монеты и штемпеля носятъ указанные имъ знаки. Право помилованія принадлежитъ королю, который можетъ отмѣнить или измѣнить наказаніе. Но всѣ приказы и постановленія короля должны скрѣпляться подписью соотвѣтствующаго министра, который является отвѣтственнымъ за все, что въ этихъ приказахъ и постановленіяхъ будетъ противорѣчить конституціи и законамъ.

Государственный совѣтъ и намѣстникъ. При королѣ состоитъ *государственный совѣтъ*, слагающійся изъ министровъ, совѣтниковъ, референдаріевъ и лицъ, особо назначенныхъ королемъ. Онъ дѣлится на административный совѣтъ и общее собраніе. *Административный* совѣтъ слагается изъ министровъ и лицъ, особо приглашенныхъ, съ которыми король совѣтуется о текущихъ дѣлахъ; при чемъ членамъ административнаго совѣта принадлежитъ только совѣщательный голосъ. Общее собраніе государственнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ короля или его намѣстника вырабатываетъ проекты законовъ и установленій, рѣшаетъ вопросы объ отдачѣ подъ судъ чиновниковъ за преступленія по должности, рѣшаетъ споры властей объ юрисдикціи, обсуждаетъ ежегодные отчеты вѣдомствъ, собираетъ данныя о злоупотребленіяхъ и обо всемъ, что можетъ вредить конституціи, и дѣлаетъ обо всемъ этомъ общія представленія государю, который отсылаетъ ихъ либо въ сенатъ, либо въ сеймъ, и, наконецъ, обсуждаетъ и другіе вопросы по приказанію короля или намѣстника или по желанію начальника того или другого вѣдомства. Всѣ рѣшенія общаго собранія государственнаго совѣта подлежатъ утвержденію короля; тѣ же, кои касаются отдачи подъ судъ чиновниковъ и спора о юрисдикціи, подлежатъ немедленному исполненію. Въ отсутствіе короля дѣйствуетъ въ предѣлахъ, предоставленныхъ ему королемъ полномочій *намѣстникъ* совмѣстно съ государственнымъ совѣтомъ.

Правительственныя коммиссіи (министерства) и мѣстныя административныя учрежденія. Текущее управленіе ввѣряется пяти *коммиссіямъ*: вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и полиціи, военной, финансовой подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ соотвѣтственныхъ *министровъ*. Кромѣ того при особѣ короля находится министръ *статсъ-секретарь*, который докладываетъ ему всѣ дѣла, присылаемыя намѣстникомъ, и обратно—пересылаетъ намѣстнику королевскія постановленія; ему же ввѣряются и внѣшнія отношенія, насколько они будутъ касаться Царства Польскаго. Всѣ министры и члены коммиссій за нарушеніе конституціи, законовъ и королевскихъ постановленій подлежатъ сеймовому суду. Учреждается особая *контрольная палата*, которая зависитъ только отъ короля, и которая провѣряетъ всѣ денежные отчеты и выдаетъ квитанціи представляющимъ эти отчеты. Для выполненія приказовъ центральныхъ властей въ воеводствахъ имѣютъ быть *воеводскія*

коммиссіи изъ назначенныхъ коммиссаровъ, въ мѣстахъ—*муниципальныя власти*, въ гминахъ—*войты*. Все Царство дѣлится на восемь воеводствъ, на семьдесятъ семь повѣтовъ и пятьдесятъ одну гмину. Въ воеводствахъ на ряду съ воеводскими коммиссіями устанавливаются органы самоуправленія—*воеводскія рады* изъ совѣтниковъ, избранныхъ на шляхетскихъ сеймикахъ (по два отъ каждаго сеймика) и гминныхъ собраніяхъ (по одному отъ каждой гмины). На воеводскихъ радахъ избираются члены судовъ первыхъ двухъ инстанцій, окончательно вырабатываются списки кандидатовъ на административныя должности на основаніи представленій сеймиковъ и гминныхъ собраній и вообще охраняется общее благо воеводства.

Сеймъ, сеймики и гминныя собранія. Законодательная власть сосредоточивается въ особѣ короля и въ двухъ сеймовыхъ избахъ, сенаторской и посольской. *Сенатъ* слагается изъ принцевъ императорско-королевской крови, достигшихъ 18 лѣтъ отъ роду, бискуповъ, греко-уніатскаго митрополита, воеводъ и каштеляновъ, назначаемыхъ королемъ пожизненно, по представленію самого сената, изъ лицъ, имѣющихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду и платящихъ не менѣе 2000 злотыхъ налоговъ. Кромѣ выполненія законодательной функціи на сеймѣ, сенатъ по зову первоприсутствующаго члена собирается и не во время сейма. Онъ обсуждаетъ и рѣшаетъ вопросы о преданіи суду сенаторовъ, министровъ, членовъ государственнаго совѣта и референдаріевъ за преступленія по должности либо по указанію короля, либо по жалобѣ посольской избы, вопросы относительно законности сеймиковъ и гминныхъ собраній и происходившихъ на нихъ выборовъ и т. д. *Посольская изба* слагается изъ 77 пословъ отъ шляхетскихъ сеймиковъ и 51 депутата отъ гминъ. Послы и депутаты избираются на шесть лѣтъ и выбываютъ по жребію каждые два года, такъ что треть членовъ посольской избы остается въ своемъ званіи только два года; другая треть—четыре и третья—шесть лѣтъ. Послы и депутаты избираются изъ лицъ, пользующихся всѣми гражданскими правами, имѣющихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду и платящихъ не менѣе 100 злотыхъ налоговъ. *Сеймики,* на которыхъ избираются послы, члены воеводскихъ радъ и составляются списки кандидатовъ на административныя должности, созываются королевскимъ указомъ; предсѣдательствуютъ на нихъ назначенные отъ короля маршалки. Правомъ голоса на сеймикахъ пользуются только шляхтичи-землевладѣльцы, записанные въ обывательскую повѣтовую книгу, составленную воеводскою радою и утвержденную сенатомъ, и имѣющіе не менѣе двадцати одного года отъ роду. *Гминныя собранія*, на коихъ избираются депутаты на сеймы, члены воеводскихъ радъ и кандидаты на административныя должности, созываются также королемъ; предсѣдательствуютъ маршалки по назначенію короля. Въ эти собранія допускаются: владѣльцы недвижимой собственности, но не шляхетскаго званія, ремесленники и хозяева ремесленныхъ заведеній, купцы, имѣющіе товары на складѣ или въ магазинѣ на 10 тыс. злотыхъ, плебаны и викаріи, профессоры и учителя, худож-

ники, извѣстные талантомъ, знаніемъ или услугами, оказанными торговлѣ или искусству. Никто не можетъ голосовать на гминныхъ собраніяхъ, кто не пользуется правами гражданства, не записанъ въ обывательской книгѣ и не имѣетъ 21 года возраста.

Обыкновенные *сеймы* собираются по указу короля каждые два года на 30 дней; чрезвычайные—по мѣрѣ надобности. Сеймъ обсуждаетъ проекты гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ законовъ, выработанные государственнымъ совѣтомъ, а равно и проекты объ измѣненіи или ограниченіи компетенціи властей, установленныхъ конституціею, проекты финансовые и военные и, наконецъ, общій отчетъ о состояніи государства, составленный государственнымъ совѣтомъ. Сеймъ выслушиваетъ также заявленія и представленія пословъ и депутатовъ и пересылаетъ ихъ въ государственный совѣтъ для передачи монарху и выработки соотвѣтствующихъ законопроектовъ. Законопроекты вносятся государственнымъ совѣтомъ, по приказанію короля, либо въ сенаторскую, либо въ посольскую избу, за исключеніемъ проектовъ финансовыхъ, которые обязательно представляются сначала въ посольскую избу. Для предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ въ каждой избѣ тайною подачею голосовъ избираются три коммиссіи—изъ трехъ членовъ въ сенаторской избѣ и пяти въ посольской: коммиссія финансовыхъ законовъ, коммиссія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и коммиссія законовъ органическихъ и административныхъ. Эти коммиссіи и сносятся съ государственнымъ совѣтомъ, который, по ихъ предложенію, перерабатываетъ внесенные законопроекты. Изъ коммиссій законопроекты поступаютъ уже на обсужденіе избъ, при чемъ члены государственнаго совѣта имѣютъ только совѣщательный голосъ, если не состоятъ одновременно сенаторами, послами или депутатами. Совѣщанія сейма публичны, но по желанію десятой части членовъ можетъ быть образованъ тайный комитетъ. Голосованіе происходитъ открыто. Проектъ, принятый большинствомъ голосовъ въ одной избѣ, переходитъ въ другую палату, гдѣ долженъ быть принятъ тѣмъ же порядкомъ; при равенствѣ мнѣній проектъ считается принятымъ. Проектъ, принятый одною избою, не можетъ измѣняться другою, но долженъ быть цѣликомъ либо принятъ, либо отвергнутъ. Принятый обѣими избами законопроектъ становится закономъ лишь только послѣ санкціи короля.

Организація судебной власти. Власть судебная по конституціи 1815 года ввѣрялась и назначеннымъ королемъ, и выборнымъ судьямъ; первые должны быть пожизненны, вторые несмѣняемы до слѣдующаго выбора; и тѣ и другіе могутъ быть устраняемы за злоупотребленія по должности за преступленія не иначе, какъ по суду. Учреждалось нѣсколько судебныхъ инстанцій: *мировые суды* для всѣхъ классовъ общества, обязанностью которыхъ было примирять стороны до переноса дѣла въ гражданскій судъ первой инстанціи; *суды гражданскіе и полиціи* въ каждой гминѣ и въ каждомъ «мѣстѣ» для разбора дѣлъ, суммою иска превышающихъ пятьсотъ злотыхъ; по

нѣсколько *земскихъ судовъ и съѣздовъ* въ каждомъ воеводствѣ для разбора дѣлъ, суммою иска превышающихъ пятьсотъ злотыхъ, а также *торговые суды;* по нѣсколько *уголовныхъ судовъ* въ каждомъ воеводствѣ для дѣлъ уголовныхъ и исправительной полиціи; въ качествѣ судовъ второй инстанціи *два трибунала* для всего государства для разбора дѣлъ уголовныхъ, гражданскихъ и торговыхъ и, наконецъ, *верховный трибуналъ* въ Варшавѣ для всего государства, въ которомъ должны засѣдать по очереди сенаторы и пожизненно назначенные королемъ судьи, и въ которомъ, какъ въ послѣдней инстанціи, должны разбираться всякія гражданскія и уголовныя дѣла, за исключеніемъ государственныхъ преступленій и преступленій по должности высшихъ сановниковъ, разбираемыхъ *сеймовымъ судомъ.*

Военныя силы. Вооруженная сила государства состоитъ изъ войска, состоящаго на дѣйствительной службѣ и на жалованьѣ, и затѣмъ милиціи, готовой въ случаѣ надобности его подкрѣпить. Количество постояннаго войска опредѣляется монархомъ сообразно съ доходами, опредѣленными въ бюджетѣ. Войско сохраняетъ цвѣта своего мундира, свой національный уборъ и все, что касается его національнаго характера.

Общія гражданскія гарантіи. Конституція содержала и общія гражданскія, и разныя другія гарантіи. Католическая религія объявлялась предметомъ особаго попеченія правительства, безъ ущерба, однако, для свободы другихъ вѣроисповѣданій, послѣдователи которыхъ пользуются одинаковыми съ католиками политическими и гражданскими правами. Земельныя имущества римско-католическаго и греко-унитскаго духовенства составляютъ неотъемлемую и общую собственность духовной іерархіи; духовенству евангелическо-аугсбургскаго и евангелическо-реформатскаго вѣроисповѣданія обѣщалась ежегодная субсидія по назначенію короля. Всѣ граждане объявлялись равными передъ закономъ; имъ гарантировалась неприкосновенность личности и имущества. Польскій языкъ объявлялся обязательнымъ въ публичномъ дѣлопроизводствѣ—административномъ, судебномъ и военномъ; объявлялось замѣщеніе всѣхъ публичныхъ должностей природными или натурализованными поляками. Сохранялись гражданскіе и военные ордена: Бѣлаго Орла, Св. Станислава и Военнаго Креста (Virtuti militari). Конституціонный уставъ предполагалось развить органическими статутами, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые не будутъ изданы немедленно, подлежатъ предварительному разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ. Первый бюджетъ доходовъ и расходовъ имѣетъ быть составленъ королемъ и государственнымъ совѣтомъ; измѣняться этотъ бюджетъ долженъ уже королемъ и обѣими палатами. Органическіе статуты и книги законовъ не могутъ измѣняться иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ—королемъ и двумя палатами. Законы, постановленія и распоряженія короля публикуются въ «Дневникѣ законовъ Царства Польскаго». Всѣ прежніе законы и уставы, противорѣчащіе настоящей конституціи, отмѣняются.

Общій характеръ конституціи царства и ея необезпеченность. Конституція царства Польскаго вышла чуть ли не самою либеральною въ Европѣ. Въ особенности справедливо это относительно содержащагося въ ней избирательнаго права, основаннаго на умѣренномъ цензѣ и прямыхъ выборахъ. Въ небольшомъ царствѣ Польскомъ въ 1820 году было около 100 т. избирателей, тогда какъ въ тогдашней Франціи было только 80 т.; пропорціонально общему количеству населенія въ царствѣ было вдесятеро больше избирателей, чѣмъ во Франціи. И въ отношеніи гарантій гражданской и политической свободы конституція царства въ общемъ стояла на уровнѣ требованій своего времени. Но при всемъ томъ ея существованіе было шатко и необезпечено. Дѣло въ томъ, что съ этою конституціею пришлось имѣть дѣло абсолютному монарху могущественной имперіи, съ которой царство связана была постоянными узами. «Соединеніе на одномъ челѣ короны самодержца и конституціоннаго короля,—говоритъ участникъ и историкъ возстанія 1831 года Мохтацкій,—было политическимъ уродствомъ, которое долго существовать не могло». Предвѣстія этого обнаружились уже при Александрѣ I, теоретическія воззрѣнія котораго всегда были слабѣе его чувствъ и привычекъ во вліяніи на волю, и который, будучи либеральнымъ и конституціоннымъ на словахъ, всегда оставался автократомъ на дѣлѣ.

Новосильцевъ и в. кн. Константинъ и ихъ вліяніе на ходъ дѣлъ въ Царствѣ. Началось съ назначенія намѣстника. Общественное мнѣніе Польши ожидало назначенія на этотъ постъ того самаго человѣка, который принималъ такое близкое участіе въ возсозданіи королевства Польскаго, т.-е. кн. Чорторыйскаго. Но неожиданно для всѣхъ, уступая представленіямъ своего брата в. кн. Константина и Новосильцева, Александръ назначилъ намѣстникомъ царства Польскаго генерала Зайончка. Затѣмъ появилась непредусмотрѣнная конституціею должность *императорскаго коммиссара*. Александръ назначилъ Новосильцева своимъ коммиссаромъ на время введенія конституціи, на нѣсколько мѣсяцевъ. Но затѣмъ и послѣ Новосильцевъ остался въ этой должности и сталъ своего рода ревизоромъ надъ дѣйствіями польскаго правительства. Вопреки конституціи онъ сдѣланъ былъ членомъ административнаго (государственнаго) совѣта, хотя не былъ ни природнымъ, ни натурализованнымъ полякомъ; знакомясь съ положеніемъ дѣлъ въ Царствѣ, онъ посылалъ еженедѣльные рапорты въ Петербургъ и оказывалъ давленіе на намѣстника и министровъ. Этотъ намѣстникъ, долженствовавшій по конституціи быть въ непосредственномъ подчиненіи у короля, фактически оказался въ подчиненіи у великаго князя Константина, главнокомандующаго польскою арміею. Онъ докладывалъ ему обо всѣхъ постановленіяхъ и предположеніяхъ административнаго совѣта, отдавалъ на его одобреніе всѣ назначенія и повышенія чиновниковъ. Константинъ и Новосильцевъ стали властно распоряжаться въ Царствѣ, мало справляясь съ конституціею.

Первыя нарушенія конституціи. Подъ ихъ опекою и руководствомъ польскія власти стали издавать самовольно разныя постановленія, напр., безъ участія сейма ввели табачную и соляную монополію, обложеніе шинкарей и т. д. Первый сеймъ, созванный Александромъ въ 1818 году, не преминулъ обратить на это вниманіе государя. Но Александръ черезъ министра статсъ-секретаря далъ понять сейму, что конституція не даетъ сейму права критиковать дѣйствія правительства и въ чемъ-либо упрекать его: сеймъ можетъ лишь только высказывать свое мнѣніе по вопросамъ, переданнымъ на его разсмотрѣніе правительствомъ. Такое утвержденіе, однако, не имѣло дѣйствительнаго основанія въ конституціи, которая предоставляла право посламъ и депутатамъ выступать съ заявленіями о пользахъ и нуждахъ государства. Противорѣчилъ конституціи и отказъ на ходатайства сейма о предоставленіи на его обсужденіе бюджета, объ изданіи закона относительно рекрутскаго набора и объ установленіи свободы печати путемъ отмѣны цензуры. Но Александра это не смущало. Въ его глазахъ польская конституція была добровольнымъ даромъ, который онъ могъ не только измѣнить, но и отнять, а конституціонная хартія обязывала народъ польскій а не государя.—Охваченный общимъ вѣяніемъ реакціоннаго духа въ Европѣ, Александръ въ это время уже не былъ увѣренъ въ правильности пути свободнаго развитія народовъ. Этимъ объясняются предостереженія, которыя онъ сдѣлалъ полякамъ въ тронной рѣчи при открытіи сейма 1818 года, его приглашеніе доказать на дѣлѣ пользу «законно-свободныхъ постановленій» и «тѣмъ дать ему, императору, возможность распространить ихъ и на другія страны, Провидѣніемъ его попеченію ввѣренныя».

Общественное броженіе въ царствѣ Польскомъ; репрессіи. Но эти предостереженія, однако, не подѣйствовали въ желательномъ для Александра направленіи. Въ 1818—1820 годахъ, подъ вліяніемъ испанскихъ и итальянскихъ революціонныхъ событій, въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ Европы, началось общественное броженіе. Газеты стали наполняться нападками на произвольныя дѣйствія администраціи и революціонными статьями. Правительство отвѣтило на это репрессіями: закрыта была «Ежедневная Газета» и «Бѣлый Орелъ»; публицистъ Скоморовскій былъ арестованъ, а редакторъ «Бѣлаго Орла» Моравскій долженъ былъ спасаться бѣгствомъ за границу. Постановленіями намѣстника въ маѣ и декабрѣ 1819 года введена была цензура сначала для журналовъ и періодическихъ изданій, а затѣмъ для всѣхъ произведеній печати вообще. Сообщеніемъ королевскимъ отъ 13 декабря 1819 года на имя намѣстника провозглашена была неизбѣжность ограниченія личной свободы гражданъ, насколько будетъ нужно по требованію момента (l'urgence du moment). Это сообщеніе открыло широкую дорогу административному произволу. Великій князь Константинъ началъ преслѣдовать лицъ, подозрѣваемыхъ въ революціонныхъ замыслахъ, и сажать ихъ въ Кармелитскій монастырь въ Лѣшнѣ, который превращенъ былъ въ тюрьму.

Сеймъ 1820 года и конфликтъ его съ монархомъ. Предвѣстія надвигающагося разрыва между королемъ и народомъ обнаружились явственно на сеймѣ 1820 года. Въ тронной рѣчи при открытіи сейма 12 сентября Александръ предостерегалъ поляковъ относительно «злого духа, который носится надъ Европою», конституцію называлъ порядкомъ, который онъ ввелъ по своему усмотрѣнію, намекая этимъ на возможность ея отмѣны, предупреждалъ о возможности средствъ насильственныхъ для возстановленія порядка. Съ другой стороны, сеймъ отвергъ подавляющимъ числомъ голосовъ (117 противъ 3) уставъ уголовнаго судопроизводства, въ которомъ ничего не упоминалось о судахъ присяжныхъ, и органическій статутъ для сената, коимъ ограничивалось Высочайшимъ соизволеніемъ право сената предавать министровъ сеймовому суду. Въ многочисленныхъ (около 90) петиціяхъ сейма на ряду съ пожеланіями положительнаго характера помѣщено не мало жалобъ на отступленія правительства отъ конституціи. Въ сеймовыхъ дебатахъ особенно рѣзко выступалъ по этому поводу посолъ Калишскаго воеводства Викентій Нѣмоёвскій. «Конституція,—говорилъ онъ,—это собственность народа. Король не имѣетъ права ни отнимать ее, ни измѣнять. Мы уже лишились свободы печати, нѣтъ у насъ неприкосновенности личности; право собственности нарушается; наконецъ, теперь хотятъ отнять у насъ отвѣтственность министровъ. Что же останется отъ всей конституціи? Stat magni nominis umbra»... Нѣмоёвскій предлагалъ привлечь къ суду министра народнаго просвѣщенія Станислава Потоцкаго за то, что онъ скрѣпилъ своею подписью постановленія намѣстника, вводившія цензуру. Все это сильно разгнѣвало Александра и въ прощальной рѣчи при закрытіи сейма (13 октября) онъ бросилъ посламъ упрекъ, что они своими дѣйствіями замедлили дѣло возстановленія своего отечества, и что на нихъ падетъ тяжкая за это отвѣтственность. Уѣзжая на другой день въ Петербургъ, Александръ далъ великому князю Константину carte blanche, т.-е. предоставилъ полную свободу дѣйствовать, не стѣсняясь конституціею. Вернувшись въ Петербургъ, Александръ хотѣлъ было издать указъ объ уничтоженіи конституціи. Новосильцевъ, вырабатывавшій тогда проектъ общеимперской конституціи, представилъ Александру проектъ постановленія, отмѣняющаго особность Царства Польскаго и инкорпорирующаго его въ имперію, какъ одно изъ намѣстничествъ. Но министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Каподистрія и англійскій посолъ удержали Александра отъ исполненія его намѣренія.

Намѣренія Александра упразднить конституцію. Мысль объ отмѣнѣ польской конституціи, однако, не покидала Александра. Въ рескриптѣ на имя административнаго совѣта, данномъ въ маѣ 1821 года по поводу дефицита въ нѣсколько милліоновъ злотыхъ, императоръ выражалъ сомнѣніе, можетъ ли Польское королевство при существующей организаціи держаться своими собственными средствами, или оно должно принять иную форму, болѣе соотвѣтствующую его силамъ. Но опасность, надви-

гавшуюся съ этой стороны, сумѣлъ предотвратить министръ финансовъ кн. Любецкій. Онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сократить расходы и увеличить доходы. Очень много денегъ тратилъ великій князь Константинъ на содержаніе тайной полиціи и на другія цѣли, не оправдываемыя дѣйствительными нуждами государства. Любецкій составилъ точный бюджетъ и отказывался выдавать деньги на нужды, не обозначенныя опредѣленно въ бюджетѣ, безъ разрѣшенія Петербурга. Чтобы увеличить доходы, онъ назначилъ коммиссіи по воеводствамъ для розыска и взысканія административнымъ порядкомъ всевозможныхъ недоимокъ со временъ Станислава-Августа, при чемъ для поощренія ихъ усердія предоставилъ имъ долю сбора, ввелъ государственную монополію на водку, не считаясь съ привилегіями городовъ, самовольно накладывалъ подати и опредѣлялъ способы ихъ взиманія. Всѣ эти поборы и фискальныя злоупотребленія возбудили ненависть народа къ Любецкому. Но онъ все же привелъ казну царства въ порядокъ и тѣмъ отклонилъ угрозу Александра.

Реакція въ школьной политикѣ. Реакціонный духъ, охватившій императора Александра въ эту эпоху, проявился и въ другихъ сторонахъ его политики въ Польшѣ. Онъ сталъ оказывать особенное расположеніе католическому духовенству, надѣясь на его содѣйствіе въ искорененіи либеральныхъ стремленій въ народѣ. Католическое духовенство подняло голову. Оно потребовало предоставленія епископамъ надзора надъ школами и правами, уничтоженіе гражданскихъ браковъ, разрѣшенныхъ кодексомъ Наполеона, и устраненія неугодныхъ ему сановниковъ,—главнымъ образомъ министра народнаго просвѣщенія Станислава Потоцкаго. Потоцкій проявилъ себя неутомимымъ дѣятелемъ народнаго просвѣщенія въ Польшѣ. Его стараніями въ 1816 году былъ учрежденъ въ Варшавѣ университетъ изъ пяти факультетовъ (въ составъ ихъ вошли между прочимъ юридическая и медицинская школы, учрежденныя въ Варшавскомъ княжествѣ) съ уставомъ, проникнутымъ началами широкой академической автономіи. Кромѣ университета, царство Польское обогатилось при немъ и другими высшими учебными заведеніями, каковы были: горная академія (учр. въ 1816 г.), лѣсная школа (въ 1818 г.) и агрономическій институтъ (въ 1818 году). При немъ открыто было много и среднихъ, и низшихъ школъ. Въ своей просвѣтительной дѣятельности Потоцкій выступилъ открытымъ врагомъ клерикализма и обскурантизма. Его стараніями закрыто было нѣсколько богатѣйшихъ монастырей; онъ поддерживалъ союзы масоновъ, писалъ въ журналахъ ѣдкія статьи противъ ханжества и лицемѣрія. Его повѣсть «Путешествіе въ Темноградъ» вызвала негодованіе великаго князя Константина, Новосильцева, духовенства и высшей аристократіи, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. Назначенный на его мѣсто Станиславъ Грабовскій и его помощникъ Іосифъ Шанявскій явились ревностными служителями реакціи. Шанявскій, не пропускалъ въ печать ни одного произведенія, въ которомъ крылась какая-либо свободная мысль. Исходя

изъ убѣжденія, что образованіе только кружитъ голову простымъ людямъ, Грабовскій и Шанявскій закрыли множество низшихъ школъ, увеличеніемъ платы затруднили доступъ въ среднія и высшія школы. Особенное вниманіе было обращено на университетъ. Инспекція, состоящая въ подчиненіи генеральнаго куратора, обязана была слѣдить не только за поведеніемъ студентовъ, но и за преподаваніемъ профессоровъ «согласно съ программами и особо изданными инструкціями». Аналогичныя мѣры приняты были и относительно Виленскаго университета, который подъ попечительствомъ князя Чорторыйскаго развивался въ національно-польскомъ направленіи и сталъ проводникомъ полонизма въ литовскихъ и западнорусскихъ губерніяхъ. Стоя подобно другимъ русскимъ университетамъ во главѣ своего учебнаго округа, Виленскій университетъ, въ которомъ сосредоточились крупныя ученыя силы Польши, назначалъ учителей исключительно изъ поляковъ, издавалъ учебники на польскомъ языкѣ и велъ все воспитаніе молодежи въ польскомъ духѣ. Молодежь и отвѣтила по-своему на это педагогическое воздѣйствіе. Въ годовщину майской конституціи 1791 года четырнадцатилѣтній ученикъ виленской гимназіи Михаилъ Платеръ написалъ на классной доскѣ: «Да здравствуетъ конституція 3 мая»! Объ этомъ сообщено было губернатору, который донесъ о поступкѣ ученика в. кн. Константину. Цесаревичъ поручилъ Новосильцеву произвести слѣдствіе. Начались обыски въ квартирахъ профессоровъ и студентовъ, и въ концѣ концовъ Новосильцевъ напалъ на слѣдъ тайнаго общества молодежи, называвшагося *филаретами* и ставившаго себѣ цѣлью не только нравственное товарищеское воздѣйствіе, но и направленіе къ высокимъ гражданскимъ идеаламъ. Новосильцевъ представилъ императору обо всемъ этомъ докладъ, и въ результатѣ Александръ лишилъ каѳедръ четырехъ профессоровъ, въ томъ числѣ извѣстнаго историка Лелевеля и профессора философіи Голуховскаго, устранилъ отъ должности попечителя кн. Чорторыйскаго и назначилъ на его мѣсто Новосильцева, который и уничтожилъ всю систему Чорторыйскаго.

Усиленіе общественнаго недовольства и тайныя общества въ царствѣ Польскомъ. Насильственныя и произвольныя дѣйствія правительства усиливали недовольство и революціонное броженіе въ обществѣ. Уже въ 1817 году въ царствѣ Польскомъ начали формироваться тайныя общества и патріотическіе союзы, ставившіе своею цѣлью освобожденіе польскихъ земель отъ иноземной власти и возстановленіе независимаго Польскаго государства. Наиболѣе активное участіе приняли въ нихъ польскіе офицеры, раздражаемые и возмущаемые грубостью и жестокостью в. кн. Константина, который передъ фронтомъ подвергалъ ихъ оскорбленіямъ и униженіямъ, издѣвался надъ конституціею, нещадно наказывалъ солдатъ палками. Иниціаторомъ движенія былъ майоръ Валеріанъ Лукасиньскій. Чтобы избѣжать преслѣдованій, Лукасиньскій и его друзья рѣшили дѣйствовать подъ видомъ явныхъ, дозволенныхъ обществъ «вольныхъ камен-

щиковъ». Лукасиньскій, избранный великимъ мастеромъ, началъ устраивать масонскія ложи въ польскихъ полкахъ и воеводскихъ городахъ и даже за границею. Кромѣ военныхъ, въ нихъ начало вступать много гражданскихъ лицъ—чиновники, помѣщики и др. Всѣ эти ложи поставили своею цѣлью политическую реставрацію Польши въ самыхъ широкихъ границахъ. Эта эволюція не ускользнула отъ вниманія правительства, и въ 1821 году былъ изданъ указъ, закрывавшій всѣ масонскія ложи и запрещавшій всѣ тайныя общества. Но разсѣянное масонство скоро возродилось тайно подъ именемъ «Народнаго патріотическаго общества», во главѣ котораго сталъ особый комитетъ. Предсѣдателемъ его сталъ зять Лукасиньскаго референдарій Вежболовичъ, но фактическимъ заправилою былъ Лукасиньскій. Дѣятельность Лукасиньскаго, однако, скоро обратила на себя вниманіе полиціи, и онъ былъ съ нѣкоторыми своими единомышленниками арестованъ въ 1822 году и присужденъ къ семи годамъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ званія и знаковъ отличія. Но тайное «Патріотическое общество» не было раскрыто и продолжало свою дѣятельность подъ руководствомъ сенатора Станислава Солтыка и подполковника гвардейскихъ стрѣлковъ Кржижановскаго. Въ 1824 и 1825 году это общество вело переговоры съ тайными обществами, организовавшимися въ Россіи, о совмѣстномъ и одновременномъ возстаніи, о возвращеніи Польшѣ независимости и о новыхъ польско-русскихъ границахъ. Но эти переговоры не привели, однако, къ какимъ-либо опредѣленнымъ соглашеніямъ.

Сеймъ 1825 года; отмѣна публичности и засѣданій. Въ 1822 году долженъ былъ, согласно конституціи, быть созванъ третій сеймъ. Но по представленію намѣстника о неспокойномъ состояніи умовъ, вызванномъ арестами Лукасиньскаго и его друзей, созывъ сейма былъ отсроченъ. Сеймъ созванъ былъ только въ 1825 году и прошелъ уже въ условіяхъ и обстановкѣ чрезвычайныхъ, не предполагавшихся конституціею. Еще въ февралѣ 1825 года опубликована была дополнительная статья къ конституціи, отмѣнявшая публичность засѣданій сейма. Отмѣна эта мотивировалась тѣмъ, что публичность преній вызываетъ въ ораторахъ погоню за популярностью, что пренія благодаря этому вырождаются въ пустыя декламаціи, лишенныя спокойствія и достоинства. Изъ засѣданій сейма устранены были не только публика, но и нѣкоторые послы, напр. Викентій Нѣмсёвскій, посолъ Калишскаго воеводства. Засѣданія сейма происходили во дворцѣ, окруженномъ войсками, переполненномъ русскими чиновниками и агентами. Подавленные всѣми этими распоряженіями и обстановкою, польскіе послы и депутаты обнаружили крайнюю осторожность и умѣренность. Проекты, представленные правительствомъ объ измѣненіяхъ въ первой книгѣ Наполеонова кодекса и объ учрежденіи кредитнаго общества были приняты сеймомъ. Сеймъ отказался отъ протеста противъ дополнительной къ конституціи статьи, не рѣшился представить и петиціи, поданныя маршалку въ послѣдній день съ жалобами на нарушенія конституціи и насилія

властей. Александръ остался очень доволенъ поведеніемъ сейма и, закрывая его, сказалъ членамъ сейма: «Вы исполнили чаянія вашей отчизны и оправдали мое довѣріе. Моимъ желаніемъ теперь будетъ убѣдить васъ, какое вліяніе ваше поведеніе окажетъ на вашу будущность»! Въ интимныхъ разговорахъ съ великимъ княземъ царь заявлялъ, что онъ остается при своемъ намѣреніи соединить Литву съ царствомъ Польскимъ. Но судьба рѣшила иначе. Напряженіе послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра не только не разрѣшилось послѣ роспуска сейма 1825 года, но еще болѣе усилилось и въ концѣ-концовъ привело къ революціонному взрыву и крушенію конституціи 1815 года.

Важнѣйшая литература:

Sz. Askenazy, Rossya—Polska. 1815—1830. Lwów 1907.

— Łukasiński. 2 tomy. 1908 г.

А. Погодинъ, Польша передъ возстаніемъ 1830 г. (Русское Богатство 1912 года, авг.—сент.).

— Исторія Польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Москва 1915 г.

П. Майковъ, Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса (Русская Стар.. 1902 г.).

Н. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, томы II—IV.

М. Любавскій, Царство Польское и его конституція (Книга для чтенія по исторіи новаго времени, т. III, изд. Сытина).

St. Smolka, Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym, 2 tomy. Kraków 1907.

I. Bieliński, Królewski Uniwersytet Warszawski (1816—1831), 2 tomy. 1907—1911.

A. Kraushar, Senator Nowosilcow i censura za Królestwa Kongresowego (1819—1829). Kraków 1913.

XXXII.

Ноябрьское возстаніе въ царствѣ Польскомъ и отмѣна его конституціи.

Николай I и Польша. Преемникъ Александра I на русскомъ престолѣ Николай I, не сочувствуя установленному для Польши государственному строю, тѣмъ не менѣе считалъ для себя обязательнымъ сохраненіе за Польшею правъ, дарованныхъ его предшественникомъ. Въ одномъ только отношеніи онъ не считалъ для себя возможнымъ итти по

стопамъ брата—это продолжать питать и поддерживать въ полякахъ идеи о возсоединеніи Литвы съ Польшею «Я долженъ былъ бы перестать быть русскимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ,—писалъ онъ брату Константину,—если бы я вздумалъ вѣрить, что возможно отдѣлить Литву отъ Россіи». Съ теченіемъ времени, однако, онъ оказался не въ силахъ исполнить и принятыя уже на себя обязательства, т.-е. сохранить конституцію Царства Польскаго.

Первый конфликтъ; судъ надъ членами тайнаго Патріотическаго Общества. Еще до коронаціи и принесенія присяги въ соблюденіи конституціи Николай I подвергся сильному искушенію наложить руку на польскія свободы и вольности. Слѣдствіе надъ декабристами раскрыло существованіе въ Польшѣ тайнаго Народнаго патріотическаго общества, члены котораго вели переговоры съ декабристами о замышлявшемся государственномъ переворотѣ и будущихъ отношеніяхъ Россіи и Польши. Послѣдовали многочисленные аресты въ царствѣ и литовско-русскихъ губерніяхъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ тайному обществу. Великій князь Константинъ и Новосильцевъ настаивали на преданіи всѣхъ этихъ лицъ военному суду, но административный совѣтъ, согласно конституціи, предалъ ихъ сеймовому суду, составленному изъ сенаторовъ. Сеймовый судъ отвергъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ, призналъ подсудимыхъ виновными лишь въ образованіи тайнаго общества и въ недонесеніи правительству о существующихъ за границею заговорахъ. Только Кржижановскій за непосредственные переговоры съ декабристами былъ присужденъ къ тремъ годамъ и тремъ мѣсяцамъ крѣпости, а остальные къ тремъ мѣсяцамъ заключенія. Приговоръ этотъ возбудилъ крайнее негодованіе въ русскомъ правительствѣ. Царь сначала запретилъ даже объявлять этотъ приговоръ и предписалъ всѣмъ членамъ суда не выѣзжать изъ Варшавы, очевидно, намѣреваясь расправиться съ ними. И только общественное возмущеніе въ Польшѣ и нежеланіе дальше раздражать поляковъ, въ виду начавшейся войны съ турками, заставили Николая Павловича, скрѣпя сердце, утвердить въ мартѣ 1829 года приговоръ, и ограничиться только строгимъ выговоромъ судьямъ.

Коронація Николая I. Эти же соображенія заставили царя согласиться и на совершеніе обряда коронаціи въ маѣ того же 1829 года. Но обрядъ этотъ совершенъ былъ не въ соборѣ, а въ королевскомъ замкѣ, въ залѣ сената, и ограничился одною только молитвою примаса, послѣ чего императоръ самъ возложилъ на себя корону, не польскую, а императорскую русскую, привезенную изъ Москвы, и принесъ присягу. Все это больно задѣло польское общество, и агитаторы воспользовались этимъ для того, чтобы подогрѣть нерасположеніе и недовѣріе къ царю. Это недовѣріе еще болѣе усилилось послѣ того, какъ императоръ не далъ никакого отвѣта на петицію членовъ сейма объ отмѣнѣ добавочной къ конституціи статьи. Варшава проводила государя довольно холодно, и онъ не могъ не почувствовать

этого и съ своей стороны не могъ проникнуться добрыми чувствами къ полякамъ. Эта взаимная непріязнь и прорвалась наружу на сеймѣ 1830 года.

Сеймъ 1830 года; вопросъ о разводахъ, петиціи и жалобы. Вопреки конституціи Николай Павловичъ долгое время не созывалъ сейма, несмотря на неоднократныя представленія о томъ административнаго совѣта. Онъ рѣшился на этотъ шагъ лишь послѣ того, какъ Любецкій и другіе увѣрили его, что сеймъ пройдетъ благополучно. Для открытія его онъ прибылъ самъ въ Варшаву въ концѣ мая 1830 года. Первыя засѣданія прошли гладко. Законопроектъ о постановкѣ памятника Александру I принятъ былъ обѣими палатами единогласно; прошли и другіе законы, касавшіеся ипотечныхъ вопросовъ, лѣсного хозяйства и т. д. Но настроеніе сразу измѣнилось, когда дошла очередь до измѣненія первой книги кодекса Наполеона въ отношеніи разводовъ. Духовенство настойчиво добивалось изъятія брачныхъ и разводныхъ дѣлъ изъ компетенціи свѣтскихъ властей и передачи ихъ въ вѣдѣніе властей церковныхъ. Правительство пошло на компромиссъ и представило законопроектъ, согласно которому гражданскіе суды давали право на разводъ, но послѣ этого развода стороны, пожелавшія вступить въ новые браки, должны были обращаться за разрѣшеніемъ къ церковнымъ властямъ. Императоръ, относившійся враждебно къ законодательству кодекса и осаждаемый духовенствомъ, заявилъ, что принятіе законопроекта—его желаніе, его воля. Это заявленіе и подлило масла въ огонь. «Какое-то безуміе въ погонѣ за суетною популярностью охватило палату,—пишетъ въ своихъ мемуарахъ Нѣмцевичъ;—депутатамъ непремѣнно хотѣлось имѣть чисто гражданскіе разводы; надъ тѣми, кто думалъ иначе, насмѣхались. Юристъ Воловскій, недавній выкрестъ, Лелевель, сухой эрудитъ, и другіе по два часа разсуждали о церковномъ правѣ, о таинствахъ; горячія головы дѣлали выпады съ обѣихъ сторонъ». Въ результатѣ законъ, единогласно прошедшій въ сенатѣ, въ палатѣ депутатовъ провалился 92 голосами противъ 21. «Трудно передать,—пишетъ Нѣмцевичъ,—какъ возмутился императоръ и король, узнавъ объ этомъ». Гнѣвъ его еще болѣе усилился, когда посыпались многочисленныя жалобы на закрытіе школъ, на разгромъ университета, на преслѣдованіе печати, на взиманіе податей безъ согласія сейма, петиціи объ отмѣнѣ дополнительной статьи, цензуры и т. д. Императоръ закрылъ сеймъ холодною, полною упрековъ рѣчью, и покинулъ Варшаву, «чувствуя все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ самъ». Но при всемъ томъ онъ не ожидалъ какого-либо иного взрыва, кромѣ того, какой уже имѣлъ мѣсто на сеймѣ. Не ожидало его въ большинствѣ и само польское общество. События разразились внезапно и увлекли его въ свой водоворотъ фатально, независимо отъ доброй воли и разумѣнія лицъ.

Заговоръ Высоцкаго. Еще въ декабрѣ 1828 года, послѣ разгрома тайнаго Патріотическаго общества, инструкторъ школы подхорунжихъ Петръ

Высоцкій образовалъ среди учащихся этой школы «Военный союзъ» для подготовленія возстанія съ помощью войска; къ союзу присоединились и гражданскіе люди—университетская молодежь, литераторы и другіе демократически настроенные элементы. Въ большинствѣ польскаго общества, однако, идея разрыва съ Россіею на первыхъ порахъ не пользовалась сочувствіемъ. Сначала заговорщики хотѣли поднять возстаніе во время коронаціи, овладѣть особою императора и провозгласить независимость Польши; но затѣмъ рѣшили отложить свое предпріятіе до созыва сейма, предполагая получить отъ него сигналъ къ возстанію. Вожди партій и видные дѣятели (Чорторыйскій, Лелевель и др.), съ которыми они вступили въ переговоры, отвѣчали уклончиво, дали только понять, что, если возстаніе произойдетъ, они не откажутся принять въ немъ участіе. Другіе совѣтовали повременить до болѣе благопріятнаго момента, до предстоявшей войны съ Франціею. Горячія головы среди заговорщиковъ, однако, не хотѣли ждать. Освобожденіе Греціи отъ турецкаго господства, а еще болѣе іюльская революція во Франціи и революція бельгійская, увѣнчавшіяся успѣхомъ, окрыляли ихъ надеждою на успѣхъ и польской революціи.

Ночь на 29 ноября; начало возстанія. Возстаніе вспыхнуло въ ночь на 29 ноября. Вечеромъ этого дня горсть студентовъ (18 человѣкъ) подъ начальствомъ двухъ подхорунжихъ вторглась въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ жилъ в. кн. Константинъ, ранила вицепрезидента города Варшавы Любовидзскаго, преградившаго имъ дорогу въ спальню великаго князя, убили генерала Жандра, принявъ его за великаго князя, и, сочтя свою миссію выполненною, покинула дворецъ. Въ то же самое время 160 подхорунжихъ подъ начальствомъ Высоцкаго напали на казармы трехъ полковъ русской конной гвардіи, свалили на землю нѣсколькихъ солдатъ, но въ концѣ концовъ должны были оступить передъ превосходными силами. Проходя затѣмъ по улицамъ Варшавы и встрѣчаясь съ отрядами русскихъ и польскихъ войскъ, спѣшившихъ къ Бельведеру, заговорщики приглашали польскіе отряды примкнуть къ возстанію и убили нѣсколько польскихъ генераловъ, отказавшихся принять надъ ними начальство. Затѣмъ повстанцы захватили арсеналъ, въ которомъ хранилось до 80 т. ружей, и половину ихъ роздали населенію. Тѣмъ временемъ великій князь Константинъ, прятавшійся на чердакѣ дворца, вышелъ изъ своего убѣжища и отправился на Уяздовскую аллею, гдѣ собралась вся русская кавалерія; сюда же явился и польскій полкъ гвардейскихъ стрѣлковъ и предложилъ цесаревичу свои услуги. Великій князь вполнѣ могъ бы подавить начавшееся движеніе; находившійся при немъ генералъ Герштенцвейгъ просилъ великаго князя употребить противъ возставшихъ силу, завѣрялъ, что онъ берется усмирить Варшаву въ четыре часа. Но перепугавшійся и растерявшійся великій князь не принялъ этого предложенія. Прохаживаясь передъ фронтомъ русскихъ войскъ, онъ безпрерывно повторялъ, что поляки сами должны подавить безпорядокъ, вызванный ихъ людьми, что онъ не желаетъ мѣшаться

«въ польскую ссору», что преступленіе на сторонѣ поляковъ, и онъ не хочетъ пачкать въ немъ рукъ и т. д. Съ женою, свитою и частью оставшагося ему вѣрнымъ войска великій князь удалился изъ Варшавы въ мызу Вежбну, оставивъ Варшаву на произволъ судьбы, и давая пожару разгораться все болѣе и болѣе.

Попытки административнаго совѣта прекратить возстаніе и ихъ неудача. Административный совѣтъ, собравшись на чрезвычайное засѣданіе и включивши въ свой составъ нѣсколько лицъ, пользующихся довѣріемъ народа, — кн. Чорторыйскаго, Радзивилла, Кохановскаго, генераловъ Паца и Хлопицкаго, отправилъ къ великому князю депутацію съ просьбою употребить силу для прекращенія возстанія, но получилъ отказъ. Послѣ того совѣтъ началъ дѣйствовать собственными силами. Утромъ 30 ноября онъ издалъ отъ имени царя воззваніе къ народу, въ которомъ, называя событія вчерашняго дня печальными, приглашалъ населеніе къ порядку и спокойствію и съ своей стороны обѣщалъ безопасность жизни и имущества. Начальство надъ польскою арміею совѣтъ вручилъ сначала Пацу, а потомъ Хлопицкому. Но скоро оказалось, что занятое имъ положеніе уже не имѣетъ за собою общественной поддержки. 1-го декабря въ совѣтъ явилась депутація отъ членовъ сейма, находившихся въ Варшавѣ, и потребовала устраненія изъ него непопулярныхъ царскихъ министровъ и замѣны ихъ членами сейма. Совѣтъ подчинился этому требованію и въ большинствѣ своихъ членовъ самъ себя распустилъ; изъ прежнихъ членовъ остались только трое: президентъ Соболевскій, министръ финансовъ Любецкій и внутреннихъ дѣлъ Мостовскій. Такимъ образомъ административный совѣтъ превратился въ сущности въ народное правительство.

Это правительство отправило къ цесаревичу депутацію изъ Чорторыйскаго, Любецкаго, Островскаго и Лелевеля, которая добилась отъ великаго князя обѣщаній не начинать военныхъ дѣйствій, хлопотать у императора объ амнистіи повстанцамъ, принять къ свѣдѣнію и сообщить императору, что самое горячее желаніе поляковъ—присоединеніе къ царству литовскихъ губерній и возстановленіе конституціи, дарованной Александромъ I. Но народное движеніе зашло уже такъ далеко, что самые эти переговоры съ цесаревичемъ были встрѣчены враждебно. Наиболѣе радикальные элементы собрались въ городской ратушѣ и сорганизовались въ клубъ подъ названіемъ «Патріотическаго общества» подъ предсѣдательствомъ бывшаго профессора Виленскаго университета Лелевеля. Этотъ клубъ отправилъ депутацію къ совѣту, которая явилась въ сопровожденіи многотысячной толпы народа, выразила совѣту неудовольствіе за то, что онъ хочетъ закончить соглашеніемъ народное дѣло, начатое оружіемъ, и потребовала прекращенія переговоровъ съ цесаревичемъ и начатія военныхъ дѣйствій. Административный совѣтъ, обсудивъ эти требованія, рѣшилъ принять въ свой составъ четырехъ членовъ Патріотическаго общества, послѣ чего Любецкій увѣдомилъ Константина, что при такихъ обстоятельствахъ

нечего и думать о соглашеніи, а Хлопицкій посовѣтовалъ отпустить польскія войска въ Варшаву, а самому съ русскимъ корпусомъ удалиться на Литву. Цесаревичъ, не желая натолкнуться на враждебныя дѣйствія со стороны повстанцевъ, послѣдовалъ совѣту Хлопицкаго. Члены административнаго совѣта, назначенные царемъ—Соболевскій, Любецкій и Мостовскій не могли уже оставаться въ немъ послѣ присоединенія членовъ Патріотическаго общества и 3 декабря подали въ отставку. Такъ прекратилъ свое существованіе административный совѣтъ, бывшій обломкомъ легальнаго правительства страны.

Временное правительство и диктатура Хлопицкаго; его стремленія. Изъ семи членовъ, принятыхъ въ составъ административнаго совѣта 30 ноября и 1 декабря, было образовано по инціативѣ Чорторыйскаго *временное правительство,* которое, не разрывая открыто съ царемъ, присвоило его прерогативы—распорядилось созвать сеймъ на 18 декабря 1830 г. Впрочемъ это правительство просуществовало только два дня. Усилившаяся анархія заставила генерала Хлопицкаго взять въ свои руки диктатуру. Поляки съ радостью встрѣтили диктатуру, надѣясь, что Хлопицкій сдѣлаетъ то, чего не посмѣли сдѣлать ни административный совѣтъ, ни временное правительство,—объявитъ разрывъ съ царемъ, подниметъ возстаніе въ Литвѣ и начнетъ борьбу за независимость.

Но Хлопицкій взялъ диктатуру только для того, чтобы недопустить анархіи въ странѣ. Онъ не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, не разсчитывалъ на присоединеніе къ царству литовско-русскихъ губерній, тѣмъ менѣе—на возстановленіе независимой Польши, единственный исходъ усматривалъ въ переговорахъ и соглашеніи съ императоромъ. Предѣломъ его стремленій было обезпеченіе царству конституціонныхъ свободъ, гарантированныхъ конституціею 1815 г. Онъ избѣгалъ всего, что могло оскорблять императора, закрылъ Патріотическій клубъ, позволилъ русскому войску по добру по здорову уйти изъ царства; не желая присвоивать прерогативы королевской власти, назначилъ не министровъ, а только ихъ замѣстителей и, наконецъ, отправилъ къ императору двухъ депутатовъ, бывшаго министра финансовъ кн. Любецкаго и члена сейма гр. Езерскаго. Эти депутаты должны были представить все возстаніе дѣломъ нѣсколькихъ горячихъ головъ и темной черни, воспользовавшихся общественнымъ неудовольствіемъ, порожденнымъ нарушеніемъ конституціи и неисполненіемъ обѣщаній относительно литовскихъ губерній. Посольство это, однако, не имѣло никакого успѣха.

18 декабря 1830 года собрались послы и депутаты сейма. Хлопицкій пожелалъ, чтобы сеймъ началъ свою дѣятельность 21 декабря, но послы и депутаты не подчинились волѣ диктатора, избрали маршалка и единогласно признали возстаніе народнымъ. Хлопицкій послѣ того сложилъ было съ себя диктатуру, но сеймъ упросилъ его взять назадъ свою отставку и вручилъ ему снова неограниченную власть, подъ контролемъ, однако,

сеймовой депутаціи изъ президента сената, маршалка посольской избы и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Послѣ того сеймъ разошелся, и началась вторая диктатура Хлопицкаго, назначившаго въ помощь себѣ—«Высшій народный совѣтъ» и новыхъ замѣстителей министровъ. Хлопицкій не оставилъ своихъ намѣреній придти къ соглашенію съ императоромъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Любецкаго и Езерскаго изъ Петербурга. Но извѣстія пришли неутѣшительныя.

Сеймъ 1831 года; сложеніе диктатуры и детронизація Николая I. Въ началѣ января 1831 года Хлопицкій получилъ отъ министра статсъ-секретаря письмо, въ которомъ онъ, отъ имени императора, благодарилъ Хлопицкаго за принятіе власти въ свои руки и сохраненіе порядка, просилъ его прекратить дальнѣйшія вооруженія и ожидать королевскихъ распоряженій, сосредоточивъ армію въ Плоцкомъ воеводствѣ. Другое письмо, адресованное бывшему президенту административнаго совѣта Соболевскому, содержало въ себѣ выговоръ за то, что совѣтъ позволилъ себѣ сначала принять въ свой составъ постороннихъ лицъ, а потомъ и прекратить свои функціи, и приказъ немедленно же взять власть въ свои руки и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. По полученіи этихъ писемъ Хлопицкій созвалъ Высшій народный совѣтъ и спросилъ, желаетъ ли онъ подчиниться волѣ императора и короля или стоитъ за войну. Чорторыйскій высказался за войну, и за его мнѣніемъ пошли другіе члены совѣта. Хлопицкій, не желая брать на себя отвѣтственности, распорядился созвать сеймъ на 17 января, а когда сеймъ собрался, сложилъ съ себя окончательно диктатуру. Онъ согласился только помогать своими совѣтами кн. Михаилу Радзивиллу, назначенному главнокомандующимъ польскихъ войскъ. Послѣ того разрывъ съ Россіею былъ уже рѣшеннымъ дѣломъ.

25 января передъ соединенными избами сейма явился гр. Езерскій для того, чтобы дать отчетъ въ своей миссіи въ Петербургъ. Когда онъ повторилъ слова императора, что «первый пушечный выстрѣлъ со стороны поляковъ будетъ сигналомъ къ уничтоженію Польши», въ залѣ поднялась цѣлая буря негодованія и раздались крики «война, война! Нѣтъ Николая!» Сеймъ безъ голосованія постановилъ низложить Николая I съ престола и поручилъ Нѣмцевичу редактировать соотвѣтствующій актъ. Актъ этотъ былъ принятъ и подписанъ всѣми членами сейма. Четыре дня спустя сеймъ установилъ «Народное правительство» состоящее изъ президента кн. Чорторыйскаго и четырехъ членовъ: Стан. Баржиковскаго, Викентія Нѣмоёвскаго, Ѳеофила Моравскаго и Лелевеля. Это правительство должно было осуществлять ту самую власть, которая по конституціи 1815 года, принадлежала королю, а остальная власть должна была находиться въ рукахъ сейма, который долженъ былъ засѣдать до конца возстанія.

Шансы поляковъ въ надвигавшейся борьбѣ. Въ то самое время, когда сеймъ сжигалъ всѣ корабли, въ Польшу вступала 150-тысячная армія подъ начальствомъ Дибича Забалканскаго. Русская армія состояла изъ старыхъ

солдатъ, привыкшихъ къ бою за послѣднюю турецкую войну. Польская армія въ началѣ возстанія насчитывала въ своихъ рядахъ не болѣе 28 тысячъ и уже во время борьбы доведена была до 63 тысячъ. Войско это было молодое, недостаточно обученное; оно не имѣло ни достаточныхъ запасовъ оружія, ни способныхъ офицеровъ. Старые боевые генералы и офицеры Наполеоновской школы считали войну съ Россіею безуміемъ и не вѣрили въ успѣхъ возстанія. Виды на иноземную помощь были сомнительными и дѣйствительно въ концѣ концовъ оказались напрасными. Вѣнскій дворъ, относившійся сначала благосклонно къ возстанію и согласившійся даже вести переговоры съ польскими послами, предлагавшими польскую корону одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, круто измѣнилъ свое отношеніе послѣ детронизаціи Николая и установленія коллективнаго правительства, въ составъ котораго вошелъ республиканецъ-демократъ Лелевель. Австрія закрыла свою границу для царства Польскаго. Берлинскій дворъ съ самаго начала занялъ враждебную полякамъ позицію. Пруссія закрыла для царства свою границу и отгородила его отъ западныхъ государствъ. Она даже заключила съ Россіею договоръ, которымъ обязывалась выставить на границахъ царства шестидесятитысячный корпусъ, готовый къ наступательнымъ дѣйствіямъ и занятію Варшавы. Общественное мнѣніе Франціи было на сторонѣ польской революціи: французы устраивали враждебныя манифестаціи передъ русскимъ посольствомъ, въ палатѣ депутатовъ Лафайетъ призывалъ ихъ на помощь народу, пролившему столько крови за Францію и своимъ возстаніемъ предотвратившему походъ Россіи на Францію. Но дальше этихъ манифестацій и призывовъ дѣло не пошло. Людовикъ Филиппъ, признанный Россіею въ своихъ правахъ, остался глухъ къ заявленіямъ, что Россія готовила противъ него войну, и только поляки предотвратили ее своимъ возстаніемъ. Богатая французская буржуазія, возведшая на престолъ Людовика-Филиппа, удовлетворена была конституціею и жаждала мира. Французское правительство не только не помогло полякамъ, но даже отказало нѣкоторымъ выдающимся французскимъ генераламъ въ разрѣшеніи на выѣздъ изъ Франціи для поступленія въ ряды польской арміи. Вмѣсто ожидаемыхъ ста тысячъ добровольцевъ въ польскую армію прибыло лишь незначительное число офицеровъ и хирурговъ. Англія, не желавшая соединенія Бельгіи съ Франціею и заинтересованная въ поддержкѣ Россіи, отнеслась безъ всякаго сочувствія къ польскому дѣлу. И тѣмъ не менѣе, предоставленная собственнымъ силамъ, но разгорячившаяся польская нація ринулась въ неравную борьбу.

Военныя дѣйствія; неудачи и пораженія поляковъ. Первое столкновеніе съ русскими было удачно для поляковъ: 14 февраля генералъ Дверницкій подъ Сточкомъ разбилъ русскій отрядъ подъ начальствомъ Гейсмара, взялъ нѣсколько орудій и 250 плѣнныхъ. Но затѣмъ послѣдовали пораженія польскихъ войскъ подъ Гроховомъ 25 февраля и подъ Остроленкою 26 мая. Попытка Народнаго правительства вызвать возстаніе на Волыни

кончилась неудачею: отправленный туда для поддержки возстанія генералъ Дверницкій вытѣсненъ былъ русскими войсками въ предѣлы Австріи и долженъ былъ сложить оружіе. Такъ же безуспѣшно было и возстаніе на Литвѣ, которое сначала приняло было обширные размѣры: генералы Хлаповскій и Роландъ, тѣснимые русскими, отступили въ Пруссію и сложили оружіе; только генералу Дембиньскому съ его отрядомъ удалось пробиться въ царство и соединиться здѣсь съ польскими силами. Дембиньскій былъ восторженно принятъ правительствомъ и населеніемъ Варшавы какъ настоящій сынъ отчизны и герой, и назначенъ былъ губернаторомъ Варшавы.

Смѣна главнокомандующихъ. Военныя неудачи повлекли за собою сначала смѣну главнокомандующихъ, а затѣмъ внутренній кризисъ. Послѣ пораженія подъ Гроховымъ кн. Радзивиллъ отказался отъ должности главнокомандующаго и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Скржинецкій. Скржинецкій послѣ пораженія подъ Остроленкою сталъ уклоняться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, чѣмъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе публики, войска и сейма. Сеймовая делегація 11 августа смѣстила его и ввѣрила временное командованіе Дембиньскому. Когда затѣмъ Народное правительство приступило къ замѣщенію должности главнокомандующаго, за Дембиньскаго изъ пяти членовъ правительства голосовали только двое. Избранный большинствомъ генералъ Прондзиньскій отказался отъ предложеннаго ему назначенія, а равно и еще трое генераловъ, къ которымъ обращалось правительство. Очевидно, что генералы уже утратили всякую вѣру въ успѣхъ борьбы съ наступавшимъ на Варшаву врагомъ. Это уклоненіе и стремленіе умѣренныхъ элементовъ такъ или иначе ликвидировать возстаніе и притти къ соглашенію съ русскою властью вызвали междоусобія среди возставшихъ и привели къ событіямъ 15 августа.

Агитація крайнихъ; крестьянскій вопросъ. Крайніе элементы, группировавшіеся около Лелевеля и исповѣдывавшіе республиканско-демократическіе принципы, еще во время диктатуры Хлопицкаго въ газетѣ «Nowa Polska» вели агитацію и противъ диктатуры, и противъ сейма, который, по ихъ мнѣнію, не могъ считаться народнымъ представительствомъ, состоя изъ членовъ, избранныхъ въ правленіе Николая. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и радикальная молодежь, собиравшаяся въ кофейняхъ, изъ которыхъ одна, названная по имени хозяйки «Гонораткою», стала ея клубомъ. Хлопицкій, сначала терпѣвшій и «Новую Польшу», и «Гоноратку», въ концѣ концовъ приказалъ арестовать и предать суду Лелевеля и его сотрудниковъ Іосафата Островскаго и Ксаверія Брониковскаго. Но вскорѣ диктатура пала, арестованные были выпущены на свободу, а Лелевель сталъ членомъ Народнаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ его предсѣдательствомъ возобновило свою дѣятельность и закрытое Хлопицкимъ Патріотическое общество. Въ день детронизаціи Николая I общество устроило публичное шествіе въ честь декабристовъ, какъ мучениковъ сво-

боды. Когда началась война, члены Патріотическаго общества вступили въ корпусъ Дверницкаго и участвовали въ экспедиціи на Волынь. Послѣ ухода Дверницкаго въ Австрію они возвратились въ Варшаву и въ «Новой Польшѣ» начали литературную кампанію противъ руководителей возстанія. Главнокомандующаго и правительство они обвиняли въ неспособности; сеймъ—въ шляхетскомъ эгоизмѣ въ виду того отношенія, которое онъ проявилъ къ крестьянскому вопросу.

Надо сказать, что въ началѣ возстанія крестьяне охотно стекались подъ національныя знамена и мужественно сражались въ рядахъ войскъ; они радушно встрѣчали польскія войска, проходившія черезъ ихъ деревни, выносили имъ изъ своихъ избъ припасы, строили мосты и чинили дороги. Но оказывая всяческое содѣйствіе возстанію, они надѣялись получить отъ революціи и улучшеніе своей доли. Положеніе ихъ передъ возстаніемъ ухудшалось все болѣе и болѣе. Паны, совершенствуя свое сельское хозяйство, заводя травосѣяніе, посѣвы картофеля, винокуреніе, породистый скотъ, все болѣе и болѣе расширяли площадь своихъ запашекъ и сѣнокосовъ, убираемыхъ при помощи батраковъ, все болѣе и болѣе сокращали площадь земель, арендуемыхъ крестьянами. Крестьяне-земледѣльцы вынуждались либо совсѣмъ покидать свои участки и пополнять собою классъ фольварочныхъ батраковъ, либо переходить на новые худшіе участки. Такимъ образомъ сталъ на очередь земельный крестьянскій вопросъ. Сеймъ сначала постановилъ надѣлить землею крестьянъ, раненыхъ въ войнѣ за независимость, а также вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ; позднѣе, черезъ мѣсяцъ послѣ Гроховской битвы, сеймъ продолжалъ обсужденіе крестьянскаго вопроса. Засѣдавшая на сеймѣ шляхта соглашалась надѣлить землею крестьянъ государственныхъ имѣній, но энергично протестовала противъ предложенія мѣщанскаго депутата Шанецкаго надѣлить землею и крестьянъ частныхъ имѣній. Отчужденію частновладѣльческой земли не сочувствовали даже радикалы-шляхтичи, засѣдавшіе въ Патріотическомъ клубѣ; они воспротивились также допущенію крестьянскихъ представителей на сеймъ. Сеймовые дебаты, продолжавшіеся цѣлыхъ двадцать дней, только лишь волновали и раздражали крестьянъ, которые внимательно слѣдили за выступленіями шляхетскихъ представителей. Въ крестьянской средѣ сталъ слагаться взглядъ на возстаніе, какъ на панское дѣло, отъ котораго крестьянамъ не будетъ никакой пользы. Первоначальное воодушевленіе замѣнилось апатіею и недовольствомъ, которое стало выражаться въ отказахъ отъ панщины, въ бунтахъ. «Новая Польша» справедливо упрекала сеймъ, что, не разрѣшивъ крестьянскаго вопроса, онъ убилъ одушевленіе народа и лишилъ возстаніе самой мощной поддержки въ борьбѣ за независимость.

Событія 15 августа. Агитація Патріотическаго общества противъ главнокомандующаго, Народнаго правительства и сейма усиливалась послѣ каждаго пораженія и, наконецъ, привела къ событіямъ 15 августа.

Вечеромъ этого дня въ большой залѣ театра, переполненной публикой, открылось засѣданіе Патріотическаго общества. Выступили ораторы съ рѣчами, въ которыхъ указывали на то, что въ то время, какъ войска требуютъ войны, вожди стремятся къ соглашенію съ непріятелемъ и держатъ солдатъ въ бездѣйствіи. Въ публикѣ послышались крики: «измѣна!», которые нашли себѣ откликъ въ толпѣ, стоявшей на площади. Когда одинъ изъ ораторовъ предложилъ потребовать объясненій отъ правительства, послышались крики: «къ правительству, къ правительству!» Правительство, засѣдавшее во дворцѣ намѣстника на Краковскомъ предмѣстьѣ, счастливо отдѣлалось отъ присланной къ нему депутаціи и толпы, наполнившей дворцовый дворъ. Толпа эта стала было расходиться, какъ вдругъ одинъ молодой человѣкъ далъ сигналъ къ походу на замковую площадь. Толпа двинулась съ крикомъ: «смерть измѣнникамъ!», ворвалась въ замокъ и убила нѣсколькихъ генераловъ и другихъ лицъ, заключенныхъ по подозрѣнію въ измѣнѣ. Отсюда толпа двинулась къ другимъ арестнымъ домамъ и тюрьмамъ и убила нѣсколько шпіоновъ. Всего повѣшено было на фонаряхъ около 30 человѣкъ. Народное правительство не только было не въ состояніи подавить движеніе, но и само находилось въ опасности. Президентъ его князь Чорторыйскій въ военномъ костюмѣ сѣлъ на коня и ускакалъ въ лагерь Дембиньскаго. Остальные члены правительства, собравшись 16 августа, назначили главнокомандующимъ Дембиньскаго, а сами сложили свою власть въ руки сейма.

Диктатура Круковецкаго. Такъ какъ Народное правительство скомпрометировало себя недостаткомъ единства и энергіи, то сеймъ рѣшилъ ввѣрить исполнительную власть одному лицу. По закону, установленному 17 августа, власть переходила въ руки президента Народнаго правительства, который назначаетъ своего замѣстителя и министровъ. Только президентъ или его замѣститель имѣютъ рѣшающій голосъ, а остальные члены правительства только совѣщательный; впрочемъ, каждое распоряженіе президента или его замѣстителя для полученія обязательной силы должно было имѣть подпись одного изъ министровъ. Кромѣ другихъ прерогативъ, у президента было право назначенія и увольненія главнокомандующаго. Заключеніе трактатовъ и всякихъ договоровъ сеймъ удержалъ за собою. Должность президента сеймъ вручилъ генералу Круковецкому, который назначилъ своимъ замѣстителемъ Бонавентуру Нѣмцёвскаго, а наиболѣе отвѣтственныя должности ввѣрилъ выдающимся членамъ Патріотическаго общества — Брониковскому, Мохнацкому и Лелевелю. Главнокомандующимъ Круковецкій назначилъ генерала Казиміра Малаховскаго, нѣкогда служившаго въ легіонахъ и участника экспедиціи въ Гаити; Скржинецкаго онъ совсѣмъ удалилъ изъ арміи.

Взятіе Варшавы и подавленіе возстанія. Круковецкій принялъ власть въ ту самую минуту, когда русская армія со всѣхъ сторонъ окружала Варшаву, гдѣ сосредоточилось польское войско. Паскевичъ, смѣнившій Ди-

бича, умершаго отъ холеры, первый предложилъ соглашеніе. Однако, когда онъ потребовалъ отмѣны детронизаціи Николая I и отказа отъ литовскихъ губерній, то получилъ отрицательный отвѣтъ. Шестого сентября Паскевичъ взялъ штурмомъ Волю и поставилъ на ея валы орудія, намѣреваясь съ этой позиціи бомбардировать городъ. Круковецкій, считая дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ, не прочь былъ сдаться на милость побѣдителя, но сеймъ не призналъ этой сдачи, отставилъ Дембинскаго и назначилъ на его мѣсто генер. Малаховскаго. Этотъ Малаховскій заключилъ съ Паскевичемъ военную капитуляцію, въ силу которой польскимъ войскамъ и гражданскимъ лицамъ предоставлялось въ теченіе 48 часовъ удалиться изъ Варшавы. На другой день послѣ подписанія капитуляціи, 8 сентября, русская армія вступила въ Варшаву, а сеймъ, правительственныя учрежденія и значительное число членовъ Патріотическаго общества удалились сначала въ Модлинъ, а затѣмъ въ Закрочимъ и Плоцкъ. Попытки организовать здѣсь сопротивленіе не привели ни къ чему. Польскія войска, тѣснимыя русскими, одно за другимъ переходили границы и слагали оружіе (въ Австріи генералъ Раморино; въ Пруссіи генералъ Рыбиньскій, замѣнявшій Малаховскаго). Силы повстанцевъ истощились, и царство Польское въ началѣ октября 1831 года, послѣ одиннадцати мѣсяцевъ борьбы, снова оказалось во власти русскаго государя.

Репрессіи въ Польшѣ. Подавивъ возстаніе, императоръ Николай I объявилъ амнистію для всѣхъ участниковъ его, возвратившихся къ подчиненію царской власти, кромѣ инціаторовъ событій 29 ноября и 15 августа, членовъ сейма, вотировавшихъ детронизацію Николая I, членовъ Народнаго правительства и офицеровъ тѣхъ корпусовъ, которые вышли за границу. Особый уголовный судъ, составленный изъ русскихъ и поляковъ, приговорилъ виновныхъ, большею частью заочно, къ смертной казни, къ каторгѣ, къ крѣпостнымъ работамъ; имущества эмигрантовъ, которые не возвратились по призыву правительства, были конфискованы. У всѣхъ жителей было отобрано оружіе; подъ страхомъ преданія военному суду, предписано было всѣмъ домохозяевамъ и квартирохозяевамъ немедленно сообщить о всѣхъ лицахъ, у нихъ живущихъ. Около Варшавы воздвигнута была цитадель съ спеціальною цѣлью держать въ страхѣ и покорности столицу.

Органическій статутъ царства Польскаго. Назначивъ Паскевича своимъ намѣстникомъ въ царствѣ, императоръ отмѣнилъ конституцію 1815 года и издалъ взамѣнъ ея «Органическій уставъ Царства Польскаго» (26 февраля 1832 года). Этотъ уставъ былъ переработкою конституціи 1815 года, которая ставила себѣ цѣлью сдѣлать невозможнымъ повтореніе недавнихъ событій и крѣпче соединить царство съ имперіею. Польская корона объявлялась наслѣдственной въ русскомъ императорскомъ домѣ и соединенной съ русской императорской короной, вслѣдствіе чего особая польская коронація отмѣнялась. Населенію царства

гарантировались неприкосновенность личности (арестованный имѣлъ право требовать надъ собою суда черезъ три дня послѣ ареста) и собственности, свобода вѣроисповѣданія при специальномъ покровительствѣ католической вѣры, свобода печати при тѣхъ ограниченіяхъ, которыя потребуютъ религія, неприкосновенность высшей власти, интересы нравственности и личныя соображенія, употребленіе родного языка въ администраціи и судѣ, особое гражданское и уголовное законодательство и отдѣльное гражданское управленіе. Но отдѣльная польская армія и отдѣльное военное управленіе упразднялись. Во главѣ гражданскаго управленія становился *административный совѣтъ*, состоящій изъ намѣстника, директоровъ коммиссій, вѣдающихъ отдѣльныя отрасли управленія, и другихъ особо назначаемыхъ лицъ. Этотъ административный совѣтъ, въ качествѣ активнаго учрежденія, затемнялъ собою государственный совѣтъ, частью коего онъ былъ по конституціи 1815 года, и за коимъ оставлены были прежнія функціи. Число коммиссій было сведено съ пяти до трехъ: коммиссіи вѣроисповѣданій и просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и полиціи были слиты въ одну, военная была упразднена. Мѣстное управленіе и самоуправленіе въ общемъ сохранили прежнюю организацію. Сеймъ, въ которомъ концентрировалась политическая самодѣятельность населенія, который былъ органомъ и стражемъ національной свободы и независимости, былъ отмѣненъ. Взамѣнъ его для обсужденія дѣлъ, касающихся общихъ интересовъ царства Польскаго, предполагалось ввести *собранія провинціальныхъ чиновъ* съ совѣщательнымъ голосомъ, при чемъ составъ этихъ собраній и порядокъ дѣлопроизводства на нихъ должны были быть опредѣлены особымъ закономъ. Законодательная власть принадлежала царю. Проекты, составленные государственнымъ совѣтомъ, должны были обсуждаться особымъ *департаментомъ интересовъ царства Польскаго*, образованнымъ при государственномъ совѣтѣ Россійской имперіи. Законы, утвержденные царемъ, долженъ былъ контрасигнировать министръ статсъ-секретарь царства Польскаго.

Неблагопріятныя условія для его введенія. Но и эта урѣзанная конституція царства Польскаго не вошла въ жизнь, да и не могла войти. Хотя страна наружно была и замирена, но умы и чувства польскаго общества не успокоились, а за границею, куда удалились остатки польской арміи и десятки тысячъ польскихъ эмигрантовъ, лелѣялись мечты о возстановленіи независимости Польши, строились планы, велась агитація и дѣлались попытки вызвать новое возстаніе. Въ царствѣ Польскомъ не прекращались вспышки національнаго недовольства: то появлялся «эмиссаръ» эмиграціи, распространявшій запретныя книги и сѣявшій вредныя идеи, то открывался заговоръ среди учениковъ гимназіи или офицеровъ какого-либо полка. Но, случалось, перекатывались сюда изъ-за границы и революціонныя волны болѣе серьезнаго характера. Такъ, въ 1833 году въ царство Польское и даже въ Литву пробрались изъ Австріи и Пруссіи нѣсколько

партизанскихъ отрядовъ Заливскаго съ цѣлью поднятія возстанія. На все это правительство реагировало всевозможными репрессіями, стѣсненіями свободы и мѣрами, клонившимися къ уничтоженію самобытности Польши, къ наиболѣе тѣсному ея сліянію съ имперіею, что въ свою очередь вызывало еще большее недовольство, еще большее озлобленіе въ странѣ. Получался своего рода заколдованный кругъ, въ которомъ замыкалась національная жизнь въ царствѣ Польскомъ, и въ которомъ никакимъ образомъ не могъ осуществиться даже строй, начертанный измѣненною въ 1832 году конституціею.

Нарушенія конституціонныхъ гарантій. Правительство оказалось не въ состояніи выполнить ни одну изъ гарантій, предоставлявшихся населенію «Органическимъ статутомъ» 1832 года. О неприкосновенности личности и имущества при непрекращающихся поползновеніяхъ къ поднятію мятежа, конечно, не могло быть и рѣчи. Наоборотъ, вопреки конституціи намѣстникъ получилъ право приговаривать къ смертной казни всѣхъ, кого онъ считаетъ виновнымъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Широко практиковалась конфискація имущества неблагонадежныхъ элементовъ— мятежниковъ, эмигрантовъ; иногда безъ достаточныхъ уликъ, при чемъ конфискованныя имѣнья щедро раздавались русскимъ чиновникамъ и генераламъ, служившимъ въ царствѣ, въ надеждѣ, что русское землевладѣніе будетъ опорою русской власти въ краѣ. Для ослабленія польскаго элемента въ литовско-русскихъ губерніяхъ правительство распорядилось удалить 45 т. семействъ мелкой, такъ называемой, «загоновой» шляхты, разселить ее въ губерніяхъ черноморскихъ, бессарабскихъ, приволжскихъ и прикубанскихъ степяхъ, подъ предлогомъ улучшенія ея матеріальнаго положенія. Католическое исповѣданіе не только не пользовалось спеціальнымъ покровительствомъ, но испытывало разныя стѣсненія и ограниченія. Такъ, браки католиковъ съ православными считались недѣйствительными, если не были заключены въ православной церкви. Дѣти, родившіяся отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, обязательно должны были воспитываться въ православной вѣрѣ подъ страхомъ уголовной отвѣтственности. Римско-католическое духовенство подчинено было особой коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ, директоромъ которой всегда былъ православный русскій. Духовенству запрещалось съѣзжаться на соборы, устраивать юбилеи, миссіи, основывать общества трезвости и издавать какія-либо пастырскія распоряженія безъ разрѣшенія коммиссіи внутреннихъ дѣлъ. Всѣ эти ограниченія и стѣсненія вызывались чисто-политическими мотивами, тѣмъ, что римско-католическое духовенство Польши не оставалось равнодушнымъ къ униженію и угнетенію своего отечества и склонно было принимать активное участіе въ борьбѣ наравнѣ съ шляхтою. Въ борьбѣ съ воинствующимъ польскимъ католицизмомъ, правительство старалось лишить его тѣхъ завоеваній, которыя онъ въ свое время сдѣлалъ на Литвѣ и Руси, привлекши къ уніи съ Римомъ западно-рус-

скую церковь. Въ 1839 году императоръ Николай Павловичъ удовлетворилъ просьбу бѣлорусско-литовскихъ уніатскихъ епископовъ и нѣсколькихъ сотенъ уніатовъ о присоединеніи ихъ къ православію и приказалъ отмѣнить греко-уніатскій обрядъ въ литовско-русскихъ губерніяхъ. Мѣра эта, какъ и выселеніе шляхты изъ этихъ губерній, была принята въ національныхъ русскихъ интересахъ, чтобы тѣснѣе соединить этотъ край съ господствующею Русью и отнять почву для польскихъ притязаній на Литву и Западную Русь. Такъ какъ проводниками духовнаго вліянія католической церкви въ Литвѣ и Западной Руси были католическіе монастыри, то около 200 этихъ монастырей были закрыты и замѣнены православными. Правительство всячески старалось охранять и само польское общество отъ всякой духовной заразы, отъ возбужденія національныхъ чувствъ и стремленій, достигая, впрочемъ, своими мѣрами какъ разъ противоположныхъ результатовъ. Чтобы пресѣчь общеніе польской молодежи съ эмигрантами и либералами запада, запрещено было отправлять молодыхъ людей моложе 25 лѣтъ за границу для полученія образованія; получившіе образованіе за границею утрачивали право занимать правительственныя должности въ краѣ. Чтобы пресѣчь духовное общеніе съ западомъ черезъ науку и литературу, въ Варшавѣ было закрыто Общество друзей наукъ; библіотека была перевезена въ Петербургъ. Введена была самая строгая цензура, которая не пропускала въ царство книгъ общественнаго и историческаго содержанія, запрещала печатать произведенія выдающихся польскихъ писателей и даже не разрѣшала упоминать фамиліи такихъ писателей, какъ Мицкевичъ, Красинскій, Словацкій, Мохнацкій, Лелевель и др. Все это мало вязалось съ тою статьею Органическаго статута, которая какъ никакъ обѣщала полякамъ свободу печати.

Упраздненіе автономіи царства. Не исполнены были и другія статьи Органическаго статута, предоставлявшія царству Польскому извѣстное самоуправленіе. Шляхетскія и гминныя собранія, воеводскія рады и собранія провинціальныхъ чиновъ, предусматривавшіяся этимъ статутомъ, ни на минуту не вошли въ жизнь. Въ 1837 году воеводства были превращены въ губерніи, воеводскія коммиссіи были названы губернскими правленіями, а ихъ предсѣдатели гражданскими губернаторами. Законодательныя функціи государственнаго совѣта были поглощены петербургскимъ «департаментомъ интересовъ царства Польскаго»; судебныя функціи были переданы сенату, при которомъ образованы для польскихъ дѣлъ особые IX и X департаменты. Въ 1841 году государственный совѣтъ былъ упраздненъ, и остался только одинъ административный совѣтъ. Но и высшія административныя учрежденія все болѣе и болѣе расплывались въ общеимперскихъ учрежденіяхъ. Такъ, польская дирекція дорогъ и мостовъ была переименована въ XIII управленіе путей сообщенія; дирекція почтъ была замѣнена Варшавскимъ почтовымъ управленіемъ, подчиненнымъ Петербургу. Для дѣлъ просвѣщенія, коими завѣдывала перво-

начально коммиссія внутреннихъ дѣлъ, въ 1839 году былъ учрежденъ Варшавскій учебный округъ съ подчиненіемъ его имперскому министерству народнаго просвѣщенія. Въ составъ административнаго совѣта, на должности директоровъ правительственныхъ коммиссій, и на другія важныя должности стали назначаться, на ряду съ поляками, русскіе генералы и чиновники. Всѣ эти учрежденія попали въ подчиненіе къ личной канцеляріи намѣстника, которая въ сущности и стала настоящимъ правительствомъ страны.

Объединеніе царства съ имперіею было проведено и въ законодательствѣ. Подвергся измѣненіямъ въ смыслѣ приближенія къ имперскому гражданскій кодексъ; и уголовный кодексъ былъ отмѣненъ и замѣненъ новымъ, близкимъ къ русскому; въ 1840 году введена была русская денежная система; въ 1852 году русская система мѣръ и вѣсовъ, а также купеческія гильдіи. Польское дворянство еще въ 1836 году получило сословныя права, сближавшія его съ имперскимъ; въ 1852 году былъ сдѣланъ послѣдній шагъ въ этомъ направленіи учрежденіемъ должности предводителей дворянства и дворянскихъ депутатовъ.

Соотвѣтственныя школьныя мѣропріятія. Аналогичныя мѣропріятія, направленныя къ уничтоженію польской обособленности, проводились и въ постановкѣ народнаго образованія въ царствѣ Польскомъ. Высшія школы, бывшія оплотомъ національнаго польскаго образованія, т.-е. Варшавскій и Виленскій университеты и Кременецкій лицей были закрыты. Молодежь, стремившаяся къ высшему образованію, должна была отправляться учиться въ русскіе университеты. Вмѣсто богословскихъ факультетовъ, существовавшихъ при университетахъ, были учреждены двѣ римско-католическія духовныя академіи—въ Варшавѣ и Вильнѣ, поставленныя подъ строжайшій контроль администраціи. Виленская академія въ 1842 году была переведена въ Петербургъ и получила на каѳедры исторіи и философіи православныхъ профессоровъ, читавшихъ лекціи на русскомъ языкѣ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣ подчиненія ихъ Варшавскому учебному округу усиливалось преподаваніе русскаго языка и на русскомъ языкѣ, сокращалось преподаваніе историко-филологическихъ предметовъ и расширялось преподаваніе наукъ, нужныхъ для практической жизни. Домашнее образованіе также взято было подъ государственный контроль: частные учителя должны были подвергаться экзаменамъ и давать обѣщаніе, что въ своемъ преподаваніи будутъ соблюдать правительственныя предписанія. Но такъ какъ за домашнимъ образованіемъ было трудно слѣдить въ должной мѣрѣ, правительство старалось парализовать его распространеніе прекращеніемъ доступа въ высшія учебныя заведенія и къ государственной службѣ для лицъ, получавшихъ домашнее образованіе. Въ низшихъ, народныхъ училищахъ также заводилось преподаваніе на русскомъ языкѣ и русскими учителями; впрочемъ, это образованіе не пользовалось никакимъ поощреніемъ со стороны русскаго правительства.

Внутреннее состояніе царства Польскаго къ концу царствованія Николая I. Къ концу царствованія Николая Павловича, русская Польша представляла собою въ сущности уже не особое государство, соединенное съ Россійскою имперіею династическою уніею, а оккупированный край, имѣвшій особое управленіе съ участіемъ туземцевъ. Состояніе этого края какъ матеріальное, такъ и духовное было въ общемъ печальное, подавленное. Война 1831 года, сопровождавшаяся холерною эпидеміею, вырвавшею свыше 80 т. жизней, принесла значительное обезлюденіе и хозяйственное разореніе краю. Крестьянамъ нечѣмъ было кормиться, нечѣмъ засѣвать свои поля; начавшаяся было развиваться фабрично-заводская промышленность остановилась; торговля пришла въ совершенный упадокъ; города сильно пострадали отъ военныхъ дѣйствій: многіе дома были разрушены снарядами или сгорѣли; прекрасныя шоссейныя дороги были приведены въ негодность. Русскіе чиновники, плохо знавшіе край и мало къ нему расположенные, и польскіе, лишенные самостоятельности, съ ослабленною энергіею и подавленною психикою, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, протекшихъ послѣ возстанія, не успѣли залѣчить ранъ, нанесенныхъ странѣ борьбою 1831 года. Большая часть финансовыхъ средствъ, собиравшихся съ населенія, уходила на содержаніе администраціи и русской арміи, размѣщенной въ царствѣ, а на культурныя нужды страны удѣлялась несоразмѣрно малая сумма. Экономическій застой стоялъ въ несомнѣнной связи съ оскудѣніемъ интеллигентныхъ силъ въ странѣ, съ духовною ея подавленностью. Преподаватели и воспитанники Варшавскаго университета, политехническаго института и другихъ высшихъ школъ приняли горячее участіе въ возстаніи и во множествѣ эмигрировали заграницу. На смѣну имъ, послѣ закрытія Варшавскаго университета и другихъ мѣръ, принятыхъ относительно образованія польскаго юношества, приходило мало интеллигентныхъ дѣятелей, одушевленныхъ положительными идеями національнаго домостроительства, творческими стремленіями; да и тѣ, которыя появлялись, не встрѣчали никакого простора для приложенія своихъ силъ. Печать и умственная жизнь въ Царствѣ Польскомъ находились въ состояніи прозябанія. Въ то самое время, когда за границею, среди эмиграціи, развивалась богатѣйшая въ тогдашней Европѣ польская поэзія, писали Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій и другіе, складывались политическія и общественныя настроенія, въ это время въ Варшавѣ выходили такія книжки, какъ «Способъ выиграть въ лотереѣ», «О парижской биржѣ» или «Шахматная статистика». Всѣ газеты и журналы, выходившіе въ первое десятилѣтіе послѣ революціи, отличались убожествомъ содержанія и низкимъ литературнымъ уровнемъ какъ потому, что лучшіе писатели эмигрировали за границу, такъ и потому, что о жизненныхъ вопросахъ нельзя было и писать. Только въ сороковыхъ годахъ замѣчается нѣкоторый подъемъ въ литературѣ и журналистикѣ: появляются повѣсти Крашевскаго, начинаетъ выходить «Варшавская библіотека», «Научное обозрѣніе», издававшееся

гегельянцемъ Дембовскимъ, Jutrzenka—Денница, органъ польскихъ славянофиловъ, еженедѣльникъ для крестьянъ—«Kmiotek», въ которомъ нашло для себя выраженіе демократическое настроеніе части польскаго общества. Но съ наступленіемъ реакціи послѣ 1849 года кончился и этотъ духовный подъемъ и умственная жизнь польскаго общества въ Царствѣ снова понизилась.

Партіи среди польской эмиграціи и вліяніе ихъ на настроеніе поляковъ царства. Въ состояніи этой духовной подавленности, за отсутствіемъ возможности національному чувству и мысли проявлять себя въ будничной, повседневной жизненной работѣ на благо страны, среди поляковъ царства развивалось только озлобленіе противъ Россіи и мечты о новомъ возстаніи. Въ томъ же направленіи воздѣйствовали на поляковъ царства и эмигранты, разбившіеся на три партіи: демократическую, консервативную и «соединеніе». Демократическая партія, отколовшаяся отъ Лелевелевскаго комитета и имѣвшая во главѣ такъ называемую «Централизацію», стремилась совершенно порвать съ прошлымъ Польши и обосновать народное дѣло на соціальной революціи. Въ этой партіи сгруппировались всѣ крайніе элементы польской интеллигенціи, напитавшіеся на западѣ идеями равенства и соціальной справедливости. Они пропагандировали отобраніе у шляхты земельныхъ имуществъ и раздачу ихъ крестьянамъ, отмѣну всякихъ сословныхъ неравенствъ и привилегій; нѣкоторые изъ этой партіи шли еще дальше и пропагандировали уничтоженіе частной собственности, отмѣну религіознаго культа и т. д. Консервативная партія, которая группировалась около кн. Чорторыйскаго и центромъ которой былъ Hôtel Lambert въ Парижѣ, стремилась возродить Польшу на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя положены были въ основу послѣднихъ реформъ Рѣчи Посполитой. Считая шляхту ядромъ народа, отвергая идеи соціалистовъ и коммунистовъ, консерваторы не противились, однако, и уравненію сословій, надѣленію крестьянъ землею и не порывали связи съ католицизмомъ. Для возрожденія Польши консерваторы считали вообще необходимою органическую работу общественныхъ силъ и сообразно съ этимъ основывали ученыя и благотворительныя общества, учреждали учебныя заведенія, собирали библіотеки, коллекціи, издавали научныя изслѣдованія и памфлеты по общественнымъ и политическимъ вопросамъ. Изъ ученыхъ обществъ пріобрѣло извѣстность «Историко-литературное общество» (Towarzystwo historyczno-literackie), имѣвшее свой домъ, богатую библіотеку, собраніе гравюръ и различныхъ народныхъ памятниковъ. «Благотворительное общество польскихъ дамъ», «Домъ въ честь святого Казимира», пенсіонная касса для ветерановъ приходили на помощь эмигрантамъ, испытывавшимъ матеріальную нужду. Низшая школа на улицѣ Батиньоль, высшая на Монпарнасѣ, подготовляли польскую молодежь въ изученіи горнаго дѣла, гражданскаго и военнаго инженернаго искусства, архитектуры и т. д.; Институтъ польскихъ дѣвицъ, основанный въ зданіи Hôtel

Lambert, готовилъ учительницъ и воспитательницъ для польскаго общества. Направляя молодежь на ученье, на положительную работу, консерваторы старались готовить будущихъ дѣятелей для своего отечества, беречь общественныя силы отъ истощенія на чужбинѣ, отвлекать людей отъ времяпровожденія въ клубахъ и совѣщаніяхъ, приводившихъ къ необдуманнымъ планамъ и дѣйствіямъ. Чтобы удержать наиболѣе горячія головы отъ преждевременныхъ революціонныхъ выступленій, консервативная партія стала организовывать польскіе легіоны и передавать ихъ въ распоряженіе чужихъ государствъ—Франціи, Португаліи, Испаніи и даже Египта. Но при всемъ томъ и консервативная партія, какъ и демократическая, ожидала возстановленія Польши отъ новаго возстанія, различаясь только во взглядахъ на время и условія этого возстанія. Консерваторы стремились къ нему съ оглядкою и подготовкой, выжидая стеченія благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, освѣдомляясь постоянно о намѣреніяхъ и планахъ дворовъ, пропагандируя среди нихъ польское дѣло, тогда какъ демократы склонны были дѣйствовать бурно и экспромтомъ. Третья партія, во главѣ которой стоялъ Комитетъ, составленный изъ Лелевеля и другихъ участниковъ ноябрьскаго возстанія и засѣдавшій въ Брюсселѣ, стремилась къ объединенію всѣхъ патріотовъ на одномъ общемъ дѣлѣ—возстановленіи отечества. Партія эта, назвавшая себя «соединеніемъ» (Zjednoczenie), намѣренно отодвигала на задній планъ разработку вопросовъ о внутренней организаціи Польши, чтобы избѣжать разлада и междуусобія, и въ первую голову ставила пропаганду и подготовку возстанія. Такимъ образомъ, всѣ эмигрантскія партіи сходились въ одной мысли—въ необходимости новой вооруженной борьбы за свободу отечества, новаго возстанія, и эта мысль передавалась ими и полякамъ царства. Въ концѣ концовъ эта мысль перешла въ дѣло: поляки царства подняли новое возстаніе, которое, однако, не имѣло успѣха и привело только къ окончательной утратѣ царствомъ его особенности и самобытности.

Важнѣйшая литература:

Theodor Schiemann, Seschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. B. III. Berlin 1913.

Dr. August Sokolowski, Dzieje porozbiorowe narodu polskiego, Tom III i IV.

Кн. Щербатовъ. Генералъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. Томъ V. 1896 г.

И. Рябининъ, Польское возстаніе 1830 (Книга для чтенія по новой исторіи, т. IV).

А. Погодинъ, Исторія польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Москва 1915 г.— Адамъ Мицкевичъ. 1912 г.

К. Военскій, Императоръ Николай I и Польша въ 1830 г. СПБ. 1903 г.

Шильдеръ, Императоръ Николай I. Томъ II.

Fr. Hrabia Skarbek, Dzieje Polski, cz. III. Królestwo Polskie po rewolucyi listopadowej, 1877.

W. Feldmann, Dzieje polskiej mysli politycznej.

M. Sokolnicki, Les origines de l'emigration polonaise en France 1831—1832. Paris 1910.

L. Gaddon, Emigracya Polska, tomy 3. 1901—1902.

A. Kraushar, Życie potoczne Warszawy w czasach listopadowych 1830—1831. Warszawa 1916 г.

— Klub patriotyczny Warszawski w czasach powstania listopadowego (1830—1831). Warszawa 1909.

Jan Kucharzewski, Czasopiśmennictwo polskie wieku XIX w królewstwie, na Litwie i Rusi, oraz na emigracyi. 1911.

XXXIII.

Январское возстаніе 1863 года и конецъ Государственной обособленности царства Польскаго.

Надежды и разочарованія поляковъ со вступленіемъ на престолъ Александра II. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра II поляки царства ожидали отъ него разныхъ милостей и уступокъ въ пользу польской народности. Новый императоръ, однако, поспѣшилъ объявить, что эти ожиданія напрасны. Пріѣхавъ въ Варшаву въ маѣ 1856 года и принимая въ Бельведерскомъ дворцѣ депутатовъ отъ дворянства, духовенства и горожанъ, государь сказалъ имъ: «Вы близки моему сердцу точно такъ же, какъ финляндцы и другіе русскіе подданные, но я желаю, чтобы порядокъ, установленный моимъ отцомъ, не былъ измѣненъ нисколько. А поэтому, господа, прочь мечты (point de rêveries, messieurs!). Я сумѣю остановить порывы тѣхъ, кто бы вздумалъ увлечься мечтами... Счастье Польши заключается въ полномъ слитіи ея съ народами моей имперіи». Это заявленіе повергло польское общество въ уныніе и огорченіе. Не содѣйствовала примиренію съ царемъ и амнистія, объявленная эмигрантамъ на оскорбительныхъ для польскаго національнаго чувства условіяхъ. Амнистировались «раскаявшіеся», получившіе отъ русскихъ представителей за границей соотвѣтствующія удостовѣренія; черезъ три года «раскаянія и безукоризненнаго поведенія» они могли поступать и на государственную службу. Эмигранты всѣхъ партій повторяли, что имъ нечего стыдиться, не въ чемъ раскаиваться. Большинство ихъ, впрочемъ, воспользовалось амнистіею и вер-

нулось на родину, неся въ себѣ всю горечь обиды, все раздраженіе и всѣ свои эмигрантскія воззрѣнія и вожделѣнія. Вернулось также и много сосланныхъ въ Сибирь. Всѣ эти элементы должны были еще болѣе усилить общественное броженіе, происходившее въ царствѣ Польскомъ.

Первыя уступки полякамъ; «Земледѣльческое общество». Нельзя сказать, чтобы правительство совершенно игнорировало интересы и потребности польскаго народа. Намѣстникомъ царства вмѣсто крутого Паскевича, умершаго въ 1856 году, былъ назначенъ князь Горчаковъ, человѣкъ мягкій и обходительный. Императоръ лично разрѣшилъ издать въ Варшавѣ нѣкоторыя произведенія Мицкевича; перестало вмѣняться въ государственное преступленіе обладаніе недозволенными цензурой сочиненіями Красинскаго, Словацкаго, Лелевеля и др. Но самымъ важнымъ шагомъ навстрѣчу польскимъ нуждамъ были открытіе въ 1857 году медико-хирургической академіи и разрѣшеніе на основаніе «Земледѣльческаго общества». Въ академію потянулась польская молодежь, жаждавшая высшаго научнаго образованія, не только спеціальнаго, но и общаго, стремившаяся къ духовному общенію на почвѣ науки, литературы и поэзіи. Земледѣльческое общество стало привлекать въ свои ряды всю польскую интеллигенцію—ученыхъ, литераторовъ, купцовъ и промышленниковъ, которые искали случая побесѣдовать не только о земледѣліи, но и о другихъ нуждахъ отечества. Основатель и предсѣдатель земледѣльческаго общества гр. Андрей Замойскій вѣрилъ въ то, что ключъ къ лучшему будущему Польши заключается въ упорной культурной работѣ. Въ этомъ направленіи онъ старался вліять на своихъ соотечественниковъ, и для этой совмѣстной культурной работы и основано было имъ «Земледѣльческое общество». Кромѣ спеціальныхъ, чисто техническихъ вопросовъ, здѣсь стали обсуждаться и вопросы широкаго общественнаго значенія, напр. вопросъ объ устройствѣ быта крестьянъ.

Мечты о возстановленіи Польши и ихъ основанія. Но всего этого было мало для поляковъ. Ихъ помыслы и стремленія были направлены на «одбудованье отчизны», т.-е. на возстановленіе территоріальное и политическое Польскаго государства. Не имѣя возможности выражать открыто эти мысли у себя на родинѣ, поляки стали аппеллировать къ общественному мнѣнію Европы. Уже въ 1856 году появился въ Парижѣ на французскомъ языкѣ обширный трудъ одного изъ вождей прежнихъ возстаній—Мѣрославскаго, въ которомъ онъ доказывалъ, какую пользу цивилизованный міръ (Франція, Англія, Соединенные Штаты) получилъ бы отъ возстановленія независимости, Польши (De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen). Стремленія къ этому возстановленію особенно усилились въ связи съ успѣхами итальянскаго освобожденія и объединенія при поддержкѣ Франціи. Если уже обединилась Италія, которую европейская дипломатія доселѣ считала только географическимъ терминомъ, то почему же не могла бы возстановить свое единство и свою независимость Польша?—Всѣ крайніе, револю-

ціонно настроенные элементы и повели въ этомъ направленіи агитацію, свято вѣруя въ помощь Франціи и Англіи въ случаѣ новаго возстанія.

Патріотическія манифестаціи; столкновеніе съ войсками. Чтобы разогрѣть польское населеніе и увлечь его въ борьбу, они стали устраивать патріотическія манифестаціи и уличные безпорядки при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Первая манифестація состоялась 11 іюня 1860 года на похоронахъ Екатерины Свидзиньской, вдовы генерала—участника возстанія 1831 года. На похороны собралось до 20 т. человѣкъ; послѣ похоронъ вся эта многочисленная толпа отправилась къ окопамъ Воли и почтила память павшихъ въ сентябрѣ 1831 года при защитѣ Варшавы. Вторая манифестація состоялась въ октябрѣ 1860 года, во время съѣзда въ Варшавѣ Александра II, Франца-Іосифа и прусскаго принца Вильгельма. Толпа сожгла поставленныя въ честь Александра II тріумфальныя ворота, Франца-Іосифа встрѣтила на желѣзнодорожномъ вокзалѣ криками: «Vive Solferino et Magenta!», а въ театрѣ, гдѣ находились государи, была разлита зловонная жидкость. 29 ноября, въ годовщину возстанія 1830 года, за обѣднею въ кармелитскомъ костелѣ на Лѣшнѣ возносилась молитва: «отъ повѣтрія, голода, пожара и *рабства* избави насъ, Господи». Вечеромъ толпы народа, собравшіяся передъ статуей Богоматери, пропѣли, стоя на колѣняхъ, гимнъ «Boże coś Polskę», составленный еще по случаю образованія королевства Польскаго въ 1815 году. Участникамъ манифестаціи раздавались портреты Костюшко и Килинскаго съ соотвѣтствующими надписями. Манифестація, происшедшая въ Варшавѣ 27 февраля 1861 года, кончилась уже кровавымъ столкновеніемъ съ войсками. Въ этотъ, день по окончаніи молитвы въ кармелитскомъ костелѣ, состоялось шествіе огромной толпы народа по улицамъ съ крестами и образами. Толпа разогнана была кубанскими казаками. Но вскорѣ появилась новая процессія—похоронная, съ останками одного изъ сибирскихъ изгнанниковъ. Казаки набросились и на эту процессію, изрубили крестъ, который несъ монахъ, и били народъ нагайками. Изъ толпы имъ отвѣчали кирпичами. Прибывшій съ отрядомъ пѣхоты генералъ Заблоцкій отдалъ приказъ стрѣлять въ толпу, въ результатѣ чего было убито пять человѣкъ. Этотъ инцидентъ послужилъ поводомъ къ политическому выступленію лойяльныхъ слоевъ польскаго общества и предъявленію съ ихъ стороны разныхъ требованій къ правительству.

»Делегація гражданъ» и ея выступленіе; адресъ. Выдающіеся граждане, сходившіеся съ нѣкотораго времени въ Купеческомъ собраніи («Ресурсъ») для обсужденія народныхъ нуждъ, составили изъ себя «делегацію», которой поручили принять мѣры къ охраненію Варшавы отъ военнаго террора. Эта делегація сразу же вошла въ роль народнаго представительства и отправила къ намѣстнику депутацію съ запросомъ относительно поводовъ нападенія на безоружный народъ, съ донесеніемъ о негодованіи, которымъ охвачено все населеніе Варшавы, и съ требованіемъ удовлетворенія за совершенныя насиліе и кровопролитіе. Расте-

рявшійся и испугавшійся кн. Горчаковъ выразилъ сожалѣніе о происшедшемъ, объяснилъ его нарушеніемъ его приказаній, обѣщалъ освободить всѣхъ арестованныхъ 27 февраля и нарядить судебное слѣдствіе по дѣлу стрѣльбы въ народъ согласился на отставку оберъ-полицеймейстера Трепова и на устройство торжественныхъ похоронъ убитыхъ. Кромѣ того, онъ обязался принять и переслать императору адресъ, какой составятъ граждане, а также позволилъ «делегаціи» взять городъ на свое попеченіе до конца похоронъ. 28 февраля былъ посланъ въ Петербургъ адресъ, составленный комитетомъ Земледѣльческаго общества. При составленіи адреса выступилъ было со своимъ проектомъ маркизъ Александръ Велёпольскій, сторонникъ сближенія поляковъ съ Россіею. Маркизъ Велёпольскій еще въ 1864 году выпустилъ брошюру «Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich», въ которой доказывалъ, что поляки должны обосновать свою будущность на союзѣ съ Россіею, что только въ единеніи съ единоплеменною Россіею они сохранятъ свою народность и получатъ условія развитія, соотвѣтствующія историческимъ традиціямъ. Взгляды эти, однако, не нашли себя сочувствія въ польскомъ обществѣ. Не нашелъ сочувствія и составленный имъ адресъ, въ которомъ выражалась просьба къ монарху забыть прошлое, благодарность за открытіе медико-хирургической академіи и Земледѣльческаго общества и ходатайство о возстановленіи конституціи 1815 года. Члены Земледѣльческаго общества не вѣрили, что императоръ удовлетворитъ ходатайство, другіе въ мольбахъ о возстановленіи конституціи усматривали отреченіе отъ народнаго идеала—независимости. Вслѣдствіе этого составленъ былъ и отправленъ другой адресъ, въ которомъ содержались лишь указанія на бѣдственное состояніе страны и общія пожеланія о признаніи за поляками національныхъ правъ.

Похороны убитыхъ 27 февраля; отставка Муханова. Похороны убитыхъ 27 февраля превратились также въ грандіозную національную манифестацію. На крышахъ и балконахъ домовъ вывѣшены были траурные флаги съ бѣлыми крестами. Гробы сопровождала стотысячная толпа въ траурѣ, духовенство католическое, протестантское, монахи всѣхъ монастырей, члены церковныхъ братствъ, воспитанники учебныхъ заведеній и т. д. Церковный обрядъ совершали сначала католическіе епископы, послѣ нихъ пасторы, а въ концѣ концовъ раввины. По окончаніи похоронъ толпа мирно разошлась. Восхищенный образцовымъ порядкомъ въ городѣ и на похоронахъ, кн. Горчаковъ не только не распустилъ «делегаціи», но какъ бы узаконилъ ее. Онъ назначилъ предсѣдателемъ ея новаго оберъ-полицеймейстера, генерала Паулуччи, вице-предсѣдателемъ генерала бывшихъ польскихъ войскъ Левиньскаго и увеличилъ число ея членовъ до 24. Делегація засѣдала въ ратушѣ и по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ сносилась съ намѣстникомъ. Она извѣщала его о настроеніи населенія, требовала освобожденія арестованныхъ и указывала на различные

непорядки и злоупотребленія администраціи. Въ упоеніи наступившею идилліею совмѣстной и дружной дѣятельности русской власти и представителей польскаго общества, кн. Горчаковъ поспѣшилъ избавиться отъ неудобнаго для себя помощника—директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ Муханова. Мухановъ, чиновникъ стараго закала и традицій николаевскихъ временъ, составилъ циркуляръ гражданскимъ губернаторамъ, предписывавшій склонять крестьянъ къ преслѣдованію и задержанію лицъ, заподозрѣнныхъ въ интригахъ противъ правительства. Циркуляръ вызвалъ всеобщее негодованіе. Въ цѣляхъ успокоенія умовъ кн. Горчаковъ выхлопоталъ въ Петербургѣ отставку Муханова и приказъ немедленнаго оставленія Царства Польскаго. Мухановъ выѣхалъ за границу, провожаемый кошачьей музыкой на всѣхъ станціяхъ Варшавско-Вѣнской дороги.

Маркизъ Велёпольскій и возстановленіе Органическаго статута 1832 г. Чтобы еще болѣе наладить начавшееся сотрудничество выдающихся поляковъ съ русской властью, кн. Горчаковъ пригласилъ себѣ въ помощники маркиза Велёпольскаго, зарекомендовавшаго себя сторонникомъ сближенія съ Россіею. Велёпольскому предназначалась должность директора коммиссіи исповѣданій и просвѣщенія. Но онъ съ самаго начала проявилъ дѣятельность, далеко выходившую за рамки этой должности. Подъ вліяніемъ его совѣтовъ кн. Горчаковъ составилъ докладъ о необходимыхъ преобразованіяхъ въ царствѣ Польскомъ, вызвавшій соотвѣтственный указъ императора (26 марта 1861 года). Въ силу этого указа возстанавливался государственный совѣтъ царства Польскаго, состоявшій изъ выдающихся свѣтскихъ лицъ и духовныхъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника. Варшавскіе департаменты сената (IX и X) упразднялись, и дѣла ихъ передавались государственному совѣту, который, кромѣ того, долженъ былъ разсматривать годовые бюджеты царства Польскаго, отчеты главноначальствующихъ отдѣльныхъ частей управленія, представленіе губернскихъ совѣтовъ, жалобы на служащихъ въ государственныхъ учрежденіяхъ; возстанавливалась правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія подъ дирекціей Велёпольскаго; возстанавливались въ губерніяхъ и уѣздахъ выборные совѣты, періодически созываемые для совѣщанія о мѣстныхъ пользахъ, и такіе же совѣты городскіе въ Варшавѣ и другихъ крупнѣйшихъ городахъ царства; открывался университетъ подъ именемъ Главной школы. Въ общемъ, такимъ образомъ, возобновлялось дѣйствіе Органическаго статута 1832 года. Но какъ со стороны кн. Горчакова, такъ и со стороны Велёпольскаго было великимъ заблужденіемъ предположеніе, что этими уступками можно ублаготворить поляковъ. Велёпольскій былъ одинокъ въ своихъ стремленіяхъ, не находилъ достаточнаго сочувствія и поддержки въ польскомъ обществѣ, и разсчеты Горчакова на его помощь въ умиротвореніи края не оправдались.

Репрессіи въ отношеніи къ оппозиціи; закрытіе «Земледѣльческаго общества» и побоище 8 апрѣля. Не находя сочувствія и поддержки

своей политикѣ, Велёпольскій вступилъ на путь репрессій по отношенію къ оппозиціоннымъ элементамъ. Но эти репрессіи только усиливали общественное возбужденіе. Духовенству во время оффиціальнаго пріема онъ сдѣлалъ выговоръ за участіе въ манифестаціяхъ и заявилъ, что хотя и не сойдетъ съ пути истинной вѣротерпимости, однако не допуститъ и государства въ государствѣ. Духовенство протестовало противъ приложенія термина вѣротерпимость въ отношеніи къ римско-католической вѣрѣ. Къ еще худшимъ послѣдствіямъ привело послѣдовавшее по настоянію Велёпольскаго закрытіе Земледѣльческаго общества, въ которомъ группировались политическіе противники Велёпольскаго съ графомъ Андреемъ Замойскимъ во главѣ. На слѣдующій же день, 7 апрѣля, состоялась огромная манифестація передъ помѣщеніемъ закрытаго общества и дворцомъ Замойскаго. Манифестанты распѣвали «jeszcze Polska nie zginęła», вызывающе держались въ отношеніи военныхъ и осыпали насмѣшками и оскорбленіями самого намѣстника, обратившагося къ нимъ съ приказомъ разойтись. Для предотвращенія дальнѣйшаго развитія безпорядковъ, по совѣту Велёпольскаго, было опубликовано на другой день, т.-е. 8 апрѣля, распоряженіе объ употребленіи оружія противъ уличныхъ сборищъ, которыя не будутъ расходиться послѣ троекратнаго предупрежденія полиціи. Но это не достигло своей цѣли. Въ тотъ же день большая толпа народа сошлась около замка. Такъ какъ большинство не знало еще опубликованнаго правительственнаго распоряженія, то и на третье предупрежденіе полицейскаго чиновника отвѣтило смѣхомъ и шутками. Но тутъ появился отрядъ конныхъ жандармовъ и пѣхоты. Пущено было въ ходъ сначала холодное, а затѣмъ и огнестрѣльное оружіе. Было много убитыхъ и нѣсколько сотъ раненыхъ. Это побоище возмутило все населеніе страны и заставило директора судебной коммиссіи Воловскаго, подписавшаго вмѣстѣ съ другими правительственное распоряженіе, выйти въ отставку. Его обязанности взялъ на себя Велёпольскій.

Дѣятельность Велёпольскаго по крестьянскому и школьному дѣлу; усиленіе недовольства. Несмотря на происшедшее, Велёпольскій все еще продолжалъ вѣрить въ успѣхъ своей политики и съ жаромъ принялся за разработку соціальныхъ, аграрныхъ и просвѣтительныхъ реформъ. Между прочимъ онъ приступилъ и къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Вопреки мнѣніямъ, высказывавшимся въ Земледѣльческомъ обществѣ о необходимости надѣленія крестьянъ землею изъ помѣщичьихъ имѣній, Велёпольскій считалъ насиліемъ принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель для надѣленія крестьянъ и ограничился однимъ только очиншеваніемъ, т.-е. введеніемъ взамѣнъ барщины оброчной системы, сначала добровольной, а потомъ принудительной, по требованію крестьянина или землевладѣльца, при чемъ обратный переходъ на барщину былъ уже невозможенъ. Много вниманія удѣлялъ онъ школьному дѣлу, увеличивая число низшихъ и среднихъ училищъ, сближая ихъ программу съ программами

европейскихъ, главнымъ образомъ французскихъ школъ. Но, по пословицѣ, насильно милъ не будешь, и польское общество не только не удовлетворялось всею этою дѣятельностью, но все болѣе и болѣе проникалось ненавистью къ лицу, поставившему на своемъ знамени развитіе Польши подъ скипетромъ русскаго монарха. Князь Горчаковъ все болѣе и болѣе убѣждался, что ему не справиться съ надвигающимся мятежомъ, и умолялъ замѣнить его новымъ лицомъ; наконецъ онъ расхворался и умеръ въ маѣ 1861 года. Присланный на его мѣсто военный министръ, генералъ Сухозанетъ, возстановилъ дѣйствіе неотмѣненнаго военнаго положенія и водворилъ наружный порядокъ и спокойствіе. Но на фонѣ этого военнаго положенія еще болѣе оттѣнилась безпочвенность «угодовой» политики Велёпольскаго, къ тому же вынужденнаго вступать въ непрерывныя пререканія съ новымъ намѣстникомъ. Велёпольскій не выдержалъ и подалъ въ отставку. Но отставка не была принята; вмѣсто того отозванъ былъ Сухозанетъ и присланъ новый намѣстникъ Карлъ Ламбертъ, католикъ, французъ по происхожденію. Онъ проникнутъ былъ большимъ оптимизмомъ, надѣялся, что безпорядки прекратятся сами собой, терпимо относился къ церковнымъ манифестаціямъ, принявшимъ форму молебствій за благоденствіе отечества, и не принималъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ, расходясь въ данномъ случаѣ даже съ самимъ Велёпольскимъ. Ламбертъ надѣялся ввести движеніе въ болѣе спокойное русло, проведя выборы въ городской совѣтъ Варшавы и въ другіе городскіе совѣты, которые и должны были явиться какъ бы законченнымъ представительствомъ края и вступить на путь лойяльной работы. Но это-то именно и было недопустимо для «красныхъ», т.-е. крайнихъ элементовъ, желавшихъ во что бы то ни стало вызвать возстаніе. Манифестаціи и безпорядки усиливались и принимали все болѣе и болѣе широкіе размѣры. 10 октября 1861 года около 15 тысячъ человѣкъ собрались подъ Городломъ, чтобы отпраздновать память Городельской уніи 1413 года и возобновить союзъ братскаго единенія между Польшею, Литвою и Русью. Это начавшееся единеніе показывали и манифестаціи, происшедшія въ Вильнѣ, Ковнѣ, Минскѣ и другихъ мѣстахъ Литовской Руси. Но особенно грандіозныя манифестаціи готовились въ годовщину смерти Костюшко и кн. Іосифа Понятовскаго.

Церковная манифестація 15 октября 1861 г. и новыя репрессіи. Намѣстникъ, видя, что система послабленія не оказываетъ желаннаго дѣйствія, наканунѣ годовщины смерти Костюшко, 14 октября ввелъ въ Варшавѣ осадное положеніе, воспретилъ уличныя сборища и объявилъ, что участвующіе въ церковныхъ манифестаціяхъ подвергнутся аресту. Но все это не подѣйствовало. На слѣдующій день, 15 октября, народъ заполнилъ костелы св. Креста, бернардинскій и каѳедральный, въ которыхъ совершено было торжественное заупокойное богослуженіе съ пѣніемъ національныхъ гимновъ. Войско окружило костелы, офицеры съ солдатами проникли внутрь, устроили драку съ народомъ и арестовали до 3000 чело-

вѣкъ. Тогда управляющій епархіею прелатъ Бялобржескій закрылъ всѣ костелы до тѣхъ поръ, пока правительство не обезпечитъ ихъ неприкосновенности. Намѣстникъ не согласился дать эту гарантію, но, желая успокоить такъ или иначе общество, приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ, кромѣ предводителей манифестаціи. Генералъ-губернаторъ Герштейцвейгъ, который лично руководилъ арестами въ каѳедральномъ соборѣ, возмущенный такимъ отступленіемъ передъ бунтомъ, явился къ намѣстнику и устроилъ ему скандалъ, приведшій къ американскому поединку. Жребій застрѣлиться выпалъ Герштейцвейгу, и на другой день, 17 октября, онъ покончилъ съ собою. Недѣлю спустя покинулъ Варшаву совершенно больной и измученный гр. Ламбертъ. Его мѣсто вторично занялъ было Сухозанетъ, но не надолго. Велёпольскій не желалъ служить вмѣстѣ съ Сухозанетомъ, уѣхалъ въ Петербургъ и потребовалъ отставки. Сухозанета убрали и прислали вмѣсто него генерала Лидерса. Генералъ Лидерсъ сталъ управлять Варшавой, какъ непріятельскимъ городомъ: на улицахъ и площадяхъ стояли войска, днемъ и ночью разъѣзжали патрули, у населенія отбиралось оружіе; слѣдственная комиссія и военный судъ энергично преслѣдовали и карали людей, замѣшанныхъ въ манифестаціяхъ, увольняли со службы чиновниковъ, сажали въ крѣпость, высылали внутрь Россіи и т. д. Между тѣмъ Лидерсъ потребовалъ отъ Варшавской капитулы, чтобы она избрала новаго управляющаго епархіею на мѣсто уволеннаго Бялобржескаго, который открылъ бы костелы. Но капитула отказалась исполнить это требованіе. Конфликтъ разрѣшился только тѣмъ, что Велёпольскому удалось выхлопотать у папы назначеніе новаго архіепископа, профессора Петербургской римско-католической академіи Фелиньскаго. Фелиньскій открылъ костелы и пытался успокоить возбужденныя страсти, но не имѣлъ успѣха; на его проповѣдь, призывавшую къ прекращенію церковныхъ манифестацій, народъ отвѣчалъ ропотомъ и уходомъ изъ храма.

Революціонныя партіи къ началу 1862 года; назначеніе в. кн. Константина Николаевича намѣстникомъ и Велёпольскаго начальникомъ гражданскаго управленія. Отъ мѣръ, принимавшихся Лидерсомъ, революціонное движеніе разгоралось все болѣе и болѣе. Въ концѣ 1861 и началѣ 1862 года въ царствѣ были уже налицо революціонныя организаціи, ставившія себѣ цѣлью ниспроверженіе установленнаго порядка. Наиболѣе дѣятельною была *красная организація*, въ программѣ которой значилось возстановленіе Польши въ прежнихъ границахъ путемъ скорѣйшаго возстанія. *Шляхетская дирекція* (или дирекція бѣлыхъ) также требовала границъ 1772 года, но самое объявленіе возстанія отодвигала на неопредѣленное время. Между тѣмъ маркизъ Велёпольскій продолжалъ вести свою линію. Онъ получилъ просимую отставку отъ должностей директора коммиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія и юстиціи, но сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта царства Польскаго и принималъ дѣятельное и вліятельное участіе въ разработкѣ разныхъ мѣропрія-

тій, касающихся царства. Считая, что волненія въ царствѣ развиваются вслѣдствіе неправильнаго устройства управленія, смѣшенія гражданской власти съ военной, Велёпольскій посовѣтовалъ отдѣлить одну власть отъ другой. Императоръ Александръ II, самъ тяготившійся необходимостью карать, внялъ совѣтамъ Велёпольскаго и назначилъ намѣстникомъ царства брата своего Константина Николаевича, который долженъ былъ осуществлять свою власть при посредствѣ главнокомандующаго войсками барона Рамзая и начальника гражданскаго управленія Велёпольскаго. Подъ власть Велёпольскаго перешли всѣ правительственныя коммиссіи: вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, приходовъ и казны. Отдѣльнымъ указомъ Велёпольскій былъ назначенъ вице-предсѣдателемъ государственнаго совѣта, т.-е. исправляющимъ должность намѣстника.

Покушеніе на должностныхъ лицъ и адресъ Замойскому. Когда онъ прибылъ въ Варшаву, революціонное движеніе было уже въ полномъ разгарѣ. Формировались конспиративныя ячейки—десятки и сотни; возникъ «Народный центральный комитетъ», который завелъ сношенія съ эмигрантами; собирались оружіе и деньги; въ Италіи возникло военное училище для подготовки офицеровъ будущей революціонной арміи. Въ апрѣлѣ русскія власти натолкнулись на революціонную пропаганду въ войскахъ. Агитаторы-двое офицеровъ и одинъ унтеръ-офицеръ были арестованы и по приговору военнаго суда были разстрѣляны. Революціонеры отвѣтили на это покушеніемъ на генерала Лидерса, у котораго пистолетнымъ выстрѣломъ была раздроблена челюсть. Великаго князя Константина, котораго Велёпольскій поспѣшилъ вызвать въ Варшаву, революціонеры привѣтствовали пулей, которая слегка ранила его и застряла въ эполетѣ. Два раза покушались и на жизнь Велёпольскаго: въ первый разъ въ него стрѣляли, а потомъ бросились съ отравленнымъ кинжаломъ. Покушеніе не удалось, и злоумышленники по приговору военнаго суда были повѣшены на валахъ цитадели (въ августѣ 1862 г.). События шли какимъ-то роковымъ образомъ и увлекали въ революціонный водоворотъ даже умѣренные элементы, такъ называемыхъ «бѣлыхъ». Бѣлые, возмущенные покушеніями, захотѣли отгородиться отъ красныхъ и подать адресъ великому князю. По приглашенію «дирекціи», въ началѣ сентября 1862 г. въ Варшаву съѣхалось около рехсотъ помѣщиковъ. Но составленный ими адресъ превратился въ протестъ противъ Россіи и ея правительства. Конецъ его содержалъ прямой отказъ отъ совмѣстной работы по успокоенію страны. «Мы, какъ поляки,—говорилось здѣсь,—тогда будемъ въ состояніи поддерживать правительство нашимъ довѣріемъ, когда оно будетъ наше, польское, и когда основнымъ закономъ, при существованіи свободныхъ учрежденій, будутъ соединены всѣ области, составляющія наше отечество». Авторы адреса разумѣли здѣсь, конечно, Литву и Русь, находившіяся въ русскомъ «заборѣ». Велёпольскій, который въ своихъ стремленіяхъ не шелъ дальше

конституціи 1815 г. и считалъ безуміемъ добиваться присоединенія къ царству Литвы и Руси, не согласился передать адресъ великому князю. Тогда бѣлые рѣшили оповѣстить о своихъ требованіяхъ въ формѣ обращенія къ Замойскому. Великій князь, узнавъ о врученіи адреса Замойскому, лично отправился къ нему и потребовалъ адресъ. Но Замойскій отказалъ, не желая выдавать людей, подписавшихъ адресъ. Черезъ три дня онъ отправленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ въ бесѣдѣ съ императоромъ подтвердилъ, что только присоединеніе Литвы и забранныхъ провинцій къ королевству можетъ удовлетворить поляковъ. Ему предложено было выѣхать за границу, откуда онъ уже не воротился въ царство Польское.

Велёпольскій въ роли начальника гражданскаго управленія; непримиримость польскаго общества и подготовленіе къ возстанію. Несмотря на обнаружившуюся непримиримость польскаго общества, Велёпольскій продолжалъ проводить реформы въ царствѣ Польскомъ. 25 ноября 1862 года была открыта Главная школа въ Варшавѣ съ четырьмя факультетами, выборнымъ ректоромъ, ординарными и экстраординарными профессорами, адъюнктами и приватъ-доцентами. Кромѣ Главной школы была открыта политехника въ новой Александріи; въ нѣсколькихъ губерніяхъ созваны уѣздные совѣты, польскій языкъ былъ сдѣланъ оффиціальнымъ, и на важныя административныя должности были назначены поляки; въ сентябрѣ была объявлена амнистія осужденнымъ по политическимъ дѣламъ, и въ томъ же мѣсяцѣ открыта дѣятельность государственнаго совѣта. Но все это нисколько не измѣнило настроенія общества къ лучшему; наоборотъ—напряженіе все болѣе и болѣе увеличивалось и готовилось разрѣшиться возстаніемъ. Все болѣе и болѣе возросталъ контингентъ революціонной арміи. Къ ноябрю «Центральный комитетъ» насчитывалъ уже до 25 тысячъ человѣкъ, которые должны были взяться за оружіе. Комитетъ лихорадочно собиралъ деньги, устроилъ съ помощью правительственныхъ чиновниковъ почтовыя сношенія между отдѣльными провинціальными комитетами, стараясь подъ внѣшнимъ спокойствіемъ похоронить всѣ слѣды заговора. Возстаніе рѣшено было начать въ январѣ 1863 года, когда назначенъ былъ рекрутскій наборъ въ царствѣ Польскомъ. Этотъ наборъ устроенъ былъ Велёпольскимъ съ цѣлью извлечь изъ народа революціонные элементы. Приказъ о наборѣ освобождалъ отъ воинской повинности помѣщиковъ и крестьянъ-земледѣльцевъ, т.-е. тѣ сословія, которыя мало затронуты были революціоннымъ движеніемъ, и привлекалъ къ ней остальную часть мужского населенія, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ. При этомъ вопреки закону рекрутскій наборъ долженъ былъ совершиться не по жребію, а по именнымъ спискамъ, которые приготовятъ административныя власти. Такимъ образомъ подъ видомъ рекрутскаго набора въ сущности высылались въ административномъ порядкѣ всѣ тѣ, кого считали революціонерами. Велёпольскій самъ признавался, что предстоитъ не конскрипція, а проскрипція.

Силы революціонеровъ (maximum 25—30 тысячъ, вооруженныхъ большею частью охотничьими ружьями, противъ 90 т. русскихъ войскъ) были столь слабы, что только своеобразнымъ гипнозомъ можно объяснить такое безнадежное и гибельное предпріятіе, какъ возстаніе 1863 года. Одинъ изъ его главныхъ дѣятелей Маріанъ Дубецкій такимъ образомъ характеризуетъ настроеніе революціонеровъ: «Вѣрили крѣпко во все, что могло распалять, оживлять, подогрѣвать надежды; вѣрили въ иностранную помощь, ожидали вооруженнаго вмѣшательства державъ, которое должно наступить чуть не завтра, чуть не на слѣдующей недѣлѣ; ожидали необыкновенныхъ подвиговъ, сопровождающихся великими послѣдствіями, подвиговъ гигантской силы и воли отъ людей, окруженныхъ тайной и стоящихъ у кормила повстанческаго правительства; ожидали революціи и переворотовъ въ русскомъ обществѣ; однимъ словомъ вѣрили во все, что могло дать хоть какое-либо основаніе для надежды на благопріятный исходъ борьбы».

Возстаніе. Народный центральный комитетъ, узнавъ о времени, на которое былъ назначенъ рекрутскій наборъ, и получивъ копіи конскрипціонныхъ списковъ, началъ размѣщать революціонную молодежь по лѣсамъ. Начиная возстаніе, комитетъ издалъ декретъ о надѣленіи крестьянъ землею какъ во владѣніяхъ частныхъ лицъ, такъ и въ имѣніяхъ, принадлежащихъ казнѣ и духовенству. Революціонные начальники и предводители должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы декретъ былъ прочтенъ и разъясненъ населенію во всѣхъ костелахъ. Этимъ надѣялись привлечь крестьянъ къ возстанію. Въ ночь съ 22 на 23 января 1863 года въ десяти пунктахъ сразу произведены были нападенія на отдѣльно стоявшіе отряды русскихъ войскъ съ цѣлью обезоруженія ихъ, но неудачно. Мѣстныя Варшавскія власти немедленно приняли мѣры: все царство Польское было объявлено на военномъ положеніи; повстанцы, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, подлежали полевымъ судамъ; русскіе отряды принялись за энергическое преслѣдованіе повстанческихъ дружинъ. Эти дружины крылись въ лѣсахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда диктатора Мѣрославскаго. Мѣрославскій прибылъ съ небольшимъ отрядомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, воспитанниковъ французскихъ военныхъ училищъ, въ половинѣ февраля, но черезъ нѣсколько дней онъ потерпѣлъ два пораженія отъ русскихъ войскъ и долженъ былъ уйти въ Познанское княжество. Послѣ его удаленія изъ отеля Ламберъ отъ князя Владислава Чорторыйскаго послѣдовало предложеніе Центральному народному комитету о присоединеніи къ возстанію «бѣлыхъ», но съ условіемъ, чтобы руководство имъ находилось въ рукахъ лица умѣреннаго, не стремящагося къ соціальному перевороту. Центральный комитетъ, соображая выгоды, которыя могутъ послѣдовать отъ присоединенія бѣлыхъ, въ частности разсчитывая на посредничество Hôtel Lambert въ сношеніяхъ съ европейскими дворами, принялъ предложеніе и провозгласилъ диктаторомъ Лан-

гевича, профессора артиллеріи. Новый диктаторъ находился у власти всего только нѣсколько дней, до 19 марта, когда онъ попалъ въ руки австрійскихъ властей на территоріи Галиціи. Послѣ этого руководство движеніемъ перешло къ коллективной власти—«народному правительству» (rząd narodowy). Къ возстанію примкнула и «шляхетская дирекція», такъ что въ общемъ перевѣсъ въ повстанческомъ правительствѣ оказался на сторонѣ шляхетской партіи. Это обстоятельство открыло перспективы европейскаго вмѣшательства, о которомъ хлопоталъ кн. Владиславъ Чорторыйскій.

Европейское вмѣшательство и его неудача. Получивъ свѣдѣнія о готовящемся выступленіи европейской дипломатіи, императоръ Александръ II въ первый день Пасхи, 13 апрѣля, издалъ манифестъ, въ которомъ обѣщалъ не только амнистію всѣмъ, кто положитъ оружіе до 1 мая, но и сохраненіе автономныхъ учрежденій царства и дальнѣйшее ихъ развитіе «соотвѣтственно нуждамъ времени и страны». Но поляки не приняли протянутую руку. Центральный комитетъ, ожидая европейскаго вмѣшательства, отвѣтилъ требованіемъ полной независимости Польши «отъ моря и до моря», т.-е. въ границахъ 1772 года. Требованіе возвращенія Литвы, Бѣлоруссіи и Малороссіи, «древняго русскаго достоянія», какъ выразился императоръ при пріемѣ депутаціи, вызвало глубокое негодованіе въ русскомъ обществѣ, которое изъявило готовность поддержать правительство въ рѣшительной борьбѣ съ возстаніемъ. Самое возстаніе въ глазахъ русскихъ людей превратилось въ затѣю шляхты и ксендзовъ, къ которой собственно народныя массы не причастны. Патріотическое одушевленіе русскаго общества еще болѣе усилилось, когда въ Петербургѣ получены были дипломатическія ноты Англіи, Франціи и Австріи съ требованіемъ амнистіи и уступокъ въ предѣлахъ конституціи 1815 г. Посыпались отовсюду адреса съ выраженіемъ негодованія на иноземное вмѣшательство въ русскія дѣла; пресса во главѣ съ «Московскими Вѣдомостями», редактировавшимися Катковымъ, настраивала общество и правительство противъ всякихъ уступокъ въ польскомъ вопросѣ. Опираясь на общественное сочувствіе, правительство твердо и рѣшительно отвергло иноземное заступничество. Державы, вовсе не расположенныя начинать новую европейскую войну изъ-за Польши, не настаивали на своихъ требованіяхъ, а Австрія даже заняла враждебное положеніе къ возстанію. Надо сказать, что Россія была въ то время не одинока: за нею стояла Пруссія, съ которою у Россіи была заключена конвенція 8 февраля 1863 года касательно совмѣстнаго противодѣйствія возстанію. И Пруссія въ польскомъ вопросѣ заняла рѣзко опредѣленное положеніе. Когда Наполеонъ III сталъ упрекать Бисмарка за конвенцію съ Россіею, прусскій дипломатъ прямо заявилъ ему, что въ случаѣ отказа Россіи отъ Польши Пруссія сама займетъ ее своими войсками.

Подавленіе возстанія. Чтобы отнять поводы къ дальнѣйшимъ выступленіямъ дипломатіи, русское правительство поспѣшило ликвидировать

возстаніе. Противъ повстанцевъ въ сѣверо-западномъ краѣ былъ посланъ бывшій министръ государственныхъ имуществъ Михаилъ Муравьевъ. Назначенный генералъ-губернаторомъ съ неограниченною властью, Муравьевъ суровыми мѣрами въ короткое время подавилъ возстаніе; броженіе въ юго-западномъ краѣ было также прекращено благодаря энергичнымъ мѣрамъ генералъ-губернатора Анненкова. Въ царство Польское былъ посланъ графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ въ качествѣ помощника главнокомандующаго. Но скоро онъ сталъ начальникомъ края. Великій князь Константинъ, не желавшій примѣнять суровыхъ мѣръ, былъ отозванъ въ Петербургъ. Маркизъ Велёпольскій, политика котораго не привела къ умиротворенію края, получилъ отпускъ и уѣхалъ за границу; въ концѣ августа онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ своихъ должностей. Бергъ вынужденъ былъ также прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ для ликвидаціи возстанія. Красные, вытѣснившіе бѣлыхъ изъ «народнаго правительства», устроили на него покушеніе: 19 сентября изъ оконъ дворца Андрея Замойскаго брошены были въ проѣзжавшаго Берга бомба и сосудъ, начиненные взрывчатыми веществами. Это неудавшееся покушеніе послужило для графа Берга основаніемъ усилить репрессивныя мѣры. Красные отвѣчали на это терроромъ. Революціонные трибуналы выносили шпіонамъ и измѣнникамъ смертные приговоры, которые приводились въ исполненіе въ провинціи жандармами-вѣшателями, а въ городахъ стилетчиками. Въ половинѣ октября 1863 г. принялъ диктатуру надъ повстанцами Ромуальдъ Траугутъ, бывшій русскій офицеръ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ литовскихъ партизановъ. Онъ старался соединить въ одно стройное цѣлое партизанскіе отряды, дѣйствовавшіе вразбродъ, и сформировать изъ нихъ регулярную армію, старался привлечь къ возстанію крестьянъ, настаивая на выполненіи январскаго декрета о надѣленіи землею. Траугутъ все еще разсчитывалъ на европейское вмѣшательство. Тѣмъ временемъ Австрія, допускавшая на своей территоріи образованіе повстанческихъ отрядовъ для царства, круто измѣнила свою политику, объявила въ Галиціи осадное положеніе и строжайшимъ образомъ запретила оказывать возстанію какую бы то ни было помощь. Возстаніе, такимъ образомъ, утратило всякую надежду на европейскую поддержку. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1864 г. народное правительство послѣдней формаціи съ Траугутомъ во главѣ было арестовано; диктаторъ и его товарищи были повѣшены въ цитадели. Послѣ того возстаніе уже замерло совершенно.

Мѣры къ искорененію польщизны и ослабленію католицизма въ литовско-русскихъ губерніяхъ. Послѣ ликвидаціи возстанія русское правительство прежде всего приняло рядъ мѣръ къ искорененію польщизны и ослабленію католицизма въ литовско-русскихъ губерніяхъ. Въ видѣ кары за содѣйствіе и сочувствіе возстанію Муравьевъ наложилъ контрибуцію въ размѣрѣ 10% съ дохода на всѣ польскія земельныя имѣнія въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ 1869 году эта контрибуція была замѣнена

пятипроцентнымъ сборомъ съ лицъ польскаго происхожденія. Этотъ спеціальный поборъ, разумѣется, ухудшалъ положеніе польскихъ землевладѣльцевъ и побуждалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ разставаться съ земельнымъ имуществомъ. Указъ 1865 года запретилъ полякамъ пріобрѣтать въ литовско-русскихъ губерніяхъ земельную собственность. Лица, замѣшанныя въ политическихъ дѣлахъ, должны были въ теченіе двухъ лѣтъ продать свои имѣнія и выселиться изъ края; покупателями могли быть только коренные русскіе люди или православнаго вѣроисповѣданія. Освобожденные изъ ссылки участники возстанія не могли уже селиться на Литвѣ и Руси, хотя бы они были уроженцами этихъ губерній. Строжайше было запрещено употребленіе польскаго языка въ правительственныхъ мѣстахъ, клубахъ, циркахъ, театрахъ и во всякихъ другихъ учрежденіяхъ общественнаго пользованія. Въ городахъ уничтожались вывѣски и названія улицъ на польскомъ языкѣ; запрещено было печатать книги на польскомъ языкѣ и выставлять ихъ въ витринахъ магазиновъ. Правительство терпѣло польскій языкъ только въ семейной жизни. Такъ какъ католицизмъ и полонизмъ въ западномъ краѣ были тѣсно связаны и взаимно поддерживали другъ друга, правительство приняло рядъ мѣръ къ ослабленію и обрусѣнію католицизма. Множество костеловъ было перестроено и обращено въ церкви; въ католическіе монастыри помѣщены были православные монахи и монахини. Въ обратномъ видѣ совершалось то, что въ свое время продѣлали католики-поляки съ православными храмами и монастырями, когда насаждали католицизмъ среди русскаго населенія. Подобно тому, какъ Казимиръ IV запретилъ въ 1482 году строить новыя церкви и возобновлять старыя, и русское правительство въ 1864 году запретило строить новые и ремонтировать старые костелы, часовни и кресты безъ разрѣшенія администраціи. Въ католическое богослуженіе старались ввести русскій языкъ вмѣсто польскаго, для чего издавались на русскомъ языкѣ соотвѣтствующіе молитвенники и т. д.

Крестьянская и гминная реформа въ царствѣ Польскомъ. Что касается царства Польскаго, то здѣсь русское правительство въ первую очередь рѣшило покончить съ крестьянскимъ вопросомъ, чтобы привлечь народную массу на сторону Россіи. Дѣло это было поручено Николаю Милютину, который объѣхалъ царство Польское, ознакомился со всѣми его порядками и условіями и, вернувшись, представилъ государю планъ рѣшенія не только крестьянскаго вопроса, но и преобразованія администраціи, суда, законодательства, полиціи и т. д. Для разработки мѣропріятій учрежденъ былъ особый *Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго* въ Петербургѣ, а для осуществленія реформъ на мѣстѣ *Учредительный комитетъ*, состоявшій изъ кн. Черкасскаго, Соловьева, Кошелева и другихъ дѣятелей крестьянской реформы. Указомъ 19 февраля 1864 года (2 марта) предписано было надѣлить крестьянъ землею. Это надѣленіе совершено было тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ Россіи. Крестьяне получили въ соб-

ственность все, чѣмъ пользовались въ моментъ изданія указа, даже тѣ земли, которыя отданы были имъ въ годичное пользованіе, даже рабочія избы при усадебныхъ постройкахъ. За отошедшія къ крестьянамъ земли и постройки шляхта получила вознагражденіе отъ казны, по правительственной оцѣнкѣ, но не наличными деньгами, а такъ называемыми ликвидаціонными бумагами. Проценты и погашеніе по этимъ бумагамъ включены были въ земельные платежи крестьянъ. Крестьянамъ, кромѣ того, дано было право пользованія господскими пастбищами и лѣсными угодьями (сервитуты), право, котораго не получили русскіе крестьяне.

Совершенно иное положеніе по сравненію съ русскими крестьянами отведено было польскимъ крестьянамъ и въ мѣстномъ самоуправленіи. Въ Россіи крестьяне получили свое сословное самоуправленіе; въ земскомъ самоуправленіи господствовали дворяне-землевладѣльцы. Въ Польшѣ указомъ 19 февраля 1864 года была введена мелкая земская единица—*гмина*. Въ составъ ея входили всѣ земельные собственники даннаго округа, безъ различія сословій, обладающіе, по крайней мѣрѣ, тремя моргами. Во главѣ гмины поставленъ былъ избираемый гминнымъ собраніемъ и утверждаемый уѣзднымъ начальникомъ *войтъ* (старшина гмины), обязанный во время, когда не было схода, совѣщаться по всѣмъ дѣламъ съ *солтысами* (сельскими старостами) и *лавниками*. Совмѣстно съ ними войтъ производилъ судъ по уголовно-полицейскимъ дѣламъ, который раньше производилъ помѣщикъ. Законъ имѣлъ въ виду затѣснить шляхту, освободить крестьянство отъ вліянія шляхты. Но на дѣлѣ получилось обратное сближеніе помѣстнаго дворянства съ крестьянствомъ, воздѣйствіе шляхты на образованіе національнаго міровоззрѣнія крестьянства. Этому пробужденію національнаго чувства въ польскомъ крестьянствѣ содѣйствовали много репрессивныя мѣры противъ католическаго духовенства, болѣзненно задѣвавшія религіозное сознаніе польскаго населенія. Мѣры эти были приняты въ виду участія «ксендзовъ» въ возстаніи и въ виду вліянія, которое оказывало духовенство на народныя массы.

Мѣры относительно католическаго духовенства и уніи. По указу 1864 года были конфискованы всѣ церковныя имѣнія и капиталы. Въ томъ же году были закрыты мужскіе и женскіе монастыри, за исключеніемъ небольшого количества взятыхъ на содержаніе отъ казны или предназначенныхъ къ закрытію, по мѣрѣ вымиранія монаховъ. Управленіе церковными дѣлами было отобрано отъ коммиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія и передано сначала коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, директоромъ которой былъ кн. Черкасскій, а затѣмъ, въ 1867 году римско-католической коллегіи, засѣдавшей въ Петербургѣ. Всѣ эти мѣры были приняты безъ предварительнаго соглашенія съ папскою куріею, и на этой почвѣ произошелъ конфликтъ правительства съ епископами, которые не хотѣли присылать делегатовъ отъ капитулъ, при чемъ нѣкоторые епископы были высланы въ Россію, а управленіе ихъ епархіями поручено было админи-

страторамъ. Запрещены были всякія непосредственныя сношенія польскаго духовенства съ куріею. Сношенія эти должны были вестись не иначе, какъ черезъ римско-католическую коллегію или министерство внутреннихъ дѣлъ. Князь Черкасскій употребилъ всѣ усилія, чтобы покончить поскорѣе съ уніею, удержавшеюся въ Холмской епархіи. Онъ отправлялъ семинаристовъ-уніатовъ въ православныя академіи въ Москву и Кіевъ, склонялъ духовенство къ очищенію церковныхъ обрядовъ отъ латинскаго налета. Онъ нашелъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ администратора Холмской епархіи протоіерея Маркелла Попеля. Попель для посвященія уніатскихъ священниковъ пользовался услугами православнаго епископа, замѣнилъ уніатскія богослужебныя книги православными и, наконецъ, приказалъ всѣмъ священникамъ епархіи съ новаго 1874 года отправлять богослуженіе по православному. Въ началѣ 1875 года холмское каѳедральное духовенство съ Попелемъ во главѣ составило актъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью и отправило съ нимъ особую депутацію въ Петербургъ. Царь милостиво принялъ депутацію и удовлетворилъ просьбу о возсоединеніи. Холмская уніатская епархія была превращена въ православную. За пастырями должны были послѣдовать и пасомые; по отношенію къ упорствующимъ примѣнялись репрессивныя мѣры. Все это больно отзывалось на религіозномъ чувствѣ не только уніатовъ, но и католиковъ, усиливало и обостряло церковныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національныя антипатіи. Такимъ образомъ, результаты получались обратные поставленнымъ цѣлямъ сближенія, сліянія съ русскимъ народомъ.

Упраздненіе особыхъ учрежденій царства Польскаго. Въ цѣляхъ органическаго сліянія царства Цольскаго съ остальными частями имперіи постепенно упразднены были всѣ особыя учрежденія царства, и все управленіе имъ передано было общеимперскимъ центральнымъ учрежденіямъ. Въ 1867 году былъ упраздненъ государственный совѣтъ царства Польскаго, а въ слѣдующемъ—коммиссіи доходовъ и казны, вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, а также административный совѣтъ, функціи котораго раздѣлены были между намѣстникомъ и учредительнымъ комитетомъ. Въ 1874 году, по смерти гр. Берга, намѣстничество было замѣнено генералъ-губернаторствомъ. Въ 1876 году прекратила существованіе коммиссія юстиціи, а вмѣстѣ съ нею и польскіе суды. Вмѣсто польскихъ учрежденій въ краѣ были введены общерусскія, за исключеніемъ земствъ, городскихъ учрежденій, мировыхъ судей и суда присяжныхъ. Персоналъ чиновниковъ для этихъ учрежденій сталъ набираться изъ русскихъ, которыхъ привлекали въ край разными льготами. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой перемѣны личнаго состава должностныхъ лицъ явилась замѣна въ дѣлопроизводствѣ польскаго языка русскимъ. Въ 1868 году русскій языкъ былъ признанъ оффиціальнымъ въ администраціи, въ 1869 году въ казенныхъ палатахъ, въ 1876 году—въ судѣ.

Обрусѣніе польской школы. Общій потокъ обрусительной политики захватилъ и школу. Первыя мѣры въ этомъ направленіи были еще мягкія. По новымъ уставамъ и штатамъ 1866 г. для польской молодежи учреждались мужскія классическія и реальныя гимназіи и аналогичныя женскія среднія учебныя заведенія съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ, кромѣ исторіи и географіи Россіи и Польши и русской словесности; для мѣстностей съ уніатскимъ населеніемъ учреждались среднія учебныя заведенія съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ; нѣмцы получили гимназіи съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія. Но въ 1868 году во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ предметовъ физико-математическихъ и историческихъ, а въ 1871—72 годахъ—вообще всѣхъ предметовъ. Учебныя заведенія поставлены были подъ надзоръ и руководство управленія Варшавскаго учебнаго округа, замѣнившаго собою упраздненную коммиссію народнаго просвѣщенія царства Польскаго. Завершеніемъ новой системы явилось преобразованіе Главной школы въ Императорскій Варшавскій университетъ (8 іюня 1869 года) съ распространеніемъ на него, сообразно мѣстнымъ условіямъ, устава россійскихъ университетовъ, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Только лекціи польскаго языка и словесности, а также новыхъ иностранныхъ языковъ могли читаться на польскомъ языкѣ.

Русскіе люди въ царствѣ Польскомъ. Планы и намѣренія, содержавшіяся во всѣхъ этихъ реформахъ, могли осуществлять только русскіе люди. Поэтому правительство старалось всяческими льготами привлекать чиновниковъ, профессоровъ и учителей на службу въ царство Польское: выдачей большихъ прогоновъ, сокращеніемъ числа лѣтъ для выслуги пенсіи, пособіями на воспитаніе дѣтей и т. д. Принимались мѣры и къ утвержденію постояннаго русскаго населенія въ краѣ, къ насажденію русскаго землевладѣнія. Для сообщенія русскаго колорита краю названія нѣкоторыхъ городовъ измѣнялись на русскій ладъ; Енджеёвъ былъ названъ Андреевымъ, Пётркувъ—Петроковымъ и т. д.

Русская политика въ Польшѣ при Александрѣ III. При Александрѣ III русская политика въ отношеніи Царства Польскаго развивалась въ томъ же самомъ направленіи. Въ силу конкордата, заключеннаго съ Римомъ въ 1882 году, правительство разрѣшало замѣщать вакантныя епископскія каѳедры, но попрежнему властно вмѣшивалось въ дѣла католической церкви. Такъ, предписано было закрыть религіозныя братства, не имѣвшія актовъ объ утвержденіи. Въ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ было введено преподаваніе русскаго языка, литературы и исторіи. Консисторіямъ предписано было вести переписку съ правительственными учрежденіями и съ духовенствомъ на русскомъ языкѣ. Попечитель Варшавскаго учебнаго округа Апухтинъ въ 1885 году ввелъ преподаваніе на русскомъ языкѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ге-

нералъ-губернаторъ Гурко распространилъ употребленіе государственнаго языка и въ экономической жизни страны. Желѣзнодорожныя управленія обязаны были принять правительственный языкъ; на станціяхъ и въ вагонахъ предписано было помѣстить надписи на русскомъ языкѣ; допускались сверхъ того надписи на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, но не на польскомъ; желѣзнодорожнымъ служащимъ запретили употреблять польскій языкъ не только въ служебныхъ отношеніяхъ, но и съ публикой; торговыя вывѣски, рекламы, обѣденныя карты, счета, расписки и т. д. должны были писаться, кромѣ польскаго, и на русскомъ языкѣ и т. д.

Прекращеніе государственной обособленности Царства Польскаго. Въ концѣ концовъ не осталось ничего не только изъ конституціи 1815 года, но и органическаго статута 1832 года. Царство Польское прекратило свое существованіе, какъ особое владѣніе русскаго государя, съ особыми правами и съ особымъ внутреннимъ строемъ. Этотъ фактъ отразился въ сознаніи русскаго правительства и общества тѣмъ, что самое названіе «Царство Польское» стало выходить изъ употребленія и замѣняться названіемъ «Привислянскій край». При Александрѣ III это новое названіе проникло уже и въ законодательный языкъ: въ 1888 году въ Полномъ Собраніи законовъ было напечатано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о распространеніи дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка на губерніи *Привислянскаго края*, хотя въ самомъ законѣ рѣчь идетъ о губерніяхъ *Царства Польскаго*.

Важнѣйшая литература:

С. С. Татищевъ, Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе Изд. 2. 1911 г.

В. Д. Спасовичъ, Маркизъ А. Велепольскій, его жизнь и политика (Сочиненія, т. X).

З. Ленскій, Польское возстаніе 1863 г. (Исторія Россіи въ XIX в., изд. Граната, ч. II).

С. Гескетъ, Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863. 1894.

А. *Корниловъ*, Русская политика въ Царствѣ Польскомъ послѣ 1863 г. (Русская Мысль 1915 г., мартъ).

П. Рейнке, Очеркъ законодательства Царства Польскаго (1807—1881). Спб. 1902.

А. Погодинъ, Исторія польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Москва 1915.

XXXIV.

Національная дѣятельность и стремленія поляковъ царства послѣ его упраздненія.

Перемѣна настроенія въ польскомъ обществѣ послѣ возстанія 1863 года; «органическая работа». Послѣ подавленія возстанія 1863 года въ польскомъ обществѣ возобладало новое настроеніе, стремившееся отстоять самобытное существованіе націи не путемъ возстаній, героической борьбы, а путемъ будничнаго, продолжительнаго и упорнаго органическаго труда (praca organiczna). Романтическія увлеченія, поддерживавшіяся поэтами эмиграціи—Мицкевичемъ, Словацкимъ и Красинскимъ, миновали и замѣнились трезвымъ, раціоналистическимъ отношеніемъ къ жизни. Польская молодежь, воспитавшаяся въ Варшавской главной школѣ, выдвинула лозунгомъ «работу у основаній» (praca u podstaw), т.-е. созданіе фундамента, на которомъ могла бы прочно утвердиться національная самобытность польскаго народа. Въ первую голову было выдвинуто обогащеніе націи—развитіе сельскаго хозяйства, промышленности, торговли, рядомъ съ этимъ—развитіе просвѣщенія и общественной самодѣятельности и, наконецъ, различныя соціальныя преобразованія. За этою молодежью пошло подавляющее большинство польскаго общества; лозунги возстанія или даже какой-либо иной нелегальной политической борьбы уже не встрѣчали себѣ больше отклика. Поляки царства остались глухи къ призывамъ подняться противъ Россіи, раздавшимся изъ Галиціи въ 1877—1878 годахъ, во время русско-турецкой войны, несмотря на большой соблазнъ со стороны англійскаго общественнаго мнѣнія, требовавшаго объявленія Англіей войны Россіи и возстановленія Польши. Все участіе поляковъ въ войнѣ противъ Россіи выразилось въ томъ, что вмѣстѣ съ турками сражались два польскихъ «легіона», общею численностью въ 145 человѣкъ. Не нашли достаточнаго сочувствія и революціонныя «народовольческія» теченія, проникшія въ Польшу изъ крайнихъ соціалистическихъ кружковъ русской молодежи Петербурга, Москвы, Кіева и Вильны и приведшія въ восьмидесятыхъ годахъ къ нѣсколькимъ политическимъ процессамъ. Польское общество и даже учащаяся молодежь не вѣрили въ возможность осуществленія при данныхъ обстоятельствахъ какой-либо революціонной программы, да притомъ же соціалистическія программы носили слишкомъ интернаціональный характеръ. Лозунгъ мирной, органической работы «у основаній» остался господствующимъ для большинства польскаго народа до нашихъ дней, несмотря на новое пробужденіе въ его средѣ стремленій къ возстановленію польской государственности. Этой органической работѣ своихъ сыновъ русская Польша обязана была въ значительной степени тѣмъ благосостояніемъ и благоустройствомъ, которыя отличали этотъ край нака-

нунѣ великой европейской войны. Въ этой работѣ принимали большее или меньшее участіе всѣ классы и слои польскаго народа.

Развитіе сельскаго хозяйства. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить сельскихъ хозяевъ Польши, дворянъ и крестьянъ. Крестьянская реформа 1864 г. дала сильный толчокъ энергіи и предпріимчивости какъ дворянства, такъ и крестьянства. Лишившіеся значительной части своихъ земель (по даннымъ 1907 года изъ 11¼ милліоновъ десятинъ крестьянамъ принадлежало 45,58%, а дворянамъ, церкви и обществамъ 44,56%) польскіе помѣщики стремились наверстать свои потери увеличеніемъ доходности своихъ имѣній, введеніемъ усовершенствованныхъ способовъ обработки земель, разнообразіемъ ихъ эксплуатаціи и умноженіемъ производствъ. Крестьяне, сдѣлавшись собственниками своихъ участковъ, принялись любовно обрабатывать ихъ, подражая помѣщикамъ, заимствуясь отъ нихъ свѣдѣніями и вкладывая свои продукты въ ихъ производства. Изъ сельскохозяйственныхъ производствъ особенное значеніе получили винокуренное, пивоваренное, сахароваренное, огородничество и садоводство, молочное и кожевенное дѣло. Успѣхи достигнуты были не единичными только, разрозненными силами сельскихъ хозяевъ, но и объединеніемъ, организаціею этихъ силъ и участіемъ людей знанія, науки. Еще въ 1875 году возникъ «Музей промышленности и земледѣлія» (Muzeum przemysłu i rolnictwa), поставившій себѣ задачею научное содѣйствіе сельскохозяйственной промышленности. При немъ созданъ былъ цѣлый рядъ лабораторій и другихъ учрежденій спеціальнаго назначенія: химическая, физическая, геологическая лабораторіи, институтъ бродильной промышленности, станція оцѣнки сѣмянъ и т. д. Общество Музея, кромѣ того, устроило цѣлый рядъ курсовъ для подготовки людей, нужныхъ для сельскаго хозяйства,—винокуренные, для обслуживанія сельскохозяйственныхъ машинъ, электро-техническіе, ремесленно-промышленные классы и т. д. Въ 1906 году возникло «Центральное земледѣльческое общество въ Царствѣ Польскомъ» (Centralne towarzystwo rolnicze w Królewstwie Polskiem), поставившее себѣ цѣлью организацію и объединеніе мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ кружковъ, устройство опытныхъ полей, курсовъ по сельскому хозяйству, изданіе спеціальныхъ журналовъ, выписку сѣмянъ, сельскохозяйственныхъ машинъ, покупку и аренду породистыхъ производителей и т. д. Подъ руководствомъ и съ помощью этого Центральнаго общества выросло множество мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ и кружковъ (въ 1912 году ихъ насчитывалось уже 924), которые въ общей сложности являлись сильнымъ двигателемъ успѣховъ сельскохозяйственной промышленности въ Польшѣ. Такую же роль сыграло и «Общество Варшавскихъ садоводовъ», основанное въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Важною стороною его дѣятельности была работа въ деревнѣ по обученію крестьянъ современнымъ пріемамъ огородничества и садоводства, а также устройство спеціальныхъ курсовъ по этимъ отраслямъ хозяйства. Благодаря всѣмъ этимъ

усиліямъ царство Польское заняло одно изъ почетныхъ мѣстъ въ Россіи по состоянію своей сельскохозяйственной промышленности, несмотря на неблагопріятныя естественныя условія.

Кромѣ дворянъ-землевладѣльцевъ, сельское хозяйство заняло силы и вниманіе большей части польскаго крестьянства, какъ имѣющаго земли, такъ и безземельнаго. Въ 1864 году было надѣлено изъ помѣщичьихъ земель до 2 милліоновъ крестьянъ (считая въ томъ числѣ и ихъ семейства), изъ казенныхъ и секуляризованныхъ церковныхъ земель—до 110.000 человѣкъ и около 220.000 душъ осталось безъ земли. Въ 1891 году число безземельныхъ достигало уже 900 тысячъ, а передъ войною ихъ насчитывалось уже до $1^1/_2$ милліона. Безземельные крестьяне были постоянными рабочими и поденщиками на хуторахъ и въ усадьбахъ у помѣщиковъ и у крестьянъ. Здѣсь же прирабатывали крестьяне, владѣвшіе карликовыми участками въ 3 морга ($1^1/_2$ десятины) и вообще малыми надѣлами (до 10 морговъ), а таковыхъ было 37% слишкомъ изъ всего числа крестьянъ-землевладѣльцевъ. Но при всемъ томъ польское сельское хозяйство оказалось не въ состояніи ни занять, ни прокормить всего рабочаго населенія царства, а только немногимъ больше половины его (566 чел. на 1.000). Остальнымъ приходилось искать заработковъ либо за границею, либо въ другихъ отрасляхъ труда. Каждый годъ уходило значительное количество сельскихъ рабочихъ въ Германію на заработки; значительное число польскихъ крестьянъ эмигрировало въ Америку. Но, главнымъ образомъ, избытокъ рабочихъ рукъ находилъ себѣ примѣненіе въ другихъ отрасляхъ промышленности—фабрично-заводской и ремесленной.

Развитіе обрабатывающей промышленности и торговли. Развитіе фабрично-заводской промышленности въ царствѣ Польскомъ стояло въ связи съ естественными, соціальными и историческими условіями. Къ первымъ относятся залежи минеральнаго топлива и желѣзной руды; ко вторымъ—уже указанный избытокъ, а, слѣдовательно, и дешевизна рабочихъ рукъ и къ третьимъ—таможенная политика Россіи, заставившая иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ предпринимателей, перенести въ царство Польское свои фабрики и заводы, чтобы ввозить изъ-за границы сравнительно мало обложенное сырье—хлопокъ, шерсть, металлы, перерабатывать его въ товары, обложенные высокою пошлиною и, такимъ образомъ, обходить таможенныя постановленія. Центрами этой промышленности передъ войною были Лодзь, Сосновицы и Варшава. Въ Лодзинскомъ округѣ получило наибольшее развитіе шерстяное и хлопчатобумажное производство, въ Сосновицкомъ—прядильноткацкое дѣло, въ Варшавскомъ—полотняное, хлопчатобумажное и металлическія производства. Насажденная первоначально нѣмецкими капиталистами фабрично-заводская промышленность царства Польскаго привлекла къ себѣ не только польскій національный трудъ, но съ теченіемъ времени и польскую предпріимчивость и польскіе капиталы,—стала національнымъ дѣломъ, которое стало при-

влекать къ себѣ симпатіи и заботы польскаго общества. Это выразилось, между прочимъ, въ учрежденіи обществъ для содѣйствія этой промышленности, каковы, напр., «Общество промышленниковъ Царства Польскаго», учрежденное въ 1912 году для охраны польской промышленности,—для разсмотрѣнія торговыхъ договоровъ, таможенныхъ и желѣзнодорожныхъ тарифовъ, фабричнаго законодательства и т. д., «Общество содѣйствія промышленности, ремесламъ и торговлѣ», учрежденное въ 1913 году.

Что касается ремесленной промышленности и торговли, то здѣсь польскому національному труду приходилось бороться съ сильною конкурренціею еврейскаго труда и капитала. Какъ извѣстно, еврейство составляетъ значительную часть населенія Царства Польскаго, около 15%. Давнишними и привычными занятіями евреевъ были ремесла и торговля. Естественно, что на этой почвѣ и пришлось полякамъ столкнуться съ еврействомъ. Для содѣйствія національному труду въ области мелкой индустріи возникло «Общество содѣйствія народной промышленности» (Towarzystwo popierania przemysłu ludowego), которое ставитъ своей задачею поощреніе слабо развитой въ польскомъ крестьянствѣ кустарной промышленности. Оно стремится учреждать школы ручного труда, содержитъ школу ткацкихъ инструкторовъ, школы для выдѣлки корзинъ, мебели, игрушекъ, столярную, столярно-художественную, портновскую и шапочную и т. д. Въ послѣднія пять лѣтъ обществу удалось организовать около двухъ сотъ мелкихъ крестьянскихъ товариществъ для производства разныхъ издѣлій. Оно устраиваетъ выставки и склады кустарныхъ издѣлій, принимаетъ ихъ на коммиссію, снабжаетъ кустарей необходимыми матеріалами и т. д. Въ послѣднее время передъ войною польское общество бурно выступило въ борьбу съ торговымъ еврейскимъ засильемъ путемъ бойкота еврейскихъ магазиновъ. Этотъ бойкотъ явился средствомъ помощи польскимъ торговцамъ, которые не въ состояніи обычными средствами справляться съ конкурренціею евреевъ, съ ихъ вѣковыми торговыми навыками и традиціями, съ обширными международными связями и большими капиталами. Исходъ этой борьбы не опредѣлился, но едва ли онъ былъ бы въ пользу поляковъ.

Кредитъ и кооперація. Національное польское домостроительство выражалось также въ развитіи кредитныхъ учрежденій для оказанія содѣйствія польской промышленности и торговлѣ. Старѣйшее кредитное учрежденіе, основанное еще въ 1825 году съ цѣлью оказанія долгосрочнаго кредита польскимъ землевладѣльцамъ, именно—«Земское кредитное общество» съ самаго основанія своего было своего рода прибѣжищемъ и средоточіемъ національной самодѣятельности. Въ разсматриваемое время оно широко развертывало свою дѣятельность и открыло свои отдѣленія по всѣмъ губернскимъ городамъ Царства. Къ 1 мая 1913 года его балансъ равнялся уже 192.2 тысячамъ рублей. Такъ какъ учрежденный въ 1827 году для поддержанія промышленности и торговли Польскій банкъ превратился въ государственное учрежденіе, въ одно изъ отдѣленій имперскаго государ-

ственнаго банка, то поляки на смѣну ему въ 1870 году учредили Торговый банкъ. Позже возникли городскія кредитныя общества въ Варшавѣ и другихъ губернскихъ городахъ царства Польскаго, которыя широко стали развивать свои операціи (къ 1909 году 12 городскихъ кредитныхъ обществъ царства выпустили закладныхъ листовъ на сумму 148 милл. рублей слишкомъ). Наконецъ, нельзя не упомянуть о дѣятельности учрежденнаго въ 1910 году банка для поддержки кооперативныхъ учрежденій (Bank towarzystw spółdzielczych w Warszawie). Банкъ этотъ удовлетворялъ насущнымъ потребностямъ населенія, вслѣдствіе чего дѣятельность его пошла успѣшно. Начавъ свои операціи съ образованія оборотнаго капитала въ 3 милліона рублей, банкъ къ концу 1913 года привлекъ уже болѣе 7 милліоновъ вкладовъ и имѣлъ годовой оборотъ въ 271 милліонъ. Его услугами пользовались мѣстныя общества мелкаго кредита и разныя другія кооперативныя учрежденія и, прежде всего, многочисленныя потребительныя общества.

Первыя потребительныя общества возникли еще въ 1869 году въ Варшавѣ, Плоцкѣ и Радомѣ. Но значительный ростъ ихъ начался только съ 1905 года, когда стало возможнымъ основывать эти общества съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора. Съ этого года и до начала войны въ царствѣ Польскомъ возникло до тысячи потребительныхъ обществъ. Этого рода общественная самопомощь привлекла къ себѣ, главнымъ образомъ, малосостоятельные классы населенія — фабричныхъ рабочихъ въ городахъ, мелкихъ сельскихъ хозяевъ въ деревняхъ. Что касается производительныхъ кооперативовъ, то изъ нихъ значительнаго развитія достигли кооперативы по обработкѣ и продажѣ молочныхъ продуктовъ (stowarzyszenia mleczarskie).

Культурно-просвѣтительныя стремленія. Національное строительство поляковъ царства не ограничивалось одною только областью народнаго хозяйства, но и направлялось на цѣли культурно-просвѣтительныя, хотя на этомъ пути и встрѣчало большія препятствія со стороны Петербурга. До 1904 года въ царствѣ Польскомъ было учреждено 425 частныхъ школъ разныхъ категорій, обучавшихъ около 30 т. учениковъ. Послѣ того, какъ указомъ 1 октября 1906 года было разрѣшено открывать частныя среднія учебныя заведенія съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, хотя и безъ правъ для учащихъ и учащихся, быстро стали расти польскія школы. Къ концу 1913 года въ царствѣ Польскомъ имѣлось уже 66 частныхъ мужскихъ среднихъ училищъ, которыя выпускали изъ своихъ стѣнъ до 1000 абитуріентовъ. Эти абитуріенты, не имѣя правъ поступать въ русскія высшія учебныя заведенія, направлялись большею частью за границу въ польскіе университеты Кракова и Львова. Увеличилось съ 1906 года и число другихъ частныхъ школъ, такъ что къ концу 1912 года ихъ было налицо 1074 съ 108 т. учащихся. Поляки сдѣлали попытку повести все народное образованіе въ національномъ духѣ. Въ 1906 году они образовали особое общество — «Польскую матицу школьную» (Polska macierz szkolna), которая

ставила себѣ цѣлью распространеніе просвѣщенія въ польскомъ обществѣ и содѣйствіе его развитію въ національномъ направленіи. Средствами для достиженія ея цѣлей должны были служить: дѣтскіе сады, начальныя школы, курсы для неграмотныхъ взрослыхъ, курсы для обученія учителей и учительницъ, народныя библіотеки, среднія и высшія школы разныхъ типовъ, публичныя лекціи и собесѣдованія, изданіе руководствъ по разнымъ предметамъ на польскомъ языкѣ, педагогическіе, научные и популярные журналы, пособія недостаточнымъ учащимся, конкурсы и т. д. Матица привлекла въ свои ряды множество польскихъ патріотовъ и множество пожертвованій. Въ первый же годъ ея существованія образовалось 781 мѣстныхъ кружковъ Матицы, въ которые входило 116.341 членовъ; доходы Общества составили 810 т. рублей слишкомъ, въ томъ числѣ народный даръ 3-го мая, т.-е. пожертвованія, собранныя въ память конституціи 3-го мая, въ размѣрѣ 197 тысячъ слишкомъ. Результаты дѣятельности Матицы были огромные; достаточно сказать, что въ школахъ Матицы обучалось 61 т. слишкомъ дѣтей. Необычайный ростъ и успѣхи Матицы въ связи съ нѣкоторою политическою окраскою ея дѣйствій встревожили правительство, и въ декабрѣ 1907 года Матица была закрыта.

Такая же участь постигла «университетъ для всѣхъ», «курсы для взрослыхъ», общество «Культуру», которое ставило себѣ цѣлью распространеніе знаній въ рабочихъ и интеллигентныхъ массахъ. Но другія просвѣтительныя общества, открытыя въ 1906 году, уцѣлѣли. Таково «Польское общество отчизновѣдѣнія» (Polskie towarzystwo krajoznawcze w Warszawie), которое имѣетъ свой домъ, издаетъ журналъ «Ziemia» и распространяетъ отчизновѣдѣніе среди польской молодежи; «Общество публичной библіотеки въ Варшавѣ», организовавшее значительную библіотеку и устроившее ее въ собственномъ зданіи. Въ 1907 году возникло «Ученое Варшавское Общество» (Towarzystwo naykowe Warszawskie), которое сосредоточило въ себѣ всѣ ученыя силы Царства Польскаго и по справедливости можетъ быть названо второю (послѣ Краковской) академіею наукъ. Оно нашло себѣ щедрую матеріальную поддержку со стороны нѣкоторыхъ представителей польской аристократіи (особенно гр. І. Потоцкаго), благодаря чему оказалось въ состояніи пріобрѣсть собственный домъ.

Политическія партіи послѣдняго времени въ царствѣ Польскомъ. Вся эта «органическая» работа польскаго общества сблизила и объединила различные классы его въ одномъ общемъ стремленіи — утвержденіи національной самобытности. Но по вопросу о политическихъ средствахъ поляки разбились на партіи. Люди, наученные историческимъ опытомъ, склонные дорожить тѣмъ, что есть, люди, имѣющіе что хранить, какъ титулованные аристократы, крупные землевладѣльцы и собственники, служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ и т. д. видѣли средство къ утвержденію національной самобытности польскаго народа въ соглашеніи и примиреніи (ugoda) съ Россіею. Это такъ называемые ***угодовцы***

или *реалисты*. Другія партіи видѣли средство къ національному самоутвержденію въ возстановленіи политической независимости Польши. Такова прежде всего народно-демократическая партія, организовавшаяся собственно въ Галиціи въ 1897 году и охватившая затѣмъ и поляковъ царства, преимущественно средніе классы — помѣщиковъ, духовенство и людей свободныхъ профессій и т. д. Программа этой партіи была близка къ тѣмъ требованіямъ, которыя выставлялись возставшими поляками въ 1863 году. Она ставила задачею объединеніе Польши, Литвы и Руси (т.-е. Бѣлоруссіи и Малороссіи) и возстановленіе независимости Польскаго государства. Она не прочь была и отъ поднятія возстанія, до русско-японской войны развивала энергичную агитацію и пріобрѣтала множество приверженцевъ въ разныхъ слояхъ польскаго населенія. Но когда наступила японская война и русская революція, народно-демократическая партія не усмотрѣла въ нихъ обстоятельствъ, благопріятныхъ для поднятія возстанія. Всѣ попытки, всѣ подстрекательства нѣкоторыхъ революціонныхъ группъ, а также и заграничныхъ агентовъ разбились о рѣшительное сопротивленіе вождей народно-демократической партіи. Единственный успѣхъ имѣла *школьная революція*, бойкотъ польскою молодежью русскихъ правительственныхъ школъ, начавшійся въ 1905 году и тянувшійся довольно продолжительное время. Такое поведеніе партіи объясняется нахожденіемъ въ ея составѣ множества положительныхъ, трезвыхъ людей изъ польской буржуазіи, съ развитымъ чувствомъ и пониманіемъ дѣйствительности. Народно-демократическая партія сочла нужнымъ послать своихъ членовъ въ Россійскую государственную думу, которые составили съ реалистами одно *польское коло* к заодно съ ними стали стремиться къ расширенію правъ польскаго народа въ Россійской имперіи. Идея независимости отошла на задній планъ, а на мѣсто ея выдвинулась идея *автономіи* съ расширеніемъ правъ національнаго языка. На этой идеѣ сошлись и другія политическія партіи — *польская соціалистическая*, обнимавшая преимущественно рабочее населеніе и первоначально также стоявшая за возстановленіе независимости путемъ возстанія, и *прогрессивно-демократичекая*, обнимавшая преимущественно интеллигенцію, польскую и еврейскую, и первоначально чуждая яркой національной окраски. Великая европейская война въ настоящей ея стадіи поставила вопросъ о польской государственности шире и сложнѣе намѣчавшихся ранѣе его рѣшеній въ Россіи. Отъ исхода этой войны зависитъ все будущее польскаго народа не только въ царствѣ, но и въ герцогствѣ Познанскомъ и въ королевствѣ Галиціи и Лодомеріи.

Важнѣйшая литература:

Проф. *А. Л. Погодинъ*, Славянскій міръ. Москва. 1915 г.
— Исторія Польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Москва. 1915 г.
— Главныя теченія польской политической мысли. Спб. 1909.

Вл. Студницкій. Польша въ политическомъ отношеніи отъ раздѣловъ до нашихъ дней. Спб. 1908.

Э. Пильцъ, Русская политика въ Польшѣ. Варшава. 1909.

И. Янжулъ. Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ (Юридическій Вѣстникъ, 1887).

А. Н. Закъ, Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности. 1914.

XXXV.

Прусская политика въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ и борьба поляковъ за свою народность въ Пруссіи.

Первыя мѣры прусскаго правительства относительно великаго герцогства Познанскаго. Польскія земли, отошедшія на основаніи постановленія Вѣнскаго конгресса къ Пруссіи, должны были составить одно автономное цѣлое подъ названіемъ Великаго Герцогства Познанскаго (въ совокупности 526 квад. миль съ населеніемъ 779 т. человѣкъ). Фридрихъ Вильгельмъ III началъ съ того, что отторгнулъ отъ него повѣты, лежащіе на правомъ берегу Вислы и городъ Торунь (Торнъ) и присоединилъ ихъ къ западной Пруссіи. Въ манифестѣ 15 мая 1815 года онъ обѣщалъ великому герцогству намѣстника изъ поляковъ, собственное войско, законы, какіе общество само выработаетъ, доступъ польскимъ гражданамъ къ должностямъ и употребленіе польскаго языка въ общественныхъ дѣлахъ. Изъ этихъ обѣщаній онъ выполнилъ по всей точности только первое—назначилъ намѣстникомъ родственника Гогенцоллерновъ—князя Антонія Радзивилла. Но это фактически мало что значило, такъ какъ Радзивиллъ не былъ человѣкомъ дѣла. Польскіе полки, организаціею которыхъ долженъ былъ заняться генералъ Косинскій, не были устроены. Было возстановлено дѣйствіе нѣмецкаго земскаго права (Landrecht). На высшія административныя должности были назначены нѣмецкіе чиновники, сплошь и рядомъ не знавшіе польскаго языка. При отсутствіи среди польскаго дворянства достаточнаго числа образованныхъ юристовъ, судебныя должности сосредоточились почти исключительно въ нѣмецкихъ рукахъ, а это естественно приводило къ тому, что въ этой области польскій языкъ все болѣе и болѣе вытѣснялся нѣмецкимъ. Было установлено, что во всѣхъ школахъ долженъ преподаваться нѣмецкій языкъ, и что выходящіе изъ школъ ученики должны владѣть имъ. Что касается языка преподаванія, то въ сельскихъ школахъ имъ могъ быть или польскій, или нѣмецкій въ зависимости отъ этнографическаго состава населенія; въ низшихъ городскихъ школахъ преподава-

ніе должно было вестись на обоихъ языкахъ, въ Познанской гимназіи были учреждены польскіе и нѣмецкіе классы, а евангелическая гимназія въ Лѣшнѣ была нѣмецкой. Въ общемъ, однако, надо признать, что была забота о тѣсномъ соединеніи края съ королевствомъ, но не проводилось еще прямой политики германизаціи.

Нѣкоторою аналогіею автономіи, данной царству Польскому, явилось сословное провинціальное и окружное представительство, введенное въ великомъ герцогствѣ, какъ и въ другихъ провинціяхъ Прусскаго королевства по законамъ 1824 и 1828 годовъ. Эти законы, предоставлявшіе избирательное право землевладѣльцамъ, дали перевѣсъ въ провинціальныхъ собраніяхъ—сеймахъ и сеймикахъ польскому дворянству, которое, такимъ образомъ, забрало мѣстныя дѣла въ свои руки, между прочимъ, стало выбирать главнаго представителя власти въ округѣ—ландрата. При содѣйствіи прусскаго правительства возникло въ 1821 году Земское кредитное общество, поставившее себѣ цѣлью спасеніе земельной собственности отъ грозящаго ей, вслѣдствіе крайней задолженности, разоренія. Это общество оказало значительныя услуги польскому землевладѣнію и оставалось чисто польскимъ учрежденіемъ. Надѣленіе польскихъ крестьянъ землею, произведенное на основаніи закона 8 апрѣля 1824 года, вызвало благія послѣдствія для края какъ въ національномъ, такъ и въ культурномъ отношеніи.

Ухудшеніе положенія послѣ 1830 г. Положеніе поляковъ въ королевствѣ Прусскомъ ухудшилось въ связи съ событіями 1830 года. Въ 1830 году и въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ обнаружилось нѣкоторое политическое броженіе. Провинціальный сеймъ подалъ королю петицію о сохраненіи правъ польской національности, съ жалобою на то, что многіе чиновники края плохо владѣютъ польскимъ языкомъ, а иные и совсѣмъ не знаютъ его.

Затѣмъ: хотя прусское правительство и приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы начавшійся въ царствѣ Польскомъ политическій пожаръ не охватилъ и великое герцогство, при всемъ томъ нѣкоторая часть познанскихъ поляковъ присоединилась къ повстанцамъ царства. Прусское правительство отвѣтило на все это репрессіями. Намѣстникъ кн. Антоній Радзивиллъ вынужденъ былъ подать въ отставку. Вмѣсто намѣстника былъ назначенъ начальникъ-предсѣдатель Познанской провинціи сначала Бауманъ, а затѣмъ Флотвель, ярый германизаторъ, окружившій себя чиновниками того же типа. Имѣнья лицъ, примкнувшихъ къ возстанію въ царствѣ Польскомъ, были секвестрированы; многіе изъ участниковъ заочно приговорены были къ смертной казни, и ихъ изображенія были повѣшены на висѣлицѣ, поставленной на одной изъ главныхъ улицъ Познани. Въ 1832 году пришелъ отвѣтъ короля «жителямъ Познанской провинціи», содержавшій суровую отповѣдь на петицію сейма 1830 г.: король удивлялся требованіямъ, которыя сводятся къ политическому обособленію края, и заявлялъ, что и впредь

этотъ край будетъ разсматриваться только, какъ составная часть Прусскаго королевства. Сообразно съ этимъ въ 1832 году введены были новыя правила о языкахъ. По этимъ правиламъ, взаимная корреспонденція всѣхъ административныхъ властей герцогства (кромѣ деревенскихъ войтовъ, бургомистровъ мелкихъ мѣстечекъ и низшаго духовенства) происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ; отвѣты властей населенію даются на нѣмецкомъ языкѣ, но для поляковъ снабжаются польскимъ переводомъ; въ устныхъ сношеніяхъ властей съ населеніемъ разрѣшается употребленіе обоихъ языковъ. Въ 1833 году у сеймиковъ было отнято право избирать ландратовъ, и тогда же была уничтожена должность войтовъ, замѣненныхъ «окружными коммиссарами», непосредственно подчиненными ландратамъ. Эти постановленія направлены были противъ польской шляхты, какъ наиболѣе опаснаго и мятежнаго элемента польскаго населенія. Въ томъ же году были секуляризованы монастыри, остававшіеся въ великомъ герцогствѣ, и на средства ихъ было устроено нѣсколько правительственныхъ учебныхъ заведеній для католическаго духовенства. Видя въ шляхтѣ и духовенствѣ главныхъ враговъ тѣснаго соединенія герцогства съ Прусскимъ государствомъ, Флотвель старался всячески подрывать ихъ силу и значеніе и внѣдрять въ герцогство элементы нѣмецкой жизни, какъ духовные, такъ и матеріальные. Онъ скупалъ дворянскія имѣнія за дешевыя цѣны и перепродавалъ ихъ на льготныхъ условіяхъ нѣмцамъ, отдавалъ казенныя имѣнья въ аренду исключительно нѣмцамъ, распродавалъ по участкамъ удѣльныя имѣнія нѣмцамъ, пользовался на общественныхъ и казенныхъ работахъ услугами исключительно нѣмецкихъ рабочихъ, оставляя поляковъ безъ заработка.

Національная реакція со стороны польскаго общества. Польское національное самосознаніе, однако, нисколько не ослабѣвало, а наоборотъ все болѣе и болѣе обострялось и усиливалось подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ.

Сеймъ 1834 года выступилъ съ цѣлымъ рядомъ жалобъ на германизаторскія стремленія правительства. Сеймъ 1837 года возобновилъ ходатайство о правахъ польскаго языка. Когда нѣмецкіе члены сейма отказались поддержать это ходатайство, польскіе депутаты отказались отъ дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ сейма. Особенно же національное движеніе развивалось по смерти Фридриха Вильгельма III (въ 1840 г.). Новый король Фридрихъ Вильгельмъ IV, находившійся въ личной дружбѣ съ нѣкоторыми изъ польскихъ аристократовъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ германизаціи и сторонникомъ гражданскихъ свободъ. Онъ отставилъ Флотвеля, помиловалъ архіепископа Дунина, посаженнаго въ заключеніе за требованіе, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ воспитывались въ католической вѣрѣ; при немъ поляки получили новыя права въ области языка (польскій языкъ признанъ былъ равноправнымъ), собраній и союзовъ. Но всѣ эти уступки не удовлетворили поляковъ. Съ начала

сороковыхъ годовъ въ Познани стали распространяться идеи эмиграціонной демократической партіи, и не только среди молодежи, но и среди старшаго поколѣнія. Агитація велась при посредствѣ разныхъ обществъ, лекцій и баловъ, на которыхъ шляхта старалась сблизиться съ мѣщанами. Послѣ отмѣны въ 1841 году прусско-русскаго соглашенія о взаимной выдачѣ политическихъ преступниковъ Познань наполнилась множествомъ польской молодежи, которой угрожали въ царствѣ или тюремное заключеніе, или военная служба. Вслѣдствіе гоненій на все польское въ Россіи и Австріи Познань сдѣлалась центромъ польской духовной жизни; здѣсь стали издаваться лучшіе польскіе журналы того времени «Tygodnik literacki», «Rok.», гдѣ между прочимъ помѣщены были статьи Либельта, сильно взволновавшія польское общество — «О любви къ родинѣ», «О гражданскомъ мужествѣ» и др.

Революціонное броженіе и возстаніе 1846 г.; его неудача. При такихъ условіяхъ Познань скоро сдѣлалась очагомъ революціонной дѣятельности, направленной къ возстановленію польскаго государства. Здѣсь образовался «Народный союзъ», поставившій цѣлью подготовку возстанія, и рядъ отдѣльныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ повстанческихъ кружковъ. Для поддержанія связей и сношеній съ заграничною эмиграціею—«Демократическимъ обществомъ» возникъ «Центральный Познанскій комитетъ», который вскорѣ пріобрѣлъ большое значеніе. Рядомъ съ нимъ сталъ дѣйствовать другой кружокъ, не находившійся въ сношеніяхъ съ эмиграціей. Во главѣ его стоялъ книгопродавецъ Стефанскій, торговавшій нелегальными изданіями. Онъ вербовалъ въ свой союзъ и учащуюся польскую молодежь, и ремесленниковъ, и унтеръ-офицеровъ, распредѣлялъ ихъ на десятки и сотни и стремился начать возможно скорѣе возстаніе захватомъ Познанской крѣпости. Стефанскій надѣялся увлечь за собою весь народъ съ помощью радильканой соціальной реформы—отмѣны на время борьбы частной собственности, которая должна быть всецѣло предоставлена въ распоряженіе революціоннаго правительства. Даже въ томъ случаѣ, если возстаніе не удастся, Стефанскій ожидалъ отъ него пользы: «демократическая идея, привитая народу, будетъ уже развиваться сама по себѣ». Но Стефанскому не пришлось руководить возстаніемъ; въ ноябрѣ 1845 года онъ былъ арестованъ вмѣстѣ со многими другими членами своей партіи.

Какъ бы на смѣну ему прибылъ въ Познань въ концѣ 1845 г. уполномоченный «Централизаціею» Демократическаго общества молодой генералъ Людовикъ Мѣрославскій, профессоръ исторіи въ парижской политической школѣ. Онъ поселился тайно и сталъ образовывать народное правительство, во главѣ котораго сталъ сначала Либельтъ, а потомъ Гутри. Скупали оружіе, сносились съ Галиціею и царствомъ и заграничной эмиграціею. Согласно плану Мѣрославскаго возстаніе должно было вспыхнуть одновременно въ Познани, Зап. Пруссіи, въ царствѣ Польскомъ, на Литвѣ, Жмуди, въ Краковской республикѣ и Галиціи, при чемъ для каждой изъ этихъ ча-

стей бывшей Рѣчи Посполитой назначены были особые начальники. Самъ Мѣрославскій становился во главѣ возстанія Познани. Выработанъ былъ и общій стратегическій планъ—соединенія польскихъ силъ для общей борьбы. Предполагали привлечь къ возстанію прусскія и австрійскія войска, разставленныя въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ и Галиціи; надѣялись на помощь крестьянъ, которымъ обѣщали право собственности на ихъ земли, уничтоженіе барщины и оброковъ, свободу и гражданское равноправіе.

Но весь этотъ планъ потерпѣлъ полное фіаско. Австрійскія войска остались лойяльными; польскіе крестьяне помогли имъ подавить возстаніе въ Галиціи и Краковской республикѣ, которая тогда и покончила свое существованіе. Въ царствѣ Польскомъ, на Литвѣ и Жмуди произошли ничтожныя вспышки, закончившіяся бѣгствомъ или арестомъ вожаковъ. Предположенный захватъ Познанской крѣпости также не удался. Самъ Мѣрославскій и его сообщники въ числѣ около 700 человѣкъ были арестованы и посажены въ тюрьму Моабитъ въ Берлинѣ. На допросѣ Мѣрославскій и его ближайшій сотрудникъ раскрыли всѣ нити заговора. Судъ, состоявшійся въ концѣ 1847 года, приговорилъ 8 человѣкъ къ смертной казни, 7 къ пожизненному заключенію въ крѣпость, 15—къ 25 и 20 годамъ заключенія и т. д. Но приведенію въ исполненіе этого приговора помѣшала Мартовская революція, разразившаяся въ Берлинѣ въ 1848 году.

Мартовская революція и новая попытка возстановленія польской государственности; ея неудача. Нѣмецкая депутація съ адвокатомъ Дейцксомъ во главѣ заставила Прусскаго короля подписать амнистію всѣмъ полякамъ, осужденнымъ Берлинскимъ сословнымъ судомъ. Да иначе и невозможно было уже поступить: толпа ворвалась на тюремный дворъ, освободила заключенныхъ и устроила вмѣстѣ съ ними торжественное шествіе по городу. Освобожденныхъ привѣтствовали криками: «Да здравствуетъ Польша! Идемъ на Россію!» Въ Пруссіи повѣяло новымъ духомъ, который, казалось, возродитъ и Польшу. Патентомъ 18 марта король провозгласилъ національное объединеніе Германіи, при чемъ предоставлялъ провинціямъ, которыя не пожелаютъ примкнуть къ нѣмецкому союзу, остаться внѣ его. Мало того: создалась увѣренность, что Пруссія будетъ помогать и дѣлу національнаго объединенія польскаго народа и объявитъ войну Россіи. Независимое Польское государство, соединенное только личною уніею съ Германіею, представлялось реальною возможностью не только польскимъ патріотамъ, но и нѣмецкимъ правящимъ кругамъ. Поэтому начальникъ-президентъ Познанской провинціи графъ Арнимъ пригласилъ къ себѣ Мѣрославскаго и другихъ вожаковъ недавняго возстанія и сталъ совѣщаться съ ними о предстоящей войнѣ съ Россіею. Было постановлено образовать отдѣльные польскіе отряды съ польскимъ языкомъ командованія; берлинскіе студенты-поляки немедленно образовали польскій легіонъ. Но вскорѣ же эта идиллія была разрушена.

Когда патентъ 18 марта дошелъ до Познани, собравшаяся передъ Ба-

заромъ толпа привѣтствовала его объявленіе криками восторга, но при этомъ заявляла, что Познанское герцогство не желаетъ вступить въ Германскій союзъ. Образовался «Національный комитетъ» который снарядилъ депутацію къ королю съ просьбою о невключеніи герцогства въ союзъ и о предоставленіи ему отдѣльнаго политическаго существованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ назначилъ по округамъ своихъ коммиссаровъ и сталъ производить наборъ солдатъ и собирать средства. Поляки радостно подхватывали извѣстія о возстановленіи Польши, ставили «бѣлые орлы» вмѣсто прусскаго герба, жертвовали оружіе, серебро, лошадей. Власти растерялись, не знали, что дѣлать. Начальникъ-президентъ провинціи то давалъ, то бралъ назадъ свои разрѣшенія на собранія народа, призналъ образованіе національнаго комитета незаконнымъ, но и не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ него. Главный начальникъ военныхъ силъ въ краѣ генералъ Коломбъ съ самаго начала склоненъ былъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и уже манифестація передъ Базаромъ едва было не привела къ кровавому столкновенію толпы съ войскомъ. Но не получая надлежащихъ инструкцій изъ центра, онъ также не предпринималъ рѣшительныхъ дѣйствій. Между тѣмъ требованіе объ отдѣленіи герцогства отъ Германскаго союза возбудило вражду къ полякамъ въ нѣмецкомъ населеніи герцогства. Хотя «національный комитетъ» и увѣрялъ своихъ «нѣмецкихъ братьевъ», что за ними будутъ сохранены всѣ ихъ національныя права, нѣмцы Познани ни за что не хотѣли мириться съ перспективою низойти на положеніе людей, пользующихся милостью у поляковъ. Они находили себѣ сочувствіе и въ коренной Германіи. Вслѣдствіе всего этого и дѣло поляковъ въ Познани приняло въ концѣ концовъ неблагопріятный для нихъ оборотъ.

22 марта депутація «Національнаго комитета» прибыла въ Берлинъ. Королевскій адъютантъ Радзивиллъ сообщилъ, что король приметъ депутацію, исполнитъ всѣ польскія требованія, лишь бы только поляки не настаивали на отдѣленіи Познани отъ Пруссіи. Депутація подчинилась этому требованію и на аудіенціи просила только о замѣнѣ прусскаго войска въ герцогствѣ польскимъ и о предоставленіи служебныхъ мѣстъ полякамъ. Король, принявшій депутацію сурово, смягчился въ концѣ концовъ и изъявилъ согласіе на образованіе коммиссіи «изъ обѣихъ народностей» для реорганизаціи провинціи при условіи соблюденія порядка и сохраненія уваженія къ мѣстнымъ властямъ. Королевскимъ коммиссаромъ для проведенія реформъ былъ назначенъ генералъ Виллизенъ, пользовавшійся симпатіями въ польскомъ обществѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и генералъ Коломбъ получилъ тайную инструкцію примѣнить при первыхъ безпорядкахъ военную силу.

Реорганизаціонная комиссія поставила на первый планъ созданіе польскаго войска, замѣщеніе должностей поляками и введеніе польскаго языка въ судѣ и администраціи. За санкціею своихъ начинаній она обратилась въ Берлинъ. Но «Національный комитетъ» приступилъ къ дѣлу, не

дожидаясь разрѣшеній изъ Берлина. Стали формироваться польскіе отряды, въ которые массами вступали польскіе солдаты изъ прусскихъ полковъ, покидавшіе свои части съ оружіемъ въ рукахъ. Прусскіе чиновники устранялись и замѣнялись польскими, поставленными комитетомъ. Все это сильно возбуждало какъ поляковъ, такъ и нѣмцевъ. Поляки разсматривали Познанское герцогство, какъ одно національное цѣлое, и жаждали видѣть осуществлѣніе въ немъ своихъ національныхъ чаяній. Нѣмцы видѣли въ немъ нѣмецкую—болѣе значительную часть и польскую—небольшую и допускали преобразованія только для этой послѣдней. Такая разноголосица была какъ въ реорганизаціонной коммиссіи, гдѣ съ пятью поляками сидѣло шестеро нѣмцевъ, такъ и въ населеніи. Въ нѣкоторыхъ округахъ нѣмцы прямо заявляли, что они не признаютъ никакой реорганизаціонной коммиссіи, а если предполагаемыя реформы пройдутъ, потребуютъ, чтобы рядъ округовъ былъ отдѣленъ отъ герцогства. Общее напряженіе росло. Генералъ Коломбъ собралъ ландверъ изъ силезскихъ, померанскихъ и бранденбургскихъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать противъ польскихъ отрядовъ, которые онъ разсматривалъ, какъ банды повстанцевъ. Оторванные отъ земледѣльческихъ работъ, нѣмецкіе крестьяне крайне были раздражены противъ поляковъ, срывали съ нихъ національныя кокарды и готовы были каждую минуту броситься на польскіе отряды. Виллизенъ старался предотвратить столкновеніе особымъ соглашеніемъ, по которому число польскаго войска низводилось до 2400 ч. пѣхоты и 480 кавалеріи. Но это не помогло дѣлу. Съ одной стороны расходившіеся по домамъ польскіе солдаты вымещали свою злобу на предававшихъ ихъ евреяхъ и нѣмецкихъ колонистахъ. Съ другой стороны прусскіе отряды все болѣе и болѣе тѣснили и окружали польскія войска и, наконецъ, въ нѣсколькихъ пунктахъ напали на нихъ. Произошла жестокая расправа съ повстанцами: взятыхъ въ плѣнъ ставили на колѣни и плевали имъ въ глаза, избивали ихъ палками и заставляли цѣловать эти палки, раненыхъ добивали, сжигали дома, гдѣ устроены были лазареты. Въ концѣ концовъ всѣ поляки вынуждены были сложить оружіе (въ половинѣ мая). Попытка поляковъ возстановить свою государственность, такимъ образомъ, потерпѣла полную неудачу. Правда, Франкфуртскій парламентъ заявлялъ, что права, гарантированныя великому герцогству Познанскому въ 1815 году, должны быть осуществлены. Но это заявленіе не имѣло послѣдствій, и самый парламентъ въ декабрѣ 1848 г. былъ распущенъ.

Органическая работа послѣ 1848 года и Познанская «угода». Послѣ неудачи возстанія 1848 года поляки, находившіеся подъ владычествомъ Пруссіи, принялись за «органическую работу» надъ развитіемъ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Основывались кредитныя общества, промышленные союзы, крестьянскіе земледѣльческіе кружки и т. под.; устраивались популярныя чтенія, лекціи, концерты и т. д. Въ 1857 г. по иниціативѣ гр. Дзялынскаго было основано «Общество друзей наукъ»

(Towarzystwo przyjaciół nauk), сыгравшее огромную роль въ подъемѣ умственной жизни польскаго общества не только въ великомъ герцогствѣ, но и за его предѣлами. Прусское правительство, не препятствуя всѣмъ этимъ проявленіямъ польской національной жизни, въ то же время неуклонно проводило свою идею о сліяніи герцогства съ Пруссіею. Польскій языкъ изгонялся послѣдовательно изъ всѣхъ категорій школъ и замѣнялся нѣмецкимъ; въ 1850 г. оставались уже всего три гимназіи съ польскимъ языкомъ преподаванія. Поляки не оставались равнодушными къ германизаторской политикѣ и противодѣйствовали ей доступными имъ средствами. Конституція, введенная въ Пруссіи въ 1848 году и измѣненная въ 1850 г., давала мѣсто въ прусскомъ ландтагѣ и польскимъ депутатамъ. Польское коло въ ландтагѣ выступало противъ закона о раздѣленіи герцогства на двѣ части, польскую и нѣмецкую, защищало права польскаго языка и т. д. Въ общемъ среди поляковъ, особенно среди зажиточныхъ землевладѣльцевъ, преобладала примирительная по отношенію къ нѣмцамъ тенденція. Духовнымъ вождемъ, насаждавшимъ «угодовое» направленіе, сталъ архіепископъ Познанскій Ледоховскій. Но это отношеніе познанскихъ поляковъ къ господствующей народности не предохранило ихъ отъ политики «искорененія» (Ausrottung), которую эта господствующая народность, упоенная своими политическими успѣхами, развернула во всю ширь съ 1872 года, послѣ образованія Германской имперіи.

«Культурная война» въ Познани. Прежде всего поляки испытывали на себѣ всю тяжесть «культурной войны» (Kulturkampf), объявленной всѣмъ католикамъ имперіи, но въ особенности полякамъ. Имперскій канцлеръ князь Бисмаркъ усматривалъ въ независимой организаціи католической церкви препятствіе къ осуществленію верховенства государства и потому сталъ принимать рядъ мѣръ къ уничтоженію этой независимости. Цѣлымъ рядомъ законовъ была ограничена свобода церковной проповѣди, ксендзы устранены были отъ школьной инспекціи, во всѣхъ училищахъ введено было преподаваніе закона Божія на нѣмецкомъ языкѣ. Архіепископъ Ледоходовскій обратился къ королю съ просьбою объ отмѣнѣ распоряженія, касающагося преподаванія религіи на непонятномъ для польскихъ дѣтей языкѣ. Получивъ отказъ, Ледоховскій собственною властью предписалъ ксендзамъ преподавать дѣтямъ младшихъ классовъ законъ Божій на польскомъ языкѣ. Но когда ксендзы стали исполнять циркуляръ архіепископа, правительство устранило ихъ отъ преподаванія и замѣнило свѣтскими учителями. Но архіепископъ отказалъ имъ въ такъ называемой «канонической миссіи», уполномочивающей свѣтскихъ лицъ на преподаваніе закона Божія. Дѣтей стали обучать закону Божію на польскомъ языкѣ частнымъ образомъ. Но правительство отвѣтило на это запрещеніемъ дѣтямъ брать частные уроки закона Божьяго подъ страхомъ исключенія изъ школы. Въ маѣ 1873 года прусскій ландтагъ принялъ законопроекты, касающіеся предѣловъ власти архіепископа, церковныхъ

наказаній, католическихъ духовныхъ семинарій и т. д. Архіепископъ отказался исполнять эти «майскіе законы», наносившіе ущербъ самостоятельности и достоинству католической церкви. За это онъ подвергнутъ былъ сначала денежному штрафу, затѣмъ аресту и, наконецъ, отрѣшенъ отъ должности и высланъ изъ Пруссіи. Но папа Пій IX возвелъ Ледоховскаго въ кардиналы, капитула уклонилась отъ избранія ему преемника, и Познанская епархія осталась безъ пастыря. Примѣру архіепископа послѣдовало и подчиненное ему духовенство. Поэтому въ 1878 году изъ сорока настоятелей (декановъ) посажено было въ тюрьму 35, въ 97 приходахъ не было священниковъ, 296 католическихъ монастырей было закрыто и т. д. «Культурная борьба» кончилась тѣмъ, что въ 1887 году архіепископомъ Познанскимъ былъ назначенъ нѣмецъ Диндеръ, а «майскіе законы» были отмѣнены.

Политика «искорененія» всего польскаго; колонизаціонная комиссія и «гакатизмъ». Послѣ того борьба была перенесена на другую почву. Прусское правительство пришло къ убѣжденію, что Познанская провинція все болѣе и болѣе полонизуется, т.-е. приростъ въ ней польскаго населенія прогрессивно превосходитъ приростъ нѣмецкаго. Поэтому съ 1886 года прусская политика въ герцогствѣ пошла въ одномъ направленіи, но по двумъ путямъ. Съ одной стороны принимались всевозможныя мѣры къ германизаціи поляковъ, къ искорененію всего польскаго, съ другой— къ увеличенію въ герцогствѣ нѣмецкаго населенія. Въ 1887 году было издано распоряженіе о прекращеніи преподаванія польскаго языка въ народныхъ школахъ; съ того же года стали преслѣдовать и за частное обученіе дѣтей польскому языку. Послушный слуга Бисмарка архіепископъ Диндеръ 22 ноября издалъ циркуляръ объ употребленіи нѣмецкаго языка при преподаваніи закона Божія въ среднихъ школахъ, при чемъ польскимъ разрѣшалось пользоваться только въ трехъ младшихъ классахъ, но тексты обязательно было заучивать только по-нѣмецки. Одновременно съ тѣмъ, въ судахъ стали требовать принесенія присяги и показаній на нѣмецкомъ языкѣ, а перводчиковъ стали вызывать все рѣже и рѣже. На выборахъ вся избирательная процедура стала совершаться на нѣмецкомъ языкѣ. Пруссаки не упускали никакого случая, чтобы давить, искоренять все польское, не нѣмецкое; польскія общества, книги, газеты, журналы подвергались гоненіямъ и притѣсненіямъ. Съ марта 1885 года стали выселять изъ Познанскаго герцогства всѣхъ поляковъ, австрійскихъ и прусскихъ подданныхъ. Въ апрѣлѣ 1886 года была учреждена такъ называемая «Колонизаціонная коммиссія», задачею которой была скупка польскихъ земельныхъ имуществъ и распродажа ихъ нѣмецкимъ крестьянамъ. Ландтагъ ассигновалъ для этой цѣли 100 милліоновъ марокъ, и уже въ 1886 году было куплено 12 тысячъ гектаровъ польской земли.

На короткое время послѣ паденія Бисмарка (въ 1890 году) прусская правительственная политика измѣнялась въ благопріятную для поляковъ

сторону, дѣлались нѣкоторые шаги къ примиренію. Но это вызвало только подъемъ антипольскихъ чувствъ въ нѣмецкомъ обществѣ. Въ 1894 году возникъ «Пангерманскій союзъ», который поставилъ одною изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ борьбу съ поляками. Во главѣ его сталъ заклятый врагъ поляковъ князь Бисмаркъ. Подъ его вліяніемъ познанскіе нѣмцы Ганземанъ, Кенеманъ и Тидеманъ основали «Общество для поддержки нѣмцевъ въ восточныхъ провинціяхъ», получившее популярное названіе «Гаката» по начальнымъ буквамъ въ именахъ трехъ его главныхъ руководителей. Это общество стало вдохновителемъ всѣхъ антипольскихъ мѣропріятій, принимавшихся въ послѣдующее время. Въ 1898 году прусскій сеймъ увеличилъ капиталъ колонизаціонной комиссіи еще на сто милліоновъ марокъ для выкупа польской земли. Къ 1904 году изданъ былъ новый законъ о поселеніяхъ, въ силу котораго мѣстная власть могла отказывать въ разрѣшеніи постройки, если это разрѣшеніе шло въ разрѣзъ съ закономъ 1886 г. о поддержкѣ нѣмецкой колонизаціи. Въ 1907 году былъ изданъ законъ о принудительномъ отчужденіи польскихъ земель тамъ, гдѣ это понадобится для поддержки нѣмецкаго элемента. Много польскихъ городовъ и деревень было переименовано на нѣмецкій ладъ. Въ 1908 г. былъ изданъ законъ, воспрещающій употребленіе польскаго языка въ публичныхъ собраніяхъ. Польскій языкъ сталъ изгоняться даже изъ преподаванія закона Божія въ младшихъ классахъ. На этой почвѣ разыгралась въ 1901 году Вжесеньская исторія, а въ 1906 году—школьная забастовка. Въ начальной католической школѣ въ деревнѣ Вжеснѣ дѣти, по настоянію родителей, отказались отвѣчать на вопросы учителя по-нѣмецки. Учителя подвергли дѣтей тѣлесному наказанію. Вопли избиваемыхъ такъ взволновали родителей, что они прибѣжали въ школу и вырвали дѣтей изъ рукъ педагоговъ. За это вмѣшательство многіе изъ родителей поплатились разными наказаніями. Пять лѣтъ спустя забастовало больше половины всѣхъ учащихся въ низшихъ школахъ (46.868 дѣтей въ 733 школахъ), которыхъ понуждали учиться по-нѣмецки закону Божію. Въ концѣ концовъ, однако, нѣмецкій языкъ совершенно вытѣснилъ изъ школьнаго обихода польскую рѣчь.

Борьба поляковъ за землю. Но въ своихъ усиліяхъ искоренить въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ все польское пруссаки натолкнулись на стойкое сопротивленіе польской націи. На другой же годъ послѣ учрежденія колонизаціонной комиссіи, имѣвшей цѣлью исподоволь замѣнить польскихъ землевладѣльцевъ нѣмецкими, поляки основали земельный банкъ для оказанія кредита польскимъ землевладѣльцамъ и для покупки и перепродажи продающихся польскихъ земель въ польскія же руки. Для скупки продающихся земель образовалось значительное количество крестьянскихъ товариществъ, которыя покупаютъ крупныя имѣнья и разбиваютъ ихъ на мелкіе участки. Благодаря этимъ мѣрамъ польское землевладѣніе не только не уменьшилось, но даже расширилось количественно. За годы 1896—1904 нѣмцы скупили у поляковъ 208 т. гектаровъ, а поляки у нѣ-

мцевъ 267 т. гектаровъ. Чтобы держаться на землѣ, развивать должнымъ образомъ сельское хозяйство и извлекать изъ него хорошіе доходы, познанскіе поляки устраивали всевозможныя товарищества—«спулки» кредитныя, производительныя и потребительныя. Всѣ эти товарищества въ 1891 году слилось въ одинъ «Союзъ заработныхъ и хозяйственныхъ организацій въ Познанскомъ герцогствѣ и Западной Пруссіи». Въ 1893 году къ этому союзу примкнула и самая старинная организація въ Познани «Банкъ промышленниковъ». На пользу польскаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства пошли и всѣ тѣ общія мѣры, которыя принимало прусское правительство для экономическаго подъема провинціи, т.е. устройство прекрасныхъ путей сообщенія, сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній, публичныхъ библіотекъ и т. д. Въ области индустріи и торговли поляки благодаря своимъ соединеннымъ усиліямъ также завоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе видное положеніе, хотя перевѣсъ тутъ несомнѣнно еще на сторонѣ нѣмцевъ и евреевъ.

Національная культурная и политическая работа въ Познани. Національная работа польскихъ дѣятелей не ограничивалась только организаціею экономической борьбы польскаго населенія за свою землю и матеріальную обезпеченность. Помимо этого велась широкая культурная и политическая работа, въ которой участвовали обширные круги польской интеллигенціи. На этомъ поприщѣ много сдѣлало прежде всего уже упоминавшееся ранѣе «Общество любителей наукъ». Общество это обладаетъ собственнымъ зданіемъ, прекрасной польской библіотекой, массой рукописей, обширными коллекціями, издаетъ свои труды и спеціальный медицинскій журналъ. Оно состоитъ изъ пяти отдѣленій—литературно-историческаго, юридическо-экономическаго, техническаго, естественно-научнаго и медицинскаго и вообще представляетъ одно изъ крупнѣйшихъ ученыхъ и научныхъ учрежденій польскаго народа. Особое общество, учрежденное еще въ 1841 году, оказываетъ въ широкихъ размѣрахъ матеріальную поддержку польской молодежи, учащейся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, общихъ и спеціальныхъ. Общество народныхъ библіотекъ распространяетъ научныя знанія въ народной массѣ, выпуская огромное количество популярныхъ книжекъ. Важнымъ орудіемъ общественнаго и національнаго воспитанія является польскій театръ, учрежденный въ Познани въ 1870 году. Наконецъ, тому же дѣлу служитъ и польская журналистика. Рядомъ съ органами для интеллигенціи (Dziennik Poznański, Kurjer Poznański, Goniec Wielkopolski и др.) издаются газеты и для простого народа (Wielkopolanin, Dziennik Kujawski, Przewodnik Katolicki и др.), которыя имѣютъ сотни подписчиковъ. Всѣми этими средствами поддерживается и развивается національная стихія въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ, при всемъ натискѣ германизма.

Что касается собственно политической дѣятельности польскаго общества, то до послѣдняго времени она развивалась слабо въ великомъ гер-

цогствѣ Познанскомъ. Въ высшихъ классахъ преобладало консервативное направленіе, считавшееся съ создавшимся положеніемъ вещей, съ страшною силою нѣмецкой націи, которая во всякую минуту можетъ задавить и раздавить поляковъ, и предпочитавшее поэтому мирную культурную работу по сохраненію польской народности всякимъ политическимъ выступленіемъ. Не имѣли охоты къ политическимъ выступленіямъ и трудящіеся классы польскаго общества. Познань жила глубоко сосредоточенною, печальною трудовою жизнью, чуждаясь движенія, шума, и только соціалистическая пропаганда отрывала иногда польскія чувства и помыслы отъ настоящаго къ будущему. Но при всемъ томъ подъ покровомъ этой трудовой жизни накоплялась и политическая энергія, которая и выбилась наружу незадолго до войны. Участіе польской аристократіи въ придворныхъ торжествахъ, сопровождавшихъ посѣщеніе осенью 1913 года города Познани императоромъ Вильгельмомъ, вызвало сильное общественное негодсваніе. Молодое поколѣніе землевладѣльцевъ, горячо трудившееся надъ крестьянскими кружками и различными экономическими организаціями, и объединившееся сначала въ «Помѣщичьемъ Казино», (Kasino obywatelskie), а затѣмъ въ «Помѣщичьемъ Центрѣ», выступило съ протестомъ «противъ унизительныхъ для народнаго достоинства манифестацій ничѣмъ не оправданнаго лойялизма». Вслѣдъ затѣмъ новая партія въ своемъ органѣ «Kurjer Kujawski» опубликовала свою политическую программу, проникнутую началами общепольской народной демократіи. Чтобы предупредить распадъ и разъединеніе польскихъ силъ на почвѣ партійныхъ разногласій и борьбы, въ февралѣ 1914 года возникъ въ Познани «Народный Совѣтъ» (Rada narodowa), въ составъ котораго вошли девять членовъ польскаго избирательнаго комитета въ Познани, пять депутатовъ рейхстага и пять депутатовъ ландтага. Въ области политики «Совѣтъ» поставилъ себѣ задачею только подачу совѣтовъ и посредничество между партіями. Главная же задача его должна состоять въ содѣйствіи той общей положительной работѣ, которая совершается всѣми партіями на благо польскаго поселенія въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ. Разразившаяся война прервала всю эту работу польскаго общества въ Познани. Какая судьба постигнетъ познанскихъ поляковъ въ будущемъ, этого нельзя предсказать. Можно только констатировать, что неправъ тотъ германскій государственный дѣятель, который заявилъ недавно, что въ Познани нѣтъ поляковъ, а есть только нѣмцы польскаго происхожденія. Польская нація не умерла еще въ великомъ герцогствѣ, живъ еще польскій Богъ, и жива польская душа.

Важнѣйшая литература.

Проф. А. Л. Погодинъ, Исторія Польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Москва 1915.

— Славянскій міръ. Москва 1915.

K. Rakowski, Dzieje W. Księstwa Poznańskiego w zarysie (1815—1900) Kraków 1904.

— Powstanie Poznańskie w 1848 roku. Kraków 1914.

Dr. T. Buzek, Historya polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec polaków od traktatów wiedeńskich do ustaw wyjątkowych r. 1908. Lwów 1909.

Księżka jubileuszowa «Dziennika Poznańskiego» 1859—1909 (обзоръ культурныхъ учрежденій). Poznań, 1909.

XXXVI.

Національно-политическія усилія галицiйскихъ поляковъ со времени вѣнскаго конгресса и ихъ результаты.

Вольный городъ Краковъ и его конституція. Вѣнскій конгрессъ возвратилъ Австріи Тарнопольскій край, который былъ отторгнутъ отъ нея по договору 1809 года, но не возвратилъ города Кракова съ территоріею въ 165 квадратныхъ километровъ, на которой, кромѣ Кракова, находились еще три маленькихъ городка и 244 деревни и жило около 120 тысячъ человѣкъ. Согласно трактату, заключенному между Россіею, Австріею и Пруссіею, Краковъ съ его территоріею долженъ былъ разсматриваться на вѣчное время свободнымъ, независимымъ и строго нейтральнымъ государствомъ-городомъ (cité), находящимся подъ покровительствомъ трехъ высокихъ договаривающихся державъ. Въ видѣ отдѣльнаго акта, подписаннаго представителями трехъ державъ, была издана конституція Вольнаго Города Кракова, составленная, главнымъ образомъ, Чорторыйскимъ. По этой конституціи текущее управленіе городомъ ввѣрялось сенату, состоящему изъ двѣнадцати членовъ и президента. Девять изъ сенаторовъ, включая въ это число и президента, избирались въ собраніи представителей; двухъ избирала капитула, двухъ академія (университетъ). Шесть сенаторовъ избирались пожизненно, въ томъ числѣ два отъ духовенства, а шесть только на годъ; президентъ избирался на три года, но могъ быть переизбранъ. Городъ вмѣстѣ съ округомъ раздѣлялся на гмины мѣстскія и сельскія. Ежегодно въ декабрѣ мѣсяцѣ не больше, какъ на четыре недѣли, собиралось собраніе представителей, въ составъ котораго входили представители гминъ, по одному отъ каждой гмины, три члена, делегированные сенатомъ, три доктора факультетовъ, делегированные университетомъ, капитулою, шесть судебныхъ чиновниковъ, которые должны были приглашаться по-очереди. Собраніе должно было издавать законы, провѣрять ежегодно отчеты публичной администраціи и устанавливать бюджетъ, избирать членовъ сената и судить и привлекать къ отвѣтственности передъ «высшимъ судомъ» чиновни-

ковъ за казнокрадство, лихоимство и злоупотребленіе по должности. Но ни одинъ проектъ закона, вводящій измѣненіе въ существующій законъ или постановленіе, не могъ быть предложенъ на обсужденіе собранія, если не былъ предварительно сообщенъ сенату и не былъ одобренъ имъ большинствомъ голосовъ. Учреждались независимые суды первой и второй инстанцій, а также высшій судъ и суды присяжныхъ. Кодексъ Наполеона оставался въ силѣ. Краковскій университетъ долженъ былъ стоять на стражѣ охраненія законовъ. Краковскаго бискупа имѣлъ назначать русскій императоръ по представленію сената и капитулы. Оффиціальнымъ языкомъ признанъ былъ языкъ польскій. Отряды милиціи и жандармеріи поочередно должны были нести службу полиціи общественной безопасности. Россія, Австрія и Пруссія обязались не вводить войска въ Краковскую республику, обязавъ въ то же время и краковское правительство не давать убѣжища ихъ подданнымъ, преслѣдуемымъ закономъ, и дезертирамъ. Ст. 15 разрѣшала жителямъ всѣхъ сосѣднихъ польскихъ провинцій поступать въ Краковскую академію и дѣлала, такимъ образомъ, городъ Краковъ умственнымъ центромъ польскаго народа. Позже, въ 1818 году, конституція была развита и дополнена: отмѣнена конфискація имуществъ, введена свобода печати и отмѣнено подданство хлоповъ. Крестьянинъ получилъ всѣ гражданскія права, личную и имущественную свободу и стоялъ въ договорныхъ отношеніяхъ съ своимъ паномъ. Основныя положенія конституціи не могли измѣняться безъ соизволенія державъ-покровительницъ, которыя прислали въ Краковъ своихъ резидентовъ для наблюденія за дѣятельностью республиканскаго правительства.

Маленькая Краковская республика, хотя и была жалкимъ обломкомъ прежней Рѣчи Посполитой, все же была извѣстнымъ утѣшеніемъ польскаго народа, нагляднымъ показателемъ его неумершаго государственнаго бытія. Она стала очагомъ, на которомъ пылалъ священный огонь любви польскаго народа къ своему родному, къ своей исторіи, памятниками которой изобиловала древнепрестольная столица Польши. Здѣсь нашли себѣ мѣсто и останки героевъ послѣдней борьбы за независимость—кн. Іосифа Понятовскаго и Костюшко. Благодаря самоуправленію и университету, освобожденному отъ нѣмецкаго вліянія, Краковская республика имѣла возможность внутренно развиваться въ національномъ духѣ и поддерживать этотъ духъ и въ другихъ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Постепенное измѣненіе конституціи и упадокъ самостоятельности Краковской республики. Но при всемъ томъ Краковская республика не была обезпечена отъ вмѣшательства въ ея внутреннюю жизнь извнѣ, со стороны державъ-покровительницъ. Уже въ 1817 году организаціонная коммиссія этихъ державъ объявила сенату, что ему не принадлежитъ право измѣнять сумму налоговъ, опредѣленную коммиссіею. Въ двадцатыхъ годахъ, когда общестуденческое движеніе, происходившее на западѣ, перекинулось и въ Краковъ, и произошли столкновенія студентовъ съ полиціей, а также ра-

скрыты были студенческія организаціи, уставъ университета, по требованію державъ, подвергся переработкѣ; кромѣ того, было запрещено поступленіе въ университетъ польской молодежи изъ другихъ частей Польши. Когда затѣмъ движеніе охватило и общество, и многолѣтній лойяльный президентъ сената Водзицкій въ 1827 году былъ забаллотированъ, державы-покровительницы нашли выборы незаконными и приказали Водзицкому попрежнему оставаться президентомъ. Въ 1828 году резиденты державъ заявили «достохвальному» сенату Краковской республики, что «всѣ постановленія послѣдняго сейма разсматриваются, какъ незаконныя и несуществующія». Когда разразилось возстаніе въ царствѣ Польскомъ, Краковская республика, хотя и не приняла прямого участія въ возстаніи, но давала пріютъ заграничнымъ эмиссарамъ и революціонерамъ царства. Вслѣдствіе этого Паскевичъ сталъ настаивать на занятіи Кракова войсками державъ-покровительницъ. На первыхъ порахъ державы ограничились только тѣмъ, что измѣнили конституцію: сеймъ долженъ былъ собираться разъ въ три года; засѣданія его дѣлались закрытыми; выборъ президента нуждался въ подтвержденіи державъ; управленіе республикою фактически переходило къ «конференціи резидентовъ». Но такъ какъ и при этихъ условіяхъ Краковъ продолжалъ давать у себя пріютъ политическимъ эмигрантамъ, императоръ Николай, уступая настояніямъ Паскевича, не прочь былъ покончить съ самостоятельностью Кракова и выразилъ желаніе, чтобы сами граждане республики подали просьбу о присоединеніи Кракова къ Австріи. Николай Павловичъ хотѣлъ такимъ путемъ отдѣлаться отъ очага революціонной заразы, распространявшейся и на царство. Среди гражданъ республики нашлись такіе, которые готовы были присоединиться, но не къ Галиціи, а къ царству Польскому. Но императоръ, опасаясь «шума» и протеста со стороны Англіи и Франціи, не согласился на такое присоединеніе, и это на нѣкоторое время отсрочило конецъ Краковской республики. Въ 1836 году, послѣ убійства русскаго агента Павловскаго во время уличныхъ безпорядковъ, русскій, австрійскій и прусскій отряды заняли Краковъ. И хотя они черезъ нѣкоторое время были выведены, но самостоятельность Краковской республики потерпѣла новыя ограниченія. По постановленію державъ сеймъ долженъ былъ собираться не періодически, а только тогда, когда заблагоразсудится державамъ-покровительницамъ; сенатъ могъ собираться лишь два раза въ недѣлю; вмѣсто выборнаго президента сената были назначены двое лицъ, которыя должны были исполнять президентскія обязанности по очереди черезъ два мѣсяца, а въ 1841 году назначенъ уже несмѣняемымъ президентомъ каноникъ Шиндлеръ. Этотъ Шиндлеръ, креатура австрійцевъ, заключилъ съ Австріею торговый договоръ, совершенно подчинявшій республику политическому и экономическому господству Австріи. Послѣ того оставалась въ сущности одна только фикція, одна тѣнь Краковской республики.

Сословный сеймъ въ Галиціи и отношеніе австрійскаго правительства къ національнымъ нуждамъ поляковъ. Въ королевствѣ Галиціи и Ло-

домеріи, оставленномъ по постановленію Вѣнскаго конгресса за Австріею, императоръ Францъ I патентомъ 1817 года ввелъ сословный, такъ называемый «постулатовый», сеймъ, установленный еще Іосифомъ II, но не вошедшій въ жизнь. Въ составъ сейма должны были входить четыре сословія: духовенство (высшее), магнаты и шляхта, владѣющіе земельною собственностью и платящіе не менѣе 300 злотыхъ налога, и двое представителей города Львова. Кругъ дѣятельности сейма былъ очень тѣсный: сеймъ выслушивалъ королевскіе постулаты, распредѣлялъ наложенныя подати, давалъ правительству объясненія по мѣстнымъ дѣламъ на его вопросы, обращался къ императору съ петиціями и проектами въ интересахъ провинціи, давалъ индигенатъ при условіи утвержденія со стороны императора, распоряжался сословными средствами, но не безъ утвержденія императора, и т. д. Сеймъ изъ своей среды выбиралъ «сословный комитетъ» (wydział stanowy), въ составъ котораго входили по два депутата отъ первыхъ трехъ сословій и одинъ отъ мѣщанскаго. Этотъ комитетъ функціонировалъ подъ предсѣдательствомъ президента губерніума и отъ имени сословій рѣшалъ менѣе важныя дѣла. Этимъ и ограничивались всѣ уступки, данныя австрійскимъ полякамъ во исполненіе Вѣнскаго трактата, если не считать возстановленія въ 1817 году Львовскаго университета съ факультетами богословскимъ, юридическимъ и философскимъ и съ медикохирургическимъ курсомъ.

Значеніе всѣхъ этихъ уступокъ парализовалось отношеніемъ австрійскаго правительства къ петиціямъ и проектамъ сейма. На петиціи правительство не давало никакихъ отвѣтовъ или отвѣчало отказами. Въ 1827 году сеймъ просилъ понизить нѣкоторые виды налога; отвѣтъ полученъ былъ лишь въ 1829 году, и притомъ отрицательный: онъ гласилъ, что «сословія» должны успокоиться при видѣ той заботливости, съ какою императоръ относится къ Галиціи. Какъ бы въ подтвержденіе этой «заботливости» тогда же сословія получили отказъ на просьбу объ учрежденіи кредитнаго общества, и только въ 1841 году, благодаря настойчивымъ хлопотамъ кн. Леона Сапѣги, уставъ «Земскаго Кредитнаго Общества» былъ утвержденъ. Въ 1828 году сеймъ получилъ отказъ на просьбу объ учрежденіи при Львовскомъ университетѣ медицинскаго факультета, на томъ основаніи, что въ Вѣнѣ есть медицинская школа, а въ ней нѣсколько стипендій для уроженцевъ Галиціи. Тогда же сейму было отказано по педагогическимъ соображеніямъ (!) на ходатайство объ увеличеніи числа учениковъ въ львовскихъ гимназіяхъ, ибо одинъ учитель не можетъ руководить болѣе, чѣмъ 80 учениками. Надо сказать, что въ 1819 году австрійское правительство ввело въ учебныхъ заведеніяхъ классную систему преподаванія всѣхъ предметовъ однимъ учителемъ въ теченіе всего учебнаго курса. При такой системѣ уровень преподаванія не могъ быть особенно высокимъ: катехизисъ, кухонная латынь, нѣмецкій языкъ, исторія, географія и ариѳметика—вотъ и всѣ предметы, проходившіеся въ гимназіяхъ; о порядочномъ преподаваніи

польскаго языка, о естественныхъ наукахъ не было и рѣчи. Такое отношеніе австрійскаго правительства къ національнымъ нуждамъ поляковъ должно было подготовлять почву для революціонной агитаціи, исходившей отъ заграничныхъ польскихъ организацій, главнымъ образомъ отъ «Демократическаго общества». Въ 1846 году и въ Галиціи такъ же, какъ и въ Познани, произошла революціонная вспышка въ связи съ попыткою Мѣрославскаго поднять возстаніе во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Революціонная агитація и крестьянское движеніе въ Галиціи. Вспышкѣ предшествовала агитація революціонныхъ агентовъ, которые бродили по странѣ и подговаривали къ возстанію шляхту, духовенство и мѣщанъ, обнадеживая ихъ помощью крестьянъ, а крестьянъ соблазняя обѣщаніями раздѣла помѣщичьей земли и предоставленія въ свободное пользованіе помѣщичьихъ лѣсовъ и выгоновъ. Но и агенты австрійскаго правительства не дремали и съ своей стороны распространяли среди крестьянъ слухи о рѣзнѣ, которую будто бы готовятъ паны, о стремленіи ихъ еще болѣе поработить крестьянъ. Крестьяне были сбиты съ толку этою двойною агитаціею, кое-гдѣ повѣрили революціонерамъ, но большею частью правительственнымъ агентамъ и не только не поддержали возстанія, но обратились противъ него и помогли правительству. Галиційское возстаніе вслѣдствіе этого пріобрѣло сумбурный, хаотическій характеръ, при которомъ свои своихъ не познали.

Центромъ возстанія, назначеннаго на 21 февраля, былъ избранъ Краковъ. Здѣсь должно было имѣть мѣстопребываніе революціонное правительство; отсюда должны были расходиться приказы по всѣмъ областямъ Рѣчи Посполитой. Но этотъ планъ не осуществился. Еще 14 февраля въ Познани былъ арестованъ Мѣрославскій и главные руководители возстанія, а также и члены будущаго народнаго правительства; въ Львовѣ арестовано было 36 революціонныхъ вождей. Краковъ, по настоянію резидентовъ, былъ занятъ австрійскимъ отрядомъ въ 800 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Коллена. Такимъ образомъ возстаніе съ самаго начала лишилось главнаго руководства. Но еще болѣе непріятнымъ сюрпризомъ для повстанцевъ были погромы и рѣзня помѣщиковъ въ Тарновскомъ округѣ, произведенные крестьянами по наущенію мѣстныхъ австрійскихъ чиновниковъ съ старостою Брейнлемъ во главѣ. Когда повстанцы начали стягиваться къ Тарнову, намѣреваясь захватить врасплохъ его малочисленный гарнизонъ, они подверглись внезапнымъ нападеніямъ крестьянъ и были побиты и покалѣчены. Не довольствуясь этимъ крестьяне подъ предводительствомъ Якова Шели произвели страшный погромъ помѣщичьихъ усадебъ какъ въ Тарновскомъ, такъ и въ другихъ округахъ Западной Галиціи. Въ одномъ только Тарновскомъ округѣ было раозгромлено около 150 помѣщичьихъ усадебъ. Крестьяне жгли, грабили, убивали, не давая никому пощады—ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Общее число убитыхъ ими въ то время

превышало 2000. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне оставались безучастными, въ немногихъ—примкнули къ возстанію.

Возстаніе въ Краковѣ и его подавленіе; конецъ Краковской республики. Враждебное отношеніе къ возстанію крестьянъ побудило вожаковъ, пребывавшихъ въ Краковѣ, объявить 18 февраля отсрочку возстанія. Но оставалось уже всего три дня до начала возстанія, и распоряженіе объ отсрочкѣ не могло своевременно дойти, куда было нужно. Въ самомъ Краковѣ вожаки оказались не въ состояніи сдержать народныя волненія и въ концѣ концовъ сами были вовлечены въ революціонный водоворотъ. Со вступленіемъ австрійскаго отряда въ Краковъ начались уличныя волненія, превратившіяся 20 февраля въ настоящую битву между повстанцами и австрійскими патрулями и часовыми. Чтобы выжить австрійцевъ изъ Кракова, повстанцы распустили слухъ, что къ городу идутъ крестьяне, къ нимъ на помощь, 6—8 тысячъ. Колленъ испугался и отступилъ съ своимъ отрядомъ черезъ Вислу на Подгорье. Вмѣстѣ съ нимъ удалились три резидента дворовъ, нѣкоторые сенаторы съ своимъ президентомъ ксендзомъ Шиндлеромъ, чиновники и полицейскіе, бискупъ Лентовскій съ канониками и др. Воспользовавшись удаленіемъ изъ Кракова австрійскаго войска и законныхъ властей, члены «Демократическаго общества» сейчасъ же учредили «Народное правительство» (Rząd narodowy) изъ трехъ лицъ—Гошковскаго, Тысовскаго и Гржегоржевскаго. Это правительство провозгласило независимость Польши и такой общественный строй, при которомъ каждый будетъ имѣть возможность пользоваться земельными имуществами по мѣрѣ заслугъ и способностей, больные же тѣломъ и духомъ найдутъ себѣ обезпеченіе въ общественныхъ имуществахъ. Здѣсь сказалось, очевидно, вліяніе на польскую интеллигенцію западныхъ соціалистическихъ и коммунистическихъ идей. Повидимому, вожаки возстанія разсчитывали такимъ путемъ привлечь на свою сторону крестьянство Галиціи. Вслѣдъ за манифестомъ о независимости «Народное правительство» издало приказъ офицерамъ и генераламъ явиться въ зданіе правительства, а затѣмъ «уставъ», обязывавшій всѣхъ способныхъ носить оружіе явиться къ мѣстной революціонной власти подъ страхомъ военнаго суда. Но эта рѣшительность не соотвѣтствовала внутренней крѣпости самого правительства, въ средѣ котораго обнаружились нелады и нестроенія. Послѣ смѣны двухъ диктаторовъ въ одну ночь съ 22 на 23 февраля установилась диктатура Тысовскаго. Тысовскій, горячій патріотъ и честный человѣкъ, не обладалъ совершенно способностями, нужными для диктатора въ такую трудную минуту, и подпалъ всецѣло подъ вліяніе своего секретаря Дембовскаго, человѣка молодого и крайнихъ убѣжденій. Въ «Правительственномъ ежедневникѣ Польской Рѣчи Посполитой» опубликовались такія распоряженія, какъ запрещенія титуловъ: ясновельможный, вельможный, князь, графъ и т. под.; такъ какъ всѣ равны, то никто не долженъ называть другого иначе, какъ «братъ», «ты» и т. д.; нарушившіе это постановленіе будутъ прису-

ждаться къ смертной казни. Всѣ эти распоряженія въ связи съ проповѣдью истребленія шляхты, которая велась въ основанномъ Дембовскимъ клубѣ, побудили профессора польской литературы въ Ягеллонскомъ университетѣ Михаила Вишневскаго захватить власть въ свои руки. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ гражданъ и студентовъ 25 февраля онъ явился на квартиру Тысовскаго и, угрожая ему пистолетомъ, принудилъ его сложить съ себя званіе диктатора. Новая диктатура просуществовала всего нѣсколько часовъ. Дембовскій, узнавъ о происшедшемъ, бросился съ своими приверженцами на Вишневскаго, который бѣжалъ въ Пруссію. Для прекращенія погрома и рѣзни шляхты Тысовскій выслалъ отрядъ повстанцевъ подъ начальствомъ Сухоржевскаго. Этотъ отрядъ 26 февраля натолкнулся подъ Гдовомъ на отрядъ австрійскаго войска и хлоповъ, предводимый майоромъ Бенедекомъ, былъ окруженъ, разбитъ и потерялъ около трети убитыхъ. Огромная толпа разсвирѣпѣвшихъ крестьянъ, которымъ Бенедекъ обѣщалъ по пяти гульденовъ и центнеру соли за каждаго пойманнаго повстанца, направилась послѣ этого къ Кракову. Пришедшіе въ ужасъ жители пришли къ мысли выслать навстрѣчу имъ процессію съ крестомъ и св. Дарами. Но около Подгорья процессія повстрѣчалась съ австрійскимъ отрядомъ Коллена, который бросился на участниковъ процессіи, перебилъ и арестовалъ нѣсколько десятковъ лицъ; однимъ изъ первыхъ палъ Дембовскій, шедшій впереди съ крестомъ въ одѣяніи хлопа. Соединившись съ отрядомъ Бенедека, Колленъ разставилъ на холмахъ артиллерію и потребовалъ сдачи Кракова и выдачи членовъ народнаго правительства и нѣсколькихъ гражданъ. 3 марта Тысовскій съ тысячью повстанцевъ удалился изъ Кракова, перешелъ на силезскую территорію и сложилъ оружіе. Послѣ того Краковъ заняли русскія, австрійскія и прусскія войска. Мелкіе повстанческіе отряды въ восточной Галиціи были истреблены частью крестьянами, частью австрійскими солдатами.

6 ноября 1846 года въ Берлинѣ между державами, участвовавшими въ раздѣлѣ, былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго Краковская республика прекратила свое существованіе и подъ названіемъ великаго княжества Краковскаго была включена въ составъ Австріи.

Движенія въ Краковѣ и Львовѣ въ 1848 году; ихъ подавленіе. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ усмиренія Краковскаго возстанія, какъ со стороны галиційскихъ поляковъ предпринята была новая попытка къ измѣненію политическаго и общественнаго строя своей страны. 13 марта 1848 года вспыхнула революція въ Вѣнѣ, а 18 и 28 марта въ Львовѣ и Краковѣ уже образовались изъ мѣстныхъ уважаемыхъ людей народные комитеты, которые выработали и представили императору адресы о нуждахъ края. Въ этихъ адресахъ поляки домогались введенія польскаго языка въ школахъ, судахъ и административныхъ учрежденіяхъ, отдѣльной администраціи края, установленія вмѣсто сословнаго представительства област-

ного, которое обнимало бы всѣ классы населенія, уничтоженія цензуры, созданія народной гвардіи для поддержанія тишины и безопасности, повсемѣстнаго учрежденія школъ для народа, публичности судопроизводства съ участіемъ присяжныхъ, полной отмѣны панщины и надѣленія крестьянъ землею, которую собственники отдавали крестьянамъ даромъ, полнаго равенства всѣхъ классовъ и вѣроисповѣданій, замѣщенія должностей мѣстными уроженцами и войска изъ мѣстныхъ же солдатъ и офицеровъ. Подъ давленіемъ событій и мѣстныя власти—губернаторъ Галиціи графъ Стадіонъ и староста Краковскій Кригъ, и вѣнскія власти проявляли большую уступчивость и предупредительность. Въ Львовѣ и Краковѣ выпустили изъ тюремъ политическихъ узниковъ, пропускали на родину изъ-за границы эмигрантовъ, формировалась національная гвардія, свободно и безпрепятственно печатались либеральныя газеты и журналы. Въ Вѣнѣ поговаривали даже о воскрешеніи Польши. И только въ крестьянскомъ вопросѣ власти проявили сначала неуступчивость. Губерніумъ издалъ распоряженіе, запрещающее надѣлять крестьянъ землею въ задолженныхъ имѣніяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ отвѣтѣ на адресъ комитетовъ признавалъ за землевладѣльцами право надѣлять крестьянъ землею, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ уваженія къ правамъ кредиторовъ — не отмѣнилъ распоряженія, изданнаго губерніумомъ. Но затѣмъ уже совершенно неожиданно, 15 апрѣля, послѣдовалъ указъ императора, отмѣняющій панщину съ вознагражденіемъ владѣльцевъ отъ казны. Такимъ актомъ австрійское правительство старалось привлечь симпатіи народной массы на свою сторону и отвратить крестьянъ отъ шляхты. Чиновники получили предписаніе объяснять крестьянамъ, что уничтоженіе панщины — дѣло милости императора, который не требуетъ отъ облагодѣтельствованныхъ имъ подданныхъ ничего, кромѣ непреклонной вѣрности.

Разсчитывая теперь на эту вѣрность, австрійскія власти измѣнили свое первоначальное отношеніе къ движенію. Краковскій староста Кригъ причинялъ затрудненія комитету въ организаціи народной гвардіи, не хотѣлъ выдавать для нея оружіе, вслѣдствіе чего комитетъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ самодѣльному изготовленію копій, задержалъ группу польскихъ эмигрантовъ, для которыхъ правительство открыло было границы австрійскаго государства. Когда же вслѣдствіе этихъ мѣръ на улицахъ сталъ собираться народъ, и толпа врывалась даже въ домъ старосты, начальникъ австрійскихъ войскъ генералъ Кастильоне 26 апрѣля вступилъ въ бой съ уличною толпою и, отступивъ на Вавель, въ теченіе двухъ часовъ бомбардировалъ оттуда городъ. Народный комитетъ, видя безполезность борьбы, заключилъ съ замѣстителемъ раненаго Кастильоне генераломъ Мольтке капитуляцію, въ силу которой всѣ эмигранты не позже, какъ черезъ три дня, должны были выйти за предѣлы австрійскаго государства, комитетъ распускался, гвардія и народъ должны были сложить оружіе, разобрать баррикады. Австрійцы съ своей стороны обѣщали амнистію всѣмъ участни-

камъ мятежа. По заключеніи капитуляціи эмигранты, а съ ними и болѣе выдающіеся мѣстные патріоты уѣхали въ Силезію, а оттуда опять разсѣялись по Европѣ.

Такую же приблизительно судьбу имѣло и львовское движеніе. Въ Львовѣ возникъ «Центральный народный совѣтъ» (Rada narodowa centralna), состоявшій изъ выдающихся людей разныхъ званій и вѣроисповѣданій. Этотъ совѣтъ старался включить въ свою организацію всю Галицію и даже завязать сношенія съ другими польскими областями, чтобы предпринять общія дѣйствія для народнаго дѣла. Австрійская власть нашла, однако, поддержку въ русскомъ населеніи Галиціи, которое недовольно было стремленіемъ поляковъ къ исключительному господству въ краѣ. Наряду съ польскимъ народнымъ совѣтомъ образовался «Общій соборъ русскаго народа» съ уніатскимъ Перемышльскимъ епископомъ Григоріемъ Яхимовичемъ во главѣ. Этотъ соборъ, засѣдавшій въ резиденціи уніатскаго митрополита при монастырѣ св. Юрія, получилъ названіе «Святоюрьевскаго совѣта». Святоюрьевцы выступили противъ исключительности національныхъ польскихъ притязаній, стали добиваться раздѣленія Галиціи на русскую и польскую часть, введенія «русскаго» языка въ школѣ, администраціи и судѣ и даже удержанія нѣмецкаго языка въ администраціи и судѣ. Кромѣ русиновъ, графъ Стадіонъ нашелъ поддержку и въ мѣстной аристократіи, которая составила при губернаторѣ такъ называемый Beirath, т.-е. ближайшій совѣтъ, который долженъ былъ наблюдать за дѣятельностью губернатора. Это раздѣленіе общественныхъ силъ Галиціи и помогло въ концѣ концовъ австрійскому правительству восторжествовать надъ революціоннымъ движеніемъ въ восточной Галиціи.

Первоначально и въ Львовѣ, какъ и въ Краковѣ, правительство сдѣлало рядъ уступокъ полякамъ, между прочимъ назначило губернаторомъ поляка Вацлава Залѣскаго, позволило организовать народную гвардію. Между этою гвардіею и населеніемъ съ одной стороны, австрійскимъ войскомъ и святоюрьевцами—съ другой, начались уличныя стычки, а въ концѣ концовъ произошло настоящее сраженіе. Командиръ австрійскаго войска генералъ Гаммерштейнъ велѣлъ выдвинуть пушки на холмы около Львова и бомбардировать городъ. Отъ бомбардировки сгорѣла старинная ратуша, старый театръ, нѣсколько десятковъ частныхъ домовъ, значительная часть университетской библіотеки, убито и ранено болѣе ста человѣкъ.

Послѣ подавленія революціи въ Вѣнѣ и утвержденія реакціоннаго министерства Баха, Центральный народный совѣтъ и всѣ возникшія благодаря его стараніямъ общества были распущены. Такая же участь постигла и народную гвардію. Въ Галиціи все пошло по-старому и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока пораженія подъ Маджентой и Сольферино и Садовой не заставили австрійское правительство вступить на путь либеральныхъ реформъ.

Галиція въ составѣ Австро-Венгріи съ 1867 года; ея автономія. Поляки

такъ же, какъ и чехи, хотѣли устроиться въ преобразуемой Габсбургской державѣ на положеніи особаго государства, самостоятельнаго члена имперіи Габсбурговъ. Въ этомъ смыслѣ высказался Галиційскій сеймъ 1865 года и Галиційская депутація, ходатайствовавшая о назначеніи особаго Галиційскаго придворнаго канцлера, т.-е. министра статсъ-секретаря Галиціи. Но эти желанія не были удовлетворены полностью. По декабрьской конституціи 1867 года Галиція и Лодомерія съ великимъ княжествомъ Краковскимъ вошли въ составъ преобразованной Габсбургской державы не на правахъ особаго государства, а на правахъ автономной части одного изъ двухъ государствъ, составившихъ Австро-Венгрію, именно Австріи. Вмѣстѣ съ другими частями Австріи Галиція получила свое представительство въ рейхсратѣ, рѣшающемъ общія дѣла всѣхъ отдѣльныхъ «королевствъ» и «земель» Цислейтаніи. Но сверхъ того на ряду съ другими королевствами и землями Галиція получила свой областной сеймъ. Въ составъ сейма входятъ архіепископы, епископы, ректоры мѣстныхъ университетовъ и депутаты, избираемые на шесть лѣтъ отъ четырехъ курій: 1) крупнаго землевладѣнія, 2) городовъ, 3) торговыхъ палатъ, 4) сельскихъ гминъ. Сеймъ созывается ежегодно императоромъ въ Львовѣ и подъ предсѣдательствомъ маршалка края обсуждаетъ дѣла, подробно перечисленныя въ конституціи—экономическія, путей сообщенія, школьныя, санитарныя и т. д. Исполнительнымъ органомъ сейма является «областной комитетъ» (wydział krajowy), избираемый сеймомъ изъ своей среды. Низшими органами самоуправленія являются «повѣтовые совѣты» (rady powiatowe) и самыми низшими—«гминные» (rady gminne), а при нихъ въ качествѣ исполнительныхъ органовъ повѣтовые комитеты (wydziały powiatowe) и гминное начальство (zwierzchność gminna). Члены повѣтовыхъ совѣтовъ избираются отъ четырехъ курій обывателей повѣта: крупныхъ земельныхъ собственниковъ, плательщиковъ наивысшаго обложенія, промышленниковъ и купцовъ и сельскихъ гминъ. Члены повѣтовыхъ комитетовъ избираются изъ членовъ повѣтовыхъ совѣтовъ. Въ составъ гминныхъ совѣтовъ входятъ выборные отъ населенія гмины и безъ избранія владѣльцы господскихъ имѣній, включенныхъ въ гмину, и тѣ изъ обывателей, которые платятъ шестую часть всѣхъ налоговъ и выше. Гминное начальство состоитъ изъ начальника и присяжныхъ, избираемыхъ гминнымъ совѣтомъ. Крупныя имѣнья (obszary dworskie) были признаны равнозначащими гминамъ мелкими земскими единицами.

Въ компетенцію повѣтовыхъ и гминныхъ совѣтовъ и ихъ исполнительныхъ органовъ входятъ всѣ дѣла, касающіяся мѣстнаго благоустройства, завѣдываніе общественнымъ имуществомъ и общественными учрежденіями, при чемъ въ этихъ дѣлахъ гминные совѣты подчинены повѣтовымъ совѣтамъ, какъ руководящей и контролирующей инстанціи. Сверхъ дѣлъ постояннаго вѣдѣнья повѣтовыя и гминныя учрежденія исполняютъ разныя дѣла по порученіямъ высшей власти. Правительственными органами въ области являются «намѣстникъ», которому подчинены повѣтовые «старосты», «пре-

зиденты» городовъ и полицейскіе органы. Народнымъ просвѣщеніемъ въ краѣ завѣдуетъ «школьный совѣтъ» (rada szkolna), состоящій изъ лицъ по назначенію отъ правительства и делегатовъ отъ областного комитета, городовъ и духовенства; низшими органами школьной администраціи являются окружные (okręgowe) и такъ называемые мѣстные (miejscowe) школьные совѣты. Декабрьскіе основные законы гарантировали независимость суда, свободу печати и слова, свободу союзовъ, равноправіе вѣроисповѣданій, неприкосновенность жилищъ, тайну корреспонденціи и т. д.

Политическая дѣятельность поляковъ въ Галиціи послѣ изданія конституціи 1867 г. Конституція 1867 года не удовлетворила поляковъ, шедшихъ въ своихъ требованіяхъ самостоятельности и особности Галиціи гораздо дальше отведенной этою конституціею автономіи. Федералисты крайняго направленія, сложившіеся въ демократическую партію, съ адвокатомъ Ф. Смолькою во главѣ, настаивали на бойкотѣ рейхстага, какъ несоотвѣтствующаго требованіямъ федерализма общеимперскаго законодательнаго органа. Другіе, болѣе умѣренные, были противъ бойкота и предпочитали добиваться легальными путями расширенія автономіи. На сеймѣ 1868 г. они выработали резолюцію въ этомъ смыслѣ, которую и внесли на обсужденіе рейхстага. Резолюція настаивала на сосредоточеніи законодательной власти по всѣмъ дѣламъ мѣстнаго управленія въ сеймѣ и на передачѣ въ рейхсратъ только такихъ дѣлъ, которыя касаются всей Австріи, какъ государственнаго цѣлаго (по конституціи 1867 года въ компетенцію рейхсрата входили дѣла общія, *одинаковыя* для всѣхъ частей монархіи), требовала отдѣльнаго высшаго кассаціоннаго суда для Галиціи, установленія мѣстной администраціи, отвѣтственной передъ сеймомъ, и своего министра въ австрійскомъ кабинетѣ. Эта резолюція въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была предметомъ обсужденія въ сеймѣ, рейхсратѣ и политическихъ партіяхъ. Австрійское правительство не нашло возможнымъ удовлетворить требованія этой резолюціи, но все же сочло нужнымъ пойти навстрѣчу національнымъ стремленіямъ поляковъ, — ввело въ мѣстномъ судѣ и администраціи языки польскій и частью русскій (такъ называемый украинскій). Съ теченіемъ времени поляки отказались отъ своихъ требованій, въ достаточной степени удовлетворенные своею автономіею, своимъ политическимъ господствомъ въ Галиціи и тою вліятельною ролью, которую они стали играть въ общей политической жизни Австріи, и которая давала имъ возможность поддерживать свое господство и сдерживать національныя стремленія русскаго населенія Галиціи, весьма многочисленнаго въ общемъ (на 4.672.500 поляковъ по переписи 1910 г. приходилось 3.208.092 русскихъ) и преобладающаго въ восточной Галиціи (свыше 77% всего населенія).

Поддерживая entente cordiale съ короною и правящими кругами Австріи, поляки до послѣдняго времени держали край въ своихъ рукахъ: изъ нихъ только избирался маршалокъ сейма и намѣстникъ королевства Галиціи и Лодомеріи. Благодаря компромиссу съ австрійскою властью

поляки фактически пріобрѣли полную свободу національнаго развитія. Городъ Краковъ съ его старымъ Ягеллонскимъ университетомъ, академіею наукъ и цѣлымъ рядомъ другихъ учрежденій сдѣлался центромъ духовной жизни всего польскаго народа, который привлекалъ къ себѣ польскую интеллигенцію изъ всѣхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой. Здѣсь происходили польскіе ученые и національные съѣзды и торжества, какъ напр., юбилей Крашевскаго въ 1879 году, открытіе памятника Мицкевичу, юбилей Костюшковскаго возстанія, пятисотлѣтній юбилей битвы при Грюнвальдѣ, открытіе памятника королю Ягайлу и т. д.

Національно-консервативная партія и ея дѣятельность. Мирныя и дружественныя отношенія къ Австріи культивировала особенно ревностно и заботливо такъ называемая національно-консервативная партія, набиравшаяся главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ дворянъ землевладѣльцевъ. Отъ оскорбительнаго напоминанія о шутѣ-дворянинѣ Станчикѣ (королей Александра I, Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа), брошеннаго противниками, партія получила названіе «станчиковъ». Станчики были партіею реальной и эволюціонной политики, ставили непремѣннымъ требованіемъ «дѣлать всегда и вездѣ то, что можно сдѣлать, и никогда не хвататься за то, что невозможно». Этотъ принципъ ставилъ разсужденіе выше увлеченія, разсчетъ выше порыва, предписывалъ не «мѣрить свои силы мѣрою замысловъ», а наоборотъ. Станчики стремились къ тому, «чтобы повсюду поляки стали, вмѣсто элементовъ разложенія, анархіи и бунта, элементомъ труда, политическаго строительства и общественнаго порядка». Но въ этомъ стремленіи они, однако, впадали по временамъ въ крайности. Они, напр., боялись народнаго просвѣщенія, скупо ассигновывали деньги на народное образованіе, непріязненно относились къ разнымъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ для народа, опасаясь революціонизированія народной массы. Къ этой народной массѣ они относились съ опасеніемъ и недовѣріемъ и противодѣйствовали всякимъ демократическимъ реформамъ. Въ восточной Галиціи, гдѣ народная масса была представлена другою національностью— русскою, консервативная партія относилась къ демократіи съ еще большею антипатіею, окрашенною національнымъ нерасположеніемъ, доходившимъ до фанатизма. Состоя преимущественно изъ земельныхъ магнатовъ, получавшихъ большіе доходы отъ своихъ латифундій, консервативная партія мало заботилась о поддержкѣ мелкаго землевладѣнія, индустріи и торговли. Вслѣдствіе этого Галиція, несмотря на плодородіе своей почвы и другія естественныя богатства края, оказалась въ плачевномъ экономическомъ положеніи сравнительно съ другими частями Австрійской монархіи.

Экономическій застой въ Галиціи. Крестьянская масса въ Галиціи страдаетъ прежде всего отъ малоземелья и безземелья. По соображеніямъ экономистовъ, только участокъ въ 8 морговъ можетъ обезпечить въ этой странѣ существованіе крестьянину и его семьѣ. Между тѣмъ, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, изъ 1.008.541 хозяйствъ въ Галиціи 42%

обладаютъ участками менѣе 2 гектаровъ, около 38%—участками отъ 2 до 5 гектаровъ, около 19%—участками отъ 5 до 100 гектаровъ, и только 1,1% обладаетъ участками свыше 100 гектаровъ. Слѣдовательно, подавляющее число сельскихъ хозяевъ не могутъ прокормиться отъ своего хозяйства. Не могутъ въ достаточной степени прокормиться отъ земли и всѣ сельскіе хозяева, взятые вмѣстѣ, ибо въ среднемъ на каждаго хозяина приходится все-таки ниже средней нормы — 7,8 гектара. А между тѣмъ сельскимъ хозяйствомъ занято въ Галиціи около 77% всего населенія. Въ Галиціи такъ же, какъ и въ Познани, въ послѣднее время при помощи особаго «Парцелляційнаго банка» во Львовѣ и обычныхъ банковъ осуществляется парцелляція крупныхъ хозяйствъ на мелкія. Но эта парцелляція только вздула непомѣрно цѣны на землю, а съ общей экономической точки зрѣнія имѣла по преимуществу разрушительный характеръ. Почти половина распроданной земли идетъ на образованіе карликовыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, вслѣдствіе чего неизбѣжно понижается въ культурѣ. Противовѣсомъ этому могло бы быть улучшеніе, интенсификація самаго хозяйства, усовершенствованіе путей сообщенія, распространеніе въ народныхъ массахъ общаго и сельскохозяйственнаго образованія и другія мѣры общаго характера. Но какъ разъ въ этихъ именно отношеніяхъ національно-консервативная партія дѣлала очень мало для своей родины. Не подталкиваемая и не руководимая сверху, слабо развивалась и общественная самопомощь въ данныхъ отношеніяхъ. И только въ самое послѣднее время образовалось довольно значительное число сельско-хозяйственныхъ кружковъ (kółka rolnicze)—около 1500 съ числомъ членовъ болѣе 50.000, которые пріобрѣтали сѣмена, плодовыя деревья, искусственное удобреніе, вводили улучшенные способы обработки земли, устраивали пожарныя команды, основывали потребительскія лавки, выписывали газеты, журналы, устраивали публичныя лекціи и цѣлые курсы, а также сельскохозяйственныя выставки и т. д. Но такихъ организацій все-таки было слишкомъ мало для общаго поднятія сельскаго хозяйства въ Галиціи.

Крестьянская скудость могла бы покрываться заработками въ рудникахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Но и по этой части не было проявлено въ достаточной степени ни частной предпріимчивости, ни правительственной заботливости. Галиція обладаетъ огромными залежами каменнаго угля, а между тѣмъ по разработкѣ ихъ въ 1910 году занято было не болѣе 6500 человѣкъ. По богатству солью Галиція занимаетъ первое мѣсто въ Австріи, а между тѣмъ эта отрасль добывающей промышленности даетъ заработокъ только тремъ-четыремъ тысячамъ рабочихъ. Что касается фабричной и ремесленной промышленности, то по подсчету статистиковъ Галиція имѣла въ послѣднее время почти въ два раза меньше промышленныхъ заведеній, чѣмъ Чехія, при чемъ эти заведенія большею частью были мелкія. Торговля находится почти вся въ еврейскихъ рукахъ: на 91 еврейскую мелочную лавочку приходится всего четыре польскія христіанскія.

Неудивительно, что при такомъ положеніи вещей за послѣднія десятилѣтія наблюдалась большая тяга польскаго населенія за границу, главнымъ образомъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, отчасти въ Бразилію. Полякамъ и русскимъ становилось тѣсно жить, нечѣмъ кормиться, и они стремились устроиться на чужбинѣ. Но не дремали нѣмцы—разными путями пробирались въ Галицію и начинали эксплуатировать ея естественныя богатства. Нѣмецкія предпріятія привлекали къ себѣ и нѣмецкихъ техниковъ и рабочихъ, которые сильно увеличили собою населеніе старыхъ нѣмецкихъ колоній. Нѣмцы пооткрыли для себя множество школъ, основали особое общество Bund der christlichen Deutschen in Galizien и при немъ журналъ—Deutsches Volksblatt für Galizien. Такимъ образомъ и въ Галиціи сказывался такъ или иначе тотъ общій Drang nach Osten въ славянскія земли, который имѣлъ мѣсто во второй половинѣ XIX и въ началѣ XX вѣка.

«Людовцы» и другія партіи. Въ виду того, что національно-консервативная партія въ своей дѣятельности мало радѣла о благосостояніи, развитіи и политическихъ правахъ народной массы, сформировалась съ теченіемъ времени новая партія—такъ называемыхъ «людовцевъ». Но программа ея на первыхъ порахъ отличалась неопредѣленностью и расплывчивостью, содержала одни только общіе постуляты—*подготовку* къ введенію всеобщаго избирательнаго права, *стремленіе* къ равномѣрной раскладкѣ общественныхъ налоговъ, *стараніе* провести демократическую реформу гмины и *поддержку* просвѣщенія народныхъ массъ. Какъ бы то ни было, но партія пріобрѣла себѣ большія симпатіи среди деревенской аристократіи—зажиточныхъ крестьянъ, сельскихъ учителей, лавочниковъ и т. д. Успѣхамъ ея много помогала печать—Przyjacel ludu, Kurjer Lwowski и пропаганда учащейся молодежи. «Людовцы» создали цѣлый рядъ финансовыхъ и просвѣтительныхъ учрежденій для деревни, между прочимъ вышеупомянутый «Парцелляційный банкъ». Но самымъ виднымъ результатомъ ихъ усилій была организація крестьянства въ политическую силу, которая стала добиваться избирательной реформы на основахъ всеобщаго и равнаго права.

Другія партіи, народившіяся въ Галиціи: народные демократы, прогрессивные демократы, безпартійные демократы, просто демократы, соціалъ-демократы, польская соціалистическая партія, и т. д., еще не ознаменовали себя значительностью своей дѣятельности. Изъ этихъ партій только одна—народно-демократическая усиленно подчеркивала и пропагандировала единство польскаго народа, хотя и въ австрійской оріентаціи. Другія партіи, стремясь къ различнымъ реформамъ и улучшенію національной жизни, замыкали свой кругозоръ предѣлами только Галиціи.

Въ общемъ, можно сказать, всѣ галиційскіе поляки свои національные идеалы помѣстили въ австрійской оріентаціи. Въ великой европейской войнѣ эта оріентація заставила ихъ работать pour le roi de Prusse, сражаться за дѣло своихъ бывшихъ и, съ полною увѣренностью можно сказать, и будущихъ поработителей, на знамени которыхъ съ XII вѣка написано: ejectio slavorum.

Важнѣйшая литература:

Проф. А. Погодинъ, Исторія Польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Москва 1915 г.

— Славянскій міръ. Москва 1915 г.

W. Kalinka, Galicya i Kraków pod panowaniem austryackiem. Wyd. dżugie. Kraków 1898.

Szarota, Die letzten Tage der Republik Krakaw. 1911.

B. Loziński, Szkice z historyi Galicyi w XIX wieku. Lwów 1913.

— Galicyiski sejm stanowy (1815—1845). Lwau 1905.

M. Bobrzyński, W. Jaworski i I. Milewski, Z dziejów odrodzenia politycznego Galicyi. 1859—1873. Warszawa 1906.

W. Feldmann, Stronictwa i programy polityczne w Galicyi 1898—1906. Tomy 1—2. Kraków 1907.

